

**ДИДАКТИКА
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Часть 2

**Филология
Лингвистика**

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Институт иностранных языков и литературы
НОЦ «Инновационное проектирование
в мультилингвальном образовательном пространстве»
Учебно-методический центр «УдГУ-Лингва»

Серия «Языковое и межкультурное образование»

Дидактика межкультурной коммуникации в иноязычном образовании

Теория и практика

В двух частях

Часть 2 Филология Лингвистика

*к 75-летию профессора
Альбины Николаевны Утехиной*

Ижевск
2013

УДК 811(063)
ББК 81.2я431
Д 444

*Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом УдГУ*

Редакционная коллегия:

Зеленина Т. И., д-р филол. наук, проф., г. Ижевск;
Никольская Г. Н., д-р пед. наук, проф., г. Москва;
Веретенникова Л. К., д-р пед. наук, проф., г. Москва;
Чудинов А. П., доктор филол. наук, проф., г. Екатеринбург;
Мазунова Л. К., д-р пед. наук, проф., г. Уфа;
Ерофеева Н. Ю., д-р пед. наук, проф., г. Ижевск;
Утехина А. Н., д-р пед. наук, проф., г. Ижевск.

Д 444 Дидактика межкультурной коммуникации в иноязычном образовании: теория и практика: материалы всерос. конф. с междунар. участием, посвященной 75-летию проф. А. Н. Утехиной: в 2 ч. / ред.: Т. И. Зеленина, Л. М. Малых. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – Ч. 2: Филология. Лингвистика. – 304 с.

ISBN 978-5-4312-0244-5

Настоящий сборник посвящается юбилею доктора педагогических наук, профессора Института иностранных языков и литературы Удмуртского государственного университета А. Н. Утехиной. Публикуемые статьи затрагивают актуальные проблемы образования, педагогики, лингводидактики, филологии, лингвистики и др.

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, студентов, всех интересующихся современными направлениями исследований в области педагогики, филологии, лингвистики и смежных областей знаний.

УДК 811(063)
ББК 81.2я431

ISBN 978-5-4312-0244-8

© ФГБОУ ВПО «Удм. гос. ун-т», 2013

VII. СОВРЕМЕННОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ В ПОЗНАНИИ КАРТИНЫ МИРА

Баталов В. В.

Удмуртский государственный университет

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ТВОРЧЕСТВА ИОСИФА БРОДСКОГО

Объектом нашего внимания будет поэзия и проза Иосифа Бродского, предметом – их философские основы. Творческая система Бродского характеризуется сосредоточенностью на «предельных основаниях человеческого отношения к миру». Формулировка «предельные основания человек. отношения к миру» принадлежит М. К. Мамардашвили и описывает предмет философии. Бродский сосредоточен на времени, страдании, смерти, причем *В КАТЕГОРИАЛЬНОМ СМЫСЛЕ, КАК НА ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ И ОСН. ФОРМАХ БЫТИЯ*. Он говорит: «На самом деле литература не о жизни, да и сама жизнь не о жизни, а о двух категориях, более или менее о двух: о пространстве и о времени» [1, 111].

Связь поэзии Бродского с философией и метафизикой выступает предметом исследования не впервые. Этой темы в той или иной степени касались все исследователи, подробно писавшие о Бродском. Ю. М. Лотман и М. Ю. Лотман в статье «Между вещью и пустотой» показывают, что поэтика Бродского, в частности поэтика сборника «Урания», может быть описана онтологически или, лучше сказать, – *как* онтология. А. М. Ранчин, рассматривая «философские интертексты» Бродского, вписывает его поэзию в платоновскую, неоплатоническую и экзистенциалистскую традиции философствования. И. И. Плеханова обосновывает необходимость целостного философско-эстетического осмысления поэзии Бродского и прояснения воплощающегося в ней «движения к разрешению мысли». Объектом ее исследования является противостояние «эстетики метафизической свободы» и «трагической реальности». Творчество Бродского рассматривается как проговаривание и промысливание индивидуальной системы миропонимания, «как единый метатекст личностного высказывания о самом насущном и о самом способе высказывания» [9, 3], сам метатекст понимается автором монографии как «преображение трагедии в творчестве». Отметим также следующие работы: «Дзен поэзии Бродского» Д. Радышевского, главу VII написанной Л. Лосевым биографии Бродского, замечательную своим анализом его политической философии, большую статью К. Фрумкина «Пространство-время-смерть: Метафизика Иосифа Бродского» и, наконец, посвященную стоицизму Бродского статью И. Смирнова.

Вслед за Ю. М. Лотманом для поэтической системы Бродского мы считаем адекватным термин *поэтическая онтология*, принимая во внимание некоторые аспекты понятия *поэтической метафизики*, разработанного И. И. Плехановой и Н. Г. Медведевой. Выделим некоторые принципиальные черты поэтической онтологии Бродского, философемы, не исчерпывающие творческую систему, но играющие важную роль фундамента для реконструкции целого. Для этого:

- 1) установим соотношение философии и поэзии как особых языков, противостоящих, с одной стороны, конкретности эмпирического высказывания, и, с другой стороны, исчисляемости структуры логического предложения – суждения;
- 2) рассмотрим и интерпретируем геометрические, физические, онтологические черты поэтики Бродского;
- 3) проанализируем некоторые оптические образы, возникающие в поэзии и прозе Бродского, и, наконец,
- 4) исследуем категорию времени в ее экзистенциальном аспекте, в связи с категорией страдания.

1. Поэтическое мышление Бродского объективируется в таком высказывании, структура которого является общей как для языка поэзии, так и для языка философии. Г.-Г. Гадамер пишет, что слово обычной человеческой речи, эмпирическое слово, произносится всегда в связи с конкретным действием, оно «не замкнуто на себя», «а является переходным моментом к содержанию сказанного» [7, 117]. Наоборот, поэтическая речь, так же как философская, «обладает способностью замыкаться на себя и, материализуясь в отвлеченном «тексте», быть, тем не менее, высказываемым как бы автономно, «собственной властью» [Там же]. Что касается языка философии, языка понятий, то помимо обыденной речи, препятствием для него оказывается логическая форма предложения, которая вводит в заблуждение. Например, в стихотворении «Выступление в Сорбонне» есть строки: «Изучать философию нужно, когда философия вам не нужна». Это высказывание своей формой, содержащей противоречие или непоследовательность, выражает отсутствие в свободной мысли антецедента, начала, обуславливающего следующее состояние и являющегося мерой его предсказуемости. Ломается не только структура такого высказывания, которое является лишь переходом к содержанию сказанного, то есть обыденного высказывания, но и логическая форма предложения, определяемая фундаментальными законами логики, законом тождества и законом противоречия. Другой пример: 10 строфа стихотворения «Лагуна»:

Тело в плаще обживает сферы,
где у Софии, Надежды, Веры
и Любви нет грядущего, но всегда
есть настоящее... [3, 46].

Здесь *София, Надежда, Вера* и *Любовь* одновременно и конкретные состояния, и идеи этих состояний: закон тождества уничтожается. Речь идет о соотношении временного и вневременного, конечного и бесконечного, *О ХАРАКТЕРЕ ПРИСУТСТВИЯ ИЛИ ОТСУТСТВИЯ БЕСКОНЕЧНОГО В КОНЕЧНОМ, КОНЕЧНОГО – В БЕСКОНЕЧНОМ*, в итоге, об их совместимости.

Проблематику свободы, принципиальную для его творчества, Бродский целенаправленно связывает с движением мысли (или «сознания»), отождествляющимся с движением в языке. В заключении Нобелевской лекции Бродский говорит, что «стихотворение – колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения» [5, 54]. «Ускорение сознания» означает не что иное, как осуществление свободы, сопротивление и преодоление обусловленности сознания и мышления, уничтожение их антецедентов: мысль поэта «заходит дальше, чем он рассчитывал», «будущее языка вмешивается в его настоящее» [Там же]. Причем обусловленность и выражающие ее антецеденты осознаются, совершенно справедливо, как тоже языковые: «Кажется, что поэзия – единственное оружие для победы над языком его же, языка, средствами» [4, 44]. Движение мысли, невозможное вне языка, есть движение не к истине («язык не является инструментом познания»), а к свободе.

2. Ю. М. и М. Ю. Лотманы указывают на то, что «натурфилософия поэзии Бродского обнаруживает платоническую основу... однако по крайней мере в двух существенных моментах она прямо противонаправлена Платону» [7, 733]. Во-первых, «в противоположность Платону, сущность бытия проступает не в упорядоченности, а в беспорядке, не в закономерности, а в случайности»: «жизнь – синоним небытия и нарушения правил» («Муха»); во-вторых, Бродский противонаправлен Платону в истолковании соотношения общего и частного: «дематериализация вещи, трансформация ее в абстрактную структуру, связана не с восхождением к общему, а с усилением особенного, частного, индивидуального» [8, 733–734]. «Дематериализация» вещи усиливает ее реальность, связана не с восхождением к общему, а с концентрацией индивидуального. Принцип, согласно которому всеобщее порождает только всеобщее и никогда не производит ничего, что не было бы им самим, оказываясь всегда *воспроизводящим*, а значит, связанным с дурной повторяемостью и тавтологией, пронизывает мировоззрение Бродского. «Общее / частное», «коллективное/индивидуальное», относительно этих категорий определяются понятия не только онтологии и антропологии, но и этики Бродского. На примере «Большой элегии Джону Донну»

мы установили, как эти оппозиции разрабатывались в ранних стихотворениях Бродского. В «Большой элегии» центробежная сила, расширяющая пространство и коррелирующая с логической прогрессией индивид-вид-род, превращается в центростремительное движение рефлексии, становится возвращением к самому себе. Превращение физической (или механической) центробежности в метафизическую центростремительность – таковы условия «разговора с душой» в раннем стихотворении.

Кроме того, мы установили, что в поэтической онтологии Бродского характеристики времени содержит форма тела: граница тела проходит во времени, разграничивая время присутствия и время отсутствия тела в пространстве и, вместе с тем, указывая на тождество присутствия и отсутствия: «пирожное равно отсутствию пирожного» [6, 234] («Мрамор»).

3. Феноменологический анализ некоторых оптических образов, значительных для творческой системы Бродского, показал, что они имеют свойства концептов, то есть абстрактных, сконструированных во внутреннем представлении образований, и сходны с фигурами абстрактной и супрематической живописи. Таков, например, образ «черного вертикального сгустка на белом листе бумаги» [5, 53]. Вместо текста появляется «черный вертикальный сгусток слов», значит, человек уже не «читает», а только «видит». Более того, можно предположить, что он не только не «читает», но и, в действительности, не «видит», иначе он увидел бы «текст». Дело в том, что этот образ не есть продукт нашей естественной способности – зрения, которое дает всегда конкретное, и только конкретное, наглядное, поверхность предмета или какую-то часть этой поверхности, поэтому слова, потерявшие последние материальные признаки, слова, ставшие ненаблюдаемыми, то есть абстрактными, никак нельзя получить посредством зрения. Не оптические усилия привели к появлению образа «черного сгустка» или кириллицы, «чернеющей на белом», напряжение зрения к этому как раз не привело бы, так как речь идет не о всматривании в детали, не о конкретизации вещи или ее фрагмента, но о вполне идеальных «конструктах», хотя, безусловно, они, будучи сконструированы во внутреннем представлении, могут получить оптико-пространственное значение.

4. Наконец, выясним, как время обнаруживает себя в экзистенции человека. Оно обнаруживает себя в связи со страданием. Причем пространством или полем, местом, где страдание собирается в фокус и начинает мыслиться, выступает любовь, любовь не только как Эрос, но, прежде всего, как универсальный способ свидетельствования о бытии. Сосредоточенность на длительности страдания:

И не могу сказать, что не могу

жить без тебя – поскольку я живу [2, 416], – чрезвычайно важна.

Страдание не факт, а длительность. Это подчеркивается следующим образом. Бесстрастие и стоическая «невозмутимость духа» имеет экзистенциальную основу: бесстрастность призвана не подавить страдание или не придавать ему значения, а наоборот, сосредоточиться, сфокусироваться на нем. Этому сосредоточению мешает, в свою очередь, «факт» – *factum*, «свершившееся», законченное, результативное, – посредством которого и в котором страдание завершается: это может быть движение в пространстве, например, побег, сильный аффект, свершение (вертеровское самоубийство) или высокий образец искусства или мысли. Все это не имеет ничего общего с сущностью страдания, выступающего в качестве длительности или незавершенности.

Незавершенность страдания заставляет задуматься о том, как она влияет на субъективность человека, а также о том, как проявляется субъект страдания. Чем он занят? Он «глотает пиво», «пачкает листву», «топчет траву». Это не просто заурядные и не имеющие никакого продукта или результата, механические и индефинитивные действия, это также, хотя они и определены грамматически как относящиеся к первому лицу, к Я («глотаю», «пачкаю», «топчу»), – это также, с экзистенциальной точки зрения, безличные, имперсональные действия, не имеющие неповторимого субъекта. Поскольку страдание не есть факт в ряду других фактов и не влечет ничего фактического, окончательного, разрешающего, никакого *fait accompli*, «свершившегося факта», будь то возвышенная нарциссическая тоска, гениальный текст или

смерть, постольку субъект страдания не принадлежит миру фактов, результатов, аффектов, духовных продуктов, свершений, открытий, не проявляется в этих акциях, но он проявляется как имперсональный субъект, заявляющий о себе: *incognito ergo sum* (перифраз картезианского *cogito* в стихотворении «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...»: ...И вообще инкогнито / эрго сум, как заметила форме в сердцах субстанция [2, 410]), а также он проявляется, по-видимому, в сознании незавершенности и незавершимости страдания во времени. Возможно, недостаточно сказать, что страдание протекает во времени, наравне со всем, что характеризуется длительностью. Оно теснее, по сравнению со всем остальным, связано со временем, потому что само выступает характеристикой времени:

...теряя
(пусть навсегда)
что-либо, ты
не смей кричать о преданной надежде:
то Времени, невидимые прежде,
в вещах черты
вдруг проступают... [2, 364].

Дегероизация страдания, отказывающая ему в особой ауре, в героическом – свершающем и разрешающем – ореоле, является не литературным (стилистическим – «снижающим»), а экзистенциальным эффектом – он разрушает романтическое и профанное представление о какой-то особой индивидуальной эсхатологии, доступной субъекту страдания. На самом деле, в итоге – ничего не случается,

Грядущее настало, и оно
переносимо... [2, 416].

Страдание, экзистенциальное измерение времени, незавершаемо потому, что время незавершаемо, во всяком случае, оно больше жизни человека:

Ничего на земле нет длиннее, чем жизнь после нас...

Можно допустить, что Бродский, поэтика и образ мыслей которого обнаруживают явную склонность к установлению и формулированию тождеств, мог бы сказать, что страдание и есть время.

Итак, принципиальной в творческой системе Бродского оказывается проблема соотношения конечного и бесконечного. Бродский ставит ее в свете вопроса: осуществимы ли состояния, содержащие в себе идею бесконечности («София, Надежда, Вера, Любовь»), во времени? Например, мысля любовь как отношение бесконечного к конечному и как универсальный способ свидетельства о бытии-в-мире, Бродский, в конечном счете, приходит к выводу, что любовь, несмотря на то, что ее язык есть *lingua franca*, универсальный язык, не может стать своим метаязыком. На «языке любви» можно говорить обо всем, кроме самой любви.

Литература

1. Бродский И. Большая книга интервью / сост. В. Полухина. – М.: Захаров, 2000. – 703 с.
2. Бродский И. Сочинения: в 7 т. Т. 2. – СПб.: Пушкинский дом, 2001. – 434 с.
3. Бродский И. Сочинения: в 7 т. Т. 3. – СПб.: Пушкинский дом, 2001. – 309 с.
4. Бродский И. Сочинения: в 7 т. Т. 5. – СПб.: Пушкинский дом, 2001. – 375 с.
5. Бродский И. Сочинения: в 7 т. Т. 6. – СПб.: Пушкинский дом, 2003. – 453 с.
6. Бродский И. Сочинения: в 7 т. Т. 7. – СПб.: Пушкинский дом, 2003. – 341 с.
7. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – 367 с.
8. Лотман Ю. М., Лотман М. Ю. Между вещью и пустотой (Из наблюдений над поэтикой сборника Иосифа Бродского «Уrania») // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство-СПБ, 1996. – С. 731–748.
9. Плеханова И. И. Метафизическая мистерия Иосифа Бродского. Под знаком бесконечности: эстетика метафизической свободы против трагической реальности. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та. – 302 с.

САТИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА В ТВОРЧЕСТВЕ СЕРБСКОГО ПОЭТА-РОМАНТИКА БРАНКО РАДИЧЕВИЧА

Бранко Радичевич (1824–1853) вырос в Воеводине, задунайской области, входившей в состав Габсбургской монархии. Учился будущий поэт в старейшей сербской гимназии в городе Сремские Карловцы, одном из культурных центров Воеводины. В 1843 г. Радичевич уезжает в столицу монархии Габсбургов Вену изучать право. Там он знакомится с Вуком Стефановичем Караджичем, крупнейшим деятелем сербской культуры первой половины XIX в., и становится его соратником. Атмосфера венского дома Караджича, где шли дискуссии о национальных проблемах (совместном будущем славян, языке и литературе), благотворно влияла на Радичевича. Это было время знакомства и общения с людьми из интернациональной среды Вены. Он заинтересовывается проблемой сербского литературного языка и горячо поддерживает реформу В. Караджича. Юношеский максимализм, свободолюбие и оптимизм Бранко проявляются в полной мере. Он считает, что для него нет ничего невозможного: берет уроки живописи и хочет перегнать в этом виде искусства самого Рубенса; читает Байрона и мечтает написать эпос в 2000 строк, чтоб превзойти английского поэта [2, 21–22]. Любовью и уважением к Байрону Радичевич проникся, ознакомившись с немецкими переводами поэм «Гяур» и «Абидосская невеста». Именно у Байрона Радичевич, молодой сербский романтик, будет учиться создавать поэмы. В 1847 г. появляется первый сборник Бранко Радичевича «Стихи», посвященный сербской молодежи. В него вошли две поэмы Бранко – лирическая «Прощание со школьными друзьями» и сатирическая «Путь».

Сатирическая поэма «Путь», направленная на осмеяние противников языковой реформы В. Караджича, написанная в канун событий 1848 г., была злободневна. Резкая критика недоброжелателей Караджича воспринималась как поддержка демократических стремлений в сербском обществе.

На реформе В. С. Караджича стоит остановиться подробнее. В XVIII в. в Воеводине сложилась своеобразная лингвистическая ситуация. Воеводинская письменность этого периода определялась взаимодействием нескольких стихий: так называемого сербско-славянского языка, т. е. церковнославянского в его сербском варианте; русско-славянского языка или старославянского языка русской православной церкви; и сербского народного языка [3]. Проникновение сербского народного языка в русско-славянский привело к появлению нового лингвистического явления – славяно-сербского языка. Несмотря на то, что на данном языке в XVIII – начале XIX в. создавалась литература, он не сложился в единую систему, из-за отсутствия сложившихся правил ему трудно было выучиться. Однако посредством славяно-сербского языка народная разговорная речь проникала и утверждалась в письменном языке. В 1818 г. В. С. Караджич сформулировал идеи своей реформы. Суть ее такова: сербский народный разговорный язык должен стать основой литературного языка, базирующегося на фонетическом принципе правописания.

Поэма «Путь» стала вкладом Б. Радичевича в «борьбу за сербский язык и правописание» (так назывался научный труд друга Радичевича Джуры Даничича, вышедший в том же 1847 г.). Лирический герой поэмы отправляется путешествовать по сербским землям на крылатом коне Пегасе. Классицистическая литература и славяно-сербский язык подвергаются критике со стороны героя, человека 40-х гг. XIX в., времени проникновения в литературу романтических идей, ставивших в сербской литературе во главу угла народное, национальное начало. Бранко борется с противниками Караджича их же языком. Сербский критик В. Илич приводит пример одной из словесных перепалок Вука Караджича и сербского поэта-классициста Й. Хаджича. Хаджич называл Караджича «настоящим невеждой», тот, в свою очередь, называл поэта «шарлатаном» [1, 156]. Радичевич идет дальше. Он использует язык повседневной жизни, простой, непоэтический, часто оскорбительный. Пегас из мифического

крылатого коня, символа поэтического вдохновения превращается просто в Пегу, в «лошаденку», «клячу». Й. Хаджич, доктор права, поэт-классицист, один из основателей культурного общества Матица Сербская, подвергается осмеянию за то, что не принял реформу Караджича. Он оказывается в аду, покинутый музами.

Выдвинув в качестве критерия оценки современников их согласие или несогласие с реформой Вука, принятие или непринятие романтических идей, Радичевич обрушивается с критикой и на сербского комедиографа, основателя сербского национального театра Йована Стерию Поповича (1804-1856). Радичевич, сатирически изображавший бездумное принятие иностранщины, осуждает человека, который еще раньше его поднял эту проблему в комедии «Ворона в павлиньих перьях» (1830). Стерия Поповича действительно не принял языковую реформу В. Караджича, он видел другой путь сохранения сербской культуры, который и предлагал обществу: он считал церковнославянский язык хранителем традиций сербов и пропагандировал его. Существование подобных разногласий в обществе подтверждает, сколь сильно было противостояние в сербском обществе 40-х гг. XIX века и как трудно шло становление романтизма в сербской литературе.

Исследователи творчества Б. Радичевича (Т. Остойич, В. Илич) отмечают, что сам прием путешествия в пространстве и попутных критических наблюдений поэт мог «подсмотреть» в «Паломничестве Чайльд Гарольда» Байрона, еще отдаленнее поэма «Путь» может быть связана с предисловием к «Дон Жуану», в котором Байрон критикует современных ему английских поэтов. Однако поэма – прежде всего явление сербской национальной жизни. Предшественником Радичевича в данном случае можно считать сербского писателя-просветителя Й. Раича (1726–1801), автора аллегорической поэмы «Бой змея с орлами» (1797) о войне России и Австрии (орлы) с Турцией (змеи) (1788–1790 гг.) и о кратковременном освобождении Белграда. Оба поэта обратились к событиям современности, изображая их в закамуфлированной форме, оба как истинные патриоты озабочены судьбой своей родины, своего народа, его культурой и его будущим.

В 1846 г. Матица Сербская объявила конкурс на лучший перевод од Горация, а в 1847 г. издала сборник стихов сербского поэта-классициста Л. Мушицкого (1777–1837). Радичевич-романтик откликнулся на эти события в поэме, критикуя оду как поэтический жанр. При этом, когда речь в произведении заходит о В. Караджиче и его реформе, Бранко не только противопоставляет Вука критикуемой им действительности, он по сути создает свою оду великому реформатору сербского языка. Караджич представлен в образе сеятеля, который идет по полю полному «репья, белены, дурмана, лишая». Он разбрасывает семена, и около него тут же расцветают цветы и набухают колосья. На его пути встают огромные горы, которые он разрушает и идет вперед, не останавливаясь ни перед какими трудностями. Сеятель даже побеждает сову, в которой угадываются приверженцы старого мира. А представители молодежи олицетворяются соловьями, которые сразу после гибели совы поют «сербскую славу». Сеятель заставляет людей вспомнить дни былой славы сербов.

Антитезой современности становится описание свободной Черногории, включенное в ткань произведения. Именно эта земля принимает раненого косовского орла и становится наследницей Косова. Воспринимая историю через фольклорную этику, поэт идеализирует черногорских борцов, которые «тверже скалы». Женщины-черногорки не уступают мужчинам в смелости и свободолюбии. Они не плачут, узнав о гибели мужей от рук турок, они мстят. Даже детей он поднимает на своеобразную борьбу: они пронзают ножами мертвых турок. Столь крайнее проявление патриотизма было оправдано в канун революционных событий 1848 г.

В поэме Радичевич создает сатиру на современную школу и учителей. Поэт мысленно возвращается на гору Магарчево и вновь окидывает взглядом гимназию в Сремских Карловцах, но взгляд его останавливается не на красотах природы и бывших соучениках, а на «проклятых учителях». Они «наполовину кошки, наполовину люди, лицом – люди, а нравом – кошки», которые ученика превращают в вечно испуганную, всего боящуюся мышь. Они человека делают калекой, заставляют читать ненужные книги и совсем не учат тому, чему должны: свободе мысли, уважению к своим корням и традициям.

Пародиен эпизод сотворения мира, в котором Бог начинает творить от скуки и дает человеку своеобразные заповеди: «хватай, рви, разрушай, ешь, поджигай» и т. п. Аллегорически выведены противники Караджича – это обезьяны, перевозящие с одного берега на другой буквы, упраздненные Вуком, и орлов-просветителей. Критикует поэт и церковь как хранительницу «святого языка» (церковнославянского). Караджич в 1847 г. перевел Новый Завет на народный язык, тем самым, приблизив священную книгу к простому читателю, сделав ее доступной и лишенной всякой ложной таинственности. Вслед за ним идет и Радичевич. Он восстает против любой догмы, против ложной религиозности, пародируя Старый Завет в эпизоде о сотворении мира. Более того, поэт в сцене счастливой любви юноши и девушки, описанной в очень фривольной, игривой форме, он пугает монахов, наблюдающих за молодыми людьми. Кажется, сама жизнь смеется над мрачными монахами. Свобода людей и их чувств ломает рамки, установленные церковью.

Поэма «Путь» – не только явление литературы, она стала ответом свободолюбивой личности на сербскую действительность 40-х гг. Критика старого в защиту новой азбуки и языка, основанного на народной речи; подтверждение мощи этого языка в качестве языка поэзии; призыв к сербам увидеть ложь и лицемерие, которые их окружают, освободиться от турецких оков, объединиться – вот основные задачи поэмы.

Литература

1. *Илић В. И., Песник Б.* Радичевић у свом и нешем времену. – Београд, 1986.
2. *Милинчевић В. Б.* Радичевић. – Београд, 1961. – С. 21–22.
3. *Попова Т. П.* Сербско-хорватский язык. М, 1986.
4. *Радичевић Б.* Песме. – Матица српска, 1984.

Лаврентьев А. И.

Удмуртский государственный университет

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ СЛОВЕСНОГО ЮМОРА (GENERAL THEORY OF VERBAL HUMOR) НА ПРИМЕРЕ ЛИТЕРАТУР ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ

Среди многообразия теорий, касающихся смеха, юмора и комического и относящихся к самому широкому спектру отраслей науки, принято выделять 3 основные категории – теории выявления несоответствия, теории снятого напряжения и теории осознания превосходства. В рамках первой группы в последние три десятилетия XX в. наиболее интенсивно развивалась теория, основанная на лингвистическом подходе к артефактам смеховой культуры. В этом состояла определенная степень новизны, так как до этого феномены смеха, юмора и комического были главным образом прерогативой философов, теоретиков эстетики или психологов и психоаналитиков, таких как Аристотель, Кант или Фрейд. Именно в рамках лингвистики открылась возможность алгеброй семантики поверить гармонию острот и анекдотов. Данный подход оформился в середине 1980-х гг. в теорию сценарных конфликтов, разработанную выпускником МГУ Виктором Раскиным, который в 1970-х перебрался в Соединенные Штаты и получил место профессора в университете Пердью в штате Индиана. В 1990-е гг. она была доработана совместными усилиями самого Раскина и итальянского лингвиста Сальваторе Аттардо и получила обозначение общей теории словесного юмора.

В настоящее время общая теория словесного юмора (GTVN) признана основной среди исследователей, в чей круг интересов тем или иным образом входит смех, хотя она и подвергается вполне справедливой и обоснованной критике. К ее несомненным достоинствам можно отнести то, что она опирается исключительно на объективные, то есть, формальные характеристики комических произведений, что обеспечивает необходимый уровень научности при их анализе. Но это же можно считать ее главным слабым местом, критики когнитивистского подхода к изучению смеховой культуры, в частности, ведущий

ученый в этой сфере в современной России Александр Григорьевич Козинцев в работе «Человек и смех» [1, 63–72], не без оснований упрекает его в попытке формализации неформализуемого и игнорировании эмоционально-психологического и морально-этического компонента в смехе как акте коммуникации. Однако скорее всего исчерпывающего объяснения всех проблем связанных со смехом не сможет дать ни одна теория, в силу его уникального пограничного положения на стыке природы и культуры.

Тем не менее, когда речь идет о произведениях литературы, о текстах, автор которых сознательно ставит своей целью вызвать смех у читателя, изучение формальных характеристик этого текста становится наиболее плодотворным именно с точки зрения общей теории словесного юмора. В особенности это представляется перспективным в случае, когда материалом исследования становится культура настолько далекая от культуры исследователя, что ее можно назвать экзотической, и когда основная задача состоит не в том, чтобы самому посмеяться над чем-то вместе с автором, а в том, чтобы понять, почему автор находит это смешным. В настоящее время есть примеры практического применения общей теории словесного юмора в исследованиях, посвященных феноменам культуры Таиланда [8] или современной Греции [2]. При таком подходе юмористические произведения становятся познавательными инструментами для проникновения в мир другой культуры, ее картины мира, системы ценностей и стереотипов поведения, обеспечивая межкультурную коммуникацию. Это касается, например, изучения этнических литератур, тем более, если принять во внимание пестрый этнический состав ее разработчиков, ведь у ее истоков находится трактат британского писателя еврейского происхождения, уроженца Венгрии, Артура Кестлера «Акт творчества» (The Act of creation, 1964).

Артур Кестлер стал автором статьи о юморе во всемирно известной энциклопедии «Британика». Этот высокий статус совпадает со статусом, который британский писатель присвоил юмору в трактате, посвященном различным видам творческой деятельности. Всего им было выделено три ее вида: исследовательская, художественная и юмористическая. Иными словами, Кестлер поставил юмор в один ряд с наукой и искусством, сходным образом Гегель в своей теории познания отвел особое место иронии. У всех видов творчества общий механизм, который Кестлер обозначил особым термином – бисоциация, то есть, двуплановость творческого акта [5, 17]. Бисоциация, по Кестлеру, – это свойство любой мыслительной операции, например, когда человек складывает числа 7 и 8, он одновременно удерживает в сознании оба эти числа, когда прочитывается четверостишие, в котором рифмуются четные и нечетные строки, то чтение третьего стиха удерживает в сознании читателя первый, чтение четвертого – второй, а когда переводится текст с одного языка на другой, переводчик одновременно оперирует обеими языковыми системами.

Эмоциональный фон, который сопровождает каждый из видов творческой деятельности (имеется в виду отношение к творческому материалу, а не к самой деятельности, отношение творца к акту творчества одинаковое во всех трех случаях) для науки – нейтральный, для искусства – сопереживание и сочувствие, для юмора – агрессия. Агрессивная составляющая юмора как типа творческой деятельности, по Кестлеру, может реализовываться либо в виде нападения, либо в виде самозащиты в ответ на насилие, но в любом случае, она обязательно присутствует в юмористическом произведении. Однако согласно концепции британского писателя юмор представляет собой не столько орудие агрессии и конфликта, сколько инструмент их обезвреживания, перевода из биологического поля в интеллектуальное, юмор, по Кестлеру, – это скорее снятая и устраненная, а не простимулированная агрессия.

Очевидно, по этой причине юмор оказывается востребованным в межкультурной коммуникации, потенциально несущей в себе противоречия и конфликты. Юмор в этой ситуации, с одной стороны, обозначает и актуализирует эти противоречия, эксплуатируя их, подчеркивает принципиальную несводимость одной культуры к другой. Но, с другой стороны, он, во-первых, переводит их в игровую, то есть, несерьезную форму, во-вторых, представ-

ляет их в общедоступной, легкой для понимания участниками коммуникации форме. А в том случае, если проблема четко сформулирована, проговорена, осознана и понята, она теряет свою эмоциональную остроту и позволяет оперирование уже рациональными методами. В этом и состоит функция юмора в межкультурной коммуникации, если исходить из концепции Артура Кестлера, его понимания логической и эмоциональной структуры юмора как творческого акта.

Для характеристики конфликта смыслов, которые лежат в основе юмора, Виктор Раскин в работе «Семантические механизмы юмора» (Semantic mechanisms of humor, 1985) вводит понятие сценария (script), основного понятия теории сценарных конфликтов (Semantic Script Theory of Verbal Humor, SSTVH). Сам Раскин дает весьма широкую трактовку понятию «сценарий», но фактически речь идет об ассоциативных контекстах, закрепившихся в сознании носителя культуры в результате приобретения им социального опыта, с которыми вступает во взаимодействие новая информация. При этом понятие сценария подчеркивает структурированность этого контекста, даже определенную степень схематизма, а также динамизм – сценарий предполагает наличие действующих лиц, определенные действия, совершаемые ими, а также конфликтность и противоречия, которые заложены в драматических произведениях. Соответственно, по Раскину, юмор наблюдается в том случае, если в тексте присутствуют два сценария, которые должны особым образом соотноситься друг с другом. Автор теории определяет два условия, при соблюдении которых вступающие в конфликт сценарии должны создать юмористический эффект: во-первых, текст создает ситуацию, в которой могут быть реализованы два сценария, для этого они должны иметь какие-то точки соприкосновения; во-вторых, эти сценарии должны быть противоположны друг другу, по крайней мере, в рамках представленной ситуации [9, 99]. В качестве примера можно привести художественный прием каламбура, когда участниками конфликта сценариев становятся два лексических значения одного и того же слова.

Несомненно, что когда речь идет о межкультурной коммуникации, конфликт сценариев может возникать из-за различий ассоциативных контекстов (сценариев), которые принадлежат двум разным культурам, вовлеченным в коммуникацию. При этом, так как сценарии связаны с действиями, поведением, этикой, они несут в себе модель системы ценностей каждой из культур. Например, создатель теории выделяет 5 самых распространенных типов противопоставлений в конфликтах сценариев – хорошее / плохое, жизнь / смерть, оскорбительное / не оскорбительное, достаток / нищета, низкий статус / высокий статус [4, 204].

В случае с литературами этнических меньшинств, которым в силу их положения относительно культуры мейнстрима, межкультурная коммуникация фактически навязывается и становится обязательным фактором их существования, юмор может стать экспериментальным оборудованием, с помощью которого их представители могут изучать ценностные установки и своей, и чужой культуры. Этим можно объяснить тот высокий статус, и широкую распространенность различных видов юмора в культуре и искусстве североамериканских индейцев, о чем во второй половине XX в. писали исследователи, отмечая две особенности юмора коренного населения Америки. Во-первых, индейский смех никак не соответствовал стереотипным представлениям белых об уничтожаемой, вымирающей и поэтому полной беспросветного пессимизма и трагизма форме жизни последних из могикиан. А во-вторых, значительная часть смеховой культуры индейцев возникла как результат контактов с культурой белых, например, цикл шуток о Христофоре Колумбе, который так до конца жизни и не понял, что именно он все-таки открыл [См: 6, 7]. Бикультурное положение этнических меньшинств, которые в силу объективных причин просто не могут себе позволить изоляцию от окружающего мира, стимулирует носителей их культуры взаимодействовать с мейнстримом в бисоциативной (если пользоваться терминологией Кестлера) форме шуток, моделируя в них межкультурные противоречия в виде сценарных конфликтов.

Лингвистическая теория юмора Виктора Раскина, была доработана его учеником Сальваторе Аттардо (Раскин был его научным консультантом) и получила обозначение общей теории словесного юмора (General Theory of Verbal Humor). Согласно этой концепции семантическая структура любого комического высказывания состоит из шести четко выделяемых элементов, познавательных ресурсов (Knowledge Resource): 1) конфликт сценариев (то есть элементов картины мира, образующих единство средств выражения, моделей мышления, стереотипов поведения и оценочных суждений); 2) логические механизмы, соединяющие конфликтующие сценарии и создающие двойной смысл высказывания; 3) ситуация, включающая в себя пространственно-временные характеристики высказывания и систему персонажей, участвующих в действии; 4) мишень — конкретный человек, группа людей, какое-либо явление, которое является объектом насмешки, в чей адрес направляется агрессивный эмоциональный заряд высказывания (по мнению авторов теории, это часто встречающийся, но не обязательный компонент); 5) нарративные стратегии — стилистика в широком понимании этого слова; 6) языковые средства, используемые в тексте [3, 15–25].

Все эти элементы образуют иерархическую структуру, на вершине которой находится конфликт сценариев. Иными словами, отдельное юмористическое высказывание благодаря своей четко выраженной концептуальной структуре (которая значительно более проста и однозначна в сравнении с другими видами литературного дискурса) может служить материалом для выявления связей между текстом (языковым феноменом) и сценарием или концептом (феноменом культуры). Так как понятие «сценарий» является интегративным и включает в себя наряду с когнитивными и поведенческими конструктами еще и оценочные суждения, то изучение конфликтов сценариев в юмористическом дискурсе может дать представление об аксиологической парадигме, которая образует ядро изучаемой культуры. Исходя из этой теории можно сделать вывод, что благодаря своей жесткой структуре и информационной насыщенности юмористические произведения могут служить инструментом для сопоставительного анализа различных культур. А изучение ценностного статуса смеха в той или иной культуре может способствовать формированию целостного представления об инокультурной картине мира.

Примером использования юмористических средств в описании проблем, связанных с межкультурной коммуникацией, может служить книга индейского писателя из племени лакота, ученого, публициста, религиозного деятеля и талантливого сатирика Вайна Делории «Кастер умер за твои грехи» (Custer died for your sins, 1969). Книга представляет собой сборник эссе, в которых автор на богатом историческом и фактическом материале в весьма остроумной манере описывает взаимодействие индейцев с белыми, в первую очередь с органами власти разных уровней, правительственными агентствами, религиозными организациями. Подзаголовок книги – индейский манифест, то есть, призыв к коренному населению Америки бороться за свои права (первое издание книги вышло в разгар движения борьбы за гражданские права). Однако для читателя не индейца она может быть интересна не только описанием судьбы индейцев, но и неожиданным взглядом на цивилизованного белого человека.

Если рассматривать тексты эссе Вайна Делории в терминах общей теории словесного юмора, то наиболее значимыми оказывается 4 вида познавательных ресурсов, содержащихся в юмористическом произведении: нарративная стратегия, мишень, логические механизмы и конфликт сценариев.

Нарративная стратегия определяется жанром, выбранным автором и обозначенным в подзаголовке произведения – манифест. Прямой призыв к действиям усиливает свойственные публицистическим произведениям тенденциозность и полемическую напряженность, которые проявляются в отчетливо звучащем в речи автора диалоговом начале – полемике с собирательным образом условного оппонента, носителя устоявшихся стереотипных представлений об индейцах, их образе жизни и культуре. Эта полемика содержит многие признаки менипповой сатиры, о которой писал М. М. Бахтин в работе «Проблемы поэтики Достоевского».

Мишенью юмористического произведения, по словам разработчика общей теории словесного юмора, могут быть группа, индивид, а также в роли мишени может выступать идеология, то есть, юмор может быть направлен в адрес социального института или системы отношений, например, «женитьба», «романтическая любовь», «establishment» [3, 25].

Книга Вайна Делории примечательна тем, что наряду с очевидными мишенями сатиры индейца – нечистоплотные партнеры, участвовавшие в заключении договоров с коренными жителями, которые потом грубо нарушались, правительственные войска, участвовавшие в уничтожении индейцев, бюро по делам индейцев, с его зачастую губительной в отношении коренного населения политикой – писатель подвергает сатирическому разоблачению представление белых о благородном дикаре, определяющим их снисходительно-сочувствующее отношение к своим согражданам, демонстрируя его идеологическую несостоятельность.

Логические приемы, к которым прибегает сатирик, соответствуют нарративной стратегии и выбранным мишеням – автор берет за исходную точку повествования какое-либо расхожее утверждение, касающееся индейцев, и применяет его к белым, обнаруживая, что в отношении белых оно оказывается не менее, а зачастую даже более справедливым. Две установки, которыми чаще всего оперирует Вайн Делория, – тезис о примитивности индейской культуры и о ее подчиненном, периферийном положении относительно мейнстрима. Соответственно индейский писатель убедительно доказывает, что если индейцы примитивны, то белые еще более примитивны, а их и передовая культура является развитой только благодаря тем элементам, которые уже итак есть у индейцев, но в их культуре они зафиксированы на более высоком уровне развития. В целом, произведение «Кастер умер за твои грехи» находится в русле движения мысли индейских интеллектуалов, высказанной в одном из интервью известного писателя из племени кайова, лауреата Пулитцеровской премии Скотта Момадея в виде формулы: «еще неизвестно чья культура примитивнее».

Конфликт сценариев – главное условие достижения юмористического эффекта согласно теориям Кестлера, Раскина и Аттардо – конкретизируется в зависимости от темы, которую затрагивает автор.

Например, название книги включает в себя два сценария, определяющие тип отношения к собеседнику со стороны произносящего эту фразу. Первый воспроизводит традиционную формулу миссионеров, пытающихся обратить в истинную веру язычников: «Христос умер за твои грехи». Второй сценарий напоминает о генерале Кастере, его войска потерпели сокрушительное поражение в бою с индейцами у реки Литл Биг Хорн в 1876 г., сам генерал погиб в этом сражении, одном из немногих, в котором индейцам удалось одержать победу над регулярными частями армии США. Сходство этих сценариев состоит в том, они оба предполагают общение между людьми, находящимися на значительной культурной дистанции друг от друга, причем, инициатор этого общения стремится донести до собеседника нечто значимое и ценное не только для него самого, но и для всей его культуры, и в обоих случаях эта ценность оказывается связанной со смертью, событием, несущим в себе ярко выраженный эмоциональный заряд. Противопоставление же двух сценариев (конфликт) происходит по линии идейно-эмоциональной оценки каждой из смертей: в первом – это призыв к милосердию (чаще всего лицемерный, как показывает исторический опыт индейцев), во втором – гордость по поводу уничтожения опасного врага. Следует сказать, что сам этот оборот Вайн Делория лишь заимствовал, он родился в индейских резервациях и уже успел стать частью фольклора.

Книга «Кастер умер за твои грехи» начинается с описания индейцев глазами белых: «Если ты индеец, то прекраснее всего то, что люди всегда живо интересуются тобой и твоим положением. У других народов бывают трудности, беды, проблемы. А у нас, индейцев, традиционно имеется положение. Обычно незавидное. Наше первейшее затруднение заключается в нашей полной открытости. У нас всё на лице написано. Человек только взглянет на нас – и ему уже ясно, чего мы хотим, что нужно сделать для того, чтобы нам помочь, что мы чувствуем и как в действительности выглядит настоящий индеец.

Поэтому вся жизнь индейцев, в их отношении к здешнему миру, – это вечная попытка не разочаровать людей, которые нас знают. Ибо несбывшиеся надежды, как известно, влекут за собой большое горе, и мы уже не раз почувствовали это на собственной шкуре. Поскольку все абсолютно люди видят нас насквозь, становится совершенно невозможно отличить правду от выдумки и факт – от мифологии. Эксперты по индейцам изображают нас такими, какими они хотели бы нас видеть. Мы сами часто изображаем себя такими, какими мы хотели бы быть или могли бы быть» (Пер. А. А. Коростелёвой. Режим доступа: <http://willie-wonka.livejournal.com/44769.html#cutid1>). В этом примере Вайн Делория имеет дело с двумя сценариями, которые отражают идеологические установки белых: индейцы – это экзотика, и индейцы – это примитивная культура. Как правило, эти определения следуют друг за другом через запятую и не противопоставляются, а скорее сливаются в понятие «дикарь», хотя и благородный. Но суть приема писателя состоит в том, что в его высказывании они противопоставляются. Главное действующее лицо первого сценария – некий белый американец-энтузиаст, искренне интересующийся индейцами, потому что они необычны, совсем не похожи на него. Герой второго сценария – эксперт, уверенный в том, что индейцы отличаются от него, потому что они примитивны. В этом заключается конфликт сценариев, их сходство в периоде времени, который требуется и первому, и второму, чтобы узнать об индейцах все: «Человек только взглянет на нас – и ему уже ясно...». В результате, по отношению к индейцам и черствые бюрократы, и искренне сочувствующие энтузиасты ведут себя одинаково.

Особое внимание в книге уделяется антропологам, этот раздел приобрел настолько широкую известность, что появился целый ряд статей, в которых коллеги объясняют ученым, как следует вести себя в общении с индейцами. «В любой бочке мёда, как говорится, есть своя ложка дёгтя. У одних людей несчастливые гороскопы. Другие вынуждены торговать сведениями на фондовой бирже. Церкви делят зоны влияния. Где-то свирепствует эпидемия. Но индейцы стали жертвой худшего из проклятий. У индейцев есть антропологи. <...> Хотя историческое происхождение антропологов неопределённо, антрополога в резервации очень легко распознать. Замешайтесь в любую толпу. Отыщите там высокого долговязого белого человека в шортах-бермудах, лётной куртке Военно-воздушных сил США времён Второй Мировой войны, австралийской шляпе-каскалке, теннисных тапочках и с громадным рюкзаком, лямки которого неправильно закреплены у него на спине. При нём неизменно присутствует его жена, – тонкая и чувственная, с волосами как сосульки, коэффициентом интеллекта 191 и речью, в которой даже у предлогов не меньше одиннадцати слогов. У него обычно бывает при себе видеокамера, акваланг, телескоп, парашют и спасательный жилет, – и всё это свисает, болтаясь, с его длинной нескладной фигуры. У него редко бывает с собой ручка, карандаш, стило, резец, кисть или хоть что-нибудь, чем можно было бы записывать. Вот это существо и есть антрополог. Антрополог является в резервацию для того, чтобы производить НАБЛЮДЕНИЯ. Вам, может быть, интересно, почему антрополог никогда не носит с собой письменных принадлежностей? Очень просто. Ему не нужно ничего записывать, потому что он УЖЕ ЗНАЕТ, что именно он собирается найти. Все ответы на свои вопросы он уже нашёл в книжке, которую прочёл предыдущей зимой. Нет, антрополог выбирается в резервацию только за тем, чтобы УДОСТОВЕРИТЬСЯ в том, что он и так всё время подозревал, – а индейцы – очень приятные люди и терпеливо переносят то, что их НАБЛЮДАЮТ. Антропологи заявили на индейские земли только после того, как все племена согласились жить в резервациях и оставили свои воинственные обычаи. Если бы племенам предложили на выбор – сражаться с американской кавалерией или с антропологами, нет ни малейших сомнений в том, кого бы они выбрали. В кризисной ситуации человек всегда сначала обращается против того, кто представляет наибольшую угрозу для его существования. Воин, сражённый в бою, по крайней мере, всегда может отправиться в Счастливую землю предков. Но куда идти человеку, побеждённого антропологами?!...». Ярость сатирика объясняется тем, что, по его мнению, антропологи на самом деле не изучают индейцев, а создают и укрепляют ложные

представления о них, производят и тиражируют стереотипы. Отсюда два сценария, выбранных автором, в первом – значимо отсутствующий ученый, ведущий исследовательскую работу, во втором – конструирующий знания об индейцах из пыльных фолиантов в тиши библиотек и уютных кабинетов.

В юморе резерваций сложился целый цикл шуток о Христофоре Колумбе, в которых знаменитый путешественник предстает не в виде первооткрывателя, а скорее неудачника, так и не понявшего, куда он попал, что открыл, и по недоразумению дал ошибочное наименование всему коренному населению целого материка:

- Почему белые называют нас индейцами?
- Потому что Колумб искал Индию.
- Хорошо еще, что он не искал Турцию [6, 147].

В главе «Индейцы и современное общество» книги «Кастер умер за твои грехи» автор отвечает на вопрос о выживании традиционной индейской культуры в индустриальном или постиндустриальном обществе: «Одна из интригующих загадок, над решением которой бьются антропологи, конгрессмены, миссионеры, администрации образовательных учреждений и другие заинтересованные стороны, состоит в том, может ли выживать структура индейского племени в современных условиях» [6, 225].

Для решения этой задачи автор внимательно изучает жизнь современных транснациональных корпораций и обнаруживает в них все признаки, характеризующие существование типичного индейского племени: «в корпоративной структуре, как формальной, так и неформальной, можно выявить параллели с индейским трайбализмом, это позволяет надеяться на то, что современное общество и индейцы, в конце концов, придут к согласию. Вообще, корпорации – это самая удачная попытка белых преодолеть свой индивидуализм и создать собственные племенные союзы» [6, 227–228]. Конечно, у белых пока еще нет богатого опыта чероки или ирокезов, ведь индейские племенные союзы существуют уже сотни лет, а история корпораций начинается лишь со времени окончания Второй мировой войны. Но коренное население Америки вполне может проконсультировать бледнолицых менеджеров, например, компании «Кока-Кола» или «Дженерал Моторс» как следует вести дела. Тем более, что корпорации уже активно внедряют в свой быт элементы, свойственные индейской культуре: «Вместо тотемов и священных знаков – логотипы и торговые марки, вместо ритуальных танцев – корпоративные праздники, а вместо украшений из орлиных перьев и бисера – дорогие костюмы и часы. Функции боевых кличей выполняют рекламные слоганы. Война с традиционными племенами-конкурентами ведется под руководством вождя генерального директора, который по завершении очередного календарного цикла делит добычу в виде бонусов и пакетов акций среди воинов, каждому в зависимости от полученных трофеев» [6, 229]. Правда, все это пока слишком примитивно, что вполне понятно и простительно: индейский опыт белых – это всего лишь несколько десятилетий, они не могут не отставать от далеко ушедших вперед индейцев.

Конфликт сценариев, присутствующий в главе «Индейцы и современное общество» подчеркивает основные идеи автора и представляет в неожиданном свете культуру белых. Первый сценарий – современная корпорация, второй – индейское племя. Их сходство состоит в том, что они обозначают тип общественных отношений, в котором отсутствует понятие самодостаточности индивида. Значительная часть этого раздела посвящена описанию кризиса индивидуализма в современной Америке. А их противопоставление заключается в том, что феномен корпорации ассоциируется с чем-то ультрасовременным и передовым, а племенная структура – с архаичным, отсталым уводящим в далекое прошлое. Игра на этом противопоставлении придает убедительность тезису: «еще неизвестно, кто здесь отсталый».

Таким образом, юмор позволяет найти множество точек пересечения культур, даже если они значительно отличаются друг от друга. Автор книги «Кастер умер за твои грехи» Вайн Делория не пытается утверждать, что индейская культура принципиально не допускает к себе посторонних, что ее можно понять, лишь родившись индейцем. Но

главным препятствием на пути познания настоящей индейской (а подчас и своей собственной) культуры, по мнению индейского интеллектуала, становятся стереотипы, искажающие подлинную картину. Одним из способов их разоблачения и поиска истины в книге индейского писателя становится юмор, который превращается в инструмент познания в полном соответствии с теориями Кестлера, Раскина и Аттардо, с созданной ими общей теорией словесного юмора.

Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Смеховая культура в современном мультикультурном пространстве» (№ 13-14-18008).

Литература

1. Козинцев А. Г. Человек и смех. – СПб.: Алетейя, 2007. – 234 с.
2. Archakis A., Tsakona V. Analyzing conversational data in GTVN terms: A new approach to the issue of identity construction via humor // Humor, vol. 18–1, 2005, 41–68 pp.
3. Attardo S. Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Analysis. – Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 2001. – 242 p.
4. Attardo S. Linguistic Theories of Humor. – New York: Walter de Gruyter & Co., 1994. – 428 p.
5. Koestler A. The Act of Creation. – London, Penguin Books, 1990. – 752 p.
6. Deloriah Vine Custer died for your sins. – Norman: University of Oklahoma Press, 1988. – 278 p.
7. Linkoln K. Indi'n Humor: Bicultural Play in Native America. – New York: Oxford University Press, 1993. – 387 p.
8. Parasuk Ch. Humor in Lan Na jokes: a linguistic study. – Chiang Mai University. 2007. – 98 p.
9. Raskin V. Semantic mechanisms of humor. – Dordrecht: Reidel Publishing Company, 1985. – 284 p.

Лепишева Е. М.

Белорусский государственный университет, Белоруссия

ЧЕЛОВЕК И СОЦИУМ В ПЬЕСАХ Е. ПОПОВОЙ И РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.

Творчество Елены Поповой – одного из ведущих современных писателей – стало примером устойчивых русско-белорусских литературных взаимосвязей. Представляя современную белорусскую (русскоязычную) драматургию (А. Делендик, С. Бартохова, Н. Стешик, Д. Балыко, А. Курейчик), оно органично вписывается и в контекст русской драмы, продолжающей развивать и эстетически модифицировать традиции «новой волны» (Л. Петрушевская, А. Галин, Л. Разумовская, А. Казанцев, Н. Коляда, М. Арбатова).

Типологическая близость с русской «поствампировской» драматургией отчетливо обозначилась в 1970-х – первой половине 1980-х гг., что обусловлено общей социокультурной ситуацией Советского государства и принадлежностью к одному творческому поколению.

В конце XX – начале XXI в. кардинальным изменениям подверглась вся система мировоззренческих и эстетических координат, что закономерно привело к обновлению художественной парадигмы литературы и сказалось в драматургической практике как белорусского, так и русских авторов. В этот период их художественные стратегии расходятся, развиваясь в русле различных литературных направлений. Для творчества таких драматургов, как Е. Попова, А. Галин, Л. Разумовская, Н. Коляда, М. Арбатова, приоритетной остается реалистическая парадигма. Художественная система других испытывает активное воздействие модернизма (А. Соколова, С. Злотников, А. Казанцев) и постмодернизма (Л. Петрушевская).

Однако их произведения конца XX – начала XXI в. все же сохраняют определенные точки соприкосновения, обусловленные как собственно литературными (органичное усвоение традиций «театра А. Вампилова», близость авторского мышления), так и внелитературными

факторами (принадлежность к одному поколению, общность мировоззрения, нравственно-этических позиций). Наиболее ярко типологические параллели проявляются на уровне проблематики, отражающей стремления Е. Поповой и ее русских коллег по-своему раскрыть актуальные проблемы постсоветской действительности, среди которых – усложнившиеся взаимоотношения человека и социума (выбор определенного социального действия в новых условиях, ценностная и культурная переориентация, потеря самоидентичности).

Постсоветский человек в аспекте социального бытия стал объектом исследования представителей различных направлений современного социального и гуманитарного знания: социологии, социальной философии, социальной психологии, антропологии, культурологии, литературоведения¹. В рамках драматургического дискурса эта проблема тесно связана с моделью героя, являющегося центром художественного универсума пьесы, и типом конфликта, лежащим в ее основе. Предложенные Е. Поповой и русскими драматургами варианты их художественной интерпретации и будут рассмотрены в данной статье.

Для белорусского и русских драматургов характерно общее авторское видение системы «человек – социум», в основе которого – социально-экзистенциальный подход: узнаваемые маркеры постсоветской действительности экстраполируются на проблемы экзистенциальные, обретая смысловую перспективу. Как следствие – социально-экзистенциальная природа коллизий, превалирующих в их произведениях, что позволяет передать через неприятие героем социального негатива онтологическую неукорененность в системе мироздания, экзистенциальное сознание «переходной эпохи». Обращение к коллизиям данного типа приводит к утверждению соответствующей («социально-экзистенциальной», согласно С. Гончаровой-Грабовской) концепции героя, органично сочетающей различные параметры: положение в обществе («невписанность», вытеснение на периферию) и экзистенциальное состояние (ощущения смыслоутраты, неприкаянности, тотального одиночества).

В конце XX – начале XXI в. в драматургию и театр приходит герой постсоветский, посттоталитарный, диагностирующий эту сложную эпоху. В типологическом ряду явно доминируют *«маргиналы»*, социальными параметрами которых стали состояние «выброшенности» из общественного бытия, размывание ценностных ориентаций, растущая апатия, а устойчивыми модусами духовно-психологического состояния – тревога, одиночество, отчаяние, потеря самоидентичности.

Среди них выделяется подчеркнуто негероический *«маргинал-неудачник»*, мировоззренчески ориентированный на прошлое, испытывающий растерянность в новых социально-экономических условиях. Амбивалентность его смысловых определений состоит в том, что, будучи органичным порождением социальной действительности «застойного» времени («двойное сознание»¹, нравственный релятивизм, рефлексивная психология), он одновременно выступает ее жертвой. Снижая уровень социальной стратификации, «маргинал – неудачник» подчиняется условиям современного рынка труда, становится «рыночным человеком» (термин Э. Фромма). Так, сотрудники института продают турбины («Прощание с Родиной» Е. Поповой), бывший ученый работает собачьим парикмахером («Сирена и Виктория» А. Галина), знаменитый космонавт – личным пилотом богатого нувориша («Рандеву в Море Дождей» А. Галина).

Особое место занимают *элитные «маргиналы-неудачники»* – бывшие партийные функционеры и члены их семей, чьи социальные перспективы безысходны. Среди них – семья престарелого генерала («Баловни судьбы» Е. Поповой), дети представителей номенклатуры («Спортивные сцены 1981 года» Э. Радзинского), учитель Ромашов («Седьмая степень свободы» В. Рысева).

Отдельную типологическую разновидность представляют *«маргиналы-эмигранты»*, ищущие себя за границей, энергичные и предприимчивые, идущие на компромисс с собственной совестью. Их судьбы моделируются в двух векторах: одни настойчиво пытаются самоутвердиться в новой социокультурной среде («Титул» А. Галина, «Прощание с Родиной» Е. Поповой, «По дороге к себе» М. Арбатовой), другие – погибают там («Домой» Е. Поповой, «Бегущие странники» А. Казанцева).

В пьесах исследуемого периода большое распространение получил *«маленький человек-маргинал»*. К этому типу относятся люмпенизированные, деклассированные слои общества (проститутки, бывшие заключенные, безработные, бездомные): «Срок проживания окончен» М. Ворфоломеева, «Ништяк!» Л. Проталина. Воплощают его и постсоветские пенсионеры, оказавшиеся в нищете и одиночестве: «Листопад. Андерсен» Е. Поповой, «Владимирская площадь» Л. Разумовской, «Персидская сирень» Н. Коляды. Пьеса Е. Поповой «Тонуший дом» синтезирует обозначенные тенденции, показывая представителей различных социально незащищенных слоев («афганец», мать-одиночка, нищие молодожены, пенсионеры), раскрывая их судьбы в драматическом ключе, не лишенном трагического аккорда.

Иное аксеологическое измерение представлено *«героями преуспевающими»*, нашедшими собственную «нишу» в постсоветском социуме. Социологи обозначили два полюса мифов о новом социальном типе: «благостный», интерпретирующий успешного предпринимателя как «незаурядного интеллектуала, пришедшего в бизнес из сферы науки», и негативный, представляющий его как необразованного нувориша, обогатившегося нечестным путем [4, 187]. Как показала творческая практика драматургов, в массовом сознании явно доминирует «негативный» вариант, получивший широкое распространение в комедиях «Нужен муж для поэтессы», «Ал-ла-ла-ум!», «Крекс! Фекс! Пекс!» Е. Поповой, «Дурацкая жизнь» С. Злотникова, «Сирена и Виктория» А. Галина.

Как видим, белорусский и русские драматурги напряженно ищут нового героя, духовно-психологическое состояние и мотивы поступков которого перекликались бы с массовым сознанием «переходной эпохи», оказались бы близки и понятны современному зрителю. Однако их творческие задачи сосредоточены не только на социально-психологическом портрете героя, но на прояснении его жизненных обстоятельств, экзистенциальной стратегии, места в онтологической триаде «человек – социум – мир». С этой целью они моделируют социально-экзистенциальные коллизии, позволяющие полноценно раскрыть характер героя и способ его взаимоотношений с социумом и миром.

Коллизии этого типа лежат в основе неразрешимого, субстанционального конфликта, осмысленного как неизменное свойство воссоздаваемой жизни. Именно такой конфликт сложился в произведениях Е. Поповой и русских авторов советского периода и остался актуальным в конце XX – начале XXI в., будучи наиболее приемлемым для отображения социального кризиса и мировоззренческого тупика, поразивших постсоветского человека.

Однако в контексте «переходной эпохи» он подвергается существенной модификации. Так, актуализируется «внешний» план выражения конфликта, происходит возвращение в драму конфликтной модели «герой – социум» (в отличие от преобладавшей в конце 1970-х модели «герой – быт»). Стремясь максимально точно зафиксировать перестроечные, а затем и постсоветские реалии, драматурги продемонстрировали жесткий взгляд на социум, интерес к ранее табуированным сторонам жизни, нередко прибегая к элементам неонатурализма, «черного реализма». Наиболее яркие примеры представлены в пьесах Е. Поповой («Маленькие радости живых»), Л. Петрушевской («Темная комната»), А. Казанцева («Бегущие странники»), Н. Коляды («Сказка и мертвой царевне»), Л. Разумовской («Конец восьмидесятых»).

Однако социальный пласт не исчерпывает сферу проявления конфликта, структура которого многомерна и включает различные уровни (бытовой, социальный, бытийный). Конфликт проявляется как кризис частной жизни, осознается как эстетическое отражение общественных противоречий, имеет универсальный, метафизический план, связанный с экзистенциальной проблематикой (бытие человека, его судьба).

Драматурги показывают неразрешимость противоречий, с которыми сталкиваются герои, диктуемую самой жизнью, что приводит к неспособности преобразовать исходное сюжетное положение, поэтому и конфликт в современной драме «остается на уровне ситуации, демонстрации этой ситуации, существования персонажей в этой ситуации» [5, 25]. Переводя социально-экзистенциальную коллизию в «сюжетное измерение», мы выделяем «постконфликтную» и экзистенциальную ситуации, способствующие выявлению опреде-

ленных модусов взаимоотношений человека и социума (а через них – человека и мира). В «постконфликтной» ситуации ярче проявляется обусловленность внешними (прежде всего социальными) обстоятельствами, укорененными в прошлом, тогда как экзистенциальная ситуация предполагает выбор своей судьбы «здесь и сейчас».

Прибегая к «постконфликтной» ситуации, Е. Попова и ее русские коллеги воссоздают последствия социального отчуждения героя, нравственно-духовной недостаточности, что и определило его жизненное «фиаско» к началу сценического действия. Это позволяет обнаружить непреодолимый субстанциальный конфликт во внешне не примечательных сферах обыденной жизни, среди которых явно доминируют социально-бытовая и социально-нравственная.

В одних пьесах конфликт проявляется через «повседневно-обыденную экзистенцию» [2, 94], в других – отражает социально-нравственные коллизии эпохи. Первая группа представлена произведениями Е. Поповой («Баловни судьбы», «Прощание с Родиной», «Странники в Нью-Йорке»), А. Галина («Чешское фото», «Сирена и Виктория»), Н. Коляды («Канотье»). Их сюжетная канва раскрывает эмпирическую сферу представителей постсоветского социума (материальные затруднения, социальная бесперспективность, отсутствие личного пространства, кризис семьи), выстраивая проекцию на проблемы бытия.

Вторая группа пьес затрагивает проблемы социума в нравственно-философском аспекте. Конфликт, лежащий в их основе, обусловлен несоответствием духовных запросов героев «условиям социальной жизни, не имеющим нравственного оправдания» [9, 212]. Яркие примеры находим в творчестве Е. Поповой («Дети галактики», «Листопад. Андерсен»), А. Галина («Рандеву в Море дождей»), А. Казанцева («Бегущие странники»), В. Арро («Трагики и комедианты»), Н. Коляды («Персидская сирень»).

Таким образом, в пьесах, выстроенных на «постконфликтной» ситуации, на внешне-событийном уровне векторы развития конфликта – «герой – быт», «герой – социум», а на уровне подтекста он функционирует как непреодолимое противостояние человека и «переходного времени». Типологическое отличие состоит в решении «внутреннего» (психологического) конфликта. В большинстве своем персонажи русских драматургов не преодолевают экзистенциальный кризис, оставаясь эгоцентричными, тогда как Е. Попова и Н. Коляда допускают его благополучное решение. При этом их герои воплощают различные социально-экзистенциальные стратегии: сомнение, фундаментальную неустойчивость (герои Н. Коляды) и верность собственной судьбе, примирение с неблагоприятными обстоятельствами (герои Е. Поповой).

Помимо «постконфликтной» ситуации, условием проявления субстанциального конфликта «человек – социум», «человек – мир» становится *ситуация экзистенциальная*, способствующая крайнему обострению этого неразрешимого онтологического противостояния, адекватно передающая маргинальное положение современного человека. При этом усиливается обостренно-эмоциональное восприятие социума (и шире – мира) как антагониста, «явленного человеку в неведомой доселе тревожности и чуждости, угрозе и опасности» [1, 60], что определяет отчетливый трагический характер конфликта: он, как правило, завершается гибелью героя (физической или моральной).

Моделирование экзистенциальной ситуации происходит в рамках двух моделей: «некритической» и «критической»¹. Первая модель возникает в пьесах, где социально-исторические катаклизмы фактически не угрожают герою, но способствуют тотальному неприятию мира, кажущегося дисгармоничным, враждебным, «чужим». Это мир, где безнаказанно попорано человеческое достоинство («Маленькие радости живых» Е. Поповой), отсутствует творческая самореализация («...Sorry» А. Галина), где человек угнетен нищетой («Собачий пир» В. Мережко), тотальным одиночеством («Рогатка», «Мурлин Мурло» Н. Коляды). Многочисленные проявления социального негатива воплощают «постутопическое состояние времени и человека» [7, 43].

В конце XX – начале XXI в. все чаще появляются пьесы, выстроенные на экзистенциальной ситуации «критического» характера, где «противостояние личности и социума дове-

дено до логической контрверзы, до отказа от признания функций человеческого разума, до разрыва двух ипостасей человека – его индивидуального и социального начал» [3, 14]. При этом акцентируются не столько социальные связи личности, сколько ее «расколотое» сознание как следствие метафизической неприкаянности, а основным эстетическим принципом становится усиление художественной условности, поэтика абсурда.

В качестве «критической» ситуации выступают *парадоксальные события* (встреча с инопланетянином, реинкарнация в триптихе Е. Поповой «Истории странного мира», конец света в пьесе Н. Коляды «Затмение», переживание смерти в цикле Л. Петрушевской «Темная комната»), *насильственное ограничение свободы* («Завтрак на траве» Е. Поповой, «Аномалия» А. Галина), *потоп* («Тонущий дом» Е. Поповой, «Корабль дураков» Н. Коляды).

Если в произведении Е. Поповой абсурд возникает только на уровне содержания, то в пьесах ее русских коллег – на уровне формы, будучи основополагающим принципом авторского видения «бытия-в-мире», лишенного «веры в высший смысл и надличностную цель человеческого существования» [8, 231] (особенно это характерно для Л. Петрушевской).

Как представляется, органичное сочетание реалистического и абсурдистского кодов в пьесах Е. Поповой, потенциально возможное разрешение психологических противоречий, которое демонстрируют ее герои, свидетельствуют о более оптимистическом мировосприятии, толерантной позиции драматурга, отражающей белорусскую ментальность (терпение, примирение с обстоятельствами, поиск опоры во внутреннем мире). Таким образом, расстановка акцентов в процессе моделирования героя и конфликта определяется национально-ментальными особенностями видения постсоветского человека в его социальном бытии, присущими белорусскому и русским авторам.

Литература

1. *Большов О. Ф.* Философия экзистенциализма / пер. С. Э. Никулина. – СПб.: Лань, 1999. – 222 с.
2. *Вербицкая Г. Я.* Отечественная драматургия 70–90-х гг. XX века в контексте чеховской поэтики: дис. ... канд. искусствоведения. – М., 2008. – 173 с.
3. *Денисова Т. Н.* Экзистенциализм и современный американский роман. – Киев: Навукова думка, 1985. – 249 с.
4. *Дубнова М.* Театральная публика девяностых: бывшие, небогатые и немолодые // Знамя. – 2003. – № 2. – С. 178–189.
5. *Журчева О.* Природа конфликта в новейшей драме XXI века // Новейшая драма XX–XXI вв.: проблема конфликта: материалы науч.-практ. семинара, 12–13 апреля, г. Тольятти / сост. и отв. ред. Т. В. Журчева. – Самара: Универс групп, 2009. – С. 18–27.
6. *Левада Ю.* Homo Post-Soveticus // Общественные науки и современность. – 2000. – № 6. – С. 5–18.
7. *Липовецкий М.* «Свободы черная работа»: об «артистической прозе» нового поколения // Вопросы литературы. – 1989. – № 9. – С. 3–45.
8. *Степанян К.* Реализм как заключительная стадия постмодернизма // Знамя. – 1992. – № 9. – С. 231–238.
9. *Чепурина В. В.* Культурная обусловленность драматического конфликта (на материале русской драматургии советского периода): дис. ... канд. культурологии. – Кемерово, 2006. – 245 с.

Прима А. М.

Кубанский государственный университет

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПЕРСОНАЖЕЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ
(на материале произведений Норы Робертс)**

Обращение к теме человеческого фактора в языке свидетельствует о важнейшем методологическом сдвиге, наметившемся в современной лингвистике, о смене ее базисной парадигматики и переходе от лингвистики имманентной с ее установкой рассматривать язык в самом себе и для себя к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью.

В данный момент, когда языкознание квалифицируется как лингвистика антропоцентрическая, одним из основных объектов изучения в данной науке становится языковая личность (ЯЛ). До сих пор в лингвистике существуют разногласия насчет термина, наиболее точно обозначающего понятие языковой личности: «человек говорящий» (Н. Д. Арутюнова), «речевая личность» (Ю. Е. Прохоров), «коммуникативная личность» (В. В. Красных), «языковая личность» (В. П. Тимофеев, Ю. Н. Караулов).

В настоящей работе мы отдаем предпочтение термину «языковая личность», который получает в современном языкознании различные трактовки: личность в качестве совокупности «социально значимых духовных и физических качеств индивида в лингвистическом аспекте рассматривается как речевая, идиолектная личность, личность коммуникативная и личность языковая, этносемантическая» [Цит. по: 8, 78].

«Языковая личность – вот та сквозная идея, которая <...> пронизывает и все аспекты изучения языка, и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека» [7, 3]. На сегодняшний день понятие ЯЛ выполняет стержневую функцию в лингвистике, вокруг него вращаются практически все основные проблемы языкознания. Область лингвистических исследований, концентрирующихся вокруг понятия языковой личности, В. П. Нерознак предлагает называть «лингвистической персонологией» или «лингвоперсонологией» [9, 113].

В отечественной лингвистике первые шаги в этой области сделал В. В. Виноградов, выработав на материале художественной литературы пути описания языковой личности автора и персонажа в публикации «О художественной прозе».

Понятие «языковая личность», по мнению С. Г. Воркачева, образовано «проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность» [4, 65].

Под «языковой личностью» понимается человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности [2]. Ю. Н. Караулов указывает, что языковая личность – это «углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще» [7, 38]. Под «языковой личностью» понимается также совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения [10, 64].

По наблюдению Л. Г. Золотых, под понятием ЯЛ понимаются: (а) носитель языка, взятый со стороны его способности к речетворческой деятельности, (б) комплекс психофизических свойств индивида (речевой личности), позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения, (в) совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения (И. А. Стернин, С. А. Сухих, В. В. Зеленская по этому признаку выделяют личность коммуникативную) и (г) система художественных концептов в индивидуально-авторской интерпретации поэта [5].

И, наконец, под «языковой личностью» может пониматься закреплённый преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре [6].

В антропоцентрической лингвистике существуют разные точки зрения на этапы становления языковой личности. Этапами предлагают считать три уровня языковой личности: вербально-семантический, тезаурусный, мотивационный (Ю. Н. Караулов). Несколько иначе становление языковой личности представлено в других работах (Г. И. Богин), где выделяются пять уровней: правильности, интериоризации, насыщенности, адекватного выбора, адекватного синтеза.

В русле лингводидактического направления разработал методику реконструкции и дал определение «языковой личности» Ю. Н. Караулов в монографии «Русский язык и языковая личность»: ЯЛ – «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и воспроизведение им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью...» [7, 3]. Традиционно считается, что концепция трехуровневого устройства языковой личности определенным образом коррелирует с тремя типами коммуникативных потребностей – контактоустанавливающей, информационной и воздействующей, а также с тремя сторонами процесса общения – коммуникативной, интерактивной и перцептивной.

Термин «литературная личность» впервые был введен в литературоведческий обиход в статье Ю. Н. Тынянова «Литературный факт» (1924), где соответствующее понятие было противопоставлено «индивидуальности литератора» и «личности творца»; затем он был использован в его работе «О литературной эволюции» (1927). По мнению К. К. Ахмедьярова, истолкование основного содержания научного концепта литературная личность может быть достигнуто после осмысления такого заявления Ю. Н. Тынянова: «Вообще, личность не резервуар с эманациями в виде литературы и т. п., а поперечный разрез деятельности, с комбинаторной эволюцией рядов» [Цит. по: 1, 176].

Литературная личность предстает не субъектом художественной речи, а научной абстракцией, т. е. это семиотический концепт, близкий к образу автора В. В. Виноградова, сигнализирующий о творческой деятельности мастера слова. Таким образом, если воспользоваться терминологией Ю. Н. Тынянова, утверждает К. К. Ахмедьяров, то «литературная личность – не «литературная конкретность» [1, 182]. Более того, литературная личность так же, как авторская личность, герой, в интерпретации Ю. Н. Тынянова может быть речевой установкой литературы, т. е. своеобразной словесной моделью действительности, определяющей направление творческой деятельности писателя.

Художественный текст представляет собой особый предмет когнитивно-дискурсивных исследований по нескольким его категориям и свойствам. Художественный текст является определенным образом организованной средствами языка системой. Вместе с тем это результат текстообразующей деятельности автора и декодирующей — читателя. Будучи воплощением концептуальной картины мира определенной языковой личности, художественный текст помогает глубже раскрыть природу индивидуально-личностного фактора в языке; наконец, художественный текст – это, бесспорно, продукт культурной коммуникации.

Получаемый в процессе интерпретации ментальный образ художественного текста состоит из ряда подструктур: трансгрессивной, регрессивной, рефлексивной, лакунарной. По замечанию А. А. Боронина, одним из факторов, обуславливающих специфику каждой из этих подструктур, является то, насколько «полно и чётко элемент текста находит отражение в сознании реципиента» [3, 8]. Рефлексивная ментальная подструктура подразумевает «наличие знания интерпретатора о своих способностях классифицировать информацию, содержащуюся в персонажных субтекстах, и распределять её в соответствии с рубриками

собственного опыта» [3, 8]. Говоря о художественном прозаическом тексте, можно выделить персонажные субтексты, которые представляют собой смоделированный результат вербализации виртуальных ментальных процессов, соотносимых с действующими лицами. Отметим, что персонажные субтексты, являясь неоднородным информационным полем, обладают варьiruемой информативностью. А. А. Боронин утверждает, что при изучении информационной неоднородности персонажных субтекстов представляется необходимым «акцентировать не столько качество отдельного вида информации, сколько существующую соотнесённость видов информации, специфику взаимодействия между ними» [3, 10].

В процессе моделирования фикциональной языковой личности сложно переоценить роль персонажных субтекстов, находящихся отражение в прозаических художественных произведениях. В данной статье нами будет произведена попытка рассмотреть гендерный аспект языковой личности персонажа, при этом под гендером мы понимаем систему отношений и взаимодействий, образующих фундаментальную составляющую социальных связей, имеющую элементы одновременно устойчивости и изменчивости и являющаяся основой стратификации общества по признаку пола, иерархизации его представителей. Именно в серии романов «In Death» Н. Робертс наиболее ярко представлен данный аспект.

Так, например, главная героиня Ева Даллас (Eva Dallas) является лейтенантом полиции Нью-Йорка в 2058 г. Она замужем за мультимиллиардером Рорком (Roark), мужчиной с криминальным прошлым.

Вследствие детских психологических и физических травм Ева пришла работать в полицию на традиционно мужскую должность, она обладает рядом маскулиных черт характера. Внешне она привлекательна, но при этом волосы у нее обычно плохо подстрижены, так как она нечасто пользуется услугами парикмахера (poorly cut fawn-colored hair standing up in tufts and spikes) (Immortal in Death) [11]. Ева не умеет одеваться со вкусом и не считает это необходимым для себя (Eve, who rarely gave a thought to her appearance, wished she'd worn something more suitable to the occasion than jeans and a sweater) (Naked in Death) [11]. Она органично смотрится с оружием, но боится проявлений женской слабости.

Рорк, испытав похожие травмы в детстве, добился многого в бизнесе, он обладает высоким статусом, материальным достатком и внешне очень привлекателен (He was almost ridiculously handsome: the narrow, aesthetic face; the slash of cheekbones; and sculpted mouth. Yes, his hair was black, but the computer didn't say it was thick and full and swept back from a strong forehead to fall inches above broad shoulders. His eyes were blue, but the word was much too simple for the intensity of color or the power in them) (Naked in Death) [11].

Отметим, что во многих парах, представленных в серии, один из партнеров, как правило, мужчина, внешне очень красив: Рорк, Чарльз Монро (Charles Monroe) (DeBlass's neighbor, the elegant man from the elevator, was Charles Monroe. Eve found him in, and entertaining a client. Slickly handsome in a black silk robe, and smelling seductively of sex, Charles smiled engagingly) (Naked in Death) [11], детектив электронного отдела Ян Макнаб (Ian McNab). Тем не менее, в характерах данных персонажей на первый план выводится маскулинность.

Шеф полиции Харрисон Тиббл (Harrison Tibble) представляет собой классического полицейского (An enormous man of solid muscle with a terrifying grin, the mind of a street cop, and a record clean enough to serve tea on) (Glory in Death) [11]. Получив три пули в живот, он через 6 недель уже был на рабочем месте. Он женат на бывшей модели Карле Блейз (Karla Blaze Tibble).

Майор Джек Уитни (Jack Whitney) откровенно побаивается свою жену Анну, преданную жену и любящую мать, его чувства разделяет и Ева Даллас. В ее глазах Анна воплощает в себе истинно фемининные качества, что чуждо Еве (As always, she was perfectly groomed: her cosmetics were carefully and expertly applied, and her pale blond hair was coiffed in a swept-back style that suited her attractive face) (Glory in Death) [11]. Анна всецело посвятила себя детям, отказавшись от преподавательской карьеры.

Жены полицейских следуют нормам женского поведения, чем контрастируют с Даллас. Ее же мнение сводится к фразе: «Не я выходила замуж за бизнесмена, а он женился на копе». С позиции Евы, муж и жена – это «lifelong companions», компаньоны на всю жизнь. Данный эвфемизм указывает на то значение, которое Даллас придает длительности брака (lifelong) и равенству супругов (companion). При этом она при других людях старается не упоминать Рорка как своего мужа, а представляет его консультантом полиции.

Сам Рорк весьма сентиментален в отношении своей жены: он всегда носит при себе пуговицу от костюма Евы, которую она обронила в его лимузине в день знакомства. Показательно, что он отмечал непримечательный внешний вид самого костюма, но пуговицу считал талисманом на счастье: «like a schoolboy carries a lock of his sweetheart's hair» (Naked in Death) [11].

Лоуренс Соммерсет (Lawrence Summerset) обладает маскулинными и фемининными чертами: он заботится о Рорке, ведет его хозяйство, сам выбор профессии (дворецкий) говорит о многом. Он вначале весьма недолюбливает Еву, но с большой любовью относится к подруге Евы Мэвис, даже дарит ей на свадьбу кольцо своей жены, что свидетельствует об отцовских чувствах к Мэвис (Summerset moved forward. From under his stiffly starched shirt he drew a chain. «If you'll accept something borrowed, I'd be pleased if you used this until you have your own. It was my wife's.» Tears trembled on Mavis's lashes. «I'd be so completely honored, thank you. Would you mind giving me away? Would that be okay?» He took the ring from the chain, passed it to Leonardo. Eve heard him quietly clear his throat. «I'd be so completely honored») (Born in Death) [11].

Несколько нарочитая фемининность Мэвис Фристоун (Mavis Freestone) проявляется в одежде, цвете волос (Mavis Freestone whirled in, a jangle of bracelets, a puff of scent. Her hair was a glittery silver tonight, a shade that would change with her next mood. She flipped it back where it sparkled like stars down to her impossibly tiny waist) (Naked in Death) [11], макияже, манере говорить (Her favorite expressions are «mag» as in «magnificent», «iced» or «frosty» as in «cool» or «ult» as in «ultimate». She tends to expand or riff on these when she is excited). В этом они абсолютно не похожи с Евой, хотя являются подругами.

У Мэвис есть ребенок, девочка по имени Bella Eve, названная так в честь Евы. Таким образом, Мэвис состоялась в роли жены Леонардо (Leonardo) и матери. Сам факт рождения пугает Еву. Интересны слова Евы, сказанные, когда они с Рорком приходят после рождения ребенка (они оба были «в команде» при рождении): она рада, что была своеобразной участницей этого события. Отметим, что до этого Ева страшилась больше всего увидеть именно рождение. Материнство представляет собой очень мощный позитивно окрашенный для женщины стереотип, который не имеет равных себе по силе и, как правило, остается неизменным. Для сравнения приведем отношение к детям Делии Пибоди (Delia Peabody), которая высоко ценила семейные отношения и детей.

У доктора Шарлотты Мира (Charlotte Mira), работающей в полиции, мягкий женственный характер, ее мужа профессора Деннис Мира (Dennis Mira) читатель видит через Даллас или саму Шарлотту. Он обладает как маскулинными чертами, например, достаточно твердым рукопожатием, говорящим о его силе, так и несколько фемининными особенностями (мечтательная улыбка). (Dreamy smile and a grip like iron) (Memory in Death) [11]. Двойственным является не только его внешний вид, но и внутренний мир: Деннис рассеян и проницателен одновременно (As astute as he is absentminded).

У семейной пары Мира есть две дочери, но на страницах романов мы видим одну из них. Она религиозна, придерживается викканства. В данном случае можно провести архетипическую параллель с ведьмами.

Офицер полиции Трой Трухарт (Troy Trueheart) внешне очень привлекателен, он молод, мил и «All-American looking» – «выглядит очень по-американски» (about as grim as a cocker spaniel puppy).

Детектив Дэвид Бакстер (David Baxter), также работающий в полиции, обладает красивой внешностью и умением одеваться (good-looking with an edge) (Remember When) [11], (Tall and slick in one of his stylish suits) (Salvation in Death) [11].

Полисубъектному повествовательному плану, составляющему совокупность персонажных субтекстов любого художественного произведения, присуща отпределенная организация в силу множественности возможных миров, представленных в персонажных субтекстах. Гендер является особой категорией, которая характеризует языковую личность и включает в себя закрепленные в сознании людей образы и различные характеристики индивида (поведенческие, психологические, социальные), находящие свое отражение в языке как в одном из средств формирования личности. Причем, гендерные и социально-ролевые характеристики личности нередко выступают в роли ведущих при идентификации языковой личности.

Литература

1. Ахмедьяров К. К., Тынянов Ю. Н. О функционально-динамической природе художественного слова // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М.: Прогресс, 2001. – С. 176–182.
2. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1984. – 31 с.
3. Боронин А. А. Интерпретация персонажных субтекстов: основы теории (на материале художественной прозы): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013. – 50 с.
4. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
5. Золотых Л. Г. Когнитивно-коммуникативные признаки поэтического идиостиля // Вестник ТГПУ, 2006. Вып. 5 (56). Серия: Гуманитарные науки (Филология). – С. 84–89.
6. Карасик В. И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология. Краснодар: КубГУ, 1994. – № 3. – С. 2–7.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
8. Катермина В. В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков). – Краснодар: КубГУ, 2004. – 281 с.
9. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. / Моск. гос. лингв. ун-т. М.: МГЛУ, 1996. – № 426. – С. 112–116.
10. Сухих С. А., Зеленская В. В. Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализаций. – Краснодар: КубГУ, 1997. – 122 с.
11. Roberts N. (J. D. Robbs) In Death. New York: Berkeley, 2008–2012.

Рабенко С. Д.

Кемеровский государственный университет

ИРОНИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ПАРОДИИ (на материале романа Дж. Остин «Нортенгерское аббатство»)

Каждое произведение можно рассматривать как «реплику» в разговоре с другим произведением, как единицу общекультурного контекста. Одно литературное произведение сходится с другим, которому оно подражает или которое оно «остраняет», на фоне которого оно «ощущается» как новое [3, 362].

Пародия является своеобразной комической, юмористической и одновременно критической интерпретацией пародируемого объекта. Она показывает пародийный объект в ином свете, меняя не только читательское восприятие, но и общепризнанное мнение о нем. В литературной пародии помимо сходства с первичным текстом присутствуют и отличия, то есть происходит некоторая его трансформация. Пародированию могут быть подвергнуты как конкретное произведение литературы, так и творчество отдельного писателя, литера-

турный жанр или литературное направление в целом. Пародия утрирует в своем объекте именно «отклонение от нормы», от эстетического идеала, допущенное, по мнению пародиста, в пародируемом произведении. Автор пародирует, прежде всего, особенности стиля текста-образца. Как правило, пародия выбирает в качестве своего объекта художественное явление, современное ей, живущее в текущем литературном процессе. Усвоение какого-либо литературного явления есть осознание его как структуры, как системы, связанной, соотнесенной с другими системами и с социальной структурой в целом. Соотнесение с другими системами, а именно с прототекстами, приобретает особую значимость, когда речь идёт о литературном варианте и о пародии, как типе такого варианта. Прототекст всегда содержится в пародии в виде ее второго плана, который выражен либо эксплицитно, либо имплицитно.

Подражание, имитация, смех, комедийность пародии диктуют главное условие герменевтики пародии – узнавание прототекста, поскольку «радость от подражания – это радость узнавания» того, кого изображают. Издавна произведения искусства подвергаются пародированию, при этом в них высмеиваются не только слабые черты, но и сильные, которые подаются в трансформированном виде. Причем чем лучше, значительнее объект пародирования, тем больший талант требуется от автора пародии, и если пародия удалась, тем больше заслуга автора пародии. Именно поэтому пародия должна создаваться на высоком художественном уровне.

По наблюдению авторов, исследующих пародию, обязательным ее элементом является ирония. Сопряжение этих феноменов отмечается в некоторых дефинициях: пародия – фигура речи, состоящая в *ироническом* подражании стилистическим приёмам какого-либо жанра, направления, писателя и т. п. [2, 435], утрированно *ироническое* воспроизведение характерных индивидуальных особенностей того или иного явления [4, 146].

Ирония и пародичность – это два сопоставимых явления. Их объединяет комическая и критическая направленность. И пародийность, и ирония обращены на какой-то другой текст. Специфика цитирования иронии и пародии также идентична: это цитирование без кавычек, без указания на первоисточник, ведь именно угадывание доставляет удовольствие при чтении пародии.

Поскольку в пародии представлена ироническая картина мира, то жанр пародии способствует формированию критически насмешливого отношения человека к пародируемому явлению, что неизбежно ведёт к переоценке, к новой интерпретации реальности. Содержащаяся в пародии ирония, которой приписывается статус элемента мировоззрения, наряду с другими средствами позволяет пародии влиять на мировоззрение читателей, менять их точку зрения на общепринятые постулаты [6, 130].

Цель предпринимаемого исследования – рассмотреть способы реализации иронического начала в литературной пародии, представленной в романе Дж. Остин «Нортенгерское аббатство», ставшего своего рода литературным манифестом знаменитой писательницы. Данное произведение написано как пародия на готические романы «королевы ужасов» А. Рэдклифф.

Как известно, главная функция пародии проявляется в стремлении доказать, что с точки зрения жизни, истории и реальности некоторые литературные стили выглядят устаревшими. Дж. Остин в «Нортенгерском аббатстве» остроумно высмеивает все клише и штампы, свойственные популярному роману её времени.

Уже само название произведения «Нортенгерское аббатство» (Northanger Abbey) повторяет распространённую в то время модель названий «готических» романов (ср. Nightmare Abbey, Boozabowt Abbey, by Thomas Love Peacock; Tintern Abbey, by William Wordsworth; The Abbey of Clungny, by Mrs. Meeke; The Abbey of Saint Asaph, by Mrs. Isabella Kelly), что подчёркивает полемическую направленность романа. Заглавие романа «Нортенгерское аббатство» включает в себе намек на готический роман, то есть определяет, что место действия – аббатство – таинственное, полное ужаса, скрывающее жуткие тайны. Но, открыв книгу и прочитав первые страницы, читатель не находит ни атмосферы

таинственности, ни жуткой тайны, ни романтической, чувствительной героини. Психологическое значение любого заглавия состоит в том, что оно – важная часть начального стимула вероятностного прогнозирования содержания текста [1, 46]. Поэтому читатель может начать когнитивную обработку романа Дж. Остин с анализа экспозиции.

В готическом романе на первых его страницах перед читателем возникает образ прекрасной утонченной и таинственной героини. К примеру, стандартное описание внешности романтической девушки выглядит в романе А. Рэдклифф следующим образом: *«She had discovered in her early years uncommon delicacy of mind, warm affections, and ready benevolence; but with these was observable a degree of susceptibility too exquisite to admit of lasting peace. As she advanced in youth, this sensibility gave a pensive tone to her spirits, and a softness to her manner, which added grace to beauty, and rendered her a very interesting object to persons of a congenial disposition...In person, Emily resembled her mother; having the same elegant symmetry of form, the same delicacy of features, and the same blue eyes, full of tender sweetness»* [8].

Центральный персонаж «готического» романа, Эмилия, предстаёт перед читателем образованной девушкой: *«St. Aubert cultivated her understanding with the most scrupulous care. He gave her a general view of the sciences, and an exact acquaintance with every part of elegant literature. He taught her Latin and English, chiefly that she might understand the sublimity of their best poets. She discovered in her early years a taste for works of genius; and it was St. Aubert's principle, as well as his inclination, to promote every innocent means of happiness»* [8].

Главная героиня «Удольфских тайн» лишается родителей в начале повествования: *«She (Emily's mother) had, indeed, taken the infection, during her attendance upon him, and, her constitution being too weak to throw out the disease immediately, it had lurked in her veins, and occasioned the heavy languor of which she had complained...Madame St. Aubert was interred in the neighbouring village church; her husband and daughter attended her to the grave, followed by a long train of the peasantry, who were sincere mourners of this excellent woman... St. Aubert lingered till about three o'clock in the afternoon, and, thus gradually sinking into death, he expired without a struggle, or a sigh»* [8].

Дж. Остин начинает свой «готический» роман так: *«No one who had ever seen Catherine Morland in her infancy would have supposed her born to be an heroine. Her situation in life, the character of her father and mother, her own person and disposition, were all equally against her»* [7, 267].

Ирония автора звучит уже с первых слов. Кэтрин Морланд – обычная провинциальная девушка, дочь священника, старшая дочь в семье из десяти детей, не отличающаяся ни привлекательной внешностью, ни особенным характером, ни какими-то талантами и способностями: *«She had a thin awkward figure, a sallow skin without colour, dark lank hair, and strong features – so much for her person; and not less unpropitious for heroism seemed her mind ... Her father was a clergyman, without being neglected, or poor, and a very respectable man ... Her mother was a woman of useful plain sense, with a good temper, and, what is more remarkable, with a good constitution ... She never could learn or understand anything before she was taught; and sometimes not even then, for she was often inattentive, and occasionally stupid ... Her taste for drawing was not superior»* [7, 267]. В этом описании Дж. Остин пародирует традиционное представление о «героине готического романа», тем самым доказывая его несостоятельность с точки зрения реальности и здравого смысла.

Далее, следуя жанровым традициям готического романа, в жизни главной героини должен появиться молодой человек, который страстно её полюбит, но ничего подобного в жизни Кэтрин не происходит: *«She had reached the age of seventeen, without having seen one amiable youth who could call forth her sensibility, without having inspired one real passion, and without having excited even any admiration but what was very moderate and very transient»* [7, 270]. Дж. Остин объясняет эту проблему следующим образом: *«There was not one lord in the neighbourhood; no – not even a baronet. There was not one family among their acquaintance*

who had reared and supported a boy accidentally found at their door – not one young man whose origin was unknown. Her father had no ward, and the squire of the parish no children» [7, 270].

Каждая строка произведения проникнута иронией. Даже сцена прощания с матерью, которая по логике романа должна была бы предостеречь свою дочь о грозящих ей опасностях со стороны бесчувственных лордов и баронетов, подвергается критической насмешке: *«But Mrs. Morland knew so little of lords and baronets, that she entertained no notion of their general mischievousness, and was wholly unsuspecting of danger to her daughter from their machinations»* [7, 271].

Поездка в Бат с Аленнами, которая, следуя канонам «готического» романа, должна была сопровождаться опасностями или погодными катаклизмами, на самом деле проходит в виде приятного приключения: *«It was performed with suitable quietness and uneventful safety. Neither robbers nor tempests befriended them, nor one lucky overturn to introduce them to the hero. Nothing more alarming occurred than a fear, on Mrs. Allen's side, of having once left her clogs behind her at an inn, and that fortunately proved to be groundless»* [7, 271].

С каждым последующим словом Дж. Остин разрушает традиционное представление о романе «ужаса», иронизирует, высмеивает, критикует. Проходит несколько дней и Кэтрин все-таки встречает своего героя, но читателю, как, вероятно, и ей, трудно догадаться, что это и есть он, тот самый, потому что появляется он при обстоятельствах отнюдь не романтических: *«The master of the ceremonies introduced to her a very gentlemanlike young man as a partner»* [7, 276], в то время как у А. Рэдклифф Эмилия встречает своего незнакомца на берегу реки в лучах заката: *«the village lights were seen to twinkle through the dusk, and, soon after, some cottages were discovered in the valley, or rather were seen by reflection in the stream, on whose margin they stood, and which still gleamed with the evening light. The stranger now came up»* [8].

Семья Тилни приглашает Кэтрин в своё поместье, Нортенгерское аббатство. Во время поездки Генри подтрунивает над девушкой, рисуя картины из «готического» романа: *«And are you prepared to encounter all the horrors that a building such as «what one reads about» may produce? Have you a stout heart? Nerves fit for sliding panels and tapestry? ... But you must be aware that when a young lady is (by whatever means) introduced into a dwelling of this kind, she is always lodged apart from the rest of the family. While they snugly repair to their own end of the house, she is formally conducted by Dorothy, the ancient housekeeper, up a different staircase, and along many gloomy passages, into an apartment never used since some cousin or kin died in it about twenty years before. Can you stand such a ceremony as this? Will not your mind misgive you when you find yourself in this gloomy chamber – too lofty and extensive for you, with only the feeble rays of a single lamp to take in its size – its walls hung with tapestry exhibiting figures as large as life, and the bed, of dark green stuff or purple velvet, presenting even a funereal appearance?»* [7, 370–371]. У читателя возникает ощущение, что сама автор говорит устами Генри, иронично описывая полный тайн и опасностей старинный замок.

Особого внимания заслуживают сцены жизни Кэтрин в аббатстве, когда она, разочарованная современной обстановкой, упорно пытается найти что-либо загадочное. Сначала ей попадает таинственный сундук, который, по догадкам Кэтрин, скрывает какую-то тайну, но, к ее сожалению, там оказывается лишь покрывало: *«...when her eye suddenly fell on a large high chest, standing back in a deep recess on one side of the fireplace. The sight of it made her start; and, forgetting everything else, she stood gazing on it in motionless wonder, while these thoughts crossed her ... Her resolute effort threw back the lid, and gave to her astonished eyes the view of a white cotton counterpane, properly folded, reposing at one end of the chest in undisputed possession!»* [7, 376].

Финал произведения также иронически осмеян. Происходит «снижение», дегероизация клишированной сцены возвращения Кэтрин Морланд домой: *«A heroine returning, at the close of her career, to her native village, in all the triumph of recovered reputation, and all the dignity of a countess, with a long train of noble relations in their several phaetons, and three waiting-maids in a travelling chaise and four, behind her, is an event on which the pen of the contriver may well*

delight to dwell; it gives credit to every conclusion, and the author must share in the glory she so liberally bestows. But my affair is widely different; I bring back my heroine to her home in solitude and disgrace» [7, 424].

Таким образом, ирония как средство реализации литературной пародии определяется тем, что она является, по сути, неким инструментом для создания новой трактовки того, что представлено в пародируемом произведении. Для современного читателя, незнакомого в достаточной степени с произведениями, которые пародирует Дж. Остин, наиболее очевидной подсказкой является иронический комментарий по формуле «здесь так-то, а в пародируемом романе было бы так». Описывая героев и их поступки, автор создаёт пародию на «типичный» роман того времени, утверждая, что её произведение иронически настроено на эпоху господства предромантической и романтической тенденций. Дж. Остин выбрала реалистическое изображение мира действительности, тем самым подвергнув мир «готического» романа ироническому и комедийному осмеянию.

Литература

1. Арнольд И. В. Проблема диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста): лекции к спецкурсу. – СПб.: Образование, 1995. – 59 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
3. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – 544 с.
4. Боров Ю. Б. О комическом. – М.: Искусство, 1970. – 231 с.
5. Лушникова Г. И. Интертекстуальность художественного произведения. – Кемерово: КемГУ, 1995. – 82 с.
6. Лушникова Г. И. Когнитивные и лингвистические особенности англоязычной литературной пародии / Кемеровский гос. ун-т. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 215 с.
7. Austen, Jane. Northanger Abbey // Рэдклифф А. Роман в лесу. Остин Дж. Нортэнгерское аббатство. – М.: Радуга, 1983. – С. 265–439.
8. Bookglutton. Books are conversation. URL: <http://www.bookglutton.com>

VIII. ЛИНГВИСТИКА

Анохина Ю. М., Семенова А. А.

Омский государственный университет

ВЕРЛАН – КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА

Французские лингвисты отмечают, что политическая и социально-экономическая жизнь Франции, как в зеркале, отражается в лингвистике, особенно в течение двух последних десятилетий. Именно социальные проблемы, являющиеся наиболее острыми для французского общества, находят отклик в молодежном языке с богатым, стилистически окрашенным словарем.

Молодежный сленг возникает часто как протест против словесных штампов, однообразия тусклой обыденной речи и, в конце концов, просто как желание сказать острое словцо, отличаться, пооригинальничать, что свойственно молодежи во все времена. Речь молодых людей отличается повышенной эмоциональностью и наличием субъективного момента. Это объясняется стремлением к самовыражению, присущим этой возрастной группе. Подростки хотят выразить свое ироническое, а порой и критическое отношение к ценностям мира старших, проявить свою независимость, завоевать популярность в молодежной среде, а также стараются выделиться из массы, особенно по отношению к группам взрослых носителей языка, особым языком (*le sefran branché*). Общеизвестно, что подростки стремятся к самовыражению при помощи внешнего вида, формы проведения досуга, приверженностью к граффити, хип-хопу и т. д. Молодежный сленг – это тоже один из способов самовыражения подростков, а также способ скрыть смысл произносимого от окружающих и «чужих» людей, т. е. это их скрытый, зашифрованный, «тайный» язык «*langage cryptique*». В целях самоутверждения подростки начинают употреблять слова, отличающиеся от общих норм, которые никак нельзя признать украшениями разговорной речи.

В молодежном лексиконе присутствуют и элементы аргю. Владение им становится сейчас престижным. Арготизируется даже преподавание французского языка как иностранного [1, 60].

Статус аргю в сознании французского общества заметно меняется к концу XX в. Целый ряд лингвистических и экстралингвистических факторов свидетельствует о том, что аргю укоренилось в лингвистическом сознании французов, перестало быть «чужим», стало естественным, законным элементом живой, неофициальной французской речи. Арготизмы составляют значительный пласт словарного состава современного разговорного языка молодежи, который образован стилистически сниженной лексикой. Молодежь активно использует в своей речи сокращения, отражающие не только тенденцию экономии языковых средств, а также желание не быть понятными. Для разговорной речи более характерны усечения (*truncation*). Как раньше, так и сейчас, наиболее популярный тип усечения – усечение конечных слогов, – апокопа: *Max* → *Maximilien*; *graff* → *graffiti*; *Net* → *Internet*; *d'acc* → *d'accord*.

Необходимо отметить, что в последнее время ранее менее активный тип усечения начальных слогов – афереза – мало-помалу набирает силу. И это не случайно. Подростки хотят говорить на языке, непонятном для окружающих. А поскольку большая часть информации содержится в начале слова, то апокопы более понятны, и они всё чаще и чаще прибегают к аферезам. Например: *blème* → *problème*, *dwich* → *sandwich*; *vail* → *travail*; *leur* → *contrôleur*.

Широкое распространение в XX в. получило сокращение словосочетаний. Инициальные сокращения подразделяются на альфабетизмы и акронимы.

Алфаветизмы (буквенные аббревиатуры, где каждая буква читается, как в алфавите) в речи встречаются не так часто из-за трудностей в произношении. И, тем не менее, они используются. Например: M.J.C → Maison des Jeunes et de la Culture; T.V.B. → tout va bien.

Акронимы – инициальные сокращения, в составе которых есть гласная фонема, более характерны для молодежного лексикона: La BU → La Bibliothèque Universitaire; La RU → la Restaurant Universitaire.

Но больше всего заимствований, составляющих 21% лексического состава в современном “français branché”, из английского языка: boom – ежегодный студенческий праздник, il est looké – он модно выглядит, speeder – se dépêcher (торопиться), être cool – être calme (быть спокойным) и их производных [5, 30]. Английские слова не только проникают во французский язык, но и составляют новый аргю (un nouvel argo “de luxe”), владение которым очень престижно. Например: driver – chauffeur de taxi, news – magazine, toons – dessins animés, kids – enfants.

Для усиления эмоциональности речи молодежь использует набор интенсификаторов, заменяющих bien, très, agréable, sympathique. Это, соответственно, слова: vachement, d'enfer, fun, drôlement etc.

Особый интерес представляют слова, обозначающие национальность, причем с оттенком пренебрежения. Americain – Amerlo, Amerlock; Anglais – Angliche; Arab – Arbi, Arabi, Abricot; Belge – Belgico; Chinois – Chinotoque; Italien – Rital.

Современный верлан, как разновидность сленга, получил свое распространение во французском языке во второй половине XX в., но, тем не менее, факты подобной инверсии букв или слогов датируются несколькими веками ранее. Между тем, первые случаи употребления верлана, используемые в устной речи, чтобы создать скрытый язык, понятный только посвященным, сложно обнаружить, так как в литературе существует мало исторических ссылок. Наиболее древние формы метатез и других засвидетельствованных каламбуров появляются в XII в. в романе «Тристан и Изольда», где Беруль превращает имя Тристана в Тантриса между тем, не установлено, использовались ли такие приемы в разговорном языке.

С 1800 г. начинается широкое использование верлана в устной речи. В своей книге «*Les Sources De L'Argot Ancien*» («Источники старинного аргю»), Лазар Сенеан приводит в пример письмо каторжника, прозванного «Гиеной», который датировал свое письмо как «Lontou, 1842» вместо «Toulon, 1842» (Тулон). Это указывает на то, что верлан использовался в тюремной лексике. На протяжении XIX в., его употребление распространяется в языке заключенных, каторжников и шпаны.

Некоторые авторы говорят о том, что употребление верлана значительно возросло во время Второй Мировой войны, но только начиная с 1970-х гг. оно широко распространилось, а сам термин «верлан» появился в 1950 г. [3; 4; 7].

В 1970-х гг. XX в., верлан входит в повседневную речь жителей окраин. Он становится их так называемой «визитной карточкой». Иммигранты из стран Северной Африки и их дети, представляли собой большую часть населения в пригородах. Верлан строился в соответствии с законами арабского языка, в котором преобладают согласные звуки, по сравнению с романскими языками, например французским или итальянским, где гласных больше. Таким образом femme стало meuf; flic → keuf; arabe → beuf затем gebeuf, это явление отмечается как расхождение гласных, замененных одним «е».

Начало 1990-х гг., озаменованное появлением движения хип-хоп, представляет начало массового возвращения верлана в разговорный язык и, особенно, в язык нового поколения. Быстрое развитие рэпа способствовало распространению верлана среди французского населения. К началу 2000-х некоторые элементы верлана стали более или менее понятны. Аргю употребляется теперь во всех слоях общества. И все-таки, существует несколько географических зон, в которых повседневно используется очень «чистый» / «твердый» верлан. Такой язык исполняет главную функцию аргю: быть непонятным для непосвященных.

Развитие новых средств общения, в первую очередь посредством телефонных сообщений, сделало верлан наиболее применимым, так как верланизированные формы слова укорочены и, следовательно, более быстры при наборе на клавиатуре чем их эквиваленты в официальном французском языке. Это заставило представителей средних и высших социальных слоев, потребителей этих новых личных средств общения, использовать и понимать данный социальный диалект.

Сам термин верлан (*verlan*) впервые образован путем инверсии слогов слова *à l'envers* (наоборот), поэтому французский молодежный язык называют «языком наоборот». Верлан – оригинальный криптологический механизм словообразования, связанный с инвертированной перестановкой слогов в слове [2, 58]. Обычно в верлан переводятся далеко не все слова, а только самые распространённые и закрепившиеся в языке. Интересно отметить, что в верлан переводятся и глаголы, то они не спрягаются; верлан лишён грамматических показателей. Другой, не менее важный аспект – это смысл слова. Чаще всего при процессе образования «слова наоборот» значением слова пренебрегают, и оно испытывает фонетические изменения. Верланизация (*verlanisation*) – одна из форм метатезы, то есть перестановка гласных, согласных или слогов в слове. Можно отметить, что верлан обрел свою популярность не только у современной французской молодежи, он был распространен еще в среде подростков XIX в.

Образование слов в верлане главным образом основывается на фонетических изменениях. В целом, это процесс образования можно разделить на четыре основных этапа:

- Апокопа (*apocope*) и афереза (*aphérèse*);
- Синкопа (*syncope*);
- Агглютинация (*l'agglutination*) – процесс объединения двух или более слов в одно целое;
- Дегглютинация (*la déglutination*) – процесс разделения слова на несколько отдельных элементов [6, 1060].

Анализируя примеры можно прийти к выводу, что «е» немая была добавлена, или что последняя гласная исчезла до начала процесса. Но это явление еще нельзя считать правилом. Например: *cher* → *chèreu*; *défoncé* → *défonc'*; *bled* → *blèdeu*; *flic* → *flikeu*; *rigoler* → *rigol'*; *énervé* → *énerv'*. Далее слово или выражение разбиваются на две части. Главными факторами, определяющие место этого разрыва являются употребление и легкость произношения последнего слова. Можно выделить несколько правил, которые, однако, не имеют научного подтверждения: 1) Разрыв обычно происходит перед ударным слогом в словах, содержащих три более слогов. 2) В словах с двумя слогами, разрыв проходит между ними. Например: *chè-reu*, *dé-fonc'*, *blé-de*, *fli-keu*, *ri-gol'*, *éner-v'*, *ci-garett*, *va-zy*, *fa-meu*, *ç-a*, *ri-che*, *mor-ceau*.

Но когда последняя согласная первого слога не «r» или «l», как например, в словах *pascal*, *basket* или *bifton* тогда эта согласная должна перейти ко второму слогу. Например: **традиционное деление**: *pas-cal*, *bas-ket*, *bif-ton*. Последними согласными первого слога не являются ни «р» ни «l» и, следовательно, они должны перейти ко второму слогу. **Деление в верлане**: *pa-scal*, *ba-sket*, *bi-fton*, отталкиваясь от этого, можно поменять местами слоги: *scal-pa*, *sket-ba*, *fton-bi*. Отсюда и **правило перестановки**: $S1 - S2 = S2 - S1$, где S = слог.

Это правило применяется к двусложным словам. Основная задача, которую должен решить адресат, использующий верлан, это – как ввести наибольшее количество слов в эту категорию. Для этого в разговорном французском языке существует правило повторного разделения на слоги, которое, благодаря произношению «е» немое, позволяет образовывать двусложное слово.

После разделения обе части слова меняют местами. Эта инверсия характеризует верлан, в том смысле, что она присутствует во всех случаях словообразования, и что слово, образованное посредством этой инверсии – слово верлана. Например: *reu-chè*, *fonc'-dé*, *de-blé*, *keu-fli*, *gol-ri*, *v'-éner*, *garett-ci*, *zy-va*, *meu-fa*, *a-ç*, *che-ri*, *ceau-mor*.

Часто из-за влияния новых тенденций на произношение, последняя гласная слова отбрасывается, или даже изменяется. Например: *reuché* → *reuch'*, *garette-ci* → *garo*, *keu-fli* → *keuf'*, *meu-fa* → *meuf*.

Способ, описанный выше, может быть применен не только к словам, но также и к выражениям. Таким образом, «*comme-ça*» может произноситься как «*ça-comme*» в верлане, а «*ce-soir*» трансформируется в «*soirce*».

Иногда, встречаются случаи трансформации слова из верлана в верлан. Такую конструкцию называют двойной верлан или *veul*. Например: *reubeu* или *rebeu* → *beur* = «Arabe». Встречается порядок согласных производного слова, но гласные при этом были изменены. Другое пример слова «Arabe» это «*rabza*». Женский род для слова «*rebeu*» – «*rebeuze*» (эквивалент «*beurette*»). Или *feumeu* → *meuf* = «femme».

Еще один способ употребления верлана встречается реже, и употребляется в тюремной или маргинальной среде как тайный язык, это – конструкция, включающаяся между двумя повторами верлана. Например: *T'es vietso* → *t'es soviet* → *t'es russe* → *t'es sûr*...

Ярким примером использования верлана в молодежной среде является художественный фильм французского кинорежиссера Матье Кассовица «Ненависть» («*La haine*»). Анализ фильма показывает что молодёжный язык, и в частности верлан, хоть и является популярным во многих слоях общества, но основными его носителями остаются жители удалённых кварталов, дети эмигрантов, часто представители неблагополучной социальной среды.

Проанализировав фразы, содержащие слова верлана из фильма «Ненависть» с точки зрения частей речи, которые наиболее подвержены верланизации, было выявлено, что в лексике героев фильма была использована 71 фраза, содержащая слова на верлане. Часто одну и ту же фразу, являющуюся наиболее расхожей, повторяют разные герои фильма.

В результате лексического анализа было установлено следующее:

Среди частей речи наиболее подвержены верланизации существительные. Так, 16 слов на верлане из 30 образованы от существительных: *caillera* → *racaille*, *keuf* → *flic* → *policier*, *rebeu* → *arabe*, *turevoi* → *voiture*, *meuf* → *femme*, *oinj* → *joint*, *demer* → *merde*, *roeus* → *soeur*, *cepla* → *place*, *ouf* → *fou*, *renoi* → *noire*, *genar* → *argent*, *tebê* → *bête*.

В меньшей мере, подвержены верланизации глаголы и прилагательные. В фильме 6 глаголов и отглагольных форм представлены верланом: *téma* → *maté*, *péta* → *tapé*, *pécho* → *choré* (*participes passés*), 5 прилагательных: *péfli* → *flippé*, *vénère* → *nerveux*, *relou* → *lourd*, *zarbi* → *bizzare*, *guélar* → *largué*.

Редко подвергаются верланизации местоимения, предлоги, заимствования. В анализируемом произведении найдено только 3 таких примера: местоимение *aç* → *ça*; частица *âl* → *là*; заимствование *teshi* → *shit*.

Следует отметить, что каждое слово на верлане имеет свою эмоциональную, часто экспрессивную окраску, что подтверждает статус такого молодёжного сленга, как верлан. Молодёжные языки зафиксированы во всём мире, но во Франции они затронули саму языковую структуру, вплоть до изменения информации и ритма фраз, особенного соединения гласных и некоторых согласных.

Современные фильмы, радио- и телепередачи, печатная продукция способствуют распространению молодёжного вокабуляра. В общении со сверстниками – франкофонами, носителями языка, а также при чтении художественной, публицистической и научной литературы, прослушивании аутентичных песен, просмотре оригинальных видеофильмов мы сталкиваемся с новыми малопонятными и труднопереводимыми словами. Именно, поэтому изучение сленга помогает нам лучше представить особенности и своеобразие национальной картины мира, понять национально-специфические особенности менталитета французской молодежи. Понимание и знание сленга способствует приобщению к естественной языковой среде, развитию лингвистической компетенции, представляет собой уникальную возможность для их включения в активный диалог культур.

Литература

1. *Береговская Э. М.* Французское аргю: эволюция его восприятия // Филологические науки. – 1997. – № 4. – С. 55–65.
2. *Ковалюк Е. С., Кустова А. Е.* Молодежный сленг: формирование и функционирование // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: материалы студ. науч.-практ. конф. ф-та иностр. яз. – Нижний Тагил, 2010. – Вып. 8. – С. 58–60.
3. *Овчинникова О. А.* Словообразовательная система французского аргю 80-90 гг. XX в. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена: научный журнал. – СПб., 2008. – № 3 5 (7 6). – Ч. 1. – С. 272–277.
4. *Bachmann C., Basier L.* Le verlan: argot d'école ou langue des Keums? – P., 1984. – 135 p.
5. *Goyudailier J.-P.* Les parlés branchés // Le Nouvel Observateur. – 2009. – № 41. – P. 29–36.
6. *Le Petit Larousse illustré.* – P. : Larousse, 2005. – 1780 p.
7. *Mela V.* Le verlan ou le langage du miroir // Langages. – 1991. – № 101. – P. 73–94.
8. *La Haine [film] / Dir. M. Kassovitz; star.: Vincent Cassel, Hubert Koundé, Saïd Taghmaoui; France, Canal +, 1995.*

Аухадиева Ф. С., Третьякова М. В.

Удмуртский государственный университет

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДИКАТНЫХ ИМЕН

Объединение лексем в класс существительных обнажает комплекс проблем, вызванных, с одной стороны, семантической неоднородностью этого класса, с другой – непрозрачностью и высокой степенью эмпиричности, свойственной таксономическим критериям, которые принимаются в расчет при классификации частей речи. Тот же комплекс проблем проявляется в процессе дальнейшей субкатегоризации класса существительных. Традиционные попытки выявления подклассов с помощью бинарных оппозиций (предметные и абстрактные, одушевленные и неодушевленные, собственные и нарицательные) терпят неудачу из-за невозможности организовать эти подклассы в иерархически организованную структуру [1, 96–100; 8, 62–69].

Функциональный принцип и близкий к нему подход, при котором единый таксономический признак позволяет характеризовать лексему в зависимости от того, насколько проявлен этот признак, имеет свои преимущества. В качестве такого признака целесообразно рассматривать временной признак. Подклассы лексем либо являются компонентами «поля времени» [4, 66–70], либо располагаются на единой шкале и дифференцируются таким образом, насколько близко они отстоят от временного признака. Эта таксономическая методика позволяет противопоставить глагольные лексемы различным подклассам существительных [7, 34].

Важным является то обстоятельство, что указанный подход наряду с подклассами предметных имен позволяет выделить подкласс предикатных имен, наиболее спорный и неизученный. Об этом свидетельствует, прежде всего, многозначность самого термина «предикатное имя», что требует более внимательного рассмотрения.

В германистике термином «предикатное имя» (*Prädikatsnomen*) принято обозначать предикатив, выраженный существительным [5, 160]. Г. Н. Эйхбаум определяет предикатные имена как подкласс конкретных имен, к которому наряду с предикатными относятся идентифицирующие и функционально-реляционные имена. Предикатные имена имеют общую сему «человек» и дают ему определенную, негативную или позитивную, характеристику, например, *Held, Schelm, Narr, Schurke* и т. п. [8, 68].

В данной статье под предикатными именами понимается подкласс существительных, которые можно рассматривать как абстрактные, то есть не относящиеся к конкретным, имена, значения которых, по мнению Н. Д. Арутюновой, непосредственно связаны с понятием «времени» [2, 75]. Причем следует уточнить, согласившись с точкой зрения А. Г. Пазельской, что к данному подклассу лексем наряду с девербативами (подход, отъезд, молчание) относятся и непроизводные слова [6, 72].

Если непосредственно обратиться к лексемам, составляющим подкласс предикатных имен, можно, прежде всего, вспомнить несколько групп слов, относящихся к основному лексическому фонду. Это названия временных отрезков (названия времен года, времен суток, месяцев и т. п.) и названия природных явлений. Несмотря на их связь с категорией времени, эти слова представлены в языке как существительные, и это явление имеет универсальный характер: *зима, весна, ветер, дождь, вьюга, гром, вечер, ночь* (рус.); *rain, snow, winter, spring, evening* (англ.); *Regen, Schnee, Winter, Frühling, Nacht* (нем.); *yu* (дождь), *feng* (ветер), *tian* (день), *ue* (месяц) (кит.); *яңгыр, кар, кыш, күк* (тат.); *тол, төл, зор, лымы* (удм.).

Эти немотивированные основы представляют собой обширную базу для транспозиции: *зимовать, зимний, вьюжить, вечереть, вечерасть* (разг.), *ночевать* (рус.); *regnen, wintern, winterlich, nachten, windig* (нем.); *to rain, rainy, to snow, snowy, windy* (англ.); *кышлау, кышкы, күкрү* (тат.); *толйыны, зорыны, лымыны* (удм.). Следует отметить, что транспозиция играла немаловажную роль в формировании классов слов, поскольку мотивированные слова составляют значительную часть лексики в языках различного типа.

Названия природных явлений кроме отмеченного уже универсального характера, то есть присущего большому количеству известных разноструктурных языков, относятся к наиболее раннему периоду их развития. Это вполне понятно, поскольку человек осознавал себя частью природы, и наблюдение за природными явлениями было одним из условий его выживания. Примечательно, что даже если природное явление описывалось первоначально с помощью грамматических форм глагола, непременно возникала потребность в его «опредмечивании» для возможности дальнейшей характеристики этого явления.

Наряду с именами природных явлений и временных отрезков к предикатным именам относятся имена событий, исторических и частных. К последним относятся кроме прочих названия сельскохозяйственных работ, праздников, происшествий. Они представлены как девербативами, так и немотивированными лексемами: *революция, война, перестройка, собрание, конференция* (рус.); *Krieg, Reformation, Konferenz, Sitzung* (нем.); *сугыш, туй, уру* (тат.); *нюръяськон, турнан* (удм.). Лексемы, составляющие эту группу можно, за некоторым исключением, объединить с помощью гиперонимов *событие* (рус.); *Ereignis* (нем.), *event* (англ.).

Очень важным моментом является когнитивная «составляющая», позволяющая интерпретировать некое явление или действие как *событие*. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, события, будучи важными в жизни людей, все же не зависят полностью от их воли и желаний [3, 173]. «Событийные» предикатные имена представляют собой активный, динамично развивающийся пласт лексики, тесно связанный с деятельностью отдельных людей и целых социальных групп. Само существительное *событие* можно отнести к предикатным именам, смысловая структура которого требует дальнейшего осмысления.

Отдельную группу образуют имена действий (*nomina actionis*): *рисование, пение, бег* (рус.); *Essen, Schilaufen* (нем.); *уку, язу* (тат.).

С семантической точки зрения главное отличие лексем этой группы от лексем предыдущей заключается в наличии агентивной семы. В большинстве своем это мотивированные слова.

Простые констатирующие высказывания с предикатными именами в логико-семантическом аспекте являются нечленимыми высказываниями. Однако на синтаксическом уровне язык пытается расчленить эти высказывания-предложения, представляя компоненты как подлежащее и сказуемое: *дождь идет, ветер дует* (рус.); *Winter kommt, es ist Abend* (нем.); *it is night* (англ.); *xia yu, gua feng* (кит.); *яңгыр ява, кар ява, күк күкри* (тат.) и другие высказывания. Как можно наблюдать, оппозиция сказуемого и подлежащего, равно как и оппозиция глагола и существительного в приведенных примерах предложений носит лишь формальный характер, поскольку предложения с участием таких слов представляют собой на семантическом уровне нечленимые высказывания. К таковым, например, относятся не только высказывания, именующие природные явления, но и события, в которых выделение существительного и глагола носит случайный характер, поскольку компоненты данных высказываний не могут рассматриваться как субстанция и признак. Группы событийных

глаголов и глаголов, описывающих природные явления, так же, как и предикатных имен, по своей природе к существительным и глаголам относятся лишь на основании формального сходства с другими лексемами данных классов.

Кроме того, высказывания, в которых участвуют событийные глаголы в сочетании с предикатным именем, представляют собой явления «двойного» означивания (*Übercharakterisierung*), поскольку значения актантов регулярно «перекрывают» друг друга: *конференция* и *сегодня* обуславливают появление глагола *состояться*; *пожар* и *вчера* – *произойти*, *случиться*; *урок* и *45 минут* – *длиться*; *die Konferenz* и *morgen* – *stattfinden*; *Der Urlaub* и *4 Wochen* – *dauern*. Как можно заметить, с точки зрения лексического значения глагол становится избыточным, его семантическое наполнение ограничивается характеристикой процесса, дифференцирующей семы преднамеренности или неожиданности, а также семы временной локализованности: *состояться*, *случиться*, *разразиться*. Таким образом, значение указанных глаголов реализуется, прежде всего, в сфере грамматики, именно поэтому в разговоре глагол может быть заменен бытийным глаголом. Примечательным является то обстоятельство, что в упомянутых высказываниях могут иногда использоваться глаголы движения и фазовые глаголы: *проходить*, *наступить*, *приходить*, *пролететь*, *начинаться*, *оканчиваться* (рус.); *kommen*, *anfangen*, *beginnen* (нем.).

При анализе глаголов следует учитывать основополагающее правило – высказывания, в которых участвуют событийные глаголы, представляют собой, как уже было неоднократно отмечено, нечленимые высказывания, которые в утрированном виде могли бы быть репрезентированы в формулах *мороз морозит*, *случай случается*, и, хотя норма резко ограничивает подобные предложения, эти примеры все же доказывают семантическую нечленимость, следовательно, вести речь о «неодушевленном субъекте» действия или процесса в высказываниях подобного рода невозможно. Тем не менее, на синтаксическом уровне предложения имеют в своем составе подлежащее и сказуемое. Таким образом, единый образ, свойственный человеческому сознанию, дробится мышлением на составляющие – некую константу и переменный признак, что находит отражение в языке, в слове.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

- 1) подкласс предикатных имен представляет собой универсальное языковое явление;
- 2) в подклассе предикатных имен можно наблюдать различные семантические группы лексем, особенность которых заключается в степени их соотнесенности со сферой деятельности человека; важным представляется также наличие или отсутствие агентивной семы;
- 3) констатирующее высказывание с предикатным именем, которое представляют собой «пространственно-временное единство», может свободно сочетаться с бытийным глаголом.

Литература

1. Адмони В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка: Строй современного немецкого языка. – М.: Просвещение, 1986. – 336 с.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. – М.: Наука, 1988. – 339 с.
4. Гулыга Е. В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М.: Высш. шк., 1969. – 183 с.
5. Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка. – М.: Академия, 2004. – 352 с.
6. Пазельская А. Г. Аспектуальность и русские предикатные имена // Вопросы языкознания. – № 4. – 2003. – С. 72–88.
7. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предикатных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари. 2008. – 416 с.
8. Эйхбаум Г. Н. Теоретическая грамматика немецкого языка. – СПб.: Изд-во С.-Петербурга, 1996. – 275 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СЕМАНТИКОЙ
«ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА»

Цель лингвокультурологического анализа языковых репрезентаций с семантикой характеристики человека состоит в постижении их культурно значимых смыслов. Культурная информация заключена во внутренней форме фразеологических единиц, в культурно маркированных компонентах, которые и придают устойчивым словосочетаниям способность выполнять роль знаков «языка» культуры.

Известно, что культура и язык – это формы сознания, отображающие деятельность человека. Е. Ф. Тарасов отмечает, что язык включен в культуру, так как «тело» знака (означающее) является культурным предметом, в форме которого опредмечена языковая и коммуникативная способность человека, значение знака – это также культурное образование, которое возникает только в человеческой деятельности. Культура включена в язык, поскольку вся она смоделирована в тексте [6, 109]. Согласно В. Г. Гаку, сам язык следует признать элементом культуры, причем одним из важнейших, он создан определенным человеческим обществом [1]. Между культурой и языком существуют сложные взаимосвязи, опосредуемые целым комплексом социально наследуемых знаний и отношений, запечатленных в семантике слов и выражений. Черты характера человека запечатлены во фразеологических единицах.

Фразеологический фонд языка, по признаниям многих исследователей, в наибольшей степени отражает обусловленные национальной культурой особенности мировосприятия его носителей. По мнению В. А. Масловой, «культурная информация хранится во внутренней форме фразеологических единиц, которая, являясь образным представлением о мире, придает фразеологизму культурно-национальный колорит» [4, 82]. Согласно В. Г. Гаку, во внутренней форме фразеологизма могут присутствовать компоненты, символическое осмысление которых непосредственно принадлежит «области культуры», а не языку и поэтому такие компоненты фразеологизмов воспринимаются в их внутренней форме на основе культурных коннотаций [2].

В данной статье лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с семантикой характеристики человека осуществляется через коды культуры. Согласно В. Н. Телия, *код культуры* – это таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений [7, 20]. В настоящем исследовании *код культуры* определяется как **совокупность знаков, символов и их комбинаций, которая категоризируется в картине мира того или иного социума.**

Следует отметить, что само существование кодов культуры как феномена является универсальным по своей природе. Однако удельный вес каждого кода в определенной культуре всегда национально детерминирован и обуславливается конкретной культурой. Мы рассматриваем те коды культуры, которые соотносятся с архетипическими представлениями, так как именно в них зафиксированы «наивные» представления о мироздании. К главным кодам культуры будем относить соматический, биоморфный, предметный, цветовой, гастрономический.

Во внутренней форме фразеологических единиц с семантикой характеристики человека существуют и другие **источники культурной интерпретации**. Репертуар источников окультуренного мировидения, запечатленный «обычным» языком, многообразен – это и древнейшие пласты культуры, в недрах которых вызревали перцептивно воспринимаемые человеком ориентационные «модели» мироздания, представления о нем, отображенные в мифах, ритуалах, в библейских слоях культуры, в фольклоре, в литературных текстах разных эпох и жанров, в исторических трудах и т. д.

Интерпретация фразеологических единиц связана с определением той роли, которую приобретает данный языковой знак в ходе восприятия и описания мира; это «символярный культуры», который В. Н. Телия определяет как совокупность знаков, означающими которых служат таксоны того или иного ее кода, а означаемые обладают «культурной семантикой» [7, 21]. Для символярности культуры характерны символы, эталоны, сложившиеся как на основе ее базовых форм, так и письменных источников разных исторических эпох, стилей, жанров.

Теперь по рассмотренной нами методике осуществим лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с семантикой некоторых черт характера человека.

Во французском фразеологическом фонде есть ряд выражений с семантикой сердцееда, например, *bourreau des coeurs*, *casseur de coeurs*, *vert gallant*. Сердцеед – это тот, кто легко покоряет чужие сердца, влюбляет в себя. Выражения с семантикой сердцееда *bourreau des coeurs*, *casseur de coeurs* соотносятся с соматическим кодом культуры, так как содержат слово «сердце». В истории французской культуры ассоциации слова *coeur* (сердце) изменялись. Как отмечает В. Г. Гак, в Средние века сердце было символом силы духа, военной храбрости: *homme de coeur*, *coeur de lion* (храбрый, мужественный человек). Начиная с XIV в. происходит важный культурный поворот – от эпосов к рыцарским романам, лирической поэзии, «сердце» становится символом чувств, любви [2, 264], что отражается во фразеологических единицах *casseur de coeurs*, *bourreau des coeurs*.

Фразеологическая единица с семантикой сердцееда *vert gallant* соотносится с цветовым кодом культуры. В. Г. Гак замечает, что зрительные впечатления являются для носителей французского языка первоплановыми. Кроме того, образное основание французского выражения *vert gallant* связано с историческими реалиями. Согласно А. Г. Назаряну, в истории Франции прозвище *vert galant* было дано Генриху IV за его пристрастие к слабому полу [5, 82].

Особый интерес представляет фразеологическая единица *amoureux comme un coq* (любезный как петух). Образ фразеологической единицы соотносится с зооморфным кодом культуры, т. е. с совокупностью обусловленных культурой стереотипных представлений о свойствах, характеристиках или особенностях поведения животных, которые выступают как источник осмысления человеком мира. Во фразеологической единице петух выступает в функции эталона и является таксоном культуры. Следует отметить, что во французской лингвокультуре петух очень популярен. Во многих французских ФЕ подчеркивается гордость петуха (*fier comme un coq*), его превосходство над другими (*coq du village*). Очень часто слово «петух» переосмысливается как сердцеед (*un bon coq*, *amoureux comme un coq*). Лишь в очень небольшой степени он переосмысливается как драчун, причем отношение ко всем его качествам в общем-то положительное (*être hârdi comme un coq*). В русской лингвокультуре слово «петух» воспринимается в первую очередь как «драчун», «забияка».

Такие качества человека, как, например, влюбчивость, непостоянство, ветреность отражаются во фразеологических единицах: *amoureux comme un moineau*, *coeur d'artichaut*. Фразеологическая единица *amoureux comme un moineau* соотносится с зооморфным кодом культуры, так как слово «воробей» (*moineau*) во французской лингвокультуре ассоциируется с непостоянством, ветреностью. Кроме того, воробей выступает в функции эталона, является таксоном культуры.

Образ фразеологической единицы *coeur d'artichaut* соотносится с растительным кодом культуры, поскольку содержит слово «артишок», травянистое растение с крупными соцветиями, которое нетипично для русской культуры. Во французском выражении *coeur d'artichaut* сердце, мягкая сердцевина артишока символизирует ветреность, влюбчивость, непостоянство.

Выражение *compère Guilleri* означает «любитель женщин». Согласно Французско-русскому страноведческому словарю по фразеологии Б. Т. Хайтова, имя *Guilleri* имеет отношение к слову *guilleri*, которое в нормандском диалекте обозначает воробья и его пение. Звукоподражанием к нему является также эпитет *guilleret* «веселый, живой» [9, 21].

Во французском фразеологическом фонде есть много выражений с семантикой грубости, неотесанности человека: *ahuri (abrupt) de Chaillot*, *paysan du Danube*, *cheval de bât*, *meneur d'ours*, *grossier comme du / le pain d'orge*, *grossier comme un bœuvier*, *grossier comme un charretier*.

Образное основание французского выражения с семантикой грубости и неотесанности *ahuri (abruti) de Chaillot* (букв.: изумленный из Шайо) связано с историческими факторами. По мнению А. Г. Назаряна, Шайо – название бывшей деревни на берегу Сены. Она находилась в непосредственной близости от Парижа и долгое время оставалась вне его черты. С 1784 г. при Людовике XVI Шайо входил в черту столицы. По рассказам, в один прекрасный день жители Шайо были «ошеломлены», узнав о том, что они уже парижане. Жители столицы относились к провинциалам как к людям грубым, неотесанным, отсталым [5, 47].

Образное основание фразеологической единицы с семантикой грубости *paysan du Danube* связано с литературным произведением. Согласно Французско-русскому лингвострановедческому словарю по фразеологии Б. Т. Хайитова, выражение *paysan du Danube* (букв.: дунайский крестьянин) означает человека, который говорит что попало, без разбора. Эта единица образована от названия басни Лафонтена [9, 15].

Фразеологическая единица *ours mal léché* (грубиян) соотносится с зооморфным кодом культуры, так как содержит зооморфизм «медведь». В образном основании выражения лежит старинное народное поверье, будто медвежата рождаются бесформенными и только благодаря тщательному вылизыванию своей матери-медведицы приобретают медвежью форму [5, 115].

С зооморфным кодом культуры соотносится и другое выражение с семантикой грубости *meneur d'ours*, содержащее зооморфизм «медведь». Во французской лингвокультуре это животное символизирует такие качества как дикость, неотесанность, грубость, неповоротливость.

Во французском языке есть много фразеологизмов с семантикой грубости, в которых запечатлены образы-эталонные: *grossier comme du / le pain d'orge*, *grossier comme un bouvier*, *grossier comme un charretier*. В роли эталонов выступают устойчивые сравнения, являющиеся одним из ярких образных средств, способных дать ключ к разгадке национального сознания. Так, например, фразеологическая единица *grossier comme du / le pain d'orge* соотносится с гастрономическим кодом культуры: грубость человека сравнивается с ячменным хлебом. Подобного устойчивого сравнения нет в русском языке. Выражения *grossier comme un bouvier* и *grossier comme un charretier* содержат сравнение, связанное с профессией человека, например, грубый как извозчик или грубый как погонщик быков (волов).

Гордость человека отражается в следующих фразеологических единицах: *fier comme un paon*, *fier comme un paon qui fait la roué*, *fier come un coq*, *fier comme un pou*, *fier comme un Écossais*, *fier comme un Gascon*, *fier comme un hidalgo* и т. д. Образ некоторых из рассматриваемых нами выражений, например, *fier comme un paon* (букв.: гордый, важный как павлин), *fier comme un paon qui fait la roué* (букв.: гордый, важный как павлин, распускающий веером хвост), *fier come un coq*, *fier comme un pou* (гордый как петух), соотносится с зооморфным кодом культуры: гордость человека сравнивается с павлином, петухом. Во фразеологической единице *fier comme un pou* слово *pou* восходит к старофранцузскому *pol* (от латинского *pullum*), означавшему «молодой петух». Выражения *fier comme un Écossais*, *fier comme un hidalgo*, *fier comme un Gascon* содержат сравнение, связанное с национальной принадлежностью человека (гордый как шотландец, гордый как испанец). Фразеологическая единица *fier comme un Gascon* содержит сравнение с уроженцем гасконской провинции, жители которой отличаются гордым нравом.

В образном основании выражения *fier comme Artaban* (гордый как Артабан) заложен литературный источник культурной интерпретации. Согласно А. Г. Назаряну, источником фразеологизма *fier comme Artaban* является популярный в XVII в. прециозный роман Ля Кальпренета «Клеопатра», один из героев которого, по имени Артабан, олицетворяет гордость и надменность [5, 28].

Во фразеологическом фонде французского языка есть достаточное количество фразеологических единиц с семантикой невежества человека, например, *ignorant comme une carpe* (невежественный как карп), *ignorant comme un âne* (невежественный как осел), *ignorant comme une cruche* (букв.: невежественный как кувшин), *ignorant comme un pot* (букв.: невежественный как горшок). Образ фразеологических единиц *ignorant comme une carpe* и *ignorant*

comme un âne соотносится с зооморфным кодом: невежество человека сравнивается с карпом или ослом. Особое внимание привлекают устойчивые сочетания с предметными сравнениями *ignorant comme une cruche* (невежественный как кувшин), *ignorant comme un pot* (невежественный как горшок). Эталонное сравнение невежества с кувшином и горшком отражает одну из особенностей мировидения носителей французского языка. Именно такие фразеологические единицы и отражают национально-культурную специфику.

Итак, лингвокультурологический анализ позволил выявить и описать культурно значимые смыслы фразеологических единиц с семантикой характеристики человека. Описание культурно-смысловых слоев, которые выражены в образном основании фразеологических единиц, осуществлялось через коды культуры, символы, эталоны и другие источники культурной интерпретации.

Литература

1. Гак В. Г. Асимметрия в лингвострановедении // Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998.
2. Гак В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 260–265.
3. Красных В. В. «Свой среди чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001.
5. Назарян А. Г. Идиоматические выражения французского языка. – М.: Просвещение, 1978.
6. Тарасов Е. Ф. Язык и культура: методологические проблемы // Язык. Культура. Этнос. – М.: Наука, 1994. – С. 105–113.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996.
8. Телия В. Н. Глубинно-смысловые пласты культуры и ее симболярный // Язык и действительность: сб. науч. ст. памяти В. Г. Гака; под ред. Мазо. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – С. 433–441.
9. Хайитов Б. Т. Французско-русский лингвострановедческий словарь по фразеологии. – М.: Московский лицей, 1997.

Белова Е. Е.

Нижегородский государственный педагогический университет

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ТЕКСТА

В процессе обучения интерпретации и стилистическому анализу художественного произведения часто не учитывается тот факт, что важные для текста образы, идеи, события передаются не одним изолированным стилистическим приемом, а целым их комплексом.

Из этого комплекса в создании экспрессивности художественного текста важная роль принадлежит экспрессивному синтаксису, благодаря которому создается выразительная ткань произведения. Нередко синтаксическая организация речи оказывается самым важным средством художественной изобразительности, поскольку стиль любого речевого произведения в значительной степени определяется синтаксисом, т. е. синтаксическим строем языка. Взаимоотношением синтаксиса и стиля занимается синтаксическая стилистика.

Одной из задач синтаксической стилистики является изучение специфики функционирования определенных групп выразительных средств. Одну из таких групп составляют различные виды повторов – синтаксические и лексико-синтаксические, на которых основаны такие стилистические приемы, как параллелизм, а также анафора, эпифора, анадиплосис, обрамление и хиазм, где лексическая идентичность уже является обязательным условием.

Стилистические приемы вырабатываются на основании тех или других фактов языка. Каждый стилистический эффект берет свое начало в естественном проявлении языковых средств. Синтаксические структуры считаются параллельными, если каждый отрезок высказывания, называемый параллельной конструкцией, имеет одинаковое количество членов, эти члены находятся в одинаковых синтаксических отношениях с одинаковым порядком их

следования. Перечисленные условия еще не исчерпывают понятия параллельности. Они только создают однотипные конструкции, в которых отсутствует стилистическая направленность. При появлении стилистической направленности синтаксический повтор преобразуется в прием параллелизма.

Автор сознательно пользуется стилистическим приемом кольцевого повтора, или обрамления, когда повторяющиеся слова находятся и в начале и в конце отрывка, в следующем примере:

She's gone after that young Bosinney, that's where she's gone. /J. Galsworthy/

Можно выделить следующие наиболее общие функции синтаксических и лексико-синтаксических повторов.

Наиболее распространенная функция повтора, по мнению И. Р. Гальперина – функция *усиления*, или *выделения* [2]. В этой функции повтор наиболее характерен живой возбужденной речи. При помощи повтора усиливается впечатление от произносимой реплики, и, таким образом читатель или слушатель понимает важность повторяемых слов.

В следующем примере повторяющиеся слова, находящиеся на стыке двух предложений, выделяют важные элементы повествования, позволяя читателю или слушателю без труда их запомнить; анадиплосис служит усилением произносимых слов:

My son has no need of you, you are not necessary. /O.Wilde/

Отмечается, что синтаксические и лексико-синтаксические повторы, несущие функцию усиления, обычно просты в композиционном отношении: повторяющиеся слова стоят друг за другом. Они передают напряженность чувств говорящего, усиливая тем самым впечатление, производимое репликой, делая ее более эмоциональной, живой и волнительной.

Функция выделения может осуществляться при помощи анафоры:

He devoted anxious to care to his figure. He never ate a fattening thing and never forgot his exercises. He consulted hair specialist when he thought his hair was thinning, and Julia was convinced that had it been possible to get the operation done secretly he would have had his face lifted. /S. Maugham/

Наряду с функцией эмоционального усиления ученые выделяют функцию *модальности*, т. е. выражения отношения говорящего к его высказыванию, к действительности. Часто бывает, что синтаксические и лексико-синтаксические повторы в функции модальности используются для передачи монотонности действия. В ниже приведенном примере параллелизм использован для передачи однообразия и монотонности действий главного героя:

He walked here and he walked there, fancying himself so very great. /J.Austin/

Другая функция, которая часто реализуется повтором, – это функция *нарастания*, согласно И. М. Астафьевой, функция *синтаксического подъема* [1]. Повторение слов способствует большей силе высказывания, большей напряженности повествования. Данную функцию можно проследить на примере анафоры со словом *forget* в следующем предложении:

Forget himself for a minute, forget that it mattered what he did, forget that whatever he did he must sacrifice something. /J. Galsworthy/

Используя анафорический повтор при выражении усиления эмоционального напряжения, персонаж как бы подводит в последней реплике итог своему внутреннему рассуждению и делает ее более эмоциональной по сравнению с предыдущими, собственно говоря, вершиной эмоционального напряжения.

И. М. Астафьева выделяет функцию *объединения* [1], или *текстообразующую* функцию, цель которой заключается в соединении отдельных моментов высказывания. Синтаксическое объединение с помощью повторов отдельных моментов содержания помогает создать цельное представление о предмете высказывания, является эффективным средством живописного и одновременно обобщенного описания событий, явлений, пейзажей, внешнего облика и внутреннего состояния героя.

Например, связать отдельные, самостоятельные части высказывания в единое целое объемом с абзац можно с помощью особой «сцепки» – анафоры:

He blushed again and his blue eyes shone. ("He's really rather sweet.") He was not particularly good-looking, but he had a frank, open face and his shyness was attractive. He had curly light brown hair, but it was plastered down and Julia thought how much better he would look if, instead of trying to smooth out the wave with brilliantine, he made the most of it. He had a fresh colour, a good skin and small well-shaped teeth. She noticed with approvals that his clothes fitted and that he wore them well. He looked nice and clean. /S. Maugham/

Среди второстепенных функций повторов выделяют *ритмическую*, которая сопровождает в большинстве случаев вышеуказанные функции. Ритмическая функция характерна не только поэзии, но и прозе. Повторение одних и тех же единиц, например, слов, словосочетаний и целых предложений, способствует более четкой ритмической организации предложения, часто приближающей такую ритмическую организацию к стихотворному размеру.

Определенный ритм и метрика могут быть, например, достигнуты тождественным лексическим выражением и интонационным выделением конечных элементов, т. е. с помощью эпифоры:

I don't know what to make of him. I shall never know what to make of him. /J. Galsworthy/

Параллелизм способен усиливать ритмико-мелодическую выразительность высказывания. Особенность ритма заключается в повторении ритмического рисунка первой конструкции во всех последующих.

No, they don't, they mean pain and anguish, shame, ecstasy, heaven and hell; they mean the sense of living more intensely, and unutterable boredom, they mean boredom and slavery, they mean peace and unrest. /S. Maugham/

Повтор также используется для создания *иронического* эффекта, что можно проиллюстрировать обрамлением вместе с игрой слов:

Forgotten! Forgotten so long, that he had forgotten even that he had forgotten. /J. Galsworthy/

И. М. Астафьева отмечает, что синтаксические и лексико-синтаксические повторы выступают в функции *сравнения* или *противопоставления* фактов. Часто сравниваются противоречивые высказывания, сопоставляются неизвестные факты с более известными или более понятными благодаря однотипности конструкций:

Some ways I liked it, and some ways it was terrible. /I. Levin/

Like that you were born; like that you'll stay until you die. /J. Galsworthy/

Синтаксические и лексико-синтаксические повторы могут способствовать сравнению за счет того, что они предельно ясны для восприятия, на их фоне различие и сходство лексического порядка выступает очень четко.

Синтаксические и лексико-синтаксические повторы осуществляют функцию *краткости и четкости* изложения. Данная функция позволяет читателю (слушателю) не отвлекаться на ненужные детали. Параллельные конструкции делают речь краткой и позволяют участникам диалога понимать друг друга без лишних слов и объяснений.

First you borrow. Then you beg. /E. Hemingway/

Особенно лаконичной и завершенной делает речь использование пословиц и поговорок, которые основаны на повторе: *No pain, no gain. Like mother, like daughter. (Like father, like son.)*

Таким образом, стилистические приемы, основанные на совмещении синтаксических единиц, используются в самых разнообразных функциях. Это объясняет широкое распространение данных приемов, в первую очередь в художественной речи – в поэзии и прозе. Синтаксические и лексико-синтаксические повторы проводят в себе тему всего отрывка или произведения, являются средством повышения эмоциональности и торжественности высказывания, служат эффективным средством для создания высокой степени выразительности и экспрессивности, являются средством яркой передачи образа.

Литература

1. Астафьева И. М. Стилистическое использование синтаксических повторов // Ученые записки, Т. 28, Ч. 2. – М.: МГПИИЯ, 1983. – С. 19–50.
2. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. 3-е изд. – М.: Высш. шк., 1981. – 334 с.

О СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В соответствии с традиционным определением, предложение – это минимальная единица речевой коммуникации, следовательно, основная классификация предложений основана на коммуникативном принципе. С точки зрения роли предложения в процессе коммуникации традиционно выделяют повествовательные, вопросительные, побудительные и восклицательные предложения, и каждый тип соответственно, выражает утверждение, вопрос, команду и восклицание.

Однако один коммуникативный тип предложения может употребляться в функции другого. Такой феномен в лингвистике известен как синтаксическая транспозиция. Например, следует знать, что от собеседника ожидается ответ на вопрос *How are you?*, тогда как *How do you do?* не является вопросом. Разные ученые выдвигали разные термины для подобного рода высказываний: «переосмысленные типы предложений» (И. В. Арнольд), «транспонированные типы предложений» (Н. Н. Лисенкова), и др.

Довольно широкое распространение в разговорной речи получила транспозиция повествовательных предложений с очень разнообразными коннотациями. При этом переосмысленные конструкции, в данном случае, повествования, сохраняют форму повествовательного предложения, приобретая новое коммуникативное значение.

I. Предложение может быть утвердительным по форме, но отрицательным по значению. Это вид импликации грамматического значения, демонстрируемый предложениями, не содержащими грамматического отрицания и, тем не менее, выступающими в качестве эквивалентов отрицательных предложений, то есть выражающими отрицательный смысл. Подобные предложения Ю. М. Скребнев называет «несобственно-отрицательными» [2, 178].

При сохранении повествовательной формы отрицательное значение передается:

1. «Вторичными» междометиями типа *(the) hell, like (so much) hell, like fun, (the) devil, (the) deuce*, как в следующем примере: *I'm all right. – The hell you are* [Hailey]. В данном примере имплицитное значение *You are not all right*, т. е. форма и содержание высказывания не совпадают, и предложение, будучи по форме повествовательным утвердительным, выражает отрицание, что становится ясным, благодаря контексту.
2. Оборотами типа *I'll be damned / I'm damned, I'll be damned if I can find my keys* [Dickens]. В данном примере имплицитное значение – *I can't find my keys*.
3. «Вторичными» междометиями типа *my + foot / eye / uncle / aunt (Fanny) / backside, your grandmother: The rest is silence. – Silence my foot!* [Sillitoe].
4. Отрицание имплицитно и некоторыми употребляемыми в синтаксической изоляции придаточными предложениями нереального сравнения, что можно подтвердить на следующем примере: *As if it were not good to be alive!* [Saroyan] (= *it is good to be alive*).
5. Употребительна в аффективной речи двучленная конструкция, выражающая несовместимость предмета речи с приписываемым ему признаком. Большинство подобных конструкций представляют собой предложения, построенные путем соположения двух компонентов, где имплицитно их отрицательная связь. *I jealous!* [Shaw] В данном примере имплицитное значение – *I'm not jealous*.

II. Предложение может быть отрицательным по форме, т. е. содержать формальное отрицание, но быть утвердительным по значению, иметь неотрицательный смысл. В одном из таких случаев предложение имеет следующую структуру: междометие, например, *Blame me, Blest, Why* + отрицательная часть, вводимая союзом *if*. Подобную форму импликации

значения можно пронаблюдать на следующем примере: *Blame me, if it didn't come into my head once or twice.* [Saroyan] (= *it came into my head*/).

III. Форма повествовательного предложения может также использоваться для передачи побуждения. В терминологии М. Я. Блоха это «повествовательно-побудительные» предложения [1, 268]. Ю. М. Скребнев для предложений, выражающих побуждение без участия императива, предлагает термин «несобственно-побудительные» [2, 174]. Переосмысление происходит в следующих случаях:

1. Когда констатируется факт в форме повествовательного предложения, но подразумевается побуждение к действию: *«It's freezing in here», – said she trembling* [Cronin]. В данном случае имплицитруется побуждение – *Please, close the window.*
2. При использовании предложений, которые являются требованием совершения передаваемого ими действия, например: *I demand that you don't smoke here* [Hailey]. (вместо *Don't smoke here!*).
3. Добавление слова *please* для выражения просьбы: *Please, I am hungry* [Jerome].
4. Использование инфинитива с отрицанием: *Not to be sad, sweetie* [Jerome]. (Вместо *Don't be sad*).

IV. Форма повествовательного предложения может использоваться в качестве вопроса. М. Я. Блох называет такие предложения «повествовательно-вопросительными» [1, 267], Ю. М. Скребнев причисляет их к «несобственно-вопросительным» предложениям [2, 175]. Вопросительное значение может передаваться или с помощью косвенного вопроса (1); или высказыванием с прямым порядком слов, произнесенным с повышающейся интонацией, и на основании исследовательского материала видно, что подобные вопросы «удостоверительные» – говорящий хочет удостовериться в правильности своего предположения (2); путем добавления вопросительной концовки типа *right? correct? OK? yes? no? huh? eh? what?* (3); а также недоговариванием предложения до конца, когда говорящего перебивает собеседник, или говорящий сам не заканчивает предложение, специально предоставляя это сделать за себя собеседнику (4).

(1) *There is a question whether this piece of evidence should be heard in camera* [Saroyan].

(2) *You are looking for a vacuum cleaner?* [Galsworthy].

(3) *It'll be exciting, right?* [Maugham].

But you talked about it – when? [Christie].

(4) *«You were saying...» – «I'm going away for the New Year!»* [Galsworthy].

Итак, семантика переосмысленных типов повествовательных предложений достаточно разнообразна. В результате рассмотрения транспонированных конструкций повествования следует отметить, что повествовательные по форме предложения могут выражать побуждение или вопрос, при условии наличия специальных средств и учета особых характеристик, а также в повествовании в форме утверждения может имплицитоваться отрицание, либо наоборот.

Намеренное и сознательное переносное употребление того или иного коммуникативного типа предложения, как правило, придаёт высказыванию большую экспрессивность и привносит дополнительные коннотации. Соответственно, в лингвистике транспонированные структуры выделяются как выразительные средства.

Литература

1. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка: учебник. Для студентов филол. фак. ун-тов и фак. англ. яз. педвузов. – М.: Высш. шк., 1983. – 383 с.
2. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985. – 210 с.

**ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕПРЕТАЦИИ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ПРИЗНАКОВ, СОДЕРЖАЩИХСЯ
В ДОКУМЕНТАХ ПЕРВИЧНОЙ ОТЧЕТНОСТИ УГОЛОВНОЙ СТАТИСТИКИ**

Использование достижений различных наук в профессиональной деятельности или в научных исследованиях способствует развитию науки и повышению эффективности практической деятельности. Так, в настоящее время информационные технологии играют большую роль в жизни общества, в том числе и в деятельности по обеспечению законности и правопорядка. В целях защиты государства, общества и личности от преступных посягательств на первый план выступает деятельность по раскрытию и расследованию преступлений. Использование компьютерных технологий в данной сфере реализует необходимое требование к деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, заключающееся в своевременном раскрытии и расследовании преступлений, установлении виновных в кратчайшие сроки. Наряду с преимуществами использования информационных технологий при их внедрении возникают и определенные проблемы.

В качестве примера внедрения информационных технологий в следственную практику приведем созданную под руководством В. Ю. Толстоуцкого в Нижегородском государственном университете имени Н. И. Лобачевского компьютерную программу – «Форвер» (формирование версий), предназначенную для деятельности по раскрытию убийств [1, 126–129]. Основу программы составляет электронная база, состоящая из признаков ранее раскрытых преступлений (убийств). Уникальность программы состоит в том, что она позволяет по выбранным признакам найти аналогичные дела, и на этой основе предложить возможные версии, касающиеся субъекта преступления, т. е. описать вероятностный портрет преступника. Кроме того, компьютерная программа позволяет оценить в численном выражении вероятность полученных версий, выбор и проверка которых остается за следователем.

Одним из источников требуемой информации (признаков преступлений) выступает система уголовной статистики, которая основана на принципе единого учета преступлений. Единый учет преступлений представляет собой государственную систему, устанавливающую единый порядок организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, а также учёта преступлений, лиц их совершивших и уголовных дел. Уголовная статистика, в свою очередь, призвана отражать количественные показатели преступности, ее причин и условий, лиц, совершивших преступления.

Для обеспечения функционирования государственной системы учета преступлений, в целях отражения в формах государственного статистического наблюдения сведений о состоянии преступности, в Российской Федерации с 1 января 2006 года введен в действие совместный приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений».

Основными формами, представляющими наибольший интерес в качестве источников криминалистически значимой информации при создании электронной базы данных компьютерной программы являются данные карточек первичного учета: на выявленное преступление (Форма № 1); на лицо, совершившее преступление (Форма № 2); на преступление, по которому лицо, его совершившее, установлено (Форма № 1.2); о потерпевшем (Форма № 5).

В данных карточках можно найти краткое описание преступления, его квалификацию, стадию, категорию по степени тяжести, дату, место его совершения, предмет преступного посягательства, сумму причиненного ущерба, форму собственности, в отношении которой совершено преступление, способ совершения преступления. Кроме того, дается более развернутая информация о потерпевшем, которая включает в себя следующие сведения: пол,

возраст, социальное, должностное положение, гражданство, страну проживания, мотив совершения преступления в отношении данного потерпевшего. Данные о преступнике в статистической карточке на лицо, совершившее преступление (форма № 2) представлены такими признаками как: пол, возраст, образование, гражданство, страна проживания, место проживания, национальность, социальное и должностное положение, место работы (учебы), роль лица в совершении преступления в составе группы, сведения о рецидиве и др.

При включении указанной информации в электронную базу данных программы «Форвер» мы столкнулись с рядом проблем. Во-первых, запрашиваемая информация из ГИАЦ МВД представлена в виде закодированной электронной таблицы. Чтобы её занести в компьютерную программу, необходимо сначала правильно раскодировать полученные данные и загрузить имеющиеся признаки с учетом удобного для пользователя интерфейса. Во-вторых, данные, содержащиеся в карточках, могут быть представлены как в текстуальном изложении, так и в виде специальных кодов. В-третьих, от достоверности данных, указанных в статистических карточках, зависит достоверность результатов (версий), предлагаемых компьютерной программой.

Таким образом, возникают проблемы и семантического характера. Семантика – раздел семиотики и логики, исследующий отношение языковых выражений к обозначаемым объектам и выражаемому содержанию. Наиболее последовательную и точную разработку получила логическая семантика, ориентированная главным образом на исследование формализованных языков. Значительный вклад в ее создание внесли Г. Фреге, Б. Рассел, А. Тарский, Р. Карнап и др. [2].

Проблемы семантического характера возникают в связи с построением и изучением формальных систем. А при исследовании какой-либо формальной системы семантические проблемы возникают тогда, когда система получает интерпретацию, т.е. истолковывается как отображающая некоторую содержательную теорию или раздел науки, в силу чего приобретают значение выражения данной системы. Сама система в этом случае называется семантической, или интерпретированной [3].

Выделим вопросы, которые могут возникнуть как у следователя или дознавателя, заполняющих указанные формы статистической отчетности (которые могут рассматриваться как формализованная система), так и у лиц, занимающихся выявлением значимой информации в целях создания электронной базы данных. База данных также состоит из единиц формализованного языка, поэтому создание такого языка, который правильно бы выражал криминалистическое содержание преступления – проблема сложная и без решения семантических вопросов не обойтись.

В качестве примера рассмотрим статистическую карточку на лицо, совершившее преступление (Форма № 2). Позиция № 15 данной формы «место проживания» предлагает следующие правила кодировки информации: если местный житель, то в соответствующий прямоугольник выставить цифру 1, если житель другой области, края, республики, входящей в состав России, то 2, проживал в общежитии – 3, находился в ИУ – 4, БОМЖ – 5, житель другого района области – 6. Как указать данные о месте жительства лица, если этот человек, например, является местным жителем и проживает в общежитии?

Вопрос вызывает и понимание значений слов «житель» и «проживал». Если лицо по месту жительства зарегистрировано в одной области и длительное время снимает жилье и живет в другой области, жителем, все-таки, какой области оно является?

Следующая позиция, которая также может вызвать определенные проблемы при интерпретации информации – «социальное положение» лица, совершившего преступление. Кодировка (раскодировка) данной информации производится в соответствии со справочником № 9 «Социальное положение потерпевших и лиц, совершивших преступления». Справочники, на основании которых происходит кодировка данных, составляются ГИАЦ МВД России. Закодированная информация имеет трехзначный номер, причем кодирование информации в статистической отчетности предполагает наложение кодов. Так, если лицо,

совершившее преступление без постоянного источника доходов (код 002) и является безработным (код 100), то информация о его социальном статусе будет иметь вид 102.

При данной кодировке невозможно подчинить все имеющиеся в справочнике виды социального положения. Во-первых, кажется нелогичным включение в справочник о социальном положении информацию о физическом состоянии, которое включает в себя две позиции: беременная (200), инвалид 1–2 группы (300). При этом данное физическое состояние, согласно рассматриваемому справочнику, не могут иметь безработные с кодом 100; лицо, находящееся в отпуске по уходу за ребенком (код 400), а пенсионер по старости (код 500) и пенсионер по выслуге лет (код 600) не могут быть инвалидами 1–2 группы, т. к. не предусмотрена возможность наложения (соединения кодов). Для реализации криминалистически значимой информации в компьютерной программе «Форвер» важно, чтобы, например, значения признаков «пенсионер» и «инвалид» учитывались одновременно и были независимыми, тогда их можно выбрать в качестве двух признаков потерпевшего и вычислить условную вероятность неизвестных следовательно признаков преступника.

Изложенное позволяет сделать вывод, что формализованное описание преступлений, применяемое при собирании в компьютерные базы данных сведений об уголовной статистике, не может обойтись без глубокого анализа семантической стороны используемых признаков. Действующая система уголовной регистрации требует семантического пересмотра справочников, по которым осуществляется кодирование. Отсутствие в базах уголовной регистрации полного перебора вариантов значений учитываемых признаков существенно ограничивает использование этой информации в криминалистических базах данных. Создание криминалистических баз данных на основе любой иной электронной базы данных не может быть осуществлено техническим копированием информации из базы в базу, а требует проведения криминалистами семантического анализа признаков и их значений.

Литература

1. Толстоуцкий В. Ю., Фесик П. Ю. Криминалистически значимые признаки, позволяющие определить пол преступника, при раскрытии убийств с помощью программы «Форвер» // «Черные дыры» в Российском законодательстве. Юридический журнал. № 4. – М.: ООО «К-Пресс», 2009. – С. 126–129.
2. Философия: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики / под ред. А. А. Ивина. – 2004. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/ (дата обр. 25.08.2013).
3. Философская энциклопедия: в 5 т. – М.: Сов. энциклопедия / под ред. Ф. В. Константинова. 1960–1970. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/ (дата обр. 25.08.2013).

Буйнова О. Ю.

Удмуртский государственный университет

GENERAL TENDENCIES IN THE DEVELOPMENT OF MODERN ENGLISH WORD STOCK. IDIOMS

*No one wants to make their English even funnier
than it is already, although thousands unknowingly
do just this every day.
Stewart Clark*

Words are tools to express ideas, thoughts, feelings, and reactions. It is sometimes difficult even in your own language to find words that are precise enough to get your exact message across to others. When we use English, we are faced with the language where slang and idiom are intertwined with standard phrases, and where most words have multiple meanings. English is full of traps which are easy to fall into. As Bill Bryson said: «Any language where the unassuming... word *fly* signifies an annoying insect, a means to travel, an a critical part of a gentleman's apparel is clearly asking to be mangled» [2].

According to the definition from Oxford Advanced Learner's Dictionary «Idiom is a group of words whose meaning is different from the meanings of the individual words». The same dictionary defines the adjective “idiomatic” in reference to the language as containing expressions that are natural to a native speaker [7]. Nonnative speakers of English can reach a point in their knowledge of the language where they feel comfortable with standard literary speech: *She was angry with me*; however, they are liable to find themselves in hot water when confronted with idiomatic expressions: *She tore me off a strip*. When used by native speakers, idioms sound natural and fit the occasion, since native speakers instinctively feel the imagery and impact of what they are saying.

While teaching idioms it is necessary to help students to bridge the gap between “meaning” and “thrust” of idioms by providing a situation, so that the imagery created by the expression can be felt, rather than simply learned as a stock definition.

Since the general tendencies of present-day English are towards more idiomatic usage, it is important to notice how the language is developing. Idioms are not a separate part of the language which one can choose either to use it or to omit, but they form an essential part of the general vocabulary of English. A description of how the vocabulary of the language is growing and changing will help to place idioms in perspective.

While collocations have a figurative meaning that takes in only part of the phrase, as in *deliver* (figurative) a *speech* (literal), in an idiom (*play one's cards right*) the figurative shift extends over the entire phrase.

What are the key characteristics of idioms? Idioms originate in phrases with a literal meaning which have settled firmly into lexicon through repeated use. Many ‘literal phrases’ remain in constant circulation over considerable periods, unchanged in form and meaning (*spread the butter, carve the joint, peel the potatoes*). It is arguable that many of these, rather than being made up afresh on each occasion of use, are simply stored and recalled as wholes.

Some of these phrases pass on into the next stage of development. They are figuratively extended, in terms of the whole expressions, but may or may not also preserve their original literal sense. Phrases that originated in the development of the railway network, such as *go/run off the rails, reach the end of the line, and run into/hit the buffers*, and which are now idiomatic, are among those which will still be understood in both a literal and a figurative sense by many speakers. These are the so-called «figurative idioms». At the end of this particular line are those idioms whose figurative meanings, through constant use over the years, have congealed or ossified. Their senses can no longer be traced from the original literal ones (consider *pull one's socks up, an eager beaver, an ivory tower*) [3].

It cannot be explained why a particular idiom has developed an unusual arrangement or choice of words. The idiom has been fixed by long usage – as is sometimes seen from the vocabulary. The idiom *to buy a pig in a poke* means “to buy something which one has not inspected previously and which is worth less than one paid for it”. The word *poke* is an old word meaning *sack*. *Poke* only appears to present-day English with this meaning in this idiom. Therefore, it is clear that the idiom has continued to be used long after the individual word.

Looking again along the line of development, we see a continuum extending from much repeated and memorized literal phrases, to items whose senses are partially intelligible, often because a once-fresh metaphor is not yet dead («figurative idioms»), to those phrases whose meaning are impenetrable or opaque («pure idioms»). According to those criteria, *mend one's fences* and *be meat and drink to somebody* are ‘figurative’, while *rush one's fences* and *grease someone's palm* are «pure».

One of the means of distinguishing collocations from free combinations is to analyze how flexible their grammar is. Since we are unable to say *the alley was blind* (as a «transformation» of *a blind alley*) the example is to that extent a collocation. Does the same approach help us to distinguish one kind of idiom from another? The difficulty with this approach lies finding the right restrictions to do the diagnostic work. Consider the active to passive switch in pure idioms such as *spill the beans* and *grease someone's palm*. It happens that both can be passivized – compare *the beans were spilt, his palm was greased*. But the opposite is true of *fit the bill* or *kick the bucket*. We must

simply accept that near the upper end of the continuum, the results of various tests may pull in different directions. This is as true of meaning and substitution within the idiom as of anything else. So the following phrases are opaque semantically, while allowing a small number of fixed substitutes: *Shanks's pony / mare, the rough edge / side of one's tongue, a chink/crack in one's armour*. [3]

Speaking about some new tendencies in the developing of idiomatic expressions, we could mention the phenomenon of deformation where the following devices can be singled out – addition, shortening, replacement or rearrangement of the components.

«Truncation», a process by which a longer expression is reduced from its original full form to a grammatically shorter one. A truncated form can evoke the complete expression, with its original meaning, but at the same time may come to have an independent life of its own [6].

Amplification and truncation are two sides of the same coin, but in the majority of cases listed below, the fuller versions are fairly clearly attested as the original forms. Many are traditional proverbs and sayings, downgraded from their canonical or earliest forms to lower-level grammatical units: a compound sentence to a single clause, or a clause to a group:

a bird in the hand (is worth two in the bush)
birds of a feather (flock together)
don't count one's chickens (before they're hatched)
he who pays the piper calls the tune, call the tune
let the cobbler stick to his last, stick to one's last
make hay (while the sun shines)
(sow the wind and) reap the whirlwind

The reduced forms can be seen in terms of ellipsis, since in many cases an allusion to the original and fuller form remains. However, they are institutionalized, and many can be regarded as lexical items in their own right. *A rolling stone gathers no moss* is complicated in that both the nominal *rolling stone* and the verb phrase *gather moss* are institutionalized as individual items. Here we deal with replacement or rearrangement of the components:

a drowning man will clutch at a straw
*clutch / **grasp** at straws*
it's the (last) straw that breaks the camel's back
*the last straw / **final** straw.*

In a few cases, the original fuller form has almost disappeared from the lexicon:

finders keepers (losers weepers)
happy the bride that the sun shines on (and blessed are the dead that the rain falls on)
(speech is silver but) silence is golden
butter wouldn't melt in her mouth (but cheese wouldn't choke her).

In the above cases, the reduced forms have become fossilized as the canonical forms. Truncation can also occur on an ad hoc basis. Here are two examples from fiction and journalism:

*My mother was hysterical and my father called me a lot of unpleasant names. I stood it for a bit and then I'm afraid I said to him that **what was sauce for the goose** and at least I wasn't married.*

*In one audacious move, D & B sent a questionnaire to Geoff Crougton, secretary of the Bank of England. After all, **nothing ventured** and all that* [6].

Another device which is worth mentioning is addition. In *Why a global language?* David Crystal writes: Governments who wish to play their part in influencing the world's linguistic future should ... plan ahead – whether their interests are to promote English or to develop the use of other languages in their community. If they *miss this **linguistic boat***, there may be no other.

The expression «to miss the boat» occurs in its deformed variant «*to miss the linguistic boat*» and it cannot fail to attract the reader's attention as rhetorically convincing way of expression.

According to the traditional theory of idiomaticity idioms are regarded as «dead metaphors». That is the reason why many educated speakers of English regard them as clichés – banal, hackneyed phrases to be either avoided or refashioned. In this respect it would be particularly interesting to see the attitude to the use of idioms proper in England [4].

As far back as in the middle of the 18th century Samuel Johnson, in the Introduction to «A Dictionary of the English Language» (London, 1765) wrote that one of his lexicographic principles was the intention to exclude from his dictionary words and word-combination which can be described as belonging to «spoken (colloquial) English» and idioms proper which were declared by him as contradicting the laws of logic and common sense. In the middle of 19th century the attitude to the idioms proper underwent certain changes. They were not viewed as «barbarisms» any longer but, on the contrary, were considered to be the elements that reflected the worldview of this or that nation. This state affairs was reflected in T. Hardy's «The Writer and his background» (London, 1880). In the 20th century the situation with the use of idioms changes drastically [5]. Some of the modern English authors regard idioms as banal phrases which ceased to be original and should be either avoided or used only in a deformed form.

To conclude, the functioning of idioms in speech is socio-historically bound and is connected with a particular linguistic norm which undergoes different changes as time goes on. When dealing with idiomaticity teachers should provide a large-scale view of the norm, more specific enquiry which students of linguistics are required to undertake.

Литература

1. Antrushina G. B. English Lexicology. – М.: Дрофа, 2004.
2. Clark S. Word for Word. – Oxford University Press, 2003.
3. Cowie A. Semantics. – Oxford University Press, 2009.
4. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English language. – Cambridge University Press, 1995.
5. Maguidova I. Modelling Guide to English Idiomaticity. – М.: Готика, 2000.
6. Moon R. Fixed Expressions and Idioms in English. A Corpus-Based Approach. – Clarendon Press, 1998.
7. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Oxford University Press, 2010.

Головко М. Н., Дзенс Н. И.

Белгородский государственный университет

РОЛЬ САНСКРИТА И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ РЕКОНСТРУКЦИИ АРХЕТИПОВ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ

Система смычных согласных обнаруживает в индоевропейских языках довольно сложную картину регулярных (закономерных) соответствий. Наиболее проблемной является реконструкция так наз. аспирированных (придыхательных) согласных. На раннем этапе развития сравнительно-исторического языкознания основное внимание уделяется сопоставлению наиболее древних языков (санскрита, авестийского, древнегреческого, латинского, готского, древнеславянского). На основании сопоставления родственных словоформ были выявлены следующие цепочки соответствий:

- сскр. bh – авест. b – греч. ph – лат. f – слав. б – гот. b
- сскр. *bhārāmi* «несу», авест. *barāmi*, слав. *беру*, др. греч. *phéro*, лат. *ferō*, гот. *baíra* [1, 106];
- сскр. dh – авест. d – греч. th – лат. d – слав. д – гот. d
- сскр. *dhrs̥noti* «дерзает», *dhr̥suḥ* «смелый», авест. *daršiš* «смелый, сильный», греч. *thrasys* «смелый»; слав. *дързъ* «смелый», гот. *(ga-)dars* «дерзает» [3, 38].

Данные соответствия консонантных фонем получили различное истолкование. Одни исследователи, приводя данные санскрита, полагали, что он отражает наиболее древнее состояние консонантизма, реконструируя в качестве архетипов индоевропейского «праязыка» аспирированные фонемы bh, dh; другие же, в опоре на не менее древний авестийский язык, считали исходными архетипами фонемы b, d и относили аспирированные фонемы санскрита к вторичным образованиям, возникшим, возможно, на основе субстрата.

Вместе с тем анализ слов, содержащих соответствия санскритскому *b*, давал иную цепочку регулярных соответствий:

- сскр. *b* – авест. *b* – греч. *b/p* – лат. *b* – слав. *б* – гот. *p*.
санскр. *bala*, греч. *beltiōn*, лат. *dēbīlis*, старосл. *boljijī*, рус. большой.

Как видим, санскр. *bh* и *b* имеют разные цепочки соответствий в других и.е. языках. Однако это не смущало исследователей, признававших лишь наличие «чистых» смычных. Для **b* они выявили следующую линию развития: *b > p > f* (таким образом, без внимания осталось греч. *ph*, явно свидетельствующее о его первичном придыхательном варианте: [*pχ*] > [*f*]).

Вместе с тем, против наличия аспирированных смычных, на первый взгляд, свидетельствовало отсутствие фонемы *gh* в санскрите, хоть на её наличие могли косвенно указывать некоторые другие языки, в которых фонема *g* обнаруживает два различных ряда соответствий:

- а) слав. *г* – гот. *g* – греч. *kh*, *χ* – лат. *x*, *h* – сскр. *h*
- б) слав. *г* – гот. *k* – греч. *g* – лат. *g* – сскр. *j*

(как видим, в греческом также имеются два варианта – аспирированный *kh* и спирантный *χ*; кроме того, готский в обоих случаях имеет двойные соответствия: *b ↔ p*, *g ↔ k*) [3, 116].

Исследователи второго (сер. XIX в.), а особенно третьего (нач. XX в.) поколения компаративистов обратили внимание на подобные противоречия и высказали гипотезу о том, что санскрит, как и другие и.е. языки, обнаруживает значительные изменения исходного состояния консонантизма и не может рассматриваться как индоевропейский «праязык» или наиболее близкий ему вариант древнейшего языка. Потребовалось исследование и других, более «молодых», индоевропейских языков, с целью выявления динамики их развития. В этом плане значительную роль сыграли германские языки, и прежде всего – немецкий язык, значительно изменивший характер смычных согласных, на основании чего представилось возможным, с одной стороны, проследить процесс развития фонем в перспективном аспекте, а, с другой – на основании различий в цепочках «превращений» построить гипотезу относительно характера и.е. архетипов, к которым восходят соответствующие ряды фонем.

На основании учёта германских (готского, древнеанглийского, древнегерманского, современного немецкого) и других индоевропейских языков (литовского, армянского, ирландского и др.) были выявлены архетипы «простых» и «придыхательных» смычных и.е. языка-основы (различия которых наиболее ярко проявляются в «судьбе» германских и немецких фонем). Например:

- и.е. **bh* – сскр. *bh* – авест., слав., литов., ирланд., армян., *b* – гот. *b* – др.нем. *b/p* – нем. *b/p* – греч. *ph* ([*pχ*] > [*f*]), лат. *f*:
и.е. * *bhrātōr*, сскр. *bhrātar*, слав. *бръпъ*, литов. *broils*, ирланд. *brathir* – гот. *brōþar*, двн. *b/pruod/tar*, нвн. *Bruder* – греч. *phrātar*, лат. *frāter*, тохар. *pracar*;
- и.е. **b* – сскр. *b* – авест., слав., литов., ирланд., *b* – гот. *p* – др. нем. *ff*, *pf* – нем. *ff*, *pf* – греч. *b/p* – лат. *b*:
санскр. *abala*, старосл. *jabloko*, рус. *яблоко*, польск. *jablko*, лит. *obuolys*, ирл. *uball/ubhall*, англ. *appel/apple*, нем. *aphul/Apfel*.

Таким образом, динамика развития фонем такова:

и.е. **bh* – а) *bh > ph* [*pχ*] > *f* (греч. яз.)

б) *bh > b > p > f* (прочие и.е. языки)

и.е. **b* > *p > ff*, *pf*.

Что же касается наличия придыхательного *gh*, то сопоставление с привлечением многих языков обнаруживает оппозицию архетипов **g* – **gh*, при этом становится явным значительное изменение фонемы **gh* в санскрите. Это ещё раз доказывает, что его нельзя считать и.е. «праязыком»:

- и.е. **g* – слав., ирланд., греч., лат. *g* – армян. *с* – гот. *k* – исланд. *k* – др.нем. *hh/k* – нем. *ch/k* – сскр. *j* – авест. *z*:
- сскр. *ajraḥ* «деревня», греч. *agros* «поле», лат. *ager*; гот. *akrs*, др. сакс. *akkar*, др.-исл. *akr*, др. нем. *akkar*, *ahhir* [4, 38];

- сскр. *janah* «человек» (от *jan* – рождаться) – сскр. *jantuh*, авест. *zantuš*, арм. *cin*, гот. *kuni*, греч. *genos*, лат. *genus* [3, 115];
- и.е. *gh – ирланд., гот. *g*, др. англ. – др. нем., нем. *g/k* – греч. *kh*, *χ* (*kχ>h*) – лат. *h* – сскр. *h* – авест. *z* – слав. *г, з, ж*:

скр. *ham̐sah* «порода диких водяных птиц», греч. *khēn* «гусь», лат. *(h)anser*; др. англ. *gōs*, др.в. нем. *gans*, слав. *гусь* [4, 38].

Открытие во второй половине XX в. фрагментов письменных памятников на хеттском и тохарском языках подтвердили гипотезу не только о различиях простых и аспирированных смычных, но и вывод о том, что «древнейшие» по возрасту языки могут обнаруживать значительные изменения исходных звуков (архетипов); ср.:

- и.е. *bh> хетт. *b*, тохар. *p*
- и.е. *b> хетт., тохар. *p*
- и.е. *dh> хетт. *d*, тохар. *t*
- и.е. *d> хетт., тохар. *t*

Данное положение современные компаративисты подтверждают также различиями в развитии и.е. фонемы *k:

и.е. *k= хетт., тохар., греч. *k*, лат. *c*, гот., др. нем., нем. *h* – сскр. *ç, ċ, c*, авест. *s*, слав. *к, ц, ч*, литов. *sz, š* [1]

- и.е. *kerd-, лат. *cord* «сердце» (*c=k*), греч. *καρδιά*, гот. *hairto*, див. *herza*, санскр. *śrad-* (в *śrad-dha* ‘верить’), лит. *širdis*, слав. *срьд-це*, русск. *сердце* [2, 106];
- и.е. *k̑ntóm, лат. *centum* (др.-лат. *kentom*), гот. *hund*, сскр. *çatam*, авест. *satam*, русск. *сто*.

Различие этих двух групп трактуется как оппозиция языков «кентум» (хетт., тох., греч., лат., гот., нем.) и «сатем» (сскр., авест., слав., литов.). И в этом случае санскрит значительно изменил артикуляцию исходной фонемы *k*, в то время как германские языки более «прозрачно» отражают связь с и.е. архетипом (наличие и.е. *k вначале было установлено на основе германских языков, а затем подтверждено находками хеттских и тохарских текстов) [1, 118, 119].

Развитие смычных согласных даёт нам представление о том, что и древние, и более поздние языки обнаруживают близкую типологию «параллельного» (по сути фонемных изменений), хоть и разновременного развития. Это позволяет предположить, что данное направление развития было намечено диалектными различиями в индоевропейском «праязыке» эпохи распада этноязыкового сообщества (3–2 тыс. до н. э.).

Литература

1. Абаев В. И., Горнунг Б. В. Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. – М.: АН СССР, 1956. – 323 с.
2. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – Т. I. – 428 с.
3. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М.–Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1938. – 509 с.
4. Мейе А. Основные особенности германской группы языков. – М.: Изд-во иностр. литерат., 1952. – 167 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ОПИСАНИЮ

Конец XX – начало XXI в. характеризуется глубокими изменениями в жизненном укладе почти всех народов мира, что привело к изменениям в функционировании и взаимодействии языков. К числу наиболее масштабных факторов перемен относятся: глобализация общества, виртуализация коммуникации, усиление роли языка как социального конструкта, а также интенсификация языковых контактов и формирование глобального английского. Лингвоглобалистика отмечает в числе важнейших черт языка в новую эпоху динамическую синхронию – ускоренный темп развития [2].

Изменения в языке и социуме происходят столь быстро, что уже невозможно изучить их при помощи традиционных моделей. Язык становится основным компонентом конструирования социальных процессов, а также обнаруживает фрагментарность и некоторые другие качества, позволяющие заключить, что как объект исследования он усложняется и это также вызывает необходимость разработать новые модели описания (язык в динамической синхронии): «Обращение к саморефлексии носителя языка, в границах которой в повседневной жизни происходит столкновение старого и нового, своего и чужого, приемлемого и неприемлемого признается правомерным все большим числом ученых... Сегодня наблюдается локализация глобальных явлений и в сфере жизни русского языка и культуры, поэтому аналогичным образом может быть исследован и процесс функционирования русского языка. Названный подход позволяет проследить «текущие», неустойчивые состояния функционирования языка, зафиксировать тенденции и определить направленность процессов» [3].

Одним из методологических оснований описания может быть концепция повседневности. Повседневность рассматривается как «реальность, интерпретируемая людьми, социальная практика коммуникативного взаимодействия и как процесс жизнедеятельности индивидов [1, 138]. Жизнь языка в повседневности также требует новых методов ее изучения. Анализ лингвистического ландшафта города – один из них. Под лингвистическим ландшафтом понимаются общественные знаки (public signs) городской среды [4].

Городская среда – место многочисленных языковых контактов, именно в ней находят свое отражение все новейшие тенденции развития языка. Зарождение этого направления в лингвистике можно отнести к концу 1970-х гг., когда появились первые – малочисленные и относящиеся к изучению результатов языковой политики двуязычия – исследования письменных знаков городской среды. Изучение лингвистического ландшафта позволяет рассмотреть изменения внутри языка и социума при наблюдении за общественными символами и знаками города.

Описание лингвистического ландшафта (ЛЛ) – относительно молодое направление, и его теоретическая база находится в стадии становления, однако разработана общая модель описания лингвистического ландшафта, предложенная Питером Бакхаусом, который выделяет три шага в исследовании ЛЛ:

- Определение района исследования;
- Определение исчисляемых объектов;
- Определение и характеристика моно- и билингвальных знаков [5, 65].

Под районом исследования понимаются участки территорий, имеющие примерно одинаковую протяженность, одинаковую направленность или (если мы говорим об исследовании статичных объектов, например вывесок магазинов и т. д.)

Под объектом понимают любой фрагмент текста внутри ограниченного пространства (вывеска). Этот фрагмент может включать один или несколько языков и создаваться при помощи различных графических систем (например, кириллица и латиница).

Одной из областей, представляющих интерес в изучении лингвистического ландшафта, являются надписи на товарах, анонсы мероприятий и др.

Исследование ЛЛ позволяет проникнуть в динамику современного состояния языка, выделить и изучить как отживающие элементы, так и новые, нарождающиеся, а историческая перспектива, понимание того, как возникли те или иные явления и процессы, откуда они произошли, даст возможность системно раскрыть полученный материал. Таким образом, изучение ЛЛ позволяет отследить важные тенденции в жизни общества, например, изменения картины мира.

Литература

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. – 322 с.
2. Гриценко Е. С., Кирилина А. В. Язык и глобализация в контексте лингвистического образования (конструктивистский подход) = Language and globalization as a problem of language education // Высшее образование в России. – 2011. – № 3. – С. 69–75.
3. Кирилина А. В. Основные модели описания языковых изменений в условиях глобализации // Власть. – 2011. – № 5. – С. 56–59.
4. Backhouse P. (2006). Multilingualism in Tokyo: A look into the linguistic landscape. *International Journal of Multilingualism*, 3 (1), P. 52–66.
5. Backhouse P. (2007). *Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multiculturalism in Tokyo*: Cleweden: Multilingual Matters.

Зданович Е. В.

Витебский государственный университет, Белоруссия

ВИДЫ ТЕСТОВ. КЛАССИФИКАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕСТОВ

Тест (от англ. test – испытание, проверка) – стандартизованные, краткие, ограниченные во времени испытания, предназначенные для установления количественных и качественных индивидуальных различий [2].

По мере использования тестов была сформирована их классификация по цели и содержанию:

- тесты личности – для оценки эмоционально-волевых качеств индивидуума;
- тесты интеллекта – для анализа уровня развития познавательных процессов и функций мышления;
- тесты способностей – для оценки возможности в овладении различной деятельностью;
- тесты достижений, с помощью которых оценивают развитие знаний, умений, навыков после обучения.

Из всего многообразия типов стандартизованных тестов в образовании используют тесты достижений. Они создавались для проверки результатов обучения на разных ступенях получения образования, измерения эффективности программ и процесса обучения. Тесты достижений принято противопоставлять тестам способностей, состоящим из тестов общего интеллекта, комплексных батарей способностей и тестов специальных способностей. Можно сказать, что тесты способностей измеряют эффективность обучения в относительно неконтролируемых и неизвестных условиях, в то время как тесты достижений измеряют эффективность обучения при частично известных и контролируемых условиях [1].

- По процедуре создания могут быть выделены стандартизированные и не стандартизированные тесты.

Стандартизация – последовательный ряд процедур по планированию, проведению оценивания и выставлению баллов. Цель стандартизации состоит в том, чтобы обеспечить всем учащимся возможность проходить оценивание в равных условиях, чтобы их оценки имели одинаковое значение и не подвергались влиянию различных условий.

В образовании можно выделить и ряд задач, которые могут быть решены не стандартизированными тестами, – в том числе текущий контроль знаний на этапе обучения. Однако для итоговой аттестации учащихся используются только стандартизованные тесты.

По способу предъявления различают тесты:

- бланковые (машиночитаемые бланки, тестовые тетради);
- предметные (манипуляция материальными объектами рассчитана на быстроту реакции и четкость действий);
- аппаратные (с использованием специальной аппаратуры — датчиков для фиксации сигналов);
- практические (аналоги лабораторных работ, но с тестовыми условиями заданий);
- компьютерные (как частный случай — адаптивные).

По характеру действий тесты делят на:

- вербальные;
- невербальные.

По ведущей ориентации выделяют:

- тесты на скорость;
- тесты на результативность (мощность);
- смешанные тесты.

По степени однородности задач тесты делят на:

- гомогенные, позволяющие измерить одно качество (уровень подготовки по одному предмету) однородными по составу заданиями;
- гетерогенные (многомерные) — для измерения уровня подготовленности учащихся по нескольким учебным предметам и (или) свойствам личности.

Гетерогенные тесты бывают полидисциплинарными и междисциплинарными [4].

Полидисциплинарные тесты состоят из гомогенных субтестов по отдельным дисциплинам. Результаты учеников по субтестам объединяются для подсчета итоговых баллов по всему полидисциплинарному тесту. Для выполнения заданий междисциплинарных тестов требуется применение обобщенных, межпредметных, интегративных знаний и умений. Междисциплинарные тесты всегда многомерны, их разработка требует обращения к факторным методам анализа данных, математико-статистическим методам многомерного шкалирования и т. д.

По целям использования в системе образования:

- определяющий (знания или поведение обучаемого в начале обучения)

Тестирование в текущем контроле.

Для текущего контроля разрабатывают корректирующие и диагностические тесты. Корректирующие тесты, как правило, являются критериально-ориентированными: если процент ошибок учащегося превышает критериальный балл, то его знания нуждаются в коррекции. С помощью корректирующих тестов можно найти слабые места в подготовке учащихся и выявить направления индивидуальной помощи в освоении нового материала. Корректирующие тесты не следует путать со средствами текущего контроля знаний учеников, однако они в какой-то мере близки, хотя бы по целям применения. Однако между первыми и вторыми средствами есть существенные различия технологического и содержательного характера. Традиционные средства текущего контроля менее эффективны и в основном ориентированы на проверку и систематическую оценку знаний учеников по небольшим единицам учебного материала. Корректирующие тесты предназначены для выявления пробелов в знаниях по группе учебных единиц, включающих содержание нескольких тем или даже разделов. Обычно они содержат задания, расположенные по нарастанию трудности с тем, чтобы выявить первые же проблемы в усвоении учебного материала.

Если затруднения ученика при выполнении заданий носят систематический характер, то педагог может прибегнуть к помощи диагностических тестов. Основная цель диагностики –

установление причин пробелов в знаниях учеников – достигается специальным подбором содержания заданий в тестах.

Итоговое тестирование.

Основная цель итогового тестирования – обеспечение объективной оценки результатов обучения, которая ориентирована на характеристику освоения содержания курса (критериально-ориентированные тесты) или на дифференциацию учащихся (нормативно-ориентированные тесты).

Итоговые тесты обычно подвергаются стандартизации, поскольку чаще всего они применяются для принятия административных управленческих решений в образовании. Если проведение входного и текущего тестирования – функция учителя, то итоговое тестирование часто проводится внешними структурами и носит характер независимых проверок.

Литература

1. Анастаси А. Психологическое тестирование. – М., 1982.
2. Самылкина Н. Н. Современные средства оценивания результатов обучения. – М., 2007.
3. Звонников В. И. Современные средства оценивания результатов обучения. – М., 2007.
4. Челышкова М. Б. Теория и практика конструирования педагогических тестов. – М., 2001.
5. Гутгарц Р. Д. Особенности дистанционного тестирования в Интернете. – Иркутск, 2001.
6. Шмелев Г. А., Бельцер А. И. Адаптивное тестирование знаний в системе «Телетестинг». – М., 2001.
7. Зимняя И. А. Педагогическая психология. – М., 2005.
8. Балыхина Т. М. Словарь терминов и понятий тестологии. – М., 2000.
9. Родионов Б. У., Татур А. О. Стандарты и тесты в образовании. – М., 1995.

Калинина Е. Э.

Глазовский государственный педагогический институт

ОНИМЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В условиях современной жизни, когда процессы глобализации проникают во все сферы деятельности, одной из основных задач в обществе становится воспитание личности, способной к адекватной межкультурной коммуникации с людьми, принадлежащими к иной культуре, с обязательным учетом особенностей видения картины мира носителем другого языка. Решения этой задачи возможно добиться путем изучения различных аспектов жизни народов, в том числе лингвокультурологического.

По мнению С. Г. Тер-Минасовой, лексика и грамматика играют существенную роль в формировании национального характера [6, 39]. Очевидно, что основную культурную нагрузку несет лексика: слова и словосочетания, из которых складывается языковая картина мира, определяющая восприятие мира носителями данного языка. Особенно наглядно и ярко этот аспект представлен устойчивыми выражениями, фразеологизмами, идиомами, пословицами, поговорками – то есть тем слоем языка, в котором непосредственно сосредоточена народная мудрость или, вернее, результаты культурного опыта народа [6, 147].

Фразеологизмы точно передают и отражают специфику национального характера народов, так как именно фразеологизмы, создававшиеся народом и отшлифованные им в течение многих веков, сохраняют в себе весь колорит и особенности развития языка и истории данного народа. В целом, система образов, зафиксированных во фразеологическом составе того или иного языка, обусловлена особенностями материальной, социальной и духовной культуры и свидетельствует о ее национально-культурном опыте и традициях [2, 53–55].

Фразеология тесно связана с историей, культурой, традициями и литературой народа, говорящего на данном языке. Эта связь наиболее четко прослеживается в тех

фразеологических единицах, в состав которых входит имя собственное. Многие фразеологические обороты этого типа связаны с фактами давно забытых дней, мотивация имени собственного (и всей фразеологической единицы) давно стерлась и может быть восстановлена только путем этимологического анализа. В синхронном плане большинство таких фразеологизмов утратило свою мотивацию. Будучи компонентом фразеологизма, имя собственное подчиняется тем же закономерностям, что и имена нарицательные в составе обычных фразеологизмов. Часто имя собственное в составе фразеологизма становится «потенциальным словом», «опустошенным» лексически, нередко наблюдается появление значений «общего рода», что само по себе является доказательством абстрактного характера значений имени собственного в единицах этого типа [3, 24].

Имена собственные – самая восприимчивая часть языка, они реагируют на все исторические и культурные события быстрее, чем любой другой его элемент. Они функционируют в качестве своеобразных языковых индексов, отражают наиболее престижные для данного пласта лексики понятия и создают благоприятные условия для комплексного изучения сознания, культуры и языка.

В соответствии с классификацией, предложенной А. В. Суперанской [5, 66], нами были отобраны 238 немецких ономастических фразеологических единиц из лексикографических источников.

Было выявлено, что наиболее активно используются во фразеологизмах антропонимы (*stark wie Simson sein* – *сильный как Самсон*; *Moses Grab suchen* – *искать могилу Моисея, т. е. заниматься бесполезным делом*) [8];

топонимы (*über den Jordan gehen* – *перейти Иордан, т. е. умереть*; *die Fleischtöpfe Ägyptens* – *египетские котлы с мясом, т. е. сытая жизнь*) [10];

фиктонимы (*Werther und Charlotte* – *Вертер и Шарлотта, т. е. влюбленные*; *Eulenspiegel machen* – *представлять Эйленшпигеля, т. е. проказничать*) [10].

Меньшей способностью к фразеологизации обладают агионимы (*Martini wirft mit Nüssen* – *Мартин кидается орехами, т. е. ненастная погода*) [8];

теонимы (*Venus sein* – *быть Венерой, т. е. очень красивой женщиной*) [8];

геортонимы (*zu Pfingsten auf dem Eisen* – *на Троицу со льдом, т. е. никогда*) [8];

мифозонимы (*den Augiasstall reinigen* – *чистить авгиевы конюшни, т. е. проделывать огромную работу*) [1, 17].

В ходе выборки ономастических фразеологических единиц следует также отметить, что круг понятий, на которые распространяются имена собственные, весьма обширен и разнообразен. Он охватывает предметы различных сфер жизни и деятельности человека: *der Tante-Emma-Laden* – *маленький магазинчик, где владелец магазина и продавец выступают в одном лице. Имя Эмма олицетворяло в Германии бюргерскую добропорядочность и еще в середине XIX в. было очень модным благодаря роману Флобера «Madam Bovary»* [8];

die flinke Jett – *название обувных мастерских, где производится срочный ремонт обуви* [8];

die dicke Berta – *42-сантиметровое орудие. Орудие с коротким и толстым стволом, необычно большого калибра (420 мм), которое выпускалось на заводах Круппа. По свидетельству немецких лингвистов, орудие названо так по имени жены Круппа – Берты Крупп* [1, 36];

der alte Gottfried – *домашнее платье или халат* [1, 63];

faule Grete – *пушка* [1, 64];

die flotte Lotte – *мясорубка; соковыжималка* [8];

(ei)'ne große Pauline – *большой кофейник* [8];

dicke Marie – *разг. большая сумма денег; крупные денежные купюры* [8];

der billige Jakob – *разг. ярмарочный торговец дешевыми товарами. Согласно библейскому сюжету Иаков долгие семь лет безвозмездно работал у отца Рахили, чтобы получить ее в жены* [1, 93];

beim billigen Jakob – *разг. там, где нужную вещь можно купить дешево* [1, 93].

В русском языке фразеологические единицы с традиционным именем собственным также многочисленны. Из лексикографических источников нами было отобрано 375 фразеологизмов с компонентом онимом. Значительное место среди них занимают топонимы: *хоть за нищего, да в Конищего – отдать девушку замуж по соседству, недалеко от дома* [7, 204];

Белгородский кисель – ловкий обман [4, 300];

антропонимы: *Архимедов рычаг – могучее средство для достижения цели* [7, 31];

бином Ньютона – книжн. нечто сложное, непонятное, недоступное обычному уму [4, 51];

библионимы: *Адамом сидеть – быть больным* [7, 29];

Гог и Магог – человек, внушающий ужас; человек влиятельный [4, 143].

Большой пласт лексики содержит заимствованные антропонимы, которые приобретают положительную или негативную оценку. Приведем некоторые примеры: *Время есть – есть Меллер – призыв к спокойствию* [9];

Бритни Спирс – привлекательная девушка; молодая учительница [9].

Важно отметить, что резкую негативную оценку в жаргоне получают личные имена российских политиков, деятелей СМИ, рекламы, артистов поп-культуры. Так, в жаргоне трансформируются имена собственные представителей шоу-бизнеса следующим образом: *Болванушки International – поп-группа «Иванушки International»* [9], *Массовый лай – поп-группа «Ласковый май»* [9], *Таня Болванова – певица Таня Буланова* [10], *Валерий Мармеладзе – певец Валерий Меладзе* [10], *Полип Фарфоров – певец Филипп Киркоров* [10] и пр.

Среди онимов в составе жаргонных ФЕ превалирует мужская антропонимия. Анализируя словообразовательные варианты имен собственных, мы обнаружили, что значительное количество занимают мужские личные имена: *Василий* и варианты *Вася/Васька (абстрактный Вася – о неинтересном, посредственном человеке* [9]; *Вася по жизни – простак, глупец* [9]; *голый Вася (Вася голый) [ночевал] – о полном отсутствии чего-н. где-л.* [9]) и *Иван* и варианты *Ваня/Ванька/Ванек (Иван Иванович – туалет; прокурор; алюминиевый Ваня – о неинтересном, посредственном человеке* [9]; *Ваня сельский – глупый, неотесанный человек)* [9].

Наиболее частотными женскими личными именами являются *Мария* и варианты *Марья/Маруся/Маша/Машенька (как умная Маша – о наивном, обманувшемся в своих надеждах, попавшем в неприятную ситуацию человеке* [10]; *упасть на Машку – морск., арм. начать мыть пол шваброй* [10]; *Мария Ивановна – обращение к гомосексуалисту; марихуана* [10]) и *Екатерина* и варианты *Катерина/Катя/Катька/Катюха (две Катьки – двести рублей* [9]; *передать (прислать) Кате поцелуев – просьба выслать определенное количество наркотика* [9]; *Катюха – два уха – простая, недалекая девушка)* [9]).

Жаргонные фразеологизмы с компонентами-онимами отличаются уникальной экспрессивностью, так как имена собственные, как правило, являются национально маркированными и содержат различные фоновые элементы значения. В целом можно констатировать, что в семантике онимов в составе жаргонных фразеологических единиц раскрывается мировоззрение носителя жаргона.

Ономастическая фразеология представляет собой пласт языковых единиц, имеющих большую культурологическую ценность. Факт наличия имени собственного в составе фразеологизмов выделяет их в особую группу, требующую специального рассмотрения с различных точек зрения: этимологической, семантической, функциональной.

Фразеологизмы с онимическими компонентами представляют собой замкнутую микросистему, обладающую ярко выраженной национальной спецификой, поскольку данные единицы имеют непосредственное отношение к истории и культуре народа.

Знание этимологии фразеологических единиц с именами собственными специалистами, изучающими тот или иной язык, расширяет их лингвистический и страноведческий кругозор, помогает лучше ориентироваться в средствах выражения тех или

иных специфических значений, преодолеть языковой барьер в восприятии культурно-исторической информации.

Полученные наблюдения показывают, что во фразеологической единице имя собственное имеет определенное значение и придает всему высказыванию ярко выраженную эмоциональную окраску и семантическую выразительность. Имена собственные действительно помогают преодолеть языковой барьер и служат для особого, индивидуального обозначения предмета безотносительно к описываемой ситуации.

Литература

1. *Бинович Л. Э.* Немецко-русский фразеологический словарь. – М.: Иностранные языки, 1956. – 903 с.
2. *Гак В. Г.* Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1977. – С. 20–65.
3. *Молотков А. И.* Этимоны фразеологической единицы // Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания: тезисы докладов и сообщений. – М., 1990. – С. 193.
4. *Русская фразеология: Историко-этимологический словарь / сост. А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова.* – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Астрель, 2006. – 928 с.
5. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
6. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
7. *Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова.* – М., 1986. – 543 с.
8. <http://www.duden.de/rechtschreibung/stark>
9. <http://www.slovonovo.ru/>
10. www.slovo-delo.ru

Касаткина Т. Ю.

Удмуртский государственный университет

О ЗНАЧЕНИИ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Одной из важнейших проблем педагогической психологии и лингвистики является проблема нахождения нового способа обучения иностранному языку, в котором происходило бы развитие личностных и деятельностных характеристик обучающихся. Необходимость поиска новых образовательных технологий определяется расширением в настоящее время личностного пространства человека, резким увеличением контактов людей с окружающим миром, в том числе и с людьми другой культуры, носителями иностранного языка. Успешное усвоение иностранного языка необходимо не только для установления и развития контактов между людьми и народами, но и для овладения разноплановой информацией, без которой невозможно полноценное, многогранное личностное развитие человека.

В условиях модернизации образования становится очевидной необходимость обращения исследователей к изучению возможностей разработки принципиально новых способов преподавания иностранных языков. Чрезвычайно важным представляется не только факт усвоения иностранного языка, но и сам способ этого усвоения, интериоризации новых языковых форм.

Построение новых образовательных технологий в области изучения иностранных языков невозможно без разработки особых теоретических концепций, базирующихся на современных научных представлениях о сущности процессов усвоения иностранного языка и психологических механизмах, обеспечивающих эти процессы. Такие механизмы определяют связь между внеязыковым содержанием и формальными структурами изучаемого языка. При этом происходит осознание собственно лингвистического смысла формальных структур языка. Выбор исходной, формальной структуры происходит благодаря связям, идущим от родного языка

к иностранному языку. При традиционной системе обучения данный механизм формируется стихийно, обучаемые прямо обозначают какое-либо внеязыковое содержание какой-либо иноязычной конструкцией, опираясь на систему родного языка и не учитывая особенностей видения данной внеязыковой действительности носителями языка, т. е. «родное» языковое сознание оформляется иноязычными конструкциями. Язык предполагает набор средств для выражения мысли, и в каждом случае нужно выбрать одно из них. Но основание для выбора той или иной формальной структуры из ряда близких по значению и предполагаемых для употребления в определенной ситуации чаще всего при обучении иностранному языку не указывается. Правильность же такого выбора представляет собой одно из основных условий успешного осуществления речевой деятельности на иностранном языке.

Несмотря на большое число научных работ, посвященных психологическим проблемам усвоения иностранного языка, пока не ставился вопрос в психолингвистике о значении внутренней формы слова в процессе обучения иностранному языку. Поэтому представляется важным в психолингвистическом аспекте обучения иностранному языку рассматривать такие понятия, как внутренняя форма слова, механизм переключения, языковое сознание и показать их связь с личностными и деятельностными характеристиками обучающихся при усвоении иностранного языка. Становление внутренней формы слов иностранного языка основывается на выделении существенных понятий конкретных слов, их значений, сопоставлении общих и отличных способов их представленности в родном и иностранном языке. Переход с одного языка на другой с психологической точки зрения есть в наиболее общем случае смена правил перехода от программы к её реализации. Концентрация внимания на внутренней, а не на внешней форме языка дает возможность усвоить иностранный язык как новую систему кодирования и декодирования информации, а не как подсистему, соединенную с родным языком. При этом построение речи на иностранном языке требует не перевода слов родного языка на слова другого, а перехода с точки зрения одной системы «мировидения» на точку зрения другой системы [1].

Вследствие этого очевидна актуальность теоретических исследований проблемы роли внутренней формы слова при усвоении иностранного языка, создания четких и обоснованных концепций, объясняющих сущность процессов развития языкового сознания и описывающих психологические механизмы этих процессов, построения модели организации обучения, опирающегося на понятие внутренней формы слова. Психолого-педагогическая практика, в свою очередь, настоятельно требует разработки адекватных методов, приемов, технологий, направленных на повышение уровня усвоения иностранного языка обучающимися.

В том случае, если в процессе обучения иностранному языку происходит не только механическое заучивание грамматики, лексики и иных аспектов изучаемого языка, но и постижение новых способов кодирования информации, иностранный язык воспринимается не только как способ общения, но и как средство познания и изучения новой культуры, которая становится близкой и значимой для человека.

Усвоение внутренней формы иностранного языка в процессе его изучения, базирующееся на методе целенаправленного формирования механизма переключения, приводит к появлению нового способа кодирования и декодирования потоков информации, а также способствует позитивным изменениям в деятельностных и личностных характеристиках субъекта учения. Необходимо учесть следующие моменты:

1. Усвоение внутренней формы слова иностранного языка основывается на ее сопоставлении с внутренней формой соответствующего слова родного языка и выделении общих и различных признаков этих форм.
2. Акцентирование внимания обучающихся в процессе изучения иностранного языка на общем значении, реализуемом при помощи разных средств (внешних и внутренних форм), способствует эффективному усвоению содержания языка, а не механическому запоминанию новых слов.

3. Повышение уровня сформированности механизма переключения сопровождается развитием самоконтроля, саморегуляции, креативности, повышением уровня самосознания и адекватности самооценки [1, 16].

Психологическим условием успешности данной образовательной технологии является развитие языкового сознания как целостной системы, способной охватить совокупность значений всех форм каждой лексической и особенно грамматической категории.

Механизм переключения представляет собой сложный процесс, заключающийся не только в интериоризации определенных действий, но имеющий также свое собственное психологическое содержание. Механизм переключения представлен как саморегулятивный процесс, сопряженный с мотивацией, самоконтролем и самооценкой субъекта обучения. Психологическое содержание механизма переключения раскрывается в появлении связи между разными представлениями, в усвоении не только внешних, но и внутренних форм нового языка. Психологическими условиями функционирования механизма переключения являются систематичность, подразумевающая постоянное сопоставление языковых значений аналогичных формальных структур на иностранном и родном языке при одновременном их предъявлении; контекстность, ориентированная на анализ внеязыковых ситуаций, определение особенностей иностранного языка, установление критериев выбора языковых средств, для описания соответствующих ситуаций, опора на родной язык, связанная с использованием родного языка как важнейшей основы изучения иностранного для сопоставления объективного содержания картины мира в разных языках.

При обычном способе механического заучивания слов формируется связь между звуковой, внешней формой и значением слова. При этом само значение не изменяется и не обогащается. Для взрослого человека достаточно просто связать по ассоциации несколько внешних форм между собой. При этом тот факт, что один и тот же объект может получить несколько названий, сам по себе является важным для развития многих психологических качеств – вербальной креативности, памяти, мышления и т. д. В то же время при таком подходе не развивается отношение к новому языку, не усваивается специфика его структуры, его связей между разными формами слова, то есть красота языка, особенности отражения, построения образа мира в конкретном языке не открываются для говорящего. Сам факт технических сложностей при переводе привязывает человека к его родному языку, а поэтому иностранный язык всегда остается вспомогательным, механическим средством, действием в системе той или иной деятельности.

Усвоение внутренней формы слова иностранного языка и применение метода целенаправленного формирования механизма переключения, дает возможность педагогам, работающим в системе высшего образования, в процессе преподавания иностранного языка не только добиваться более эффективного (по сравнению с традиционной системой обучения) его усвоения, но и целенаправленно влиять на характер развития у обучающихся способностей к самоконтролю и самооценке и создавать новые психолого-педагогические технологии и программы.

Литература

1. Барановская Т. А. Внутренняя форма слова как психологическая основа обучения иностранному языку: дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2004. – 456 с.

МАСКИРОВОЧНАЯ И ПАРОЛЬНАЯ ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (на материале белорусских и британских СМИ)

В каждодневном общении люди сталкиваются с ситуацией, когда прямой ответ на поставленный вопрос может быть болезненным, вести к созданию напряжения или даже конфликта, увеличивать дистанцию между коммуникантами. Для того, чтобы избежать этих неприятных моментов, говорящие зачастую прибегают к использованию языковой игры, которая служит инструментом маскировки смысла сказанного, о истинном значении которого можно лишь догадываться, но который, будучи выражен имплицитно, хоть по сути и будет понятен реципиенту, тем не менее, не приведёт к возможным нежелательным последствиям, так как шутка обладает способностью нейтрализовать вероятную негативную реакцию. Так, М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «Создалась особая манера писать и говорить – манера, обнаруживавшая замечательную изворотливость человеческого ума в изобретении оговорок, недомолвок, иносказаний и прочих обманных средств» [1, 168]. *«Недетские проблемы детского лагеря»* («Республика», 05.11.2010, № 212 [5124]).

Также языковая игра обладает способностью выдавать ложное утверждение за правду – *«Купюры от кутюр»* (новые дензнаки, «СБ. Беларусь Сегодня», 03.03.2011, № 41 [23683]), *«Peter's Secret Day»* («The Mirror», 07.04.2011). Рассматриваемая функция языковой игры проявляется в маскировке истинного смысла высказывания, который скрыт за выступающим на передний план поверхностным смыслом. Человек, а в нашем случае автор, надевает маску на себя и на свою речь.

С точки зрения Ю. С. Степанова, одним из главных концептов всякого коллективного, народного, национального, массового мироощущения, является противопоставление «свои» и «чужие» [2, 58]. Языковая игра может являться способом подобного противопоставления. Так она может использоваться для ощущения связи с товарищами и исключать из общения посторонних, то есть служить средством идентификации себя с другими людьми и через других людей. Наличие групп «чужих» людей делает возможным наличие «своих». Представляется очевидным, что подобная идентификация обусловлена ментальностью человека. Так, В. А. Пищальникова при анализе проблемы менталитета приводит следующие его направления рассмотрения:

- 1) менталитет есть совокупность воззрений, представлений «чувствований» общности людей определённой эпохи, географической общности или социальной среды, особый психологический уклад, влияющий на исторические и социальные процессы;
- 2) ментальность есть специфическое отражение внешнего мира, обуславливающее специфику способов реагирования на воздействие объективной действительности со стороны той ли иной общности людей;
- 3) менталитет заключается в когнитивной сфере и определяется прежде всего знаниями, которыми владеет общность [3, 189].

Эти знания оказывают значительное влияние на повседневное поведение людей, на оценку, восприятие, отражение окружающего мира. Идентификация со «своими» возможна исключительно в пределах культурной общности.

Одним из признаков, которые могут определять принадлежность к той или иной социальной группе, может являться способность понимать языковые игры, которые, в свою очередь, основаны на двусмысленности и имеют намёк на то, что может быть известно лишь членам данной группы. Данный способ коммуникации с представителями «своих» в большей степени характерен для авторов художественных произведений. То есть, читатель становится частью «интимного» круга автора, так как именно он обладает с ним особой уникальной общностью памяти: предполагается, что объём памяти адресата соответствует обязательному

для любого говорящего на данном языке и принадлежащего к данной группе. Поэтому автор может позволять себе изъясняться с намёками, использовать специфическую систему идиоматических оборотов, омонимов, синонимов, что в совокупности с другими элементами создаёт некий особый колорит. В заголовках СМИ это явление тоже находит достойное применение: «*Justin Bleeder*» («The Sun», 18.02.2011). В данном примере за «своего» будет приниматься тот, кто по одному слову Justin способен понять, какая же личность имеется ввиду, и не спутать его с другими именитыми тёзками (например, Justin Timberlake). В русскоязычных СМИ подобные примеры также не являются редкостью: «*Красно-белая лихорадка*» («СБ. Беларусь Сегодня», 04.12.2010, № 233 [23622]). Для людей, которые увлекаются спортом красно-белый не просто цвет, а цвет футбольной команды «Спартак». А в статье речь идёт о массовых заболеваниях игроков указанного клуба.

Парольную функцию могут также выполнять и прозвища, которые даются людям, явлениям, процессам, которые демонстрируют в очень яркой форме отношение говорящего к объекту: «*Берлинский Экспресс: кто не успел, тот отдыхает*» (диктат Германии в ЕС, «СБ. Беларусь Сегодня», 17.02.2011, № 31 [23673]), «*Boozer for the Bruiser*» («The Mirror», 07.04.2011). Bruiser – кличка главного героя популярного в Британии сериала «Coronation Street».

Парольная функция языковой игры реализуется также на уровне фразеологизмов, которые могут либо восприниматься буквально, либо в метафорическом значении. В данном случае имеются ввиду тексты, где на первый план в качестве свободных языковых единиц выступают составляющие элементы фразеологизма. На первый взгляд, они не имеют направленности на комическое и для большинства «чужих» кажутся непонятными: «*В омут без головы*» (демонстрации в Египте, «СБ. Беларусь Сегодня», 05.02.2011, № 23 [23665]), «*Как лёд на голову*» (сосульки на крышах, «СБ. Беларусь Сегодня», 28.12.2010, № 248 [23637]).

Также возможны случаи, когда языковая игра не осознаётся, так как реципиент не знает метафорического значения выражения. Здесь имеются ввиду предложения, построенные на намеренном разрушении смысла фразеологизмов [4, 86]. Таким образом, фразеологизм теряет своё метафорическое значение. Тем не менее, если значение фразеологизма известно реципиенту, то может произойти резкий перенос переносного значения на прямое. В результате возникает эффект двупланности: «*Мокрое дело*» (проблема с протеканием труб, «СБ. Беларусь Сегодня», 15.12.2010, № 240 [23629]).

Языковая игра является окказиональным расширением семантики языковых знаков. Она является инструментом, с помощью которого происходит познание возможностей языка как такового. В этом заключается гностический аспект языковой игры. Так как в языковой игре окружающий нас мир отражается в виде языковой картины мира, можно сделать предположение, что языковая игра может восприниматься как способ создания новой модели мира путём переосмысления и переработки уже накопленного языкового материала.

Литература

2. Земская Е. А. Языковая игра. – М., 1983. – 298 с.
3. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 35–73.
4. Кузнецова Г. Н. Эффективная ключевая фраза. – М., 1993. – 248 с.
5. Bruthiaux P. The Discourse of Classified Advertising: Exploring the Nature of Linguistic Simplicity. – New York, Oxford: Oxford university press, 1996. – 208 p.

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕТАФОРЫ В ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ

Деловой дискурс является неотъемлемой частью жизни общества. Сферы, в которых употребляется данный вид коммуникации, различны, поэтому представляется закономерным тот факт, что каждая разновидность делового дискурса обладает уникальными, присущими ей одной характеристиками, однако есть и общие, универсальные черты.

«Знания о мире, актуализированные языком, складываются у участников современного делового сообщества по определенным сценариям на основе знаний о фиксированном наборе стереотипных ситуаций и могут быть описаны как результат формирования глобального фрейма «делового дискурса». Глобальный фрейм делового дискурса, репрезентируя всю систему знаний делового сообщества, представляет собой объемную фигуру» [4, 136].

Систему данного фрейма образуют три инвариантные категории, а именно:

- 1) специфическая цель, которая состоит во взаимовыгодной профессиональной деятельности, направленной на получение прибыли;
- 2) участники (предприниматели, управленцы, покупатели, менеджеры, клиенты, люди, интересующиеся бизнесом);
- 3) хронотоп (деловое сообщество как социальный институт формирует определенные представления в сознании каждого участника делового взаимодействия, определяет использование языка и детерминирует стратегии и тактики взаимодействия социальных групп и индивидов в мире бизнеса [4].

Т. А. Ширяева выделяет следующие фреймы, входящие в состав делового дискурса: «экономика», «финансы», «маркетинг», «предпринимательство», «власть». Они репрезентируют данный глобальный фрейм и содержат определенные знания. Каждый фрейм представляет собой когнитивную модель организации знаний о стереотипной ситуации в деловом сообществе, являющуюся концептуальным основанием значения определенных лексем. Следует отметить, что данные элементы делового дискурса фиксируют некоторый нормативный способ описания ситуаций, типичных для языкового коллектива современного делового сообщества [4].

Традиционно считается, что язык делового общения нетворческий, а использование готовых «блоков», застывших клишированных образований является доминирующей характеристикой деловой коммуникации. Эта клишированность проявляется не только на уровне словосочетаний и предложений, но и на уровне целых текстов, будь то деловая переписка, банковские документы или презентационные материалы. Даже неофициальная диалогическая речь между участниками общения, как правило, не выходит за рамки стандартных, формальных, глобально клишированных единиц большого и малого синтаксиса [1].

Упомянутое выше утверждение справедливо, однако, не для все типов делового дискурса. Разумеется, если мы рассматриваем такие составляющие бизнес-коммуникации, как, например, официальные приказы, уставы, должностные инструкции, общение начальников с подчиненными, их шаблонность и клишированность не вызывает сомнений.

Так, авторы, занимающиеся изучением официально-деловой коммуникации, обращают внимание на ее основополагающие свойства, а именно на традиционность, стандартизованность и нейтральность. В этом виде дискурса доминируют коммуникативные процессы, связанные с реализацией посредством официально-деловых текстов регулятивной функции. Лингвисты обращают внимание на то, что наиболее частотно обращение к официально-деловому дискурсу осуществляется в целях создания эффекта достоверности повествования [3].

Однако необходимо подчеркнуть тот факт, что далеко не все типы делового дискурса характеризуются шаблонностью. Существуют такие его разновидности, в которых широко используется эмотивная лексика и изобразительные средства языка.

Чтобы закрепиться на тех или иных рынках, требуется создать положительный имидж своей фирмы, товара или услуги, повлиять на мнение и выбор потенциального потребителя. Эти условия отражаются на состоянии печатных изданий. Следует обратить внимание на сам язык (он относительно свободный по сравнению с языком других видов делового дискурса), а также на манеру изложения материала. Не последнюю роль играет подача материала. Во-первых, привлечь внимание может необычный, оригинальный заголовок, он выполняет функцию слогана или банера. Во-вторых, лучше воспринимается текст, разбитый на своеобразные главки. Акт коммуникации будет более эффективным, если каждый такой фрагмент снабжен подзаголовком, задающим вектор восприятия и развития темы. Кроме этого, создание имиджа осуществляется средствами метафорического моделирования. На первый план выдвигается ряд характеристик, призванных сформировать у читателя вполне определенное представление [2].

Бизнес в разных сферах развивается и растет, появляются новые товары и услуги, поэтому люди, не вовлеченные по долгу службы в деловую коммуникацию, часто оказываются не в силах понять название того или иного модного направления в экономике. Будучи неопытным пользователем, человек, тем не менее, является участником деловых отношений, он покупает нужные ему товары, оформляет кредит, слушает экономические новости, читает газеты. Благодаря СМИ люди остаются в курсе происходящего в мире, в том числе и в сфере бизнеса. Чтобы познакомить читателей с новым экономическим термином, авторы статей часто прибегают к помощи метафор. В данном виде дискурса без метафор не обойтись. Этот стилистический прием позволяет писателю объяснить смысл нового и непонятного читателям явления, обращаясь к хорошо им знакомым понятиям и концептам.

«Indeed, economic discourse contains numerous figurative expressions: tariffs and quota are trade barriers, money transfers constitute cashflow, employees are human capital or human resources, firms may collapse, banks may sink, stockmarket may crash, economic forecast may be gloomy and so on. As a result, metaphors can easily be exploited for reasons of persuasion: describing an economic recession as a tunnel, for example, may lead to expect better times ahead, describing public debt as a burden may lead us to accept new taxes to reduce the weight» (Экономический дискурс действительно содержит множество образных выражений: пошлины и квоты есть барьеры на пути торговли, денежные операции представлены в виде потока, к рабочим относятся как к человеческим ресурсам, фирмы могут пасть духом, банки – затонуть, рынок акций – потерпеть аварию, а экономической прогноз нередко туманен. В результате этого, метафоры могут легко использоваться для убеждения: описание экономического зстоя в виде туннеля, например, может создать впечатление, что он скоро закончится, и лучшие времена еще впереди, а описание денежного долга в качестве тяжелой ноши может убедить нас принять нововведенные налоги, чтобы «сбросить ношу») [5, 138].

Не вызывает сомнения тот факт, что людям проще воспринимать информацию, выраженную в привычных категориях. Исходя из этого утверждения, можно заключить, что человеческое тело – это идеальный источник, вдохновляющий писателей на нахождение новых сравнений и формирование новых образов. «The aspects that are especially used in metaphorical comprehension involve various parts of the body, including the head, face, legs, hands, back, heart, bones, shoulders, and others» (Аспекты, наиболее часто используемые для создания метафор, включают различные части тела, особенно голову, лицо, ноги, руки, спину, сердце, кости, плечи и так далее) [6, 18]. Например, «the heart of the problem», «to shoulder a responsibility», «the head of the department».

Такой аспект человеческой жизни, как физическое здоровье активно используется авторами при формировании новых, непривычных образов для описания повседневных событий. В деловом дискурсе нередко встречаются медицинские метафоры, включающие следующие компоненты: «лекарства», «процесс лечения и выздоровления», «болезни», «фитнесс»:

(1) Tempting though it is to imagine bankers cooking up wild schemes in their Wall Street lairs, innovation is often triggered by a client coming to a bank with a specific headache. Sometimes those headaches have a ready-made cure, but often they need bespoke treatment [9].

(2) It will not be easy for an old industry to develop an entirely new set of muscles [7].

В примере (1) с помощью медицинских метафор с компонентами «лекарства», «лечение» автор доступно объясняет сложную экономическую ситуацию. Когда появляется новый вирус, доктора прилагают усилия, ищут пути остановить эпидемию. Опираясь на знание этого факта, автор показывает, каким способом в бизнес внедряются инновации: подобно больному, клиент приходит в банк со своей проблемой, и банкиры ищут «лекарство», чтобы облегчить ситуацию. В примере (2) говорится о необходимости компаний приспосабливаться к новым веяниям в экономике. Автор сравнивает старую промышленность со спортсменом, которому придется «накачать мускулы», чтобы «выиграть соревнование».

Любая экономическая деятельность направлена на получение прибыли, и практически везде в деловом мире присутствует высокая конкуренция, иными словами, борьба. Возможно, этим фактом и объясняется наличие в экономических текстах большого количества изобразительных средств военной тематики.

Использование военных метафор в деловом дискурсе может служить разным целям. «Fighting and warfare metaphors can be used by employers to call for extra sacrifices on the part of their employees or for protectionist measures on the part of the government» (Метафоры, связанные с борьбой и войной, могут быть использованы работодателями с целью призвать рабочих пойти на жертвы и работать сверхурочно, или с целью добиться протекции от правительства) [5, 140].

(3) Talks are continuing, but a bidding war may break out between UPS and FedEx [9].

Разумеется, в данном примере (3) слово «war» употребляется в переносном значении, однако эта метафора показывает напряженность отношений между двумя компаниями, невозможность найти компромисс, нежелание идти на уступки и возможные разрушительные последствия для обеих сторон. Слово «война» помогает создать в сознании читателей яркий образ, поскольку данное явление связано неразрывно с жестокостью, разрушениями и потерями. В экономических текстах встречаются множество метафор, включающих компонент «борьбы» («a price war», «a trade war», «a take-over battle», «a fight for the market share», «a trading truce»).

Экономика привлекает далеко не всех, некоторые считают ее скучной, надоедливой и временами занудной. Не каждый может оценить магию цифр и графиков, многим не интересно следить за изменениями курса валют, люди скорее обеспокоены ростом цен и высчитыванием налогов. Поэтому авторы статей в экономических журналах нуждаются в особенных, ярких средствах языка, которые привлекут внимание читателей к обсуждаемым в мире проблемам. В свете данного утверждения вполне закономерной представляется тенденция, в рамках которой тексты деловой коммуникации становятся все более наполненными метафорами, отражающими такие понятия, как «колдовство», «магия», «волшебная палочка» и другие. Изобразительные средства, включающие данные компоненты, делают тексты более привлекательными для читателей, поскольку отвлекаясь от повседневности и рутины, читая текст о налогах или выборах, красиво украшенный мистическими и сказочными понятиями, несомненно, более притягательно, чем чтение текста, полного цифр и непонятных терминов.

(4) When a company is developing a new product, its employees don't stroll over to the boss' office, grab the market magic wand, and create something that will sell profitably [8].

В примере (4) выражение «magic wand» (волшебная палочка) создает образ сказки. Автор подчеркивает, что в сфере бизнеса нельзя ничего добиться без усердной работы. Желания, исполненные взмахом волшебной палочки, могут быть незаслуженными. С помощью метафоры автор обращает внимание на то, что описываемая компания, напротив, трудится не покладая рук, исследует рынок, чтобы добиться успеха.

По мнению ученых-лингвистов, работа различного рода механизмов и устройств достаточно хорошо знакома человеку. В связи с этим утверждением представляется закономерной тенденция, в рамках которой авторы для описания экономических реалий используют большое количество метафор с компонентом «техника». На базе знакомых, конкретных объектов абстрактные, запутанные процессы деловой сферы становятся более простыми и посильными для понимания обывателей. Авторы сосредотачивают внимание на работе экономической системы,

уподобляя ее функционированию различных механизмов. Например, «the exchange-rate mechanism», «financial instruments», «macroeconomic tools», «economic tinkering», «lightbulb movement».

Подобно машине, которая работает продолжительное время в усиленном режиме, экономическая система в примере (5) показана износившейся:

(5) Yet a current-account deficit of over 10 % of GDP points to overheating, and the economy is now slowing sharply [9].

Из всего вышесказанного можно заключить, самыми частотными являются метафоры тематических групп «медицина», «война», «магия» и «техника», что объясняется спецификой деловой коммуникации и ассоциациями, возникающими при употреблении данных понятий. В экономических текстах эти метафоры выполняют важнейшие коммуникативные функции: номинативную, информативную, эмоционально-экспрессивную, оценочную, а также воздействующую, аттрактивную и другие функции. Лингвосемиотика метафоры делового дискурса заключается в единстве лингвистической и семиотической составляющих. Она представлена системой вербальных знаков, используемых в экономических текстах с целью номинации и презентации явлений и предметов, характерных для деловой сферы, дескрипции экономических событий, аттракции внимания читателей, оценки действий финансистов и эффективного воздействия на общественное мнение. Иными словами, метафоры помогают авторам назвать и объяснить экономические реалии, представить мир бизнеса во всех его проявлениях, познакомить читателей с его особенностями, обратить их внимание на наиболее важные события, а временами и убедить их в правильности определенного мнения и смотивировать на конкретный поступок.

Литература

1. Баландина Н. А. Дискурс переговоров в англоязычной деловой коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 192 с.
2. Булгакова О. В. Имиджевый экономический дискурс на страницах издания // Вестник ТГПУ, вып. 2 (65). Серия гуманитарные науки (филология). – Томск: Изд-во ТГПУ, 2007. – 128 с.
3. Тубалова В. И. Официально-деловой дискурс как прототекстовая среда бытового диалектного текста // Вестник ТГУ. Филология. №1 (9). – Томск, 2010. – С. 80–90.
4. Ширяева Т. А. Деловой дискурс как коммуникативный акт // Вестник ПГЛУ. – 2005. – № 3–4. – С. 92–99.
5. Boers F. Enhancing metaphoric awareness in specialised reading // English for specific purposes № 19 (2000). – Brussels, 2000. – С. 137–147.
6. Kövecses Z. Metaphor: Practical introduction. – N. Y.: Oxford University Press, 2010. – 375 p.
7. The Economist. 17th Mar. 2011. URL: <http://www.economist.com/node/18386456>.
8. The Economist. 31th Aug. 2011. URL: <http://dr.economist.com/blogs/freeexchange/2011/08/markets?page=1>.
9. The Economist. 25th Feb. 2012. URL: <http://www.economist.com/node/21547998>.

Кочурова Ю. Н.

Удмуртский государственный университет

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (английский язык)

В любом языке среди заимствований можно выделить группу слов, которые существуют и в других языках, это так называемые интернационализмы, или интернациональная лексика. Интернационализмы представляют собой лексические единицы, сходные до степени идентификации в графическом и фонематическом отношении с полностью или частично общей семантикой, и существующие в нескольких (не менее чем трех) языках [1, 61]. Как правило, такие слова существуют в большинстве европейских языков и сочетают в себе этимологическое тождество с тождеством синхроническим: слово как бы преодолевает межъязыковые границы в сфере общения [5, 89]. Французский язык

в ходе своего исторического развития служил и служит одним из активных источников обогащения словарного состава других языков. По сравнению с остальными романскими языками именно французский язык является самым продуктивным в области пополнения словарного запаса нероманских языков. По мнению исследователей, свыше 2000 цельнооформленных лексических единиц французского происхождения составляют интернациональный фонд [2, 18].

В данной статье рассматриваются интернационализмы французского происхождения в английском языке. Общеизвестно, что французский язык внес огромный вклад в английский словарный состав. Триста лет французского доминирования в Англии оказали на английский язык такое влияние, какое английский язык не испытывал ни до, ни после Норманнского завоевания [4, 153]. Взаимодействие двух языков началось с давних пор, еще с X в., и продолжается, хоть и не так активно, по сей день. По оценкам исследователей, общее количество французских заимствований в современном английском языке насчитывает около 7 тысяч слов. Некоторые из этих слов являются интернационализмами.

При вхождении в язык-акцептор иноязычные единицы, обладающие в большинстве своем определенным набором лексико-семантических вариантов во французском языке, проходят через процесс семантической ассимиляции, в результате которой могут изменяться как денотативный, так и коннотативный аспекты значений заимствованных слов. То же самое происходит и со словами, являющимися интернационализмами. С точки зрения семантических связей между компонентами интернационализмы французского происхождения обнаруживают в разных языках-реципиентах как сходство, так и различие: общность происхождения предполагает семантическую общность компонентов, а специфика вхождения в язык и функционирования обуславливает их различие. При этом установить закономерности семантических изменений иногда очень сложно, так как они порождаются самыми разными причинами.

Считается, что изменения значения слов происходят в направлении его расширения, сужения, метафорического и метонимического переноса, обобщения, специализации, улучшения или ухудшения. Заимствованные и ассимилированные в той или иной степени слова принимают активное участие в приведенных выше направлениях изменения [3, 16].

Говоря об английском языке, наибольшее разнообразие семантических изменений можно наблюдать в тех лексических единицах, которые пришли и закрепились в языке-реципиенте на раннем этапе взаимодействия двух языков, что вполне объяснимо более долгим периодом пребывания таких слов в языке. Кроме этого, слова, вошедшие в английский язык в XIII–XVI вв., проникали в язык с несколькими значениями слов языка-донора.

Следует отметить, что в английском языке преобладающим среди изменений значений интернационализмов французского происхождения является расширение значения, что, как правило, не характерно для других языков (в т. ч. русского), которые заимствовали одно, реже два-три значения. Процесс расширения сигнификативного аспекта значения заимствованных слов обуславливается переосмыслением денотата и изменением вследствие этого сферы употребления лексических единиц. Рассмотрим на примере отдельных лексических единиц, как происходило семантическое развитие интернационализмов французского происхождения в английском языке.

Слово *billet* в современном английском языке имеет несколько значений, из которых основным является «помещение для постоя солдат». Сравнение основного значения этого слова в английском языке с его значениями во французском может вызвать удивление, так как обнаруживаются довольно сильные расхождения: во французском языке данное слово обозначает «записка, письмо, извещение», «билет, вексель» и т. д., при этом во всех значениях можно выделить общую сему «бумажный, письменный документ». Однако при более тщательном изучении этимологического аспекта этого слова обнаруживается, что слово *billet* было зарегистрировано в английском языке в XV в. со значением «короткий документ», которое отражает значение исконного слова, и которое в настоящий момент утеряно. Позднее, в XVII в., слово приобрело более узкое значение «военный ордер на постой», которое до сих пор существует в языке. Два века спустя произошел

метонимический перенос значения с документа, позволяющего расположиться в помещении на само помещение, и слово приобретает значение «помещение для постоя».

Еще одним примером заимствования, имеющего своеобразную историю своего развития, является слово *budget*. Это французское заимствование закрепилось в английском языке в XV в. со значением «сумка, мешочек, кошелек» и произошло от старофранцузского слова *bougette*, уменьшительной формы существительного *bouge* «кожаная сумка». Веком позднее слово приобретает в английском языке значение, образовавшееся при помощи метонимического переноса, «сверток, запас». В XVIII в. словом *budget* называлось ежегодное выступление канцлера казначейства (министра финансов Великобритании) о состоянии государственной казны, о котором говорили *he opens his budget* «он открывает свою сумку». В дальнейшем оно стало употребляться в значении «бюджет», т. е. в широком смысле «финансовая смета доходов и расходов государства», и в более узком смысле «планирование доходов и расходов на определенный период». В этом значении слово проникло и закрепилось во многих языках.

Следующим, заслуживающим интереса примером, является слово *career*. Оно появилось в английском языке в XVI в. со значением «беговая дорожка, скаковой круг», в современном языке слово в данном значении больше не используется, оно является устаревшим. Во французском языке слово было заимствовано из итальянского языка со значением «дорога для повозок», и это значение до сих пор присутствует в языке, несмотря на развитие новых значений. В XIX в. произошло новое заимствование из французского языка, на этот раз только на уровне значения, так как слово уже существовало в языке: в английский язык вошло значение «жизненный путь», а, кроме того, более узкое значение «профессиональное продвижение, карьера». На данном этапе развития языка именно значение «род деятельности, профессия» является основным.

Далее рассмотрим слово французского происхождения *journal*, англ. *journal*. Во французском языке оно произошло от позднелатинского *diurnalis* «дневной». В английском языке слово появилось в XIV в. с устаревшим сейчас значением «служебная книга», в XVI в. возникло значение «дневник для записи ежедневных событий», а в XVIII в. появилось значение «ежедневная газета». Интересно, что последнее значение возникло тогда, когда слово *newspaper* уже существовало в английском языке (с XVII в.). По-видимому, слова сосуществовали в языке некоторое время, а затем разошлись в значениях: *newspaper* закрепилось в значении «газета», а *journal* – в значении «журнал».

В современном французском языке его основное значение «газета», т. е. периодическое издание, повествующее о важных событиях в разных областях жизни. В английском же языке это слово обозначает «журнал», причем не любой иллюстрированный журнал, а серьезное специализированное или отраслевое издание.

В некоторых случаях можно наблюдать одновременный процесс сужения исходных значений и развитие новых, когда английский язык заимствует слово в каком-либо одном значении, а в ходе своей эволюции развивает новые значения. Так, например, слово *salad*, заимствованное из французского языка, вошло в английский со значениями «салат», «мешанина, смесь», но не принесло за собой значений «болтовня, враки, клевета» и «недоразумение, неприятности», которые существуют во французском языке, являясь разговорными. Однако слово начинает жить своей жизнью в языке-реципиенте и на основе ассоциаций по цвету приобретает в американском сленге значение «деньги», «зеленые (доллары)».

Как было сказано выше, интернационализмы по определению должны иметь между собой хотя бы одно совпадающее значение, но на деле это не всегда так. Английское *drape* произошло от французского *drap*, однако в современном языке не имеет с ним совпадений в значениях: во французском языке *drap* обозначает «сукно», «простыня», в английском же языке *drape* имеет значения «драпировка», а в американском варианте это слово во множественном числе обозначает ещё и «портьеры (обычно длинные и плотные)».

Анализ рассмотренных примеров показал, что в ходе своего развития с французским заимствованным словом происходили различные семантические трансформации: возможен

переход от частного значения к более общему, сужение значений до узкого, специализированного значения, либо перенос значения по смежности.

Сравнение семантики заимствованных слов в современном английском языке и языке-источнике делает очевидным тот факт, что при заимствовании имеет место не просто использование чужого имени в другом языковом коллективе в прежнем его значении, но и отражает существенные сдвиги в семантике заимствованного слова.

Литература

1. Акуленко В. В. Существует ли интернациональная лексика? // Вопросы языкознания. – № 3. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 60–69.
2. Банкав А. Я. Роль французского языка в интернационализации словарного состава нероманских языков // Современные проблемы романистики: функциональная семантика: тез. V всесоюз. конф. по романскому языкознанию. – Т. I. – Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1986. – С. 17–19.
3. Володарская Э. Ф. Заимствование как универсальное лингвистическое явление // Вопросы филологии. – 2001. – № 1 (7). – С. 11–27.
4. Расторгуева Т. А. История английского языка: учебник. – М.: Высш. шк., 1983. – 347 с. – На англ. яз.
5. Сумеркина С. Е. О некоторых особенностях интернациональных слов (на материале биологических терминов) // Вопросы теории и практики преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах ун-тов: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1978. – Вып. 2. – С. 89–91.

Кропачева К. И.

Удмуртский государственный университет

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ

Имена собственные играют особую роль в любом языке: они способны отражать многочисленные события внутреннего (например, смена религии) и внешнего (завоевания) характера, которые пережил народ. Онимы в наибольшей степени связаны с фоновыми знаниями, которые включают в себя условия существования имени в обществе, связанные с ним культурно-исторические ассоциации и степень известности объекта и его имени. Любое имя собственное содержит несколько компонентов: исторический, лингвокультурный, прагматический, лингвopsихологический и т. д.

Наиболее ярко все эти компоненты выражены в антропонимах – именах собственных, принадлежащих людям. Антропонимы обладают особым статусом среди имён собственных вследствие своей тесной связи не только с историей и культурой народа, но и его отдельными представителями.

Антропонимы используются для индивидуализации личностей. Иногда говорят, что имена собственные выполняют в языке дифференциальную функцию, а имена нарицательные – классификационную [6, 11]. Главной функцией у онимов является номинативная, потому что в отличие от нарицательных существительных имена собственные в большинстве случаев лишены лексического значения. Считается, что «у личных имён отсутствует связь с сигнификатом, они имеют только своих референтов» [4, 10].

Изначально все личные имена были мотивированными (например, русское имя *Анна* и английское имя *Anne* имеют общее происхождение: они были заимствованы из латинского или греческого языка (*Анна*), в которые данное имя попало из древнееврейского, где *Hannah* означало «милосердие», «добродетель»).

В древности верили, что использование для образования имён собственных апеллятивной лексики с ярко выраженной положительной семантикой будет способствовать развитию в ребенке именно этих качеств. Например, мотивация имён собственных

в германских племенах отражала важность определённых человеческих ценностей (отвага, доблесть, победа, борьба и т. д.) в военизированном обществе [4, 39–46].

Древние люди предполагали, что имя может предопределять судьбу человека. Некоторые народы считали, что имя собственное – это неотъемлемая часть человека, и оно может быть использовано во время магических обрядов для привлечения удачи или причинения вреда. Часто на истинное имя человека накладывалось табу, чтобы уберечь его от несчастья, и придумывались обманные (охранные) имена для повседневного обращения. [10, 17].

В настоящее время большинство имён собственных лежит вне семантики, что не означает случайности выбора имени собственного для ребёнка. Многие до сих пор верят, что имя влияет на судьбу именуемого в психологическом плане. Именно с имянаречения начинается приобщение новорождённого «к культуре той социальной группы, в которой он родился, ... осуществление связи поколений, ... важное воспитательное начало» [10, 19].

Кроме того, существует особый разряд онимов, которые называются псевдонимами. Причины образования псевдонимов сходны с мотивацией при имянаречении в древности. Псевдонимы выполняют «охранительную» функцию, если причиной их образования является боязнь критики или преследования (например, сёстры Бронте подписывали свои произведения мужскими именами, чтобы избежать предвзятого отношения к своим произведениям). Они также могут создаваться из-за нежелания использовать неблагозвучное имя или фамилию (*John Suckling* («сосунок») выбрал для псевдонима фамилию *Wyckham*) или в качестве «программирования» на успех [6, 80–98].

По мнению А. В. Суперанской, имя собственное всегда «будет важным элементом становления личности, особым словом, индивидуализирующим и выделяющим каждого человека» [10, 20], поэтому ассоциации, связанные с личными именами, приводят к тому, что одни имена становятся популярными (например, очень часто детей называют в честь любимых актёров или певцов), а другие исчезают из именника (после Второй мировой войны мальчикам перестали давать имя *Adolf* в связи с негативными ассоциациями с Адольфом Гитлером, который был виновен в многочисленных преступлениях нацистского режима против граждан Германии и оккупированных во время войны территорий). Таким образом, хотя многие имена собственные обычно не имеют значения, но у них есть содержание [4, 12].

Содержание играет особую роль для функционирования имён собственных в художественной литературе. В тексте художественного произведения антропонимы выполняют не только номинативную, но и концептуальную, стилистическую, эстетическую, эмоционально-оценочную и другие функции. Т. В. Волкодав считает, что художественное произведение представляет собой особую сферу функционирования имён собственных, так как в тексте слова соотносены с реальной и изображаемой действительностью, с современным литературным языком и языком художественного произведения. Это приводит к тому, что «читатель как бы заново воссоздает ассоциативные связи слова, что, в свою очередь, ведет к переосмыслению его семантики, пониманию авторского замысла произведения: слова, как известно, обозначают одновременно объективную действительность и художественный мир, созданный писателем» [1]. Таким образом, имена собственные представляют собой один из ценнейших компонентов в системе средств художественной выразительности и принимают активное участие в создании художественного образа.

Приобретение значения именем собственным происходит только при определённых обстоятельствах. У онимов могут быть побочные, дополнительные коннотации при условии, что именуемый объект достаточно хорошо известен. Если какая-либо из побочных коннотаций перерастает в главную, то у имени собственного появляется значение [11, 113].

Содержание и значение имён собственных в большинстве случаев связаны с наличием у них оценочного компонента. Правильное истолкование аксиологического потенциала имени собственного обычно зависит от эрудиции человека и его жизненного опыта, а также от его принадлежности к определённой культуре.

Язык, который человек получает при рождении как данность, формирует его мировоззрение и отношение к окружающей действительности. Действительно, язык является единственным средством, которое способно помочь нам проникнуть в скрытую сферу ментальности, так как именно он определяет способ членения окружающей действительности в той или иной культуре [7, 6].

Существующую систему ценностей, отражённую в языке, изучает аксиология, которая характеризуется интересом к субъективным моментам в языке. Проявлением субъективности в языке является оценка. Оценивание происходит во всех сферах человеческой деятельности, так как люди выражают своё ненейтральное отношение к явлениям действительности с помощью оценки.

Языковая оценка является отражением ценности объектов окружающего нас материального мира для отдельно взятого человека и всего общества в целом вследствие формирования оценочной нормы обществом и её способности оказывать влияние на формирование личности с помощью языка [9, 7]. Существует множество языковых средств и способов для выражения оценки: фонетические, морфологические, синтаксические, лексические и т. д.

Действительность может оцениваться по качеству и по количеству. В первом случае оценивание происходит с помощью шкалы «хорошо – безразлично (нулевая оценка) – плохо», а во втором – по признаку «больше нормы/меньше нормы» [12, 77]. Основная сема оценки, которую выделила Е. М. Вольф в работе «Функциональная семантика оценки», – это сема «хорошо / плохо». Данное деление объясняется реакцией сознания человека на события и явления окружающей материального мира и желанием выразить своё отношение к ним [13, 51].

Языковая оценка реализуется в компоненте значения слова, который называется оценочностью. Оценочность может входить в состав как коннотативного, так и денотативного аспекта значения. Она взаимодействует с экспрессивностью, которая является коммуникативной вследствие своей «сообщительной значимости» и прагматичной благодаря своей способности воздействовать на получателя и вызывать у него ответную реакцию. Экспрессивность тесно связана с прагматикой, так как оба эти явления предполагают оценивающее отношение субъекта к объекту [14, 134].

В большинстве имён собственных в настоящее время нет отрицательной или положительной оценки, но они способны вызывать отрицательные или положительные ассоциации в зависимости от жизненного опыта человека, причем в течение жизни человек может несколько раз менять своё отношение к одному и тому же имени.

Аксиологический аспект некоторых имён собственных связан с их аллюзивным характером. Аллюзией называется стилистическая фигура, содержащая явное указание или отчётливый намёк на широко известный исторический, политический, литературный или мифологический факт. Частным случаем аллюзии являются аллюзивные антропонимы, которые также называют прецедентными именами, «основное неденотативное значение которых приобрело устойчивый характер и зарегистрировано в словарях» [8, 51]. У аллюзивных имён собственных выделяют сферу первичного употребления. Это Библия, мифология, литература и имена реальных людей, деяния которых широко известны.

Аллюзивные имена собственные тесно ассоциируются со своей первичной сферой употребления, поэтому они постепенно начинают приобретать определённое семантическое значение, то есть аллюзивные антропонимы являются также ещё одним стилистическим приемом – антономазией. Антономазией (антономасией, прономинацией) называется стилистически значимое использование имени собственного в значении нарицательного существительного. Например, *Aesculapius* означает «врач, целитель» (Эскулапом древние римляне называли бога врачевания), *Hercules* или *Heracles* – «силач» (в мифологии Геркулес изображается героем, наделённым необычайной физической силой), а лентяя и лежебоку

можно назвать Обломовым (именно таким предстает перед нами главный герой одноимённого романа И. А. Гончарова).

Ярко выраженная оценочность аллюзивных имён собственных основывается на ассоциативных связях. Данная оценочность может рассматриваться как материал для понимания менталитета народа, являющегося носителем языка [2, 21–22].

Оценочность, характерная для имени собственного в одном языке, может не совпадать с оценочностью похожего по звучанию и / или написанию онима в другом языке. Например, даже аллюзивные имена собственные из Библии и мифологии не всегда являются межъязыковыми эквивалентами, потому что они могут по-разному восприниматься народами, что приводит к возникновению разных, порой противоположных ассоциаций. Некоторые аллюзивные имена собственные уже в процессе функционирования в языке переоцениваются народом, поэтому мы не можем говорить о полной эквивалентности в разных языках интернациональных фразеологизмов, в состав которых входят аллюзивные онимы, даже если на первый взгляд кажется, что их значения полностью совпадают [5, 271–272].

Фразеологические единицы английского и русского языков *as poor as Lazarus* и *беден как Лазарь* являются эквивалентами, и аллюзивное имя *Lazarus* / *Лазарь* в данном случае имеет значение «нищий». Согласно библейскому сюжету данное имя собственное не несёт в себе ярко выраженной отрицательной оценки. Однако в русском языке есть фразеологическая единица *петь Лазаря*, которая отсутствует в английском языке. Она имеет значение «льстиво выпрашивать», поэтому имя *Лазарь* в русском языке приобретает дополнительное значение «прибедняющийся человек» и отрицательную окраску. Здесь наблюдается переосмысление библейского сюжета, а вместе с ним и онима в русском языке.

Антропонимы во вторичной номинативной функции вызывают трудности в процессе межкультурной коммуникации и при переводе. Д. И. Ермолович предлагает следующие решения проблемы перевода данных имён существительных: 1) описательный перевод (*Jane Doe* – «среднестатистическая американка; обычная женщина»); 2) онимическая замена (самый лучший способ решения переводческой проблемы, однако сложно подобрать адекватную замену с учётом аксиологического потенциала онима, причём данная замена в большинстве случаев ведёт к потере национально-культурной специфики текста); 3) транскрипция / транслитерация (сохраняется национально-культурная специфика текста, но теряется оценочность) [3, 220–236].

Иногда на перевод влияет множество факторов (эмоциональное состояние говорящего, коммуникативная цель и т. д.), так как они определяют характер оценки. Например, один и тот же фразеологизм с именем собственным может принимать противоположные значения. *Jack of all trades* может быть как положительно, так и отрицательно окрашенным. Считается, что сначала данная фразеологическая единица выражала только положительную оценку («мастер на все руки»), но позже к ней были добавлены слова *master of none*, что привело к смене значения оценочного компонента на прямо противоположное («за все берется и ничего не умеет»). В настоящее время значение и перевод фразеологизма *Jack of all trades* в подавляющем большинстве случаев зависит от контекста.

Таким образом, оценочность имён собственных в большинстве случаев зависит не жизненного опыта индивида, а от восприятия действительности обществом. Наиболее ярко оценочность проявляется у аллюзивных имён собственных, которые приобретают значение вследствие своей тесной связи со сферой первичного употребления. С течением времени аксиологический потенциал онима может меняться, он может переоцениваться или приобретать дополнительные значения. Восприятие и передача аллюзивных имён собственных вызывает ряд затруднений, связанных с необходимостью сохранить оценочный компонент антропонима и его национально-культурную специфику.

Литература

1. Волкова Т. В. Вымышленные имена собственные в контексте фэнтезийного произведения [Электронный ресурс] // Relga. – 2009. – № 12 (192).
2. Гладкова А. Н. Отражение американской истории и культуры в американизмах, содержащих оценочный компонент значения // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 21. Ч. I / отв. ред. М. С. Ретунская; НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2000. – С. 21–25.
3. Ермолович Д. И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. – М.: Р. Валент, 2005. – 416 с.
4. Комова Т. А. Имя личное в англоязычном культурно-историческом пространстве: учебное пособие / С. И. Гарагуля, Т. А. Комова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 160 с.
5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – Дубна: Феникс+, 2005. – 488 с.
6. Леонович О. А. Введение в англоязычную ономастику: учеб. пособие. – М.: КДУ, 2012. – 250 с.
7. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
8. Наумова Т. М. О роли аллюзивных антропонимов в формировании межконцептных связей внутри британской национальной концептосферы (на примере концепта failure) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Вып. 14. / отв. ред. Б. А. Жигалёв; НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. – Н. Новгород: НГЛУ, 2011. – С. 51–56.
9. Ретунская М. С. Английская аксиологическая лексика. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 1996. – 272 с.
10. Суперанская А. В. Имя – через века и страны. – М.: КомКнига, 2010. – 192 с.
11. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 368 с.
12. Титова О. А. Фразеологизмы-антропониманты оценочного характера в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 218 с.
13. Трусова А. Ю. К вопросу о лексических средствах деинтенсификации оценочного высказывания // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 21. Ч. II / отв. ред. М. С. Ретунская; НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2000. – С. 51–56.
14. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

Кузьмина И. А., Смирнова Д. В.

Витебский государственный университет, Белоруссия

К ВОПРОСУ О СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В процессе исторического развития языков не только устанавливаются особые связи между словами каждого из них и реальной действительностью, но также складываются особые отношения между словарными единицами каждого языка. Эквивалентность слов во всем объеме их семантики, национально-культурных коннотаций и сочетаемости оказывается чрезвычайно редким явлением. На уровне словосочетаний расхождения между русским и английским языками становятся еще глубже и нагляднее. Следует помнить, что английское слово в плане понимания значительно больше зависит от его контекстуального окружения, чем в языках преимущественно синтетической структуры, и, следовательно, менее автономно в семантическом плане.

Для того чтобы процесс коммуникации состоялся одного только знания слов, правил их формирования и правил распознавания их смысла недостаточно. Необходимо также знание правил использования слов, т. е. правил их сочетания в потоке речи. Важнейшим аспектом

лексических единиц, определяющим построение правильных – как грамматически, так и семантически – высказываний, является способность слов сочетаться друг с другом. Сочетаемость есть совместное появление слов в речи, в процессе которой между словами, образующими определенную синтагматическую последовательность, устанавливаются определенные логико-семантические и морфосинтаксические связи [3, 173].

Понятие сочетаемости в теории языка тесно связано с понятиями окружения и дистрибуции, контекста, валентности. Валентность слова предстает как способность, потенция слова вступать в связи с другими словами, и знание этой способности закреплено в эмпирическом опыте каждого говорящего. Сочетаемость же есть не что иное, как реализованная потенция, нашедшая выражение в конкретных словосочетаниях.

Валентность (от лат. *valentia* – сила) – способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами. Свое начало в лингвистике данный термин ведет от работ знаменитого французского лингвиста, представителя структурного направления Л. Теньера. Он не только ввел этот термин, но и разработал теорию валентности. Сравнивая глаголы с атомами, обладающими разным числом валентных связей, Л. Теньер называл валентностью способность глагола управлять разным количеством связей. Согласно его теории валентные свойства приписываются только глаголу, который своим смысловым содержанием предопределяет количество зависимых элементов-участников действия («актантов») [2, 250].

В отечественном языкознании термин «валентность» впервые применил С. Д. Кацнельсон. В одной из своих ранних работ С. Д. Кацнельсон отметил, что валентностью следует считать «потенциальную способность определенных разрядов слов сочетаться с другими разрядами или формами слов». Почти 40 лет спустя С. Д. Кацнельсон дает более лаконичное определение: «валентность – это свойство определенных разрядов слов присоединять к себе другие слова». Он определяет валентность как способность присоединять к себе другое категориально вполне определенное полнозначное слово. В принципе, каждое полнозначное слово способно сочетаться с какими-либо другими полнозначными словами.

Сочетаемость регулируется системой и нормой языка и выражается во взаимодействии явлений разных языковых уровней. Сущность сочетаемостных свойств слова включает по сути дела их роли в реализации слова, а также связи с другими свойствами языка (значением слова, спецификой в разных языках и т. д.). Широта и разнообразие лексической сочетаемости слова тесно связана с семантическим богатством его внутреннего содержания. Через сочетаемость можно определять, с одной стороны, семантический потенциал слова, с другой – место, занимаемое словом в лексической системе или подсистеме языка. «Очевидно при этом, что слово с более разнообразными и богатыми сочетаемостными свойствами обладает более емким семантическим потенциалом и должно занимать в лексической системе ключевые позиции. Напротив, узкая лексическая сочетаемость слова служит проявлением его ограниченного семантического потенциала и указывает на периферийное место, занимаемое данным словом в лексической системе языка» [1, 113].

Особой проблемой является несовпадение в плане лексической сочетаемости соответствующих слов в русском и английском языках. Лексическая сочетаемость слова определяется логикой реальных отношений между предметами и внутриязыковыми (системно-структурными) связями и особенностями слов. Даже семантически сходные слова часто требуют разных контекстов, например, говорят *to meet smb's demands/requirements/needs*, но *to satisfy smb's wishes*. Слова *to lift* и *to raise* являются синонимами, они взаимозаменяемы в контексте *to lift/ to raise one's arms*, однако в сочетании с существительными *a flag* и *a finger* употребляется только глагол *to raise*. Одно и то же прилагательное в английском языке может сочетаться с разными существительными, но при переводе этих сочетаний на русский язык приходится обычно пользоваться разными прилагательными в силу различной сочетаемости в английском и русском языках: *a bad headache* «сильная головная боль», *a bad mistake* «грубая ошибка», *a bad debt*

«невозвращенный долг» («потерянные деньги»), *a bad accident* «тяжелый несчастный случай», *a bad wound* «тяжелая рана», *a bad egg* «тухлое яйцо», *a bad apple* «гнилое яблоко» и т. п. Словосочетание *комнатные цветы* переводится на английский язык выражением *pot flowers*, так как английское слово *flowers* со словом *room* не сочетается; слово *украшать* в русском языке сочетается со словами *стол*, *салат*, *торт*, в английском языке соответствующее слово *to decorate* образует словосочетание только со словом *cake*, так как выражения *украшать стол* и *украшать салат* переводятся словосочетаниями *to dress a table* и *to garnish a salad*. Глагол *to star* в английском языке может выступать в нескольких значениях. В одном из них он является непереходным и переводится как «играть главные роли, выступать в главных ролях», образуя словосочетания *to star as*, *to star in a film*. В другом значении мы встречаем этот глагол в словосочетании *to star an actress*, где он является переходным и переводится на русский язык как «предоставлять главную роль». Такие словосочетания не характерны для русского языка и могут вызвать сложности при переводе. Эквивалентом русского словосочетания «мыть голову» является английское словосочетание *to wash one's hair*.

Таким образом, достаточно существенные различия сочетаемости слов русского и английского языков требуют особого внимания и тщательного изучения со стороны изучающих английский язык, так как влияние родного языка вызывает явление языковой интерференции, которая приводит к большому количеству грубых речевых ошибок. «Формирование словосочетаний регулируется многочисленными закономерностями, описание которых в лингвистической теории должно составить систему правил синтагматического взаимодействия слов и сложения их смыслов. Создание такой системы правил оказывается, однако, невероятно трудной задачей, поскольку в их основе лежит тонкая игра синтаксических, семантических и иных связей, диктуемая многоаспектностью сочетающихся единиц» [3, 173].

Литература

1. Плотников Б. А. О форме и содержании в языке. – Мн.: Выш. шк., 1989. – 254 с.
2. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
3. Харитончик З. А. Лексикология английского языка. – Мн.: Выш. шк., 1992. – 229 с.

Нургалина Х. Б.

Сибайский филиал Башкирского государственного университета

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПАРНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РЕЧИ (на материале английского, немецкого языков)

Парные словосочетания представляют собой двухкомпонентные образования, составляющие которых, в большинстве случаев, выражают грамматически равноправные, семантически и синтаксически соотносимые понятия.

Базовыми понятиями для выделения разных типов парных словосочетаний являются: а) фразеологичность, трактуемая как понятие, тесно связанное со структурными характеристиками словосочетания и включающее такие признаки как сверхсловность и устойчивость; б) идиоматичность – семантический признак, связанный с наличием хотя бы у одного из компонентов словосочетания переносного значения.

Парные словосочетания в речи могут функционировать как самостоятельные речевые акты и выражать различные прагматические значения – похвалу, сожаление, удивление, негодование, предостережение и т. п., а также выступать как метакоммуникативные единицы, способствующие установлению, поддержанию, завершению речевого взаимодействия коммуникантов [1, 67–68].

Парные словосочетания – это далеко не новая, достаточно изученная, однако до сих пор вызывающая интерес лингвистов языковая единица. Они также в трудах разных ученых

именуются как «парные идиомы», «парные сцепления» (И. И. Чернышева), «парные сращения» (А. И. Рубинштейн), «сиамские близнецы» (К. А. Левковская), «биномы», нем. *Zwillingsformeln* (Dilcher G.) [3, 45–48]. Дело в том, что природа этой языковой единицы достаточно сложная, сложным было и ее лингвистическое осмысление.

Процесс становления и развития теории словосочетаний на протяжении XVIII–XX вв. привел большинство ученых как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике к пониманию словосочетания как любой синтаксически организованной группы слов, основанной на любом из существующих типов синтаксических отношений.

Учет достижений многих исследователей, а также анализ рассмотренного языкового материала позволил разработать собственную классификацию и выделить следующие типы сочинительных парных словосочетаний:

1. Фразеологические неидиоматичные парные словосочетания, представленные языковыми единицами, в состав которых входят лексически самостоятельные компоненты, выражающие семантически и синтаксически соотносимые понятия: англ. *mother and father* – мать и отец, *arrival and departure* – прибытие и отъезд, *sooner or later* – рано или поздно, нем. *Bei Schnee und Regen* – в снег и дождь, *alt und jung* – стар и млад. Для них характерна устойчивость употребления, отсутствие идиоматичности.

2. Фразеологические идиоматичные парные словосочетания трактуются как сверхсловные, воспроизводимые в готовом виде единицы языка, обязательным свойством которых является идиоматичность: англ. *ball and chain* – по рукам и ногам, *by and large* – по большому счету, *cheap and nasty* – дешево да гнило; нем. *An Ort und Stelle* – не сходя с места, *Armin Arm* – рука об руку, *auf Biegen und Brechen* – любой ценой, *auf immer und ewig* – навечно, *auf Schritt und Tritt* – на каждом шагу.

С точки зрения лексико-грамматических особенностей компонентов фразеологические парные словосочетания подразделяются на одноклассные и разноклассные. При этом ведущим признаком избирается частеречная семантика компонентов словосочетаний (номинация предмета, признаки, свойства, действия и т. д.). Одноклассные включают именные, адъективные, глагольные, адвербиальные, местоименные, предложные, союзные и нумеральные парные словосочетания [4, 89–92].

Именные парные фразеологические сочетания: англ. *carriage and pair* – экипаж, запряженный парой лошадей, *bag and baggage* – со всеми пожитками, *hammer and tongs* – со всей силой; нем. *Lug und Trug* – сплошной обман, *mit Rat und Tat* – делом и словом, *Ruhm und Ehre* – честь и слава.

Глагольные: англ. *Divide and rule* – распоряжаться и господствовать, *huff and puff* – пыхтеть, *moan and groan* – стонать и охать, *eat, drink and be merry* – ешь, пей и веселись; нем. *toben und rasen* – рвать и метать, *schalten und walten* – распоряжаться и господствовать, *sengen und brennen* – опустошать огнём и мечом.

Адъективные: англ. *pure and simple* – простодушный, бесхитростный, *sick and tired* – усталый и разбитый, *safe and sound* – в целости и сохранности; нем. *schlank und rank* – высокий и стройный, *schlicht und einfach* – простой и скромный [2, 145–189].

Адвербиальные: англ. *well and truly* – поистине; нем. *kurz und bündig* – коротко и ясно, *langsam aber sicher* – медленно, но верно, *leicht und locker* – легко и просто, без напряжения.

Местоименные: англ. *this and that* – этот – тот, *when and how* – когда и как; нем. *dieser – jener*.

Анализ парных выражений с учетом лексической или лексико-семантической общности составляющих их компонентов позволил выделить следующие семантические отношения между ними:

- отношения синонимии, *nooks and corners* – уголки, *bright and breezy* – свежий, *babies and sucklings* – младенцы и груднички; нем. *Ruhe und Frieden* – тишина и покой, *mit Sack und Pack* – со всеми пожитками, *nackt und bloß* – совершенно голый, в чём мать родила;

- антонимии, логическую основу которых составляют два вида противоположностей: *good and bad* – хорошо и плохо, *clever and silly* – умный и дурак, *friends and foes* – друзья и враги, *life and death* – жизнь и смерть, *more or less* – много–мало; *Tag und Nacht* – день и ночь, *totoderlebendig* – живой или мёртвый.

Все богатство закодированных в рассматриваемых парных словосочетаниях значений наиболее ярко проявляется при их функционировании в речи, основной формой которой является диалогический дискурс. Особенностью данных сращений является свойственный для них усилительный характер.

Литература

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. – Л.: Наука, 1989. – С. 67–68.
2. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. – М.: Рус. яз., 1975. – С. 145–189.
3. Dilcher G. Paarformeln in der Rechtssprache des frühen Mittelalters. – Frankfurt a.M., 1961. – С. 45–48.
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1996. – С. 89–92.

Параховская С. В.

Удмуртский государственный университет

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВФЕМИЗАЦИИ МЕЖДОМЕТИЙ РЕЛИГИОЗНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Междометный дискурс является тем классом слов, который традиционно помогает выражать подсознательную, эмоциональную сторону человеческой коммуникации и делает нашу речь выразительной, динамичной и живой. В такую эмотивно-окрашенную междометную зону входят определенные стандартизированные формы, различающиеся по происхождению, структуре и содержанию. Безусловно, что употребление того или иного конкретного междометия в речи зависит от множества факторов: индивидуального восприятия предлагаемой ситуации/контекста, интенсивности эмоций, социального статуса, воспитания, возраста и т. д. Поэтому считается, что разряд междометных слов – это открытый класс, где происходят процессы, характерные для всей системы языка в целом. Открытость класса подтверждается случаями пополнения их за счет семантической и грамматической перекатегоризации, структурной декомпозиции, десемантизации, заимствований из других разрядов понятийно значимых слов, других языков и т. д.

Несомненно, существует некое ядро универсальных полиэмоциональных единиц, хранящихся в памяти членов того или иного языкового сообщества, которыми они оперируют в процессе общения. Формальный статистический подсчет показал, что словарные статьи фиксируют более шестидесяти оттенков человеческих эмоций, которые могут выражать междометия. Удивительно, но большую часть из них составляют те, которые позволяют нам выразить свое негодование, презрение, отвращение, возмущение и томуподобное, тогда как общеположительные эмоции занимают всего около 15 %.

Очевидно, что религиозный мир любого народа – это огромный мир, проникающий во взаимоотношения человека и мира и связанный с выражением его религиозных чувств, желаний, мыслей и поступков. Религиозная жизнь складывалась веками и, несомненно, отражалась на повседневной жизни людей, в том числе и на языке. Слова из церковной терминологии и слова, связанные с религиозной стороной жизни народа, априори входили в словарный состав языков, в том числе и через междометия.

Междометные единицы, которые этимологически можно отнести к разряду «религиозных», достаточно многочисленны, и ядерными элементами в них выступают такие слова как *God, Jesus, Christ, Lord, Heaven, Hell, Holy* и другие а также их эвфемистические замены, в большинстве своем датируемые XV–XVI вв.

Эти междометия прошли через различные периоды своего развития, появляясь и исчезая, видоизменяясь семантически, грамматически и графически. Часть из них стали архаичными и ушли из активного употребления, а некоторые из них полностью десемантизировались и осовременились, что не отразилось, в целом, на их эмоциональной составляющей.

Хочется заметить, что основные концепты, которые в начальную очередь подвергались эвфемизации, были связаны с именем бога, Иисуса Христа.

Самые первые эвфемизмы, заменяющие слово **God**, были зафиксированы словарями XIV в. – это слова *gog* and *kokk*. К 1528 г. возникают формы *Gis* or *Jis* for Jesus. Современные словари фиксируют уже более тридцати междометных выражений, в которых ключевым элементом является God: *(oh) God, God almighty, God blast it, God bless me, you etc., God Damn it, God deem ya, by God, Glory to be God, God forgive (me), God have mercy, Holy God, (oh) My God, My God in heaven, In the name of God, God preserve me, us, you etc., I swear to God* и т. д. Образованные от архаичных вокативов, они выражают огромную гамму эмоций, начиная от удивления и восхищения, и заканчивая разного вида проклятиями.

Но, вероятно, возникали и такие ситуации, когда семантика языка входила в противоречие с религиозными нормами, принятыми в обществе и, в результате, потребность производить замены внутри междометных конструкций становилась крайне необходимой. Наиболее активно процесс эвфемизации междометий походил в период с XVI по XX вв. Субституции проводились на разных уровнях – фонетическом, лексемном, орфографическом и т. д. В английской лингвистике даже появился специальный термин “minced oaths”, обозначающий «мягкое богохульство / ругательство», который до сих пор используется для обозначения эвфемистических междометных конструкций.

Рассмотрим несколько примеров структурной и семантической декомпозиции междометий религиозной направленности.

Наиболее популярными являются конструкции с ядерным компонентом **God**. Трансформация междометных конструкций, содержащие лексему *God* происходила в нескольких направлениях: а) оппозиция *god-dog* – *Dog blast it, Dog blame it*; б) фонетическая замена – вместо заднеязычной смычной «g» выступает переднеязычная «d» – *Dod blast it, Dod dang it* и с) подмена гласных – *Dad bean it, Dad burn it*.

В 1750–1760 гг. начал активно использоваться эвфемизм **Gosh** или **(by) Gosh**, выражающий удивление и получивший употребление в таких конструкциях как *Gosh blank it (blink, damn, dang, darn, ding, durn) it, Gosh almighty, Gosh all hemlock, Gosh-a-mighty (God Almighty), Gosh all fish-hooks*, и даже патристическом *Gosh all Potomac*, зафиксированном как один из самых ранних вариантов в *Dictionary of American English on Historical Principles* (1938). Однако некоторые лингвисты отмечают, что использование этого междометия и конструкций с ним является достаточно консервативным и чаще используется в речевой практике женщин.

Среднечастотными считаются междометные конструкции с ядерным элементом **Gol**:

- *Gol blank it, Gol blink it etc.*,
- *Golly - (oh) Golly, By golly*,
- *Godfrey - Good Godfrey*,
- *Goodness - (oh) My goodness, Great goodness, Honest to goodness, etc.*

Второй небезынтесный блок связан с именем Иисуса Христа – Jesus Christ. Популярными являются субституты, построенные на звуковом тождестве начальных фонем слов Jesus и Christ – «J» (*Gee, Jeepers, Jeez, jeize, Jerusalem, Joseph, Josie, Bejabbers, Jesus H. Particular Christ*), и «Cr» (*Crikey, Criminy, Cracky, Christmas, Christopher, Columbus, Crimp, G. Rover Cripes*).

Широкое распространение получили разнообразные семантические замены, проходившие на уровне лексем. Одним из наиболее универсальных по своему функционалу можно назвать словосочетания, содержащие слово *holy* и использующиеся для выражения восхищения, удивления, негодования или тревоги. В сочетаниях часто присутствуют имена

святых, например, *Holy Christopher*, *Holy Jupiter*, *Holy Mary*, *Holy Moses* (1850), *Holy Virgin*, *Holy gosh* и т. п. Однако, более интересными с точки зрения анализа представляются междометные конструкции, содержащие названия животных, рыб и других слов, и иногда не совсем поддающихся интерпретации – *Holy cats*, *Holy cow* (1920), *Holy mackerel* (1800), *Holy gee*, *Holy guacamole*, *Holy smoke* (предположительно от *Holy Ghost*), *Holy Toledo* (испанский город, центр религиозной культуры), *Holy moly* (предположительно, неологизм, рифмующийся с *holy* или эвфемизм от *Moses*), *Holy doughnuts*, *Holy hats*, *Holy jellybeans*, *Holy pipers*, *Holy rent day*, *Holy snakes* и тому подобные. Произвольность в сочетаемости компонентов в междометной конструкции позволяет допустить, что в большинстве случаев происходит частичная или полная десемантизация религиозной семантики междометной единицы, которая, тем не менее, не препятствует выполнению ей определенных эмотивно-окрашенных коммуникативно-ориентированных функций.

Достаточно многочисленными являются примеры субституции для восклицания *Lord* – *Land good*, *Law*, *Lawdy*, *Lordy*, *Lud* и тому подобные. Выражение удивления *Lord have mercy!* является великолепным примером региональной трансформации междометия. В знаменитом произведении М. Твена «Приключения Тома Сойера» главный герой Том часто повторяет: «*Lordy, Lordy!*». Считается, что афро-американское население США постепенно трансформировало его в более мягкий вариант «*Lawsy, lawsy!*», которое до сих пор используется пожилым населением США. Представим здесь и другие возможные лексемы – *Lord-a-mercy*, *Lordy mercy*, *Lawsy mersy*. Интересно, что кроме этого, *Lord* получило и несколько других эвфемистических вариантов: *Land* как в *Land sakes*, а также *Law*, *Lawk* (*Brit.*) или *Losh* (*Scot.*).

Необходимо отметить, что смысловая и фонетическая близость слов, входящих в междометные выражения, приводила к возникновению новых форм и выражений путём объединения их сходных элементов. Контаминация междометия *By God's nails* привела к возникновению формы *Snails*, *God's wounds* – к *Zounds*, *God's truth* – к *Strewh!*, *God's little body* – к *Ods bodikins*, *God's hooks* (где имеются в виду гвозди, которыми прибивали Христа) – к *Gadzooks*. Последний пример интересен тем, что именно такое название получила одна американская фирма, хозяин которой посчитал слово *Gadzooks* «коммерчески привлекательным», поскольку в нем содержатся две самые «лучшие» согласные фонемы английского языка – «k» и «z». Фирма стала активно развиваться, и за все время ее существования никто не предъявил претензий к ее названию.

Еще один пример – эвфемизм *Judas Priest* (1914) был хорошим субститутутом для *Jesus Christ / God*, так как *Jesus* начиналось с «J» и состояло из двух слогов. *Priest* имело один слог и заканчивалось на «st» как *Crist*. В 1974 году в Британии появилась рок группа «*Judas Priest*», название которой является контаминацией эмоционального восклицания *Jesus Christ*.

В заключение, можно констатировать, что междометные образования с религиозным компонентом приобретают все более разнообразную видосистему – структурную, семантическую, функциональную и действуют как специфические единицы, открытые для дальнейшей декомпозиции.

Литература

1. Dunn M. *Zounds! A Browser's Dictionary of Interjections*. – NY, 2005. – 215 p.

ЯЗЫК РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ ГЕРМАНИИ: ХАРАКТЕРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В современных лингвистических исследованиях неоднократно отмечался тот факт, что носители приобретенного билингвизма практически не могут полностью абстрагироваться от родной картины мира и продолжают применять клише и штампы родного языка, смешивая их с новыми, приобретенными реалиями. Все большие масштабы приобретает взаимодействие неблизкородственных языков, сопровождающееся характерными лингвистическими процессами.

Российская диаспора в мире насчитывает 25–30 млн. человек. Русская община в Германии является одной из крупнейших мировых общин. Ежегодно население Германии пополняется выходцами из России и стран СНГ, по некоторым данным количество русскоязычного населения ФРГ приближается к пяти миллионам человек. Из них до 80 % приходится на долю немецких переселенцев из стран бывшего СССР, еще 10 % – это русскоговорящие евреи и представители других национальностей.

Согласно статистическим данным, в ФРГ каждый год прибывает до 100 тысяч переселенцев из стран СНГ. Вместе с 20 тыс. немцев в страну въезжает 80 тыс. их русскоговорящих родственников не немецкого происхождения. Они пополняют собой общину так называемых «руссаков» – основного контингента современной «русской» Германии. Такая массовая эмиграция привела к формированию в среде русскоязычных эмигрантов особого подязыка. Для новой формы эмигрантского языка характерны следующие тенденции:

- 1) активный процесс заимствования из окружающего (государственного) языка;
- 2) изменения в способах номинации;
- 3) интерференция на фонетическом и лексическом уровнях;
- 4) переключение кодов (т. е. смешение языков);
- 5) языковое упрощение.

Чаще всего заимствуются и используются без каких-либо изменений слова, аналоги которых в русском языке либо длиннее, либо имеют больше значений, либо выглядят несколько иначе (поезд – Zug: слова обозначают одно и то же понятие, но разнятся визуально). Например:

- Bestimmt – определенно. Произнести «Bestimmt» гораздо быстрее, чем проговаривать его русский эквивалент.
- Vorstellungsgespräch – собеседование. В России культура проведения собеседования при приеме на работу еще не настолько развита, поэтому термин «собеседование» не несет такой смысловой нагрузки как «Vorstellungsgespräch» в немецком языке.
- Kuchen – пирог. «Пирог» в русском языке и «Kuchen» в немецком обозначают одно и то же понятие, но внешне выглядят по-разному, поэтому немецкое слово звучит более аутентично.
- Probezeit – испытательный срок. «Probezeit» имеет более широкое значение, чем «испытательный срок», частотность употребления данного слова в немецком языке выше, вследствие чего оно используется активнее.
- Termin – срок, прием, слушание дела, дата, время. В русском языке существует достаточное количество разнообразных выражений для обозначения фиксированного времени визита – «талон к врачу», «запись к парикмахеру», «прием у руководителя», «мне назначено», «слушание в суде», – в немецком все эти понятия объединены в емкое «Termin», которое употребить в речи проще и удобнее.

- Schuhe – обувь. Туфли, ботинки и само понятие «обувь» в немецком языке обозначаются одним словом «Schuhe», поэтому и используется чаще, чем русские аналоги.
- Dazu – к этому, для этого. Характерное многозначное немецкое наречие, часто употребляющееся в речи в различных выражениях. Например:
 - Wie kommst du dazu? Как ты добился этого? Как ты смеешь?
 - Sie erhalten ein Geschenk dazu. Вы получаете подарок в придачу.
 - Ich komme nicht dazu. У меня до этого руки не доходят.
 - Er hat dazu keine Zeit. У него нет для этого времени.
 - Ich bin dazu da. Я здесь для этого [1, 100].

Краткое многозначное и хорошо запоминающееся немецкое слово использовать естественнее, чем подобрать русское соответствие. Словообразование, в среде русских немцев, в основном, происходит по правилам русского языка, используя немецкий корень:

- Ехать на У-бане, Цуге, Бусе (U-Bahn – метро, Zug – поезд, Bus – автобус)
- В Баде (Bad – ванная) плитку положить
- Живу на Эрдгешоссе (Erdgeschoss – первый этаж)
- Работать в Гартене (Garten – сад)
- Позвони на Хэнди (Handy – мобильный телефон)
- У меня Термин (Termin – прием) в Амте (Amt – учреждение, ведомство)
- Зайду в Шпаркассе (Sparkasse – сберкасса)
- Написать Бевербунг (Bewerbung – резюме).

Иногда при образовании существительных употребляются русские уменьшительно-ласкательные суффиксы, и слово получает дополнительную стилистическую окраску. Это связано с тем, что в немецком языке парадигма подобных суффиксов гораздо уже, и русскоязычным гражданам Германии не хватает средств для выражения всего спектра эмоциональной окраски своей речи, к которой они привыкли, когда жили в России и говорили на русском языке:

- Шпюлька – Spülmaschine (посудомоечная машина)
- Нудельки – Nudeln (лапша, вермишель)
- Ехать по Шнельке (Schnellstraße – скоростная дорога)
- У меня сегодня Пуцалка (от putzen – убирать, чистить).

По такой же модели образуются глаголы, так как проще добавить окончание к немецкому корню, чем вспоминать русский аналог:

- Дорога прошилдована (т. е. установлены Schild – указатели, таблички, щиты, вывески)
- ЗаБУхать (buchen – бронировать, заказывать) билеты
- Он шварцует (Schwarz – черный, работать нелегально, «по-черному»)
- Зашпарить (sparen – экономить)
- Дрюкнуть (drücken – нажать) на кнопку
- Пуцать (putzen – убирать, чистить) квартиру.

Нередко встречается в языке русской диаспоры калькирование т. е. образование новых слов и выражений по лексико-фразеологическим и синтаксическим моделям другого языка с использованием элементов данного языка [2, 142]:

- Варить чай – Tee kochen
- Делать образование – Ausbildung machen.
- Наблюдается так же такое явление как переключение кодов (смешение языков):
- Mach дверь zu! – Закрой дверь!

Таким образом, можно сказать, что лексическими особенностями языка русскоязычной диаспоры в Германии являются заимствования, характер которых позволяет сделать вывод, что основной лингвистический процесс – это упрощение речи.

Отсюда следует, что с точки зрения теории взаимодействия языков заимствование, отождествляемое с интерференцией, можно рассматривать и как случай нарушения языковой нормы на лексическом уровне в процессе языкового контакта, и как результат такого нарушения. Языковая деятельность дает возможность обнаружить истоки способности человека создавать неограниченное множество новых высказываний из ограниченного числа средств, а также понимать никогда не слышанные ранее предложения.

Билингвизм является одной из важнейших характеристик возникновения интернациональной лексики, так как для возникновения необходимы как минимум два соприкасающихся языка. Говоря о сближении культур, надо отметить в качестве источника возникновения интернационализмов языковой контакт, который является также источником появления заимствований. У. Вайнрайх считал, что «два или несколько языков находятся в контакте, если ими попеременно пользуется одно и то же лицо» [3, 264]. Чем большее количество языков воспринимает слово без принципиальных изменений в звуковой форме и семантическом наполнении, тем больше вероятности говорить о его интернационализации. Интернационализмы можно также рассматривать и как переводные эквиваленты друг друга, поскольку, употребляясь в разных языках, такие лексические единицы обозначают одни и те же понятия.

Литература

1. Глен-Шестакова Н. В. и др. Немецко-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1981. – 100 с.
2. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 142 с.
3. Вайнрайх У. Языковые контакты. – Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 264 с.

Прима А. М.

Кубанский государственный университет

ГЕНДЕРНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «MOTHERHOOD» – «МАТЕРИНСТВО»: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Понятие «гендер», являясь междисциплинарным объектом исследования, представляет собой комплекс психологических, культурных и социально обусловленных процессов. Современные ученые (Е. С. Гриценко) относят гендер (социокультурный пол) к числу основных характеристик языковой личности и определяют его как «конвенциональный идеологический конструкт, аккумулирующий представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данной культуре» [1, 3]. Гендерные категории играют важную роль в социальных практиках, поддерживающих гендерный порядок, где дихотомия мужское / женское является «фундаментальным и всегда релевантным принципом разделения двух типов людей», как утверждает Е. С. Гриценко [1, 3].

Основным методологическим принципом современных гендерных исследований является признание социальной и культурной обусловленности пола, его институционализованного и ритуализованного характера [2].

Таким образом, гендер представляет собой нечто большее, чем только свойство индивида, это прежде всего часть социальных отношений, один из важных элементов общественного устройства.

В результате выборки из словарей (The Oxford Dictionary of New Words, Urban Dictionary) нами было выделено несколько групп, связанных с гендерной составляющей. В данной статье мы рассмотрим семантико-структурный аспект группы «материнство» – «motherhood», которую составляют английские неологизмы с семами «mother» – «мать», «child / children» – «ребенок / дети», «birth» – «рождение», «pregnancy» – «беременность» (23 единицы).

Как свидетельствует анализ материала, ключевыми словами данной группы являются «mother», «birth», «nanny», которые либо представлены в полном виде («active birth», «nanny envy»), либо сокращены («mommoirist», «manny»).

Анализ примеров позволил выделить следующие основные подгруппы. Во-первых, это беременность и роды. В данную подгруппу входят неологизмы, обозначающие как отсутствие зачатия (near-birth experience – when birth control fails but no pregnancy results), так и разные его виды. В наш век современных технологий проблемы, связанные с неспособностью иметь детей, решаются с помощью достижений медицины, что нашло свое отражение в языке. Примером может служить акроним «GIFT» (gamete intra-fallopian transfer – a technique for helping infertile couples to conceive, in which eggs and sperm from the couple are inserted into one of the woman's Fallopian tubes ready for fertilization). S. Tulloch, E. Knowles, J. Elliott отмечают, что данный акроним был выбран вследствие значимости получившегося слова, ведь данная медицинская процедура «одаривает» бесплодную пару потомством (ср. gift – подарок, подношение, презент) [4]. Отметим, что неологизмы-акронимы относятся к сокращениям, а сокращения являются наиболее продуктивным в последние десятилетия и регулярным способом образования морфологических неологизмов. Этот способ является наглядным примером, отражающим тенденцию к рационализации языка, к экономии языковых усилий.

Слова-неологизмы могут появляться в языке в результате развития новых значений у уже известных слов. Так, например, техника суррогатного материнства придала новый семантический аспект лексеме «surrogacy» (ср. surrogacy – the office of deputy. Surrogacy, surrogate motherhood or surrogate mothering – the practice in which a woman carries and bears a child for another, either from her own egg, fertilized outside the womb by the other woman's partner and then re-implanted, or from a fertilized egg from the other woman).

Беременность означает как внутренние, так и внешние, визуально заметные изменения в организме женщины. Отсюда неологизмы «light bulb» и «pillowed», указывающие на сходство одушевленного лица с называемым предметом. (Light bulb – a pregnant woman. Jocular. Refers to the shape of a pregnant woman. Pillowed – pregnant. Refers to the swelling in a pregnant woman's abdomen).

В ходе изучения было выявлено, что неологизмы «PG» и «preg» образовались от одного слова, но с помощью разных средств. Если первое представляет собой аббревиатуру, то второе является усечением (в данном случае акопой – усечением финальной части). Отметим, что усечения (включая и акопы) составляют самую большую группу неологизмов, образованных с помощью сокращения.

Рассматривая словосложение как способ образования морфологических неологизмов, укажем, что роль его возрастает, но модели остаются практически неизменными. Наиболее распространенной моделью является: $N + N \rightarrow N$ или $A + N \rightarrow N$. Например, «active birth» – childbirth during which the mother is encouraged to be as active as possible, mainly by moving around freely and assuming any position which feels comfortable.

Е. С. Гриценко рассматривает гендер в совокупности с социальной ролью при конструировании материнства, указывая, что основное внимание уделяется вопросам власти и контроля в продуцировании гендерной идентичности [2]. Сама женщина конструируется как пациент, послушный и пассивный исполнитель рекомендаций медицинского персонала. Однако рассматриваемый неологизм акцентирует внимание на максимально осмысленной задействованности матери в процесс деторождения, на что указывают сравнительная параллельная конструкция «as active as possible» и местоимение-прилагательное «any», являющееся неопределенным квантификатором и употребляемое перед существительными в значении «любой, всякий».

Косвенно к данной подгруппе можно отнести неологизм «mommy makeover», образованный с помощью словосложения. Вынашивание ребенка и роды – это биологические процессы, которые не могут не оставить свой след на организме матери, поэтому логичным представляется желание женщины выглядеть «как раньше» (mommy

makeover (mummy makeover) – cosmetic surgery aimed at making a mother look the way she did before she had children).

В рамках данной статьи вторая подгруппа – это забота о детях. Данную заботу мать может проявлять всевозможными способами. К традиционным способам можно отнести специальные карточки с контактной информацией (mommy card/mom card – a calling card that includes a mother's name and contact information), а также наличие няни. Особый интерес представляют няни мужского пола (manny – a male nanny [man + nanny]). Примечательно, что среди неологизмов-сокращений особое место занимают такие частичные слова-слитки, как «manny» т. е. слова, в которых соединяются усеченный элемент одного слова и полная форма другого слова.

Как свидетельствуют приводимые здесь примеры, отношение к няням неоднозначно, и весьма показательным в данном плане выступает неологизм «nanny envy», так как семантически он проецирует чувство зависти как на самих нянь со стороны матерей, так и на тех матерей, которые могут позволить себе нанять няню (nanny envy – feelings of envy directed at one's nanny because of the amount of time she or he gets to spend with one's children; feelings of envy directed at women who have nannies). Указание на пол няни (she or he) вполне соответствует современным веяниям и перекликается с предыдущим неологизмом.

Нетрадиционным способом проявления заботы о детях выступает внимание матерей к проблемам национальной безопасности (security mom – a woman with children who believes the most important issue of the day is national security, particularly the fight against terrorism). Важность данной проблемы усилена с помощью превосходной степени прилагательного «important».

Третья подгруппа, выделенная нами, связана с указанием статуса матери. При этом мы будем рассматривать экономический (уровень доходов), профессиональный, семейный и социальный статусы.

Перед каждой женщиной, имеющей детей, рано или поздно встает вопрос карьеры: проводить ли больше времени с малышом или преодолевать очередную ступеньку служебной лестницы? В обществе складывается стереотипное представление о том, что данная проблема беспокоит только состоятельных матерей. Неологизм «afflufemza» развенчивает этот миф (afflufemza – the tendency to assume that the anxiety and stress felt by affluent mothers who have to choose between staying at home or pursuing a career, is felt by all mothers regardless of their socioeconomic status). Особенность его заключается в слиянии трех основ «affluent + feminine + influenza», а семы «anxiety» и «stress» акцентируют совокупность эмоционального, ментального и физического аспектов проблемы.

В продолжение темы карьерного роста рассмотрим единицу «to wife». Основная идея конверсии как способа образования неологизмов заключается в обогащении содержания понятия путем добавления сем. Так, например, при образовании неологизмов по модели N (одуш.) → V вместо семы «лицо» добавляется сема «действовать подобно лицу» (to wife – to downplay a woman's career accomplishments in favour of her abilities as wife and mother). Таким образом, мы видим, что экономический и семейный статусы очень тесно переплетаются.

Обращает на себя внимание еще один неологизм, из дефиниции которого следует, что взаимодействуют три разновидности статусов: экономический, семейный и профессиональный: waitress mom – a woman who is married, has children, works in a low-income job, and has little formal education.

Неологизм «soccer mom» (a white, suburban woman who is married and has children) акцентирует аспекты расовой принадлежности «white», семейный статус «married», а также географический показатель «suburban». Примечательно, что все эти смыслы находят отражение в лексеме «soccer», большую роль тут играет тот факт, что футбол – популярный национальный спорт в США.

Неологизм «baby mamma» (the mother of a child in an unmarried man and woman couple) показывает, что семейный статус женщины может быть заменен на наименование ее

функциональной особенности. При этом такой статус актуален только в раннем возрасте ребенка (baby – a newborn or recently born child; infant).

В ходе исследования нами была зафиксирована группа неологизмов, которые обыгрывают различные модели семей в зависимости от уровня доходов и наличия или отсутствия детей. Первоначальный вариант – это акроним «DINK» ((Dink, dink, Dinkie, Dinky) – either partner of a career couple with no children, both of whom have an income from work and who are therefore viewed as affluent consumers with few drains on their resources (Double (or Dual) Income No Kids)). В вариантах «Dinkie» и «Dinky» используется уменьшительный суффикс -ie / -y.

S. Tulloch, E. Knowles, J. Elliott отмечают также варианты OINK (One Income No Kids), Nilkie (No Income Lots of Kids), Tinkie (Two Incomes, Nanny and Kids), SITCOM (Single Income, Two (K)ids, Outrageous Mortgage) [4, 213]. Urban Dictionary Fularious Street Slang Defined содержит DINS ((Double Income, No Sex) – refers to two married working individuals who do not engage in sexual intercourse) [5].

Завершает данную подгруппу неологизм «alpha mom» (the dominant woman in a group of mothers). Акцентируется социальный статус, при этом стереотипное представление о фемининности подтверждается наличием общности матерей, ведь для женщин важно общение с представителями своего пола, основу их мира «составляют близкие отношения» [3, 246]. Но тем не менее на первый план выходит маскулинная черта доминирования («dominant»).

В четвертую подгруппу входят неологизмы, обозначающие тот период в жизни женщины, когда дети уже выросли и покинули родное гнездо. Всего насчитывается три единицы, при этом одна из них окрашена негативно (cronehood – a stage in a woman's life after her children have left home). Данный неологизм состоит из основы «crone» и аффикса «hood», встречающегося в существительных, образованных от существительных и от прилагательных. В данном случае аффикс передает значения качества, свойства основы «crone» (a witchlike old woman), т. е. возраст, черты внешности и характера (ср. witch – an ugly or wicked old woman).

Неологизм «momoir», полученный вследствие слияния «mom» и «memoir», а также образованный от него с помощью аффиксации «momoirist» окрашены нейтрально (momoir – a memoir about motherhood, momoirst – the author of a memoir about motherhood).

Таким образом, подводя итоги, укажем, что роль языка не ограничивается функцией приема и передачи информации или хранением знаний. Как показывают исследования, гендерный подход позволяет лучше понимать как язык, так и общество. Отражая и формируя социальную реальность, язык выступает в роли инструмента и фона конструирования гендера.

Литература

1. *Гриценко Е. С.* Язык как средство конструирования гендера: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тамбов: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2005. – 48 с.
2. *Кирилина А. В.* Гендер: Лингвистические аспекты. – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.
3. *Таннен Д.* Ты просто меня не понимаешь: Женщины и мужчины в диалоге // Гендер и язык. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 235–510.
4. *Tulloch S., Knowles E, Elliot J.* The Oxford Dictionary of New Words: A Popular Guide to Words in the News. Text. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 742 p.
5. Urban Dictionary Electronic resource. URL: <http://www.urbandictionary.com/>.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА РЕКЛАМЫ: ОСОБЕННОСТИ ДЕКОДИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ

В настоящее время, когда процессы глобализации и формирования наднациональных экономических и хозяйственных структур все более ускоряются, на первый план выходят проблемы межкультурной коммуникации. Общение и межличностное взаимодействие представителей различных стран мира становятся повседневными. Все это приводит к обострению необходимости совершенствования средств осуществления данного взаимодействия. Может показаться, что произошедшее в последние десятилетия повсеместное признание английского языка как языка международного общения и его использование в качестве средства взаимодействия не только отдельных представителей различных наций и культур, но и субъектов бизнеса и даже государств, снимает проблему сложностей в осуществлении межкультурной коммуникации. Это, конечно, не совсем так. Одновременно с овладением иностранным языком каждый из нас должен усваивать определенный объем сведений лингвокультурологического характера, поскольку простое изучение и применение на практике лексико-грамматических и стилистических средств иностранного языка само по себе не является залогом успеха коммуникации. Языковые средства есть лишь форма, за которой находится содержание, требующее верной и адекватной интерпретации, причем она важна и как таковая, и как составная часть процесса перевода, представляющего собой не просто замену единиц одного языка единицами другого языка, но коммуникацию с использованием этих двух языков [3, 22].

Одним из основных способов функционирования любого языка является текст, который можно понимать как определенную последовательность знаков, имеющую собственную структуру и содержащую определенную информацию об окружающей действительности. В абсолютном большинстве случаев текст есть языковой объект, представленный в виде совокупности слов, объединенных в предложения. Однако некоторые исследователи, отмечая знаковую природу текста, предлагают отнести к данной категории многие объекты окружающей действительности. Подобные тексты часто становятся символами, несущими на себе определенную смысловую нагрузку и воспринимаемыми как единый языковой образец. Наиболее распространенной формой подобных текстов-символов являются рекламные тексты, которые по мере развития средств и методов маркетинговой коммуникации, а также возникновения новых форм распространения товаров и услуг постепенно становятся неотъемлемой частью нашей жизни. В значительной части случаев реклама является национально обусловленной. Она готовится для отдельной страны или даже региона. Это определяется присутствием тех или иных товаров на рынке определенной страны. Кроме того, при разработке рекламы учитываются особенности менталитета конкретного народа, что играет важную роль в смысловом восприятии предлагаемого текста. Не стоит забывать, что «жанровую специфику феномена рекламы составляют способ передачи рекламного объявления и цель составления рекламного текста» [2, 7]. В условиях современной экономики значительная часть торговых марок выходит на международную арену. Прежде всего, это марки, представляющие популярные товары, выпущенные в США, Японии и Евросоюзе. Вместе с торговыми марками миру часто предстают и произведенные в стране-изготовителе товара рекламные тексты.

Любой текст так или иначе ориентирован на читателя. Но если художественное произведение в ряде случаев создается ради самого создания, и его автор выступает не как адресант, а как творец, для которого важен процесс, но не результат, то некоторые типы текстов, к числу которых следует отнести и рекламный, направлены исключительно на адресата. Определяющим фактором для рекламы в значительной степени является не ее художественная форма, а содержание, которое должно оказать влияние на получателя

закодированной информации, побудить его к определенным действиям. Вообще рекламный текст, по мнению М. В. Ягодкиной, характеризуется признаками содержания и внешнего оформления, позволяющими отличить их от нерекламных текстов, собственными функциональными признаками, а также особым местом, которое они занимают в общей совокупности текстов [7, 3]. Характерные черты рекламы являются основным фактором, обуславливающим особое положение подобных текстов. Как следствие, их адресат должен быть подготовлен к восприятию и декодированию информации. Ему следует уметь разграничивать рекламу и прочие виды текстов, поскольку реклама несет большую экстралингвистическую нагрузку, а ее манипулятивный потенциал весьма велик.

При осуществлении межкультурной коммуникации от всех сторон взаимодействия требуется, прежде всего, вовлеченность в процесс общения, четкое уяснение его особенностей, а также характерных черт собеседника. В том случае, когда собеседник как таковой отсутствует и взаимодействует с адресатом посредством заранее подготовленного рекламного текста, от последнего требуется большая экстралингвистическая эрудированность, которая принимает форму информационного запаса, понимаемого как «объем информации, ассоциируемый коммуникантами с некоторым языковым знаком или обозначаемым им объектом действительности (денотатом)» [4, 46]. Основу данного запаса должны, прежде всего, составлять разносторонние знания о стране происхождения рекламного текста, культурных, духовных и религиозных традициях и особенностях ее народа. Также весьма полезным и значимым видится нам знакомство с особенностями бизнеса компании-производителя рекламируемого товара. Все это позволит верно интерпретировать рекламу, изготовленную представителями другой национальной и социокультурной формации, правильно понять и, как следствие, успешно декодировать заложенные ими оттенки смысла и определить не только значение, лежащее на поверхности рекламного текста, но и зашифрованное в его подтексте, тем более, что в случае с рекламой очень часто именно подтекст является основным носителем информации, и только его верная интерпретация позволяет в полной мере понять мысли и чувства адресанта, разобрать все стороны подчас многослойной смысловой нагрузки.

Работая с рекламным текстом, мы должны помнить, что он представляет собой уникальный феномен, ценность которого обусловлена его языковыми особенностями, сопутствующей фоновой информацией и заложенным в нем потенциалом для интерпретации, той свободой, которую этот потенциал предоставляет возможному читателю. И при анализе художественного текста, и в случае с рекламой необходимо учитывать тот факт, что «всякое литературное слово более или менее остро ощущает своего слушателя, читателя, критика и отражает в себе его предвосхищаемые возражения, оценки, точки зрения» [1, 228]. При этом адресат рекламного текста не является пассивным получателем закодированной информации, его задача – активное сотворчество с автором-адресантом текстового произведения, не просто декодирование заложенного смысла, но и создание как самого смысла, так и смысловых оттенков. Никто из нас не может со стопроцентной уверенностью утверждать, что имел в виду автор, какие цели он перед собой ставил.

На определенном этапе рекламный текст становится независимым, начинает жить своей собственной жизнью. Однажды созданный, он подвергается бесчисленному количеству интерпретаций, результатом которых становится появление новых текстов, новых смысловых форм, являющихся совокупностью ощущений и впечатлений, полученных на основе анализа закодированной автором информации с применением жизненного опыта читателя, его образовательного и культурного багажа, личностных особенностей мировосприятия. Даже при работе с переводом, когда иноязычный рекламный текст отходит на второй план, интерпретация весьма важна, поскольку перевод как дискурс имеет в качестве составляющих, с одной стороны, текст в его лингвистическом представлении, с другой – экстралингвистический контекст, формирующийся вокруг описываемых фактов и событий [5, 43]. Признавая важность интерпретации, мы одновременно повышаем роль адресата текста. Без адресата и его уникального восприятия текст останется просто набором символов. И только в процессе интерпретации данные символы оживают, становятся частью лингвистической и экстралингвистической картины мира.

Именно поэтому читатель должен пониматься не просто как адресат, но «как активное начало интерпретации, часть самого процесса порождения текста... нет таких текстов, которые такого сотрудничества не предполагали бы» [6, 14].

Интерпретация рекламы представляет собой декодирование зашифрованной автором информации. Процессы кодирования и декодирования неразрывно связаны, они оба зависят от личностных особенностей восприятия и окружающей действительности, и языка. Современная межкультурная коммуникация требует от коммуниканта обладания энциклопедическими знаниями во многих областях. Быть потребителем товаров и услуг, произведенных во всех уголках мира, – это не просто привилегия современного человека, это еще и большая ответственность, в значительной мере обусловленная необходимостью уметь верно трактовать значения рекламных текстов и торговых марок, разбираться в социокультурных, а иногда и личностных особенностях их авторов – наших коммуникантов, удаленных от нас во времени и пространстве. Без успешного владения всеми этими и многими другими навыками современный человек рискует утонуть в море коммуникации, его сознание может попросту не выдержать все возрастающих объемов поступающей извне информации. Сейчас мало хорошо владеть родным и одним или несколькими иностранными языками. Каждый из нас должен обладать навыками интерпретации текста, совмеща в себе знания и умения лингвиста, культуролога, психолога. Только способный верно интерпретировать текст рекламы потребитель может осуществить правильный выбор в великом многообразии предлагаемых товаров и услуг, а также понять все оттенки смысла, заложенные специалистами по маркетингу. Успешное декодирование информации, содержащейся в рекламе, есть один из необходимых факторов осуществления межкультурной коммуникации, в расширяющиеся процессы которой в той или иной степени вовлечен каждый современный человек. Даже работая с переводным текстом, необходимо понимать экстралингвистическую составляющую структуры смысла, чтобы иметь возможность ее верно интерпретировать, полностью усвоить закодированную информацию, стать успешным коммуникантом.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Сов. Россия, 1979. – 320 с.
2. *Белозерова Е. В.* Реклама как жанровый метаконцепт (на материале современной русской лингвокультуры): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 22 с.
3. *Велединская С. Б.* Курс общей теории перевода. – Томск: Изд-во ТПУ, 2010. – 230 с.
4. *Миньяр-Белоручев Р. К.* Теория и методы перевода. – М.: Московский лицей, 1996. – 208 с.
5. *Сапогова Л. И.* Читатель и переводчик. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2007. – 276 с.
6. *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – СПб.: Симпозиум; М.: Изд-во РГГУ, 2005. – 502 с.
7. *Ягодкина М. В.* Язык рекламы как средство формирования виртуальной реальности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2009. – 31 с.

Сидорова Е. В.

Воронежский государственный университет

КОНСТРУКЦИИ С РЕДУЦИРОВАННЫМИ КОМПОНЕНТАМИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Разговорная речь обладает яркими отличительными признаками, которые охватывают все языковые уровни. Неизменным атрибутом разговорного синтаксиса являются неполные конструкции, функционирующие в контексте диалога. Редукция компонентов высказывания обусловлена пресуппозицией, являющейся интегративной установкой речевого взаимодействия и влияющей на организацию коммуникации [1, 82–83].

Для синтаксиса разговорного диалога характерна лаконичность и эллиптичность высказываний, преобладание простых предложений над сложными, сочинения над подчинением, бессоюзной связи над союзной, обилие экспрессивно окрашенных предложений. С другой стороны, отмечаются и такие особенности, которые обусловлены исключительно спецификой диалогического взаимодействия, то есть «реплицированием» и вопросно-ответной формой речи, что предопределяется быстрым темпом коммуникации и не дает возможности предварительного обдумывания и выбора средств высказывания. Подготовка к нему при диалогической форме речевого взаимодействия происходит одновременно с восприятием чужой речи, это создает условия для возникновения редуцированных конструкций.

В асимметричном реплицирующем диалоге, демонстрирующем инициативное неравноправие коммуникантов, при котором речевая партия инициатора доминирует над реактивной партией второго участника общения, реактивные реплики, как правило, имеют редуцированный характер. Например: *Нужно встретить его. / Почему это?* Вторая реплика диалога (реплика-реакция) – экспрессивный рогатив *Почему это?* – вопросительное неполное высказывание, имеющее вторичную, эмоционально-оценочную функцию, выражает не только собственно вопрос, но и непонимание, возмущение и несогласие с обстоятельствами ситуации. Смысловое наполнение неполной конструкции может проясниться только следующей репликой доминирующего участника общения.

В неполном высказывании невербализованные части сообщения легко восстанавливаются с опорой на контекст либо ситуацию, сопутствующую речевому акту, поэтому различают два вида неполных высказываний: контекстные и ситуативные. В лексико-грамматическом составе редуцированных конструкций могут отсутствовать различные компоненты. С конструктивно-синтаксической точки зрения допускается пропуск любого грамматического члена предложения, однако более заметными становятся пропуски таких членов, которые оставляют после себя «следы» в виде зависимых словоформ [2, 274]: *А кому отдать-то? / Ей.* В данном фрагменте диалога сигналом редукции главного члена в ответной реплике является зависимый компонент *ей*.

В неполных высказываниях может редуцироваться вся грамматическая основа или один из главных членов предикативного центра: *Помнишь? / Приходила, помню.* Второстепенные члены предложения редуцируются значительно реже по сравнению с главными, более того, предложение может сокращаться до одного предлога, который в следующем примере выполняет функцию вопроса-переспроса и утвердительного ответа: *До выпускного вечера? / До? Нет, после.*

Диалогическая речь как смысловое и грамматическое целое включает в свой состав разнообразные сцепления, объединяющие речь участников коммуникации. Особая синтаксическая связь соотносящихся по смыслу реплик наблюдается в вопросно-ответных конструкциях. Для того чтобы ответное высказывание могло опираться на состав предыдущего, семантика реплик должна быть связана с общим объектом мысли, который выражается одной и той же лексической единицей. Синтаксическая взаимосвязь реплик диалога характеризуется проникновением соседних реплик друг в друга, которые могут находиться между собой в отношениях, аналогичных отношениям компонентов сложного предложения. Направляющими обычно бывают реплики вопросительного характера: *Спи. / А ты? / А я читаю.*

Синтаксическое единство взаимодействующих реплик может выражаться в общем параллелизме их синтаксического строения. Это объясняется тем, что участник коммуникации воспринимает не только содержание высказывания собеседника, но и форму, воспроизводя последнюю реплику в предложенном виде: *А ты не будешь? / Я не буду.* Наиболее обычный вид повторения слов и словосочетаний встречается в перерыве и подхвате незаконченной реплики: *Ты не видела мою... / Не видела.*

Рассмотренные структурно-семантические особенности конструкций с редуцированными компонентами в русском диалоге находят свое подтверждение и в английских диалогах. Так, к наиболее распространенным типам неполных высказываний в английском языке относят: неполные ответы на специальные вопросы, содержащие тот член предложения,

к которому относится вопрос (*What time is it? – Six*); неполные ответы на общие вопросы-просьбы без подлежащего *you* и вспомогательного глагола *would* или *do* (*(Do you) see what I mean*); неполные ответы на общие вопросы, состоящие обычно из обстоятельств меры, степени или образа действия (*Is that clear? – Quite*); неполные высказывания без предикативного центра, выражающие осведомление о желании собеседника (*More coffee? – No more*); конструкции с редуцированным подлежащим и глаголом-связкой, состоящие только из предикатива и дополнения к нему (*(Are you) Tired? – No*) [3].

Изучение диалоговых структур подтверждает частотность неполных конструкций в устной речи. Предложения с редуцированными компонентами устраняют синтаксическую тавтологию (полное или частичное повторение структуры), которая придавала бы громоздкость и вялость коммуникации. В контексте разговорного диалога главные члены предложения редуцируются чаще, чем второстепенные, причем редукции может подвергаться вся грамматическая основа, а схема предложения сокращаться до одного предлога. Редуцированные высказывания регулярно сопровождают вопросно-ответное взаимодействие коммуникантов. При этом структуру неполных конструкций способны формировать любые члены предложения. Семантическое единство и взаимосвязь конструкций с редуцированными компонентами проявляется в проникновении реагирующих реплик друг в друга, параллелизме синтаксического строения, подхвате незавершенных реплик и, безусловно, в контекстуальном и ситуативном единстве.

Литература

1. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. – М.: КомКнига, 2005. – 320 с.
2. Распопов И. П. Основы русской грамматики: Морфология и синтаксис. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1984. – 350 с.
3. Каменский А. И., Каменская И. Б. Практическая грамматика английского языка: справочное пособие для неязыковых вузов. – Харьков: ИНЭМ, 2002. – 278 с.

Торопчин Г. В.

Кемеровский государственный университет

REPLACEMENT OF THE CYRILLIC ALPHABET WITH THE LATIN SCRIPT IN THE FORMER SOVIET REPUBLICS IN THE 1990s-2000s

It goes without saying that language policy was one of the substantial components in the national policy of the USSR. It was highlighted in the mainframe documents constituting the Soviet statehood. For instance, Declaration of the Rights of the Peoples, issued by the Bolshevik government in November 1917, claimed that all the peoples united within the country have equal cultural rights (which meant the equality in terms of language use as well) [1]. It also can be proved by the massed literacy campaign (Likbez) since 1919, which embraced the margins of the young state. Apart from that, the Communist Party tried to keep up with the elites of the national republics, and they couldn't afford to get out of touch with the local population (who hardly spoke any Russian that time, e.g. in Turkestan) [3].

The transition of other languages of the Soviet Union to Cyrillic was not a one-step and straightforward action. Actually, in line with the trend towards universalization, back in 1920–1930s, there were attempts to switch even the Russian language to Latin alphabet, to say nothing of the other languages [4]. In particular, transition from the Arabic script to Latinitsa was conducted in 1920s in the republics of Caucasus and a couple of years later in former Turkestan. One of the reasons was the ambition of the central government to limit the influence of the religion (including Islam) [5]. Finally, to complete the process of cultural integration, tongues of Central Asia (which basically share Turkic origin, but for Tajik) were officially rendered to Cyrillic in 1930s.

It is necessary to outline both the objective reasons and subjective prerequisites which stipulated the governmental initiative of rendering languages of different origin spoken on the Soviet territory to Cyrillic. Of course, Cyrillic was chosen as a unique writing system for the languages of the USSR because it is used in Russian. The point is, it is in accordance with the tradition established with the lapse of time in the Russian Empire that Russian was made a universal means of communication in the USSR (as well as in Eastern Europe on the whole) and language of the official documents. L. I. Brezhnev even claimed that all the nations united within the state, “have voluntarily accepted” Russian as an instrument of interethnic communication. And other languages of the republics were deeply influenced by Russian. As for the social aspect, in those republics Russian was the language of Russian immigrants, highly skilled specialists, nomenklatura and intelligentsia, thus it was always advantageous to be fluent both in Russian and mother tongue [2].

The situation remained unchanged up to Gorbachev time. However, the national and nationalist movements in the republics of the USSR in the 80s made a special stress on their cultural independence (keeping in mind their lingual identity). Thus, no wonder that with the collapse of the Soviet Union, one of the most urgent reforms by the newly elected governments in the sovereign states was the language reform. This was supported in a way even in Russia: there were some attempts to adopt the Latin script for the Tatar language in Tatarstan (the leaders of which tended to think and act in somewhat separatist frame of mind) or Chechen language (it was an especially important instrument of manipulation as the local self-proclaimed government led by Dudaev was at war with the Kremlin). It is necessary to track the peculiarities of this phenomenon in different Post-Soviet countries, taking into consideration the regional aspects, belonging of a language to a certain family of languages. Namely, one can distinguish three various scenarios of such transition:

As for Post-Soviet countries situated in Europe, one can refer to the example of Moldova. Technically, Moldovan language is dialect of Romanian (which has been acknowledged by the Moldovans themselves, according to Ethnologue [6]), belonging to the Roman family of languages (a unique occasion on Post-Soviet territory). As for the historical aspect, Language Law adopted in 1989 proclaimed so-called “Moldovan-Romanian linguistic identity”, hence followed the Romanization. Nowadays, the Constitution of the Republic of Moldova specifies the use of Latin alphabet in Title I, Article 13 [7]. However, this is not the only instance of the tendency toward Latinization of the languages spoken on the territory of the former Soviet Union. In Belarus, a concept of Łacinka (Byelorussian language written in Latin letters) became quite popular (along with Taraškievica: conservative orthography style, based on Cyrillic) after the fall of the USSR. But it was shared only by some nationalists (esp. in regions close to Poland) and did not become widespread.

Some of the Caucasus states also expressed their will to use Latin alphabet as the basis of their languages. Languages spoken in Caucasus sub-region usually have a large number of phonemes, therefore International Phonetic Alphabet (exploiting primarily Latin alphabet) is one of the best ways to display them in written form. But the most significant case of transferring a language to Latin is Azerbaijani. Linguists admit that it is really close to Turkish, so it is not surprising that the government supported the close integration with their neighbours in the language sphere [8].

Finally, perhaps, the largest group of all comprises the territories of Central Asia. Considering linguistic classification, it is Turkic subdivision of the Altaic family of languages. So, it is not surprising that in the 90s Turkey sequentially developed plans to create a so-called “Turkic belt”: Turkey-Caucasus (to be more precise, it was Azerbaijan in the first place)-Central Asia (Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan). One of the prominent specialists in that field, Hélène Carrère d'Encausse, French researcher of Georgian descent, scrutinizes the historical dimension of this problem in her famous book “Islam and the Russian Empire: Reform and Revolution in Central Asia” not only with regard to the Turkic component, but also taking into account the Persian background of some territories in the region (of course, Tajik language and culture are predominantly meant by that). Although Russian language still retains some influence in that region, the official languages of these republics were rendered into Latin script: Turkmen (in 1995-1996), Uzbek (since 1992 with a transitional period up to 2002).

To sum it up, with the fall of the Soviet Union and rise of the nationalism in Central Asian and other republics in the Post-Soviet space, Cyrillic script (which associated subliminally with the Slavic domination) was replaced with Latin. Nevertheless, elderly people and parts of population dwelling in the regions which are geographically close to Russia, tend to use Cyrillic as before. On the other hand, one cannot deny the influence of the globalization and westernization: that made the aforementioned languages closer to the European ones, made them easier to study for foreigners. Understanding of these problems from the scientific point of view can seriously contribute to finding solutions for Post-Soviet cultural and national issues (such as Transnistrian conflict in Europe or problems of relations between the countries in Central Asia).

References

1. 2 ноября 1917. Декларация прав народов России / Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_16.htm Access date: 03/08/2012.
2. Алтатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социоллингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства // М.: Крафт+, ИВ РАН. – 2000.
3. От Небесных Гор до Красных песков: Путешествие Эллы Майяр в Туркестан в 1932 году. URL: <http://www.ruh.kz/blog/ot-nebesnykh-gor-do-krasnykh-peskov-puteshestvie-elly-maiyar-v-turkestan-v-1932-godu> Access date: 03/08/2012.
4. Языковая политика СССР в 20–30-е годы / Дневник Московского исламского университета. URL: <http://www.miu.su/wp-content/uploads/2008/03/gorshok.doc> Access date: 03/08/2012.
5. Svetlana Gorshenina. La marginalité du Turkestan colonial russe est-elle une fatalité ou l'Asie centrale postsoviétique entrera-t-elle dans le champ des Post-Studies? / Cahiers d'Asie centrale. URL: <http://asiacentrale.revues.org/index1138.html> Access date: 03/08/2012
6. Languages of Moldova / Ethnologue. Languages of the world. URL: http://www.ethnologue.com/show_country.asp?name=Moldova Access date: 03/08/2012.
7. Constitution of the Republic of Moldova / Constitution finder. URL: <http://confinder.richmond.edu/admin/docs/moldova3.pdf> Access date: 03/08/2012.
8. Tamam Bayatly. Alphabet Transitions. The Latin Script: A Chronology. Symbol of A New Azerbaijan / Azerbaijan International. Summer 1997 (5.2). – P. 22–24. URL: http://www.azer.com/aiweb/categories/magazine/52_folder/52_articles/52_alphabet.html.

Тюкина А. И.

Удмуртский государственный университет

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА СЛОВ, НАЗЫВАЮЩИХ ЭМОЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (в дневнике Ф. Г. Раневской)

Источником нашего исследования является книга Ф. Г. Раневской «Дневник на клочках» [8]. Автор этой книги, Фаина Георгиевна Раневская, родилась в Таганроге в 1896 г., актриса театра и кино, народная артистка СССР. О ней много писали, но эти сочинения нельзя сравнивать с ее собственными записями, так как они уникальны. Ф. Г. Раневская не жаловала ни посредников, ни мемуаристов, а потому обратилась к редкому жанру: разговору собой или дневнику.

Мы обратились к полному тексту дневника Ф. Г. Раневской «Дневник на клочках» с целью рассмотреть ЛСГ названий эмоций человека.

Существуют различные проявления системности лексики (в том числе называющей эмоции), одна из которых – лексико-семантическая группа слов (ЛСГ).

Лексико-семантическая группа слов – это обширная организация слов, объединенная базовым семантическим компонентом, который обозначает класс классов предметов, признаков, процессов, отношений [6, 9]. Например, базовый семантический компонент ЛСГ «тревога» включает в смысловую сферу следующие гиперсемы:

- 1) беспокойство
- 2) волнение
- 3) смятение.

Особенности ЛСГ:

- 1) она состоит из нескольких гиперо-гипонимических парадигм – родовидовых парадигм, характеризующихся наличием родового понятия;
- 2) интегральная (смысловой компонент, присущий значениям всех рассматриваемых слов) и дифференциальные (смысловой компонент, отличающий значение одного слова от другого) семы противопоставлены;
- 3) в состав ЛСГ могут входить различные по семантике парадигмы:
 - а) антонимические (объединение слов с противоположными значениями);
 - б) синонимические парадигмы (синонимический ряд, в котором интегральным признаком является адекватность (тождественность), близость значений синонимов);
 - в) тематические парадигмы (тематический ряд, объединяющий слова, имеющие в своем значении интегральную эксплицитную или имплицитную гиперсему) и т. п.

Психологи отмечают, что реальные жизненные условия, в которых осуществляются достижение целей и удовлетворение потребностей, обуславливают многообразие эмоциональных переживаний, которые тяготеют к двум разным полюсам:

- 1) Условия, предметы и явления, которые способствуют удовлетворению потребностей и достижению целей, вызывают *положительные* эмоции: удовольствие, радость, интерес и др.;
- 2) Ситуации, которые воспринимаются человеком как препятствующие удовлетворению потребностей, вызывают *отрицательные* эмоции: гнев, печаль, страх и др. [2].

Названия эмоций в языке изучали многие лингвисты. Э. Ф. Сафина в работе «Проблемы идентификации эмотивов (на примере семантического поля «печаль» в английском языке)» [4] писала, что эмоциональный концепт «печаль» как часть концептуальной сферы человека находится в отношениях включения и пересечения с такими концептами, как «беспокойство», «гнев», «досада», «одиночество», «потрясение», «раздражительность», «разочарование», «сожаление», «скука» и т. д. Д. А. Романов в статье «Психолингвистическое обоснование эмоциональной идентификации» [3] рассматривает группу зафиксированных в русском языке слов-синонимов, обозначающих эмоции человека. Автор определяет общий семантический компонент ЛСГ названий эмоций как один и тот же семантический компонент, присутствующий в разных значениях многозначного слова или в значениях разных слов. Источником синонимических названий эмоций явился для него двухтомный «Словарь синонимов русского языка» [5].

В работе Д. А. Романова рассматриваются проблемы способности человеческого сознания к объединению частных вариантов названий эмоциональных состояний. Разнообразные лексические средства, обозначающие в русском языке эмоции, систематизируются им на основе 20 фундаментальных эмоциональных модальностей (список приводим ниже).

В статье Д. А. Романова представлены следующие группы названия эмоций в русском языке: 1. Удивление, изумление, раздражение. 2. Интерес, заинтересованность. 3. Решительность, твердость 4. Любовь, влюбленность, страсть, увлечение. 5. Тревога, беспокойство, волнение, смятение. 6. Страх, ужас, боязнь, трепет, жуть. 7–8. Горе – страдание, мука, горесть, замучаться, горечь, мучать, мучаться, замученность. 9–10. Стыд-застенчивость, стеснение, робость, стеснительность, стыдливость. 11. Вина, грех. 12–13. Презрение-пренебрежение, игнорирование третирование. 14–15. Гнев-ярость, раздражение, бешенство. 16–17. Отвращение-омерзение, гадливость. 18. Счастье, удача, блаженство. 19–20. Радость-удовольствие, отрада, наслаждение, ликование, блаженство.

В данной схеме автор подчеркивает названия эмоций и синонимы этих эмоций (спаренные слова), и оставляет не подчеркнутыми названия чувств.

В своем исследовании ученый пришел к выводу, что эмоция закономерно может называться по-разному, имея при этом **базовый вид – основную модальность** (то, что

подчеркнуто). Данная особенность каждой эмоции зафиксирована сознанием носителей языка, что проявляется в процедуре эмоциональной идентификации.

Названия эмоций и чувств, как и другие слова русского языка, отражены в толковых словарях. Так, в словаре С. И. Ожегова, определены значения базовых слов этой ЛСГ:

Удивление – впечатление от чего-н. неожиданного и странного, непонятного. Посмотреть на кого-н. с удивлением. Вне себя от удивления. Открыл рот от удивления. К удивлению всех, он согласился. На удивление кому-чему (разг.) – очень хорош, замечателен. Обед вышел на удивление.

Интерес: 1. Особое внимание к чему-н., желание вникнуть в суть, узнать, понять. 2. Занимательность, значительность.

Решительный: 1. Твердый в поступках, не колеблющийся. 2. Исполненный твердости, непреклонности.

Любовь: 1. Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. Чары, ожидание, муки любви. 2. Чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности.

Тревога: 1. Беспокойство, волнение (обычно в ожидании опасности или чего-н. неизвестного).

Страх: 1. Очень сильный испуг, сильная боязнь.

Горе: 1. Скорбь, глубокая печаль.

Стыд: 1. Чувство сильного смущения от сознания предосудительности поступка, вины.

Застенчивость: робость в обращении, застенчивое поведение.

Вина: 1. Проступок, преступление. 2. ед. Причина, источник чего-н. (неблагоприятного).

Презрение: 1. Глубоко пренебрежительное отношение к кому-чему-н. 2. Подчеркнутое безразличие к чему-н., пренебрежение чем-н.

Пренебрежение: Высокомерное, лишенное уважения и внимания отношение к кому, чему-н.

Гнев: Чувство сильного возмущения, негодования. Вспышка гнева. Быть в гневе.

Ярость: 1. Сильный гнев.

Отвращение: Крайне неприятное чувство, вызванное кем-чем-нибудь.

Омерзение: Чувство гадливости, отвращения.

Счастье: 1. Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения.

Радость: 1. Веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения.

Удовольствие: 1. Чувство радости от приятных ощущений, переживаний, мыслей.

Гнев: 1. Злое, раздраженно-враждебное чувство, настроение.

Печаль: 1. Чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи. 2. То же, что забота (устар. и прост.) [7].

Итак, в современном русском языке используется не менее 20 слов – базовых названий эмоций, вокруг которых группируются названия конкретных чувств.

В книге Ф. Г. Раневской «Дневник на клочках» преобладала эмоция «радости» и чувство любви, то есть чувства с положительной окраской. Однако не намного меньше по количественному содержанию группа эмоции «печаль», которая антонимична «радости».

Всего меньше отражена группа эмоции «интерес», представленная лишь одним словом. В тексте мы обнаружили следующие наиболее крупные синонимические ряды: *страх – боязнь – ужас – трепет – волнение; бояться – пугаться – волноваться – беспокоиться*. Это еще раз свидетельствует о равнодушии и постоянном беспокойстве Ф. Г. Раневской.

Выявили пары антонимов: *счастье – несчастье; любовь – ненависть; радость – горе; любить – ненавидеть; восторг – неистовство; весело – скучно; страсть – отвращение*.

Выяснили, что плакала Ф. Г. Раневская, как от испуга, так и от счастья – это свидетельствует о широком диапазоне эмоциональной восприимчивости актрисы. Смеялась от веселья, радости, из-за душевного удовлетворения.

Таким образом, мы видим, что лексика, обозначающая эмоции у Ф. Г. Раневской состоит из лексико-семантических групп, в состав которых входят различные парадигмы: антонимические, синонимические, тематические и т. д.

Литература

1. Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость. – Л.: Наука, 1975.
2. Рогов Е. И. Общая психология. – Ростов н/Д Феникс, 2010.
3. Романов Д. А. Психолингвистическое обоснование эмоциональной идентификации // Вопросы языкознания. – 2005. – №1. – С. 97–102.
4. Сафина Э. Ф. Проблемы идентификации эмотивов (на примере семантического поля «печаль» в английском языке) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 25.
5. Евгеньева Е. П. Словарь синонимов русского языка. – М.: 1970–1971. – ТТ. 1, 2.
6. Жеребило Т. В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2011.
7. Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах, М.-Л., 1948–1965. (БАС).
8. Раневская Ф. Г. Дневник на клочках. – СПб, 2002.

Федорова И. А.

Удмуртский государственный университет

ГРАФИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (на примере итальянского и испанского языков)

Процесс перехода от народной латыни к образованию романских языков характеризуется многочисленными фонетическими изменениями, которые, по утверждению А. Мартине, происходят в связи с потребностями общения и одним из факторов, определяющим их направление и даже возникновение, является коренная необходимость обеспечить взаимопонимание [6, 73]. Отметим такое фонетическое явление, как протеза гласного «е» перед группой согласных *sc-*, *sp-*, *st-* в начале слова, которое наблюдается примерно с начала II в. н. э. в романских языках. Надписи изобилуют формами типа *iscola*, *espiritum*, *istratuam*. Протетическая гласная проявлялась чаще на фоносинтаксическом уровне в литературном староитальянском языке – после предлогов *con*, *per*, *in* и частицы *non*: *per ischerzo*, *con istudio*. Однако в современном *italiano standard* протеза отсутствует [2, 77]. Сравним: лат. *studente* > ит. *studente*, исп. *estudiante*, порт. *estudante*, фр. *étudiant* (ст.-фр. *estudiant*).

В испанском языке слова *s* + согласный сохраняются с прибавлением впереди опорной гласной «е»: *escribo* (< *scribo*), *esposo* (< *sposu*) [4, 93]. В испанском и в настоящее время существует тенденция добавления протетической гласной к заимствованным словам, которая распространяется не только на латинизмы (*espectáculo*, *especial*), но и орфоэпически (не орфографически) на заимствования типа *sputnik*. Таким образом, вышеприведенное фонетическое изменение все еще действует в современном испанском языке и является живым фонетическим законом, который автоматически распространяется на звуки или звукосочетания, «неприемлемые» в данный момент для фонетической структуры языка [1, 200]. В. С. Виноградов отмечает, что в испанском языке практически нет собственно испанских слов, начинающихся с *s* + согласная. Только несколько заимствований нарушают это правило (*ski*, *sport*, *standart*, *stock*). При ассимиляции у таких слов появляется начальная гласная «е»: (*scanner* / *escáner*; *spam* / *espám*; *stock* / *estock*), которые имеют два варианта написания [3, 95].

Принимая во внимание тот факт, что фонетический процесс добавления протетической гласной перед группой согласных исключает написания *esc-*, *esp-*, *est-* в начальной позиции итальянских слов и написания *sc-*, *sp-*, *st-* в начальной позиции испанских слов. Однако в современном итальянском языке встречаются слова типа *esculent*, *espèride*, *esteriorità*, и в современном испанском языке – *scooter*, *sport*, *stock*, это значит, что данные слова пришли из других языков, подвергаясь только частичной ассимиляции. На основании этой гипотезы мы провели этимологический анализ итальянских и испанских слов с начальной графикой *sc-*,

sp-, *st-* / *esc-*, *esp-*, *est-* и выяснили, что в этих языках не все слова являются заимствованиями, часть из них принадлежит к исконной лексике. Исследование показало, что количественное соотношение исконной и заимствованной лексики с изучаемой графикой в итальянском языке выглядит следующим образом: 82 % исконных слов (1425 слов) и 18 % заимствований (318 слов). Итальянские слова с графикой *sc-*, *sp-*, *st-* относятся как к исконной, так и к заимствованной лексике, а слова с графикой *esc-*, *esp-*, *est-* — только заимствования.

В Италии латинская традиция была сильнее, чем в остальных романских странах [7, 169]. Это обстоятельство объясняет нам, почему наибольшее количество заимствованных слов с изучаемой графикой в итальянском языке составляют слова **латинского происхождения** (57,5 %). В основном это общеупотребительная лексика, куда входят названия предметов или абстрактные явления. Например, *scalea* «лестница» < *scale*, *scala*; *scuola* «школа» < *schola*; *spavento* «испуг, ужас» < *sparvanus*, *-enius*; *spirito* «ум, дух» < *spiritus*; *stallo* «кресло со спинкой» < *stallus*; *spondeo* «спондей, сборник» < *spondeus*. Из всех романских языков итальянский язык наиболее близок лексически к латинскому, поэтому лексика итальянского языка оказывается более сохранна, менее инновативна, чем любого другого из романских языков в области ядерной лексики [5, 13]. Нехарактерные слова с начальными сочетаниями *esc-*, *esp-*, *est-* для современного итальянского языка являются заимствованиями из латинского. Эти буквосочетания передают в итальянском языке латинские слова, начинающиеся на *ex-*: *esclamare* «воскликать, вскрикивать» < *ex-clamare*; *escursiōne* «экскурсия» < *excursione*; *esperto* «эксперт, специалист» < *expertus*; *esperienza* «опыт, опытность» < *ex-perientia*; *estuàrio* «эстуарий, устье реки» < *aestuarium*.

На втором месте по количеству изучаемых примеров занимает **английский язык** (13,8 %). Достаточно много слов, заимствованных из английского языка, начинают проникать в XIX в. в разные сферы лексики итальянского языка. Огромный поток английских заимствований отмечается после Второй мировой войны. Пребывание солдат американской и английской армий на итальянской территории, тесные экономические и политические связи с Великобританией и США, расширение круга лиц, изучающих английский язык, наводнение итальянского рынка американскими промышленными товарами привели к довольно широкому использованию большого числа английских слов в итальянском языке [8, 40]. Англицизмы с изучаемой графикой в итальянском языке относятся к различным областям деятельности человека: *scanner* «сканер», *scooter* «мотороллер», *spleen* «сплин, хандра», *spray* «аэрозоль» *speaker* «диктор». Особенно много английских слов в спортивной терминологии: *sport* «спорт», *sprint* «спринт», *start* «старт», *steeple-chase* «скачки с препятствиями».

Слова с изучаемой графикой **греческого происхождения** в итальянском языке немногочисленны (11,9 %). Как мы уже отмечали, римляне знали греческий язык и как язык письменной культуры, и как живую речь, с носителями которой они соприкасались с древнейших времен. Особенность греческого влияния заключается в том, что его трудно ограничить определенным периодом — грецизмы появились уже в архаической латыни и далее вплоть до византийского периода [2, 117]. Итак, греческий язык послужил надежным источником заимствованной лексики, особенно для создания научной терминологии: *stratagemma* «военная хитрость, уловка» < *strategema*; *sclerosi* «склероз» < *skleròs*; *spasmo* «спазм, судорога» < *spasmos*; *scenografia* «театральная живопись» < *sckêné* и *graphia*; *stearina* «стеарин» < *stèar*; *stearite* «жировик» < *stearites*.

Греческие термины вошли в основной словарный фонд итальянского языка через разговорную латынь: *estètica* «эстетика» < лат. *aestetica*, греч. *aisteticos* «чувствительный»; *scoria* «шлак, окалина» < лат. *scoria*, греч. *scoria*; *spelunca* < лат. *spelunca*, греч. *spelygx*.

Германские заимствования в итальянском языке широко представлены лангобардскими или готскими словами, которые вошли в итальянский язык в период Лангобардского господства, продолжавшегося более двухсот лет, а также немецкими словами, вошедшими во время фашиской оккупации: *stucco* «гипс, штукатурка» < *Stück*; *scaramuccia* «стычка, споры» < *skërman*; *scherno* «насмешка» < *skern*, *scern*; *sciabola* «сабля, шашка» < *sabel*, *säbel*;

schiera «ряд, шеренга, строй» < *schera*; *schifo* «шлюпка» < *schif, skif, scirm; spia* «шпион, сыщик» < *spēha* от *spiare* «искать». Количество немецких слов практически одинаково с греческими словами (11,4 %).

Отметим также слова, пришедшие из других языков (5,4 %): **французский**: *escamotage* «хитрый ход, уловка» < *escamotage*; **русский**: *steppa* «степь» < *steppj, sputnik* «спутник» < *sputnik*; **арабский**: *sceicco* «шейх» < *sceikh, sceriffo* «шериф» < *scharif, sia* «шах» < *sciah*; **скандинавский**: *scaldo* «древнескандинавский певец» < *scaldo*.

Испанская лексика с изучаемой графикой также представлена исконными 62 % (576 слов), и заимствованными словами 38 % (346 слов). При изучении этимологии испанских слов мы выявили, что слова с нехарактерными написаниями *sc-*, *sp-*, *st-* в начале слова являются заимствованиями, а слова с графикой *esc-*, *esp-*, *est-* входят как в исконную, так и в заимствованную лексику.

Большая часть изучаемых слов в испанском языке является **латинскими заимствованиями** (53, 5 %). Письменный латинский язык долгое время был образцом для не имеющего письменной традиции испанского, а также поставщиком слов, которых не было в разговорном испанском языке. Латинские слова проникали в испанский через практику переводов или путем литературных заимствований [4, 31]. Латинизмы или «культизмы» не переставали просачиваться в язык то небольшой струей, то более широким потоком в зависимости от развития и роли латинской литературы и языка на данном этапе или в данной среде [9, 63]. Например: *esculptura* «скульптура» < *sculptura*; *escuela* «школа» < *schola*; *escalera* «лестница» < *scalaria*; *espuerta* «плетеная корзина» < *sporta*; *esponsales* «помолвка» < *sponsalis*; *estrofa* «строфа» < *strophe*; *estipendio* «стипендия, жалованье» < *stipendium*; *estatua* «статуя, изваяние» < *statua*.

Взросшие политические, экономические и культурные связи Испании со многими странами мира ведут к развитию и расширению лингвистических контактов испанского языка с другими языками и, в частности, с английским, претендующим на роль международного языка политики, науки, торговли. Взаимодействие испанского и **английского** очевидно (13,6 %). Выделяются следующие сферы, подверженные влиянию английского языка: спорт, журналистика, кино, бизнес, наука: *scooter* «мотороллер», *score* «счет», *scotch* «липкая лента», *spoiler* «спортивная машина», *spinning* «удочка», *stick* «хоккейная клюшка», *stock* «запас товаров». Английские слова в испанском языке могут иметь два варианта написания: в исконной графике и измененной, исходя из правил графической системы испанского языка, например, *stator* и *estator* «статор», *estrés* и *stress* «стресс», *spleen* и *ésplin* «хандра, сплин». Существование двух форм одного слова объясняется выступлениями испанских ученых против чрезмерного распространения английских слов и оборотов.

Для романских языков и, в частности, для испанского характерно создание многих терминов на **греческой основе** (12,1 %): *escolio* «схолия» < *skholion*; *estafilococco* «стафилококк» > *staphyle-kokkos*; *estenosis* «стеноз» < *stenos*; *estetoscopio* «стетоскоп» < *stêthos* и *scopio*; *estreptomycin* «стрептомицин» < *streptos* и *myke*; *estalactita* «сталактит» < *stalaktos*; *estalagmita* «сталагмит» < *stalagmitos*; *estatica* «статика» < *statika*; *espora* «спора» < *spora*.

Изучаемых слов **итальянского происхождения** немного (5,8 %). Италиянизмы начали регулярно появляться в испанском языке довольно поздно, с распространением тенденций Возрождения в литературе и культуре (XV в.) [7, 201]. До этого времени италиянизмы встречаются лишь в очень незначительном количестве и спорадически. В XVI в. в связи с завоеванием ряда итальянских земель и знакомством широкого круга испанцев с новой культурой сфера италиянизмов расширяется [4, 71]. Итальянский язык способствовал появлению в испанском определенного количества слов, относящихся к сфере культуры, торговли, воинского дела, и некоторыми новыми явлениями быта, с которыми испанцы впервые познакомились у итальянцев [9, 153]: *escollo* «подводный камень» < *scoglio*; *escopeta* «ружье» < *schioppetto*; *espadachin* «фехтовальщик» < *spadaccino*; *espineta* муз. «спинет» < *spinetta*; *espoleta* «взрыватель» < *espoletta*; *estafermo* «манекен» < *sta fermo*; *estafeta* «эстафета» < *staffetta*; *spaghetti* «спагетти» < *spaghetti*.

Слова, заимствованные из французского языка, немного уступают итальянским (5,5 %). Начиная с XI в. влияние **французского языка** и его диалектов, благодаря тесным военным и культурным связям, носит постоянный характер. Первое появление галлицизмов в испанском языке связывают с церковной реформой, заменой вестготской, «мосарабской», службы романской, исчезновением вестготского письма, а также с распространяющимися атрибутами феодального строя, классическим представителем которого была Франция. Однако в связи со становлением нормы испанского (кастильского) языка функции заимствованных слов меняются – наряду с обозначением новых, неизвестных испанцам реалий и понятий они используются и более узко для стилизации, в угоду моде и т. п. [4, 70]. Французские заимствования представлены словами с опорной гласной: *escalope* «эскалоп» < *escalope*; *estofa* «штоф, ткань» < *estofe*; *estoque* «длинная шпага» < *estoc*; *estragon* «тархун» < *estragon*. Ранее мы выяснили, что это не есть исконные французские слова, т. е. они являются опосредованными заимствованиями, вошедшими в испанский язык через посредство французского.

Другие языки (6,9%): **готский**: *espia* «шпион, разведчик» < *spahia*; *espuela* «шпора на сапоге» < *spraura*; **немецкий**: *espato* «шпат» < *spat*; **арабский**: *escabeche* «маринад» < *sabkbay*; *escaque* «шахматы» < *as-sikak*; *escarlata* «ярко-красный» < *iskirlata*; *espinata* «шпинат» < *ispinab*; **голландский**: *escaparate* «стеклянный шкаф» < *schaprade*; **русский**: *estepa* «степь» < *step*; *sputnik* «спутник» < *sputnik*.

Таким образом, собственное изучение итальянских слов выявило многочисленные примеры, где в начальной позиции встречаем *sc-*, *sp-*, *st-*, которые относятся как к исконной, так и к заимствованной лексике, а слова на *esc-*, *esp-*, *est-* являются заимствованиями. В испанском языке протеза гласной присутствует, поэтому слова с графикой *esc-*, *esp-*, *est-* превалируют над словами на *sc-*, *sp-*, *st-*. Слова с графикой *sc-*, *sp-*, *st-* в испанском языке свидетельствуют об иноязычности. Языками-источниками заимствованных слов на *sc-*, *sp-*, *st-* / *esc-*, *esp-*, *est-* являются латинский, греческий, английский, немецкий и другие языки. Заимствования из этих языков приходили в разные исторические периоды, в зависимости от расцвета и выдвигания на первый план культуры и экономического роста той или иной страны. При передаче иноязычных слов в романских языках, как правило, сохраняется исконная графика слова, проверить которую возможно только путем обращения к языку-источнику. Таким образом, в сохранении иноязычной графики важную роль играет этимологизирующая тенденция. В особенности это проявляется при передаче англицизмов, которые в наибольшей степени, чем заимствования из других языков, сохраняют свое подлинное написание.

Литература

1. Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию: учебник. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2007. – 453 с.
2. Алисова Т. Б., Чельшева И. И. История итальянского языка: От первых памятников до XVI века: монография. – М.: Изд-во МГУ, 2009. – 440 с.
3. Виноградов В. С. Лексикология испанского языка: учебник для ун-тов. – М.: Высш. шк., 1994. – 192 с.
4. Григорьев В. П. История испанского языка: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 176 с.
5. Капитан М. Е. О закономерностях сохранности латинской лексики в современных романских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 20 с.
6. Мартине А. Механизмы фонетических изменений: Проблемы диахронической фонологии / пер. с фр. – 2-е изд. – М.: КомКнига, 2006. – 264 с.
7. Сергеевский М. В. История французского языка: учебник. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
8. Черданцева Т. З. Очерки по лексикологии итальянского языка: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 192 с.
9. Шишмарев В. Ф. Очерки по истории языков Испании. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 344 с.

ПРЕФИКСАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ГЛАГОЛА **ГОВОРИТЬ** КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕГО СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Понятие «словообразовательная парадигма» (СП) является довольно новым в теории словообразования. Этим, вероятно, объясняется неоднозначное понимание термина, обозначающего это понятие. Прежде всего, следует отметить две точки зрения: широкое и узкое понимание СП. Рассматривая СП в широком смысле, некоторые исследователи иногда причисляют к ней и словообразовательное гнездо как совокупность производных от одного и того же слова (Р. С. Манучарян, И. С. Улукханов и др.) и словообразовательную категорию «как совокупность производных слов, выражающих одно и то же общее, обобщенное словообразовательное значение» [7, 85–143].

Однако в последние десятилетия ученые все чаще используют понятие СП в узком смысле, то есть как «часть словообразовательного гнезда, включающая отдельные пучки (веера) производных слов, которые связаны одним производящим» [8, 11–71]. Детальное обоснование такого представления СП дано в работах Е. А. Земской. Она дает определение СП: «совокупность производных, имеющих одну и ту же производящую основу и находящихся на одной ступени словопроизводства» [3, 81–221].

Такое понимание СП более существенно для характеристики словообразовательных процессов в русском языке, так как помогает выделить дополнительные аспекты его рассмотрения: определение характера словообразовательных значений каждого члена парадигмы на основе его семантической связи с производящим, так как компоненты СП связаны между собой по смыслу, однако, «каждый из них по-своему преобразует семантику производящего, независимо от другого члена парадигмы» [9, 85–48]; выявление типов мотивационной направленности в процессе образования производных; выявление словообразовательного потенциала как отдельных слов, так и целых лексико-семантических групп и частей речи, так как СП отражает деривационную валентность слова. Как говорит Е. А. Земская, «подобно тому, как семантические валентности слова служат его важной характеристикой и позволяют обнаружить известное родство между семантическими и сочетаемостными свойствами слова, для полной характеристики языка необходимо и описание деривационных валентностей слова» [2, 71–75]. При этом многие ученые неоднократно отмечали, что словообразовательные валентности слов изучены недостаточно.

Мы в своей работе используем понятие СП в узком смысле слова, так как мы рассматриваем такую *совокупность* производных слов (префиксальные дериваты от глагола *говорить*), которая соответствует основным признакам такого представления: она находится на *одной* (первой) *ступени словопроизводства* и имеет *одну и ту же производящую основу*. Однако мы берем для анализа не всю парадигму, а только ее часть – глагольный блок, объединяющий лишь префиксальные дериваты. Такие группировки слов в научной литературе выделяются в связи с тем, что СП могут быть очень объемными и состоять из слов разных частей речи, поэтому они «разделяются на блоки, включающие производные одной части речи: субстантивный, глагольный, адъективный, наречный» [1, 81–223].

Выбор такой структурной единицы словообразовательной системы для анализа объясняется в данном случае не только тем, что парадигма одной части речи отражает специфические моменты взаимосвязи с производящим, но и тем, что у глагола **говорить** именно глагольный блок является наиболее представленным: из 47 дериватов, образованных на первой ступени словопроизводства, 34 являются глагольными образованиями. Это можно, вероятно, объяснить особенностью семантики производящего глагола, который, являясь базовым для лексико-семантической группы глаголов речевой деятельности, представляет общую семантическую идею всей лексико-семантической группы. К тому же данный глагол является многозначным и имеет высокую частотность употребления, например, в Частотном

словаре русского языка под редакцией Л. Н. Засориной у глагола **говорить** отмечена частотность – 2573. Все это способствует тому, что производящий глагол обладает большим деривационным потенциалом, и это проявляется прежде всего в его способности соединяться с довольно большим количеством приставок: из 29 приставок, участвующих в глагольном словообразовании, 19 приставок присоединяются к глаголу *говорить*, образуя префиксальные дериваты.

Сочетание глаголов с приставками определяется семантикой и структурой мотивирующего глагола, но и сами приставки в процессе словообразования проявляют свою семантику, так как имеют морфо-семантические компоненты. О наличии более емкой и конкретной семантики у префиксов, по сравнению с другими аффиксами, говорит тот факт, что из всех аффиксов только префиксы в толковых словарях рассматриваются наряду с обычными словами, где они располагаются в общем корпусе словаря по алфавиту.

В современной русской лингвистике довольно много работ посвящено установлению семантического объема какого-либо производного слова и выявлению соотношения разных его значений в пределах данного слова. Однако на данном этапе в русле когнитивного подхода к исследованию языковых явлений не менее актуальным является установление семантических взаимосвязей между производящим словом и производным от него, то есть нахождение тех лексико-семантических вариантов (ЛСВ) производящего, которые структурируют лексическое значение деривата или каким-либо образом отражаются в нем, что составляет суть ономаσιологического анализа, лежащего в основе когнитивистики.

Исходя из того, что объединение слов в одну словообразовательную пару основано на семантической выводимости производного слова из производящего [9], в производящем слове всегда можно найти семантический элемент, на основе которого возникло производное. Чаше всего семантический объем слова измеряется специфическими компонентами. В лексикологии существует несколько наименований для таких компонентов (семантический множитель, семантический признак и др.), но более распространен термин *сема*. Семы могут характеризоваться с разных позиций. Однако для исследования семантики слова наиболее значима классификация сем по их роли в структуре лексического значения.

В своей работе мы постарались определить, с каким ЛСВ глагола **говорить** связан каждый ЛСВ его префиксального деривата и как производящая база участвует в формировании семантического объема каждой семемы деривата. При этом мы опирались на теорию семной структуры слова, представленную в работах Э. В. Кузнецовой [8, 80, 89]. Чтобы определять связи между лексико-семантическими вариантами глагола **говорить** и его префиксальными дериватами, мы учитывали общность в характере семной структуры ЛСВ производящего и ЛСВ производного слова. Для анализа мы использовали лексико-семантические варианты, выделенные у этих глаголов в МАС [6]. В результате было выделено 66 ЛСВ у префиксальных дериватов, которые мы соотносили с определенным значением производящего глагола. Приведем примеры этой соотносительности.

Глагол **говорить** имеет 5 значений. Первое значение глагола **говорить**: «Пользоваться, владеть устной речью. || Владеть каким-л. языком». С этим значением соотносится всего 6 значений префиксальных дериватов из 66. Например, глагол **заговорить**² в 1 значении: «Начать говорить». *После некоторого молчания он заговорил.* Или глагол **заговорить**² во 2 значении: «Овладеть речью или каким-л. языком». *После переезда во Францию сестра быстро заговорила по-французски.*

В этом случае мы наблюдаем практически полное использование семантического объема производящего ЛСВ и добавление дифференциальной семы 'фазовость действия'. Другие соотносительные дериваты также имеют небольшие отличия от производящего. Это может касаться иногда лишь стилистической окраски, ср.: **взговорить** в значении «Сказать, произнести» имеет в Словаре помету: «Народно-поэт.». *А русалка-то как взговорит ему [Гавриле]: – не креститься бы тебе, – говорит – человеку, жить бы тебе со мной на веселии до конца дней (И. Тургенев).*

Довольно малое количество производных, возникших на базе первого значения, можно объяснить, прежде всего, строгой определенностью сравнительно небольшого семантического объема, а также высокой частотностью, характерной для глагола **говорить** именно в первом значении, включая и оттенок этого значения.

Второе значение глагола **говорить**: «Выражать в устной речи какие-л. мысли, мнения, сообщать факты и т.п.; произносить что-л. || Высказывать, повествовать, сообщать что-л. печатно или письменно. || перен. Внушать, вызывать какие-л. чувства, мысли». С этим значением соотносится больше всего ЛСВ префиксальных дериватов – 35. Например, глагол **выговорить** в 3 значениях: «Обычно со словами: *до конца, все* и т. п. Разг. Высказать все». *Когда Вероника поняла, что это их последняя встреча, она выговорила Андрею все, о чем раньше не решалась сказать* (Л. Улицкая). Глагол **наговорить** в 1 значении: «Сказать много чего-л.: говоря, сообщать много чего-л.». *Шубин действительно поехал к князю, которому наговорил, с самым любезным видом, самых колких дерзостей* (И. Тургенев).

Здесь можно наблюдать наибольшие расхождения в семантическом объеме производящего и производного ЛСВ. Это связано прежде всего с тем, что этот производящий ЛСВ глагола **говорить** имеет большой семантический объем, прежде всего многокомпонентную категориально-лексическую сему и довольно разнообразный набор дифференциальных сем. Это приводит к тому, что в дериватах при полном сохранении лексико-грамматической семы используется лишь какая-то часть категориально-лексической семы (обычно только один ее компонент) и происходит сокращение дифференциальных сем, часто связанное с отсутствием лексических вариантов для их выражения, а также появление в ЛСВ производных слов новых дифференциальных сем.

Третье значение глагола **говорить**: «Вести беседу, разговаривать || Толковать о ком-, чем-л., обсуждать что-л.». С этим значением соотносится 11 значений префиксальных дериватов. Например, глагол **обговорить** в 1 значении: «Обсудить что-л.». *Если у вас возникли какие-то проблемы с ипотечной квартирой, то лучше сразу же обговорить это с банком-заемщиком* [11]. Глагол **разговорить** во 2 значениях: «Развлечь, рассеять беседой». *Разговорить собеседника можно тогда, когда он вам действительно интересен.*

Дериваты, образованные на базе этого ЛСВ производящего глагола, имеют незначительное расхождение в семантическом объеме с производящим. Это вытекает из того, что семантический объем деривата базируется на определенном компоненте семантического объема производящего, что находит отражение и в дефинициях дериватов, в которых наблюдается употребление слов со сходной семантикой, а иногда одних и тех же, ср.: в дефиниции производящего – «Вести **беседу**, разговаривать || Толковать о ком-, чем-л., **обсуждать** что-л.» и в дефинициях приведенных дериватов – «**Обсудить** что-л.» и «**Развлечь, рассеять беседой**».

Четвертое значение глагола **говорить**: «Свидетельствовать о чем-л., указывать на что-л., быть доводом в пользу чего-л.». Интересно отметить, что с четвертым значением не соотносится ни один ЛСВ деривата. Вероятно, отсутствие деривационного потенциала у этого значения глагола **говорить** можно объяснить тем, что произошла слишком большая трансформация семантического объема ЛСВ: изменилась его не только категориально-лексическая сема, но и лексико-грамматическая, так как в данном случае глагол **говорить** совершенно не отражает процесса речевой деятельности человека, что было характерно для предыдущих ЛСВ. Вследствие этого с таким значением глагол уже входит в другую лексико-семантическую парадигму глаголов, а именно: лексико-семантическое поле «Отношение» (мы используем классификацию глагольных парадигм, представленную в ТСПГ). См. примеры употребления: *Обветренное и загорелое лицо его и заскорузлые руки говорили о том, каким тяжелым трудом он добывал себе средства к жизни* (Арсеньев), *«Все говорило о весне, о хороших, теплых и ясных днях»* (М. Горький) и *«На вид ему можно было дать лет шестьдесят, хотя ни один седой волос не говорил об этом»* (Мамин-Сибиряк).

Пятое значение глагола **говорить**: «перен. Сказываться, проявляется в чьих-л. действиях, поступках, словах и т. п.». С этим значением соотносится всего 3 ЛСВ префиксальных дериватов. Например, глагол **заговорить**² в 3 значениях: «перен. Пробудиться дать почувствовать себя». *Отец увидел, что сын повзрослел, в нем заговорил настоящий спортсмен: желание победить в этих соревнованиях заставило его по-другому относиться к тренировкам.*

Переносный характер данного ЛСВ производящего глагола, как и в предыдущем случае, также отрицательно влияет на его деривационный потенциал, так как переносит его тоже в другую глагольную парадигму: лексико-семантическое поле «Бытие, состояние, качество». При этом связь с речевой деятельностью теряется, однако сохраняется связь с действиями лица, в отличие от предыдущего случая.

Таким образом, семантическая структура глагола **говорить** по-разному отражается в парадигме префиксальных дериватов, что сказывается как в размерах использования дериватами семантики производящего, так и в количестве производных.

Подобный семантико-деривационный анализ помогает не только выявить особенности деривационного потенциала каждого лексико-семантического варианта непроизводного глагола, но и точнее охарактеризовать смысловую структуру глагольного деривата, которая помимо специфических связей с ядерным блоком значений производящего глагола осложнена, как правило, дополнительными мотивационными признаками различного рода, раскрытие которых и установление причин их проявления является важной задачей для лингвистов.

Литература

1. Белошапкова В. А. Современный русский язык. – М.: Высш. шк., 1981. – 560 с.
2. Земская Е. А. О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык. Вопр. его истории и современного состояния. Виноградовские чтения I–VIII. – М.: Наука, 1978. – С. 71–75.
3. Земская Е. А. Словообразование // Современ. рус. яз. под. ред. В. А. Белошапковой. – М.: Высш. шк., 1981. – 560 с.
4. Кузнецова Э. В. Русская лексика как система. – Свердловск: Уральск. гос. ун-т, 1980. – 89 с.
5. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989. – 216 с.
6. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: 1981–1984.
7. Немченко В. Н. Основные понятия словообразования в терминах: Краткий словарь-справочник. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1985. – 208 с.
8. Плотникова Г. Н. Лингвометодические основы обучения русскому словообразованию. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – 144 с.
9. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. I. – М.: Рус. яз., 1985. – 854 с.
10. ТСРГ – Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ– ПРЕСС, 1999. – 573 с.

Электронный ресурс

11. URL: <http://www.kvarturka.ru>

LES EXPRESSIONS COMPARATIVES DE COULEUR EN FRANÇAIS ET LEURS ÉQUIVALENTS EN BULGARE

Les couleurs portent une valeur symbolique qui évolue depuis la nuit des temps dans la civilisation égyptienne, grecque et chinoise. La symbolique des couleurs joue un rôle important dans différents domaines telle la littérature, l'art (la palette de couleurs de Léonard de Vinci, la théorie de la couleur de Newton), les sciences (psychologie, philosophie etc.), la religion (l'islam, le christianisme), la politique (depuis l'Empire romain jusqu'à la couleur en héraldique). Elle est associée aux traditions, aux croyances et à la vie quotidienne des gens.

Le sens symbolique des différentes couleurs a un impact dans chaque langue et varie d'un vocabulaire à un autre selon leur signification qui se réalise à la base de la perception de l'homme. Les mots de couleurs sont utilisés dans une partie des expressions, ce qui n'est pas étonnant, étant donné le large champ d'application de ces unités lexicales. Parmi ces derniers on relève un type d'expressions dites comparatives, par exemple, *être blanc comme un linge* 'être pâle, livide de peur', *être blanc comme neige* 'innocent', *être rouge comme un coq* 'très rouge' qui illustrent quelques-unes des multiples interprétations des noms de couleurs. Le sens de ces mots comme premier terme de l'expression peut aller du concret (*blanc* = le teint blafard, *rouge* = la couleur du visage) au figuré (*blanc* = innocent, sincère) tandis que les valeurs évocatrices du second terme peuvent renchérir sur l'intensité de la couleur, p.ex. *il fait noir comme dans un four* 'il fait extrêmement sombre', sur la motivation du choix du comparant : *être rouge comme un coq / une écrevisse / une pivoine / une tomate* 'rougir sous le coup d'une émotion forte (colère, honte, timidité...)', sur la nuance : *rouge comme une brique* 'une couleur à mi-chemin entre le brun et le rouge' ou sur l'intensité et la motivation en même temps : *être blanc comme un cachet d'aspirine* 'avoir le teint blafard sous le coup d'un malaise ou d'une émotion' etc. Le nom de couleur peut figurer aussi dans le second terme de l'expression comparative : *connu comme le loup blanc* 'très connu, connu de tous, en parlant d'une personne', *méchant comme un âne rouge* 'très méchant' mais ce type d'expressions ne seront pas l'objet de la présente étude car ce n'est pas la couleur qui est mise en jeu.

La compréhension et l'expression, orale et écrite, d'une langue étrangère comprend la maîtrise de la signification de ces expressions, ainsi que leurs équivalents en langue maternelle ou autres langues. Voilà pourquoi les expressions comparatives de couleur, fréquemment utilisées dans la langue courante sont un créneau qui exige une approche spécifique dont le but est de les incorporer dans les objectifs et les méthodes d'enseignement. Pour acquérir un riche vocabulaire et développer les compétences de communication et les compétences culturelles, les débutants en français dans les écoles secondaires, les universités et les écoles de langues commencent dès le premier niveau A1 du *Cadre européen commun de référence pour les langues*¹ par l'apprentissage des expressions très courantes pour arriver au niveau C2 avec l'utilisation des expressions idiomatiques et les tournures courantes.

La présente étude tente de faire un aperçu sur les expressions comparatives de couleur en français, les regrouper selon leur sens et leur rapport avec le comparé pour finir par donner leurs équivalents en bulgare afin de subvenir aux besoins de tous ceux qui apprennent et se servent du français dans leur vie professionnelle ou personnelle. Dans la littérature elles sont appelées encore „comparaisons imagées – phraséologismes” (Nazarian²), „stéréotypées” (Dubois³, Guiraud⁴,

¹ http://www.coe.int/T/DG4/Linguistic/Source/Framework_FR.pdf

² Назарян Арманд 1965. *Образные сравнения французского языка*. Изд. Наука, Москва, 1965.

³ Dubois J. et autres. *Dictionnaire du français contemporain*. Paris. Larousse, 1966.

⁴ Guiraud P. *Structures étymologiques du lexique français*. Paris, 1967.

Kroumova⁵), „figées” (Mantchev, Tchaouchev, Vassileva⁶), „proverbiales” (Quitard⁷), „locutions de comparaison” (Rat⁸), „locutions comparatives” (Ray⁹), etc. Prenons comme exemple l’expression comparative *rose comme un radis* - *свеж като пеничка* qui suit le modèle QUALITÉ ATTRIBUÉE (le premier élément exprimé par un mot de couleur), COMPARATIF (l’outil de comparaison *comme*) et COMPARANT (le second élément qui explicite le premier) où l’adjectif *rose* joue le rôle de qualité attribuée, *comme* – de comparatif et *un radis* – de comparant. Le COMPARE (p.ex. ... *un berceau vide, qu’on emplit d’un petit enfant rond et rose comme un radis, fait à sa mesure.*¹⁰) de la construction comparative ne sera pas pris en considération dans la présente étude car nous allons tourner notre attention vers les expressions qui se sont lexicalisées, qui relèvent de la langue et sont répertoriées dans les dictionnaires et les anthologies. On va observer le lien entre ces expressions et la symbolique des couleurs qui reflète l’expérience et les observations des locuteurs natifs d’une langue. Nous allons analyser ces entités lexicales afin de les regrouper selon le sens du premier (la qualité attribuée) et du second terme (le comparant) et faire un parallèle entre leur signification en français et en bulgare.

Tenant compte du fait que „la comparaison consiste à rapprocher un objet d’un objet étranger, ou de lui-même, pour en éclaircir, en renforcer, ou en relever l’idée par les rapports de convenance...”¹¹, pour les Français comme pour les Bulgares qui observent la nature et le monde environnant, pour illustrer les couleurs, la couleur jaune est associée au citron: *jaune comme un citron* – *жълт като лимон*, le rouge – au coquelicot: *rouge comme un coquelicot* – *червен като мак*, le noir – au corbeau : *noir comme un corbeau* – *черен като гарван*, etc. Certes le comparant peut varier d’une langue à une autre pour un même signifié de couleur et si on prend *le rouge* on constate qu’en français ils existent différents référents du milieu naturel par rapport au bulgare qui ont pris une valeur de symbole : *rouge comme un coq, une cerise, un coquelicot, une betterave, un gratte-cul, une pivoine, une tomate, une tuile*, etc. quand les Bulgares disent *червен като трендафил* (‘rouge comme un rose’), *червен като ябълка* (‘rouge comme une pomme’), etc. Il est à noter que tous ces comparants se caractérisent par la qualité attribuée (*le rouge*) mais leur fonction ne se limite pas au renforcement de l’intensité de la couleur (‘avoir le visage congestionné, très rouge’) car ils apportent une valeur expressive à l’adjectif de couleur dont ils se relie (‘en parlant d’une personne sous le coup d’une émotion’). Dans cette logique surgit la problématique de la synonymie car les expressions ci-dessus ont un usage différent, lié au signifié du comparant et suivant le contexte de leur emploi, p. ex. pour une personne très rouge de colère on va utiliser *rouge comme un coq* tandis que pour le rouge de honte, de timidité, on va dire *rouge comme une pivoine* ; pour souligner la couleur et la forme arrondie en parlant du nez, on fait référence à la betterave et on associe la couleur à ce comparant (*avoir le nez rouge comme une betterave*), dans un contexte : *Ses jambes nues, enflées par le froid, étaient rouges comme des betteraves* (C. Tillier d’après Nazarian).

En français existent aussi des locutions formées d’une dénomination de couleur et d’un nom évoquant une nuance qui sont reliés sans outil de comparaison, p.ex. *rouge sang* (кървавочервено), *rouge turc* (турскочервено), *rose bonbon* (бонбонено розово), *bleu lavande* (лилавосиньо) etc. Elles ne sont pas considérées comme des expressions comparatives car le second terme est adjectivisé et l’absence d’outil de comparaison fait estomper l’idée comparative. Certaines parmi elles coexistent dans leur variante initiale en tant que structures comparatives : *rouge comme le sang, rose comme une dragée* etc. C’est un modèle très productif pour les couleurs *bleu* и *vert*, p.ex. *bleu argent* (сиво-

⁵ Крумова Йорданка 1973. *Стереотипни сравнения във френски език, образувани с помощта на съюза „като”*. В: Трудове на Великотърновския университет „Кирил и Методий”, том IX, кн. 1, София, 1973.

⁶ Манчев Кр., Чаушев А. и Василева А. 1986 : *Traité de morpho-syntaxe française*. Наука и изкуство, София, 1986.

⁷ Quitard Pierre-Marie. *Dictionnaire étymologique, historique et anecdotique des proverbes*. Vve Levrault (Strasbourg), 1842. URL : <http://books.google.fr/>.

⁸ Rat Maurice. *Dictionnaire des expressions et locutions traditionnelles*. Larousse, 1999.

⁹ Rey A., Chantreau S. *Dictionnaire des Expressions et Locutions*. Paris : Les usuels du Robert, 1991.

¹⁰ Colette. *La naissance du jour*. URL : http://www.ebooksgratuits.com/html/colette_naissance_du_jour.html

¹¹ Fontanier Pierre. *Les figures du discours*. Edition par G. Genette, Flammarion, 1977.

синьо), *bleu cendre* (пепелявосиньо), *bleu ardoise* (пепелявосиньо), *bleu pervenche* (бледосиньо) *bleu pétrole* (петролносин цвят), *bleu canard* (синьо-зелен цвят), *bleu horizon* (тъмносин цвят) и *vert amande*, *épinard*, *menthe*, *olive*, *pistache*, *pomme*, *tilleul*; *vert absinthe*, *vert bouteille*, *vert bronze*, *vert wagon*; *vert émeraude*, *vert jade*. Leur équivalent en bulgare reproduit le modèle ci-dessus à la seule différence structurelle – en bulgare on utilise un mot composé unifié nominal (nom commun), formé à partir d'un adjectif (кърваво) et un nom (червено).

Nous allons mentionner quelques locutions de couleur formées du modèle similaire : adjectif + préposition *de* + substantif, p.ex.: *bleu de ciel* (небесносиньо), *bleu d'acier* (металносиньо), *bleu d'encre* (мастиленосиньо) etc. L'association de la couleur au substantif se fait automatiquement avec des référents concrets qui énoncent le même sème que le lexème de la qualité attribuée. Ces structures comme les structures sans la préposition *de* ont un caractère adjectival car le second terme joue le rôle d'épithète, ce qui est d'ailleurs évident dans leur traduction en bulgare par un nom composé dont le premier terme est un adjectif. C'est un modèle productif pour le *bleu*, p. ex. *bleu d'indigo*, *bleu d'opale*, *bleu d'outremer*, *bleu de lessive*, *bleu de lune*, *bleu de myosotis*, *bleu de pastel*, *bleu de pensée*, *bleu de turquoise*, *bleu de zinc*. L'étude de ces expressions ne va pas être détaillée car elles peuvent „être considérées comme participant à la fois de la métaphore et de la comparaison implicite“¹² et leur sens se limite dans les nuances allant du clair au foncé.

Il en va de même pour certaines locutions dans lesquelles le mot de couleur est implicite, sous-entendue par l'usage métaphorique du second terme de la construction, p. ex.: *des bras d'albâtre* ('d'une blancheur très pure'), *un teint d'ivoire* ('blanc'), *des cheveux d'ébène* ('d'un noir soutenu'). Dans les vocabulaires elles sont répertoriées par leur second élément (*albâtre*¹³) et leur usage est lexicalisé avec la préposition *de*, précédées d'autre substantif, souvent, en parlant d'une partie du corps humain, notamment féminin, p.ex. *cou d'albâtre*. Ces expressions reposent sur des images qui sont propres au français et pour les comprendre et les traduire il est important de tenir compte de la nature de la langue cible et du contexte de leur emploi.

L'étude s'appuie sur un corpus d'expressions, leur définition et des exemples répertoriés dans les dictionnaires spécialisés tel *Le Dictionnaire des mots et expressions de couleur du XXe siècle*, de Anne Mollard-Desofur, publication de l'Institut national de la Langue française, CNRS Éditions qui donne non seulement une définition de la teinte mais aussi dégage les contextes d'emploi, les associations symboliques, les usages de la couleur, et les expressions qui leur sont liées. Les différents volumes seront consacrés aux onze champs chromatiques définis par l'auteure : bleu, blanc, brun/marron, gris, jaune, noir, orange, rose, rouge, vert, violet. Les expressions colorées citées sont traitées dans les volumes publiés de cette série : *Le Bleu* (1998, 2002), *Le Rouge* (2000, 2009), *Le Rose* (2002), *Le Blanc* (2008), *Le Noir* (2005, 2010). Les expressions sont empruntées au *Dictionnaire des expressions et locutions* (2007) d'Alain Rey et Sophie Chantreau, Edition *Le Robert* et au *Dictionnaire des expressions et locutions traditionnelles* de Maurice Rat, Edition *Larousse* (2009) ainsi que des exemples du recueil de A. Nazarian *Образные сравнения французского языка* (1965), изд. Наука, Москва et le dictionnaire de V. Gak et J. I. Retsker *Французско-русский фразеологический словарь*. Государственное издательство иностранных и национальных словарей, Москва, 1963. Le site <http://pourpre.com/langue/expressions.php> regroupe des expressions et dictons en français faisant référence à des noms de couleurs et donne le sens de l'expression formée à la base de la couleur en tant que substantif, adjectif ou dans les expressions plus complexes. Pour la partie traduction nous avons consulté le Dictionnaire phraséologique français-bulgare *Фразеологичен френско-български речник* (2003), sous la rédaction de Bojil Nikolov et les Dictionnaires bilingues français-bulgare *Френско-български речник*, édition „Габеров“ (2000), sous la rédaction de Ivanka Popova-Veleva et *Френско-български речник* sous la rédaction de Assen Tchaouchev, A. Mantcheva, éd. „Наука и изкуство“ (2008).

¹² Tournier, Jean, et Nicole Tournier. *Dictionnaire de lexicologie française*. Paris: Ellipses 2009.

¹³ <http://www.cnrtl.fr/definition/alb%E2tre>

Primo, on passe en revue les expressions comparatives dont le premier terme (la qualité attribuée) est exprimée par une couleur achromatique (neutre) - *le blanc, le noir et le gris*¹⁴, secundo – les sept couleurs spectrales fixées par I. Newton : *rouge, orange, jaune, vert, bleu, indigo et violet* et enfin quelques couleurs qui ne font pas partie des couleurs de l’arc-en-ciel mais sont à l’origine de quelques expressions : *le rose et le brun (le marron)*. Dans une deuxième partie les expressions sont regroupées thématiquement selon le champ sémantique du comparant. L’étude se termine par quelques particularités de la traduction en bulgare de ces comparaisons qui reflètent l’histoire et les mœurs, la façon de concevoir le monde d’un peuple et représentent „des stéréotypes inculqués dès l’enfance“¹⁵.

I. Expressions comparatives de couleur suivant le premier terme.

Le blanc est la couleur de la lumière, de la neige et dans la symbolique occidentale le blanc est généralement associé à l’innocence, à la pureté.

- Dans le sens concret l’adjectif *blanc* est utilisé pour décrire la couleur d’un objet mais aussi le teint ou les cheveux d’une personne. Le comparant en modifie l’intensité et joue le rôle d’adverbe de quantité ‘très’, ‘extrêmement’ : *blanc comme l’albâtre, la craie, le lait, le lis ; blanc comme un cygne*;
- Dans le sens de ‘teint blafard, pâle’ avec la connotation ‘sous le coup d’une émotion ou d’une maladie’ : *blanc comme un cachet d’aspirine, un cadavre (un mort), un drap, un lavabo, un linceul, un linge, un mur ; blanc comme du papier ; blanc comme de/la/une cire*.
- *Blanc* dans le sens figuré signifie ‘innocent’: *blanc comme neige* ;

Le noir peut être considéré comme l’opposé du blanc, malgré que les deux teintes soient appelées dans le langage courant des *non-couleurs*. Il y a des expressions où il porte une connotation négative de ‘sale, malpropre’.

- Dans le sens concret d’une couleur sombre avec un comparant comme adverbe de quantité ‘très’, ‘extrêmement’ - *noir comme du charbon, du cirage, de l’ébène, de l’encre, (du) jais, de la poix, de la suie ; noir comme la cheminée (le cœur de la cheminée), la nuit ; noir comme un corbeau (l’aile du corbeau), un curé, un diable, un four, une taupe* ;
- Dans le sens d’‘obscurité’ avec un plus grand degré d’intensité et une expressivité, des fois en changeant en registre vulgaire ou familier - *Il fait noir comme dans un four, dans la gueule d’un loup, dans un trou de taupe, dans un tunnel ; noir comme un cul (vulg.), noir comme dans le trou de balle d’un nègre (fam.) ; noir comme chez le diable* ;
- Avec une connotation négative ‘très sale, noirci’: *noir comme un bonnet de ramonat, un charbonnier, un ramoneur (de cheminée)*.

On peut lire que „*le gris* n’est pas au sens strict du terme une couleur. À mi-chemin entre le blanc et le noir, ses géniteurs, le gris est une teinte plutôt fade, associée à la tristesse et à la solitude“¹⁶. Dans les expressions cette couleur reflète la nature dont elle est associée : *gris comme le ciel du Nord, la mer, l’orage, la pierre ; gris comme une souris, une tourterelle*. Les deux dernières se sont lexicalisées en adjectifs composés: *gris perle, gris tourterelle, gris souris*, mais ils existent aussi d’autres adjectifs composés de ce type pour désigner des variations de nuances : *gris acier, gris anthracite, gris ardoise, gris taupe* etc.

Le rouge dans les expressions est associé surtout au monde végétal - aux noms de fleurs ou de fruits et de légumes comme image de la couleur même ou en parlant du teint d’une personne. D’un autre côté il peut symboliser soit les passions telles l’amour ou la colère, soit des émotions comme la confusion, la pudeur, la honte ou la timidité.

¹⁴ http://tecfa.unige.ch/perso/lombardf/formcont/couleurs/couleur_ERAG/Pages/gloscoult.htm

¹⁵ Reboul Olivier. *La rhétorique*. Paris : Presses Universitaires de France, coll. Que sais-je ?, 3e édition, 1990.

¹⁶ <http://www.code-couleur.com/signification/gris.html>

Pour désigner la couleur du visage sous le coup de l'émotion :

- de l'amour : *rouge vif comme celui du Rouge Baiser* ;
 - de la confusion, de la pudeur – *rouge comme un coquelicot* ;
 - de la colère – *rouge comme un coq, un gratte-cul* ;
 - par honte, timidité – *rouge comme une cerise, une écrevisse, un homard, une pivoine, une tomate ; rougir comme une carotte* ;
 - couleur et forme – *rouge comme une bettrave* (pour le nez), *une framboise, une pomme d'api* (les joues des enfants) ;
 - pour parler de quelqu'un qui a attrapé un coup de soleil – *rouge comme un homard*.
- Nuances intermédiaires – *rouge comme une brique* (rouge orangé à brun), *rouge comme un bœuf écorché* (rouge foncé) ; *rouge comme une tuile* ('extrêmement rouge' en parlant du visage, de la peau, du teint).

La couleur *orange* porte son nom du fruit dont elle est la représentation mais elle est liée à d'autres fruits aussi – l'abricot, la mandarine, le melon, le carotte etc. Comme le rouge et le jaune parmi lesquels elle est placée, c'est une couleur chaude, porteuse de symbolique positive (optimisme, ouverture d'esprit etc.) qui bizarrement ne fait partie d'aucune expression comparative en français.

Jaune – couleur fondamentale, associée principalement au soleil, à l'or, aux fruits (le citron, le coing) et quelques plantes. En français, ils existent des expressions comparatives universelles comme dans d'autres langues *jaune comme le miel, l'or, le soleil*, et spécifiques : *jaune comme le safran, le soufre*. On les utilise pour désigner :

- Le teint du visage : *être jaune comme un citron, un coing, un serin, un souci*, ou la couleur des cheveux : *jaune comme la paille*.
- Des fois avec une connotation de pâleur due à une faiblesse, une maladie ou à la peur : *être jaune comme cire, comme un cierge, comme du safran*.

Le bleu, couleur primaire sur le cercle chromatique avec le rouge et le vert (pour la synthèse additive), est étroitement lié au ciel, à l'eau et à la planète terre. Malgré que ce soit la couleur préférée des occidentaux, le nombre des expressions comparatives qui comprennent le bleu est très limité, elles ont une claire motivation et ne sont pas repertoriées dans les dictionnaires ou les ouvrages consultés. Dans la littérature on peut administrer la présence de quelques expressions traditionnelles : *bleu comme le ciel, la mer, la terre*. St. Skorupka appelle ce type d'expressions „naturelles”¹⁷, car il existe un rapport logique entre la qualité attribuée et le comparant dont elles sont composées.

Vert – les expressions en français comportant cette couleur reflètent les observations de l'homme sur la nature et plus concrètement le monde végétal et les pierres précieuses et semi-précieuses, par exemple *vert comme cresson, pré ; vert comme une émeraude, une pomme ; vert comme le jade*. Le vert comme couleur signifie figurément 'vif, âpre, rude ; qui n'a pas encore la maturité requise, symbole d'espérance, de chance', elle fait partie d'autres expressions (*la langue verte, donner du feu vert*). Dans quelques expressions comparatives il est utilisé dans le sens concret de la couleur avec un degré d'intensité 'très' apporté par le comparant et dans d'autres, celles avec comparant une pierre – avec une connotation du caractère de l'objet ou de la personne. Pour les comparaisons *vert comme une émeraude* et *vert comme le jade* on constate qu'elles peuvent être employées dans des comparaisons lexicalisées *vert émeraude* ou *vert jade* et même avec l'ellipse du nom de couleur et l'emploi autonome du référent qui précise la nuance, p.ex. *émeraude* ou *jade*. A part la teinte bleuté du vert dans le premier exemple et vert clair pistache dans le deuxième, l'émeraude est le symbole de l'amour et de l'espérance, tandis que le jade – de la pureté et de la sérénité, c'est pourquoi toutes les deux peuvent être reliées à la description des yeux d'une personne.

¹⁷ Skorupka dans Кювлиева Веса. *Устойчивите сравнения в българския език*. БАН, София, 1986, p.44.

L'indigo prend place entre le bleu et le violet qui comme *le pourpre* et *le cyclamen* sont souvent confondus sous le nom *violet*, appelé *mauve* en Belgique et au Québec. Malgré que certaines de ces dénominations proviennent de noms de fleurs – un cyclamen, une violette ou de teintures – le pourpre ou l'indigo, d'origine animale ou végétale, des expressions comparatives dont elles font partie ne sont pas inventoriées.

Le rose (couleur) qui comme le suggère son étymologie, vient du nom de la fleur et est obtenue par mélange du blanc et du rouge. Mais à la différence de ce dernier selon l'approche culturelle des francophones, a un sens figuré différent.

- Le rose est associé généralement à l'aspect physique de l'homme :
 - *Rose comme un cochon (de lait), rose comme un goret* – pour une personne grasse et ronde, en rajoutant *de lait* pour spécifier le jeune âge.
 - Avec connotation de 'bonne santé, bonne humeur' – *rose comme un radis*. Dans ce sens de 'frais, en forme, jeune' on rencontre l'expression comparative *fraîche comme une rose* où le comparant est exprimé par le nom *rose*.
 - Le teint d'une personne : *rose comme une dragée* lexicalisée en *rose dragée* 'nuance de rose très pâle', avec le comparant *dragée* pour suggérer l'enfance, car elles sont traditionnellement offertes à l'occasion des baptêmes.
- Gammes du rose - *rose comme l'intérieur d'une coquille* 'rose très pâle, nacré', *rose comme une bruyère* 'rose mauve à mauve rosé', ce dernier avec des variantes elliptiques *rose de bruyère, rose bruyère, couleur de bruyère, bruyère*.
- Comme une couleur symbole de la tendresse et du bonheur, on peut citer l'expression comparative *rose comme les (des) contes de fées* qui nous rappelle une autre mais pas comparative *voir la vie en rose* 'être joyeux, optimiste'.

Les couleurs *brun* et *marron* sont très répandues dans la nature et pourtant elles ne font pas partie des expressions comparatives répertoriées. Dans la langue parlée on peut noter l'emploi de *brun comme la terre* et *brun comme l'ours des Pyrénées* dont la motivation est transparente pour renforcer l'intensité de la couleur brune. Il existe des expressions comme *brun comme le café, brun comme le chocolat* pour décrire la teinte du brun d'un objet ou de la couleur de la peau d'une personne. Ces tournures sont rares car on utilise le lexème *café* et *chocolat* dont le nom vient du nom de la boisson, comme teintes de brun par ellipse du nom de couleur.

De cet aperçu qui ne prétend pas dresser une liste exhaustive des expressions comparatives de couleur, nous pouvons tirer la conclusion que dans ces expressions comparatives où le mot indiquant la couleur est utilisé dans son sens concret, le comparant sert à renforcer l'intensité de la couleur ou sa variation. Dans celles où le mot de couleur se rapporte au teint d'une personne, le second terme peut apporter un sémantisme supplémentaire sur les émotions ou l'état de la personne comme innocence, peur, honte, maladie ou autre. Si le premier terme est employé dans le sens figuré, le comparant indique le plus grand degré de la qualité attribuée. En utilisant ces expressions figurées dans la communication écrite ou parlée il faudrait bien tenir compte du comparé dont elles se réfèrent car le rapport de similarité entre les deux notions est spécifique pour chaque langue.

II. Groupes thématiques des expressions comparatives de couleur suivant le domaine dont l'image du comparant est issu :

La nature :

Gris comme l'orage, la pierre, le ciel du Nord, la mer

2. Les animaux :

Blanc comme un cygne

Gris comme une tourterelle, une souris

Rouge comme un coq

Rouge comme une écrevisse, un homard

Rose comme un cochon (de lait), un goret

Les plantes :

Blanc comme un lis

Jaune comme un coing, un citron, un souci, jaune comme du safran, jaune comme la paille

Rouge comme une cerise, une tomate

Rouge comme un gratte-cul, une carotte

Rouge comme une bettrave, une framboise, une pomme d'api

Rose comme un radis

Rose comme une bruyère

Vert comme une pomme, vert comme cresson, pré

Vert comme une émeraude, vert comme le jade

4. Les objets de la vie quotidienne :

Blanc comme un lavabo, un cachet d'aspirine

Noir comme (du) jais, de l'encre, du cirage, du charbon, noir comme la cheminée

Rouge comme une brique, une tuile

Être jaune comme cire, un cierge

Rose comme une dragée

5. Les métiers :

Noir comme un charbonnier, un ramoneur (de cheminée)

III. Equivalents bulgares des expressions comparatives de couleur en français.

On observe deux approches dans la traduction de ce type d'expressions : phraséologique - dans les cas d'équivalents ou d'analogues dans les deux langues et une approche non-phraséologique qui interprète le sens de l'expression en sacrifiant l'image dont elle repose.

I. Traduction phraséologique.

1. Equivalents complets – dans ce groupe sont incluses les expressions internationales qui dérivent de la même image et ont des valeurs identiques :

Blanc comme la neige, comme la craie – бял като сняг, като тебешир

Blanc comme un mort – бял като мъртвец

Noir comme un corbeau – черен като гарван

Rouge comme un coquelicot – червен като мак

Rouge comme une pivoine – червен като божур

Jaune comme un citron – жълт като лимон

2. Analogues.

2.1. Remplacement d'un des deux éléments avec un synonyme ou un mot de la même famille.

blanc comme un mur – блед като стена

blanc comme un cygne – бял като гъска, като патка

rouge comme un homard, une écrevisse – червен като рак

noir comme de la suie, – черен като котлон

noir comme dans un four – тъмно като в рог

noir comme un charbonnier – черен като циганин, (негър)

jaune comme un cierge – жълт като восък

2.2. Remplacement des deux éléments de l'expression en gardant le sens de l'entité phraséologique : *blanc comme la neige* – *чист като кристал* (Dictionnaire phraséologique français-bulgare), *невинен като ангел* (Vessa Kyuvlieva¹⁸)

II. Traduction non-phraséologique, pour les expressions comparatives françaises qui ne disposent pas d'équivalents ou d'analogues en bulgare :

rouge comme le sang – *кървавочервено*

blanc comme le lait – *млечнобял*

jaune comme la paille – *сламеножълт*

vert comme une pomme, vert comme cresson, vert comme pré – *тревистозелен*

gris comme une tourterelle, gris comme une souris – *мишесиво*

gose comme une bruyère – *тъмновиолетов*

rouge comme un coq – *силно зачервен*

Comme on peut constater un certain nombre de locutions s'écartent des tours propres à la langue maternelle et reposent sur des images particulières. Ces unités naissent de la vie quotidienne et sont très présentes dans la langue parlée et écrite. Nous sommes loin d'en dresser un inventaire complet mais en illustrant leur sens et leur emploi on espère aider les apprenants à bien les interpréter, en construire des modèles mentaux et pratiquer ces entités lexicales dans la langue étrangère.

Ribarova Pavlina

Université de Véliko Tarnovo « Sts Cyrille et Méthode », Bulgarie

APERÇU CRITIQUE SUR L'ÂGE DE L'ADOLESCENCE DANS QUELQUES ROMANS D'AMÉLIE NOTHOMB

S'il est commun de percevoir l'adolescence comme l'âge le plus redouté par les parents, A. Nothomb démontre qu'il peut l'être encore plus par les enfants. Le récit qu'en fait Amélie dans *Biographie de la faim* est celui d'une période de désarroi et de grande fatigue (v. 15: 205), provoquée par « la dislocation de l'adolescence » (15: 194). C'est pourtant le biais fictionnel, beaucoup plus que l'autobiographique, qui fournit à la romancière le champ nécessaire au déploiement des dimensions profondes de l'expérience vécue.

Sans doute, l'histoire de l'anorexie de l'adolescente Amélie Nothomb peut être interprétée comme celle d'une quête de la divinité enfantine. Sur le plan de l'abstrait, à l'âge de l'adolescence, celle-ci se trouverait minée dans sa caractéristique principale, à savoir *l'unité*. Cette unité ayant été perçue à travers les sens (loin de constituer un concept mental), c'est au sein des sens qu'a lieu le bouleversement :

Au fond de mon néant hormonal, ne régnait que le chaos. (15: 207)

et ce sont les sens et les émotions que vise le verdict qui donne l'élan à l'anorexie : à part la défense de se nourrir, il postule qu'à partir de ce jour (le 5 janvier 1981, jour de la Sainte Amélie) Amélie n'oubliera aucune des émotions de sa vie (v. 15: 210). Dans le contexte de la recherche de l'unité, nous citerons Søren Kierkegaard :

La fonction du souvenir est de retenir chez chacun de nous l'éternelle durée au sein de la vie, et de nous assurer que notre existence terrestre est bien *uno tenore*, rien qu'une respiration, une inexprimable unité. (7: 11)

Plusieurs chercheurs se sont penchés sur cette adolescence maintes fois réécrite. Anna Kemp découvre dans le roman *Robert des noms propres* une image de l'enfance différente de celle retrouvable chez la plupart des femmes auteurs. Au lieu d'un état de béatitude et d'ignorance du corps, l'enfance est perçue comme un idéal esthétique qui transcende le corps. Kemp y voit

¹⁸ Кювлиева Веса. *Устойчивите сравнения в българския език*. БАН, София, 1986.

l'esthétique et l'artificiel subjuguer la liberté et la félicité du naturel. L'enfant dans le roman en question ne possède qu'une seule liberté : celle de l'artiste, une artiste qui se produit elle-même en œuvre d'art. Voilà pourquoi la transition de l'enfance vers l'âge adulte représente moins un conflit entre le moi incarné et la société, qu'un tel entre l'art et la vie. Ce décalage entre l'art et la vie perçu dans le roman pourvoit à Anna Kemp une vision nouvelle pour questionner les approches critiques à l'écriture féminine en tant qu'expression de soi, ainsi que les approches féministes postmodernes proclamant la « textualisation » de soi. (v. 6). Catherine Rodgers soutient que la vraie nature de la beauté chez Nothomb réside en la sveltesse présexuelle et la virginité, en excluant, par conséquent, le corps féminin, adulte, sexuel. Il en résulte l'image réitérée de l'anorexie qui permet aux personnages féminins de garder leur apparence enfantine et angélique. Ces personnages-là se trouvent en juxtaposition avec des individus hideux : des personnages masculins répugnants dont l'objectif est de contrôler et de subjuguer l'autre. (v. 18). Désirée Pries concentre son attention sur l'image de la carpe dans *Métaphysique des tubes*. A travers l'image double de la carpe dans ce roman – la carpe en tant que symbole masculin, en même temps qu'évocation du féminin – le récit autobiographique de la petite enfance d'Amélie Nothomb est perçu comme une métaphore de la transformation traumatique du corps d'une jeune fille marquant le passage de l'enfance à l'adolescence. Pries démontre que le désir de la fille d'éterniser sa propre préadolescence (exprimée par l'anorexie et la tentative de suicide) résulte en une redéfinition du corps féminin, ainsi qu'en la conception d'une identité féminine alternative. (v. 17). L'analyse de Mark D. Lee de l'écriture nothombienne déterminée par la fin de l'enfance propose un plan de réflexion très intéressant : il part d'un aperçu sur la curieuse interdépendance entre la laideur (réelle ou supposée) des personnages nothombiens et un certain prolongement de l'enfance, associé – plus curieusement encore – à une maturité sexuelle. Lee soutient qu'au niveau de l'imagination et en tant que réalité esthétique, l'enfance chez Nothomb ne finit pas, mais ne fait que se reproduire encore et encore, empêchant également l'écriture de devenir rétrospective. Lee se penche aussi sur les noms propres dans *Hygiène de l'assassin* pour rappeler que le nom Tach renvoie à la fois à « tâche » (sens qu'il interprète dans le sens d'obligation d'écriture, de graphomanie) et à « tache », la maculation au sens symbolique et au sens concret : l'assassinat et le sang des menstrues. (v. 8).

Hygiène de l'assassin explore la déchéance que représente la fin de l'enfance en tant qu'un crime contre la vie. Si ce gigantesque moment de crise s'est répercuté sur toute la production littéraire d'A. Nothomb, son premier roman publié est l'une des expressions les plus symphoniques et les plus sincères du désastre vécu. Ce qui, dans *Antéchrista*, est appelé de manière prosaïque une « absurde lutte en vue de rien » (14: 71), est joué, dans *Hygiène de l'assassin*, en tant qu'œuvre relevant du mystère existentiel, qui relit les thèmes bibliques, réécrit des mythes et remet en question jusque l'écriture même. Dans cette mise en scène complexe de la perception d'A. Nothomb à la fois de son expérience passée et de son expérience vécue, nous verrions comme principal le signe de la rédemption.

Dans les actes de Prétextat Tach, Yolande Helm discerne « les thèmes renversés du christianisme médiéval » dans le sens que « la sexualité n'est pas la faute originelle, c'est la reproduction qui est la faute [...] » (5: 153). Rappelons que la préoccupation du jeune Prétextat Tach de ne pas devenir pubère et surtout, de ne pas laisser sa cousine devenir pubère, et plus particulièrement, avoir ses premières règles, est en réponse parfaite aux exigences draconiennes à l'Ecole des rats dans *Robert des noms propres*, où les jeunes danseuses sont censées être privées de règles à force de se priver de nourriture, ou, à la rigueur, à l'aide d'une pilule qui arrête les menstruations (v. 13: 115). Les premières règles d'une jeune fille étant le signe qu'elle pourrait désormais avoir des enfants, il est clair que cette défense acharnée et maniaque est tournée avant tout contre le processus naturel de reproduction. Prétextat Tach est assez éloquent sur le sujet :

Grâce à moi, celle que j'aimais aura évité le calvaire de devenir une femme. (10: 138).

Cette piste de réflexion nous pousse à lire *Hygiène de l'assassin* comme la chronique d'un essai maladif de restituer l'unité perdue de l'enfance. Illégitime, il n'a que des conséquences perverses. Pourtant, d'un certain point de vue, on peut conclure qu'en tant qu'élan vers l'éternité, la

tentative de Prétextat Tach de retenir l'enfance a réussi – au moins, s'avère-t-elle justifiée : l'assassin comprenant enfin pourquoi il a la maladie des cartilages (du fait qu'il a lui-même étranglé), Prétextat s'exclame, frappé par la révélation soudaine :

les cartilages sont mon chaînon manquant, articulations ambivalentes qui permettent d'aller de l'arrière vers l'avant, mais aussi de l'avant vers l'arrière, d'avoir accès à la totalité du temps, à l'éternité (10: 188)

l'éternité a commencé ce jour-là (10: 188)

Or, c'est notamment d'une tentative de « figer l'évolution dans un cadre rigide » que parle Henri Chabrol dans sa description de l'anorexie et la boulimie (4: 8). Prétextat Tach accomplit son crime le jour où sa cousine a ses premières règles. Ce processus physiologique, survenu en dépit des efforts des deux adolescents de rester dans l'enfance – efforts très proches de l'anorexie – exige cette mesure de dernière instance : l'anéantissement de tout processus physiologique ; la mort du corps, réellement vécue par A. Nothomb :

Après deux mois de douleur, le miracle eut enfin lieu : la faim disparut, laissant place à une joie torrentielle. J'avais tué mon corps. Je le vécus comme une victoire époustouflante. (15: 211)

Or, ce triomphe sur le corps et la nature est typique pour la description clinique de l'état pathologique de l'anorexie. H. Chabrol écrit :

L'absence d'apparition des règles est vécue en général avec indifférence et leur interruption suscite habituellement un sentiment de soulagement car ces adolescentes se sentent libérées d'une marque de féminisation intolérable. Elles semblent souvent refuser la sexualisation du corps [...] (4: 9).

Vers la fin du roman, la journaliste Nina réussit à avoir raison du vieillard répugnant, non seulement parce qu'elle lui fait avouer son crime, mais parce qu'elle le mène, à travers un somptueux spectacle verbal tout au long de leur dialogue, à son propre catharsis. A la fin, c'est d'elle, Nina, qu'il se déclare amoureux et c'est elle, Nina, qui le tue, comme si la vie tuait la mort consentante, comme si leur dialogue, indispensable à l'existence de l'une comme de l'autre, avait enfin trouvé sa juste voie.

Le combat entre le corporel et le spirituel aurait-il eu besoin de passer par cette phase conflictuelle (assez commune) avant de s'instaurer dans un état d'harmonisation progressive et créatrice ? Se référant à *Hygiène de l'assassin* et à *Mercur* où elle observe un phénomène de dédoublement du bourreau (Nina devient le bourreau de Prétextat, tandis que Françoise devient le bourreau d'Omer Langlois), L. Amanieux arrive à une conclusion qui trouvera écho dans le Deuxième chapitre de la présente thèse à travers l'idée que le monologue, chez A. Nothomb, s'associe au mal, tandis que le dialogue – au bien. En effet, elle avance que

Le double doit rectifier la division créée. L'existence d'un double des bourreaux permet un phénomène d'inversion des rôles : celui qui était tout d'abord le bourreau devient une victime. La dualité se résout dans le sacrifice d'un des deux êtres. Le cycle est brisé et la dualité résorbée. Le double est donc initiateur, libérateur. Toute vie humaine, toute réunification semble impossible en dehors d'un sacrifice fondateur. (1: 152)

Plutôt que de lire *Hygiène de l'assassin* dans l'optique de l'abject de J. Kristeva (approche qu'ont choisi E. Berglund Hall et Y. Helm), nous rejoindrions L. Amanieux dans son observation que « l'écriture d'Amélie Nothomb, en accumulant paradoxalement les meurtres, refuse la mort et la séparation. C'est une aspiration à la totalité qui transparaît, et à la fusion » (Amanieux 2005a: 79-80). Le refus du passage à la vie hormonale symbolisant la fin de l'éternité et de la perfection spirituelle et corporelle (v. 5: 154), l'ambition désespérée de figer l'enfance, rappelle le désir, assez commun suppose-t-on, de ne pas laisser disparaître, se réveillant à l'aube, un beau rêve. Cette aspiration prend, tout au long de l'œuvre d'A. Nothomb, différentes expressions – plus lyriques ou plus amusées. Ainsi, Julie et Emile Hazel de *Les Catilinaires* n'ont pas d'enfant, ce qui apparente leur couple (et surtout Juliette) aux anges qui, eux, n'en ont pas non plus (v. 11: 13). Celsius dans

Péplum expose une vision très similaire à celle de Prétextat Tach en parlant de la ville de Pompéi que sa civilisation a détruite pour éterniser.¹⁹

Il y aurait lieu à chercher un deuxième mouvement – constructif, positif, vital – dans la relecture-réécriture nothombienne du processus de devenir adulte – processus à juste titre tant exploré, car synonyme de *grandir*, de *vivre*, d’*être* – et objet, par conséquent, de toute exploration existentielle et de tout questionnement philosophique. S. McIlvanney, dans son étude du roman *Robert des noms propres*, révèle la reprise d’un régime alimentaire normal par l’héroïne Plectrude sous un jour peu explicite dans *Hygiène de l’assassin* et *Biographie de la faim* – à savoir, la restitution progressive d’une indépendance. La chercheuse développe son idée en interprétant sous le même jour l’assassinat d’Amélie Nothomb par Plectrude qui a lieu à la fin du roman : elle y voit la libération de l’héroïne de tous ses tuteurs-oppresseurs, y compris de son auteure A. Nothomb. Un exemple analogique présente le roman au titre éloquent *Tuer le père* : une mise en scène plus récente (2011) où l’adolescence se joue à travers un personnage masculin : Joe. La romancière A. Nothomb y revêt aussi un habit de personnage, mais n’est plus l’auteur tué : elle y est, en effet, le « père » libérateur, l’anonyme inconnu qui a fait plus que d’enfanter Joe – il l’a choisi et, dans un certain sens, baptisé : il l’a *séduit* (v. 16: 144-145).²⁰ Ce détail donne lieu à des interprétations avancées, allant dans le sens du dépassement des limites, de l’écriture de l’excès (ou zoroastrienne) d’A. Nothomb. Le parallèle entre *Robert des noms propres* et *Tuer le père* serait d’autant plus fructueux, compte tenu d’une différence majeure entre le cas de Plectrude et celui de Joe : Plectrude a pour prototype un personnage réel, la chanteuse Robert, prénom que l’héroïne nothombienne acquiert à la fin du roman et sous lequel, justement, elle tue son amie Amélie ; tel n’est pas le cas de Joe de *Tuer le père*, un personnage tout à fait inventé, dont le prototype (si tel il y a) n’a jamais été révélé au public (à la différence de Plectrude-Robert). Quelque simpliste que cela puisse paraître comme interprétation, si, de tous ses personnages adolescents, A. Nothomb se fait assassiner justement par son adolescente au prototype réel, ce n’est pas sans égard à un souci, autant conscient qu’inconscient, de dégager la voie du vrai.

Bibliographie

- (1) Amanieux. L. « Des romans à double-fonds ». *La Revue française*, 12 (Décembre 2001), pp. 149-56.
- (2) Amanieux. L. « Amour, meurtre et langage dans l’œuvre d’Amélie Nothomb ». *L’Esprit Créateur*, 45.1 (Printemps 2005), pp. 79-86.
- (3) Berglund Hall. E. « The violence of desire in Amelie Nothomb’s novels ». *Women in French Studies* 17 (2009), pp. 103–15.

¹⁹ « - Vous avez les moyens de provoquer une éruption avec 2500 ans de retard et vous n’avez pas les moyens de vivre pleinement ?

- C’est le lieu commun du progrès, ce que vous venez de dire.
- En tout cas, vous avez réussi le musée le plus incroyable, à Pompéi : un musée en lave !
- Pompéi est beaucoup plus qu’un musée. Pompéi est la vie même.
- Vous avez une drôle de conception de la vie.
- Allons ! Vous savez bien que quelques milliers de petites existences ne pèsent pas lourd sur la balance de la Vie – de la Vie avec un V majuscule.
- Vous n’auriez sans doute pas dit cela si c’était de votre vie qu’il avait été question.
- Détrompez-vous. Si vous croyez que j’accorde de la valeur à ce qui me tient lieu de vie ! Ce qui, dans mon existence, a le mieux évoqué la Vie, la vraie Vie, ce fut ma découverte de Pompéi.
- Vous avez prouvé à cette ville votre reconnaissance d’une manière étrange.
- Je lui ai donné l’éternité. Vous parliez d’amour : n’est-ce pas là le plus bel acte d’amour ? » (12: 78). Cette dernière réplique de Celsius en est presque une jumelle avec celle de Prétextat Tach : « Grâce à moi, celle que j’aimais aura évité le calvaire de devenir une femme. Je vous mets au défi de trouver plus bel amour que celui-là. » (10: 138)

²⁰ « Moi, je pense qu’aucune séduction n’est aussi indispensable que celle d’un père », déclare l’adolescent Joe déjà grandi de *Tuer le père* (TP, p. 145). Or, dans *Biographie de la faim*, la mère de la petite Amélie avait répondu à son exigence d’être aimée outre mesure, par une réplique qui avait eu raison de la rage de la petite : « Si tu veux que je t’aime encore plus, séduis-moi ! » (BF, p. 155)

- (4) Chabrol. H. *L'anorexie et la boulimie de l'adolescente*. Paris: Presses Universitaires de France, 1991. 2e édition mise à jour: Février 1994.
- (5) Helm. Y. « Amélie Nothomb: Une écriture alimentée à la source de l'orphisme », *Religiologiques*, No 15 (Spring 1997), pp. 151-163.
- (6) Kemp. A. « The Child as Artist in Amélie Nothomb's *Robert des noms propres* ». *French Studies*. Vol. 66, no 1, 2012, pp. 54-67. <[http://intl-fs.oxfordjournals.org/content/ 66/1/54.abstract](http://intl-fs.oxfordjournals.org/content/66/1/54.abstract)> (consulté le 25 Août 2013)
- (7) Kierkegaard. S. *In vino veritas*. Castelnau-le-Lez: Climats, 1999.
- (8) Lee. Mark D. "Amélie Nothomb: Writing Childhood's Ends". *Amélie Nothomb : Authorship, Identity and Narrative Practice*. Susan Bainbrigge, Jeanette den Toonder. NY: Peter Lang, 2003, pp. 142-153.
- (9) McIlvanney. S. « 'Il était une fois' : Trauma and the Fairytale in Amélie Nothomb's *Robert des noms propres* ». *Dalhousie French Studies*. Vol. 81, Representations of Trauma in French and Francophone literature (Winter 2007), pp. 19-28. <<http://www.jstor.org/discover/10.2307/40837883?uid=3737608&uid=2129&uid=2&uid=70&uid=4&sid=21100959689183>> (consulté le 25 Août 2013)
- (10) Nothomb. A. *Hygiène de l'assassin*. Paris : Albin Michel, 1992.
- (11) Nothomb. A. *Les Catilinaires*. Paris : Albin Michel, 1995.
- (12) Nothomb. A. *Péplum*. Paris : Albin Michel, 1996.
- (13) Nothomb. A. *Robert de noms propres*. Paris : Albin Michel, 2002.
- (14) Nothomb. A. *Antéchrista*. Paris : Albin Michel, 2003.
- (15) Nothomb. A. *Biographie de la faim*. Paris : Albin Michel, 2004.
- (16) Nothomb. A. *Tuer le père*. Paris : Albin Michel, 2011.
- (17) Pries. D. « Piscina : gender identity in *Métaphysique des tubes* ». *Amélie Nothomb : Authorship, Identity and Narrative Practice*. Ed. Susan Bainbrigge, Jeanette den Toonder. NY: Peter Lang, 2003, pp. 24-34
- (18) Rodgers. C. « Nothomb's Anorexic Beauties ». *Amélie Nothomb : Authorship, Identity and Narrative Practice*. Susan Bainbrigge, Jeanette den Toonder. NY: Peter Lang, 2003, pp. 50-61.

IX. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Аулина М. В.

Средняя школа № 4, г. Гянджа, Азербайджанская Республика

ЭВОЛЮЦИЯ НАМЕНОВАНИЙ В ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЭРГОНИМИИ (XIX–XXI вв.)

Наименования предприятий Азербайджана в XIX–XXI вв. претерпели существенные изменения в результате политических событий, связанных с дореволюционным периодом, периодом СССР, распадом СССР и обретением независимости. Таким образом, можно выделить три основных периода в эволюции эргонимов АР: дореволюционный, советский и современный (постсоветский).

Рассмотрим эволюцию эргонимов на примере столичных предприятий, названия которых представлены в исторических очерках Азербайджанской Республики [1], телефонном справочнике г. Баку [2] и в сегодняшнем электронном информационном справочнике, в котором зарегистрированы современные предприятия г. Баку [3]. Отметим, что если в XIX–XX вв. количество предприятий было сравнительно небольшим, то в XXI в. их количество значительно увеличилось и продолжает интенсивно увеличиваться.

Дореволюционный период. В XIX в. Азербайджан являлся колонией России, однако значительная часть предприятий принадлежала азербайджанским капиталистам: Г. З. Тагиев, Ашуров, Дадашевы, Расуловы, Усейновы, А. М. Нагиев [1, 164], Гаджинский [4, 33], М. Мухтаров и др. Были развиты такие виды промышленности, как нефтедобыча, шелководство, рыболовство, хлопководство, металлообрабатывающая промышленность и т. д. В данный период преобладали эргонимы, образованные от фамилий владельцев предприятий. Например: «Акционерное Сообщество братьев Нобель», «Текстильная фабрика Тагиева», «Больница им. Нагиева», «Пассаж Тагиева». Для добывающей отрасли были характерны названия фирм или обществ по месту добычи: «Акционерное Общество Балаханы-Забрат». К концу XIX в. в Баку насчитывалось 15 банковских учреждений, которые имели названия «Бакинский Купеческий Банк», «Тифлиский Коммерческий Банк» [1, 165] и др.

В XIX в., несмотря на преобладание отфамильных названий, появились наименования фирм и предприятий от объектов. Так, Ротшильды назвали свою фирму по производству мазута «Мазут (в то время мазут был чуть ли не основным сырьем в Азербайджане), мусульманское благотворительное общество получило название «Исмаилийс» (сегодня больница им. Семашко), гостиница, построенная поляком Иосифом Полашко, стала называться «Новая Европа», а кинотеатр, построенный им же, – «Феномен». Таким образом, в XIX в. в азербайджанской эргонимии появляется новый вид эргонимов.

Советский период. В советский период, в связи с уничтожением частной собственности, дореволюционные эргонимы, созданные по фамилии владельцев предприятий, перестали использоваться и произошел переход к названиям от объектов. Характерной чертой названий того времени было отсутствие стилистической окраски, однако они полностью отражали характер и назначение предприятия: «Азернешр» (азер «Издательство»), «Азерпром-связь», «Букинист» (книжный магазин).

Что касается таких объектов, как кафе, рестораны, гостиницы, пионерские лагеря, детские сады, кинотеатры, магазины, то здесь употреблялись другие виды эргонимов. Во-первых, большое количество эргонимов было связано с географическими названиями: рестораны – «Азербайджан», «Тбилиси», «Араз» и «Кура» (крупные реки в Азербайджане), «Ширван» (область), «Маралгель» (озеро Марал); кафе – «Апшерон» (Апшеронский полуостров), кинотеатр «Хазар» (в переводе «Каспий»), отель «Гей-гель» (голубое озеро),

«Мугань» (степь в АР), «Тебриз» (город в Иране). Эргонимы по географическим названиям преследовали цель показать высокий статус объекта.

Довольно большую группу представляли эргонимы, заключающие в себе определенную мотивацию, не всегда идеологическую, как принято считать. Например, детские сады «Ромашка», «Тюльпан», «Арзу» (мечта), «Улдуз» (звезда); отель «Интурист» (был предназначен в основном для иностранцев); издательство «Ишыг» (свет, т.е. несет в себе просвещение), издательство «Элм» (наука); кафе «Дельфин» (расположено на пристани), кафе «Жемчужина» (расположено на приморском бульваре); кинотеатры: «Космос», «Хазар» (Каспий); магазины: магазины ювелирных изделий «Алмаз», «Изумруд», магазины «Детский мир», «Восточные сладости» и т. д.

В советский период государственные деятели вкладывали зачастую в наименования предприятий социалистическую идеологию. К этой группе эргонимов относятся более половины названий объектов: пионерские лагеря: «Дружба», «Заря»; кинотеатры: «Пионер», «Достлуг» (дружба), «Ветен» (Родина), «Инглаб» (революция), «Октябрь» (в честь Октябрьской революции); издательства: «Коммунист»; заводы имени «Первого Мая», «Октябрьской Революции», «Парижской Коммуны»; детский сад «Заветы Ильича», библиотеки: «15 лет Октября», «Красный Октябрь» и т. д.

В значительную по количеству группу можно выделить предприятия и объекты, названные именем национального героя или политического деятеля. В этой группе мы выявили такие объекты, как библиотеки, больницы, заводы, фабрики: библиотека «им. М. Ф. Ахундова», «им. Луначарского», «им. К. Маркса», «им. Пушкина»; больницы: «им. Семашко», «им. Нариманова», «им. Мир-Касима»; завод «им. Дзержинского», «им. С. М. Кирова», «им. В. И. Ленина», «им. Ю. Г. Мамедалиева» и т. д.

Довольно большую группу составляли объекты и предприятия, не имевшие названий, а получавшие лишь номер. Это коснулось наименований всех аптек, а также части заводов, фабрик, детских садов, парикмахерских (нами не выявлено, например, ни одного салона красоты с мотивированным названием). Что касается наименований банков, то в советский период в Азербайджане существовал только «Государственный Банк».

В **постсоветский период** начинает активно распространяться эргонимия, направленная на адресата. Причиной распространения адресатной эргонимии становится конкуренция. Если раньше производство того или иного товара или услуги полностью принадлежало одному, максимум трем крупным предприятиям, то в современный период количество предприятий и фирм, производящих один товар (или услугу) растет, что приводит к конкуренции. Названия предприятий становятся одним из эффективных средств борьбы за привлечение внимания к своему товару или услуге. Современные названия представляют собой более сложные семантические образования.

Сравним наименования магазинов одежды советского периода: «Богатырь», «Космос», «Шафэг» и сегодняшние: «Lezzet» (удовольствие), «X-lady», «9 Ay» (9 месяцев), «7 Gozel» (7 красавиц), «Tuctuc» (тук тук), «Only You» (только ты), «Nursace» (зд. *nur* «свет», *sace* является частью слова *Versace*); магазины продовольствия: «Sevimlilik» (любимый вкус), «Fermer», «Nur» (свет).

Если в советский период аптекам присваивался номер, то на сегодняшний день большинство аптек имеют собственное название: «Afrodita», «Aspirin», «B-12», «Bahar» (весна) и т. д.

Современная рекламная эргонимия ориентирована на потребителя и делит потребителя по следующим признакам: возрастному («Malish») и гендерному («Mens City», «Goodman», «X-Lady», «Joy Miss»).

Итак, проведя анализ эргонимов г. Баку в историческом аспекте, мы можем сделать следующие выводы. Дореволюционные наименования характеризуются нацеленностью на гражданина, воспринимающего эргоним как знак личной ответственности владельца за качество услуг или товара. Эргонимы того периода просты и называют либо владельца предприятия, либо указывают на сам товар. Наименования советского периода нацелены на

граждан – членов социалистического общества, в большинстве своем они несут в себе идеологическую окраску. Современная (постсоветская) эргонимия делит потребителей по различным признакам и интересам, она характеризуется сложной семантической структурой и стилистической окраской.

Литература

1. История Азербайджана с древнейших времен до начала XX века / под ред. чл.-корр. АН Азербайджана И. Алиева. – Баку: Элм, 1995.
2. БГТС – Справочник Бакинской городской сети. Ч. 2: Телефоны учреждений, предприятий и организаций. – Баку: Коммунист, 1978.

Электронные ресурсы

3. URL: <http://www.navigator.az>
4. Ахундов Ф. Из поколения в поколение. – № 5 (47). – 2010. – С. 33 «Драма дома Гаджинского». URL: <http://www.irs-az.com>

Бойко Г. И.

Рязанский государственный университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА (на материале немецкоязычной литературы)

Изучение художественного дискурса как объекта концептуального и когнитивного анализа, представляющего собой постижение мира и имеющего своей целью воздействовать на мысли и чувства адресата, по-прежнему находится в центре внимания исследователей, о чем свидетельствует большое количество соответствующих работ. Это обусловлено эволюцией лингвистических идей во второй половине XX в., которая привела к тому, что язык стал рассматриваться не только как орудие коммуникации и познания, но и как культурный код нации, как средство раскрытия ментальности народа.

В современных условиях глобализации мирового сообщества, социальной гетерогенности и открытости границ особенно актуально звучит утверждение В. Гумбольдта: «Границы языка моей нации означают границы моего мировоззрения».

Следствием интенсивной миграции в XX в. стало, среди прочего, появление нового направления в литературе Германии – иммигрантской литературы, явления неоднозначного, что подтверждается частой сменой термина для его обозначения.

Так, в конце 1970-х в Германии существовало понятие «*Gastarbeiterliteratur*» – «литература гастарбайтеров». Литература мигрантов не считалась немецкой и по-настоящему серьезно не воспринималась [2, 22; 8]. Это понятие, так же как и сменившее его «*Ausländerliteratur*» – «литература иностранцев», практически не употребляется сегодня. В середине 1980х появился термин «*Literatur der Migration*» – «литература миграции». В это же время была учреждена премия имени Адельберта фон Шамиссо, присуждаемая за вклад в немецкоязычную литературу писателям иноязычного происхождения. Это, безусловно, способствовало признанию «иностранных» писателей немецкоязычным и мировым сообществом. Сегодня такие авторы как Феридун Займоглу, Рафик Шами, Эмине Зевги Эздамар, Терезия Мора, Анила Вильмс, Зера Чирак и многие другие считаются современными немецкоязычными писателями.

Выдвижение иммигрантской литературы в фокус лингвистики и литературоведения подтверждает ее общественную значимость. На любом этапе развития общества литература играет важную роль, поскольку она отражает происходящие социальные изменения. Являясь чувственно-понятийным постижением мира, художественное произведение возникает из специфического внутреннего состояния писателя и содержит помимо отражения объектив-

ной действительности еще и определенное отношение к ней, т. е. оценку. Существование человека определяется противопоставлением и взаимодействием двух полюсов: внутренний мир личности, его «я», и мир внешний. При этом «я» понимается как знание о мире, понимание себя в мире, воплощение собственных целей, способов понимания и оценки, на которых основываются способы осуществления действий в ходе межличностного взаимодействия. Социокультурная среда человека, представляющая собой мир способов и результатов познания, интеллектуальных и образных отражений действительности и ее практического преобразования, обязательно эксплицитно или имплицитно репрезентируется в художественном тексте, представляющем собой результат социально ориентированной и социально обусловленной коммуникативной деятельности.

Современная межкультурная литература выполняет особую функцию: она способствует диалогу культур, предлагает модели межличностных отношений в транснациональном мультикультурном обществе, поскольку, как писал Ю. М. Лотман, цель поэзии (и художественной литературы в целом) заключается не в поиске особых приемов, а в познании мира и в общении между людьми, самопознании, самопостроении человеческой личности в процессе познания и коммуникации [1, 98].

То, как преломляются воздействия внешнего мира в личностном сознании, зависит от индивидуального менталитета, ценностных ориентаций и установок, личностных прогнозов и ожиданий. Общественное и индивидуальное взаимно обогащаются, что становится возможным в условиях общения.

Писатели-иммигранты, резко сменившие культурную среду и язык, находятся в «промежуточном пространстве» как в жизни, так и в литературе, ведь они одновременно принадлежат обоим мирам: родному и принимающему. Таким образом, характерной чертой творчества авторов-иммигрантов становится культурная многослойность [4].

Под культурой мы вслед за С. Г. Тер-Минасовой понимаем образ жизни, привычки, традиции, мировоззрение, менталитет, систему ценностей, другими словами, все то, что составляет внутренний и внешний мир человека [3, 6]. Анализ художественного дискурса с позиций мультикультурности расширяет горизонты познания себя и «другого», способствует переосмыслению устоявшихся представлений, позволяет проникнуть в систему ценностей разных национальных культур. Автор художественного произведения не только описывает события и поступки, но и дает им объяснение и оценку с точки зрения культурных норм. В XXI в. в период смены ценностных ориентаций подобный анализ особенно актуален. При этом отметим, что о смене ценностных ориентаций говорят не только тогда, когда коренным образом меняются сложившиеся ценности, но и тогда, когда меняется интенсивность тех или иных ценностей, когда меняется их значимость для общества, их иерархия.

Лингвокультурологический аспект пронизывает весь транснациональный художественный дискурс, так как он раскрывается в выборе тематики произведения, его жанра, а также в его лингвистическом оформлении. При этом необходимо учитывать, что писатель создает произведение, исходя из своего личного опыта, своих представлений о мире и традиций своего языка. Но в то же время, он использует и знания о новой стране и ее языке. Поэтому для многих творчество на языке принимающей страны – это возможность обрести новую идентичность, новое мироощущение. Познание окружающего мира происходит, как известно, в процессе того, как человек сравнивает себя с другими, примеряет на себя чужие поступки, мысли. По словам Д. С. Лихачева, «чужое порождает в человеке свое».

Британский писатель индийского происхождения Салман Рушди считает понятие «*мигрант*» ключевым в XX в. [цит. по: 7, 123]. Рассматривая его не только в социологическом, но и в поэтологическом аспекте, можно определить характерную особенность межкультурной литературы: мигрант теряет свою родину, сталкивается с новым языком и новым обществом, нормы которых значительно отличаются от его родных. В этой ситуации он вынужден искать новые пути самоидентификации.

На раннем этапе развития иммигрантской литературы наиболее популярными темами были диалектика родины и чужбины, вынужденная смена языка и культуры, нежелание

немецкого общества открыться «мультикультурности» [5]. Довольно часто в произведениях описывались конфликтные ситуации, когда приезжающие на постоянное жительство люди не стремились к интеграции, не желали изучать язык принимающей страны и в результате оказывались вне общества. В современных социальных условиях писателей-мультикультуралистов интересуют также такие темы как поиск себя, своего места в жизни, проблемы взаимоотношений с противоположным полом, межличностные отношения, конфликт поколений. Одну из актуальных тем писателей-иммигрантов сформулировала Зера Чирак, немецкоязычная поэтесса турецкого происхождения, в своем эссе «*Kulturidentität*»: *Will ich also etwas, womit ich mich wiedererkenne, oder etwas, womit andere mich einordnen können?* [6, 134].

Что касается жанра, то предпочтение отдается роману или короткому рассказу. Роман может представлять собой линейное, последовательное повествование, либо переходы от одного воспоминания к другому, образуя тем самым как бы историю в истории. Роман немецкоязычного писателя сирийского происхождения Рафика Шами «*Erzähler der Nacht*» написан в традициях арабской сказочно-авантюрной словесности. Он разбит на 14 глав, каждая из которых озаглавлена в стиле притчи придаточным предложением, например:

*Wie der
Kutscher Salim sitzend zu
seinen Geschichten kam und
sie unendlich lang frisch halten konnte*

или

*Warum
Salim sich über
einen Vorschlag freute,
der seine Freunde in Streit versetzte* [12, 5, 44].

Графическое оформление заголовка главы и ее окончания также служит целям создания своеобразного восточного колорита.

Для короткого рассказа типична сжатая линейная композиция и малый объем. Как правило, повествование сосредоточено на описании какой-то одной ситуации. Рассказы, таким образом, представляют собой своего рода зарисовки, фрагменты повседневной жизни, в которых автор затрагивает волнующие его на данный момент темы. Для Владимира Каминера, немецкоязычного писателя русского происхождения, в его сборнике «*Russendisko*» такими темами являются, прежде всего, феномен мультикультурализма и адаптация в немецком обществе. 50 рассказов сборника, наполненных юмором и иронией, посвящены воспоминаниям из жизни автора после его переезда в Германию, его наблюдениям и сравнениям разных культур.

Наиболее частой формой повествования является форма от первого лица, от лица автора, характеризующаяся достоверностью и субъективностью. Повествование от первого лица ориентировано на интуитивное постижение смысла, поскольку события представляются на суд читателя так, как их воспринимает говорящий. Читатель в этом случае непосредственно воспринимает мир, без направляющей и комментирующей помощи повествователя. Так, например, в романе немецкоязычной писательницы турецкого происхождения Эмине Зевги Эздамар «*Das Leben ist eine Karawanserei*» нет эксплицитных оценок происходящего, например, в эпизоде, когда главная героиня сообщает семье о своем решении уехать в Германию:

Ich kam ins Haus und sagte:

«Mutter ich werde als Arbeiterin nach Deutschland gehen.»

Mutter sagte:

«Spuck schnell aus, sag nicht so große Worte, die kann man nicht runterschlucken.»

Ich sagte:

«Ich werde nach Deutschland gehen.»

Mutter sagte: «Wenn du gehst, dann hast du nicht mal ein Gehirn, das man über einen Schwanz schmieren kann.»

«Ich werde gehen.»

Mutter sagte:

«Trennungsschmerz sind vierzig Nägel, die in einen Körper geschlagen werden.»

«Ich werde gehen.»

Mutter sagte: «Sus, Sus, schweig! Ich werde jetzt, ich schwöre, den Höllenlärm schlagen» [10, 369–370].

Простые предложения и повторы создают определенный накал в разговоре, демонстрирующий непреклонное желание девушки, с одной стороны, и попытки ее матери уговорить, отговорить от принятого решения, с другой.

Повествователь в форме «я» очень многообразная форма. Поскольку для нее характерна большая индивидуализированность, т. е. большее ощущение присутствия индивидуального человека, то читатель может смотреть на все глазами героя, принимая участие в его чувствах и мыслях. Как это происходит, например, в рассказе Владимира Каминера *«Geschenke aus der DDR»*:

Meine Eltern und ich lebten lange Zeit hinter dem Eisernen Vorhang. Die einzige Verbindung zum westlichen Ausland war die Fernsehsendung „Das Internationale Panorama“, die jeden Sonntag im ersten Programm gleich nach der „Stunde der Landwirtschaft“ kam. Der Moderator, ein übergewichtiger und immer etwas gestresster Politologe, war schon seit Jahren in einer wichtigen Mission unterwegs: meinen Eltern und Millionen anderer Eltern den Rest der Welt zu erklären. Jede Woche bemühte er sich, alle Widersprüche des Kapitalismus in vollem Ausmaß auf dem Bildschirm zu zeigen. Doch der Mann war so dick, dass das ganze Ausland hinter ihm kaum zu sehen war [9, 19].

Лексические средства, а именно большое количество культурных реалий, создает особый колорит, позволяет автору передать атмосферу своей прежней жизни, а имплицитная оценочность и ирония демонстрируют отношение автора к ней.

В целом, особый ритм повествования, создаваемый лингвистическими средствами разных уровней, например, безэквивалентной лексикой, экспрессивным порядком слов, разным объемом предложений, повторами, полифонической речью, частой сменой повествовательной перспективы и пр., характерен для мультикультурной прозы. По словам С. П. Толкачева, «на языке, который не является его родным, писатель должен воплотить дух, с которым он родился» [4]. И как уже отмечалось, он опирается в этом как на традиции своего родного языка, так и на особенности языка принимающей страны. В результате, немецкая литература обогащается за счет миграционной литературы новыми языковыми и литературными формами.

Все в совокупности – тематика, выбор жанра, лингвистические и даже паралингвистические средства, служат писателям-мультикультуралистам для того, чтобы ответить на вопрос, поставленный Рафиком Шами:

«Wie willst du Leuten erzählen, die von all dem, was dich ausmacht, nur eine blasse Ahnung haben?» [6, 71].

В условиях дальнейшего развития единого европейского пространства интерес к миграционной литературе велик не только в Германии, но и во всем мире. Мультикультурная направленность современного общества вносит вклад в новое рассмотрение художественного дискурса, поскольку актуализирует аспекты, связанные с создающей текст личностью и дает возможность познания мира. Появление новых научных направлений таких как «межкультурное литературоведение» и «межкультурная лингвистика» [6; 7; 11] свидетельствует о той роли, которую играет изучение современной мультикультурной литературы в формировании познавательных стратегий в межкультурной коммуникации.

Литература

1. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М.: Изд-во «Искусство», 1970. – 384 с.
2. Ситова М. С. Миграционная проза Германии как актуальное средство кросскультурной сенсibilизации // Культура и цивилизация. – № 1. – М.: Аналитика Родис, 2012. – С. 18–28.
3. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики: учеб. пособие. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286 с.
4. Толкачев С. П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature
5. Хюбнер К. Бесконечное многообразие культур – Иммигрантская литература в Германии URL: <http://www.goethe.de/ins/ru/lp/prj/drj/arc/008/ru3151492.htm>
6. Fremde AugenBlicke: Mehrkulturelle Literatur in Deutschland. Irmgard Ackermann (Hg.). Bonn, Inter Nationes, 1996. 179 S.
7. Hofmann M. Interkulturelle Literaturwissenschaft. Eine Einführung. Paderborn, Wilhelm Fink Verlag, 2006. 246 S.
8. Hübner K. Migrant sagt kaum noch jemand – Deutsche Literatur von Autoren ohne Deutsch als Muttersprache. URL: <http://www.goethe.de/kue/lit/aug/de10134309.htm>
9. Kaminer W. Russendisko. München, Manhattan-Verlag, 2000. 192 S.
10. Özdamar E. S. Das Leben ist eine Karawanserei / hat zwei Türen / aus einer kam ich rein / aus der anderen ging ich raus. Köln, Kiepenheuer und Witsch Verlag, 1992. 383 S.
11. Polyphonie – Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität. Michaela Bürger-Koftis, Hannes Schweiger, Sandra Vlasta (Hg.). Wien, Praesens Verlag, 2010. 481 S.
12. Schami R. Erzähler der Nacht. Weinheim, Beltz und Gelberg Verlag, 1989. 276 S.

Боченкова Е. В.

Удмуртский государственный университет

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭРГОНИМЫ г. МАДРИДА

(на материале наименований предприятий общественного питания)

Ежегодно миллионы туристов посещают Испанию, проникаются духом её столицы и, как следствие, запоминают неизвестные им ранее слова испанского языка. Помимо обычных фраз приветствия, прощания и благодарности в памяти современного путешественника остаются названия окружавших его улиц, отелей, кинотеатров, ресторанов и т. д.

Названия предприятий, учреждений, обществ, объединений, союзов, деловых объектов выделяют в лингвистике в отдельную группу, называемую эргонимической лексикой, или эргонимами – искусственно созданными словами [3].

Эргонимы современного города прочно вошли в обиход, стали частью повседневного делового и дружеского общения и, в результате, оказывают влияние на происходящие в языке преобразования. Самобытный характер эргонимов и словесных товарных знаков – результат настоящего и прошлого нации, источник к пониманию ее культуры [2, 100; 8, 66].

В последние десятилетия отмечается заметный рост потребности в преодолении языковых и межкультурных барьеров в результате активизации интеграционных процессов. Минувший XX в. называют «временем встречи культур, различных типов цивилизаций» [6, 20]. Лингвистика активно участвует в процессах глобализации, затронувших всё мировое сообщество. Современное языкознание предстаёт перед нами как разветвлённая многоаспектная лингвистика, имеющая широкие связи практически со всеми областями современного знания [1, 17].

При изучении имён собственных, а именно, эргонимов и словесных товарных знаков, становится возможным изучить не только специфику семантической структуры и механизм их формирования, но и обнаружить лингвокультурную информацию. Лингвокультурология, являясь комплексной областью научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры, в настоящее время переживает период расцвета [4, 3–16].

По мнению Я. Качала, лексическая система считается наиболее открытой для внеязыковых культурных воздействий и изменений вообще, и именно на уровне лексики наиболее ярко проявляются иноязычные культурные влияния и взаимодействия [5, 189].

В ономастике проблемы испаноязычной эргонимии стали изучаться сравнительно недавно, на что имеется несколько причин. Во-первых, как отдельный пласт лексики, эргонимы стали формироваться в Испании в конце XX в., когда завершился период изоляции страны, инициированный Франко, и все желающие смогли посетить эту южноевропейскую страну. Во-вторых, будучи вновь сформировавшимся лексическим пластом, эргонимы кафе и ресторанов Мадрида являются к тому же очень динамичной, постоянно меняющейся и обновляющейся группой имён собственных. Данное обстоятельство усложняет осуществление статистических исследований, хотя и не препятствует вычислению общих закономерностей в феномене эргонимии столицы Испании.

Материалом для исследования послужили 500 наименований кафе и ресторанов Мадрида, пользующихся наибольшей популярностью среди гостей и жителей города, согласно данным сайта tripadvisor.com.

После сбора эргонимов было осуществлено сортирование выявленных лексем на группы с учётом этимологии, семантики, стилистической окраски, грамматического состава и др.

В данной статье нами будут рассмотрены наименования кафе и ресторанов Мадрида, заимствованные из других языков, поскольку группа эргонимов с иноязычной этимологией оказалась многочисленной. Так, анализ лексики показал, что 332 (66 %) из 500 наиболее популярных кафе и ресторанов Мадрида имеют в качестве названия испанские слова, соответственно, 168 эргонимов (34 %) принадлежат другим языкам.

Известно, что английский язык занимает сегодня лидирующие позиции во всём мире, и самовыражение народов на этом языке приобретает особую значимость [7]. Однако данная тенденция не подтверждается в иноязычной эргонимии Мадрида, где большая часть названий кафе и ресторанов приходится на **итальянские** заимствования (21 %): *Bocconcino* («лакомый кусочек»), *Gamberi* («раки»), *Il Forno* («печь, духовка»), *Zafferano* («шафран») и др. Итальянская и испанская кухни нередко объединяются в единую средиземноморскую, а значит, ресторан или кафе с итальянским меню является универсальным выбором, сочетающим в себе экзотику блюд другой страны и наличие большого количества национальных испанских ингредиентов.

Английские заимствования занимают вторую позицию среди рассматриваемых эргонимов Мадрида (17 %). Отметим, что выбор иноязычного эргонима в данном случае обусловлен в основном преобладанием американских блюд в меню кафе или ресторана. Зачастую указание на специализированную кухню содержится в самом названии, например: *McDonald's* (по фамилии основателя), *BabyBeef* («телятина»), *NewYork Burger* («нью-йоркский гамбургер»). Английский эргоним может сообщать и о национальной принадлежности другой кухни (*IndianAroma* «индийский аромат»), будучи более доступным для понимания людьми, говорящими на разных языках.

Использование эргонимов Мадрида, восходящих к **французскому** языку (9 %), мы объясняем близостью территории и схожестью ингредиентов в блюдах Испании и Франции. Среди них такие французские наименования, как: *Le Café* («кафе»), *Lieu* («место»), *Petit Comité* («малый комитет»).

В корпусе иноязычных эргонимов Мадрида выделяются заимствования из языков народов Испании. По числу заимствований наиболее представлен **баскский** язык (6 %): *Arizmendi* (баскская фамилия, букв. «дубовая гора»), *Dantxari* (местность в муниципалитете Урдас, провинция Наварра, Испания), *Gaztelupe* (*Gaztelupe* – баскское мужское имя) и др. Эти рестораны специализируются на национальной кухне и отражают национальный колорит в интерьере и атмосфере заведения, что подчёркивает трепетное отношение населения Испании не только к традициям страны, но и к культуре своего региона. Мы выявили также **галисийские** слова (4 %): *A'Casiña* («домик»), *O'Pazo* («дворец»), *Volvoreta* («бабочка»). Галисия – историческая область Испании. Схожесть галисийского

и португальского языков имеет особое значение для рестораторов: подобные наименования делают намёк на португальскую кухню и португальский дух в оформлении ресторана и создаваемой атмосферы.

Латинский и японский языки замыкают список наиболее представленных по числу заимствований языков среди эргонимов Мадрида (по 5 % от общего числа иноязычных эргонимов). Среди латинских названий встречаются устойчивые выражения: *ExLibris* («экслибрис» – книжный знак на внутренней стороне переплёта книги), *InSitu* («на месте»), данные владельцем ресторана в надежде на их понимание, по крайней мере, всем романским миром. Японские эргонимы в сфере ресторанного бизнеса в Мадриде используются по принципу либо общемировой их популярности (в этом случае учитывается вероятность понимания подлинного смысла лексемы, напр. *Kabuki* («кабуки» – вид японского театра), либо визуальной и аудиальной стереотипности слова, говорящей о принадлежности его к японскому языку (семантика слова здесь вторична), напр. *Mikado* («высокие ворота»), *Ninsei* (название японского горшка).

Далее в списке языков-источников заимствований мы выявили языки близлежащих к Испании стран: арабский (*Alhambra* «красный замок»), греческий (*Acme* «высшая степень, вершина, цветение, цветущая пора»), португальский (*A tasca do bacalhau português* «таверна португальской трески»).

Единичные примеры слов приходятся на языки далёких от Испании стран, с которыми Испания не имела тесных контактов на протяжении своей истории. Тем не менее, редкие языки, на базе которых формировались наименования кафе и ресторанов, представляют в общей сложности значительную группу среди заимствований (22 %). К ним относятся тайский, голландский, немецкий, вьетнамский, китайский и др. языки.

В целом, география заимствованных эргонимов в названиях кафе и ресторанов Мадрида достаточно обширна и насчитывает более 30 различных языков и диалектов. В большинстве случаев использование иностранных названий обусловлено узкой специализацией заведения на той или иной национальной кухне. В редких случаях выбор иноязычного слова объясняется непривычной формой самих слов.

Языковое многообразие эргонимов отражает исторические контакты народов, и вместе с тем – интернационализацию эргонимической лексики. Для жителей Мадрида важно сохранить и подчеркнуть именно испанскую атмосферу заведения, поделиться ею с гостями кафе или ресторана. Иностранная же вывеска над кафе или рестораном здесь чаще всего свидетельствует об иностранном профиле заведения: кафе быстрого питания несёт в своем названии американское слово, ресторан итальянской кухни называется итальянским и т. д.

Таким образом, через использованные языковые средства просматривается культура современного города, угадываются интересы общества, его потребности и приоритеты. Эргонимы Мадрида повествуют о культурной жизни города, современных тенденциях в ресторанном бизнесе, предпочтениях потенциальных клиентов.

Литература

1. Гируцкий А. А. Введение в языкознание: учеб. пособие. – 2-е изд., стер. – Мн.: ТетраСистемс, 2003.
2. Дубровина Л. В. Официальные названия лечебных учреждений Великобритании и США // Ономастика, типология, стратиграфия / отв. ред. А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1988. – С. 99–107.
3. Зеленина Т. И., Полянцева Д. Г. Интернационализация русской лексики: эргонимия (на материале названий коммерческих объектов сферы обслуживания г. Ижевска) // Российский город в исторической ретроспективе: материалы всерос. науч. конф., посвящённой 250-летию г. Ижевск: сб. ст. / УИИЯЛ УрОРАН; Изд-во «Удмуртский университет». – Ижевск, 2010. – С. 257–265.
4. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3–16.

5. Качала Я. Словацкий язык в межкультурных контактах // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) / Науч. совет по истории мировой культуры; отв. ред. Г. П. Нешименко. – М.: Наука, 2002. – С. 186–201.
6. Колыхалова О. А. Социокультурные и философские аспекты билингвизма: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М: 2000.
7. Крыкова И. В. Англоязычные эргонимы и словесные товарные знаки Японии как опосредованное отражение национальной культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дальневосточный гос. ун-т. – Владивосток, 2004.
8. Чернобров А. А. Философские и логико-методологические основы теории номинации (на материале английских и русских собственных имен): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2002.

Волошина К. С.

Кубанский государственный университет

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Гендерные стереотипы – это «сформировавшиеся в культуре и имеющие обобщенные представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины» [2, 35]. Данный термин следует отличать от понятия **гендерная роль**, обозначающего «набор ожидаемых образцов поведения (норм) для мужчин и женщин» [3, 12]. Появление гендерных стереотипов обусловлено тем, что модель гендерных отношений исторически выстраивалась таким образом, что половые различия располагались над индивидуальными, качественными различиями личности мужчины и женщины. Уже у Платона можно встретить убеждение в отличии всех женщин от мужчин: «...по своей природе как женщина, так и мужчина могут принимать участие во всех делах, однако женщина во всем немогуще мужчины» [4, 63]. В русских фразеологизмах и поговорках гендерно ориентированных, отражена преимущественно **мужская** картина мира и **мужская** власть в нем, например: *Первую дочь по семье бери, вторую – по сестре; Жена не стекло (можно побить); Выбирай корову по рогам, а невесту по родам (по родителям); Жена – кабаный батрак* [1, 235–345]. И в английском языке: *The more women look in their glass the less they look to their house; Words are women, deeds are men; Many women many words; many geese many turds* [6, 23].

Величина мужского пространства значительно больше женского. Женщина выступает в качестве объекта, например: *Бог бабу отнимет, так деву даст*. Также выражается неполная принадлежность женщины к категории «человек»: *Кобыла не лошадь, баба не человек; Курица не птица, баба не человек; Nothing dries so fast as women's tears; Women have no soul, long hair short wit* [6; 24–75]. Кроме того, имеет место оппозиция «мужское – женское» с коннотациями «правильное – неправильное». Так в русском языке: *Муж пахнет, а жена пляшет; Муж в поле пахать, а жена руками махать; Муж в двери ногою, а жена в окно, и с головой*; и в английском: *A bad woman is worse than a bad man*. В этой связи мужчине приписывается ответственность за поведение женщины: *Мужик в оба глядит, а женка промеж глаз норовит* [1; 123–247].

Понятие **гендерный стереотип**, получает свою интерпретацию во всех областях гуманитарного знания – социологии, психологии, культурологии и лингвистики. **Стереотип** – это устоявшееся отношение к происходящим событиям, выработанное на основе сравнения их с внутренними идеалами. Система стереотипов составляет – миропонимание [2, 6].

В контексте количественно больших групп «Супружество» моральные предписания адресованы не только женщинам. Большое количество единиц подчеркивает ответственность мужа и важную роль жены в семье. Хотя женщина в нескольких пословицах представлена как не человек, в адрес мужчин есть тоже подобные высказывания: *Не женат – не человек; Женатый не проклятый; Жениться – перемениться* [5, 35]. *If the husband be not at home there is nobody; Men make houses women make homes; A man of straw is worth of a woman of gold;*

In the husband wisdom, in the wife gentleness [6, 86]. Моральные предписания адресованы также не только женщинам, но и мужчинам. Обнаруживается свод правил для мужчины, в котором осуждается мужская безнравственность, сексуальная распущенность, например: *Жена по мужу честна; У кого на уме молитва да пост, а у него бабий хвост; Man, woman and devil are three degrees of comparison* [6, 66].

Пословицы такого типа условно отнесены к андроцентричным, так как в них не определена мужская или женская перспектива [2, 94]. Такие пословицы не единичны и отражают общечеловеческую перспективу без различия пола: *На рать сена не накопишься, на смерть деток не нарождаешься*. Безусловно, отрицательный образ женщины присутствует в картине мира, рисуемой русской паремиологией. Но присутствуют в ней и женская, и общечеловеческая перспективы, что несколько уравнивает андроцентричность [2, 17]. Английская фразеология также представлена многочисленными пословицами с негативным отношением к женщине и ее роли, например: *Women are the devil's nets; When an ass climb a ladder we may find wisdom in women; No thing agrees worse than a lady's heart and beggar's purse* [6, 45].

Супружество, семья рассматривается не как изолированная часть общества, а в тесном взаимодействии с остальными членами рода, например: *В семье и каша гуще; Кабы куст был немил, соловей гнезда бы не вил*. Отсюда – широкая представленность родителей мужа и жены, бабушек и дедушек, кума и кумы, свахи: *Под добрую сваху комар носа не подточит*.

В целом жизнь женщины представлена подробно и не ограничивается лишь деятельностью в домашнем хозяйстве. Большое количество паремий тематизирует внедомашние сферы деятельности женщины, в допустимых для того времени пределах: знахарство, акушерство, ворожба, о чем свидетельствует и второе значение слова «бабка» (повитуха, акушерка). Отражена не только прямая зависимость жены от мужа, но и обратная. Особенно это касается пожилых супругов: *Старый муж ворчит – журчит, раздевать, разувать велит; Чего жена не любит, того мужу не есть* [5, 56]. В целом старой женщине и вдове отведено важное место. Вдовство давало женщинам определенные преимущества, юридические права, если она имела детей. В языке это отразилось в виде сочетания матерная вдова.

На фоне общей картины можно подчеркнуть противопоставления полов вне связи с их социальными функциями жен, мужей и т.д. В этой группе доминирует андроцентризм. Есть небольшая группа пословиц, отражающих семейное насилие, иногда она имеет форму рукоприкладства: *В старые годы бывало – мужья жен бивали; а ныне живет, что жена мужа бьет; Я ее палкой, а она меня скалкой* [1, 24–237].

Женщина не рассматривается как слабое существо, физическая слабость женщины также не отражена в паремиях. Наоборот, женщины проявляют свою волю и решительность вопреки попыткам мужчин им этой воли не давать: *Я и баба, я и бык, я и лошадь, и мужик; С хватом баба хоть на медведя*. Важную роль играет возраст женщины: большое число пословиц и поговорок, представляющих молодую девушку, особенно в роли невесты. Эта группа паремий одна из самых многочисленных: *Невеста без места, жених без ума; Девушка тогда родится, когда в невесты годится; У невесты женихов сто один, а достанется один; С вечера девка, с полуночи молодка, а по заре хозяйшук; Marry your son when you will, your daughter when you can; Daughters and dead fish are not keeping wares* [6, 123–125].

Итак, гендерные стереотипы очень упрощают реальную ситуацию, однако в коллективном общественном сознании они закреплены прочно и меняются медленно. Согласно укоренившимся представлениям, женщинам в обществе приписывается меньшая ценность, чем мужчинам. Представления о мужественности и женственности и присущих им свойствах имеют место в каждой культуре, им отводится существенное пространство в обрядах, фольклоре, мифологическом сознании. Вместе с тем, стереотипизация и ценностная шкала гендера не одинаковы в разных культурах. Так же различаются социальные роли мужчин и женщин. Стереотип выполняет роль программы поведения. Одним и тем же действиям человека в зависимости от его пола придается различное содержание в разных культурах.

Литература

1. *Даль В. И.* 1000 русских пословиц и поговорок. – М.: Рипол Классик, 2010. – 320 с.
2. *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – С. 2–66.
3. *Ожигова Л. Н.* Исследование гендерной идентичности и гендерных стереотипов личности // Практикум по гендерной психологии. – СПб., 2003. – С.12.
4. *Платон.* Республика // Сборник по философии. – М.: АСТ., 2009. – С. 63.
5. Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. Федорова. – М.: АСТ., 2008. – 546 с.
6. *John Simpson & Jennifer Speake.* Oxford concise dictionary of proverbs. New York: Oxford University Press, 2008. 376 p.

Галимова З. Ф.

Удмуртский государственный университет

КОСВЕННЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОМПЛИМЕНТА (на материале «The Oprah Winfrey Show»)

Проблема использования и восприятия комплимента затрагивалась в работах [Аршинова 2006; Бабина 2001; Безруких 1991, Борисова 2000, Власкин 1990, Колегаева 2004; Леонтьев 2008; Мурашкина 2004; Серебрякова 2002; Тамберг 2000; Торговкина 2006; Шейнов 2005].

Зарубежные ученые [Herbert 1989; Lewandowska-Tomaszoyk 1989; Manes 1983; Pomerants 1978; Wolfson 1983, Yuan 2002], а затем и современная русистика [Агаркова 2004, Иссерс 2006; Ключев 1998] рассматривали комплимент с прагматической стороны.

Для любой культуры комплимент выражает одобрение, которое как говорящий, так и адресат считают положительным [8], и это одобрение оценено правилами и нормами культуры [7; 8]. В данной статье рассмотрим американские комплименты, которые были зафиксированы из американского ток-шоу «The Oprah Winfrey Show».

А. Вежбицкая предлагает описание комплимента при помощи последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего, определяющие данный тип высказывания [1]: *говорю: о тебе можно сказать нечто хорошее; чувствую, что тебе это будет приятно; говорю это, так как хочу, чтобы тебе было приятно.*

В нашем определении под комплиментом понимается субъективное высказывание, которое оценивает одно качество с целью показать своё отношение к адресату, расположить собеседницы к себе.

Согласимся с О. С. Иссерс, что позиции сторон являются несимметричными. Произносящий комплимент находится в «сильной позиции», поскольку его партнер в соответствии с принципом вежливости должен быть благодарен за проявленную симпатию – таким образом автор комплимента осуществляет свою власть над говорящим, заставляя его прямо или косвенно принять комплимент [4, 180].

Обратим внимание на то, что особый интерес представляют комплименты, выраженные косвенно. Косвенными называют такие высказывания, в которых наблюдается неоднозначное соответствие между языковой структурой и её коммуникативной функцией. Однозначной интерпретации косвенных высказываний будет способствовать ряд прагматических факторов, основным из которых следует признать контекст, включающий в себя все многообразие явлений, сопутствующих вербальной коммуникации – начиная от ситуации общения и кончая всей совокупностью культурных и социальных условий. Значение высказывания будет прямым, если контекст, используемый для детерминации значения, нейтрален, косвенным значение будет в том случае, когда для его определения нужно прибегнуть к более широкому, по сравнению с нейтральным, контексту [2, 156].

Необходимо дополнить, что иллокутивная цель играет важную роль. Иллокутивная цель может быть выражена эксплицитно или имплицитно. Прямо иллокутивная цель выражается через специальные средства, характерные для данного типа высказываний [3, 56]. В том случае, когда иллокутивная цель выражена средствами, не характерными для данного класса высказываний, или не имеет специальных средств для своего выражения, мы имеем дело с косвенной формой выражения.

В данной статье предлагаем следующие способы выражения косвенности: ссылка на мнения окружающих; опора на контекст; комплимент в форме вопроса; комплимент в форме вопроса-провокации.

Рассмотрим первый способ, который предполагает ссылку на мнения окружающих: *A lot of people, we all think you are very sexy.* (Ток-шоу «TOWS», 4.03.07.)

В данной речевой ситуации говорящий использует косвенный комплимент, который позволяет ему максимально минимизировать давление на адресата и демонстрировать своё глубокое уважение к его личной автономии.

Второй способ косвенности выражен в опоре на контекст ситуации: *The world just became a better place when you were born.* (Ток-шоу «TOWS», 12.03.06.)

Третий способ косвенности представлен в форме вопроса: *I don't have any advice for you and I need to ask «Do you have any advice for me?»* (Ток-шоу «TOWS», 2.09.07.)

Косвенный комплимент сделан Опре. Лексика использована нейтральная. Данный комплимент построен на антитезе: противопоставлении и сравнении адресата и адресанта в пользу адресата. Имплицитно комплимент выражает то, что адресант является человеком более мудрым, хотя это и не обозначено эксплицитно.

Интересен третий способ выражения косвенности тем, что в комплименте есть вопрос-провокация: *Do you think that being funny is your nature or your nurture?* (Ток-шоу «TOWS», 2.03.07.)

Выражение «in one's nature» понимается как «свойственный (характеру), характерный», а слово «nurture» означает «воспитание; образование, обучение, тренировка».

Иногда собеседники выстраивают стратегию, благодаря которой хотят услышать в свой адрес комплимент, похвалу. В английском языке существует понятие «to fish for compliments», которое означает «to try to make someone say something nice about you, usually by first criticizing yourself – used to show disapproval» [9, 602].

Четвёртый способ выражения комплимента – комплимент в форме вопроса-провокации – часто встречается в ток-шоу «TOWS»:

- *Was I so famous that year?*
- *Oh, of course. Absolutely.* (Ток-шоу «TOWS», 12.10.07.)

По мнению Ю. Е. Прохорова и И. А. Стернина, американец назначает себе высокую цену как профессионалу, полагая, что он все прекрасно знает. Коммуникативное поведение американца постоянно подчёркивает именно эти качества, он постоянно рекламирует себя, излучает уверенность и победоносность [5, 192].

Р. Бойль [6] различает два типа косвенных высказываний: первый подчёркивает достижения адресата, второй тип представляет собой сравнение с другими людьми.

Прибегая ко второму типу, подчёркивается уникальность собеседника.

- *Never has anybody deserved a standing ovation more than you.* (Ток-шоу «TOWS», 24.04.07.)
- *The other reality about this is basically it comes and goes for everybody, except Elvis and you.* (Ток-шоу «TOWS», 9.08.07.)

Итак, в процессе нашего исследования было выявлено четыре способа выражения косвенности в американских комплиментах: ссылка на мнения окружающих; опора на контекст; комплимент в форме вопроса; комплимент в форме вопроса-провокации. В основе нашего выделения способов был положен разбор лингвистических средств. Считаем, что данный список способов выражения комплимента при помощи косвенных высказываний можно продолжить.

Литература

1. *Вежбицка А.* Речевые жанры. (Перевод В. В. Дементьева) // Жанры речи. – Саратов: Колледж. – 1997. – 211 с.
2. *Герасимова О. И.* О типах значений косвенных высказываний // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1985. – С. 150–158.
3. *Дьячкова И. Г.* Похвала и порицание как речевые жанры // Вестник Омского университета. – 1998. – Вып. 3. – С. 55–58.
4. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига. – 2006. – 288 с.
5. *Прохоров Ю. Е., Стернин И. А.* Русские: коммуникативное поведение. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 328 с.
6. *Boyle R.* «You've worked with Elizabeth Taylor!»: Phatic functions and implicit compliments // *Applied Linguistics*. – 21 (1). – 2000. – P. 26–46.
7. *Holmes J.* Paying compliments: A sex-preferential politeness strategy // *Journal of Pragmatics*. – 12. – 1988. – P. 445–465.
8. *Manes J.* Compliments: A Mirror of Cultural Values // Wolfson Nessa and Judd Elliot (eds.). *Sociolinguistics and Language Acquisition*. – Rowley, London, Tokio: Newsbury House. – 1983. – P. 96–102.
9. LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English: Pearson Education: 2005. – 1949.

Иванов А. В.

Удмуртский государственный университет

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЛУБИННОЙ СТРУКТУРЫ КУЛЬТУРЫ, ОТРАЖЕННОЙ В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Пословицы конституируются как носитель фундаментальных социальных ценностей общества, средоточие его ментальности и выступают системой хранения и передачи централизованной социальной памяти. Передача опыта от человека к человеку, от поколения к поколению достигается как через воспроизводство непосредственных образцов поведения или деятельности, так и посредством следования за усвоением пословицы как словесной формы обычая. Таким образом, пословица выступает результатом осмысления социальной действительности, проявляется в качестве гносеологического выражения единства истины, оценки и действия в социальной сфере.

Пословица – это законченное высказывание, она всегда есть какой-то вывод, наставление. Языком пословицы выступает язык всего сообщества, благодаря чему они являются как бы зеркалом, отражающим продукт селекции общественной практики и алгоритмы социальных отношений. Вот как они сами о себе говорят: «Пословицу не обойти, не объехать»; «Пословица не даром молвится»; «Пень – не околица, глупая речь – не пословица». Пословица поучает, как следует жить, как относиться к определенным событиям, воспроизводит в словесной форме опыт, выстраданный поколениями людей; создает эталоны восприятия действительности. В. И. Даль писал: «Что не дошло до народа, не касалось жития–бытия его, то не шевелило ни ума, ни сердца его, и того в пословицах нет; что впуталось добром либо лихом в быт его, то найдете и в пословицах» [1, 11].

Пословицы, воплощающие социальные максимы, возникают из глубины народного сознания, из народных нравов и верований и затрагивают разные стороны общественной жизни. Сравнение пословиц и поговорок разных народов показывает, как много общего имеют эти народы, что, в свою очередь, способствует их лучшему взаимопониманию и сближению. Их тематика поистине безгранична. Общей чертой английских и русских пословиц является то, что они охватывают решительно все стороны жизни, самые различные взаимосвязи между самыми разными явлениями действительности. Пословицы, являясь частью культуры данного народа, отражают пространственные, временные, причинно–

следственные отношения, взаимосвязь между человеком и обществом. В них отражен богатый исторический опыт народа, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей. Приведем несколько примеров:

Бедя не приходит одна.

Misfortunes never come alone.

Без труда не выловишь и рыбку из пруда

No pains, no gains.

Нет дыма без огня.

There is no smoke without fire.

Главное назначение пословиц – давать народную оценку объективных явлений действительности, выражая тем самым мировоззрение того или иного народа. Они типизируют явления, т.е. выделяют среди них наиболее показательные и отмечают в них самые существенные черты.

А. Пословицы отражающие отношение человека к природе.

1. Английские пословицы о господстве человека над природой.

В западной культуре в качестве господствующего направления выступает механицизм. Человек осознаёт природу как совокупность макроскопических классических объектов и рассматривает ее как конструкт, лишенный своего онтологического значения, а, следовательно, иного отношения, кроме практически-утилитарного, она и не заслуживает. Человек ставится в центр вселенной. Вычленение себя из целого заставляет человека желать себе все, что он видит вокруг. Английские пословицы «human is the soul of the universe» и «human is the measure of everything» говорят о человеке как венце, вершине всего сущего, о стремлении к возвышению над природой. Пословица «nature is conquered by obeying her» является еще одним примером противостояния природы и человека. Буквальный перевод пословицы говорит нам о толерантном отношении к природе, но глаголы «conquer» и «obey» оппозиционируют человека и природу, раскрывая спрятанный глубоко внутри принцип покорения природы, господства над ней.

2. Русские пословицы о гармонии человека и природы.

В русской культуре человек рассматривается как одно из маленьких звеньев в бесконечной цепи мироздания. Пословицы отражают своеобразное умонастроение, называемое теперь русским космизмом. Назовем основные черты русского космизма: Человек – основная часть Природы; Человека и Природу не следует противопоставлять друг другу, а рассматривать их надо в единстве; Человек и все, что его окружает – это частицы единого, Целого; ответственность Разума перед Природой. Пословицы «Земля тарелка: что положишь, то и возьмёшь», «Не беречь поросли, не видать и дерева», «Кто не сажал дерева, тому не лежать в тени», «Возле леса жить – голодному не быть» говорят нам о том, что взаимодействие человечества и природы – это сложный процесс, в котором стороны должны стремиться к взаимовыгодному сотрудничеству. Но природа для русского человека не только источник продуктов питания и сырья. Народ воспринимал природу как полноту бытия, эстетически прекрасное. Пословица «Рощи да леса – всему миру краса» – яркое тому подтверждение. Жизнь природы наделяется человеческими свойствами. Природа одушевляется и одухотворяется. Человек хочет сделать себя понятным природе, включить себя в природное целое. Русская пословица «Лес не школа, а всех учит» напоминает совет древних мудрецов: «Учись у природы». Ну как тут не вспомнить «Учись у них – у дуба, у березы...» (Афанасий Фет).

Б. Пословицы об общественных отношениях.

1. Английские пословицы об индивидуализме.

Именно в меткой и лаконичной форме пословиц наиболее отчетливо проступают особые черты национального мироощущения. и раскрываются какие-то важные черты жизнеустройства, присущего каждому народу. Индивидуализм – особая форма мировоззрения, которая подчеркивает приоритет личностных целей и интересов, свободу индивида от общества. Всё сказанное является характерным «западному» типу личности и не свойственным восточному, «коллективистскому» типу личности. Пословицы «Pull yourself up by your own

boot straps», «Do your own things», «God helps those who help themselves» и «He is only bright that shines by himself» утверждает ценность и статус самой личности. Пословица «A man's home is his castle» использует «castle» в качестве метафоры, чтобы показать исключительную важность дома как собственной территории и показывает как высоко ценится неприкосновенность частной жизни в западной культуре. Пословица «A man may well bring a horse to the water, but he cannot make him drink» требует от людей уважительного отношения к индивидуальным решениям и свободе выбора. Приведем еще несколько примеров пословиц, отражающих индивидуализм:

Every man should take his own.

Every man is a king in his own home.

He who depends on another dines ill and sups worse.

The squeaky wheel gets the grease.

Self comes first.

Индивидуализм тесно связан с поощрением состязательности и конкуренции. Стремление к соперничеству поощряется с раннего детства. Достигая совершеннолетия, молодые люди теряют поддержку родителей и становятся независимыми. Пословица «A horse never runs so fast as when he has other horses to catch up and outpace» отражает принцип соперничества. Слово «outpace» предполагает, что индивид должен превзойти остальных. «Better be envied than pitied» – еще один пример, показывающий поощрение агрессивного поведения в западной культуре; слово «envy» подразумевает, что люди должны стараться жить лучше остальных. И еще несколько пословиц:

He that looks not before, finds himself behind.

He who does not advance loses ground.

2. *Русские пословицы о коллективизме.*

Из множества определений коллективизма автору ближе всего следующее: коллективизм – это естественное стремление людей к объединению, добровольное объединение сил для их умножения. Как тут не вспомнить песню Булата Окуджавы, которая начинается словами: «Возьмемся за руки друзья, чтоб не пропасть поодиночке». Эффективная социализация неразрывно связана с осознанием того, что никто не может достичь своих жизненных целей в одиночку; любой человек нуждается в помощи и ресурсах других людей.

На протяжении многих лет до революции 1917 года Россия была чисто аграрной страной, где крестьянство составляло 77 % населения. Существовали ограничения на передвижение и смену места жительства. Аграрный стиль жизни научил крестьян ценить коллективизм, суть которого можно передать принципом: «Все в коллективе, все благодаря коллективу, ничего против коллектива». Поговорки «Один в поле не воин», «В одиночку – слабы, вместе – сильны» и «Что одному не под силу, то легко коллективу» подтверждают то, что многие человеческие дела невозможны без объединения сил. Коллективизм подразумевает главенство некоего коллектива или группы, например, общества, государства, нации или класса, над человеческой личностью. На этот счет существуют поговорки: «В каком народе живешь, того и обычая держись», «Со своим уставом в чужой монастырь не суйся». Русские пословицы и поговорки отражают нравственный принцип, противоположный индивидуализму, не терпящий себялюбия, своекорыстия и эгоизма, отдающий приоритет коллективным началам в организации общественной жизни и трудовой деятельности.

Человек не для себя родился.

Все за одного, один за всех.

Сколько голов – столько умов.

Дружно не грузно, а врозь – хоть брось.

Ручьи сольются – реки, люди соединяются – сила.

Дружный табун волков не боится.

За общим столом еда вкуснее.

Не рой другому яму – сам в нее упадешь.

В. Социальные пословицы о пространстве и времени.

В идеале человек должен с теплотой вспоминать свое прошлое, полноценно жить в настоящем и без страха смотреть в будущее. Задумывались ли вы когда-нибудь том, что мы можем жить не только настоящим, но и прошлым и будущим? Физически мы живем здесь и сейчас, но все-таки каждый из нас выбирает для себя время, в котором он предпочитает жить. Трудно ответить на вопрос, что лучше – жить одним днем, с оглядкой на прошлое или устремляя взгляд в будущее? Ответ, вероятно, где-то посередине. Однако, различные культуры расставляют свои приоритеты.

1. Английские пословицы о значимости будущего.

Для западной культуры характерен высокий уровень устремленности в будущее. Таким людям недостаточно всего того, что они имеют здесь и сейчас. Они строят планы и делают прогнозы, в речи чаще всего делают акцент на планировании будущего и мало обращаются к прошлому. Будущее – это нечто сказочно прекрасное. Будущее светло и прекрасно. Сакрализация будущего – характерная черта западного общества. Пословицы «New things are fair», «Newer is truer», «Change brings life and Variety is the spice of life» отражают веру в то, что жизнь улучшается по мере поступательного движения науки, техники, каких-то организационных изменений. Пословица «A wise man changes his mind, a fool never» подчеркивает важность перемен.

Устремление в будущее диктует определенные модели поведения. Представители западной культуры не изолируют себя от неизвестного, от повседневного риска, так как вера в будущее помогает избавиться от страха и сомнения, чтобы люди могли мечтать о большем, стремиться к высшему, уверенно идти вперед. Приведем несколько примеров:

Come what may, heaven won't fall.

Fear not the future; weep not for the past.

All is not lost that's in peril.

Nothing ventured, nothing gained.

2. Русские пословицы об отношении к прошлому.

Русская культура уважает прошлое и культивирует все, что связано с памятью о прошлом, со способностью сохранять традиции и избегать новшеств.

Чем старей, тем правей.

О будущем говорить – чертей смешить.

Бежишь вперед – поглядывай и назад.

Недолго той земле стоять, где начнут уставы ломать.

Так, старая пословица, ныне подзабытая: «Все по-новому да по-новому, а когда же будет по-доброму?» словно сконцентрировала в себе все тревоги и ожидания будущего, а потому и актуальна для современных россиян.

Несмотря на важность перемен, многие люди отвергают их. Они боятся перемен и противостоят им, потому что перемены ставят под угрозу привычные идеи и мнения.

Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Кто живет тихо – не увидит лиха.

Что ни делается – все к лучшему.

Береженого Бог бережет.

В отличие от западной культуры предусмотрительность и умеренность в стратегии поведения, как мы видим, предпочтительнее расчета на удачу.

Уважение к прошлому определяет и уважительное отношение к старшим: «Старцу пако-сти не твори». Это объясняется не только их возрастом, не только тем, что они родили этих молодых, воспитали, вложили в них огромный труд, свою душу и жизнь, но и тем, что они прошли огромный жизненный путь, обладают большим умом и мудростью, хорошо знают обычаи и традиции своего народа, являются хранителями коллективного опыта общины и рода, имеют большой опыт, связанный с земледелием и скотоводством. Русский народ всегда учился мудрости у старших что, естественно, нашло отражение в пословицах и поговорках:

Молодой работает, старый ум дает.

Старый пес не обманет.
Старый ворон не каркнет мимо.
Седина в бороду – ум в голову.
Старый конь борозды не портит.
Старого воробья на мякине не проведешь.
Старик, да лучше семерых молодых.

В заключение хотелось бы отметить, что на основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что национальная специфика и национальный менталитет ярко проявляются при сопоставлении пословиц и поговорок разных языков. Однако, учитывая ограниченное количество рассмотренных пословиц, необходимы дальнейшие исследования для получения надежных и достоверных данных.

Литература

1. Даль В. И. Пословицы русского народа. – М., 2004. – 814 с.

Исмагилова Г. Р.

Удмуртский государственный университет

КОДИФИЦИРОВАННЫЕ И ВАРИАНТНОСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМЫ *ВЛАСТЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В России две напасти:
внизу – власть тьмы,
вверху – тьма власти.
В. Гиляровский

Смысловую структуру слова, как указывает В. В. Виноградов, принято толковать «как некоторую совокупность коллективных реализаций языковой системы, принятых на определенном этапе ее развития и осознаваемых ими как правильные и образцовые» [2, 174]. Поэтому мы рассматриваем ее как устойчивую языковую норму, которую кодифицируют словари – как ее статичную сторону, так и динамичную, постоянно изменяющуюся. В статье мы попытались представить анализ данных лексикографических источников лексемы *власть*, начиная от старославянских и древнерусских толковых словарей и заканчивая анализом лексемы в ее современном состоянии.

Как указывают этимологические словари М. Фасмера и П. Я. Черных, существительное *власть*, которое первоначально звучало как *волость*, обозначало в дописьменную эпоху «власть, право сильного» [13, 157], позднее – примерно с 11 в., в связи с развитием государственного устройства (согласно словарю древнерусского языка И. И. Срезневского), – добавляются семы «государство», «страна», «область, земля, находящаяся под одной властью», еще позднее – «округ» [8, 273, 274]. Следует отметить этимологическую близость лексемы *власть* и аналогичных ей лексем в близкородственных и неродственных языках индоевропейской группы языков: *влада* в украинском, *власт* и *улада* в болгарском, *vlâst* в сербохорватском, *lâst* в словенском, *vlast* – ‘родина, отечество’ и *vlada* – ‘правительство’ в чешском, *włóć* в польском, *vâlsts* – ‘государство’ в латышском и *valsčius* – ‘волость’ в литовском языках [12, 344]. Безусловное сходство обнаруживают инфинитивы в готском *waldan* ‘управлять’ и древневерхненемецком *waltan* (совр. нем. *walten*), формы из древнеисландского *valda*, а также датского и норвежского языков *vælde*, которые объединяют семы «причинять» и «владеть». Все вышеупомянутые формы восходят к латинской форме *valeō* ‘имею силу’, которая позволила реконструировать общую индоевропейскую форму **ǵal-*d(h), где корень *ǵal* обладает семой «иметь силу, быть сильным» [13, 157].

Согласно старославянским и древнерусским словарям (по рукописям X–XI в.в.) смысловая структура лексемы *власть* обнаруживает следующие значения: 1) сила, могущество, *potestas*, *auctoritas*; 2) свобода, властность, право и возможность что-л. делать и поступать по

своей воле; 3) власть, господство, владычество, *principatum*; 4) владение, собственность; 5) область, находящаяся под одной верховной властью (княжество, удел), страна, государство; 6) *мн.* органы власти, духовные и гражданские лица, облеченные властью, начальство. Словарь русского языка (XI–XVII вв.) АН СССР (под редакцией С. Г. Бархударова) уточняет, что *власти белые* – это митрополиты, *власти черные* – архиепископы, епископы и старшие монахи в монастырях, *власти же нестрые* – духовные и светские власти [5, 221]. Множественное число лексемы *власть* в древнерусских текстах могло также обозначать «чинов небесной иерархии» [4, 446], в свою очередь, выражение *власти тьмы* (либо *темные власти*) служило обозначением нечистой силы [4, 446]. Но письменные памятники ранней поры (например, церковнославянский перевод Нового завета) содержат не только выражение *власти тьмы*, но и *власть предержажие* и *власть имущие* – о высшей власти, людях, в первую очередь, государственного значения. В составе же обращения к лицам, облеченным властью, данная лексема обозначала «Ваше Величество» [9, 118].

Результаты анализа смысловой структуры слова *власть* доказывают, что она включает в себя слова-омонимы, объединенные одним фонетическим словом, поскольку с точки зрения речи мы имеем дело не с полисемией лексемы *власть*, а с абсолютно разными семами, или компонентами смысловой структуры. Думается, что семы «сила, могущество», «иметь право распоряжаться, применять собственную силу», «владение, владычество, владычествовать», «власть, страна» и «органы власти» явно не обнаруживают родственных связей между собой. Нам остается быть благодарными составителям словарей (И. И. Срезневскому, М. Фасмеру, П. Я. Черных, С. Г. Бархударову, Р. И. Аванесову, Р. М. Цейтлин) за то, что они зафиксировали в своих словарных статьях все семы, объединенные под гнездом *власть*. Действительно, задачей лексикографа является лишь зафиксировать значения какой-л. лексемы, не устанавливая между ними родственных, близкородственных, либо неродственных отношений и не пускаясь в теоретические рассуждения по поводу компонентов смысловой структуры слова, проблемам которой посвящены труды В. В. Виноградова и В. М. Маркова. Вспомнив широко распространенное суждение *знание – сила*, попытаемся превратить его в трансформ **знание – власть*, поскольку в смысловой структуре лексемы *власть* есть компонент *сила* (фонетический омоним слова *власть*). Однако, если суждение *знание – сила* говорит о том, что человек, вооруженный знаниями, силен в самых неожиданных ситуациях (он может спокойно и легко ориентироваться в трудных ситуациях, силой знания может преодолевать любые трудности и покорять волю людей), то трансформ **знание – власть* не может существовать в речи и являться речевой нормой, так как действительность доказывает обратное: далеко не обязательно владеть знаниями, чтобы иметь власть.

С историей народа развивалась и история слова. В связи с сложившимся к середине 16 в. кризисом власти (после времени правления Золотой Орды) происходит событие огромного значения для судеб российского государства: царь Иван Грозный разгоняет бояр, устраняя их разновластие, принимает царский титул, который обозначал обладание всем объемом власти и суверенитета, и устанавливает тем самым *единовластие*. Иван Грозный уже давно был охвачен идеей об исключительности его власти – власти царя – и ее божественном происхождении. Как отмечает историк В. О. Ключевский, он живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника Божия, призванного образовать *единое государство*. В результате он становится самодержцем (*держит власть сам*), властелином, присвоившим себе право самолично распоряжаться властью и заложившим первый краеугольный камень в создании единого государства с сильной централизованной властью. С этих пор форма единственного числа лексемы *власть* надолго вытесняет форму множественного числа, поскольку проявление любой власти в самодержавной России неизменно обозначало *единовластие*, что явилось дифференциальным признаком духовного состояния русского народа, обозначающего и мир, и порядок.

Эволюция лексемы *власть* в современном русском языке обнаруживает существенные изменения в развитии языковой нормы. Времена свержения самодержавия и последующего торжества Советской власти, безусловно, не прошли для нашей страны бесследно: Современные

словари [10, 1, 6, 11] обнаруживают и кодифицируют следующие семы: 1) *только ед.* форма управления страной, государственный строй, например: *Советская власть*; 2) *только ед.* политическое господство, права и полномочия правительства, органов государственного управления, например, *законодательная власть*, а также административные права и полномочия должностных лиц; 3) *мн. власти* – органы государственного и местного управления, их права и полномочия, должностные лица, начальство, администрация, – одним словом, лица, облеченные властью; 4) *только ед.* право и возможность повелевать, управлять, распоряжаться действиями, поведением кого-л., подчинять своей воле, например, *родительская власть*; 5) *только ед.* – могущество, господство, сила, могущественное влияние, даже принудительная сила, например, *власть денег, золота, слова*. Поскольку власть как *единовластие* утратила свое значение в наше время, то происходит бурное вытеснение формы единственного числа формой множественного. (К примеру, в «Толковом словаре живого великого русского языка» В. И. Даля еще нет употребления лексемы *власть* во множественном числе [3, 217]). Частое и в большинстве случаев неправомерное употребление лексемы *власть* во множественном числе десемантизировало само значение власти как формы государственного управления. Языковая норма нашего времени свидетельствует о том, что сема «власть, принадлежащая одному лицу» становится малоупотребительной, и торжествует форма множественного числа, репрезентирующая как процесс ослабления централизованной власти, так и некое многовластие. Неуместное и частое употребление выражения «власть предрежащие» как в прессе, так и по радио и телевидению свидетельствует о непонимании того, что оно относится только к людям государственного значения, несклоняющееся же в данном словосочетании слово *власть* склоняется повсеместно, что имеет место даже в лексикографических источниках: *властей предрежащих, властям предрежащим* [7, 94; 10, 810; 11, 212]. Задача филолога состоит в том, чтобы оберегать норму современного русского языка и не допускать употребления вариантов, находящихся за границами нормы, поскольку в данном случае склоняется лишь постпозитивное определение.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Виноградов В. В. Современный русский язык. – М.: Учпедгиз, 1938. – 159 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А – З / В. И. Даль. – М.: Рус. яз., 1998. – 699 с.
4. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. Т. 1: А – В / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. – М.: Рус. яз., 1998. – Т. 1. – 526 с.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 (В – Вологда) / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. С. Г. Бархударова. – М.: Наука, 1975. – 374 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1: А – Й / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1985. – 696 с.
7. Солганик Г. Я. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения. – М.: АСТ: Астрель, 2004. – 749 с.
8. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. Т.1. Ч. 1: А – Д / И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. – М.: Книга, 1989. – 806 с.
9. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вегерки и Э. Благовой. – М.: Рус. яз., 1994. – 842 с.
10. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1: А – Кюрины / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935. – 1562 с.
11. Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковой. – М.: Эксмо, 2006. – 1136 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1: А – Д / М. Фасмер / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М.: АСТ: Астрель, 2004. – 588 с.
13. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. 1: А – П – М.: Рус. яз.: Медиа: Дрофа, 2009. – Т. 1. – 621 с.

**К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ
ДОМ И КУЋА В РУССКОЙ И СЕРБСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ**

В русле антропоцентрической парадигмы, утвердившейся в современной лингвистической науке и ряде смежных дисциплин (социолингвистика, психолингвистика), а также в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии осуществляется изучение универсальных и этноспецифических характеристик отдельных национально-культурных сообществ через посредство языка, проблем концептуализации мира в языковых картинах мира, особенностей вербализации отдельных концептов.

В данной статье ставится задача исследования концептов *дом* и *кућа* в русской и сербской лингвокультурах на основе изучения обыденного сознания русских и сербов, отраженного в текстах пословиц и поговорок. Критерием отбора паремий для анализа является наличие в них имен концептов *дом* / *кућа*. По нашим данным, анализ русских и сербских паремий с указанными компонентами в рамках сопоставительной лингвокультурологии предпринимается впервые.

Следует, однако, отметить, что изучаемый концепт являлся объектом анализа исследователей на материале русского языка [2, 3] и др., а также в сопоставительном аспекте [6, 7] и др.

Большинство исследуемых паремий отобрано из сборников «Пословицы русского народа» В. И. Даля [4] и «Српске народне пословице» В. С. Караджича [9], вышедших в свет соответственно в 1861–62 и 1836 годах. Корпус пословиц в данных трудах отражает языковую ситуацию первой половины XIX в. и, по преимуществу, мировосприятие сельской общины, зафиксированное в паремиях.

1. Исследуемые концепты широко представлены в русском и сербском паремиологическом фонде. Нами было выявлено приблизительно равное количество паремиологических единиц, 63 русских и 60 сербских, которые мы классифицируем по выделяемым в них значениям имен концептов и по семантическим группам.

2. Ценностная составляющая концептов прослеживается в следующих универсальных ценностных установках, характерных для обеих изучаемых лингвокультур. Дом относится к числу наивысших ценностей, дома лучше всего: *Дома и солома едома*; *Дома и стены помогают*; *Свагде је добро, али код куће је најбоље* (везде хорошо, а дома лучше всего); *Свуда поћи, кући доћи* (всюду пойти, домой прийти); *Где је чија кућа ту је и средина света* (Где чей дом, там и центр мира); в ряде примеров данная идея конкретизируется: *Домашњи теленок лучше заморской коровы*; *Домашња копейка лучше заезжего рубля*; *Најбољи пазар на својој кући* (Лучшая торговля у себя дома; пояснение: когда не нужно никуда носить товар, а покупатель приходит на дом). Та же идея «дома лучше всего» реализуется в оппозициях, где *дом* противопоставляется и предпочитается пространству вне дома: *Дома и солома едома, а в гостях и овёс не едят*; *Дома все споро, а вчуже житье хуже*; *Дома – как хочу, а в людях – как велят*; *Дома пан, а в людях болван*. К данной семантической группе примыкают сербские паремии, отражающие ценностные установки «хорошо иметь дом, плохо не иметь дома»: *Виси као капља о листу. Нпр. ко нема ни куће ни кућишта* (Висит, как капля на листе – про того, у кого нет ни кола, ни двора); *Кућа му је на батини* (У него дом на палке – т.е. в суме, про нищего), и «дом – святыня, в которую не смеет входить зло»: *Нијесам рад ни да га у врећи кроз моју кућу пронесу. Рече се за рђава чоека* (Я не хотел бы, даже чтобы его в мешке через мой дом пронесли. Говорится о плохом человеке); *Погледај му на обућу, па га пуштај у кућу* (Посмотри на его обувь и только потом пусти в дом).

3. В русской пословице *дом* является отражением внутреннего, психического состояния человека: *Каково на дому, таково и самому*; в сербской – отражением морального облика человека: *Каква вам је кућа, такав вам је образ и душа*; здесь имя концепта *кућа*

выступает во взаимосвязи с именами столь же значимых концептов *образ* (честь, достоинство, доброе имя) и *душа*.

4. Для русского паремиологического фонда характерен лингвокогнитивный принцип контраста [1], активно реализуемый и в пословицах с компонентом *дом*. В ряде примеров концепт *дом* осмысливается путем противопоставления и входит в состав смысловых оппозиций. Наиболее частотна оппозиция «дома vs. в гостях»: *В гостях хорошо, а дома лучше; Дома вприкуску, а в гостях внакладку; Дома – не в гостях: посидев, не уйдешь; Дома не сидится, а в гости не зовут; Дома щи без круп, а в гостях шапка в рубль; Не для того в гости едут, что дома нечего обедать; Поди в гости смело, коли дома нет дела; Домашний гость не осудит; Милому гостю домой пора*. Среди сербских паремий аналогов не выявлено. Интересно, что при всей значимости концепта *гостопримство* для сербской культуры связь концептов *кућа* и *гостопримство* в сербском пословичном фонде практически не выражена эксплицитно: русскому в гостях хорошо, дома лучше соответствует серб. *свагде је добро, али код куће је најбоље* (везде хорошо, а дома лучше всего); *свуда поћи, кући доћи* (всюду пойти, домой прийти).

5. В ряде примеров концепт *дом* осмысливается через сравнение. В русских паремиях для передачи значения изобилия и достатка в доме используется сравнение с чашей (*Дом – полная чаша*); через сравнение с ямой реализуется значение заброшенного дома (*Дом без призора – яма*) и невозможности полностью удовлетворить все потребности семьи и хозяйства (*Дом – яма: никогда не наполнишь; Дом – яма: хозяин, стой прямо*); два облика дома противопоставлены в пословице *Дом с детьми – базар, без детей – могила*; сравнение-олицетворение употреблено в пословице *Без хозяина дом – сирота*. В сербских паремиях *Кућни је праг највећа планина; Кућни праг је највећи брег који ваља прећи* (Порог дома – самая высокая гора / самый высокий холм, который нужно перейти) через сравнение порога и горы выражена идея привязанности к родному дому, оторваться от которого так же трудно, как и преодолеть высочайшую гору.

6. Противопоставление «свой дом vs. чужой дом» присутствует в паремиях обеих изучаемых лингвокультур, но реализуется несколько по-разному. В современном пространстве русской культуры достаточно употребительна заимствованная из английского языка пословица *Мой дом – моя крепость*. В сербском паремиологическом фонде ценность собственного жилища подчеркивается в примерах: *Своја кућица – своја слободица* (Свой домик – своя свободоушка), *Срећан је онај који седи у својој кући* (счастлив тот, кто сидит у себя дома); *Ако је и колиба, наша је* (Хоть и хижина, но наша), *И животиње се својој кући радују* (И животные радуются своему дому). Русские пословицы *Свой дом – не чужой: из него не уйдешь; В чужом доме – не хозяин; В чужом доме не указывают; В чужом доме не будь приметлив, а будь приветлив* преимущественно содержат нормы поведения в повседневной жизни. Сербская пословица *Тешко је туђу кућу служити, ал' још теже своју стећи* (Трудно в чужом доме служить, но еще труднее свой нажить) ставит вопрос о мере труда и ответственности в приобретении собственного дома, а в поговорке *Туђу кућу диже, а своју обара* (Чужой дом воздвигает, а свой разрушает) имя концепта является средством для выражения переносного смысла – решения чужих проблем в ущерб своим интересам.

7. В обеих лингвокультурах ряд пословиц посвящен значимой теме «ведение домашнего хозяйства», в них подчеркивается необходимость постоянного упорного труда: *Дом дело найдет; Дом невелик, да стоятъ (сидеться) не велит; Кто умеет домом жить, тот не ходит ворожить; Домом жить – обо всем тужить; Раноранилац и доцнолегалац кућу тече* (Кто поздно ложится и рано встает, тот дом ведет); *Трпеж и крпеж кућу држе* (букв. Терпением и починкой дом держится). В сербских пословицах выделяется негативно коннотированный образ пустого (заброшенного, неухоженного) дома, «каким дом не должен быть»: *Празна кућа као вилина пећина* (Пустой дом – как пещера горной феи); *Из празне куће и миши бјеже* (Из пустого дома и мыши бегут); *Добра жена и празну кућу чини да је пуна* (Хорошая жена и пустой дом делает полным). Концепты *дом* и *кућа* выступают во взаимосвязи с парными концептами *хозяин / хозяйка* и *домаћин / домаћица* (хотя в сербских

пословицах значение «хозяйка дома» выражено словом *жена*). Следующие паремии выражают идею хозяйской власти: Хозяин в дому – что Адам (Авраам) в раю, Хозяин в дому – что медведь в бору, *Сваки једомаћин дому владица; Нема господства ће му га кућа не даје*; созидательной и благотворной роли хозяина и хозяйки дома: *Дом красится хозяином; Не дом хозяина красит, а хозяин дом; Хозяюшка в дому как оладейка в меду; Всякий дом хозяином держится; Хозяйкой дом стоит; Не стоји кућа на земљи, него на жени, На жени кућа почива* (Дом стоит [не на земле, а] на женщине); *Жена је стожер куће* (Женщина – ось дома), зависимости дома от хозяина/хозяйки: *Без хозяина дом – сирота; Хозяин добр – и дом хорош, хозяин худ – и в доме тож; Без хозяина двор, а без хозяйки изба плачет, Ђе није жене онђе није ни куће* (Где нет женщины, там нет и дома).

В ряде русских паремий с компонентом «дом» ведение домашнего хозяйства осмысливается как важное и непростое дело через отрицание идентификации его с каким-либо легким или бесполезным действием: *Дом вести – не бородой (рукавом, возжсами) трясти; Дом вести – не лапти плести; Домом жить – не разиня рот (не развеса уши) ходить*, посредством приема дезидентификации (по Т. Г. Бочиной) [1].

8. Тема строительства дома эпизодически отражена в русской пословице, где через излюбленный прием контраста подчеркивается значимость, трудоемкость и длительность этой работы (Дом построить – не шапку на голову надеть). В сербских паремиях данная тема разработана более подробно: *Договор кућу гради* (букв. Договор дом строит), *Ко земљу жели и кућу гради тај се весели* (Кто землю любит и дом строит, тот радуется), *Паметан домаћин полако кућу гради, али брзо заврши* (Умный хозяин медленно дом строит, но быстро достраивает). В некоторых выражена предпочтительность покупки готового дома, возможно, по той же причине трудоемкости: *Кућу не зидај већ купуј од наследника* (Дом не строй, а покупай у наследника); *Људи кућу зидају, а мудри готове купују* (Неразумные дом строят, а мудрые готовый покупают).

По нашим наблюдениям, в сербских паремиях чаще, чем в русских, имя концепта является средством для выражения некоего переносного смысла. Помимо прокомментированной выше пословицы *Тућу кућу диже, а своју обара*, приведем примеры *Кад кућа гори, баремда се чоек огрије* (Когда дом горит, хотя бы погреться можно – т. е. когда человек терпит ущерб, возможно, кто-то другой сумеет извлечь из сложившейся ситуации пользу); *То двије куће гради!* (Это два дома строит! – о каком-либо разделении, расхождении целей, интересов ит.п., подобно тому как члены семьи разъезжаются и каждый строит себе собственный дом); *Ако комшијска кућа гори, пази на своју* (Если соседский дом горит, береги свой – т. е. берегись беды, уже постигшей окружающих), *Свак испред своје куће нека мете* (Пусть каждый метёт перед своим домом – т. е. пусть каждый занимается своим делом). Так же и пословица *Договор кућу гради* выражает идею значимости договора и выполнения взятых на себя обязательств в любом деле, а не только при строительстве дома.

В большинстве русских и сербских паремий имя концепта дому потребляется в значениях «жилое помещение, родное жилище, домашнее хозяйство», например, рус. *Держись друга старого, а дома нового; Дом пахнет дымом, а гроб ладаном; И тесен дом, да просторен он* и др., серб. *Што вода понесе, у кућу не донесе* (Что вода унесет, в дом не принесет); *Договор кућу гради* (Договор дом строит); *Корат жели, код куће га имао!* (Кто хочет войны, пусть у того она дома будет!) и др. Значение «семья, домочадцы» употреблено в русских пословицах *В дому разлад – и дому не рад; Дом дому не указывает* и в следующих сербских примерах: *Тешко кући на младој старјешини* (Тяжко дому на молодом старейшине – о ситуации, когда некому возглавить семью, кроме молодого неопытного человека); *Тешко дому у ком слоге нема* (Трудно дому, в котором нет согласия), здесь *дом* является синонимом имени концепта *кућа*; *Нема куће без махните главе* (Нет дома без сумасшедшей головы); *У којој кући муж жену бије, ту среће није* (В котором доме муж жену бьет, там счастья нет).

Пословицы и поговорки крайне редко являются абсолютными эквивалентами, если иметь в виду и смысловую тождественность, и тождественность средств образного выражения этого смысла [5]. В корпусе примеров имеются пары пословиц с общим смыслом,

где в одной из сопоставляемых единиц значение выражено без использования имени концепта *дом*: *Нема куће без махните главе– В семье не без урода* (букв. Нет дома без сумасшедшей головы); *Кодо двадесет година не зна, а до тридесет нема, тешко кући која гаима – Кто в двадцать лет не здоров, в тридцать не умен, в сорок небогат, тому век таким не бывать* (букв. Кто до двадцати лет не знает, а до тридцати не имеет, трудно дому, к которому он принадлежит); *Кад кућа гори, барем да се чоек огрије– Нет худа без добра* (букв. Когда дом горит, хотя бы погреться можно), *Купуј прво комишју на онда кућу – Добрый сосед как хлеба сусек* (букв. Сначала покупай соседа, а потом дом). В паремии *Паметан домаћин полако кућу гради, али брзо заврши* (букв. Умный хозяин медленно дом строит, но быстро достраивает) носители русской лингвокультуры узнают пословицу *Русский медленно запрягает, но быстро едет*. Частично эквивалентны по смыслу пословицы *В каждой избушке свои погремушки* и *У свакој кући има дима* (В каждом доме есть дым), *В людях – ангел, не жена, дома с мужем – сатана* и *На путу ружица, а код куће тужица* (В людях розочка, а дома печальница), *Что в поле родится, все в доме пригодится* и *Што у кући ваља, ни у цркву се не даје* (Что в доме пригодится, то даже в церковь не отдают). Однако значительная часть исследуемых паремий в сопоставляемых языках не имеет эквивалентов. Некоторые безэквивалентные паремии обладают ярко выраженной культурной спецификой, в частности, шутливая поговорка *Ако би кућа била добра, и вук би је имао* (Если бы дом был хорош, и волк бы свой дом имел), употребляемая хозяевами дома в ответ на слова гостя «мне пора домой»; традиционное праздничное приветствие *Божја кућа и ваша!* (Божий дом и ваш!) и клятвы *Тако ми се кућа не ископала* (Чтоб мой род не прекратился); *Тако своје куће не видио* (Чтоб тебе своего дома не видать).

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ русских и сербских паремий, относящихся к интерпретационному полю концептов *дом* и *кућа* выявил сходства и различия в изучаемых лингвокультурах. В результате исследования выяснилось, что, несмотря на родство и общность языков и культур, число выявленных русско-сербских эквивалентов среди пословиц, имеющих отношение к дому, минимально, и в целом в репрезентации концепта *дом* и *кућа* в паремиологии различия превалируют над сходствами.

Литература

1. Бочина Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2003. – 50 с.
2. Валеева Д. Р. Репрезентация концепта «дом» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2010. – 20 с.
3. Глозман Б. Г. Лингвокультурный аспект изучения фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «дом» в русском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Ижевск, 2010. – 17 с.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа. – СПб.: Авалон: Азбука-классика, 2007. – 304 с.
5. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
6. Ли Ли. Фразеология в русской языковой картине мира на примере концепта «дом» с позиции носителя китайского языка и культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 20 с.
7. Мерзлякова А. Х. Культурные концепты: сопоставительный анализ: монография / А. Х. Мерзлякова, Е. Н. Руденко, А. А. Кожина, Ю. В. Железнова, Н. В. Ивашина. – Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2010. – 302 с.
8. Русские пословицы и поговорки / под ред. В. Аникина; предисл. В. Аникина; сост. Ф. Селиванов; Б. Кирдан; В. Аникин. – М.: Худож. лит., 1988. – 431 с.
9. Српске народне пословице / [сакупио] Вук Стефановић Караџић. – Београд: Отворена књига, 2009. – 256 с.

КОННОТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦ (приметы и суеверия о днях недели)

С того самого момента, когда один из далеких предков современного человека впервые осознал себя, он осознал и свое будущее, пугающее своей неопределенностью и непредсказуемостью. И попытался найти способ, чтобы заглянуть в него. Мифологическое мировоззрение первобытных людей характеризовалось синкретичностью и нечувствительностью к противоречиям: на основе повторяющихся, а иногда и единичных наблюдений, устанавливались порой парадоксальные причинно-следственные связи, призванные, тем не менее, снизить неопределенность будущего. Так зарождались мифы, появлялись приметы и верования. В наше время, как и сотни веков назад, разнообразным знакам, способным пролить свет на то, что нас ожидает, уделяется значительное внимание. Широко распространены приметы и гадания, толкования сновидений, амулеты и обереги, направленные на то, чтобы устранить эффект негативных предзнаменований. И если раньше правильная интерпретация таких знаков была уделом лишь особой группы лиц – предсказателей, которые, как считалось, были связаны с божественными силами, то с течением времени многие приметы стали частью нашей повседневной жизни. В итоге, некоторые из нас абсолютно уверены, что черных кошек нужно любой ценой избегать, кто-то некомфортно чувствует себя в пятницу, приходящуюся на тринадцатое число, а кто-то просто стучит по дереву и плюет через левое плечо. О таких людях говорят, что они суеверны [3; 5; 6]. Осознание особенностей мифологического мышления представителей различных этнических и языковых групп может способствовать более успешной межкультурной коммуникации.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даль называет суеверием (от древнеславянского слова «всуе» – «зря», «напрасно») пустую, ложную веру в чудесное, сверхъестественное, в гадания и приметы [1]. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова можно прочесть, что суеверие – это «религиозный предрассудок, представляющий явления и события в жизни проявлением чудесных сверхъестественных сил и предзнаменованием будущего» [4]. Английское слово «superstition» появилось в конце XIV в. Оно произошло от латинского корня «superstitio» и означает «убеждение, основанное не на реальных фактах, а на старинных поверьях об удаче, волшебстве и т. п.» [7].

Многие суеверия находят свое отражение в народном фольклоре – пословицах, поговорках, прибаутках, выражающих обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт народа, связанный с его языковыми традициями. В фольклоре, таким образом, отражается своеобразный «неписанный» свод законов и правил, регламентирующий поведение людей и позволяющий носителю языка обобщать и усваивать групповой опыт и установки, характерные для данной лингвокультурной общности. В этом смысле о пословицах и поговорках говорят как об источнике культурной компетенции, так как они не только воспроизводят, но и формируют черты культурно-национального миропонимания. Сопоставление форм языкового выражения суеверий на примере фольклора разных стран позволяет изучать сходства и различия культур на лингвистическом и психологическом уровне. Суеверия и приметы охватывают все сферы человеческой жизнедеятельности: от бытовых взаимоотношений до уровня природы. В разных странах существуют разные приметы в зависимости от условий жизни, занятий, верований. Однако суеверия, связанные с днями недели, можно обнаружить практически во всех мировых культурах. Целью данного исследования является определение коннотативной окраски русских и англоязычных пословиц и поговорок, основанных на подобных суевериях. В качестве материала были использованы широко известные сборники русских пословиц и поговорок, а также словари британских и американских суеверий (см. Список источников иллюстративных примеров).

Приступая к рассмотрению обозначенного вопроса, нельзя не упомянуть, что существует две традиции именования дней недели. Первая – по названиям планет, вторая – по их порядковыми номерами. Известно, что семидневная неделя была введена в 321 г. в римской империи первым христианским императором Константином. Он же назначил воскресенье (день Солнца) первым днем. В соответствии с христианством – это был день отдыха и соблюдения культа. Все остальные дни недели получили названия других планет, которые ранее были названы в честь римских богов. Эти названия прослеживаются в календарях стран, наследовавших латинскую культуру (французский, немецкий, английский и европейские календари). При этом в английском языке названия планет сохранились только для *Saturday* (день Сатурна), *Sunday* (день Солнца), и *Monday* (день Луны). Оставшиеся четыре дня были названы именами англосаксонских божеств, соответствующих римским, давших названия планетам: *Tuesday* – Tīw или Tiu (бог войны, сын Одина), *Wednesday* – Woden (Один), *Thursday* – Thor (бог грома), *Friday* – Freya (жена Одина, богиня плодородия). Имеет распространение и другая традиция – обозначение дней недели их порядковыми номерами. Согласно Ветхому завету бог создал мир за 6 дней и отдыхал на седьмой день. Например, в иудаизме дни недели нумеровались цифрами, а суббота стала днем отдыха. Та же самая тенденция прослеживается и в восточнославянских языках, в частности, в русском, с одним отличием, что день отдыха – это воскресенье. Так, *вторник* – это второй день, *среда* – середина недели (изначально отсчет велся с воскресенья, как и в англоязычной традиции), *четверг* и *пятница* – соответственно, четвертый и пятый дни.

Как в англоязычном, так и в русском фольклоре присутствуют пословицы и поговорки, содержащие суеверия, связанные с днями недели. На первом этапе нашего исследования был отобран лингвистический материал: 110 суеверий, связанных с днями недели, представленных в английском и американском фольклоре и 70 – в русском. Следует отметить, что в английском фольклоре таких суеверий гораздо больше (нами было обнаружено более 200), в то время как подбор соизмеримого по объему русскоязычного материала вызвал у нас определенные затруднения. В связи с этим выборка англоязычных суеверий была уменьшена, пропорционально изначальному количеству для каждого дня недели. В итоге у нас осталось по 10 примеров суеверий, связанных с *Tuesday*, *Wednesday*, *Thursday*; и по 20 – для остальных дней недели [2]. На втором этапе был осуществлен лексико-семантический анализ с целью определения коннотации (отрицательной, положительной либо нейтральной окраски) каждой из выделенных групп пословиц в обоих языках. Говоря об отрицательной коннотации, мы подразумеваем, что в пословице содержится предупреждение о негативных последствиях чего-либо, запрет; положительная коннотация подразумевает предсказание удачи, рекомендацию делать что-либо, а нейтральная – это просто констатация факта, последствия действия / не действия не трактуются как однозначно положительные или отрицательные.

Результаты осуществленного анализа представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Сопоставление англоязычных и русских пословиц, содержащих суеверия о днях недели

Кол-во суеверий	Всего	Положительные	Отрицательные	Нейтральные
Англ. фольклор	110	44 (40 %)	61 (56 %)	5 (4 %)
Русск. фольклор	70	22 (31 %)	44 (63 %)	4 (6 %)

Рассмотрим приметы, связанные с каждым из дней недели более подробно (Таблицы 2–8).

Таблица 2. Приметы о понедельнике

Язык	Приметы	Положительные	Отрицательные	Нейтральные
Англий-ский	Количест-во	7 (35 %)	10 (50 %)	3 (15 %)
	Пример	If you can keep money you make on Monday, it will increase during the week.	Your whole week will be unlucky if you eat in a strange house on Monday	A letter on Monday means that you will receive two more letters that week.
Русский	Количест-во	3 (30 %)	5 (50 %)	2 (20 %)
	Пример	В понедельник чих-нешь – подарок на неделе.	Понедельник – чер-ный день, и ничему почину не делают, в дорогу не выезжают.	Если в понедельник будут гости, то и всю неделю будут гости.

Таблица 3. Приметы о вторник

Язык	Приметы	Положительные	Отрицательные	Нейтральные
Англий-ский	Количест-во	8 (80%)	2 (20%)	0
	Пример	Finding the first flower of the season on Tues-day means greatest attempts will be successful.	It is considered un-lucky if the first person you meet on a Tuesday is left-handed.	-
Русский	Количест-во	5 (50 %)	5 (50 %)	0
	Пример	В дорогу отъезжай во вторник либо в суб-боту.	Во вторник курица яйца не несет, девка замуж не идет.	-

Таблица 4. Приметы о среде

Язык	Приметы	Положительные	Отрицательные	Нейтральные
Англий-ский	Количест-во	10 (100 %)	0	0
	Пример	Wednesday's child is merry and glad.	-	-
Русский	Количест-во	1 (10 %)	8 (80 %)	1 (10 %)
	Пример	Среда – хороший день для начала поле-вых работ.	Что бог ни даст, а в среду не прясть.	Посадить наседку на яйца в среду – будет больше петушков.

Таблица 5. Приметы о четверге

Язык	Приметы	Положительные	Отрицательные	Нейтральные
Англий-ский	Количест-во	5 (50 %)	5 (50 %)	0
	Пример	On Thursday, the sound of thunder is an indication of a good, abundant harvest.	It is unlucky to spin yarn on this day.	-
Русский	Количест-во	6 (60 %)	4 (40 %)	0
	Пример	Кто в четверг до вос-хода солнца умоется с серебра и с яйца, здо-ров и чист будет.	Нельзя в четверг садить ничего, так как черви съедят.	-

Таблица 6. Приметы о пятнице

Язык	Приметы	Положительные	Отрицательные	Нейтральные
Английский	Количество	4 (20 %)	16 (80 %)	0
	Пример	Friday nosebleed is lucky.	It causes bad luck to sweep dirt out of the house on Friday, for the house will burn later.	-
Русский	Количество	1 (10 %)	9 (90 %)	0
	Пример	Желающая поскорее выйти замуж девушка обязательно должна поститься во все пятницы.	Кто в пятницу дело начинает, у того оно будет пятиться.	-

Таблица 7. Приметы о субботе

Язык	Приметы	Положительные	Отрицательные	Нейтральные
Английский	Количество	5 (25 %)	13 (65 %)	2 (10 %)
	Пример	Sneeze on this day and your lover will soon visit.	Move on Saturday and you will "break up" housekeeping before the year is gone	A rainbow sighted on Saturday means it will rain all the next week.
Русский	Количество	5 (50 %)	4 (40 %)	1 (10 %)
	Пример	В субботу можно зажинать: более легкая жатва будет.	Не вяжите веников в субботу – в хозяйстве будут убытки	Начав делать что-нибудь в субботу, будь в субботу, будь дальше продолжать это дело лишь по субботам.

Таблица 7. Приметы о воскресенье

Язык	Приметы	Положительные	Отрицательные	Нейтральные
Английский	Количество	5 (25 %)	15 (75 %)	0
	Пример	The best day to be born on is Sunday.	If you work on Sunday, you will be sick on Monday	-
Русский	Количество	1 (10 %)	9 (90 %)	0
	Пример	Воскресенье – хороший день для любых начинаний: сева, жатвы и т. д.	В воскресенье нельзя спозаранку есть – придется все съеденное переплакать.	-

Итак, как видно из приведенного лингвистического материала, в обеих культурах преобладают отрицательные приметы и суеверия, которые призваны предупредить человека об опасностях, неудачах, болезнях и т. п. Носители английского и русского языка практически одинаково воспринимают понедельник, четверг, пятницу и воскресенье. При этом понедельник – тяжелый день, в который не следует начинать новых дел и осуществлять определенные виды деятельности. Четверг – день неплохой, запреты и дурные предзнаменования сочетаются с благоприятными знаками. Пятница – крайне неудачный день и для англичан с американцами, и для русских (при том, что мы вообще не рассматривали приметы, связанные с «пятницей 13»). Воскресенье в обеих культурах – это день отдыха, поэтому большая часть отрицательных суеверий представлена в форме запретов на работу. Помимо сходств нами были обнаружены различия в восприятии таких дней как вторник,

среда и суббота. Вторник в англоязычном фольклоре – более удачный день, нежели чем в русском, где количество отрицательных и положительных примет совпадает. Среда является позитивным днем в англоязычных суевериях, а вот в русском фольклоре преобладают отрицательные приметы. Суббота – наоборот более удачный день с точки зрения русских, в то время как в англоязычных суевериях доминируют негативные предзнаменования.

Таким образом, в англоязычном и русском фольклоре имеются как сходства, так и различия в количестве и соотношении положительно, отрицательно и нейтрально окрашенных пословиц, содержащих приметы и суеверия, связанные с конкретными днями недели.

Литература

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1978.
2. *Кожеевникова О. В., Шутова Т. С.* Специфика коннотативной окраски пословиц, содержащих приметы и суеверия о днях недели, в англоязычном и русском фольклоре // Человек в мире культуры: культура повседневности: материалы всерос. науч. конф. молодых ученых. – Екатеринбург: УрФУ, 2011. – С. 155–158.
3. *Райан В. Ф.* Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 720 с.
4. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»: ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.
5. *Шахнович М. И.* Приметы верные и суеверные: Атеистические очерки народного знания и бытового суеверия. – Л.: Лениздат, 1984. – 190 с.
6. Энциклопедия суеверий / сост. Э. Рэдфорд и др.; пер. с англ. Д. Гайдук. – М.: ООО «Издательство Астрель»: МИФ: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 560 с.
7. Longman Dictionary of Contemporary English / Словарь современного английского языка: в 2-х т. – М.: Рус. яз., 1992. – Т. 2. М – Z. – 1229 с.

Источники иллюстративных примеров

Англоязычный фольклор

1. *Thomas D.L., Thomas L.B.* Kentucky Superstitions. – BiblioLife, LLC; 2009. – 344 p.
2. *Radford E., Radford M.A.* Encyclopedia of Superstitions 1949. – Kessinger Publishing, LLC, 2004. – 268 p.
3. *Superstitions: 10,000 You Really Need / Ed. W. Carroll.* – Coda Publications, 1998. – 603 p.
4. *Webster R.* The Encyclopedia of Superstitions. – Llewellyn, 2008. – 336 p.

Русскоязычный фольклор

5. *Даль В. И.* О поверьях, суеверьях и предрассудках русского народа. – М.: Директмедиа, 2008. – 145 с.
6. *Кульматов В. Д., Кульматова Т. В.* Русские народные приметы и поверья. – М.: ООО Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 208 с.
7. *Степкина О. В.* Месяцеслов. Традиции, обычаи, приметы и советы на каждый день. – М.: Рипол Классик, 2007. – 768 с.
8. *Толстая С. М.* Дни недели в народной магии // Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. – М.: URSS, 2010. – 368 с.

Крючкова Е. И.

Харбинский педагогический университет, КНР

ОБ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Изучение ономастики как науки началось в Китае в 80-х гг. прошлого века и в настоящее время привлекает все большее внимание лингвистов. Ономастические исследования затрагивают следующие направления: классификация онимов, лингвистические особенности онимов, исследование онимов с точки зрения когнитивистики, культурологии и психологии [1, 249–250].

Способов исследования ономастической лексики немало, среди них самым распространенным является классификация онимов по различным критериям. В настоящее время в научных ономастических кругах выделяют следующие группы онимов:

1. Хоронимы (Ши Фу, 1988 (石夫), Чжан Ин, 2008 (张颖), Гэ Цзяньсюн, 2010 (葛剑雄);
2. Антропонимы (Сяо Яотянь, 2007 (萧遥天), Фу Юаньюань, 2011 (付元元);
3. Астионимы (Лю Янь, 1988 (刘言), Лю Бо, 2010 (刘波);
4. Оронимы (Сунь Дэбин, 1996 (孙德兵);
5. Теонимы (Ван Яни, 2008 (王亚妮), Ян Цзяньцзюнь, 2012 (杨建军);
6. Названия городских строений (Дэн Сяньхуан, 1997 (邓显皇), Инь Минмин, 2000 (尹明明), Лю Чжанфэй 2000 (刘长飞);
7. Названия стран (Го Сюйдун, 2011 (郭旭东);
8. Геонимы (Юн Шаонин, 1997 (雍召宁), Дун Юйнин, 2008 (董育宁), Ван Хань'ин, 2011 (王翰纘), Ли Жань, 2011 (李然);
9. Названия жилых комплексов (Цюй Чао, 2011 (曲超);
10. Эргонимы (Чэнь Цзин, 2010 (陈静) и др.

Среди перечисленных групп онимов, в китайской лингвистике наиболее изученными являются хоронимы и антропонимы. Остальные группы онимов изучены недостаточно, их исследование находится на начальном этапе.

Онимы принадлежат к стабильной, малоизменяемой части словарного состава языка (属于固定词汇系统), со стабильной структурой (其结构具有一定的凝固性). Исследователи-ономасты пришли к выводу, что онимы, а в частности их произношение, грамматика, лексическое значение и прагматика (语用), обладают специфическими лингвистическими особенностями. Рассмотрим далее, с каких точек зрения изучалась ономастическая лексика китайскими исследователями.

Звуковые особенности ономастической лексики.

В большинстве случаев изучение звуковых особенностей онимов является неотъемлемой частью исследования. Так, Чжоу Хуэйцзе (周慧洁, 2010) считает, что язык – это социальный феномен и произношение, являясь внешней материальной оболочкой языка, также представляет собой социальное явление. При произнесении определенного имени изначально воспринимается именно звуковое сочетание [2]. Центральными в исследовании звуковых особенностей онимов являются изучение и подсчет количества иероглифов в имени, их звуковая структура, изучение чередований тонов, их ритма и др. Изучением особенностей звуковой структуры и подсчетом количества иероглифов в имени собственном (专名) и имени нарицательном (通名) занимались исследователи Цзя Иминь и Чжан Сюэцин (贾益民、张雪芹, 2006), Гао Цзюнь (高军, 2008), Дун Юйнин (董育宁, 2008). Проводя исследования чередований тонов и ритма определенных онимов, исследователь Ду Хуэйцзяо (杜会皎, 2012) замечает, что в процессе номинации стремятся к тоновой мелодичности и ритмичности, решающим в выборе тоновых чередований являются эстетические характеристики сочетаний [3].

Грамматические особенности ономастической лексики.

Изучая грамматический аспект онимов, исследователи рассматривают в основном внутреннюю грамматическую структуру. Однако мнения исследователей по поводу грамматического деления и структуры онимов неоднородны. В ходе изучения научных работ китайских исследователей-ономастов, мы пришли к выводу, что на современном этапе существует три точки зрения относительно грамматического деления и структуры онимов:

1. Большинство исследователей сходятся во мнении, что с грамматической точки зрения онимы состоят из двух частей: имени собственного (专名) и имени нарицательного (通名). Так, Жэнь Чжипин (任志萍, 2004) считает, что обычно онимы состоят из двух существительных, одно из которых является определением, а второе определяющим, а именно «оним, выраженный именем существительным» (专名) + семантема имени нарицательного (通名) [4, 72-73]. Чэнь Цзин (陈静, 2010) и Чжан Сяоцин (章晓清, 2010) разделяют это мнение,

кроме того они отмечают, что обычно онимы состоят из сочетания нескольких небольших смысловых частей, каждая из которых включает в себе определенное сообщение, передаваемое номинатором потенциальным клиентам [5, 126–127; 6, 92–95].

2. Часть исследователей полагают, что грамматически онимы можно разделить на три части. Так, Ван Мэнчунь (王梦纯, 2006), Чжан Сяоцин (章晓清, 2010), Ван Сяонань (王晓男, 2011) считают, что «каждое полное название в общем и целом можно разделить на три составляющих: место расположения (所在区域) (А) + индивидуальное название (区别性名称) (В) + отраслевая идентификация (行业标识词) (С)» [7, 178–181; 6, 92–95].

3. Существует также мнение, что эргонимы бывают двухструктурными и трехструктурными. Двухструктурными называются такие эргонимы, которые состоят из двух составляющих – имени собственного (专名) и имени нарицательного (通名). Трехструктурные состоят из трех частей и представлены несколькими вариантами сочетаний, а именно:

- имя собственное + отраслевой идентификатор + родовое наименование (专名+业名+属名);
- индивидуальное имя + имя собственное + имя нарицательное (特有名+专名+通名);
- родовое наименование + отраслевой идентификатор + имя нарицательное (属名+业名+通名) [8; 9].

Наиболее яркими сторонниками данной точки зрения являются исследователи Лю Юаньцзяо (刘元娇, 2010) и Хуан Вэй'юэ (黄维跃, 2012).

Лексическо-стилистические и прагматические особенности эргонимической лексики.

В последнее время все большее количество исследователей занимаются изучением лексических и прагматических особенностей эргонимов. На основе изученного нами материала (статей, кандидатских и докторских диссертаций) мы выявили, что в этом направлении существует несколько областей исследования:

1. Изучение с точки зрения выбора номинаторами лексического значения, функции и объема передаваемой эргонимом информации. Жэнь Чжипин (任志萍, 2004) считает, что любой эргоним можно рассмотреть с точки зрения функции и объема передаваемой им информации. Исследователь также определил, что номинаторы, исходя из потребностей потенциальных потребителей, наполняют эргонимы той информацией, которая необходима потребителям при принятии решения [4, 72–73]. Ван Мэнчунь (王梦纯, 2006) определил, что имена собственные (专名) (их он называет как «отличительный идентификатор» (区别性的标识) могут иногда заключать в себе цифры, имеющие в традиционной китайской культуре счастливое значение. Кроме того, утверждает исследователь, в ходе выбора индивидуального имени (区别性名称, 专名), номинаторы могут включать в название языковые элементы в соответствии с собственными мыслями и идеями [7, 178–181]. Чэнь Цзин (陈静, 2010), анализируя процесс выбора номинаторами имени собственного (专名) и имени нарицательного (通名), выявил, что индивидуальное название может включать в себя:

- слова или отдельные иероглифы с благоприятным значением, пожеланиями (永 [yǒng] «вечный, навечно, навсегда»; 兴 [xìng] «подъем, расцвет, радоваться»; 旺 [wàng] «процветающий, цветущий»; 顺 [shùn] «благоприятный; гладко, успешно»; 金 [jīn] «золото, деньги»);
- просторечные слова, разговорные фразы (川妹子 [Chuān mèizi] < 川 [Chuān] – от 四川 [Sìchuān] – провинция Сычуань (знаменита своими острыми блюдами и вкусом «мала/малла» 麻辣)) + 妹子 [mèizi] «младшая сестра, красивая молодая девушка»; 秦妈 [Qín mā] < 秦 [Qín] «провинция Шэньси» (блюда провинции Шэньси) + 妈 [mā] «мама»);
- слова со значением самооценивания (正宗 [Zhèngzōng] «истинный, настоящий (обычно о качестве приготовленных национальных блюд)»; 老 [lǎo] «старый»; 美 [měi] «красивый, очаровательный, прекрасный»; 香 [xiāng] «ароматный, вкусный, аппетитный»; 老字号 [lǎozihao] «старый» (о магазине, ресторане)).

Имя нарицательное (通名) может включать в себя:

- слова, обладающие «тонкой, изысканной» семантической окраской (局 [jú] «заведение, учреждение, дом (чайный дом)»; 府 [fǔ] «дворец, чертог, резиденция»; 楼 [lóu] «дом, большое многоэтажное здание»; 阁 [gé] «терем, павильон»);
- просторечную лексику (村 [cūn] «деревня, село»; 庄 [zhuāng] «деревня; магазин, фирма»; 坊 [fāng] «лавка, торговый ряд»; 墩 [dūn] «колода, плашка, чурка») [5, 126–127].

Се Мин (谢明, 2007) считает, что эргонимы обладают также эмоциональной окраской: «Если этнические ценности народа выражены в рациональном смысле эргонима, то образ мышления народа и эстетические чувства выражаются в эмоциональной окраске онимов» [10, 68–72].

2. Изучение процесса генерализации онимов. Вслед за социальным и общественным развитием немало эргонимов в процессе их использования в речи меняют свое значение, в частности, к этому относится постепенная утрата исходного значения и популяризация нового. Эргоним, изначально обозначающий человека или конкретную вещь, постепенно трансформируется в обычное существительное с общим значением. Данный процесс в лингвистике называется генерализацией. Чжоу Шуцзюнь (周树军, 2008) заметил, что исследования в области генерализации онимов могут проходить в двух плоскостях: с диахронической и синхронической точек зрения.

Рассматривая онимы с диахронической точки зрения, Чжоу Шуцзюнь приводит следующий пример: слово «Макинтош» изначально происходит от имени своего создателя, шотландца Чарльза Макинтоша (Charles Mackintosh), исходное значение слова утратило свое значение за отсутствием необходимости.

Если посмотреть с синхронической точки зрения, то можно заметить, что значение языкового знака также может изменяться и в процессе его использования, однако изменение значения эргонима происходит на основе его исходного значения, в соответствии с определенными семантическими особенностями слова, либо согласно новым производным значениям языкового знака. Например, «Геркулес» в древнегреческих мифах и легендах – это сын Зевса, обладающий большой силой. В современном языке значение слова Геркулес зачастую генерализуется и означает «богатырь», «человек недюжей силы, имеющий слабое место» и т. п. [11, 169].

В китайском языке существует немало эргонимов, которых затронуло явление генерализации. К примеру, фильм американского производства «Аватар», где исходное значение «аватар – название генетически спроектированных тел, гибридов на'ви и людей» [15] в современном китайском языке означает «высокая девушка или молодой человек» и т. д. Люй Чжанфэн, Чэнь'и (吕长凤, 陈一, 2001) приводят следующий пример: эргоним «Чжу Гэлян» (“诸葛亮”) изначально имел значение «один из героев книги «Троецарствие» из государства Шу Го, помощник императора», однако в процессе его использования в языке антропоним «Чжу Гэлян» (诸葛亮) приобрел значение «умный, богатый, скромно держащийся в тени человек» [12, 57–59].

3. Изучение онимов с точки зрения стилистики.

В китайской лингвистике существует значительное количество работ по изучению онимов со стилистической точки зрения. Среди ученых-исследователей можно назвать Син Гунвань (邢公畹, 1999), Чжоу Хуэйцзе (周慧洁, 2010), Ло Жун (骆蓉, 2011). Чжоу Хуэйцзе (周慧洁, 2010) выделяет, например, у эргонимов два стилистических уровня: социальный и индивидуальный [2].

Большинство исследователей занимаются изучением лексико- стилистических особенностей онимов, однако Ли Сюэцин (李雪青, 2010) полагает, что со стилистической точки зрения можно изучать и произношение, и написание эргонимов [13]. Хуан Вэй'юэ (黄维跃, 2012), в свою очередь, замечает, что для привлечения клиентов номинаторы используют многочисленные стилистические приемы, как то: гипербола, метафора,

сравнение, каламбур, фразы и выражения из известных фильмов, песен и т. д. [9]. Все отмеченные нами исследователи полагают, что изучение стилистических особенностей онимов является крайне важным. По-видимому, этим объясняется тот факт, что данное направление представлено в современной научной литературе по китайской лингвистике достаточно широко.

Когнитивные исследования эргонимов

Исследований, посвященных когнитивному аспекту онимов, существует небольшое количество. Среди исследователей можно назвать Чжао Яньфан (赵艳芳, 2001), Се Ми (谢明, 2007), Чжан И'хуа (章宜华, 2009), Ши Чжуаньчжуань (石转转, 2011). Чжан Сяоцин (章晓清, 2010) считает, что эргонимы, будучи определенным языком социума, являются ответом номинатора на потребности потенциального клиента. Они могут рассказать о номинаторе, его образе мышления, его культуре [6, 92–95]. Ли Шуан (李爽, 2012) считает, что онимы представляют собой воплощение когнитивных способностей человека, это те знания и те средства, с помощью которых складываются наши представления, наше восприятие окружающего объективного мира. Ли Шуан (李爽) приходит к выводу, что многие онимы являются абстрактными словами, несут в себе определенную эмоциональную окраску или же состоят из слов с обобщенными понятиями. Следовательно, когнитивная особенность таких онимов заключается в различном их понимании целевой аудиторией [14].

Подводя итог проведенному анализу китаеязычной ономастической литературы, можно отметить, что ономастика является достаточно новым направлением в исследованиях ученых, в то же время данное направление занимает достойное место в китайской лингвистике.

Литература

1. 方鸣.饮食行业命名的社会心理及其所反映的时代特征[J].社会科学战线.1999年06期
2. 周慧洁.长沙市中餐馆店名的语言学研究[D].河南师范大学.2010年5月
3. 社会姣.济南市楼盘名称的语言文化研究[D].山东师范大学.2012年6月
4. 任志萍.中餐馆店名的语言及文化特点分析[J].修辞学习.2004年第1期 (总第121期)
5. 陈静.潍坊饭店名的语言文化分析[J].西安社会科学.2010年4月第28卷第2期
6. 章晓清.餐馆店名的语言文化特点解析——以广州市天河区上社餐馆名为例[J].广东技术师范学院学报 (社会科学).2010年第3期
7. 王梦纯.餐饮行业的店名特点研究[J].河北社会科学 (教育论丛).2006年8期
8. 刘元娇.济南市区餐饮店名研究[D]. 山东师范大学.2010年4月
9. 黄维跃.从化街口餐饮店名语言特点研究[D].广州大学.2012年5月
10. 谢明.中国近代商标名称的语义考察[J].扬州大学学报.2007年7月第11卷第4期
11. 周树军.专有名词普通化的语用认知理据探究[J].江苏科技大学学报 (社会科学版).2008年3月第8卷第1期
12. 吕长凤、陈一. 汉语专名词语层级性体系的构建[J].北方论丛. 2011年第5期 (总第229期)
13. 李雪青.北京饭店名称的修辞研究[D].河北大学.2010年5月
14. 李爽.隐喻型店名的认知角度探析[D].渤海大学.2012年6月
15. <http://ru.wikipedia.org>

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Концептуальные исследования являются одним из ведущих направлений лингвистических исследований в рамках современной антропоцентрической парадигмы. В. И. Карасик отмечает, что современная антропологическая лингвистика вносит свой вклад в изучение взаимосвязи языка и культуры, и одним из активно развивающихся направлений этой обширной области является лингвоконцептология [7, 280]. По мнению этого ученого, изучение лингвокультурных концептов привлекает многих исследователей, поскольку дает возможность установить способы языкового осмысления действительности и выявить приоритетные ценности в коллективной и индивидуальной картинах мира. Лингвоконцептология синтезирует в себе идеи философского анализа познаваемого мира, когнитивного моделирования действительности, культурологического описания этнической и социально-групповой специфики миропонимания, семантического структурирования реальности [5, 23].

В России сложился ряд научных школ, возглавляемых известными учеными (Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, В. В. Колесов, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, М. В. Пименова, З. Д. Попова, И. А. Стернини др.), в рамках которых разрабатывается методология исследования концептов и проводится описание отдельных концептов. Исследования конкретных концептов, как правило, осуществляются в рамках диссертационных работ, об огромном количестве которых можно судить по наличию уже нескольких выпусков «Антологий концептов» (2005–2011), выходящих в свет под редакцией В. И. Карасика и И. А. Стернина и объединяющих диссертационные исследования, выполненные на материале разных языков. Представление о разработке теоретических основ концептуальных исследований и разнообразии подходов к изучению концептов дают также многочисленные сборники научных статей серии «Концептуальные исследования» и «Концептуальный и лингвальный миры» (См., например [8; 10]). Многие из концептуальных исследований имеют сопоставительный характер – в них производится сопоставительный анализ концептуальных структур на материале разных языков, что позволяет говорить о становлении научного направления «сопоставительная концептология» [11, 61–68].

Как нам представляется, сопоставительная лингвоконцептология может рассматриваться в качестве теоретической основы для исследования проблем межкультурной коммуникации. С. Г. Воркачев отмечает, что предметные области лингвоконцептологии и межкультурной коммуникации частично пересекаются: у них общий объект исследования – этнический менталитет носителей определенных естественных языков как совокупность групповых поведенческих и когнитивных стереотипов, но различные целевые установки: если интерес первой направлен на выявление лингвоспецифических характеристик этого менталитета через анализ его семантических составляющих – концептов, то интерес второй сфокусирован на преодолении лингвокультурной специфики и возможного ее непонимания в межкультурном общении [2, 76]. По нашему мнению, предпосылкой успешности межкультурной коммуникации является знание о системе базовых концептов иной лингвокультуры, обуславливающих коммуникативное поведение её представителей; причем необходимо сопоставление данных концептов с их аналогами в собственной культуре. Как показывает практика, взаимопонимание при межкультурной коммуникации, как одноязычной, так и осуществляемой через переводчика, является часто кажущимся именно в связи с тем, что коммуниканты оперируют в ее ходе концептами, являющимися на первый взгляд универсальными (время, пространство, справедливость, долг). Однако при сопоставлении их языковой объективации выявляется национально-культурная специфика данных концептов, обусловленная различиями в шкале ценностей национально-культурных сообществ и в конечном итоге различием менталитетов, которое проявляется в коммуникативном поведении носителей языков и культур.

В исследованиях, проводимых представителями отечественных лингвоконцептологических школ, существуют некоторые различия в понимании концептов и в методах и приемах их анализа. В качестве основных подходов к осмыслению концепта выделяются лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы. З. Д. Попова и И. А. Стернин развивают идею семантико-когнитивного подхода к языку в рамках лингвокогнитивной концептологии, которая ставит задачу моделирования содержания концепта с применением методики когнитивной интерпретации результатов лингвистического исследования и определения места концепта в национальной концептосфере [1, 9]. Указанные подходы не являются взаимоисключающими. Как отмечают В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин, именно в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры, поэтому любое лингвокультурологическое исследование есть одновременно и когнитивное исследование [1, 12]. Мы придерживаемся позиции ученых, развивающих лингвокультурологический подход, согласно которому лингвокультурными концептами признаются коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры.

Что касается базового термина лингвоконцептологии «концепт», обсуждение данного феномена нельзя признать законченным. Несмотря на наличие специальных исследований, посвященных анализу и систематизации точек зрения на понятие «концепт» [13], размышления о сущности концепта продолжаются в новейших работах [3, 41–49]. Общими положениями, разделяемыми представителями разных лингвоконцептологических школ, являются следующие: концепт является основной единицей сознания, он репрезентируется языковыми средствами; через анализ совокупности языковых средств, объективирующих концепт, можно составить представление о содержании и структуре концепта в концептосфере и описать данный концепт [1, 5].

В отношении методики концептуального анализа наблюдаются также некоторые расхождения. Следует отметить, что универсальной методики концептуального анализа на сегодняшний день не существует; под методом или методикой концептуального анализа в большинстве работ понимается совокупность исследовательских приемов и процедур, используемых для описания концепта, которые различаются в зависимости от задач исследования. В предлагаемых разными авторами методиках концептуального анализа имеется определенная общность в установках на изучение этимологии и семантики имени концепта путем обобщения данных лексикографических источников, анализ контекстуальных употреблений репрезентантов концепта в художественных и публицистических текстах, а также во фразеологии и паремиологии. Большую или меньшую роль в разных концепциях играют психолингвистические эксперименты и анализ устной коммуникации (См., например, детальное изложение методики описания концептов в [12, 159–214]).

Таким образом, можно констатировать, что модель концептуального анализа в отечественной лингвоконцептологии сложилась, накоплен значительный опыт в концептуальных исследованиях. По мнению В. И. Карасика, изучение лингвокультурных концептов вышло на такой уровень, когда вполне реальной задачей становится создание концептуария культуры – словаря нового типа, объясняющего не значения слов и не научные понятия и реалии действительности, а концепты, составляющие специфику определенной культуры [4, 150; 6, 79]. Труды такого рода уже имеются: прежде всего, это «Словарь русской культуры» Ю. С. Степанова, в котором представлены базовые концепты русской культуры [14]. Концепция словарей культуры находится в настоящий момент на стадии разработки, появляются новые труды подобного рода (См., например [9]).

Нам представляется важным отметить следующие проблемы при создании концептуариев подобного рода: проблема критериев отбора материала, существование известной доли субъективности автора при отборе материала, установление принципов расположения материала в словаре, наличие аналогичного языкового материала на двух языках при разработке концепции двуязычных словарей. В рамках нашего исследования разрабатывается концепция двуязычного словаря базовых концептов русской и немецкой лингвокультур, который, по нашему мнению, мог бы значительно повысить эффективность

межкультурной коммуникации представителей русской и немецкой лингвокультур в связи с тем, что в нем будут представлены как общие, так и этноспецифические признаки отдельных концептов. На данном этапе исследования нами изучены в сопоставительном плане следующие концепты в двух лингвокультурах: *Zeit* / время, *Raum* / пространство, *Wahrheit* / правда / истина, *Pflicht* / долг, *Freiheit* / свобода, *Arbeit* / труд, *Geld* / деньги, *Gerechtigkeit* / справедливость, *Freundschaft* / дружба, *Familie* / семья, *Gastfreundschaft* / гостеприимство и др. Критериями для отбора отдельных концептов в качестве единиц словаря-концептуария послужили частотность выделения указанных концептов (в иной терминологии) в качестве тех параметров либо понятий, в отношении которых наиболее частотны сбои в межкультурной коммуникации. Данные концепты охватывают сферу ориентации в мире в целом, а также сферы морально этических категорий и межличностных отношений.

Литература

1. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с.
2. Воркачев С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С. 76–83.
3. Воркачев С. Г. Знаковая сущность лингвокультурного концепта // Человек. Язык. Культура: сб. науч. ст., посвященных 60-летию юбилею проф. В. И. Карасика; отв. соред. В. В. Колесов, М. Влад. Пименова, В. И. Теркулов. – Кемерово – Волгоград: ВГСПУ, 2013. – Изд. 1 – С. 41–49. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 2).
4. Карасик В. И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
5. Карасик В. И. Символические концепты // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сборник статей / отв. ред. М. В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 11.) – С. 23–30.
6. Карасик В. И. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
7. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
8. Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: сб. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. – М.: РАН, 2011. – 896 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 15).
9. Муллагалиева Л. К. Концепты русской культуры в межкультурной коммуникации: Словарь. – М.: Ладомир, 2006. – 234 с.
10. Образ мира в зеркале языка: сб. науч. ст. / отв. соред. В. В. Колесов, М. Влад. Пименова, В. И. Теркулов. – М.: Флинта, 2011. – 567 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры», Вып. 1).
11. Пименова М. В. Сопоставительная концептология (на примере эквивалентных концептов *мудрость* и *wisdom*) // Ментальность народа и его язык: сб. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. – СПб. – Севастополь: Рибест, 2009. – С. 61–68. (Серия «Славянский мир». Вып. 3)
12. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. – 314 с.
13. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 176 с.
14. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.

Мжельская О. К.

Омская государственная медицинская академия

ПОЗНАНИЕ МИРА ЧЕЛОВЕКОМ, ОТРАЖЕННОЕ В АПЕЛЛЯТИВАХ

Несмотря на постоянный интерес лингвистов, термин *картина мира* используется в различных смыслах. Он применяется для обозначения мировоззренческих структур, лежащих в фундаменте культуры определённой исторической эпохи. В этом же значении используются термины «образ мира», «модель мира», «видение мира», характеризующие целостность мировоззрения.

Данный термин используется также для обозначения научных онтологий, т. е. тех представлений о мире, которые являются особым типом научного теоретического знания. В этом смысле понятие научной картины мира используется для обозначения горизонта систематизации знаний, полученных в различных научных дисциплинах. Научная картина мира при этом выступает как целостный образ мира, включающий представления о природе и обществе.

Во-вторых, термин «научная картина мира» применяется для обозначения системы представлений о природе, складывающихся в результате синтеза естественнонаучных знаний (аналогичным образом этим понятием обозначается совокупность знаний, полученных в гуманитарных и общественных науках).

В свою очередь, **языковая картина мира** отражает в языке данный исторически сложившийся образ мира. Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев, таким, как Вайсгербер и др., а также к идеям Сепира – Уорфа. По их мнению, границы языка и мышления в строгом смысле не совпадают. Конкретный язык не просто является средством выражения различных идей, а сам формирует эти идеи. То есть содержание познания не является общим для всех людей, а зависит от конкретного языка. Так, например, в английском языке имя *Jezebel* – *Иезавель* (в Ветхом Завете жена царя Ахава, преследовавшая пророка Илию) используется в значении бесстыдной, падшей или грубо накрашенной женщины, а русском языке такого значения у этого имени нет.

Таким образом, конкретный язык обуславливает способ мышления говорящего на нём народа и способ познания мира: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстаёт пред нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а значит, в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определённого языкового коллектива и закреплёно в системе моделей нашего языка» [1, 74].

В основе гипотезы Сепира – Уорфа лежит убеждение, что люди видят мир по-разному – сквозь призму своего родного языка; каждый язык отражает действительность присущим только ему способом, и, следовательно, языки различаются своими языковыми картинами мира. Хотя язык, согласно этой концепции, не отождествляется с мировоззрением, ему отводится роль силы, способной его формировать, а это значит, что языковая картина мира предстаёт как некая матрица для «отливки» стереотипов мышления [2, 17]. М. П. Одинцова отмечает: «Единый вектор движения, развития современного знания о языке – человек, создатель языка, субъект речи-мысли, отражающей собственное мировоззрение...» [3, 5].

Язык, с одной стороны, формирует национальный характер, а с другой – отражает его. Так, например, если сравнить семантику имени *Kaïn* – *Cain* (в Ветхом Завете старший сын Адама, убивший из зависти брата Авеля) в английском и русском языках, то мы увидим, что в обоих языках оно имеет значение «убийца, изверг, тяжкий преступник». Интересно отметить, что в Шотландии распространена фамилия *McCain*, которая представляет собой контрактуру от ирландского *Mac Cathan*, т. е. *son of Cathan*, которое происходит от кельтского *cathan*, означающего *воин*, а корень *cath* означает *битва, сражение, бой*. Наверное, именно поэтому, в английском языке имя *Cain* может также употребляться в значении «благородный бунтарь». В данном случае наблюдается явление омонимии, когда имя нарицательное совпало с именем собственным.

Английский язык стремится к большей лаконичности и ёмкости, чем русский, и цветистое красноречие никогда не было национальной чертой характера, напротив, англичане всегда стремились к краткому, но насыщенному смыслом высказыванию.

Как известно, человек предстаёт в различных ипостасях: так, В. А. Маслова пишет, что «в центре внимания культуры и культурной традиции стоит языковая личность во всём многообразии: Я – физическое, Я – социальное, Я – интеллектуальное, Я – эмоциональное, Я – речемыслительное» [4, 7]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что языковая

личность многоаспектна. «Духовная ситуация человека возникает лишь там, где он ощущает себя в пограничных ситуациях. Там он пребывает в качестве самого себя в существовании, когда оно не замыкается, а всё время распадается на антиномии» [5, 302], область чувств распространяется на этическую сферу взаимоотношений людей [6, 76].

Не подвергая сомнению идею о существовании языковой картины мира, представители современной отечественной лингвоантропологии (Б. А. Серебренников, Г. В. Колшанский, Р. М. Фрумкина и др.) в большинстве своём критически подходят к идеям В. фон Гумбольдта и Сепира – Уорфа. Б. А. Серебренников подчёркивает, что любой язык есть результат отражения человеком окружающего мира, а не самодовлеющая сила, творящая мир; язык приспособлен в значительной степени к особенностям физиологической организации человека, но эти особенности возникли в результате длительного приспособления живого организма к окружающему миру: неодинаковое членение внеязыкового континуума возникает в период первичной номинации и объясняется неодинаковостью ассоциаций и различиями языкового материала, сохранившегося от прежних эпох. Так, например, имя *Иаков* – *Jacob* (в Ветхом Завете младший сын Исаака и Ревеки. Старший брат Исав продал ему право первородства за чечевичную похлёбку; обманом Иаков получил у отца благословение). Его имя употребляется в значении того, кто хитростью или силой присваивает чужие права, выживает или вытесняет кого-то. Выражение *чечевичная похлёбка* в русском языке и *to sell one's birthright for a mess of pottage* или *a mess of pottage* в английском языке, употребляется в значении «что-нибудь ничтожное, не имеющее цены». Представляет интерес сравнение словарного наполнения данных синонимичных выражений английского и русского языка. В русском выражении слово *чечевичная* выражает ничтожную ценность сделки, это слово вообще не присутствует в английском аналоге (по-английски чечевица – *lentil*), но зато подчёркнуто, что продавалось право первородства. Английское слово *birthright* означает, во-первых, право по рождению (титул, права, привилегии, собственность, на которые даются права при рождении), во-вторых, первородство. Как известно из истории, для англичан право первородства имело намного большее значение, чем для русских. В английском языке имя *Иакова* также используется в значении того, кто выстрадал свою любовь, т. к. *Иаков*, чтобы жениться на красавице Рахили, был вынужден семь лет находиться в услужении у отца. В русском языке этот факт не нашёл никакого отражения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что язык выступает как способ закрепления отражательной деятельности мышления – деятельности, которая в свою очередь неразрывно связана с практической деятельностью человека, с его опытом [7, 8–69].

Современные представления о **языковой картине мира** в изложении акад. Ю. Д. Апресяна выглядят следующим образом: каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации, т. е. концептуализации мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков.

С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени, наивную этику, психологию и т. д. [8]. При этом отражённые в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир. В английском и русском языках, опыт поколений выделил и одинаково семантизировал следующие имена библейского происхождения: *Соломон* – *Solomon* (царь Израильско-Иудейского царства, славящийся своей мудростью), используется в значении «мудрец»; *Иов* – *Job* (Иов в одноимённой книге Ветхого Завета – праведник,

безропотно сносивший все лишения, которым Бог подверг его, чтобы испытать его веру), употребляется в значении «многострадальный, покорный человек».

Язык в состоянии интерпретировать любую мысль, и коммуникация может состояться только потому, что мысленные образования структурируются языком и трансформируются через значения слов. *Адам* – *Adam* – первый человек на Земле. Само имя *Адам* означает «первый человек». Предполагаемый автор Пятикнижия – Моисей – давая это имя первому человеку на земле, сделал его столь символичным. В английском языке так называют сержантов и приставов, одетых в плащ или куртку из толстой бычьей кожи, т. к. по-английски она называется *buff*, а раньше это слово означало «кожа человека», до сих пор сохранились выражения *to strip to the buff* – раздеть догола, *in buff* – нагишом, в чём мать родила.

Изменения в деятельном опыте человека ведут к появлению новых и расширению старых фрагментов в картине мира (в интегральном образе мира), требующих фиксации на языковой карте. Меняется картина мира, появляются новые секторы (например: космонавтика, компьютерная техника и т. д.), и расширяются традиционные секторы.

Между картиной мира как отражением реальности и языковой картой как фиксацией этого отражения существует сложное, не однонаправленное диалектическое соотношение, которое свидетельствует об изменении категоризации в картине мира, о появлении новых концептов. Как правило, появление нового фрагмента деятельностного опыта носителей языка автоматически фиксируется на лексической карте. Однако иногда новые единицы номинации возникают для фиксации фрагмента картины мира, уже давно существующего и отражённого в сознании носителей языка, но ещё не вербализованного.

Один и тот же фрагмент в картине мира может фиксироваться на лексической карте двумя номинативными единицами, одна из которых – неологизм. В результате соперничества побеждает новая единица в силу, как правило, большей экспрессивности, рациональности, экономичности, компактности, что связано с тенденцией к устранению избыточных средств выражения, а также с тенденцией к экономии языковых усилий.

Хотя отечественная лингвоантропология рассматривает языковую картину мира и концептуальную картину мира как два самостоятельных феномена, границы между ними признаются достаточно зыбкими. Так, например, Г.В. Колшанский ставит под сомнение саму возможность их установления в силу неправомерности разделения единого, идеального содержания языковых единиц на языковую и концептуальную картины мира.

Концептуальная картина мира – это все имеющиеся у человека знания и представления о действительности как результат его психологической активности. Хранителем этих знаний и представлений является язык: в его единицах в виде гносеологических образов закрепляются элементы действительности. В то же время язык есть средство получения нового знания о мире: в единицах языка и их свойствах материализуется структура и динамика мысли. Ярким примером подтверждения данной мысли является имя *Варавва* – *Barabbas* (разбойник и грабитель, которого помиловали вместо Христа), можно предположить, что английская транскрипция данного имени собственного стала частью имени *Карабаса Барабаса* отрицательного персонажа из сказки «Золотой ключик» А. Толстого.

Иными словами, языковые единицы приспособлены как для номинации элементов действительности (и далее хранения знаний), так и для обеспечения потребностей мыслительного процесса [9, 604]. Таким образом, язык может выступать в роли когнитивного инструмента, открывающего широкие возможности проникновения в «глубинные процессы когнитивной деятельности людей» [10, 153], в отличие от научной картины мира, которая является особой формой для систематизации определенных научных знаний, и носит теоретический, а не прикладной характер.

Поскольку в языке отражены результаты практического, художественного, технического, научного познания мира человеком, т. е. результаты концептуализации мира в сознании, языковая картина мира теснейшим образом связана с концептуальной. Без этой связи язык не мог бы исполнять роль средства общения. Обычно в языке отражается уже сформированная мысль (мысль – результат мышления). Так, *Нимврод* – *Nimroud* – ловец

перед господом, в английском и русском языках означает «сильного, исключительного по значению человека», в английском языке, кроме того, употребляется в значении «умелый охотник». Процесс мышления и языковая деятельность совпадают редко (например, мышление вслух с целью воздействия на слушателей) [11, 606].

К рассмотрению национально-культурной специфики тех или иных аспектов или фрагментов картины мира исследователи подходят с разных позиций: одни берут за исходное язык, анализируют установленные факты межъязыкового сходства или расхождений через призму языковой системности и говорят о языковой картине мира; для других исходной является культура, языковое сознание членов определённой лингвокультурной общности, а в центре внимания оказывается образ мира. Нередки случаи, по мнению А. А. Залевской [12, 205], когда принципиальные различия между этими двумя подходами попросту не замечаются или когда декларируемое исследование образа мира фактически подменяется описанием языковой картины мира с позиции системы языка.

Литература

1. Уорф Б. Л. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 187.
2. Никитина Л. Б. Идеи, проблематика, методология антропоцентристской семантики // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки; под ред. М. П. Одинцовой, Н. В. Орловой. – Ч. 2. – Омск: Вариант-Омск, 2006. – С. 11–29.
3. Одинцова М. П. Лингвистические исследования омских русистов (1990–2002 гг.) // Вестник ОмГУ. – Вып. 2. – 2002. – С. 4–7.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М., 2001. – 208 с.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – 527 с.
6. Пименова М. В. Особенности репрезентации концепта чувства в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка; отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово, ИПК. – Серия «Концептуальные исследования». – Вып. 2. – 2003. – С. 58–120.
7. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. – М., 1988. – 216 с.
8. Апресян Ю. Д. Избранные труды. – Т. 2. – М.: Восточная литература, 1995. – 767 с.
9. Кибрик А. Е. Язык // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 9–17.
10. Харитончик З. А. Категоризация и дифференциальные признаки // Общие проблемы строения и организации языковых категорий: материалы науч. конф. – М., 1998.
11. Мельничук А. С. Язык и мышление // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 606–607.
12. Залевская А. А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к её исследованию // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 39–54.

Обухова О. Н.

Глазовский государственный педагогический институт

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ «ЛЕС» (на материале немецких куртуазных романов XII–XIII вв.)

В настоящее время в лингвистических исследованиях, посвященных анализу концептуальных систем и когнитивных аспектов языка, в частности, таких проблем как структура и концептуализация знаний, способы организации и репрезентации знаний, формирующих картину мира языкового коллектива, особый интерес у ученых вызывают механизмы актуализации концептуальных категорий в тексте художественного произведения. Обращаясь к проблемам концептологии, следует отметить, что литературные произведения воплощают когнитивный и социокультурный опыт не только автора, но и всего этноязыкового сообщества. С этой точки зрения художественный текст можно рассматривать как ценностную концептуальную систему, в которой моделируются ментальные, образные представления автора, этнокультурного социума о мире, его сущностных свойствах. Речь идет о рекон-

структуры картины мира средствами языка («первичной моделирующей системой») и образными средствами («вторичной моделирующей системы») [4, 14] в художественном целом – тексте.

Анализ структуры концептуальной модели ЛЕС, репрезентированной в куртуазных романах Готфрида Страсбургского «Тристан» и Генриха Фельдеке «Роман об Энее», позволил выявить наряду с общим для языкового континуума средневековой Германии конституентом *wald* номинации *wilde*, *waltriviere*, *holz*. Подобно *wald* термины этого лексико-семантического ряда употребляются в языковой художественной картине мира как элементы пространства, воспринимаются носителями языка неотъемлемой частью их природного окружения. В семантической системе средневерхненемецкого языка лексемы, номинирующие лес, могут приобретать в зависимости от коррелирующих слов различные (дифференциальные и контекстуальные) семантические признаки. Как правило, внутренняя форма слов оценивается по видовому составу (по признакам лесной растительности) и по пространственному распределению (по признакам освоенности пространства и по ландшафтным особенностям), с утилитарной точки зрения (по принципу пригодный / непригодный для той или иной деятельности).

Этимологический анализ позволил выделить дифференциальные признаки, заложенные в семантике лексемы *wald*, а именно различия по составу и по ландшафтным особенностям, ср.: срн. *walt* < двн. *wald* < герм. **walpuz* восходит к и.-е. корню **wel* – «обдирать листву, зелень» [10, 1342; 5, 908; 6, 420]. Лексема *wald* дает весьма противоречивый спектр коннотаций. С одной стороны, *wald* как освоенный локус приобретает положительную коннотацию «безопасное», «пригодное для существования человека место». Для значения слова *wald* как освоенного и безопасного места характерен когнитивный признак «место спасения, укрытие от опасности». Необходимое представление об этом дает контекстуальное окружение, в котором лексема релеативна к глаголам и глагольным сочетаниям *tuschen unde vliehen*, *zogen unde ziehen*, *lach vil stille* «скрываться и бежать, бежать и мчаться, притаиться», во внутренней форме которых реализуется потенция к бегству, поиску укрытия в лесу от врагов и смертельной опасности (ср.: *ir vluht was ir meistiu wer und vür den tôt ir bestiu ner* «их бегство было защитой и лучшим лекарством от смерти»). Приведем в качестве иллюстрации несколько примеров:

under in was wer noch kêre/ noch keines strîtes mêre / wan tuschen unde vliehen, / zogen unde ziehen / wider bürge und walt. / der strît der wart dâ manicvalt. / ir vluht was ir meistiu wer/ und vür den tôt ir bestiu ner [7, 5599– 5608].

Dô reit Turnûs der helt balt / gegen Ênêase in den walt, / <...> dô lach der hêre Ênêas / vil stille an sîner lâge, / dâ si sîn niene sâgen, / und dâ her ouch niene sach. / sus lâgens allen den tach / enbeidenthalben stille [9, 8867– 8871].

С другой стороны, в концептуальной модели сублимируются признаки, маркирующие лес как «опасный для человека» локус:

über daz alles sô vürhte ich, / wolve unde tier diu vrezzen mich, / swelhen enden ich gekêre. / <...> daz ist vil übele getân. / ich enîle hinnen balde, / ich benahte in disem walde / und enwirt mîn danne niemer rât [7, 2518– 2521].

Лексема *wald* получает значение «нечто неизведанное, непознанное» и интенсифицирует тем самым в сознании средневекового человека чувство страха (*über daz alles sô vürhte ich* «все это меня так ужасает») перед неизведанным (*swelhen enden ich gekêre* «какой конец ожидает меня»). С другой стороны, понятие страха соотносится с реальным чувством, которое возникает у человека в минуты опасности (*wolve unde tier diu vrezzen mich* «волки и дикие звери съедят меня»).

Заимствование *riviere* из французского языка в качестве компонента сложного слова *waltriviere* букв. «прибрежный лес» полностью сохраняет в средневерхненемецком языке первоначальное значение реалемы-денотата «берег реки», ср.: свн. *riviere* < ст.-фр. *rivière* < лат. *riparia* «находящийся на берегу реки» [5, 673]:

Diz weiz ich wol, wan ich was dâ. / **ich hân ouch in der wilde** / dem vogle unde dem wilde, / dem hirze unde dem tiere/ **über manege waltriviere**/ gevolget unde nâch gezogen [8, 17100–17105].

Контекстуальный анализ позволил выявить признаки, репрезентирующие лес как «глухое, труднопроходимое, изолированное от общества (безлюдное) место». В концептуальной модели ЛЕС носителем таких свойств становится понятие *wilde*, демонстрирующее признак «дремучий, непроходимый лес, лесная трущоба». Приведем один пример:

»hêrre, **in dirre wilde alhie**.«/ »**in dirre wüesten wilde**?«/ »jâ.«/ »**ist aber ieman lebender dâ**?« [8, 17466–17469].

Лексико-семантическое сочетание *wüesten wilde* маркирует признак «пустынное место», в то время как через языковую реализацию *ieman lebender* (*ist aber ieman lebender dâ?* «есть там кто живой?») в контекстуальной связи с лексемами *wüesten wilde* эксплицитно представлен семантический признак «безлюдный» или «непригодный для обитания человека». Ассоциативное осмысление денотативного значения комбинации реалем *wüeste* и *wilde* в соответствии со средневековой точкой зрения на природу окружающего мира во многом предопределяет образные представления о лесе как о враждебном человеку локусе:

dise grôze wilde die vürht ich. / swar ich mîn ougen wende, / **da ist mir der werlde ein ende**. / swâ ich mich hin gekêre, / niwan ein toup **gevilde** / **und wüeste unde wilde**, / wilde velse und wilden sê [7, 2502–2509].

Безусловно, в комбинации слов *dise grôze wilde die vürht ich* «эта необъятная глушь, она пугает меня» эксплицитовано чувство страха средневекового человека перед диким лесом, источником, представляющим опасность для жизни. В контекстуальном окружении *wilde* актуализирует национально-культурную коннотацию леса как «гибельного места», ср.: *da ist mir der werlde ein ende* букв. «здесь для меня конец мира». В лексико-семантической цепочке *wüeste – wilde – gevilde*, выводимой из регулярной сочетаемости и частотности употребления языковых единиц, отмечается парадигматическая связь *wüeste – wilde* «пустыня», «дикое место» и *gevilde* «возделанные поля», которая манифестирует диалектические отношения между природой – культурой, дикостью – куртуазией.

Фронтальный анализ *wilde* и *wald* выявил следующую особенность: лес воздействует на сознание средневекового человека «не столько своими реальными аспектами и подлинными опасностями, сколько символами, которые они выражали» [2, 167–168]. Лес представляется не только источником страхов, но и универсумом сверхъестественных фантастических явлений. Из анализа материалов куртуазных романов следует, что в представлениях носителей рыцарской культуры наряду с реальной природой леса существует некий «иной» мир – обиталище великанов, драконов, чудовищ и других фантастических существ (*risen, trachen, lintworme, lêwen, lêbarde*):

er nam im in der wilde / manege kêre und maneger vart. / und alse der tac stîgende wart, / dô liez er vaste hine gân / wider daz tal z'Anferginân. / **daz was des trachen heimwist**, / alsô man an der geste list [7, 8936–8942].

Tristan zehant gewîset wart/ vil rehte **ûf Urgânes_vart** / **in einen harte wilden walt**/ und stiez der an des **risen** gewalt / des endes, dâ der roup ie / über eine brucke wider gie [8, 15963–15968].

Несомненно, коннотация леса «место обитания драконов» (*in der wilde <...> daz was des trachen heimwist* «в глухой чаще <...> там было обиталище дракона») и «убежища великанов» (*Tristan <...> gewîset wart <...> vart in einen harte wilden walt und stiez der an des risen gewalt* «Тристан <...> отправился <...> в путь в темный дремучий лес в пределы владений великана») базируется на связи средневековой культуры с архаической моделью мира, поскольку и драконы и великаны являют по своей сути образы, в которых народная фантазия воплощала свои представления о могуществе стихий природы. В своем образе они олицетворяли «темные массы природы» [1, 410].

В художественной картине мира носителей рыцарской культуры ЛЕС представлял, прежде всего, мир развлечений, охоты. Важно отметить, что в силу сложившихся общественно-исторических условий сеньориальные леса представляли в сознании

средневекового человека и, прежде всего, крестьян, неприкосновенное для охоты место. Так, по лесным ординам средневековой Европы, «в силу которых всякому человеку, признанному виновным в том, что он охотился в королевских лесах, выкалывали глаза и уродовали конечности» [3]. В социально маркированной языковой картине мира рыцарского сословия национально-культурный компонент «место развлечений», прежде всего, «место охоты» занимает доминантное место в концептуальной модели ЛЕС. В системе ценностей немецкого рыцарства охота в лесу – это излюбленная забава, одно из придворных развлечений (*si wolde rîten in den walt*: <...> *si wolde, daz man jagete* «они хотели ехать в лес: <...> они хотели организовать охоту»), ср.:

ir mût trûch si dar zû, / daz si eines morgenes frû / **in den walt rîten wolde / und sich banechen solde** / und hôren die hunde / **und korzen die stunde**, / wandes was ir vile nôt / den meisterjageren sie gebôt, / **si wolde rîten in den walt**: / al wære daz weter kalt, / **si wolde, daz man jagete** [9, 1671–1683].

si riten under stunden, / **sô si des geluste**, / mit dem armbruste / **pirsen in die wilde** / nâch vogelen und nâch wilde [8, 17244– 17248].

Наиболее рельефно коннотативный признак леса как «места для развлечения, охоты» вербализуется посредством лексем *sich banechen* («развлекаться, веселиться»), *des geluste* <...> *pirsen in die wilde* («забавы ради <...> поохотиться в лесу»), *korzen die stunde* («скоротать время»). Хотя отметим, что признак «место охоты» базируется также на практической (промысловой) и на «географической» (связанной с ориентацией в пространстве) потребностях. Отличительной особенностью в данном случае представляется включенность в концептуальную модель сегментов «добывание», «промысел», отраженных в значении глагола *weiden*: двн. *weidanôn* > свн. *weiden* «охотиться, искать пропитание» [5, 919–920] и заимствования из французского языка *birsen* (< ст.-фр. *berser*) в значении «охотиться» [5, 610]:

und wîlen gienk her **in den walt / weiden mit deme wilde** [9, 4592– 4593].

Nu was ouch mîn hêr Tristan / **birsen gerieten ze walde** [8, 13254–13255].

Обобщим наши наблюдения. Концептуальная модель ЛЕС включает утилитарно-прагматические знания средневекового человека об окружающей природе. Лингвокреативное мышление проецирует в языковой художественной картине мира носителей рыцарской культуры концептуальный образ леса, с одной стороны, как освоенное, безопасное место, представляющее главный источник существования человека. Наряду с указанными признаками освоенности и безопасности пространства, в концептуальной модели присутствуют и признаки «труднопроходимое, глухое, враждебное для человека место». Проведенный анализ свидетельствует о деактуализации в языковом сознании немецкого рыцарства категорий, связанных с хозяйственно-практической деятельностью средневекового человека (источник добычи пропитания, материала для домов, хозяйственных построек и т. п.). Поэтому, в тексте рыцарских романов обнаруживаются лакуны, так как лексемы с семантическим признаком прагматической деятельности освоения леса оказываются нерелевантными в сознании носителей рыцарской культуры, что обусловлено образом жизни данного общественного строя. Контекстуальный анализ компонентов модели ЛЕС позволяет обнаружить следующие этно- и социокультурные признаки: 1) место ведения военных действий (дислокация отряда, войска, укрытие от врага, место для засады и нападения); 2) охотничьи угодья; 3) место, предназначенное для придворных развлечений и отдыха куртуазного общества; 4) место обитания мифологических чудовищ, драконов, великанов, с которыми рыцарь вступает в схватку.

Литература

1. Афанасьев А. Н. Мифология Древней Руси. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 608 с.
2. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр., под общ. ред. В. А. Бабинцева; послесл. А. Я. Гуревича. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 560 с.
3. Люшер А. Французское общество времен Филиппа-Августа / пер. с фр. Г. Ф. Цыбулько. – СПб: Евразия, 1999. – 414 с. URL: http://fictionbook.ru/author/ashil_lyusher/francuzskoe_obshestvo_vremen_filippa_avgusta/download.a6.pdf (дата обращения: 07.02.2010).

4. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
5. Duden Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. – Mannheim: Dudenverlag. Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 2001. – 960 S.
6. *Mackensen L.* Ursprung der Wörter. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Wiesbaden: VMA-Verlag, без даты издания. – 446 s.
7. Straßburg Gottfried von Tristan. – In 2 Bänden. Band 1. – Stuttgart: Reclams Universal-Bibliothek, 2007. – 595 s.
8. Straßburg Gottfried von Tristan. – In 2 Bänden. Band 2. – Stuttgart: Reclams Universal-Bibliothek, 2007. – 590 s.
9. Veldecke Heinrich von Eneasroman. – Stuttgart: Reclams Universal-Bibliothek, 1986. – 895 s.
10. Wahrig Gerhard Deutsches Wörterbuch. – 6., neu bearb. Aufl., auf der Grundlage der neuen amtlichen Rechtschreibregeln, neu hrsg. von Renate Wahrig-Burfeind. – Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag GMBH. 6. Auflage, 1997. – 1420 s.

Пронина Н. А.

Удмуртский государственный университет

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА ВО ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ МЕДИАТЕКСТАХ

Языковая игра в медийных текстах является одним из наиболее эффективных средств воздействия на получателя, в первую очередь, с целью привлечения внимания, а также с долгосрочной целью формирования общественного мнения. Настоящая статья посвящена проблеме реализации языковой игры на фонетико-графическом, словообразовательном, морфологическом, лексико-семантическом и интертекстуальном уровнях в текстах французских и российских СМИ. Анализ показал, что и в тех, и в других текстах языковая игра строится чаще на основе полисемии и прецедентности.

Термин *языковая игра* восходит к лингвофилософской концепции Л. Витгенштейна («Философские исследования», 1945), который использует его для описания языка как системы конвенциональных правил, в которых участвует говорящий [2]. Позднее этот термин приобретает новое содержание: он рассматривается как осознанное нарушение нормы для достижения определенной цели (эстетического воздействия, комического эффекта и т. д.). В отечественном языкознании в разное время этой проблеме были посвящены исследования В. Я. Проппа, Э. М. Береговской, Т. А. Гридиной, Е. А. Земской, С. В. Ильясовой, М. В. Китайгородской, Н. И. Клушиной, Б. Ю. Нормана, Н. Н. Розановой, В. З. Санникова, С. И. Сметаниной и других ученых.

Рассматривая языковую игру, В. Я. Пропп говорит о средствах ее достижения: «Язык комичен не сам по себе, потому, что он отражает некоторые черты духовной жизни говорящего, несовершенство его мышления <...> Язык представляет собой богатейший арсенал средств комизма и осмеяния. К ним относятся *каламбуры, парадоксы и всяческие связанные с ними остроты*. Сюда также можно отнести некоторые *формы иронии*». [6, 94–95]. Э. М. Береговская рассматривает языковую игру в пространстве целого текста: «Даже если понимать языковую игру в узколингвистическом смысле – она вездесуща и многолика. И потому она проникает во все сферы человеческой жизни, от бытовой сферы <...> до рекламного слогана, газетного фельетона, ораторской речи и поэтического произведения. Языковая игра вездесуща и потому, что освоила все языковые уровни – фонему, словообразование, лексику, синтаксис» [1, 178–179]. Достаточно разработанным является вопрос функциональной направленности языковой игры на материале разговорной речи, художественных и медийных текстов. Исследователи выделяют следующие функции: эстетическая, обучающая, маскировочная/ психотерапевтическая, эмотивная / экспрессивная и воздействующая [3, 4, 5, 7, 8].

Широкое использование языковой игры в медиатекстах стало неотъемлемой частью современного информационного пространства, что свидетельствует о ее значительном прагматическом потенциале. Являясь одним из средств реализации авторских установок, языковая игра возможна на всех уровнях языка. Опираясь на исследования вышеназванных ученых, которые классифицируют лингвистические средства языковой игры по отнесенности к тем или иным уровням языковой системы, мы предлагаем объединенную классификацию, включающую пять основных уровней: фонетико-графический, словообразовательный, морфологический, лексико-семантический и интертекстуальный. Материалом нашего исследования послужили тексты из российских и французских периодических изданий, теле- и радиопередач, новостных интернет-порталов. Методом сплошной выборки было выявлено и проанализировано около 200 примеров из французских и российских СМИ. Рассмотрим, каким образом языковая игра реализуется на каждом из уровней в медиатекстах различных жанров.

1. Фонетико-графический уровень (намеренное нарушение орфографических норм с целью создания дополнительных коннотаций, установление новых ассоциативных связей за счет обыгрывания омонимов, паронимов, использование прописных букв, латиницы для смыслового выделения определенного элемента и т. д.).

«*Corsa Nostra*» [Le Canard enchaîné, 30.07.2013] – название статьи во французской сатирической еженедельной газете политического толка «Канар аншене», рассказывающей о криминальном происшествии на Корсике. Игра слов основана на созвучии названия сицилийской преступной группировки Cosa nostra и названия острова Корсика (фр.: *Corse*).

«*Un homme de Méforme*» [Le Monde, № 20413, 10.09.2010] – статья о недовольстве французов пенсионной реформой, проведенной министерством труда Франции. Вместо слова *réforme* (реформа) автор использует спортивный термин *méforme* (плохая физическая форма). Благодаря сходству графики и звучания однокоренных слов заголовок приобретает ироничный оттенок.

«*Дура лекс закон не писан*» [Новая газета, 26.07.2013] – речь идет о проблемах судебной власти в России. Название этой статьи представляет собой контаминацию двух паремий: латинского крылатого выражения *dura lex sed lex* – «закон суров, но это закон» и русской поговорки «дуракам закон не писан». В данном случае слияние приводит к нарушению синтаксической нормы, но при этом создает определенный комический эффект за счет написания латинского афоризма кириллицей, так как графически одна из лексем полностью совпадает с русским бранным словом. Этот прием довольно часто используется журналистами для привлечения внимания читателей и выражения собственного отношения к предмету высказывания.

Языковая игра с использованием прописной буквы в новой для нее функции – привлечения внимания – часто встречается в заголовках российских газет и журналов.

«**No pasaРАН**» [Новая газета, 05.07.2013] – в основе названия статьи о реформе Российской Академии Наук лежит политический лозунг времен Гражданской войны в Испании (1936-1939) *¡No pasarán!* (исп.), выражающий твердое намерение защищать свою позицию. Автор нарушает статус словоформы, используя латиницу и аббревиатуру, чтобы обозначить тему и одновременно выразить позицию академиков РАН в отношении данной реформы.

Среди рассмотренных нами примеров из французских медийных текстов подобные случаи не были обнаружены.

2. Словообразовательный уровень (аффиксация, словосложение, в том числе окказиональное словосложение путем сталкивания двух несовместимых лексических единиц, контаминация, обыгрывание имён собственных и т. д.).

«*Les Jeux olympolitiques*» (Le Figaro, 5.08.2008). В своей статье журналист рассказывает об истории бойкотирования олимпийских игр с начала XX века до наших дней. Неологизм *olympolitiques* – результат контаминации двух прилагательных *olympiques* и *politiques* – подчеркивает влияние политических процессов на спортивные события.

«*Une superpuissance hyperendettée*» [Le Figaro, № 20562, 10.09.2010] – автор статьи высказывается о финансовом кризисе США, который коснулся экономики всех стран. Языковая игра проявляется за счет использования в одном словосочетании префиксов *super-* и *hyper-*, имеющих оценочное значение превосходства и превышения нормы. В основе авторского неологизма *hyperendettée* лежит глагол *endetter* (обременять долгами). Чтобы сохранить языковую игру, данное название можно было бы перевести так: «Супердержава в гипердолгах».

«*Игроукалывание*», [«Аргументы недели» № 41, 11.10.2009] – статья о контроле над игорным бизнесом. Языковая игра возникает благодаря созданию нового слова вследствие изменения буквы в слове «иглоукалывание».

«*Переприсягнули*» [«Новая газета», 20.06.2013] – статья о расколе в молодежном движении «Наши», а также его бывшем лидере В.Якименко и его новых проектах. В данном неологизме, образованном с помощью префикса *пере-*, имеющего значение повторности, вторичности действия, считается ирония автора, поскольку присягнуть можно лишь один раз. Этот пример можно в равной степени отнести и к следующему, морфологическому уровню образования языковой игры, поскольку он демонстрирует аграмматичное образование глагола.

3. Морфологический уровень (ненормативное употребление грамматических конструкций).

«*La déclaration d'impôts se veut plus claire et Net*» [Libération, 23.03.2008] – статья об упрощенном заполнении налоговой декларации. В 2008 году французское правительство предоставило населению возможность заполнять декларации через Интернет. Прилагательное *net* имеет значение «четкий, ясный», но написание с заглавной буквы превращает его в сокращенную форму существительного «Интернет» (Internet). Журналист намеренно трансформирует морфологическую категорию, чтобы подчеркнуть простоту и ясность данного административного действия.

То же явление мы наблюдаем в названии репортажа телеканала TV5 Monde «*Au pays du solaire levant*» [TV5 Monde 7 jours sur la planète, dossier № 323, 07.09.2013]. Сюжет посвящен жителям нескольких японских деревень, которые полностью перешли на использование солнечной энергии после аварии на АЭС Фукусима-1 в марте 2011 года в результате сильнейшего в истории Японии землетрясения. В данном случае обыгрывается устойчивый оборот, который во многих языках связан с Японией – *le pays du soleil levant* (страна восходящего солнца). Существительное *soleil* (солнце) заменяется однокоренным прилагательным *solaire* (солнечный), которое является частью словосочетания «солнечная батарея» (*panneau solaire*), что создает эффект языковой игры.

4. Лексико-семантический уровень (обыгрывание многозначности лексической единицы, игры с сочетаемостью слов).

«*Hollande version tamisée à Londres*» [«Liberation» 01.03.2012]. В статье, которая начинается с вопроса «*Who is he ?*», рассказывается о первом визите в Великобританию кандидата от социалистов Франсуа Олланда (2012 г.). Этот официальный визит малоизвестного для британцев политика немного прояснил в его образе. Прилагательное *tamisée* (рассеянный (о свете), неясный, непонятный) созвучно с названием реки Темза – *la Tamise* (фр.), что создает языковую игру.

«*Arctique. Coup de chaud entre la Russie et Greenpeace*» [Le Télégramme, 20.09.2013]. Статья во французском региональном ежедневном издании (Бретань) рассказывает о штурме судна Greenpeace «Арктик Санрайз» российскими пограничными службами после того, как активисты «Гринпис» устроили акцию протеста у платформы «Приразломной» в Печорском море. Словосочетание *coup de chaud* (досл.: «тепловой удар») подчеркивает напряженный, «горячий» характер этого конфликта во льдах Арктики.

«*En Europe, les Verts font grise mine*» [Le Figaro, 03.10.2013] – статья об экологическом конгрессе ООН, на котором климатологи выразили беспокойство по поводу отсутствия поддержки в борьбе с потеплением климата со стороны руководителей крупнейших

государств. Автор обыгрывает цветовые обозначения «зеленый» и «серый», сочетая традиционное название экологов и участников движения в защиту окружающей среды *les Verts* (Зеленые) и выражение *grise mine* (дословно: серое, мрачное лицо), что усиливает экспрессивность заголовка.

«*Сноуден свалился как снег на голову*» – статья на новостном портале YTRO.RU (25.06.2013) посвящена Эдварду Сноудену, бывшему сотруднику секретных служб США, который прибыл в Москву и впоследствии находился в транзитной зоне аэропорта «Шереметьево» более месяца до предоставления временного убежища на территории Российской Федерации. В названии обыгрывается сочетание фамилии, образованной от слова *snow* (англ. «снег») и фразеологизма «свалился как снег на голову», означающего неожиданное, внезапное появление, что подчеркивает реакцию российских властей на действия Сноудена в сложившейся на тот момент политической обстановке.

«*Эта новость, распространенная одним из сетевых агентств сразу после праздника народного единства и победы над смутой, внесла смуту в умы пользователей интернета и буквально взорвала блогосферу*» [Новая газета, 09.11.2012] – цитата из статьи И. Петровской «Познер» закрывается, «Малахов+» возвращается». В данном случае обыгрываются два значения слова «смута»: 1) период в истории России (1598-1613), ознаменованный тяжелым политическим, экономическим и социальным кризисом, получивший название «Смута»; 2) душевное смятение, тревога, расстройство.

«*Поставьте билборды, на которых улыбчивый строитель-предприниматель говорит: «Я люблю Москву! Здесь можно такие бабки срубить!!!»*» [Эхо Москвы, 16.08.2012]. В своем блоге А. Бильжо с горечью рассказывает о вырубке сквера на Новом Арбате, упоминая расставленные по всему городу билборды с надписью «Я люблю Москву!», в которую он иронично предлагает добавить одну фразу. Языковая игра проявляется в использовании разговорного выражения «срубить бабки», вызывающего аллюзию на вырубку деревьев в центре города с целью застройки. В названии статьи «*Скверная история. Про скверик*», обыгрывается созвучие прилагательного «скверный» и существительного «сквер».

5. Интертекстуальный уровень (использование аллюзий, прецедентных текстов любой протяженности, имен и феноменов). Можно выделить два основных типа применения прецедентных текстов:

1) Дословное использование устойчивых выражений, названий и цитат из фильмов, книг и т.п., высказываний известных людей и т. д.

«*Silence, on tourne*» [Charlie Hebdo, 29.02.2012] – статья о фильме Мишеля Хазанавичуса «*The Artist*», завоевавшем множество именитых кинопремий в 2011 году. Заголовок представляет собой реплику-клише «Тишина на площадке!», которую произносит режиссер или его помощник перед началом съемки каждой сцены.

«*Budget des armées: de la poudre aux yeux*» [L'express, 04/10/2013] – статья о заявлении Министерства обороны Франции о том, что оно планирует провести значительное сокращение численного состава армии и военного бюджета. Языковая игра здесь основана на многозначности существительного *poudre* (пыль, порох), что в данном контексте придает фразеологизму *de la poudre aux yeux* (пыль в глаза) новый смысл.

«*Во вторник выяснилось, что известный телеведущий предпочел-таки уйти сам, не дожидаясь, когда генеральный директор Первого канала Константин Эрнст скажет ему: «Давай, до свидания!»*» [Новая газета, 08.11.2012] – фрагмент из приведенной выше статьи И. Петровской о скандальной оговорке В. Познера и ее последствиях. «Давай, до свидания!» – цитата из мейханы (азербайджанской речитативной импровизации), ставшей интернет-мемом.

«*Холокост – клей для обоев?*» – название документального фильма Мумина Шакирова. Идея создания этого фильма возникла у режиссера после выхода программы «Безумно красивые» на канале МузТВ, в которой две студентки, отвечая на вопрос о том, что такое Холокост, предположили, что это клей для обоев. Этот ответ вызвал шквал критики в интернете, а для Мумина Шакирова стал поводом отвезти девушек в Аушвиц-Биркенау и снять историю их мгновенного взросления. Не смотря на дословное воспроизведение

цитаты из телепередачи, вопросительно-утвердительная форма предложения наполняет высказывание новым смыслом, что, на наш взгляд, выражает замысел автора фильма.

2) Трансформация устойчивого выражения, изречения и т.д., замена одного или нескольких элементов другими средствами с целью создания нового смысла.

«*Le roi du flou Alain Afflelou, le prince de l'électro Jean-Michel Jarre et l'acteur pro-Poutine Gérard Depardieu, tous envoient valser le fisc français au prétexte que, quand les bornes de la pression fiscale sont franchies, il n'y a plus de frontières. Un discours aussi vieux que l'impôt sur le revenu*» [Le Canard Enchaîné, № 127, 10.04.2013]. В статье идет речь об «исходе» миллионеров из Франции в связи с повышением налога на доходы, превышающие 1 миллион евро, на 75%. Фрагмент предложения *quand les bornes de la pression fiscale sont franchies, il n'y a plus de frontières* отсылает к знаменитому афоризму французского юмориста Пьера Дака (Pierre Dac) «*Quand les bornes sont franchies, il n'y a plus de limites*» (когда грань перейдена, больше нет пределов). Само прецедентное высказывание построено на игре синонимов *bornes* (края, грани, границы, пределы) и *limites* (пределы, границы). В статье автор заменил лексему *limites* на ее синоним *frontières*, который в данном контексте означает «границы государств». Кроме того, фраза *un discours aussi vieux que l'impôt sur le revenu* (идея стара, как налог на прибыль) – это аллюзия к поговорке *aussi vieux que le monde* (старо как мир).

«*Woerth : « Non, rien de rien, non, je ne retraite rien*» [«Le Canard enchaîné», № 4689, 8.09.2010]. В статье говорится о пенсионной реформе во Франции, обсуждается речь министра труда Эрика Верта перед Национальной Ассамблеей. В названии обыгрывается строчка из знаменитой песни Эдит Пиаф: «*Non, rien de rien, non, je ne regrette rien*». Обыгрывание паронимов *regretter* (сожалеть) и *retraiter* (отправлять на пенсию) в данном контексте создает комический эффект.

«*Камень, ножницы, ценная бумага*» (Коммерсантъ, 29.09.2013) – статья о том, что правительство обнаружило несовместимость замораживания тарифов с инвестированием ФНБ России. В основе этого заголовка лежит название популярной игры на руках «камень, ножницы, бумага», которая иногда используется как методика случайного выбора наряду с бросанием монеты, вытягиванием соломинки и т.п. Языковая игра возникает за счет введения прилагательного «ценная» (бумага).

«*В поисках утраченного общества*» [Коммерсантъ, 27.09.2013] – статья, посвященная заседанию Комитета гражданских инициатив Алексея Кудрина, на котором обсуждалось состояние гражданского общества в России. Лексическая субституция в названии романа М. Пруста «В поисках утраченного времени» придает большую выразительность этому заголовку и имплицитно выражает авторскую оценку этого события.

Как показывают приведенные примеры, для усиления выразительности в медийных текстах, особенно в заголовках, часто используется не один, а сразу несколько приемов игровых трансформаций. Анализ показал, что и во французских и в российских текстах СМИ языковая игра строится чаще на основе полисемии и прецедентности, то есть на лексико-семантическом и интертекстуальном уровнях. Это позволяет говорить о том, что общность фоновых (языковых, социальных, культурных) знаний автора и получателя сообщения в большей степени способствует достижению коммуникативного эффекта языковой игры, независимо от того, на каком языке создан текст. По результатам проведенного исследования можно констатировать также следующие факты: в русских текстах чаще обыгрываются омонимы и паронимы и используются графические средства выделения смысловых элементов; во французских текстах значительно чаще встречается языковая игра, возникающая в результате контаминации лексических единиц. Последнее объясняется тем, что во французском языке телескопия – один из наиболее распространенных способов словообразования и передачи стилистической коннотации.

Весь потенциал используемых игровых приемов служит реализации основной функции языковой игры – воздействию на получателя. В медийных текстах это явление становится наиболее эффективным средством воздействия с краткосрочной целью – привлечения внимания, и долгосрочной целью – формирования общественного мнения.

Литература

1. *Береговская Э. М.* Принцип организации текста как игровой момент // *Русская филология: Ученые записки Смоленского государственного педагогического университета.* – 1999. – С. 159–180.
2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Избранные философские работы.* – М.: Гнозис, 1994. – 520 с.
3. *Земская Е. А.* Языковая игра / *Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. В. Розанова* // *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест* / отв. ред. *Е. А. Земская.* – М., 1983. – С. 172–211.
4. *Клушина Н. И.* Общие особенности публицистического стиля / *Н. И. Клушина* // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие.* – М.: МГУ, 2003. – С. 269–289.
5. *Негрышев А. А.* Языковая игра в СМИ: текстообразующие механизмы и дискурсивные функции (на материале газетных новостей) // *Inter-Cultural-Net. Вып. 5.* Владимир, 2006.
6. *Пропт В. Я.* Проблемы комизма и смеха. – М.: Искусство, 1976. – 183 с.
7. *Санников В. З.* Об истории и современном состоянии русской языковой игры // *Вопросы языкознания* – № 4. – М.: Наука, 2005. – С. 3–19.
8. *Сметанина С. И.* Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 384 с.

Свицова А. А.

Вятский государственный гуманитарный университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КОНЦЕПТА

На данном этапе развития цивилизации человек находится в ситуации интеграции культур и языков. Эпоха глобализма захватывает все стороны бытия, и ни одна культура не может жить изолированно. В связи с этим не возникает ни малейшего сомнения, что лингвокультурология может во многом помочь межкультурной коммуникации. Сравнительная лингвокультурология может стать тем ключом, который поможет выявить не только специфику языков и культур в их взаимосвязи, но и саму сущность языковых и коммуникативных единиц, что в конечном итоге будет способствовать диалогу культур и адекватной репрезентации культурно-языковых единиц языка, тем самым, делая межкультурную коммуникацию успешной. Наиболее перспективными, продуктивными при решении задач лингвокультурологического характера нам представляются научные изыскания, в поле зрения которых оказываются устойчивые, клишированные, имеющие высокий индекс употребления речевые высказывания. Эти высказывания являют собой результат рефлексии, глубинной проработки тем или иным (микро) социумом наиболее актуальных для него понятий, и – как следствие – рельефно показывающие самобытность, оригинальность его языкомышления и речевых поступков [12], такими, безусловно, являются пословицы.

Лингвокультурология, как определяет ее В. Н. Телия, это дисциплина, исследующая «прежде всего живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа» [21, 218]. Лингвокультурология стремится к экспликации культурно-национальной значимости единиц, которая достигается на основе соотнесения их с концептами общечеловеческой или национальной культуры [21, 30] и, как и любая научная дисциплина, обладает своим категориальным аппаратом – системой базовых терминов. Одной из ее насущных задач является изучение человека в языке, и, по мнению А. А. Залевской, человек должен быть изучен «как функционирующий в реальных условиях языка и культуры» [9, 42].

Одним из ключевых понятий лингвистики и лингвокультурологии, соотносимым с определенной совокупностью выраженных в языке ментальных представлений человека об

объектах и явлениях окружающего мира, а также с совокупностью представлений о самом человеке, является термин «концепт». В лингвистической литературе термин «концепт» трактуется по-разному, исходя из того релевантного признака, который является основой дефиниции. Так, одни ученые под концептом понимают некоторые подстановки значений, скрытые в тексте «заместители» множества предметов, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом [2].

Другая точка зрения базируется на том что, концепт относится к первичному культурному социопсихическому образованию в коллективном сознании, опредмеченному в той или иной языковой форме [16]. Концепт рассматривается как совокупность его «внешней», категориальной отнесенности и внутренней, смысловой структуры, имеющей строгую логическую организацию. В основе концепта лежит исходная, прототипическая модель основного значения слова (т.е. инвариант всех значений слова), в связи с этим можно говорить о центральной и периферийной зонах концепта, причем последняя способна к дивергенции, т. е. вызывает удаление новых производных значений от центрального. «Внешняя» и «внутренняя» стороны выходят на его центральный, базисный элемент. Для внутренней структуры он служит основой прототипического значения всех словоупотреблений данного слова, для внешней – моделью категоризации всех его значений. Структура концепта может быть цепочечной, радиальной и смешанной.

Лингвокогнитивный подход к концепту относит концепты к моделям сознания, которые существуют в сознании личности, и также являются единицами информационной структуры, которые отражают знание и опыт человека. Компонентами являются представления и понятия о предметах и явлениях окружающего мира и отношения между ними [13]. Рассматривая природу и структуру концепта с позиций психолингвистики, А. А. Залевская и В. А. Пищальникова особо подчеркивают сложную структуру концепта, отражение в нем как рационального, так и эмоционального способов освоения мира, сочетание как абстрактных, так и конкретных компонентов [8, 18]. По А. Вежицкой, концепт – это объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире «Действительность» [3].

Ю. С. Степанов и С. Х. Ляпин стоят на позициях лингвокультурологического подхода к пониманию концепта. Ю. С. Степанов предлагает различать термины «понятие» и «концепт», относя первый к логике и философии, а второй – к одной отрасли логики (математической логике), а в последнее время также к культурологии [20]. Концепт трактуется им как основная ячейка культуры в ментальном мире человека, в которой, с одной стороны, заложено содержание понятия, а с другой – все то, что делает его фактом культуры – этимология, краткая история данного концепта, современные ассоциации, оценки, переживания. «Концепт – это как бы ступок культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [20, 43]. Все концепты, в свою очередь, опираются на некоторые предельные базовые инварианты человеческой жизни: групповая общность, телесность (экзистенциальные моменты, связанные с личной историей и физиологией человека), иерархия групп и отношения означивания. В концепт входит как все то, что определяет значение и смысл понятия, так и то, что делает его фактом культуры: этимология, история, применение в научных дисциплинах, сопутствующие социальные оценки. Концепт переживается, это целостный «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, интенций, воспоминаний.

Как нам представляется, различие между лингвокогнитивным и лингвокультурными подходами заключается в том, что при лингвокогнитивном подходе акцент делается на то что, концепт – это единица сознания, которая связана с ментальным лексиконом человека. В лингвокультурологии концепт – это «константа культуры» [20] то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, одновременно являясь средством, с помощью которого

сам человек входит в культуру. Вместе с тем, лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими: концепт как ментальное образование в сознании индивида связан с концептосферой социума, т. е. в конечном счете, с культурой, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием каждого человека. Другими словами, эти два подхода различаются подходами к носителю языка: когнитивный подход к концепту предполагает направление от индивидуального сознания к культуре, а культурологический подход – направление от культуры к индивидуальному сознанию.

Все это позволяет охарактеризовать концепт как сложную культурно-значимую оперативную единицу сознания, имеющую различные формы репрезентации в языке, а «интеграция лингвокультурного и лингвокогнитивного подходов может сделать исследования в этой области наиболее полными и глубокими и способствовать созданию концептуально-культурологического направления» [17, 8]. Вслед за Ю. С. Степановым, мы определяем концепт как этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия, образ и оценку, и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации множество однопорядковых предметов (в широком смысле слова), вызывающих пристрастное отношение к ним человека, это «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и одновременно это то, посредством чего человек сам входит в культуру и влияет на нее» [20, 47]. Таким образом, содержание концепта многомерно и многопланово. В связи с этим, как отмечает В. И. Карасик, целесообразно противопоставлять 1) объективное потенциальное содержание или концепт, 2) содержательный минимум, представленный в словарной дефиниции и являющийся частичной и субъективной актуализацией концепта, 3) конкретизацию содержательного минимума (которая, в свою очередь, включает тематизацию, прагматизацию, сюда же относятся статусно-ролевые, ситуативные, этноспецифические обертоны языковых реалий) [11]. Похожую точку зрения на разную степень экспликации содержания концепта можно обнаружить и у А. Вежбицкой, когда она вводит термины концепт-минимум и концепт-максимум в зависимости от того, владеет ли рядовой носитель языка смыслом слова полностью или нет [4].

Паремиологический фонд отдельного языка «инвентаризует» набор моделей ситуаций и отношений, возникающих в обществе его носителей [19]. Представление о каждой такой модели опирается на отдельный концепт, демонстрирующий существование в конкретной этнической культуре определенной ценности. В. И. Карасик считает необходимым объединять концепты, раскрывающие ценностные приоритеты соответствующей культуры, в системы или, называя их по-другому, в лингвокультурные доминанты и указывает, что они могут быть «измерены», а их этнокультурная специфика может быть выявлена путем сопоставления ценностных суждений, вытекающих из стереотипов поведения, зафиксированных в значениях слов, устойчивых выражений, прецедентных текстов, какими, безусловно, являются пословицы [11]. В разных лингвокультурах фокусировка и членение концептуального пространства осуществляется по-разному. При совпадении этого членения у людей из разных культур будет больше предпосылок для адекватной коммуникации, нежели при несовпадении. Наиболее эффективным путем выделения национально-специфичных концептов из языков является их межъязыковое сопоставление. Д. О. Добровольский считает, что концепт небезразличен к своей языковой манифестации, и поэтому, если в языке существует ряд идиом, по-разному выражающих один и тот же концепт, т.е. основания считать, что этот концепт нетождественен сам себе, а это разные концептуальные варианты и соответственно это разные семантические структуры [7]. Например, при сопоставлении американской и русской концептосфер обращает на себя внимание то, что концепты русской культуры, относящиеся к духовной и эмоциональной стороне жизни, часто не имеют американских аналогов (например: концепты «душа», «судьба», «тоска»). В то же время концепты американской культуры, не переводимые на

русский язык, в большинстве своем отражают прагматический и активистский характер американской культуры [14]. В. И. Карасик утверждает, что различие между представлением тех или иных концептов в разных языках «выражается большей частью не в наличии или отсутствии определенных признаков, а в частотности этих признаков и их специфической комбинаторике» [10, 15].

При лингвокультурологическом подходе происходит более глубинное и результативное изучение половиц в их системном функционировании в речи и языке.

Литература

1. *Алефиренко Н. В.* Провербиальное порождение культурных концептов и их фразеологическая репрезентация // *Филологические науки*. – 2002. – № 5. – С. 72–82.
2. *Аскольдов С. А.* Концепт и слово // *Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология*. – М., 1980. – 340 с.
3. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 41 с.
4. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Наука, 2001. – 288 с.
5. *Добровольский Д. О.* Фразеология в ассоциативном словаре / Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. – 1992. – Т. 52. – № 6. – С. 3–4.
6. *Добровольский Д. О.* Ассоциативный фразеологический словарь русского языка / Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 116 с.
7. *Добровольский Д. О.* Образная составляющая в семантике идиом // *Вопросы языкознания*. – 1996. – № 1 – С. 71–94.
8. *Залевская А. А.* Психолингвистические проблемы семантики слова. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1982. – 80 с.
9. *Залевская А. А.* Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // *Языковое сознание и образ мира*. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 39–55.
10. *Карасик В. И.* Культурные доминанты в языке // *Языковая личность: культурные концепты*: сб. науч. тр. ВГПУ, ПМПУ. – Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 12–18.
11. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 330 с.
12. *Колишанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 108 с.
13. *Кубрякова Е. С.* Концепт // Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкратц, Л. Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – С. 90–94.
14. *Леонтович О. А.* Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию. – Волгоград: Перемена, 2003. – 399 с.
15. *Локк Дж.* Сочинения: в 3-х т. / ред. И. С. Нарский, А. Л. Субботин. – Т. 1. – М.: Мысль, 1985. – 432 с.
16. *Ляпин С. Х.* Концептология: к становлению подхода // *Концепты: науч. тр. центра концепта*. – Вып. 1. – Архангельск, 1997. – С. 11–35.
17. *Нерознак В. П.* Теория словесности: старая и новая парадигмы // *Семиотика и информатика: сб. науч. ст.* – М.: 1998. – Вып. 36. – С. 5–8.
18. *Пищальникова В. А.* Национальная специфика картины мира и ее репрезентация в языке // *Языковое сознание: содержание и функционирование*. – XIII междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 189–190.
19. *Савенкова Л. Б.* Русские паремии как функционирующая система: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2002. – 46 с.
20. *Степанов Ю. С. Проскурин С. Г.* Константы мировой культуры / Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин. – М.: Наука, 1993. – 158 с.
21. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурные аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 284 с.
22. *Mel'cuk Ig.* Collocations and lexical functions // *Phraseology: Theory, Analysis and Applications*. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 23–41.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ РЕЗЮМЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ (на материале европейских лингвокультур)

Представления о резюме, как о виде делового письма, востребованного в процессе трудоустройства, носят в современном деловом дискурсе достаточно универсальный характер, сформировавшийся под влиянием основных принципов рыночной экономики: экономическая свобода участников производственного процесса, наличие конкуренции, максимизация частной выгоды как цель экономической деятельности.

Для современных носителей немецкого, английского, испанского, русского и других языков резюме в рамках делового дискурса является способом представления собственной кандидатуры для участия в конкурсном отборе кандидатов на определённую должность, место работы или учёбы. Тем не менее, практика свидетельствует о том, что в различных лингвокультурах в ситуации трудоустройства закрепляется свой особый порядок действий как со стороны соискателя, так и работодателя. В то же время в современном международном деловом дискурсе сохраняется общая структура и последовательность компонентов процесса трудоустройства, включающих в себя сложные взаимосвязанные речевые действия «поиск нового места работы» и «поиск сотрудника на вакантную должность».

С позиции соискателя данные компоненты выглядят следующим образом: изучение объявлений о вакансиях, выбор подходящей вакансии и подготовка резюме для участия в конкурсном отборе на вакантную должность, представление резюме работодателю, личное собеседование с работодателем, оповещение работодателя о принятом решении, получение желаемого места работы. С позиции работодателя компонентами сложного речевого действия «поиск сотрудника на вакантную должность» являются: составление объявления о вакансии, изучение представленных соискателями резюме и отбор наиболее подходящей кандидатуры, проведение собеседования с отобранным кандидатом, оповещение соискателя о принятом решении, зачисление в штат нового сотрудника. В целом процесс трудоустройства в международном деловом дискурсе отражает Табл. 1.

Таблица 1. Последовательность процесса трудоустройства в международном деловом дискурсе

Этапы (Речевые ситуации)	Сложное речевое действие	
	Работодатель (поиск сотрудника)	Соискатель (поиск работы)
1	↓ составление объявления о вакансии →	↓ выбор подходящей вакансии и подготовка резюме для участия в конкурсном отборе на вакантную должность ↓
2	изучение представленных соискателями резюме и отбор наиболее подходящей кандидатуры ↓	← представление резюме работодателю
3	↓ проведение собеседования с отобранным кандидатом ↔	↓ личное собеседование с работодателем ↓
4	↓ оповещение соискателя о принятом решении ↔	↓ оповещение работодателя о принятом решении ↓
5	↓ зачисление в штат нового сотрудника ↔	↓ получение желаемого места работы

Каждый из компонентов сложного речевого действия задает ситуативный контекст, в рамках которого появляются языковые произведения участников коммуникативной ситуации. Национальная специфика процесса трудоустройства в различных странах может проявляться в разнообразии данных языковых произведений, особенностях их формального и языкового наполнения, а также в количестве речевых ситуаций в составе сложного речевого действия. В частности, анализ литературы, а также текстов резюме на различных языках показал, что резюме, как инициативное деловое письмо, направленное от соискателя работодателю с целью заявить о своем желании и возможностях исполнять те или иные профессиональные обязанности, имеет существенные отличия в различных лингвокультурах.

Так, например, в **Великобритании** и в **США** процесс трудоустройства полностью совпадает с вышеописанным, при этом соискатель отправляет на имя работодателя письмо (Cover Letter), в котором он заявляет о своём желании получить вакантную должность, а также автобиографию (Résumé / Curriculum Vitae), где он указывает сведения о своём образовании, прежних должностях и местах работы. В Великобритании под «резюме» понимается Curriculum Vitae (CV), в то время как в американском дискурсе трудоустройства исследователи отмечают, что Curriculum Vitae более распространены в сфере образования, тогда как Résumé (автобиография) больше распространены при соискании технических, административных и вспомогательных должностей [5, 183]. В данных документах, как правило, не приветствуется личная информация (фотографии, сведения о семье, возрасте, увлечениях, хобби). Существенным отличием CV от Résumé, является объем текста. Несмотря на то, что толковые словари определяют и Résumé и CV как краткое описание трудовой деятельности человека, рекомендуемый объем текста Résumé составляет 1–2 страницы, в то время как объем текста CV может достигать нескольких страниц и содержать развернутое перечисление трудовых достижений человека [3]. Объем текста CV зависит в первую очередь от сферы деятельности, так максимально развернутые CV обычно требуются при поступлении на работу в научные и медицинские учреждения. В Великобритании большинство соискателей также заполняют анкету, предоставленную работодателем, содержащую ряд детализированных вопросов, касающихся конкретных профессиональных или личностных знаний и характеристик. Необходимо отметить, что в Великобритании, как и в США предоставление документов, подтверждающих наличие профессиональных навыков у претендента (дипломов, сертификатов, характеристик) не является обязательным, и в зависимости от желания претендента осуществляется непосредственно на личном собеседовании.

В **Испании** претенденты также подготавливают два документа: деловое письмо с заявлением соискателя о желании получить определённую должность (Carta de Candidatura) и краткую автобиографию претендента в форме таблицы (Curriculum Vitae, CV). Приложение документов, подтверждающих уровень образования или наличие профессиональных навыков, также не требуется. Особенностью трудоустройства в Испании представляется практика многократных собеседований. Соискатель вакантной должности может быть приглашён на собеседование по вопросу трудоустройства у одного и того же работодателя несколько раз.

Специфика трудоустройства в современной **немецкой** деловой культуре проявляет себя в существовании представлений о строго определённой последовательности действий в случае поиска нового места работы. В немецком языке деловое письмо, направляемое от соискателя потенциальному работодателю с выражением желания получить определенное место работы или учебы, называется Bewerbungsanschreiben или Bewerbungsschreiben. Данное название делового письма является производным от *Bewerbung*, обозначающим процесс представления собственной кандидатуры на определённую должность. Однако слова *Bewerbung* и *Bewerbungsanschreiben* часто используются как синонимы [6, 170]. Кроме того, в последнее время в этом же значении в немецком языке все чаще употребляется существительное *Motivationsschreiben* или *Motivationsbrief* (мотивационное письмо), которое ранее применялось в значении «резюме» исключительно в академических кругах. Таким

образом, на сегодняшний день для обозначения понятия «резюме» в немецком языке используются следующие синонимы: *Bewerbungsanschreiben* / *Bewerbungsschreiben*, *Bewerbung*, *Motivationsschreiben*.

Резюме как особая разновидность делового письма является одним из обязательных компонентов целого пакета документов (*Bewerbungsmappe*), представляемых соискателем предполагаемому работодателю. Объем пакета документов зависит от специфики трудовой деятельности на различных предприятиях. Наиболее полный пакет документов (*Bewerbungsmappe*) может состоять из титульного листа (*Deckblatt*), резюме (*Bewerbungsanschreiben*), биографии (*Lebenslauf*), отдельного списка профессиональных компетенций, которыми владеет соискатель (*Dritte Seite*, *Kompetenzenprofil*), списка различного рода аттестатов, свидетельств, грамот с приложением их копий (*Zeugnisse*), отзывов или характеристик с предыдущих мест работы (*Referenzen*). *Bewerbungsanschreiben* (резюме) и *Lebenslauf* (автобиография) соискатель отправляет потенциальному работодателю по почте или в электронном виде. Если резюме произвело на работодателя нужное впечатление, то соискатель приглашается на личное собеседование, где он представляет весь необходимый пакет документов для подтверждения собственных профессиональных умений и навыков.

Работодатель принимает решение о принятии на работу каждого отдельного соискателя после тщательного анализа результатов собеседования и представленных соискателем документов. Принятое решение, в том числе негативное (отказ), преимущественно в письменном виде (письмо, электронное письмо) обязательно доводится до сведения соискателя, в течение определённого, заранее оговоренного срока. Обращает на себя внимание тот факт, что процесс представления собственной кандидатуры на участие в конкурсном отборе (*Bewerbung*) в немецкой культуре относится не только к сфере трудоустройства. Аналогичная последовательность действий присутствует и в других сферах социальной системы: при написании заявок для участия в академических образовательных программах (в том числе полностью оплачиваемых соискателем), а также для участия в различного рода социально-ориентированных мероприятиях на безвозмездной основе (например при участии в волонтерской деятельности) и т. д. Таким образом, можно отметить, что процесс выдвижения собственной кандидатуры на должность, обязательным компонентом которого является написание соискателем резюме, в современном немецком обществе представляет собой определённый алгоритм действий, сопровождающихся соответствующими правилами организации речевой деятельности адресата и адресанта. Любое отклонение от заданного рече-поведенческого сценария оборачивается невыполнением как коммуникативной, так и прагматической цели сложного речевого действия.

В русском языке *резюме* определяется следующим образом: 1) краткое изложение сути написанного, сказанного или прочитанного; 2) краткий вывод, заключительный итог чего-либо; 3) краткое изложение трудовой биографии лица, устраивающегося на работу [2, 576]. Необходимо отметить, что ни один толковый словарь русского языка не определяет резюме в качестве делового письма. Наиболее полное описание понятия резюме в качестве современного жанра официально-делового стиля встречается лишь в словаре лингвистических терминов, изданного в 2010 г. Данный словарь определяет резюме как письменный текст с краткой информацией о себе, составляемый ищущим работу для дальнейшего предложения работодателю [1, 370]. Многие современные словари определяют резюме как автобиографию, жизнеописание [4]. Таким образом, в современном русском языке резюме это текст, документ, изложение, заявление о приеме на работу, автобиография и др., но не деловое письмо. Анализ корпуса текстов резюме на русском языке обнаружил существенные отличия «русского» резюме от его «немецкого» аналога. Подавляющее большинство резюме на русском языке как с формальной, так и с содержательной точки зрения являются автобиографиями, где основная информация располагается в таблице и более соответствуют немецкому понятию «*Lebenslauf*». То есть представления о письме,

содержащем заявление соискателя о его желании получить определённую должность, представленные в других языках названиями *Cover Letter* (английский язык), *Carta de Candidatura* (испанский язык), *Bewerbungsanschreiben* (немецкий язык), являются чуждыми для русского языка.

Таким образом, несмотря на унификацию процесса трудоустройства в современном международном деловом дискурсе, в каждой из лингвокультур существуют особые понятия и термины для обозначения речевых произведений, возникающих на различных этапах процесса трудоустройства. Данное понятийное и терминологическое разнообразие отражено в Табл. 2.

Таблица 2. Соотношение названий речевых произведений соискателей на этапе представления резюме работодателю в различных странах

США	Великобритания	Испания	Германия	Россия
1. Cover Letter 2. Résumé / Curriculum Vitae	1. Cover Letter 2. Curriculum Vitae	1. Carta de Candidatura 2. Curriculum Vitae	1. Bewerbungsanschreiben / Bewerbung / Motivations schreiben 2. Lebenslauf	Резюме

Наличие различных речевых произведений соискателей на этапе представления работодателю информации о себе в западноевропейских странах, а также присутствие синонимов в названии данных речевых произведений свидетельствует о существовании в деловом дискурсе каждой из лингвокультур единого алгоритма действий в ситуации поиска нового места работы. Каждое из речевых произведений, как компонент данного алгоритма, имеет особую цель и названия, понятные для носителей данной лингвокультуры. Однако эти речевые произведения не являются универсальными. В частности, для носителей русской культуры все, представленные в Табл. 2 названия речевых произведений, будут соответствовать понятию «резюме».

Таким образом, зафиксированные в каждом из языков различные названия речевых произведений соискателей на этапе первого представления работодателю информации о себе, свидетельствует о существовании в различных лингвокультурах национальных вариантов процесса трудоустройства, отражающих особенности национального делового дискурса. Данные особенности представляют собой взаимодействие процессов глобальной унификации международного делового дискурса, с одной стороны, и процессов национально-культурной специфики каждой из стран, с другой.

Литература

1. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2010.
2. Москвин А. Ю. Большой словарь иностранных слов. – М.: Центрполиграф, 2007.
3. Портал по трудоустройству Jobsearch. URL: <http://jobsearch.about.com>
4. Свободная энциклопедия Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org>
5. Стеблецова А. О. Дискурс трудоустройства в сопоставительном аспекте: национальная специфика коммуникативных культур // Вестник ВГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж: ВГУ, 2010. – № 2. – С. 182–186.
6. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Berlin und München: Langenscheid KG, 2003.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИТ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ГЕОГЛИФОВ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

С доисторических времен человечество старалось оставить какую либо информацию для грядущих поколений. Первоначально использовались наскальные рисунки, отражающие быт и чаяния исторического человека. К наиболее известным изображениям следует отнести фрески Тассили, исследования которых осуществлял Анри Лот, наскальные изображения в пещерах, наскальные изображения по всему миру. С появлением знаковой письменности, информация стала предоставляться в виде знаков, иероглифов, геометрических фигур. Рисунки и иероглифы отображали как обычную жизнь людей, так и исторические события, в основном посвященные победам правителей. Однако среди различного рода информации встречаются надписи, фрески, которые служили ориентирами в путешествиях, астрономическими календарями, культовой информацией. Существуют геометрические символы и построения, которые на сегодняшний день полностью не соответствуют ни одной из теорий. Среди таких построений особое место занимают геоглифы.

Геоглифом обычно называют нанесенный на поверхности планеты узор или геометрический символ, размером в несколько десятков метров. Считается, что существующие геоглифы наносятся либо способом удаления грунта или скальной породы, или при помощи отсыпания соответствующих линий на поверхности при помощи более мелких составляющих грунта, таких как щебень, песок.

Работа посвящена исследованию геоглифов Южной Америки. При исследовании геоглифов Южной Америки мы использовали различные компьютерные программы, а также интернет технологии, которые включают в себя спутниковые интернет платформы (СИП). СИП позволил нам использовать облачные технологии – Google Earth (Google Планета Земля).

Google Earth автоматически подкачивает из интернета необходимые пользователю изображения. Для визуализации изображения используется трехмерная модель всего земного шара с учетом высоты над уровнем моря. Имеется огромное количество данных, которые можно подключить по желанию. Например, названия населенных пунктов, водоемов, дорог и другая информация.

Для рисования трехмерных моделей-геоглифов мы использовали упрощенные 3D-редактор Google SketchUp. Google SketchUp и Google Earth представляют собой составные компоненты единой семьи программных продуктов, поэтому пользователь может легко переносить информацию из одного пакета в другой.

Так, в частности, при моделировании копий архитектурных сооружений можно легко импортировать аэро- или спутниковую фотографию нужного здания, а также топографию местности из Google Earth, а затем «строить» виртуальное здание-модель на фундаменте, которым будет спутниковая фотография здания-прототипа.

А для того, чтобы увидеть только что созданную в программе SketchUp 3D-модель «в виртуальной жизни» на рельефе Google Earth, достаточно щёлкнуть иконку на панели инструментов. Для обмена информацией между программами достаточно, чтобы обе они были установлены на компьютере пользователя.

При исследовании мы использовали стандартное приложение Paint и платные программы Photoshop и Corel Draw. Они помогли нам нарисовать размеры геоглифов, что помогло нам при дальнейшей их классификации, нарисовать карту и увидеть, как расположены геоглифы, провести градиентный анализ по цветам.

Предметом исследований являются наскальные и поверхностные изображения различных размеров. Объектом исследования являются геоглифы Южной Америки, в частности плато Наска, плато Пальпа, и горы Великан Атакамы.

Первые упоминания о геоглифах относятся к 16 веку (книга об освоении Южной Америки). Однако достоянием специалистов геоглифы стали благодаря развитию воздухоплавания, в частности авиации. Согласно исторической справки в 1935 году совершая полет над плато Наска пилот увидел некоторые рисунки, напоминающие животных (рис. 1).

Рисунок 1. Колибри

Эта информация стала достоянием гласности, однако начавшаяся вскоре вторая мировая война отложила научные изыскания. В конце 40-х годов проблемой геоглифов плато Наска заинтересовалась немецкая исследовательница Мария Райхе. В течение долгого времени она исследовала рисунки и геометрические формы геоглифов (рис. 2).

Рисунок 2. Паук

До определенного времени работы в области исследования геоглифов и сами геоглифы были известны только лишь незначительному числу специалистов. Всемирную известность плато и его рисунки приобрели благодаря фильму и книге Эриха фон Деникина Воспоминание о будущем, где автор выдвигает гипотезу внеземного происхождения рисунков.

В настоящее время существует ряд гипотез о происхождении и назначении этих геоглифов. Однако все они наряду с определенными достоинствами имеют и ряд существенных недостатков.

Целью данной работы является отработка гипотезы взлётно-посадочных полос (ВПП), предназначенных для ритуально-культовых действий (рис. 3).

Рисунок 3. ВПП с размерами

ВПП были анализированы по размерам (длина и ширина), высоте над уровнем моря с помощью программы Google Earth «линейка». С помощью программы Corel Draw все размеры и высоты над уровнем моря были изображены на рисунках.

В основе научно исследовательской работы лежит гипотеза о культовом назначении ВПП. Человечество с давних времен мечтало летать. Так каждый вождь племени строил для своего клана ВПП (рис. 4). Затем либо по причине смерти, либо просто для того, чтобы наследник или состоятельный человек был ближе к богам, ему нужно было приблизиться к небесной обители, к небесам.

Рисунок 4. ВПП с размерами

Для этого строилась полоса, имеющая вид вытянутого треугольника. При этом узкая часть выше широкой части, относительно уровня моря на несколько метров, что создает перепад высоты.

У основания широкой части вкапывались два столба. На концах ВПП с помощью программы Google Earth были найдены отверстия, в которые вбивались столбы (рис. 5).

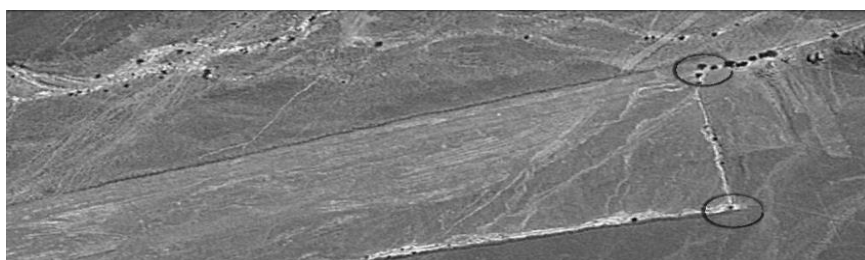

Рисунок 5. ВПП с отверстиями

На конце стрелы располагался человек, предназначенный для церемонии. После принуждения к движению лам, стрела начинала двигаться в направлении против ветра. Одновременно из бочонка проливалось некоторое количество воды на глиняную поверхность, что существенно уменьшало трение о поверхность. Стрела двигалась по направлению к уширению полосы. Дополнительный наклон ускорял движение стрелы и уменьшал трения (рис. 6).

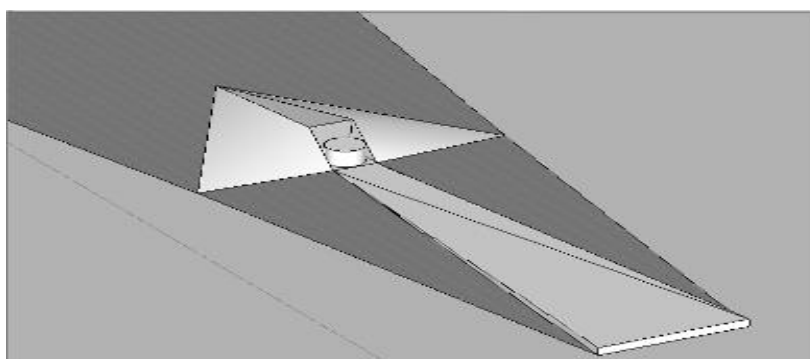

Рисунок 6. Летательный аппарат (стрела)

Если перемещаться по направлению полосы, то через 4–5 километров появляется новая. Откуда следует вывод, что летательный аппарат перемещался на расстояние от 2 до 7 километров за один взлет. Двигаясь по направлениям полос, можно плато Наска по кругу (рис. 7). Причем полеты были как пилотируемые, так и беспилотные для перемещения хозяйственных грузов, ритуальных действий.

Рисунок 7. Границы государства

Если перемещаться по направлению полосы, то через 4–5 километров появляется новая. Откуда следует вывод, что летательный аппарат перемещался на расстояние от 2 до 7 километров за один взлет. Двигаясь по направлениям полос, можно облететь Наскию по кругу. Причем полеты были как пилотируемые, так и беспилотные для перемещения хозяйственных грузов, ритуальных действий (рис. 8).

Рисунок 8. ВПП

Насканцы жили на побережье рек, а общались между собой при помощи летательных аппаратов, которые представлены в виде модельного рисунка в Google SketchUP, однако письменности у них не было, просто они умели перемещаться по воздуху.

Одной из гипотез, предложенной авторами является временный диапазон существования цивилизации около 10 тысяч лет назад. В более чем 800 километрах южнее Наскии находится удивительный геоглиф, известный по названием гигант Атакамы. (Gigante de Tarapaca) (рис. 9).

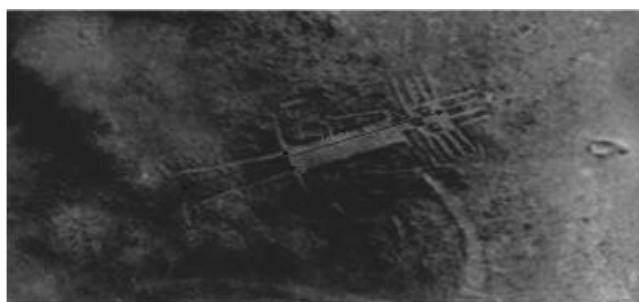

Рисунок 9. Gigante de Tarapaca

Возраст его оценивается от 9000 до 10000 лет. Если внимательно посмотреть вокруг, то можно увидеть такие же полосы, которые характерны для Наскии (рис. 10), кроме этого у подножья горы Великан Атакамы отображено большое количество концентрических кругов (Рис. 11), идентичные круги отображены и в Наскии. Все это наводит на мысль, что у полосок и концентрических кругов атакамы и Наскии, одни и те же авторы.

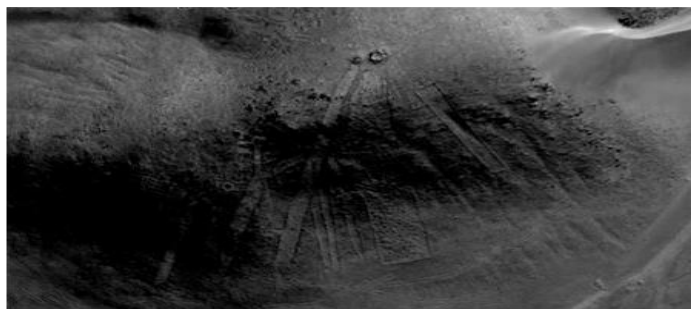

Рисунок 10. Горы Gigante de Tarapaca.

Рисунок 11. Круги Gigante de Tarapaca.

Как они попали так далеко на юг? В результате некоего катаклизма практически вся цивилизация Наски была смыта в океан. Если посмотреть на океанические течения, то холодное перуанское течение делает большой круг к северу, к экватору. А затем через юг, снова подходит к территории уже Чили, как раз в районе гиганта Атакамы (Рис. 12).

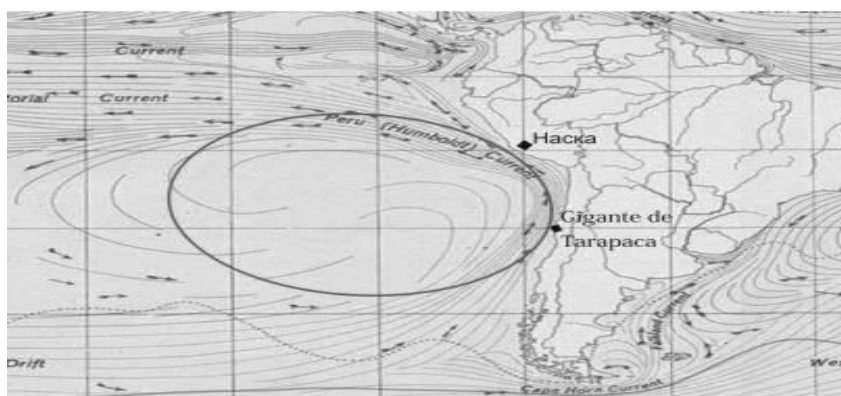

Рисунок 12. Течение Гумбольта

Таким образом, в результате исследований создана трехмерная модель летательного аппарата, идентифицированы и классифицированы полосы, проведен градиентный анализ изменение интенсивности цветовой гаммы полос с целью их дальнейшей идентификации по времени создания. Определены границы существования древнего города. Разработаны основы теории существования и исчезновения древней цивилизации.

В результате исследований используя спутниковые интернет-технологии выявлены и идентифицировано около 300 полос и линий, 20 рисунков животных, птиц, рыб и насекомых, с указанием их положения, используя географические координаты.

При помощи трехмерного графического редактора изображены ВПП. Решены следующие основные задачи.

1. Составлена статистическая база ВПП и построены графики соответствующие длинам и площадями ВПП.
2. Определен диапазон наклонов ВПП. Он колеблется от 0,08 до 0,009 градусов. Классифицированы все полосы на три группы. Первая группа ВПП - у которых

узкая часть находится выше широкой части относительно уровня моря. Таких 40 ВПП. Вторая группа - узкая часть ниже широкой, таких соответственно 16 и третья обе части находятся на одном уровне. Их 15.

3. Используя спутниковые интернет-технологии, а именно фотографии, полученные со спутника пиктограмму пипетка, в графическом редакторе, определены характерные цвета ВПП для разного времени, в частности для 14 41 36.41 Ю, 75 10 34.44 З. Основной базой в данном случае будет являться несколько ВПП, наложенных друг на друга, что говорит о времени отображения. Соответственно нижняя создана раньше, чем верхняя.
4. Определена основная роза ветров, господствующие ветра для различного времени года. Графически отображены ВПП и господствующие ветра.
5. Проанализированы возможные направления ветров, возникающие при эффекте Эль-Ниньо. Используя источники 16 века, смогли идентифицировать направление господствующих ветров и направление ВПП.
6. Классифицированы ВПП, имеющие два отверстия у основания широкой части ВПП.

Литература

1. Педро де Сьеса де Леон. Хроника Перу. URL: http://mesoamerica.narod.ru/Nonmeso/pedro_cieza_leon_peru0.html
2. Тайна пустыни Наска. Взгляд из России. URL: <http://nazca.chat.ru>
3. Пустыня Наска – творение неизвестного разума? URL: http://aminpro.narod.ru/tayn_0013.html
4. Культуры Ика – Наска – Паракас. URL: http://latino-america.ru/south_america/peru/ica_nazca_paracas_culture.html
5. Перу и Боливия задолго до инков. Геоглифы Наска и Пальпа. URL: http://sv-rasseniya.narod.ru/booki/Peru_Bolivia/8.html

Шевцова В. В.

Кубанский государственный университет

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕРМИНА «КОНЦЕПТ»

В современной лингвистической науке широко используется термин «концепт», являясь одним из самых популярных и наиболее часто употребляемых определений.

Концепт является калькой латинского *conceptus* «понятие» от глагола *concupere* «значить», т.е. буквально «понятие, зачатие»; *понятие* от глагола *пояти*, древне-русский «схватить, взять в собственность». В современных английских словарях указано, что слово «концепт» – *concept* происходит от английского глагола постигать, понимать – *to conceive*. Концепт представляет собой семантический аналог русского слова «понятие», и активно используется в качестве «зонтикового термина» с начала 1990-х гг., выстояв в конкурентной борьбе с такими претендентами, как «лингвокультурема», «мифологема», «логоэпистема» [2, 22].

Возникновение категории концепта как таковой исторически восходит к Пьеру Абеляру (1079–1142), который впервые ввел термин «концепт» в философию, в связи с анализом проблемы универсалий, потребовавшим расщепления языка и речи. Концепт, по мнению ученого, формируется речью, речь осуществляется не в сфере грамматики (грамматика включена в нее как часть), а в пространстве души с ее ритмами, энергией, жестикულიцией, интонацией, бесконечными уточнениями, составляющими смысл комментаторства. Концепт предельно субъектен. Изменяя душу индивида, обдумывающего вещь, он при своем формировании предполагает другого субъекта (слушателя, читателя), актуализируя смыслы в ответах на его вопросы. Обращенность к слушателю всегда предполагала одновременную обращенность к Богу. Память и воображение – неотторжимые свойства концепта, направленного с одной стороны на понимание здесь и теперь; с другой

стороны – концепт синтезирует в себе три способности души и как акт памяти, ориентирован на прошлое, как акт воображения – в будущее, как акт суждения – в настоящее [10, 32].

Абеляр рассматривает концепт как форму «схватывания» смысла; как «собрание понятий, замкнутых в воспринимающей речь душе»; «связывание высказываний в одну точку зрения на тот или иной предмет при определяющей роли ума, преобразующего высказывания в льнущую к Богу мысль» [7, 141].

Концепты, в понимании Абеляра, предстают как логико-лингвистические категории, образующие мост между миром мысли и миром бытия. При этом они не всегда имеют основание в реальной природе вещей, но могут являться искаженными образами действительности. Таким образом, в центре внимания философа оказывалась не вещь, не слово как звучание голоса, а слово как значение. Как отмечает С. С. Неретина, Абеляр вовсе не отождествлял концепт с понятием, как это делалось в последующей логико-философской традиции. Для Абеляра концепт предельно субъективен, связан не с языковыми структурами, но с речью, ориентирован на адресата, формируется под влиянием не только логических процедур абстрагирования, но также чувственного опыта и воображения.

Для средневековых исследователей (Августин, Аквинский) концепт есть внутреннее постижение вещи в уме, выраженное через знак, как единство идеального и материально-феноменального [10, 32]. Будучи конкретным, индивидуальным, контекстуальным смыслом, концепт заключал в себе и указание на всеобщий, универсальный источник, порождающий Смысл. По существу концепт рассматривается в контексте коммуникации людей друг с другом и с Богом. Столкновение различных идей в средневековье привело к возникновению в философии «концептуализма», сторонники которого доказывали, что универсалии не существуют в виде физических явлений, но и не являются только «сотрясением воздуха», а представляют собой продукт познавательной деятельности человека, т.е. концепт [11, 20].

В XX в. термин «концепт» был введен в лингвистику в 1928 г. С. А. Аскольдовым, который, как и средневековые ученые, признает «индивидуальное представление заместителем всего родового объема». Однако в отличие от них он не отождествляет концепт с индивидуальным представлением, усматривая в нем «общность». Он определяет концепт как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода». С.А. Аскольдов считал, что концепт – это «общее понятие» и наиболее существенная его функция – это «функция замещения» [1, 269].

В более поздний период у разных авторов, от Платона до Бергсона, прослеживается мысль, что суть концепта в членении, разбивке и сечении. Он представляет собой целое, так как тотализирует свои составляющие, однако при этом является фрагментарным единством. Каждый концепт отсылает к некоторой проблеме, к проблемам, без которых он не имел бы смысла и которые могут быть выделены или поняты лишь по мере их разрешения; таким образом, это проблема множественности субъектов, их взаимоотношений, их взаимопредставления [9, 13].

Однако даже сегодня термин «концепт» не имеет однозначного толкования, что позволяет рассматривать его с разных научных позиций. Лингвистическое понимание концепта сформировалось на стыке целого ряда гуманитарных отраслей знания – лингвистики, логики, философии, психологии, культурологии и литературоведения. Как отмечают исследователи, концепт – один из наиболее популярных и наименее однозначно определяемых терминов современной лингвистики. Мы попытались рассмотреть общее представление и отношение современных ученых к концепту.

Термин «концепт» определить трудно, так как у него есть содержание (существенные признаки), но пока не ясен объем [4, 16]. В настоящее время термин «концепт» находит широкое применение в различных областях лингвистической науки. Он вошел в понятийный аппарат когнитивистики, семантики, лингвокультурологии. Период утверждения термина в науке непременно связан с определенной произвольностью его употребления, размытостью границ, смешением с близким по значению и/или по языковой форме терминами [5, 75].

Интенсивные исследования, развернувшиеся в области когнитивной лингвистики, демонстрируют большой разницей в понимании самого термина «концепт». Употребление этого термина стало модным, что приводит к многочисленным терминологическим неточностям, противоречиям и теоретическим недоразумениям [8, 3].

Термин «концепт», как и ряд других терминов («дискурс» или «языковая личность», например), относятся к числу модных. Им пользуются многие авторы, но, к сожалению, далеко не все берут на себя труд объяснить, что же они имеют в виду и что, на их взгляд стоит за самим термином, а из того, что пишут авторы, это далеко не всегда бывает понятно [6, 266].

Как мы видим, единства мнений относительно параметров, по которым может вестись изучение «концепта» среди ученых нет. С. Г. Воркачев в своих исследованиях пытался ответить на вопрос, что такое концепт концепта. Как оказалось вопрос не имеет смысла, поскольку, если придерживаться сформулированного лингвокультурологического определения, то предметная область концепта пуста: семантические сущности, соответствующие этим семиотическим терминам, этнокультурной спецификой не обладают и к числу концептов не относятся, а понятие концепта это и есть его определение [3, 32].

Литература

1. *Аскольдов С. А.* Концепт и слово // *Русская словесность: Антология* / под ред. проф. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
2. *Воркачев С. Г.* Вариативные и ассоциативные свойства телеономных лингвоконцептов: монография. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 214 с.
3. *Воркачев С. Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: монография / Техн. ун-т Кубан. гос. технол. ун-та. – Краснодар, 2002. – 142 с.
4. *Зиновьева Е. И.* Понятие «концепт» в рамках спецкурса «Языковая картина мира: концептосфера русского языка // *Лингвистика, методика и культурология в преподавании русского языка как иностранного: сб. ст.* – СПб.: Политехника, 2003. – С. 16 – 21.
5. *Карасик В. И. Слышкин Г. Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // *Методологические проблемы современной лингвистики.* – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75–80.
6. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
7. *Неретина С. С.* Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. – М.: Гнозис, 1994. – 182 с.
8. *Попова З. Д.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1999. – 35 с.
9. *Прима А. М.* Концептуализация понятия «гендер» в романе Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй»: дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2009. – 201 с.
10. *Прохоров Ю. Е.* В поисках концепта. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 176 с.
11. *Слышкин Г. Г.* Текстовая концептосфера и ее единицы // *Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики.* – Волгоград, 1999. – С. 18–26.

Широких Е. А.

Удмуртский государственный университет

О ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ-НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (КОН)

Вопрос о лингвокультурной специфике грамматических категорий постоянно находится в центре внимания лингвистов. Некоторые ученые выделяют формальные и содержательные категории: первые никак не отражают национально-культурное своеобразие в картировании мира (по крайней мере, на современном этапе), а вторые, несомненно, обладают культурной спецификой и поэтому в значительной мере определяют поведение людей, пользующихся именно этим языком [3, 206]. Так, по мнению А. Вежбицкой, имперсональность является важным признаком русского языкового сознания (ср. рус. *Мне нравится, Мне думается* вместо англ. *I think, I like...*). Возможно, в данном случае мы имеем дело с более

древним представлением ситуации применительно к русскому языку, хотя и в английском есть архаичные формы типа *methinks*.

В. И. Карасик также отмечает, что такие грамматические категории английского языка как модальность в ее широком диапазоне некатегориальности, видо-временные формы глаголов (Continuous, Perfect), а также наличие артикля имеют связь с некоторыми характерными чертами языкового поведения англичан в отличие от языкового поведения русских [Там же, 207].

Содержательные категории языка распадаются на выраженные и скрытые. Типологически возможно составление инвентаря скрытых категорий на основе анализа категориального фонда всех языков. При этом мы исходим из универсальности языковых категорий: если хоть в каком-нибудь языке наличествует некоторая выраженная категория, то гипотетически в любом языке такая категория существует как криптотип (по Б. Уорфу) [Там же, 217].

Нельзя не согласиться с тем, что в грамматике нет ничего такого, чего не было бы в лексике, поэтому этнокультурная специфика грамматики является частью той специфики, которую можно обнаружить в лексике. С позиций лингвокультурного моделирования языка можно выделить те категории, которые составляют этнокультурную специфику данного языка и те, которые вряд ли можно отнести к национально-специфичным. Лингвокультурное изучение языков дает множество доказательств в пользу того, что языки фиксируют в грамматике наиболее существенные концепты для культуры соответствующего народа, либо значимо их игнорируют.

Так, говоря о КОН, известно, что в ряде языков выделяются артикли, назначение которых состоит в тематизации (рематизации) обозначаемой сущности (предмета, качества, события), т. е. представления этой сущности как известной (неизвестной) участникам общения. Наряду с этим в некоторых языках выделяется особый вид действия, происходящий в данный момент на наших глазах, как, например, континуальный вид в английском. В этом смысле можно сказать, что в английском языке существует «суперкатегория определенности», распространяющаяся на именное и глагольное обозначение действительности. Для англоязычного способа интерпретации действительности характерно два весьма существенных измерения: детальная разработанность модальных оттенков, определяющих позицию говорящего по отношению к миру, а также детальная характеристика фактуальности / нефактуальности происходящего. Другими словами, англичанин на каждом шагу подчеркивает свое отношение к тому, что происходит и определяет релевантность происходящего в терминах определенности-неопределенности, значимости для данного момента. Для русского сознания данные характеристики вряд ли являются первостепенными. Значимость этой категории в межъязыковом сопоставлении может быть измерена: есть языки, где эта категория представлена наиболее развернуто (английский), менее развернуто (только применительно к артиклю (немецкий) и не представлена формально (русский). Подобно тому, как однословное выражение концепта является знаком его актуальности для носителей определенной лингвокультуры, специализированное морфологическое или синтаксическое выражение как модальность, аспектуальность и т.д. сигнализирует об особом видении мира, зафиксированном в языковых формах [Там же, 208].

Несмотря на специфичность выражения КОН в разных языках, именно при помощи языка люди проводят границу между предметами и явлениями, которые известны собеседникам (следовательно, соотносящиеся с ними понятия относительно независимы и определены) и теми, которые неизвестны и новы. Следовательно, в языке должны существовать средства, разграничивающие и показывающие разницу между словами, обозначающими такие предметы и явления. Данные средства будут выражать определенность или неопределенность понятий, выраженных данными словами, и соотносить язык и действительность.

Как отмечает Ф.-Д. В. Якубович, в языках, где существительное может выступать в сопровождении артикля, обычно отмечается наличие ГК определенности–неопределенности [12, 68]. Нельзя не согласиться с данным утверждением, но возникает вопрос, только ли в языках, где существует артикль, отмечается наличие данной категории? Очевидно, нет.

Рассмотрим для примера английский и русский языки. Как известно, в английском языке существительное обязательно сопровождается артиклем, а в русском языке категории артикля не существует. Если следовать утверждению Ф.-Д. В. Якубовича, то можно заключить, что в русском языке нет особой ГК определенности-неопределенности.

Критически рассмотрев вопросы, связанные с понятием ГК, можно определить ее как отношение, выраженное в грамматическом строе языка через противопоставление двух взаимоисключающих друг друга по значению рядов форм [11, 56]. Как отмечает далее Д. А. Штелинг, в ГК отражен основной закон человеческого мышления: «раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношения между ними» [Там же, 57]. То есть, ГК тесным образом связаны с действительностью, поскольку в грамматическом строе закрепляется обобщенное отражение нашим сознанием наиболее общих связей и отношений между предметами и явлениями объективной действительности [7, 8].

Это отношение («единство взаимоисключающих противоположностей») ясно прослеживается в КОН в английском языке, где существительное лишь тогда начинает выполнять свои функции и вообще что-то означать, когда оно оформлено артиклями или другими детерминативами. Наличие «единства взаимоисключающих противоположностей» в рамках данной категории представляется нам важнейшим для отнесения КОН в английском языке к ГК. Своеобразие КОН подчеркивается в классификации В. В. Богданова, который рассматривает КОН как безусловно семантическую категорию, отмечая ее роль в актуализации существительного. В. В. Богданов подчеркивает ее грамматический характер, отмечая, что своеобразие любой ГК проявляется в том, что ее значение должно выражаться в тексте всегда, независимо от того, есть ли в этом реальная необходимость, в то время как при отсутствии соответствующей категории данное значение выражается только тогда, когда это совершенно необходимо для коммуникации [1, 113].

Остается вопрос о других средствах выражения КОН, существующих в английском языке, кроме артиклей и выражении определенности – неопределенности в русском языке. Как отмечает Ф.-Д. В. Якубович, даже для артиклевых языков связывать определенность – неопределенность только с артиклем не совсем верно. Артикль – это служебная часть речи, являющаяся основным определителем имени существительного, но не единственным. «Артикль может считаться условной моделью категории определенности – неопределенности, но сам по себе не составляет особой категории и не может быть объяснен вне системы детерминативов» [12, 69]. В английском языке конституэнтами поля определенности-неопределенности являются лексические средства (все остальные детерминативы). Всем конституэнтам данного поля свойственны два противопоставленных значения: выраженной и невыраженной определенности, формирующих два микрополя – определенности и неопределенности. Грамматические средства выражения данной категории (определенный и неопределенный артикли) образуют ГКОН, которая входит в функционально-семантическое поле (ФСП) в качестве ядра. Лексические средства находятся на периферии данного ФСП.

Нам кажется, что ФСК определенности-неопределенности может претендовать на универсальный характер, так как существует во всех языках, хотя и не везде опирается на ГК, что, как отмечает А. В. Бондарко, вполне допустимо. Ю. А. Левицкий отмечает, что артикль в языке существует не изолированно, а входит в систему определителей. Он не единственный определитель существительного, а один из них. Системы определителей есть во многих языках, в том числе и в русском языке, то есть в русском языке отсутствует лишь один из способов выражения КОН (артикли) [6, 11].

В безартиклевом русском языке для выражения определенности-неопределенности используются как лексические, так и грамматические средства. Однако, грамматические средства (падежи, порядок слов) не являются категориальными средствами выражения определенности-неопределенности, поскольку эти значения являются для этих форм вторичными, не образующими регулярных противопоставлений в рамках ГК.

Роль падежей, как грамматических средств выражения определенности-неопределенности, отмечалась еще А. А. Реформатским, указывавшим на различное с точки зрения КОН

употребление винительного и родительного падежа при отрицании. Употребление винительного падежа (*я не вижу книгу*) указывает на определенность предмета (имеется в виду какая-то известная слушателю книга), употребление родительного (*я не вижу книги*) – на неопределенность объекта (имеется в виду книга, неизвестная слушателю) [10, 293–300]. В английском языке в данном случае используется определенный или неопределенный артикль. К. Г. Крушельницкая также указывает на связь прямого дополнения в родительном или винительном падеже (не в случае отрицания) с известностью или неизвестностью предмета для слушающего: *Принеси воды / воду*. Однако, как она отмечает далее, эта дифференциация форм прямого дополнения в зависимости от определенности – неопределенности – это лишь частный случай, ограниченный небольшим количеством слов (имен вещественных) [5, 52].

Порядок слов также является важным грамматическим средством выражения КОН в русском языке. По мнению С. Д. Кацнельсона, порядок слов часто используется для ввода нового для слушателя предмета: имя такого предмета в функции подлежащего ставится, как правило, после глагольного предиката [4, 37]. Как отмечает Т. М. Николаева, в русском языке конечная позиция обычно связывается с неопределенностью (*Он отдал жене подарок*), а не-конечная – с определенностью (*Он отдал подарок жене*) [9, 349]. Роль порядка слов для выражения определенности-неопределенности отмечают и другие исследователи.

Наряду с грамматическими средствами в их несобственных (некатегориальных) значениях, для выражения определенности-неопределенности в безартиклевых языках широко применяются лексические средства. Например, в русском языке для этой цели используются неопределенные местоимения с частицами *-то*, *-нибудь*, *-либо*, *кое-*, местоимение *некоторый*, а также слова *один*, *известный*, *данные*, указательные местоимения *этот*, *тот*, словосочетания типа *тот самый*, *упомянутый ранее* и т. д., а также местоименные частицы *-от*, *-та*, *-то*, *-те* после слова (*дом-от*, *изба-та*, *окно-то*, *грибки-те*). Интересно, что подобное постпозитивное употребление частиц в некоторых русских говорах напоминает болгарский суффиксированный артикль *-та*: ср. *гората* («лес» + артикль «-та»), *зелената гората* («зеленый лес»). К. Г. Крушельницкая также говорит о постпозитивной частице *-то*, называя ее остатками постпозитивного артикля в русском языке, которая употребляется иногда в разговорной речи для указания на известность предмета для слушающего (*Передай книгу-то!*). Но разница между ней и артиклями очевидна, поскольку употребление *-то* ограничено стилистически – разговорной речью. Но и здесь она употребляется не при каждом существительном, а в основном лишь при том, в котором содержится «тема» сообщения. А с другой стороны она может стоять не только при именах существительных, но и при местоимениях, наречиях, прилагательных, инфинитивах и даже личных формах глагола (*пришел-то*, *так-то*, *книгу-то* и т. д.) [5, 53].

Русские местоимения, будучи лексическими единицами, имеют значительно более конкретные, а тем самым более ограниченные значения, чем формы артикля, которые мы признаем грамматическими формами, выражающими обобщенные грамматические значения [Там же, 51]. Обычно местоимения передают значения определенности и неопределенности в разной степени, дополняя их при этом своим собственным лексическим значением. Однако некоторые исследователи выделяют особо слова *один* и *этот*, как обладающие артиклевым значением. Так, по мнению В. В. Гуревича, слово *один* «само по себе уже достаточно многозначное, обнаруживает еще и тенденцию к употреблению в особом грамматическом значении – артиклевом» [2, 63]. Однако, как отмечает В. В. Гуревич, это лишь тенденция, обнаруживающаяся в определенных условиях, и факультативность использования слов *один* и *этот* в роли артикля подтверждается тем, что подобную функцию в русском языке могут выполнять и другие средства.

Кроме того, неоднократно утверждается связь значений определенности-неопределенности имени и его просодической выделенности или невыделенности. При этом менялись терминологии, но суть оставалась неизменной: определенное (известное, упомянутое, детерминированное, тематическое) – безударно; неопределенное – акцентно выделено (А. Шведк,

Р. Харвег). Мысль об оппозиции ударности-безударности как формальном средстве передачи содержательного противопоставления известности-неизвестности высказывалась много лет назад Матезиусом, который развивал понятие сильного ударения, падающего на слово, выражающее важную, новую информацию, и отмечал неотмеченность этим ударением односложных слов, уже известных из контекста или из ситуации [8, 120]. Однако, как отмечает дальше Т. М. Николаева, непосредственной и прямой зависимости между определенностью-неопределенностью имени и акцентным выделением в безартиклевых языках нет [8, 170].

Таким образом, мы склоняемся к более широкому рассмотрению КОН как ФСК, поскольку семантическое пространство некоторой семантической категории не перекрывается лишь грамматическими формами некоторой ГК, и остается возможность использования других средств, не обязательно грамматических, но и лексических, просодических и т. д. В разных языках существуют различные способы передачи данной категории: при помощи артиклей, порядка слов в предложении, падежных форм и т. п. Также необходимо отметить, что системы определителей существуют во многих языках, даже в тех, в которых нет артикля, поскольку артикль – это далеко не единственный определитель существительного, что дает возможность разделить языки на артиклевые и безартиклевые, т. е. языки, в которых КОН является или не является ГК.

Максимальная степень развернутости категории свидетельствует о том, что эта категория обозначает приоритетный для данной лингвокультуры признак. По мнению В. И. Карасика, этот признак состоит в том, что английский стиль общения резко смещен в сторону актуализации активности адресата в процессе общения по сравнению, скажем, с русским. Адресат в англоязычном общении постоянно должен держать в поле зрения информацию о том, что нечто происходит именно здесь и сейчас, а не вообще. Отсюда и внимание к обозначению времени, к ощущению времени, и даже к маркированным в англоязычной культуре признакам «старый – новый» [3, 209].

Литература

1. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л., 1977.
2. Гуревич В. В. Есть ли артикли в русском языке? // Русская речь. – 1968. – № 3.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
4. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972.
5. Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. – М., 1968.
6. Левицкий Ю. А. Система определителей (на материале английского, немецкого, французского языков) / Ю. А. Левицкий, Э. Б. Погудина, И. И. Шутов. – Пермь, 1973.
7. Москальская О. И. Грамматика немецкого языка. Морфология. – М., 1956.
8. Николаева Т. М. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. – М., 1979.
9. Николаева Т. М. Категория определенности-неопределенности // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1998.
10. Николаева Т. М. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. – М., 1979.
11. Реформатский А. А. Введение в языковедение. – М., 2001.
12. Штеллинг Д. А. С неоднородности грамматических категорий // ВЯ. – 1959. – № 1.
13. Якубович Ф.-Д. В. О категории детерминации – индетерминации (на материале английского языка) // Филологические науки. – 1977. – № 2.

IX. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Балицкая И. В.

Сахалинский государственный университет

МУЖКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СЕРВИСА И ТУРИЗМА

Современное общество, вступившее в эпоху глобализации, развивается по пути расширения взаимодействия различных культур, осуществляемого посредством культурных обменов и прямых контактов между государственными институтами, социальными группами, общественно-политическими движениями отдельными людьми и т. п. Глобализация международного труда формируют новые требования к персоналу предприятий индустрии гостеприимства и туризма.

Обычных профессиональных навыков агента по обслуживанию туристов современным специалистам явно недостаточно. Специалист сервиса и туризма должен быть специалистом по межкультурной коммуникации, владеть на коммуникативном уровне иностранным языком, а желательно – двумя-тремя. Владение языком должно быть подкреплено знаниями характерных особенностей разных этнических культур, тонкостей поведения с их представителями. Ощутима потребность в знаниях, которые дают им возможность, с одной стороны, ориентироваться в культурных различиях народов, помогают вести диалог с представителями других культур, а с другой стороны, достойно представлять свой народ и культуру в любых ситуациях общения. В условиях стремительно развивающегося межрегионального сотрудничества, особое значение приобретает специальная межкультурная подготовка с учетом специфики культуры и реалий стран и регионов, с которыми осуществляется сотрудничество. Очевидно, что сегодня назрела необходимость в специалистах по межкультурной коммуникации в сфере сервиса и туризма [3, 22].

Соответственно, возникает необходимость задать вопрос – соответствует ли сложившаяся система образования подготовки специалистов сервиса и туризма для того, чтобы готовить специалистов для работы в многонациональной среде, в которой, как правило, функционируют туристические компании и предприятия сервиса.

Анализ деятельности отечественных туристских фирм, гостиниц и ресторанов показывает, что уровень подготовки персонала, качество предоставляемых в них услуг уступают общепринятым международным стандартам. Отечественные и международные исследования по анализу подготовки специалистов сервиса и туризма свидетельствуют о том, что в процессе подготовки недостаточно учитывается ориентация на международный рынок труда. Отмечается недостаточный уровень владения иностранными языками в сфере профессиональной деятельности, отсутствие специальной подготовки по межкультурной коммуникации, международному менеджменту, основам международного делового общения, что делает выпускника неконкурентоспособным на современном рынке труда. Исследование, проведенное под эгидой Всемирной туристской организации (ЮНВТО) по методологии TEDEQAL (Tourism Education Quality – «Качество туристского Образования») подтверждает, что данные недостатки характерны для подготовки специалистов данной сферы во всем мире.

Соответственно, современное профессиональное образование в сфере сервиса и туризма ставит перед собой цель – обеспечить студентов всеми необходимыми инструментами для участия в мировом и региональном информационном и культурном процессе: диалоге и полилоге культур.

В подготовке культурно-компетентных специалистов сервиса и туризма особая роль принадлежит как языковой, так и межкультурной, культурологической подготовке, способной помочь будущим специалистам в преодолении культурного барьера, который

гораздо опаснее и неприятнее языкового тем, что культурные ошибки воспринимаются обычно намного болезненнее, чем языковые, как правило, не прощаются и производят самое отрицательное впечатление [2] .

В этой связи иностранный язык становится основным средством в изучении межкультурных коммуникаций и формировании у студентов факультета сервиса и туризма соответствующих компетенций. На основе федерального государственного образовательного стандарта по подготовке специалистов в сфере сервиса и туризма были выделены следующие основные особенности профессионального общения: знание речевых и этикетных норм, составляющих культуру речи специалистов сервиса и туризма; владение профессиональным языком; наличие высокого уровня инициативности и коммуникабельности; умение быстро реагировать на поставленный вопрос; умение ориентироваться в психологических характеристиках партнера по коммуникации; знание особенностей национального характера и культуры собеседника, следование принципам гостеприимства и т. д.

Решение подобных задач связано с изучением языковых дисциплин. Традиционных форм и способов организации учебной деятельности в процессе обучения иноязычному общению уже недостаточно для подготовки специалистов сервиса и туризма, чья деятельность неразрывно связана с профессиональным общением на иностранных языках. Следовательно, необходимы новые эффективные методы, направленные на формирование умений использовать иностранный язык как средство профессионального общения. Одним из таких методических приемов является использование профессионально-ориентированных ситуаций, на основе которых строится обучение иноязычному общению.

В связи с вышесказанным, вызывает интерес подход к профессиональной подготовке в ряде учебных пособий, таких как серия учебников Oxford English for Careers (Tourism), Everyday English for Hospitality Professionals, English for Customer Care, International Tourism, English for Restaurant Workers, Highly Recommended и т. д.

Методические приемы, предлагаемые авторами данных пособий, нацелены на усвоение обучаемыми модели поведения носителей других культур, осознание поведения в рамках родной культуры и в рамках двух культур. Материал, предложенный в данных пособиях, демонстрирует функционирование языка в естественной среде, речевое и неречевое поведение носителей языка в разных ситуациях общения и раскрывает особенности поведения, связанные с культурными традициями, социальной культурой обществ, этнической принадлежностью. Учебные пособия содержат аутентичные материалы (оригинальные тексты, аудиозаписи, видеофильмы). Упражнения пособий направлены на формирование умений адекватно реагировать на реплики, использовать формулы речевого этикета, понимать мимику и жесты носителей языка. Упражнения направлены также на сопоставления языковых и культурных явлений.

Профессионально-ориентированное обучение предполагает сочетание овладения профессионально-ориентированными иноязычными навыками с развитием личностных качеств, знанием культуры стран изучаемых языков и приобретением специальных навыков, основанных на профессиональных и лингвистических знаниях. Практические ситуации, предлагаемые на занятиях по иностранному языку, построены на материалах основного курса обучения и требуют от студента использования соответствующей терминологии, культурологических знаний, умений использовать теоретический материал на практике, в новых ситуациях общения.

Структура данных учебных пособий такова, что в содержание каждого раздела можно легко интегрировать упражнения и тексты, отражающие специфику не только англоязычных, но и других культур, имеющих региональное значение.

Ориентация на межрегиональные связи отражается в изучении языков стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Помимо международного (английского) языка межрегиональное сотрудничество университета предполагает владение национальным языком вузов-побратимов (японским, корейским, китайским). Овладение данными языками достаточно трудоемко, требует большого количества времени и практики, использование специальных методов обучения.

На факультете сервиса и туризма Сахалинского государственного университета в учебный план введены в качестве дисциплины «Второй иностранный язык» – японский и корейский языки. Обучение данным языкам строится следующих тенденций:

- процесс языковой подготовки по темам, непосредственно выходящим на формирование менеджера туризма и сервиса как посредника между культурами;
- обновлены методы и формы лингвострановедческой подготовки, которые способствуют не только формированию языковой компетенции, но и социокультурной, а также выходят в практику применения межкультурных коммуникаций;
- процесс обучения строится с учетом реальных потребностей субъектов общения в туризме.

Решая задачу интеграции в межрегиональное международное пространство, обучение иностранным языкам становится подлинно профессионально-ориентированным; основное содержание учебных курсов иностранных языков ориентировано на профессиональную деятельность работников данной сферы с использованием материалов регионального компонента образования.

В учебные планы программ бакалавриата по направлениям «Туризм» и «Сервис» включены дисциплины, которые присутствуют в аналогичных программах зарубежных вузов: International Etiquette, Business Planning and Project, Records Management, New Hospitality Business Creation, Front Office Management, Event and Festival Planning, Banquette Planning, New Hospitality Business Creation, Bar Management and Operation, Food and Beverage Management, The history of Wine Business, Total Quality Management. Данные дисциплины были выбраны из учебных программ «International Tourism», «Tourism Management», «Hotel Management», «Event and Convention», «Tourism Convention Management».

Введение в учебные планы дисциплин, читаемых на английском языке позволит привлечь зарубежных студентов, а также реализовывать перезачет дисциплин российским студентом и в будущем перейти к обучению по программам двойного диплома.

Для успешной работы в индустрии туризма и гостеприимства в условиях тесного межрегионального сотрудничества необходимо овладеть культурологическим компонентом коммуникации. Незнание национальных особенностей общения, ведения переговоров, предпочтений иностранных гостей в еде и обслуживании часто приводит к неловким ситуациям. Некоторые культурологические особенности рассматриваются студентами в ходе всего обучения, однако этих знаний им будет недостаточно в будущей профессиональной деятельности в межкультурной среде.

Для успешной реализации международного сотрудничества, в учебный план введена дисциплина «Межкультурная коммуникация». В рамках этой дисциплины изучаются международные политические отношения, международные бизнес-отношения, и собственно межкультурные отношения между разными странами. Изучение данной дисциплины предполагает практические занятия, в которые включены межкультурные тренинги. Знания по межкультурной коммуникации интегрируются в содержание других предметов, особый акцент при этом ставится на изучение культуры и традиций на культуру тех стран, с которыми осуществляется наиболее тесное сотрудничество [4, 61] .

Обучение студентов туристских вузов межкультурным коммуникациям будет способствовать формированию их коммуникативной компетенции и повышенного уровня лингвострановедческих знаний. В условиях межрегионального сотрудничества межкультурная коммуникация становится основополагающим принципом построения системы и формирования содержания профессионального образования в туризме.

В рамках программ сотрудничества с зарубежными университетами возможнохождение практики, что дает возможность знакомства с международной системой стандартов обслуживания. Факультет сервиса и туризма осуществляет программы сотрудничества с факультетами сервиса и туризма зарубежных вузов. В рамках договоров осуществляется сотрудничество с колледжем туризма Чеджу (Республика Корея), университетом Донгсо (Республика Корея), факультет туризма международного университета Саппоро (Япония),

факультет туризма и кулинарии Харбинского университета (КНР), азиатский университет (Таиланд). В настоящее время ведется активный обмен студентами между сотрудничающими вузами, в процессе которого происходит взаимная адаптация программ и учебных курсов [5, 12].

Наиболее популярной формой сотрудничества является проведение краткосрочных учебных стажировок для изучения отдельных учебных дисциплин и прохождения ознакомительной практики. Подобного вида стажировки организуется на базе вузов – побратимов и включают программу по изучению учебных дисциплин: «Менеджмент в социально-культурном сервисе и туризме» и «Организация питания», «Управление гостиничным хозяйством», «Банкетное обслуживание» и др. Чтение лекций, как правило, ведется на английском языке, и студенты получают возможность совершенствования навыков английского языка в рамках межкультурного взаимодействия с профессорско-преподавательским составом и студентами зарубежных вузов.

Параллельно с освоением учебных дисциплин в программу вводятся практические занятия: «бариста», «сомелье», «приготовление коктейлей», «национальная кухня» и др. Программа стажировки включает в себя знакомство с отелями различных категорий, начиная от отелей категории «3 звезды», санаториев, конгресс-отелей и заканчивая отелями 5 звезд, а также различного рода курортами, гостиничными базами и прочими туристическими объектами. Программы подобных стажировок включают в себя не только осмотр туристических объектов и предприятий индустрии туризма и гостеприимства, а также встречи и дискуссии с менеджерами ведущих туроператоров и гостиничных предприятий. Международная практика в колледжах и университетах-побратимах предоставляет студентам возможность развивать практические навыки по своей специальности, приобщиться к новым тенденциям мирового развития.

Очевидно, что современные условия подготовки специалистов сферы сервиса и туризма вызывают необходимость перестройки учебного процесса с учетом требований международного опыта подготовки кадров и специфики межрегионального сотрудничества. Профессиональная подготовка в вузе должна быть ориентирована на будущую профессиональную деятельность в условиях международного рынка труда, трудовую мобильность, работу в транснациональных компаниях, для этого уровень подготовки выпускников должен соответствовать не только общероссийским, но и международным стандартам.

Литература

1. Академическая мобильность в России: нормативно-методическое обеспечение / Н. В. Сёмин, Ю. Д. Артамонова, А. Л. Демчук и др. – М.: МГУ, 2007.
2. Байбурова О. Р. Формирование конкурентоспособных обучающих программ в высшей школе для индустрии гостеприимства и туризма / О. Р. Байбурова, К. А. Степаненко // Туризм и сервис: подготовка кадров, проблемы и перспективы развития: материалы XII междунар. науч.-практ. конф.: сб. науч. тр. – М.: РГУТиС, 2010. – С. 21–30.
3. Балицкая И. В. Роль межкультурной коммуникации в подготовке специалистов сервиса и туризма // Сервис и туризм на Сахалине: сб. науч. ст. по материалам науч.-практ. конф. «Современные тенденции развития туризма и гостеприимства». Вып. II. – Южно-Сахалинск: Изд-во ИРОСО, 2011. – С. 12–14.
4. Дедусенко О. Р. Зарубежный опыт подготовки кадров для индустрии гостеприимства и туризма // Туризм и сервис: подготовка кадров, проблемы и перспективы развития: материалы XII междунар. науч.-практ. конф. – М.: РГУТиС, 2010. – С. 61–65.
5. Мошняга Е. В. Социально-педагогические условия совершенствования подготовки специалистов туристской деятельности: дис. ... канд. пед. наук. – М, 1997. – С. 62–63.
6. Якименко Р. В. Сотрудничество факультета сервиса и туризма СахГУ с вузами республики Корея и Таиланда: состояние, проблемы, перспективы // Сервис и туризм на Сахалине: сб. науч. ст. по материалам науч.-практ. конф. «Туризм и гостеприимство: опыт, проблемы, перспективы». – Вып. III. – Южно-Сахалинск: Изд-во ИРОСО, 2012. – С. 12–14.
7. ЮНЕСКО: Деятельность в области образования во всем мире. – Париж, 1994.

Ворожцова И. Б.,

Удмуртский государственный университет

Климова Л. Ю.

Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ УВИДЕННОМ В ОДНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ШКОЛЕ

Удивления

Первое посещение Франции стало для одного из соавторов (далее изложение от первого лица) своеобразным «культурным откровением». Представился случай побывать в одной провинциальной французской школе (средней школе) на занятиях по живописи. Поскольку я сама имею художественно-педагогическое образование, мне было любопытно узнать об особенностях преподавания искусства «на французский манер».

«Откровения» начались ещё по дороге в школу. Удивление первое: школьный автобус, за рулём мадам. На очередной остановке в салон «влетал» подросток за подростком с обязательным кивком, улыбкой и, естественно, фразой «бонжур, мадам». На что мадам отвечала так же: «бонжур, ...», и добавляла к приветствию имя ребёнка. Становилось понятно, что этот водитель давно работает на этом школьном маршруте, поэтому всех знает по именам. А с русским мальчиком, которого я сопровождала, она ещё не была знакома, поэтому сказала ему просто «бонжур, мон гарсон!».

Затем школьник замечал ещё незнакомую даму (меня) в салоне, и повторялась фраза «Бонжур, мадам». Я мысленно посчитала количество занятых мест в школьном автобусе, детей было больше двадцати, и подумала, что у школы они будут выходить все сразу и, наверняка, традиционно прощаться. Каково же было моё удивление, когда «оревуар» тоже было сказано каждому выходящему из автобуса ребёнку!

Удивление второе: беседа в кабинете директора. Замечу, что я сопровождала моего крестника Евгения на его первую встречу с «французской системой образования», куда ему надлежало «встроиться», но французского языка он не знал. Как я узнала позже, директор отозвалась на просьбу родителей принять их «русскоязычного» мальчика во французскую школу в надежде на эффект языкового погружения.

Что удивительно, после приветствия «бонжур, мон гарсон» (она держала в руках личное дело Евгения, и его имя было у неё перед глазами), директор поинтересовалась у мальчика, как бы тот хотел быть представлен одноклассникам: Евгений, Женья или Эжен? (Кстати, этот же вопрос задавали сами родители будущему ученику французской школы, и он категорически настаивал на Жене, как его звали в России). Причём директор пояснила, что имя Эжен поможет ребятам быстрее запомнить своего нового друга. И вдруг наш Евгений решительно останавливается на имени Эжен. Наш «новоиспечённый» Эжен недоумевал, почему мадам всё время разговаривает с ним и смотрит на него, как бы ожидая ответа.

Удивление третье: занятие по живописи. На него я попала легко, коллега с нескрываемым удовольствием привела меня в класс. Я осмотрелась, обычный класс: парты, доска, правда, контейнеров для мусора целых три и учительский стол где-то сбоку, в стороне, а не в привычном для нас «фронтальном» расположении.

Вошли дети. Ситуация с приветствием повторилась по «автобусному» варианту. Затем учительница представила меня, дети приветствовали меня ещё раз. Начался урок с того, что все стали рисовать. Было странно, что отсутствовала «вступительно-наставительная» речь с «опорой на апогей изобразительного искусства». Оказалось, что каждый ученик получил маленькую учительскую записку и в ней своё задание нарисовать морской пейзаж, но задание было персональным: штиль, шторм, скалистый берег, песчаная отмель и т. п.

Все рисовали (просто цветными карандашами) с нескрываемым удовольствием и время от времени поднимали рисунки вверх, чтобы показать другим своё произведение. По завершении все рисунки были размещены на доске в ряд (формат небольшой, и всем хватило

места). Загадочно пустовала середина доски, где места хватало лишь на одну ученическую работу. И вдруг мадам заполняет пустое место иллюстрацией знаменитой гравюры японского художника Кацусики Хокусая «Большая волна в Канагаве». Беседа началась: вопросы, ответы, сравнения, выводы... А я всё недоумевала: Хокусай в одном ряду и в одном формате со школьниками?!

Удивление следующее: разговор с учительницей. Урок закончился, а меня захлестывало большой эмоциональной волной из вопросов. И первыми «вырвались» вопросы о дисциплине и порядке: как удастся поддерживать дисциплину в таком «разноплеменном» классе, где собраны дети разных культур и такого «опасного» возраста (4й класс, соответствует 8-у классу российской школы, 13–14 лет). Обратило внимание, что дети убирают за собой, без напоминания, при этом мальчики «ухаживают» за девочками. Учительница поведала о том, что лет 30 назад были большие проблемы с иммигрантами из Польши, Венгрии. Департамент образования не стал вводить специального предмета «Культура поведения», а провел обучение учителей, чтобы они, используя ресурс своего предмета, помогали детям интегрироваться в новую культурную среду. Учителя проходили тренинг по применению «воспитательных» фраз, таких как: «настоящий француз поступил бы так...», «по-французски это выглядело бы так-то...», «прекрасная Франция поддержала бы вас в таком решении как...», «коврик у порога, чтобы вытирать ноги» и т. д.

Решение проблемы выглядело очень не по-русски, никакого дополнительного предмета в школьном расписании, электронных дневников и вызовов в школу, а просто внимание, терпение и совет – как лучше поступить, чтобы быть лучше принятым.

Размышления об удивлениях

Это очень интересный материал, и он представлен коллегой, с любопытством вглядывающейся в мир. Но что особенно важно, она отмечает, действительно, самое существенное в происходящем. Удивление неудивительно, ибо у них во Франции не так, как у нас. Мы находимся в разных культурных пространствах, у нас разные культурные привычки, по-разному распределены приоритеты на шкале социальных предпочтений. Однако сам факт пристрастного внимания и восхищенного удивления достоин внимания. Там происходит нечто, что отвечает нашим устремлениям. Что именно?

Факт первый: все здороваются друг с другом и при этом обращаются по имени. Это неперенный феномен социального взаимодействия, в котором выражено «Я вижу тебя». Это «Я вижу тебя» выражается не только формулами приветствия. Оно звучит в формулах благодарности («merci» – я вижу, что ты обо мне подумал), предупреждения о возможном неудобстве для тебя с моей стороны («pardon» – я вижу, что ты не видишь меня, когда я приближаюсь сзади, поэтому предупреждаю о своем появлении) при обгоне пешехода на улице, а также невербальными средствами – улыбкой (я тебя вижу и не причиню тебе ничего дурного). Встречаясь взглядом на улице с другим человеком, ты просто обязан улыбнуться. Таковы правила.

Русское «Здравствуйте!» обращено, как правило, к человеку, которого я знаю, или к тому, к которому у меня есть дело. Человек, которого я вижу, никак не отмечен в коммуникации. Разве что через «извините», «позвольте узнать», «разрешите пройти». Есть еще набор невербальных средств: строгий взгляд, вставание в транспорте, означающее «я выхожу», или продвижение к двери, которое тебе следует понимать «я сейчас выхожу» и посторониться, если не хочешь быть задетым. Получается, что, находясь среди людей, нужно быть настороже: вдруг другому захочется занять твоё место, пройти мимо тебя. Нужно быть настороже, чтобы тебя не обругали, не толкнули, не стукнули дверью, сумкой, не заехали рюкзаком, не прошлись по ногам и т. п. Наш соотечественник, оказавшись во Франции, чувствует себя дезориентированным в социальных контактах среди тысячи раз сказанных на дню bonjour, merci, pardon.

Другая особенность социального взаимодействия – обязательность обращения: Bonjour Madame / Merci Jean / Pardon mon garçon! Такой речевой жест добавляет к «Я вижу» персональность акта приветствия. Это не обезличенное «вижу кого-то», а адресованное «вижу тебя» для тех, имя которых мне известно, или «вижу вас, моя сударыня, мой господин, моя девочка, мой мальчик и т. п.», даже в армии говорят «мой генерал, мой полковник, мой сержант...».

Этому учат детей с самого малого возраста. Ребенка угостили конфеткой, он говорит *merci*, мама у него спрашивает: «*merci mon chien ?* (спасибо, моя собачка?)» Что это значит? Почему так говорит мама? Она издевается над ним? Нет, просто надо обязательно сказать, кого я благодарю, «спасибо бабушка / тетя /месье!...».

Тем самым общество поощряет внимание к отдельному человеку, оно считает, что состоит из отдельных людей, имеющих имя и вызывающих изначально доброе к ним отношение со стороны каждого члена сообщества. По отношению к ним я не позиционирую себя как стоящий выше, как распорядитель их судеб и знающий лучше их, что им делать. Я с уважением отношусь к любому человеку, означиваю через формулы социального взаимодействия факт его присутствия в нашем общем пространстве и уважаю его личное пространство.

Сам концепт уважения нуждается в пояснении. Французское слово «*respecter* – уважать» восходит к латинскому *spacio, spexi, spectum* «смотреть». Исследование лексико-семантического поля слов со значением «уважать» во французском языке показало, что доминируют слова, происходящие от слов визуального восприятия или связанные с ними. Тем самым получается, что я вижу, значит уважаю. Эта взаимосвязь обнаруживает себя и в поведенческих реакциях, как это было показано выше.

В русском языке слово «уважение» не исконно русское, оно восходит к польскому *uwagaś* – *быть внимательным, наблюдать, размышлять, считать*, от *uwaga* – *внимание, замечание*. Польское слово связано с новым верхненемецким *Wage* – *весы*. Отсюда преобладание в его семантике значения оценивания: я посмотрю еще, можно ли тебя уважать, взвешу на своих внутренних весах [1, 53–54]. Вот мы и взвешиваем без конца, стоит ли уважать другого. А уж о детях совсем не принято говорить: я его уважаю. Вот вырастет, тогда посмотрим, достоин ли он уважения.

А вот увиденное как раз проявляет уважительное отношение к детям. Директор школы принимает русского мальчика в присутствии родителей и обращается к нему персонально, спрашивает: «Как тебя называть? Евгений, Женя или Эжен, как это имя звучит во французском языке? Тебя быстрее запомнят, если ты будешь Эжен, но у тебя есть выбор. Как тебе лучше?» Интересно, что мальчик по дороге в школу был однозначно против французского звучания, но после слов директора он согласился. Он ведь хочет найти как можно быстрее контакт с будущими одноклассниками.

Тот же посыл и в начале урока, на котором присутствовала русская коллега. Во-первых, не было никаких длинных переговоров по поводу просьбы присутствовать на уроках. Был вопрос «Могу ли я присутствовать?» и согласие учительницы «Конечно, прошу Вас». Позволю себе лирическое отступление: мой внук учился на начальной ступени в одной из почитаемых школ города, но вот меня предупредили сразу, что учителя на свои уроки никого не пускают. Почему? Без объяснений.

Во-вторых, когда началось занятие, учительница первым делом после приветствия представила гостью. Дети повернулись, улыбнулись и поздоровались каждый в своем ритме, а не дружно хором, как у нас бывает.

Урок начался не с выяснения, кто здесь главный (как принято у нас «Встали! Подравнялись! А тебе, Иванов, особое приглашение? Здравствуйте, дети» – и полагается оргмомент). Нет, этого не было. Они сразу стали рисовать. Каждому были розданы задания. Тема была одна, но задания персональны. Это позволяет не сравнивать детей, кто лучше, кто хуже во имя соревновательности «кто лучше нарисует», а во имя выразить себя, свое видение, свой опыт. И этот опыт был потом вписан в мировой художественный опыт. Детям показывают, что они такие же, как Хокусай, вы в одном с ним ряду, вы можете с ним общаться. Идет освоение культурных образцов через вписывание себя в эти культурные рамки.

И третья особенность, которая вызывает наши размышления, – это низкий порог воздействия на собеседника в коммуникации. Нам привычнее прямое воздействие: *Сходи на выставку Пикассо! Сделай! Причешись! Умойся!* Это привычное раздавание советов близким, друзьям, детям, даже незнакомым людям. К прямому воздействию относится и высказывание суждений и оценок, чаще негативных: *Ты опять не сделал уроки? Получишь двойку!*

Этот коммуникативный план доминирует в речи в русской среде. Меньше представлен план информативный, т.е. обмен информацией о предметах, внешних по отношению к человеку: *Ты знаешь, открылась выставка Пикассо в музее изобразительных искусств, привезли его картины из частных собраний, будет до конца месяца.* Собеседник тогда сам сделает умозаключения о возможности сходить на нее и, если захочет, сам спланирует, когда сходить.

Отсюда тот тип поведения, который мы относим к воспитательному, но оно строится на информировании: *У нас во Франции делают так...Если ты сделаешь таким образом, то ты поведешь себя, как настоящий француз... У французов принято здороваться, когда заходишь в автобус...* Взаимодействие выстраивается на основе предметности восприятия, сообщения того, что есть вокруг, на умении видеть мир, других, помещать себя в этом мире.

Сильные стороны такого взаимодействия состоят в том, что каждый отдельный человек чувствует себя увиденным, принятым и защищенным сообществом. Отсюда социальная сплоченность, что мы наблюдаем всякий раз, когда государство наступает на права граждан: забастовки собирают огромное количество людей. Они ведут себя весьма достойно.

Есть и слабые стороны. Люди, которым привычно договариваться, часто оказываются растерянными перед лицом наглости и агрессии. События последних лет, когда на волне проявления солидарности возникают погромы, организованные молодежными группировками, проявили наглядно растерянность французского общества перед этими эксцессами. Стремление договориться вызывает новую агрессию. Эта же тема – бессилие добрых, положительных людей перед лицом наглости и хамства – с упорным постоянством прослеживается у нас в сериалах. Хорошие люди оказываются бессильными перед агрессией, и часто только случайность помогает добру победить зло.

Нет необходимости подчеркивать, что подобные межкультурные коммуникативные привычки транслируются языком. Можно счесть ошибкой иноязычное высказывание, построенное по образу и подобию высказывания на родном языке, однако велик вклад самой коммуникации, соединяющей людей, а не правильно построенные фразы, где можно переспросить, уточнить, извиниться, рассказать, о какой ситуации идет речь. И это происходит между людьми: понимать человека, быть ясным для человека, с которым происходит эта самая межкультурная ситуация.

Литература

1. *Ворожцова И. Б.* Концепт «уважение» в русском языке // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: материалы всерос. науч. конф., 14–16 апр. 2005 г., Екатеринбург, Россия / под ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 51–56.

Гальчук О. В.

Смоленский колледж легкой промышленности и индустрии моды

МЕТОД ПРОЕКТОВ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Императивом современного обучения постепенно становится межкультурная коммуникация. Интеграция в мировую систему образования позволила национальным системам взять все лучшее, что есть у партнеров, за счет повышения мобильности студентов, преподавателей, управленческого персонала, укрепления связей и научного сотрудничества между учебными заведениями Европы и США.

Вступление России в Болонский процесс позволило в разы увеличить межвузовский преподавательский и студенческий обмен. Принятая стратегия «Европейское пространство высшего образования в глобальном контексте» – это еще одна возможность содействовать повышению привлекательности и конкурентоспособности российского профессионального образования. Качественное обучение русскому и иностранным языкам стало основным общественным заказом нашей современности.

Широкое внедрение современных технических средств обучения, в том числе и мультимедийных, позволило российскому образованию «раздвинуть стены классных помещений, открыть выход в широкий мир познания, включая диалог культур» [4]. Новые информационные и коммуникационные технологии обеспечили осмысление и рефлексию процесса учения, перенесение центра тяжести с преподавания на учение, самообразование с помощью имитационных программ, межкультурное общение. В «Стратегии модернизации образования» Министерства образования РФ важными целями образования названы:

- развитие самостоятельности и способности к самоорганизации;
- умение отстаивать свои права, формирование высокого уровня правовой культуры,
- готовность к сотрудничеству, развитие способности к созидательной деятельности,
- толерантность, терпимость к чужому мнению; умение вести диалог, искать и находить содержательные компромиссы [5].

Очевидно, что для реализации эффективных информационных и коммуникационных технологий в сфере образования необходимо знать их свойства и функции, чтобы чётко определить, для решения каких дидактических задач целесообразно (с точки зрения педагогики и психологии) воспользоваться той или иной из них. Ведь в педагогической практике выбор того или иного метода или средства обучения определяется, с одной стороны, спецификой учебного предмета, конкретно решаемой дидактической задачей, а с другой – дидактическими свойствами конкретных средств обучения. Внедрение телекоммуникаций в российское образование идёт по четырём направлениям:

- 1) информационное обеспечение систем образования (создание в сетях баз данных, баз знаний, виртуальных библиотек, виртуальных мультимедийных клубов, музеев и пр.);
- 2) совместная проектная деятельность в различных областях знаний школьников, студентов, педагогов, научных сотрудников;
- 3) дистанционное обучение различных целевых направлений, различных форм и видов;
- 4) свободные контакты пользователей сетей по самым разнообразным поводам и вопросам образовательной сферы.

Следовательно, использование современных информационных и коммуникационных технологий на уроке и во внеклассной деятельности в контексте межкультурного взаимодействия может рассматриваться сегодня как средство организации образовательной деятельности студентов.

Метод учебного проекта – это одна из личностно-ориентированных технологий, способ организации самостоятельной деятельности студентов, интегрирующий в себе проблемный подход, групповые методы, рефлексивные, презентативные, исследовательские, поисковые и прочие методики.

В современной педагогике [1, 3] все чаще утверждается положение о культуросообразности образования, которое соответствует стремлению человечества к единому мировому сообществу, а процесс овладения компетенцией межкультурного общения в таком случае выполняет роль реального фактора развития единства между людьми на земле. «Но для того чтобы быть «культуросообразным» в области инновационного образования (что, впрочем, применимо и к любой другой области знания), необходимо любое новое практическое действие разворачивать относительно какого-то уже освоенного контекста» [2].

В контексте проблемы межкультурной коммуникации возрастает роль педагогической науки в разработке моделей воспитания личности, позволяющих учащемуся эффективно общаться и сотрудничать с другими людьми, со всем окружающим миром, миром культуры. В научной литературе сущность межкультурной коммуникации раскрывается как:

- диалог культур, в котором межкультурное взаимодействие может быть интерпретировано в виде процесса трансляции культуры национально-культурных традиций в аспекте усвоения соответствующей информации на уровне субъектно-объектных отношений и субъектно-субъектных отношений;

- межкультурное взаимодействие, в котором коммуниканты выступают в качестве представителей различных лингвокультурных сообществ.

По мнению В.Фурмановой, межкультурная коммуникация – это взаимодействие культур, осуществляемое в определенном пространстве и времени, в котором феномен культуры рассматривается как родовое понятие, культурные контакты приобретают различные формы, находящие свое выражение в соприкосновении, взаимоотношении, синтезе, дополнительности и диалоге [6].

Метод проектов в современном образовательном процессе позволяет эффективно реализовать деятельностный подход, предполагающий овладение конкретными умениями и навыками, связанными с обеспечением межкультурного общения, а также практическое их использование в процессе создания собственных устных и письменных речевых высказываний, исследовательских и творческих работ, в различных сферах коммуникации и ситуациях общения.

М. Ю. Бухаркина [4] разработала типологию учебных проектов в обучении иностранным языкам:

I. Языковые (лингвистические) телекоммуникационные проекты.

- 1) Обучающие проекты, направленные на овладение языковым материалом, формирование определенных речевых навыков и умений.
- 2) Лингвистические, направленные на исследование языковых особенностей; исследование языковых реалий (идиом, неологизмов, сленга и т.п.); исследование фольклора.
- 3) Филологические, направленные на исследование этимологии слов; литературные исследования; исследования историко-фольклорных заморочек; творческие.

II. Культурологические (страноведческие) проекты.

Культурологические (страноведческие) проекты предполагают развитие языковых и речевых умений и навыков на более продвинутом уровне владения языком посредством организации межкультурного общения с целью ознакомления с культурой, историей, этнографией, географией, экономикой, политикой, государственным устройством государств-партнеров, искусством, литературой, архитектурой, традициями и бытом народов и т. д. Проекты этого типа носят ярко выраженный исследовательский характер. Их целесообразно проводить с носителями языка, т. е. эти проекты больше подходят конкретно для телекоммуникационных интернациональных проектов. Иностранный язык тут выступает в роли средства общения, а естественная языковая среда способствует формированию потребности использования иностранного языка как средства коммуникации. С точки зрения содержания культурологические проекты могут иметь различные тематические направления:

- 1) Историко-географические, знакомящие с историей страны, города, местности; с географией страны, города, местности.
- 2) Этнографические, нацеленные на исследование традиций и быта народов, народного творчества, этнического состава народа, проживающего на данной местности, национальных особенностей культуры различных народов и т. д.
- 3) Политические, цель которых – ознакомление с государственным устройством стран, политическими партиями и публичными организациями, со средствами массовой информации и их влиянием на государственную политику и т. д.
- 4) Посвященные проблемам искусства, литературы, архитектуры, культуры страны изучаемого языка.
- 5) Экономические, посвященные проблемам финансовой и денежной системы, налогообложения, инфляции и т. д.

III. Игровые и ролево-игровые проекты.

Ролево-игровые и игровые проекты, так же как и культурологические, предполагают развитие языковых и речевых умений и навыков владения языком посредством организации межкультурного общения на двух последних уровнях усвоения языкового материала (уровень внедрения по аналогии, уровень творческого применения). Такие проекты также

более интересны, когда они организуются как международные телекоммуникационные. С содержательной точки зрения могут быть следующих типов:

- 1) Воображаемые путешествия, которые могут преследовать самые разнообразные цели: обучение речевым структурам, клише, специфическим терминам, диалоговым высказываниям, описаниям, рассуждениям, умениям и навыкам из остальных областей знаний.
- 2) Имитационно-деловые, моделирующие профессиональные, коммуникативные ситуации, которые очень приближают игровую ситуацию к настоящей, встречающейся в жизни.
- 3) Драматизированные, нацеленные на исследование литературных произведений в игровых ситуациях, где в роли персонажей или авторов этих произведений выступают учащиеся.
- 4) Имитационно-социальные, где учащиеся исполняют разные социальные роли (политических фаворитов, журналистов, учителей и др.).

Все виды проектов, если это международные проекты, ведутся на иностранном, чаще всего английском языке, и потому представляют кроме возможности реализации дидактических или методических задач дополнительные условия для настоящей языковой среды, на базе которой формируется потребность общения на иностранном языке (или потребность в исследовании иностранного языка). Практически все виды проектов предусматривают использование исследовательских способов для решения заложенной в них трудности.

Таким образом, метод проекта – это особая философия обучения XXI в.: философия цели и деятельности, результатов и достижений, позволяющая органично соединить ценностно-смысловые основы образования и процесс межкультурной коммуникации.

Литература

1. *Каган М. С.* Философская теория ценности. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997.
2. *Ковалева Т. М.* Инновационная школа: аксиомы и гипотезы. – М.: Издат-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЕК», 2003.
3. *Паркер Барри.* Мечта Эйнштейна. В поисках единой теории строения Вселенной / пер. с англ. В. И. и О. И. Мацарских / под ред. Я. А. Смординского. – СПб.: Амфора, 2000.
4. *Полат Е. С.* Современные педагогические и информационные технологии в системе образования / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина. – М., 2007.
5. Стратегия модернизации образования. – М., 2001.
6. *Фурманова В. П.* Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1993.

Есенова Т. С., Горяева В. В., Есенова Г. Б., Ностаева Б. А.

Калмыцкий государственный университет

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ДЕЙСТВИЙ, РЕЧЕВЫЕ АКТЫ, ЖЕСТЫ И ТАКТИКИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЭТИКЕТНОЙ СИТУАЦИИ «ГОСТЬ В ДОМЕ»

В коммуникативной ситуации «Гость в доме» калмыцкий этикет предусматривает систему правил, которая включает жесты, последовательность действий, вербальные формулы, запреты. Регулирующими принципами их использования является соблюдение противопоставления «правый-левый», «мужской-женский», «старший-младший».

Следует заметить, что правила гостеприимства калмыков формировались в условиях кочевого быта. Традиционным жилищем была кибитка, имеющая круглую форму и небольшой размер. Поэтому размещение хозяев и гостей в пространстве кибитки было основано на определенном порядке, базированном на противопоставлении мужской-женский, почетный-обыденный, старший-младший. Каждый человек занимал в жилище предписанное этикетом

место: женщины – левую часть, мужчины – правую, особые гости (например, священнослужители) размещались в почетном месте (напротив входа), молодежь располагалась после старших. Обычай запрещал располагаться кому бы то ни было на кровати; кроме хозяина, там могли находиться только маленькие дети. Важны были и позы: например, гость в чужом доме не должен лежать, сидеть, вытянув ноги по направлению к алтарю, скрестив ноги.

Кроме того, особое строение кибитки и размещение ее в открытой степи, где часты сильные ветры, снежные бураны, сформировало определенные правила поведения человека относительно жилища, соблюдать которые обязаны были не только его обитатели, но и гости. Так, например, запрещалось стучать по деревянным решеткам кибитки, заглядывать в дверь или сквозь войлочные покрытия кибитки, забегать в кибитку, облакачиваться о кибитку; свистеть, бегать, шуметь, кричать в жилище и около него, поскольку эти действия могли спугнуть счастье-благодать обитателей дома. Иными словами, поведение основывалось на системе правил, направленных на сохранение счастья-благодати семьи.

Прием гостя у калмыков предполагает несколько последовательных актов, соблюдать которые должны как гости, так и хозяева. Рассмотрим их последовательно.

Первый – приезд гостя. Приближающийся к кибитке гость, чтобы показать свои мирные намерения, должен был объехать ее по солнцу, т.е. подъехать с правой стороны. Если человек подъезжает к кибитке с левой стороны, тем самым он выражает свои недобрые намерения. Спешившийся гость должен в первую очередь подать знак хозяевам кибитки, например, *хоолан ясад орх* «прочистить горло покашливанием», он должен снять с себя оружие, положив на землю его и *маля* «плеть». Войти в кибитку с оружием или плетью в руках или за поясом мог только недруг. Если у гостя в этот момент во рту находится курительная трубка, то перед тем как войти, он должен вынуть ее изо рта, а войдя, может вновь продолжить курить ее [1, 10]. Если гость – пожилой человек и пользуется тростью, то ее он также оставляет у входа в кибитку. Входить в кибитку, как и выходить, нужно с правой ноги, не касаясь порога и не наступая на него. Это определяется значимостью «правого» и «левого» в культуре калмыков. Как известно, правая рука у калмыков является счастливой, рукой «благодати», вероятно, эта семантика распространяется и на правую ногу. Правило поведения относительно порога продиктовано тем, что порог является границей «своего» и «чужого», «зловредного» пространства. Если человек споткнется при входе – это хорошая примета – будет прибавление счастья [6, 218]. Если человек споткнется при выходе – это плохой знак, правила предусматривают определенные действия по предотвращению неприятностей: надо вновь войти в жилище и выйти.

Существовало правило, согласно которому «к хотону следует подъезжать тихо. Издавать при этом шум, гиканье, крики считалось неприличным, точно так же нужно было и уезжать» [1, 53]. Современные калмыки стремятся следовать этому правилу: не допускают шума, крика при входе или выходе из жилища. Близкие родственники могут встать и покинуть жилище совершенно молча, не прощаясь, не оповещая хозяев об уходе. Таким образом, гость совершает ряд действий, свидетельствующих о его мирном намерении, о том, что они не нанесут вред хозяевам. Современные калмыки в основном соблюдают эти правила входа в жилище, хотя многие и не догадываются об их значимости в культуре. Под влиянием двуязычной среды складываются новые традиции, например, стучать при входе в дом, хотя этикет калмыков запрещает использование этого жеста.

Второй – встреча гостя. Когда кто-нибудь подъезжал к кибитке, несколько человек выходило навстречу. Один из них брал у гостя поводья лошади, отводил ее в сторону. Если приехала женщина, то ей помогает слезть с лошади и сесть на лошадь младший мужчина, у зайсангов – мужская прислуга [2, 42]. И. В. Бентковский отмечает: «Несомненно, что и сама кочевая жизнь калмыков много способствовала к возвышению ее (женщины) культурного значения. В этом легко убедиться, остановив внимание на правилах степного этикета, соблюдаемого обоими полами. Мужчина должен оседлать коня и подвести к женщине, для которой такое дело считается неприличным. Если мужчина, хотя бы он был и знатного происхождения, заметит, что женщина, едущая навстречу верхом, хочет сойти с коня, то из

вежливости и уважения к женщине, будь она и низкого рода, должен сам спешиться и помочь ей соскочить с седла» (http://az.lib.ru/b/bentkowskij_i_w/text_1869_zhenschina.shtml).

Кстати отметить, что особое уважение окружающие проявляли по отношению к беременной женщине. Как пишет Народной поэт Калмыкии, знаток народного этикета К. Эрендженев, «даже свекор уступал ей дорогу, говоря при этом: «Проходи, дорогая! У тебя – две души, два сердца!» [8, 102]. Если проецировать действия на современные реалии, то в наши дни относительно женщины соблюдение особых знаков почтения не наблюдаем: как правило, мужчина не помогает женщине выйти из транспорта, может сидеть в ее присутствии и т. п.

Как только гость переступал порог кибитки, согласно закону калмыцкого гостеприимства, хозяйка в первую очередь должна варить чай, поскольку угощать подогретым чаем не принято [3, 89]. Об этом правиле степного гостеприимства калмыцкая пословица гласит: *хайрхайинь үзэд зүүхэн сүлдэг, харахинь үзэд хээсэн нердэг* увидев дырку, продевают нитку в иголку, увидев гостей, ставят котел на таган готовить пищу. Существуют определенные правила подношения чая, которые соблюдаются и в наше время. Чай должен подносить гостю младший в семье «с учетом иерархии присутствующих. Чай подают слева направо, начиная со старшего по возрасту. Если адресатом является духовное лицо или важный государственный чиновник, то ритуал подношения чая совершается хозяином дома» [7, 30]. Считалось нетактичным и вместе с тем дурным предзнаменованием, если подносящий прольет хотя бы несколько капель из чашки. В таком случае молодому человеку делали замечание, и чашка доливалась, чтобы возратить счастье пьющего человека [6, 216].

Вообще угощение гостя должно быть достойным, не случайно пословица рекомендует *хотын сээг күүнд өг, хувцна сээг эврэн өмс* лучшую пищу давай людям, лучшую одежду надевай сам. Особенно обильно угощали гостя, который приходил в дом первый раз или из далеких краев: *ирэд уга гиичиг энкрэр тосх кергтэ* гостя нужно встретить любезно, если он приходит впервые. Гостя сразу не отпускали, уговаривая *хонад хэртн* «переночуйте». Если он оставался ночевать, то специально по этому случаю резали барана. В наши дни готовят *халун хот* «горячую пищу» (например, *махан шөлтэгэн* «мясо с бульоном», *берг* «блюдо наподобие пельменей»), настаивают на угощении, говоря *«Шин ирсн гиич вы у нас первый раз»*.

Третий – размещение в доме. Когда входил в кибитку младший относительно хозяина, то он останавливается у порога (мужчины с левой стороны, а женщины – с правой от входа) и ждет приветствия хозяина. После приглашения хозяина младший садится на оба колена; допускается иногда садиться и на одно колено, но только с тем, чтобы подогнуто было колено, ближайшее к старшему. Садится вошедший как вздумается – старший обыкновенно по-турецки, поджавши ноги, но и старшее лицо не может протянуть даже одной ноги, и лишь ближайшим родственникам допускается прилечь на локоть. Хозяин садится в этом случае лишь после гостя и встает разом с ним, а если явился нойон или старшее духовное лицо, то хозяин может сесть только по приглашению гостя. При входе в кибитку равного, вошедший произносит *«Менд бээнт?»* и после *«Менд»* хозяина садится, смотря по полу, на правой или левой стороне, как ему заблагорассудится, только этикет не позволяет ему прилечь. Если в кибитке нет мужчины, а женщина, то здесь обращается внимание на то, кто старше и по летам, и по сословию; если же входит женщина при хозяине, то, кроме зайсангш и нойонш, всякая женщина считается младшею и идет на женскую половину. Зайсангши при приеме посетителей, особенно важных, всегда сидят у ног постели на ширдыке или на возвышении, поджавши ноги по-турецки [2, 42].

Вообще следует подчеркнуть, что уважение старших по возрасту или статусу лежит в основе правил общения калмыков, как и у других этносов. К. Эрендженев пишет: «Когда пожилой человек заходил в дом, то молодые люди поддерживали его и открывали перед ним дверь. Раньше старшего по возрасту или пожилого молодой человек не входил в кибитку и не садился. Когда старший или гость собирался в путь, то молодые готовили его в путь и седлали коня» [8, 102].

Современная калмыцкая молодежь проявляет уважение по отношению к лицам пожилого возраста, особенно это характерно для сельских жителей, например, когда

пожилой человек входит в дом, молодые встают, уступают место. Однако такое поведение не характерно для общественного транспорта. Более того, когда пожилые люди начинают стыдить молодежь за бескультурье, окружающие вступаются, говоря «Он заплатил за место». Мы были свидетелями случая, когда молодой человек при входе в дом пожилой женщины, встал, протер сиденье своего стула и почтительно усадил женщину на свой стул, придерживая ее за локоть. Этим поступком он вызвал одобрение присутствующих и остался в памяти людей как уважительный юноша, почитающий народные традиции. К сожалению, это единственный случай, зафиксированный нами за последние 40 лет.

Четвертый – приветствие. И. А. Житецкий описывает церемонию приветствия *цаган барлһн*. Она состоит в следующем: гелюнг при встрече с нойоном приближается к нему поспешно и подставляет локоть правой руки, за который слегка берет нойон; зайсанг же, а иногда и простолюдин, подходя к нойону, становится на правое колено и подставляет правое плечо, к которому прикасается нойон; но чаще простолюдины при здоровании, стоя прямо, делают особый знак вежливости и покорности рукой: сблизив на правой руке, приложенной к груди, конец большого пальца с средним и указательным, отводят быстро руку от груди вперед и двигают пальцами так, как если бы хотели щелкнуть. Здравованье между остальными калмыками называется просто «*цагалган*»; при этом зайсанги между собой при здоровании соприкасаются ладонями, гелюнги тоже, но только через спущенный рукав верхней одежды, простонародье же с зайсангами здороваются так, что или став на колени, поставляет правую руку, которой зайсанг касается выше локтя, или же, стоя прямо, делают описанный выше знак рукой; таким же жестом простонародье здоровается и с иерархическим духовенством, кроме ламы, которому воздаются почести бурхана, т. е. перед ним падают на колени, наклоняют голову, и он касается рукою головы [2, 41].

В литературе, посвященной коммуникации калмыков, не упоминается особый вид приветствия, распространенный в прошлом среди калмыков. Он описан А. Дюма: «Я заранее осведомился об особенностях этикета. Поскольку праздник давался в мою честь, я должен был подойти прямо к князю (Тюменю), обнять его и потереться своим носом о его нос, что означает: «Я желаю вам всяческого благополучия!» <...> Мы сошлись на середине; я обнял его и потерся носом о его нос, словно был калмыком всю свою жизнь» [4, 390]. При этом автор обращает внимание на то, что князь Тюмень использует разные виды приветствия в зависимости от того, с кем он общается: «<...> князь затем поприветствовал господина Струве, но уже не стал тереться носом о его нос, а ограничился простым рукопожатием, после чего обнял сестру, кажется, почти не обращая внимания на дам, его сопровождавших» [4, 390].

Описанные выше жесты вышли из современной коммуникативной практики калмыков. В наши дни калмыки при встрече используют жест рукопожатия (как правило, мужчины), целуются (молодые люди, родственники при встрече после долгой разлуки), обнимаются (друзья после длительной разлуки, родственники). Маленьких детей, особенно младенцев, калмыки любят *унрчлх* «обнюхивать». По отношению к священнослужителям используется следующий жест: сложенные перед грудью руки, склоненная поза. Он используется и при получении *эдс* «благословения». Таким образом, коммуникативные жесты калмыков упрощаются, вместо традиционных этнических жестов используются общепринятые в современной коммуникативной практике поцелуи, рукопожатия, объятия. Лишь относительно младенцев и буддийских священнослужителей используются этнокультурные жесты.

Пятый – вербальные формулы приветствия. В зависимости от времени года и суток, ситуации формулы приветствия могут видоизменяться, но общий смысл приветствия во всех случаях сводится к этикетной формуле «*Менд / Сэн бээнт? / Мендүт?* Благополучно / хорошо ли живете?», которая является одновременно и благопожеланием. Этикетная формула приветствия предполагает стереотипный ответ «*Сэн. Та ямаран бээнт?* Хорошо. А вы как живете», «*Бээнэ, бээнэ. Та ямаран бээнт?* Живы-здоровы. А вы как живете». Однако самыми типичными ответами являются «*Гем уга*. Нормально, букв. не болеем», «*Му биш*. Неплохо», «*Үрвэд*. Потихоньку». Этикет запрещает подробный ответ о реальном житье-бытье, на приветствие нельзя ответить «Плохо / Болеем / Нет денег и т. п. ».

Шестой – правила ведения разговора. Существуют определенные правила начала, последовательности и хода разговора. Согласно калмыцкому этикету, нельзя начинать разговор с изложения непосредственной цели, это считается знаком невежливости, невоспитанности. Что касается порядка начала разговора, то приоритет принадлежит старшему. Установление контакта происходит обыкновенно путем расспросов: откуда? кто? за каким делом? Не допускается тактика самопрезентации. Старший своими вопросами подводит к изложению цели посещения. Что касается тематики разговора, то она касается корма, скота, благополучия того аймака, рода, хотона, откуда происходит приезжий. Знакомого надлежит расспросить о здоровье родителей, детей, родственников. Гость в свою очередь расспрашивает хозяина о том же. Разговор следует вести без спешки. Этикет запрещает младшим вмешиваться в разговор, нельзя прерывать беседу, задавать вопросы.

Несколько слов следует сказать об обращениях в процессе коммуникации. Как пишет И. А. Житецкий, «в разговорах младшие не называют старших по имени, а употребляют титулы «нойон», «зээсч», «лама», «багши», «гелч», старших из простонародья называют «өвгн» и т. д. [2, 42]. К этому следует добавить, что употребительными обращениями являются термины родства: *аав* «дедушка», «отец», *ээж* «бабушка», «мама», *эгч* «старшая сестра», *ах* «старший брат», *дү* «младший брат / сестра». В наши дни калмыки используют, кроме перечисленных выше, обращения из русского языка: *няня*, *тетя*, *баба*, *деда* и др. Однако обращения *аав*, *ээж*, *һаһа*, *һаһу* *эгч* и т. д. являются самыми частотными в речевом этикете современных калмыков.

Особый случай представляет презентация замужней женщины, поскольку, согласно закону *хадмлһн*, она не должна произносить имена родственников мужа. Женщина вместо имени мужа или свекра могла использовать синонимы, описательные обороты (например, вместо *Нарн – Ээвр*, вместо *Йисн – Нэмнэс Үлү*). В современной речевой практике обычай *хадмлһ* соблюдается редко, его придерживаются, например, некоторые пожилые женщины, хранительницы национальных традиций.

Седьмой – отъезд. Заключительной фазой этикетной ситуации «Гость в доме» являются проводы. Калмыки придают большое значение как установлению контакта, так и завершению коммуникации. После достижения цели визита предстоит с соблюдением всех обычаев покинуть гостеприимный дом. При выходе из дома младший должен выйти первым, чтобы успеть открыть дверь старшему [7, 22]. И. А. Житецкий обращает внимание на то, что «сделав все, что нужно, младший встает; на пожелание хозяина «благополучно встретиться» отвечает «*Менд бээтн* будьте здоровы» и уходит без поклона, причем порог переступает, оборотившись лицом в кибитку. <...> нередко пришедший поднимается и уходит совершенно молча» [2, 42]. В прежние времена отъезжающему приводили его лошадь, за которой в период пребывания в гостях ухаживали хозяева, седлали ее, усаживали на коня, «причем голова лошади уезжающего должна была быть обращена в сторону кибитки» [6, 216].

Частотными формулами прощания в наши дни являются *Сэн бээтн!* «всего хорошего», *Сэн йовтн!* «доброго пути». Провожающий должен пригласить уходящего еще раз в гости словами *иржэтн!* «приходите». Основная мысль прощальных слов – увидиться вновь в добром здравии, благополучии и радости: *улан чирэһарн үлзүх болый* дай бог свидеться вновь, *байрта харһий* пусть встреча будет радостной. Согласно калмыцким обычаям, прощание на долгое время сопровождается объятиями и поцелуем в правую щеку, поцелуй в левую щеку предполагается при следующей встрече.

Если гость издалека, тогда ритуал прощания сопровождается специальными угощениями, ритуальными песнопениями *сөңгин дун*, благопожеланиями *йөрэл* и подношениями подарков *өмскүл*. В завершение кто-нибудь из членов семейства (мужчина) провожал гостя до условных границ хотона или кочевья [7, 12–13]. В наши дни провожают до машины, калитки, особо почетных гостей – до околицы.

Таким образом, для рассмотренной ситуации «Гость в доме» калмыцкий этикет предусматривает систему правил, которая включает жесты, последовательность действий, вербальные формулы, тактики, запреты. Регулирующими принципами их использования

является соблюдение дихотомии «правый-левый», «мужской-женский», «старший-младший». Следование предписанным правилам обеспечивает человеку комфортное проживание в родной среде.

Литература

1. Душан У. Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. – Элиста, 1976.
2. Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. – М., 1893.
3. Есенова Т. С. Очерки по лингвокультуре калмыков. – Элиста, 2012.
4. И друг степей калмык... Калмыцкая тема в художественной литературе. – Элиста, 2009.
5. Интернет-источник. URL:http://az.lib.ru/b/bentkowskij_i_w/text_1869_zhenschina.shtml
6. Калмыки. – М., 2010.
7. Хабунова Е. Э. Формулы традиционного этикета калмыков или как стать «йоста хальмг». – Элиста, 2010.
8. Эрендженев К. Золотой родник. – Элиста, 1985.

Катермина В. В.

Кубанский государственный университет

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале русского и английского языков)

Межкультурная коммуникация является междисциплинарной интегрированной наукой, основы которой были заложены американской школой культурной антропологии и коммуникативистики, а также синтезом знаний в области европейской и отечественной прагматической лингвистики, социальной психологии и этнологии.

Межкультурная коммуникация как научно-прикладная дисциплина занимается проблемами понимания и взаимопонимания: понять чужое (другое), адекватно объясниться с чужим, правильно интерпретировать иные, не свои культурные знаки.

Известно, что одним из фундаментальных семиотических принципов с глубокой древности является членение универсума на два мира – «свой» и «чужой», противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях типа «мы – они», «этот – тот», «здесь – там», «близкое – далекое» и т. д.

Образ «своего» как способ ориентации среди людей различных национальностей входит в структуру сознания члена каждой национально-исторической общности. Этот образ характеризуется положительной эмоциональной окрашенностью и положительным оценочным знаком.

Идеализированный, приукрашенный образ «своего» воплощает в себе не только положительное, но и положительное в высшей мере и степени. Данный образ является результатом воздействия на носителей данной национальной культуры со стороны предшествующих поколений и является одним из факторов данной культуры [3].

Так, в русском языке «своему» миру, «Руси», в значении «мир, белый свет», противопоставляется нерусь, ино- и чужеземцы, рассматривающиеся как существа из-за моря, с той стороны, с того света, из-за рубежа, из другого пространства: *заморец, заморянин – заморский житель; иноплеменник, инородец или инородка – уроженец другого, чуждого племени или народа; иностранец, иностранка – житель или выходец, путник из иного государства, земли; чужестранец – чужак или чуженин, человек из другой земли, другого государства.*

«Чужой» мир образует единую враждебную массу, состоящую из единиц, кажущихся абсолютно тождественными, что выражается, исходя из наших наблюдений, в использовании при описании «чуждого» мира форм множественного числа с ярко выраженной отрицательной оценочностью (*татарва, нерусь – собир. инородцы, иноземцы, чужестранцы; басурманица – всякий иноземец и иноверец в неприязненном значении, особенно азиат или турок*).

Специфика значения этнонима состоит в том, что название этноса может сохранять следы событий, с ним связанных, и иметь пространственно-временные и информационные характеристики. Этноним фиксирует в своем значении разнообразные ассоциации, связанные с этносом, в том числе эмоциональные, эстетические, оценочные и символические.

Человек воспринимает мир сквозь призму представлений, отношений и ценностей, господствующих в его родной культуре. То есть задумывает и планирует свои действия, ведет себя в соответствии с конкретными, достаточно стабильными культурными образами-нормами, которые становятся для него стереотипными.

По наблюдениям специалистов, стереотипы диктуют около двух третей форм человеческого поведения, ограничивая инициативу и свободу выбора. Однако они же избавляют человека от необходимости каждый раз изобретать должную реакцию на типовые предъявления и ситуации. То есть, следование стереотипу предполагает превентивное избегание ситуации выбора, минимизацию риска, распознавание каждой новой ситуации как привычной и неproblemной.

Встречаясь с представителями других народов и культур, человек обычно проявляет естественную склонность воспринимать их поведение с позиций своей культуры, «мерить на свой аршин». При этом без умения быстро и правильно оценить собеседника сложно ориентироваться в ином социальном и культурном окружении. Чаще всего непонимание чужого языка, символики жестов, мимики и других элементов поведения собеседника ведет к искаженному толкованию смысла его действий, что порождает такие негативные чувства, как настороженность, презрение, враждебность.

Нами была предложена следующая схема этнической отчужденности в русском языке:

1. «Чужой» как русский – житель другого города: лапотник – прозвище жителей города Крестцов; чилимник – прозвище астраханцев.
2. «Чужой» как украинец или сибиряк. Следует особо отметить, что здесь мы сталкиваемся с наличием взаимных прозвищ: украинец – малоросс, хохол, корович; кацап, москаль – юж. пренебр. прозвище, данное малороссами великороссам (причем прозвище «москаль» включает в себя в основном прозвище русского военного); в Сибири русский – «несибирский», из европейской Руси, также сибиряки называют русских «блошниками» (так как в Сибири нет блох).
3. «Чужой» как иностранец (европеец или азиат). Исходя из наших наблюдений, данная группа подразумевает не только иноземство, но и иную веру. Басурман – неверный, нехристианин, особенно мусульманин, всякий иноземец и иноверец в неприязненном значении, особенно азиат или турок, а также орда – бран. татарин, киргиз; осман, отоман – устар. турок; мурза – бран. татарин, бусурман.

Анализ единиц, выражающих этническую оценку человека, свидетельствует о том, что собирательным именем для европейцев является единица «немец». Немец – «не говорящий по-русски, всякий иностранец с Запада, европеец, в частности германец» [1, 562]. Кроме общего названия, также существуют отдельные наименования для европейских наций: *англосакс* – *англичанин*; *британец*, *брит* – *англичанин*; *сын Альбиона* – *высок.*, *теперь* шутл. и ирон. *англичанин*; *шмерц* – бран. *Немец*!

В рамках исследования единиц обозначенной семантики рассмотрим использующуюся в английском языке схему степени отчужденности:

1. «Чужой» как англичанин – житель другого города: *cousin Jacky* – уроженец Корнуолла; *cockney* – кокни, коренной лондонец; *Dicky Sam* – уроженец Ливерпуля.
2. «Чужой» как житель Британских островов (валиец, шотландец, ирландец). Отметим, что как и в русском языке, в данной группе также наблюдается взаимное прозывание: *валиец* – *Taffy (derog)*, *welsh goat*, *Welshie*; *ирландец* – *Micky*, *boglander*, *bogtrotter*, *Paddy (offensive)*, *harp (derog.)*; *шотландец* – *Jock*, *Scotchy*, *Sandy*, *red shanks*, *itchlander*, *Sawney*, *blue Cap*; *англичанин* – *bug (Irish)*, *southron (Scottish)*.
3. «Чужой» как житель колоний, переселенец (американец, канадец, австралиец, новозеландец): *американец* – *Brother Jonathan*, *Yankee*, *Uncle Sam*; *австралиец*, *новозеландец* – *kiwi*, *kangaroo*, *Aussi*, *Bill Jim*.

В особую группу, как свидетельствует анализ единиц с семантикой этнической оценки, можно выделить этнонимы, в которых подчеркивается и даже географически уточняется местожительство переселенцев: *Jonathan* – шутл. *американец (особенно из Новой Англии)*; *cornstalk* – разг. *австралиец (особенно уроженец Нового Южного Уэльса)*.

Своим появлением стереотипы обязаны межкультурным или межэтническим контактам, когда выявляются наиболее типичные черты, характерные для того или иного народа, той или иной культуры.

Реальным носителем стереотипов является группа. В повседневной жизни наибольшее распространение получили *этнические стереотипы* – устойчивые суждения о представителях одних национальных групп с точки зрения других. Такого рода стереотипы-клише становятся основными компонентами общения для представителей групп.

Важно понять, какие сферы жизни того или иного народа, личностные свойства людей, составляющие его, их интеллектуальные, психические, антропологические особенности становятся объектами оценки. Очевидно, что это разного рода отличия, то, что «не похоже», что выделяет данную национальную культуру среди других. Повторяемость отрицательных или положительных оценок, их массовость (среди представителей данного этноса) и устойчивость во времени – условия формирования этностереотипов. Объектами оценки, в частности, могут быть национальные традиции и обычаи, модели повседневного поведения, черты национального характера, особенности анатомии, физических движений, походки, речи и многое другое.

Спецификой объектов этнической оценки в русском и английском языках могут служить:

- **особенности народного костюма** (колошник – кто ходит в калошах, например карелки, чувашки; *red shanks* – шотландец [*red shanks* – так назывались высокие ботинки со шнуровкой из невыделанной шкуры оленя мехом наружу, которые носили шотландцы]);
- **гастрономические предпочтения** (сомятник – прозвище красноярцев [бран. кто ест сома]; кашехлеб – прозвище кириловцев, Новгородской губ.);
- **специфика характера и поведения** (*Taffy* – пренебр. валиец [*taffy* – разг. грубая лесть, неуклюжий комплимент]; *Paddy* – разг. ирландец [*paddy* – приступ гнева, ярость]);
- **особенности внешности** (*Sandy* – шутл. шотландец [*sandy* – волосы песочного цвета]; *cornstalk* – разг. австралиец [*cornstalk* – дылда]);
- **особенности интеллекта** (воть – прм. вотяг [шутл. и бран. болван, дурак, разиня]; *Sawney* – стар. шотландец [*sawney* – простофиля, простак]);
- **особенности рельефа, характера местности** (*boglander/bogtrotter* – разг. ирландец [*bog* – болото]; *southron* – шотл. англичанин [*south* – юг], а также **названия животных, специфичных для данной местности** (*kiwi* – разг. новозеландец; *kangaroo* – шутл. уроженец Австралии) и **торговцев/производителей определенных товаров** (лапотник – кто плетет лапти, прозвище жителей города Крестцов; *butter-bag/butter box* – прозвище голландцев [*butterbox* – масленка]; *a nation of shopkeepers* – нация лавочников, англичане [*shopkeeper* – лавочник]).

Особое внимание следует уделить использованию личных имен собственных для создания этнической оценки. Обретая вторичную номинацию, они становятся стандартными прозвищами, фиксирующими типичные черты этноса: *John Bull* – англичане, *Uncle Sam* – собир. американцы.

Становясь нарицательными, имена обозначают этнос в целом, синонимизируясь с соответствующими этнонимами. Они становятся типичными для этноса апеллятивами, которые исторически мотивированы собственными именами: *иван* – русский человек, *mickey* – ирландец (католик).

Также необходимо выделить языковые единицы – слова, фразеологизмы, синтаксические конструкции, которые можно интерпретировать как средства обозначения этнических стереотипов.

Таковыми средствами, по Л. П. Крысину [4], могут являться:

1. Слова, в свернутой форме содержащие в своих значениях оценку свойств типичного представителя другого этноса. Таково, например, значение просторечного глагола *выцыганить* – «получить что-либо у другого лица в результате настойчивых, надоедливых просьб». Оно основывается на пресуппозиции, согласно которой цыгане умеют добиваться своего именно путем таких просьб. Ср. также *to americanize* – *to make something more American, especially the language or culture of a person or place*
2. Атрибутивные словосочетания, где определение – прилагательное, образованное от этнонима, а определяемое – имя какого-либо свойства человека: *американская деловитость, немецкая пунктуальность* и т. д.
3. Генетивные сочетания, где в позиции подчиненного генетива – этноним, а в позиции синтаксического хозяина – имя какого-нибудь человеческого свойства: *он добивается своего с фанатизмом мусульманина* и т. д.
4. Сравнительные обороты: *точен как немец, черный как негр, ленив как русский, неискренний как американец* и т. п.
5. Фразеологизмы: *уйти по-английски / take a French leave; to be in Dutch* – *иметь проблемы, неприятности, быть в затруднительном положении; брак по-итальянски*.
6. Пословицы и поговорки, включающие этнонимы и эксплицитно или имплицитно указывающие на какие-либо свойства представителя соответствующей национальности: *незванный гость хуже татарина, русскому здорово, а немцу смерть, it's all Greek to me* и т. д.

Этнические стереотипы отражают реальные особенности стереотипизируемой группы. Считается, что стереотипы более истинны, если существует единодушное мнение между двумя группами относительно черт третьей. В соответствии с так называемой гипотезой контакта, более глубокие и длительные контакты между группами приводят к более высокому удельному весу реальных черт в их взаимных стереотипах.

То, что реальные межэтнические отношения оказывают влияние на стереотипы, не требует особых доказательств. Именно от характера отношений – сотрудничества или соперничества, доминирования или подчинения – зависят основные «измерения» стереотипов – содержание, направленность (общее измерение благоприятности) и степень благоприятности, и в конечном счете, степень их истинности [2, 261].

В итоге хочется отметить, что при существующем в научном мире разнообразии точек зрения в рассмотрении сущности межкультурной коммуникации, неоспоримой является культурно-определяющая доминанта как ключ к пониманию межкультурных взаимодействий.

Литература

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ТЕРРА, 1995. – Т. 2. – 784 с.
2. *Катермина В. В.* Национальный характер и этнические стереотипы // Культура как основной потенциал формирования позитивного имиджа Кавказа: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Пятигорск: ПГЛУ, 2012. – С. 258–261.
3. *Катермина В. В.* Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков). – Краснодар: КубГУ, 2004. – 281 с.
4. *Крысин Л. П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989. – 186 с.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР УДМУРТСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ

Язык имеет громадное значение даже для своего собственного народа, поскольку он является основной составляющей его культуры. А так как культура представляет собой совокупность достижений человечества в духовной и материальной областях, то и материальное в культуре также отражается в языке в виде так называемой цивилизации [1]. Так называемой потому, что нередко слово *цивилизация* (комфорт, технический прогресс, вещизм и прочие удобства общественной жизни) употребляется вместо понятия *культура*, его духовного компонента [2].

Однако когда речь идёт о влиянии русского языка на удмуртский язык, то оно значительно, оба компонента культуры находят здесь своё отражение.

Русские и удмурты с давних времён мирно проживают вместе на одной территории. Удмурты – древний народ. Но культура его является достаточно молодой. Культура европейских народов отсчитывается, как правило, с момента появления письменных памятников, для разных государств это примерно V–VIII вв. по Рождеству Христову. Русской летописи удмурты становятся известны с XIV века (с 1379 г.) под названием *аряне*, арские люди [3].

Если говорить о первых памятниках письменности удмуртского народа, то они появились во второй половине XVIII века. Небольшой удмуртско-русский словарь (около 1400 слов) содержится в первой грамматике удмуртского языка, которая была издана Российской академией наук в 1775 году в Санкт-Петербурге под названием «Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка» [4]. В грамматике Ф. И. Видемана удмуртско-русский словарь содержит около 2 500 слов. В словаре же Г. В. Верещагина (1928 г.) – примерно 10 000 слов, в большинстве случаев, диалектизмов, что является свидетельством постепенного становления норм удмуртского языка.

В первой грамматике петербургского издания впервые был дан алфавит, созданный на русской графической основе. Позже для обозначения специфических звуков удмуртского языка в алфавит были добавлены буквы *жэ, зэ, ю, и, ө*.

Работа над созданием достаточно полных словарей не прекращалась. Так, в 1983 г. появился удмуртско-русский словарь под редакцией В. М. Вахрушева в сотрудничестве с А. С. Беловым, М. А. Скобелевым и Т. И. Тепляшиной. Словарь содержит уже 35 000 слов [5].

В 2008 году появляется «Удмуртско-русский словарь» Р.Ш. Насибулина, в котором содержится 50 000 слов. Данные словарей фиксируют основной словарный фонд, за пределами которого вполне могут оставаться многочисленные языковые единицы, составляющие богатство языка: диалектизмы, фразеологизмы говоров и т. п.

Под руководством профессора Р. Ш. Насибулина в УдГУ работает лингвистическая лаборатория, словарный кабинет удмуртского языка, занимающийся проблемами словарного фонда языка. Основная задача лаборатории – создание полного словарного атласа языка, его ареала с учётом всех диалектов, микро- и макро-топонимов. Выступая на конференции по проблемам угрофинских языков, профессор Р. Ш. Насибулин изложил результаты исследования русских заимствований в удмуртском языке, которые насчитывают 50 000 слов.

Причём до революции было зафиксировано 5 000 слов, после революции с 1918 г. – 45 000 слов, по результатам исследований 2011 года – 50 000 слов.

При сопоставлении данных последнего словаря Р. Ш. Насибулина (2008 г.) и данных его лаборатории выявляется соотношение 50 000 – 50 000, некоторого рода равенство, 100 000 слов, половина из которых русские. Заимствования обычно происходят тогда, когда в языке народа нет понятий, выражающих те или иные достижения, а следовательно, нет и слов, их обозначающих. Необходимо отметить, что из 50 000 слов, заимствованных из русского языка, не все являются исконно русскими, поскольку в своё время они были заимствованы русскими из греческого, латинского, немецкого и других языков.

В качестве доказательства было проведено исследование заимствованных из русского языка слов на материале удмуртско-русского разговорника Б. Ш. Загуляевой, изданного в 1991 г. [6].

Это замечательный тематический разговорник, дающий импульс разного рода размышлениям не только лингвистическим, но и размышлениям о жизни и эволюции удмуртского народа.

Анализ русских слов показал, что они заимствованы, главным образом, из незнакомых удмуртам сфер деятельности, частной и общественной жизни. Совсем нет заимствований из русского в тех областях жизнедеятельности, которыми веками занимались удмурты: животноводство, растениеводство, лес и всё, что в нём, т. е. естественных флоры и фауны.

Поскольку удмурты были, главным образом, жителями сельскими, то многое, что касалось города, было им незнакомо. Иногда русизмы заимствовались в их изначальной форме, иногда – приобретали аффиксы и флексии удмуртского языка. Например: *в кино – киное, на концерт – концерте, в театр – театре* (в удмуртском нет предлогов, их заменяют флексии).

Заимствования по теме «Город»: *трамвай, городды туж кельшиз* (очень понравился город), *памятник, автобус, гостиница, троллейбус, культура, дворец, магазин, лавка* (из русского языка до революции), *расписание, администратор, металлургический завод, радиозавод, мотозавод, промышленность, костюм, пиджак, брюки, телеграмма, конверт, бандероль, посылка, почтовая открытка, район, этаж, библиотека, вокзал, самолёт, билет.*

О многом говорит заимствованное слово «отпуск». Полностью сохранены названия всех национальностей, приобретая национальный колорит с помощью аффикса *-ёс*: *абхазьёс, англичаньёс, армянёс* и т. д.

Названия профессий: *бригадир, инженер, тракторист, студент, врач.*

Средняя школа: *журнал, задача, парта, класс, перемена, пример, список, табель, таблица, чертёж, школа* и т. д.

Из лингвистической терминологии: *антоним, вид, падеж, синоним, род, разговорник, слог, союз, частица.*

Обнаружены заимствования и в области растениеводства, знакомой и близкой отрасли хозяйства удмуртов: *абрикосу, айвану, облепиха, арбуз, дыня, вика, фасоль* и, как ни странно, *укроп.*

В разговорной речи даже образованных удмуртов нередко употребляются русские слова из небольшого списка перечисленных русизмов, чаще всего это касается терминологии, названия профессий и модальных слов: *конечно, наверное, разумеется, вероятно, действительно.* Модальным словам, как и многим другим русизмам, филологи находят удмуртские соответствия, но в силу их описательного характера они зачастую уступают привычным благодаря частоте употребления русским словам.

Наивно думать, что удмуртский язык, в свою очередь, не повлиял на русский. Это влияние сказывается, прежде всего, в звуковой стороне русского языка, полностью перенявшего восходяще-нисходящий тон удмуртской интонации. Все русские, давно проживающие на территории Удмуртии, говорят по-русски с удмуртской интонацией. Эта тема может быть исследована и в иных ракурсах. В заключение следует сказать, что влияние русского языка для удмуртского народа значительно, оно положительно повлияло на его язык и культуру.

Литература

1. Философский словарь. – М.: Изд-во «Политическая литература», 1972. – С. 196.
2. Орлова А. И. Возрождение образования или его реформа? // Актуальные проблемы образования в высшей школе. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2003. – С. 34–39.
3. Тараканов И. В. Некоторые исторические сведения об удмуртах и удмуртском языке // Послесловие к удмуртско-русскому разговорнику Б. Ш. Загуляевой. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С. 256–257.
4. Тараканов И. В. Послесловие к удмуртско-русскому разговорнику Б. Ш. Загуляевой. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С. 239.
5. Удмуртско-русский словарь / под ред. В. М. Вахрушева в соавт. с А. С. Беловым, Н. А. Скобелевым, Т. И. Тепляшиной. – М.: Рус. яз., 1983.
6. Загуляева Б. Ш. Удмуртско-русский разговорник. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 269 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Известно, что межкультурное общение представляет собой процесс коммуникативного взаимодействия между индивидами, являющимися носителями разных культур и имеющими собственный языковой код, конвенции поведения, ценностные установки, обычаи и традиции. В принципе всякая коммуникация содержит параметры межкультурности. Считается, что идея межкультурной коммуникации рождается вместе с человеком. Эта мысль и определяет широкое понимание «межкультурной коммуникации».

Вот почему правомерной и вместе с тем весьма важной представляется постановка вопроса о лингвокультурологических аспектах межкультурной коммуникации как одного из методологических оснований собственно науки о межкультурной коммуникации и межкультурной коммуникации как межкультурного общения.

На основе идеи о том, что язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее, возникла новая наука – лингвокультурология, на стыке лингвистики и культурологии, исследующая проявления культуры народа, отразившиеся и закрепившиеся в языке, которая стала самостоятельным направлением лингвистики, оформившимся в 90-е годы 20 века. Фундаментальные основы направления, в котором язык рассматривается как культурный код нации, наряду с его коммуникативной и когнитивной значимостью, были заложены трудами В. Гумбольдта, А. А. Потебни и других ученых. На понимании неразрывности и единства языка и культуры в широком смысле этого слова основывалось неогумбольдтианство и как его ответвление – известная школа Сепира – Уорфа.

Долгое время язык и культура рассматривались как автономные семиотические системы. Культурологи и лингвисты обнаруживали мало точек соприкосновения в своих науках. Культурологи видели в культуре феномен, достаточно независимый от языка, а лингвисты считали, что изучая язык, можно игнорировать его культурологическую основу как малосущественную. Однако с развитием антропологии ... появилась возможность сблизить данные науки, поскольку человек и есть важнейшее связующее звено между языком и культурой [14].

Значение языка в культуре любого народа трудно переоценить. «Что язык и культура сопряжены между собой – это *sententia communis*: несогласных нет. Как культура имеет бытие в языке, так и язык, в том числе даже искусственный, без культуры не существует» [2, 16]. Среди имеющихся в культурологической литературе оценок значения языка выделим те, которые касаются языка как носителя культуры, так как именно с помощью языка она передается из поколения в поколение; дети в процессе инкультурации, овладевая родным языком, вместе с ним осваивают и обобщенный опыт предшествующих поколений; языка, способствующего идентификации объектов окружающего мира, их классификации и упорядочению сведений о нем; облегчающего адаптацию человека в условиях окружающей среды; помогающего правильно оценить объекты, явления и их соотношение; способствующего организации и координации человеческой деятельности; языка как инструмента культуры, формирующего личность человека, который именно через язык воспринимает менталитет, традиции и обычаи своего народа, а также специфический культурный образ мира [см., напр., 15]. Присущая языку национально-культурная семантика является, с одной стороны, продуктом кумуляции сведений, – и в таком случае можно говорить о культуронакопительной (или культураносной) функции языка; с другой стороны, язык сам приобщает своих носителей к национальной культуре, – такова его культуropriобщающая функция [2, 26].

Языком в широком смысле этого понятия мы называем те средства, знаки, формы, символы, тексты, которые позволяют людям вступать в коммуникативные связи друг с другом, ориентироваться в пространстве культуры. Язык – это универсальная форма осмысления реальности и культуры в частности, в которую организуются все вновь возникающие или уже существующие представления, восприятия, понятия, образы и другие подобного рода смысловые конструкции (носители смысла). Базу кодовых знаний коммуникантов составляют языковые знания, определяя то, каким образом, с помощью каких средств они должны или могут оформлять свое коммуникативное намерение в определенной ситуации общения. Эти знания включают в себя: знание фонетики, лексики и грамматики языка общения; знание конвенций и норм употребления его единиц; знание принципов успешного речевого общения; знание конвенциональных языковых способов реализации речевых актов текущего дискурсивного события [3]. В многообразии культур современной цивилизации, которые находятся в постоянной взаимосвязи и взаимодействии, каждая культура имеет свою языковую систему (вербальные средства коммуникации), с помощью которой ее носители общаются друг с другом.

Язык дает человеку свободу, дает способность к оценке и самооценке, к выбору, открывает пути включения человека в культурный контекст, помогает осознать свое место в культуре, ориентироваться в сложных и динамичных социальных структурах. «Уже давно известно, что человек только тогда становится человеком, когда он с детства усваивает язык и вместе с ним культуру своего народа. Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение – утверждал В. фон Гумбольдт – «... Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем, и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия [4, 376].

Во взаимодействии языка и культуры вопрос о понимании культуры столь же важен, как и вопрос о языке. Слово культура принадлежит к числу самых многозначных, фундаментальнейших. По числу сочетаемых понятий оно занимает одно из главных мест в европейских языках. «Философия культуры», «культура эпохи», «дворянская культура», «пролетарская культура», «современная культура», «русская культура», «культура Германии», «европейская культура», «агрокультура», «культура производства», «культура поведения», «культура торговли», «музыкальная культура», «культура чувств», «физическая культура» – ряд этот поистине неисчерпаем». Существует множество определений понятия «культура»: – это способ существования человечества, подобно тому, как жизнь есть способ существования протоплазмы; все, что создано человеком, будь то материальные предметы, внешнее поведение, символическое поведение или социальная организация; вся полнота деятельности общественного человека; способ жизни, которому следует общность или племя и т. д. В словаре В. И. Даля культура – это обработка и уход, возделывание, возделка; это образование – умственное и нравственное. Русский этнограф и лингвист выделяет происхождение слова от латинского корня и сохраняет его первоначальное значение, усиливая нравственную сторону [5].

Однако в нашем случае предпочтительно классическое определение культуры, которое в 1871 г. предложил Эдуард Тейлор (английский этнограф, один из основателей антропологии): Культура – это комплекс, включающий знания, верования, искусство, мораль, обычаи, а также иные способности и навыки, усвоенные человеком как членом общества [7, 13].

Культура являет себя прежде всего в языке. Он есть истинная реальность культуры, он способен ввести человека в культуру. Язык есть фиксированный взгляд культуры на мировоззрение и себя самое.

Размещая объект исследования – (взаимодействия языка как транслятора культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями и человека), на «стыке» нескольких фундаментальных наук – лингвистики и культурологии, этнографии и психолингвистики, лингвокультурология изучает единицы языка, которые приобрели

символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания – архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и поговорках (поговорах), в стилистическом укладе языков (в том, в каких формах существования представлен тот или иной язык, где существует сильное диалектное расслоение и, напротив, где различий между диалектами почти нет, где стилистическая дифференциация только начинается, и где эта дифференциация глубока и многоаспектна), в речевом поведении, в области речевого этикета и т. д. Указанные сущности представляют собой гетерогенную «культуроносную» совокупность и подлежат исследованию в первую очередь.

Лингвокультурология как специальная область науки породила немало продуктивных в современной лингвистике понятий: лингвокультураема, язык культуры, культурный текст, контекст культуры, субкультура, лингвокультурная парадигма, прецедентные имена культуры, ключевые имена культуры, культурная универсалия, культурная компетенция, культурное наследование, культурные традиции, культурный процесс, культурные установки и др. В понятийный аппарат науки входят также и такие термины, как менталитет, ментальность, ритуал, обычай, сфера культуры, тип культуры, цивилизация, язычество и некоторые другие. Все это составляет основу и межкультурной коммуникации и является определяющим в процессе межкультурной коммуникации.

Для современной науки интерес представляет человек и уже не просто человек, а личность, т. е. конкретный человек, носитель сознания языка, обладающий сложным внутренним миром и определенным отношением к судьбе, миру вещей и себе подобным. Он занимает особое положение во вселенной и на земле, он постоянно вступает в диалог с миром, самим собой и себе подобными. Человек – существо социальное по своей природе, «человеческое в человеке порождается его жизнью в условиях общества, в условиях созданной человечеством культуры» [9].

Применительно к рассматриваемым вопросам нас интересует не человек вообще, а человек в языке. Дело в том, что язык – единственное средство, способное помочь нам проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре. Он рассказывает нам о человеке такие вещи, о которых сам человек и не догадывается.

И. А. Гончаров в письме к Е. Н. Нарышкиной писал: «Язык не есть только говор, речь: язык есть образ всего внутреннего человека: его ума, того, что называется сердцем, он выразитель воспитания, всех сил умственных и нравственных» [цит. по: 12, 114].

Категории культуры, такие как пространство, время, судьба, право, богатство, труд, совесть, смерть и т. д. задают образцы социального поведения и восприятия мира. Это своеобразная система координат, которая формирует языковую личность, во многом определяющую успех межкультурной коммуникации – специфический тип коммуниканта, обладающего культурной ментальностью, системой ценностей, придерживающегося языковых, поведенческих и коммуникативных норм и потенциально способного к межкультурному взаимодействию [15, 265].

Первое обращение к языковой личности связано с именем немецкого ученого Й. Л. Вейсгербера. В русской лингвистике первые шаги в этой области сделал В. В. Виноградов, который выработал два пути изучения языковой личности – личность автора и личность персонажа. О говорящей личности писал А. А. Леонтьев. Само понятие языковой личности начал разрабатывать Г. И. Богин, он создал модель языковой личности, в которой человек рассматривается с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи [подробнее см. 12]. Ввел же это понятие в широкий научный обиход Ю. Н. Караулов, указав на то, что языковая личность не является таким же частно-аспектным коррелятом личности вообще, какими являются, например, правовая, экономическая или этическая личность. «Языковая лич-

ность – это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще. Последнее соткано из противоречий между стабильностью и изменчивостью, устойчивостью мотивационных predispositions и способностью поддаваться внешним воздействиям и самовоздействию, трансформируя их результаты в перестройке отношений элементов на каждом из уровней – семантическом, когнитивном и мотивационном; между своим существованием в реальном времени и «нерелевантностью» временного параметра для идентификации личности» [6, 39]. Языковая личность вовсе не идентична национальному характеру, но, отыскивая в ней черты (составляющие, компоненты), соотносимые с этим понятием, мы, по мнению Ю. Н. Караулова, подводим тем самым и под него определенную научную основу. Д. С. Лихачев отмечает: «Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности значит делать мир народов очень скучным и серым» [цит. по: 6, 64].

Языковая личность – социальное явление, но в ней есть и индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов; но при этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками. Язык конкретной личности состоит в большей степени из общего языка и в меньшей – из индивидуальных языковых особенностей.

Основным средством превращения индивида в языковую личность выступает его социализация, предполагающая процесс включения человека в определенные социальные отношения, в результате которого языковая личность оказывается своего рода реализацией культурно-исторического знания всего общества; активную речемыслительную деятельность по нормам и эталонам, заданным той или иной этноязыковой культурой; процесс усвоения законов социальной психологии народа [см., напр., 12]. При этом процесс присвоения той или иной национальной культуры и формирование социальной психологии возможны только посредством языка, являющегося для культуры, по выражению С. Лема, тем же, что центральная нервная система для жизнедеятельности человека [8].

В каждой культуре имеются свои нормы и правила поведения, свой дискурсивный стиль – «манера речи» (ведения дискурса) носителей языковой культуры, конвенции общения, обуславливающие принятые и допустимые формы выражения определенных социально значимых смыслов. Способы кодирования этих смыслов (не только языковые) так же, как и сами смыслы, могут существенно различаться в разных культурах, что создает проблемы в межкультурном общении, свидетельствуя о том, что в соответствующих культурах не совпадают системы социально релевантных значений и оценок или системы средств их выражения.

Помимо собственно языковых знаний участникам межкультурного общения необходимы также толерантность и особая социокультурная чувствительность, позволяющая преодолевать воздействие стереотипов и адаптироваться к изменяющимся условиям коммуникативного взаимодействия при контакте с представителями разных языковых культур [3, 235–238], нести надежду на обогащение национальных культур, минимизировать негативные последствия межкультурного взаимодействия и межкультурной коммуникации как опасности забвения и вытеснения собственных культурных истоков, стремиться к выбору сторонами совместного курса взаимодействия, что и обуславливает успешность диалога культур – исторически сложившейся системой контактов между разнородными и разноразмерными культурами, неким универсальным механизмом, через который осуществляется их взаимопроникновение и взаимообогащение, обеспечиваются важнейшие условия для собственной эволюции. При этом следует иметь в виду, что эффективность диалога в значительной мере зависит от объективных возможностей тех или иных культур к реальному сотрудничеству, от их готовности заимствовать, адаптировать чужое, делиться или поступаться своим; и в том, что большинство культур обладает значительным запасом внутренних потенций для саморазвития. В силу этого результативность диалогических

отношений между разными культурами и внутри каждой культуры, напрямую зависит от того, на каких уровнях происходит контакт [10, 43–44].

Вместе с тем диалог – это информативное и экзистенциальное взаимодействие между коммуницирующими сторонами, посредством которого происходит понимание, особый тип смысловых диалогических отношений, подразумевающих коммуникацию собеседников, которые могут быть отделены друг от друга временем и пространством. Такие отношения требуют экстралингвистического, экстратекстового «ответного понимания» и включают в себя оценку [1].

Диалог выступает как способ вовлечения «чужого» (уже не чуждого) в «свое», прежде всего в свою речевую жизнь [1]. В конечном итоге диалог должен быть процедурой доказательства: одушевленные волей к нахождению истины, подчиняясь разумным правилам, участники диалога должны прийти к согласию. Однако диалог не всегда заканчивается согласием. Причиной неудачи может быть низкий уровень культуры диалога, когда его правила не соблюдаются, а в речевой акт вносятся неуместные и примитивные эмоции. Но может случиться, что уровень диалога будет достаточно высоким, а его участники так и не достигнут согласия. И это уже отдельная проблема. Таким образом, диалог – это особая форма интеллектуального, поведенческого, предметного взаимодействия людей, в котором взаимосвязь сторон, участвующих в диалоге, может определяться в терминах действия и противодействия, партнерства и враждебности. Диалог может обладать ярко выраженным познавательным характером или вырождаться в «войну слов». При этом для успешности диалога важны не только его внутренние закономерности, но и внешние факторы – интеллектуальный и социальный климат [подробнее см.: 13, 111–114].

Таким образом, лингвокультурология – наука, которая не просто связана с межкультурной коммуникацией во всех ее ипостасях, но которая закладывает те основы, которые объясняют и обеспечивают связь языка и культуры, задают вектор их исследования, которые формируют лингвокультурную и языковую личность как национально-культурный прототип носителя определенного языка, готового производить речевые поступки, ведущие к успешности межкультурной коммуникации.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.
2. Верещагин Е. М., Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005.
3. Гришаева Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – М.: Изд. центр «Академия», 2006.
4. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М., 1985. – С. 376.
5. Зинченко В. Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – М.: Флинта: Наука, 2008.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: КомКнига, 2006. – С. 39–64.
7. Кравченко А. И. Культурология. – М., 2001. – С. 13.
8. Лем С. Модель культуры // Вопросы философии. – 1964. – № 4.
9. Леонтьев А. Н. Человек и культура. – М., 1961.
10. Лисаковский И. Н. Художественная культура. Термины, Понятия. Значения. Словарь-справочник. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – С. 43–44.
11. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
12. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Изд. центр «Академия», 2004.
13. Махлина С. Т. Словарь по семиотике культуры. – СПб.: Искусство-СПб., 2009. – С. 111–114.
14. Мурзин Л. Н. Текст и его восприятие. – Свердловск, 1991. – С. 160.
15. Садохин А. П. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ (на примере телевизионных сериалов
«Жизнь на марсе» и «Обратная сторона луны»)**

В настоящее время большой интерес исследователей в разных областях гуманитарного знания вызывают тексты культуры, созданные на основе нескольких знаковых систем (вербальной, визуальной, звуковой). Значительная часть таких текстов создаётся и распространяется средствами массовой информации. Как отмечает Т. Г. Добросклонская, интерес к изучению текстов массовой информации (медiateкстов) вызван той колоссальной ролью и влиянием, которое СМИ и их продукция оказывают на мир в целом и на использование языка во всех сферах жизни [1, 5]. Медiateксты, в частности иноязычные, способствуют познанию иноязычной культуры, формированию медиакартины мира и медиакультурной компетенции. Изучение текстов массовой информации особенно важно для лингвистов, переводчиков и преподавателей иностранных языков, так как в данных текстах наиболее подробно и разнообразно воплощается текущее состояние иноязычной медиакультуры [2; 19, 21]. Медiateксты дают читателям знания о событиях во всём мире, позволяют расширять фоновые знания и следить за изменениями в современной речевой практике страны изучаемого языка [3, 4].

Одной из распространённых форм современных медiateкстов является телевизионный сериал. По многим параметрам жанр телесериала родственен жанру кинофильма, но условия производства, распространения и восприятия телесериалов позволяют классифицировать их и как медiateксты. Жанр телесериала содержит в себе значительный потенциал для изучения как с точки зрения культуры, так и с точки зрения языка. По мнению А. С. Исуповой, «телевидение... к концу 20 в. ... развилось в одно из наиболее важных мировых социокультурных явлений, в эстетическом и киноязыковом отношении» [4, 70].

Объектом изучения в нашем исследовании стал британский телесериал «Жизнь на Марсе» («Life On Mars»; 2006–2007 «Би-би-си»), его любительские закадровый перевод на русский язык, выполненный NovaFilm, и русские субтитры, взятые с русскоязычного веб-фан-сайта lifeonmars.clan.su, а также русская адаптация – телесериал «Обратная сторона Луны» (2012, «Первый канал»). Сюжет английского телесериала рассказывает о полицейском из Манчестера Сэме Тайлере, который, попав в автокатастрофу, оказывается в коме и в 1973 г., сюжет русского аналога, в целом, повторяет английский прототип: главный герой «Обратной стороны Луны», полицейский Михаил Соловьёв, оказывается в похожей ситуации в Москве 1979 г.

Русская и английская культуры отличаются по степени своей открытости и отношения к иностранному. По наблюдениям японского литературоведа и культуролога Сюити Като, культуры могут делиться на культуры «чистого» и «смешанного»/«гибридного» типа [5, 235]. В Англии, как и во многих других европейских странах, по мнению учёного, «... наблюдается большой интерес к иностранной культуре. Однако, как правило, это продиктовано желанием через соприкосновение с иной культурой обогатить свою, а не поиском за морем чужих культурных основ, чтобы заложить их в фундамент своей культуры. В этом отношении... англоязычная культур[а] представля[е]тся культур[ой] «чистого» типа, не подвержен[ой] влиянию каких-либо других культур, при этом большинство англичан... в той или иной степени осознают эту особенность собственной культуры» [5, 233–234].

Советская культура в этом отношении более амбивалентна. С одной стороны, так как СССР был многонациональной страной, она по определению была «смешанной»; но, тем не менее, стремилась быть «чистой» с идеологической стороны: пропагандировался приоритет советской культуры перед западной, доступ к «несоциалистической» западной культуре был

ограничен. С другой стороны, неофициальная молодёжная культура стремилась к «гибридности» и искала «культурные основы» именно в западной культуре.

Данные особенности культур двух стран ярко отражены в обоих телесериалах. Так, иноязычные вкрапления в речи персонажей «Жизнь на Марсе» воспринимаются остальными персонажами скорее негативно: применение иностранных слов служит признаком некоторой помпезности и вычурности. Один из персонажей сериала, инспектор Дерек Литтон, выглядит как денди, всегда изысканно одет, использует парфюм иностранных марок и при этом применяет в речи французские и немецкие слова: *au revoir*, *Guten Tag*. Неудивительно, что Литтон изображён как несколько комическая фигура, и воспринимается полицейскими из отдела уголовного розыска, где работает Сэм Тайлер, достаточно негативно.

Хорошо отражает отношение к иностранным языкам в среде английских полицейских 1970-х диалог между начальником Сэма, старшим детективом-инспектором Джинном Хантом, и судмедэкспертом (серия 2.04.). Рассказывая об обследовании жертвы убийства, судмедэксперт поясняет, что нашёл в руке у убитой девушки метку убившего её преступника: цветок герани:

PATHOLOGIST: There was one thing that might interest you, DCI Hunt.

GENE: What?

PATHOLOGIST: *La fleur de mort*

GENE: You know, I once hit a bloke for speaking French.

СУДМЕДЭКСПЕРТ: Вас может заинтересовать кое-что ещё, детектив Хант.

ДЖИН: Что?

СУДМЕДЭКСПЕРТ: *La fleur de mort* [фр. Цветок смерти]

ДЖИН: Однажды один тип получил по морде за разговорчики на французском.

Владение иностранными языками и интерес к иностранной культуре также воспринимается как показатель некоторой «немужественности»: так, в серии 2.06., когда Хант узнаёт от Сэма, что тот взял под личную охрану девушку-англичанку с азиатскими корнями, потому что в 2006-м у него была подруга англо-индийского происхождения, он разражается целой тирадой нелюбезных эпитетов в адрес Тайлера: “You.. great... soft, sissy... girly... nancy... French... bender, Man United-supporting poof!” Хотя в переводе этой фразы на русский слово “French” не отражено, показательно, что само название чужой национальности может выступать в родном языке говорящего с отчётливо негативной коннотацией.

Даже в большей степени подозрительное отношение к иностранным языкам и, соответственно, тем, кто владеет ими, прослеживается в «Обратной стороне Луны». Так, в серии 1.01. Михаил Соловьёв оказывается единственным, кто знает английский, и поэтому только он оказывается способен понять американца-журналиста, ставшего свидетелем правонарушения. Когда Михаил заговаривает с американцем, его начальник Григорий Котов с угрозой в голосе спрашивает Михаила: «О чём с ним расчирикался?». Однако по этой ситуации видно, что, в отличие от Англии 70-х, в ту же эпоху и в той же профессиональной среде в Советском Союзе владение иностранным языком воспринималось также и как некое ценное специальное умение, которое одновременно и вызывало подозрения коллег Соловьёва, и повышало уважение к нему, так как явно открывало более широкие возможности карьерного роста (ср. запись в записной книжке отца Михаила, тоже милиционера, – «знал бы английский, ловил бы шпионов»).

Тогда как в «Жизни на Марсе» иноязычные вкрапления воспринимаются как нечто «высокостильное», аристократичное, в «Обратной стороне Луны» они приравняются скорее к жаргонизмам. Так, в серии 1.14. Котов обращает внимание на англицизмы, которые использует в своей речи Соловьёв, и говорит: «”Бизнес”, “коммерсант” – давай-ка без фени». Данная реплика объяснима также и тем, что сотрудники правоохранительных органов отличаются профессиональной подозрительностью, поэтому фразы и слова на неизвестном языке могут восприниматься ими как «код», «шифр», подобный воровскому жаргону, то есть как что-то потенциально опасное.

В серии 1.04. есть интересный пример языковой игры, основанный на особенностях восприятия иноязычной графики. Михаил Соловьёв спрашивает свидетельницу правонарушения о приметах разыскиваемого преступника, и та отвечает, что тот уехал на машине с логотипом «Гога» – впоследствии выясняется, что так не знающая иностранного языка женщина прочитала логотип машины «Ford».

В русском сериале показана та фобия и предубеждение по отношению к иностранной культуре, которая, существовала в Советском Союзе. Миша Соловьёв, сын Михаила, размышляя о будущем, эмоционально говорит: «Главное, чтобы войны с Америкой не было».²¹ В серии 1.02., главной темой которой стало явление фарцовки, мать студента-фарцовщика жалуется Михаилу Соловьёву, что сын «начал слушать иностранную музыку». Нежелательность этого занятия, помимо чисто экономических причин («наша» пластинка стоила три рубля, а иностранная – «все пять»), вероятно, объяснялось и идеологическими: прослушивание зарубежной музыки представлялось знаком неблагополучия, того, что сын занимается чем-то опасным.²²

В этой же серии мы встречаем и противоположное отношение к иностранной культуре: выясняется, что студента-фарцовщика, слушавшего иностранную музыку, убили во время ссоры, завязавшейся из-за того, что он продал одному из своих покупателей пластинку Людмилы Зыкиной под видом легендарной пластинки Pink Floyd “Dark Side Of The Moon”²³ – ситуация убийства из-за оказавшейся поддельной западной пластинки, пусть и мало-вероятная в действительности, хорошо характеризует ценностное отношение и силу интереса молодых людей к западной культуре, доступ к которой был ограничен в советскую эпоху. В серии 1.15. Соловьёв, преследуя преступника, садится в машину к проезжающему таксисту и грубо выкидывает его из неё – на что таксист не без восхищения восклицает: «Не, ну вы видели? Как в Америке, блин!», очевидно, вспоминая похожие эпизоды из американских фильмов. Характерен и тот факт, что тогда как сериал «Жизнь на Марсе» назван в честь английского хита англичанина Дэвида Боуи, русская адаптация сериала названа не в честь какого-либо шлягера советских ВИА или рок-групп, а именно в честь культовой пластинки зарубежной группы.

В обоих сериалах периодически появляются персонажи-иностранцы. При этом стоит сказать, что обратной стороной «чистоты» культуры Англии является большой уровень напряжения межнациональных отношений в стране. Как минимум в четырёх сериях «Жизни на Марсе» поднимается проблема расизма. Так, если верить сериалу, даже родившиеся и давно живущие в Манчестере чернокожие могли в 70-х подвергаться дискриминации. В серии 2.02. в отдел временно переводят чернокожего констебля Глена Флетчера. Его появление сержант Рэй Карлинг встречает целой серией оскорбительных комментариев:

RAY: First women, now a coloured. What's gonna be next, dwarves? You here to do the spadework, then? Only, it can get a bit cold round here. It's not like being back home.

GLEN: What? Burnage?

SAM: You'll have to excuse DS Carling. He's our resident Neanderthal.

GLEN: No, good point though. When that heat wave hit last month, I thought Enoch Powell had had me deported! Don't worry. If there's a power cut, I'll roll my eyes and you can follow me out to the exits.

РЭЙ: Сначала женщины, теперь цветные. Кто следующий? Карлики? Значит, ты здесь, чтобы делать черную работу? Смотри, тут бывает довольно прохладно. Здесь не то, что дома.

²¹ Такой страх, судя по всему, был характерен для людей в то время: ср. в автобиографической повести писателя и драматурга Е. Гришковца «А.....а» теме страха перед возможной войной с Америкой посвящена целая глава.

²² Ср., например, такое явление, как списки «запрещённых» в СССР западных групп: так, в частности, упоминаемой в серии 1.02. группе Pink Floyd инкриминировалось «извращение внешней политики СССР».

²³ О практике подделывания советских виниловых пластинок под западные: см. статью С. Кастальского «Голос его хозяина» в журнале «Огонёк»: <http://www.ogoniok.com/archive/2000/4660/33-59-61/>

ГЛЕН: Где дома? В Африке?

СЭМ: Ты должен простить сержанта Карлинга. Он наш местный неандерталец.

ГЛЕН: Нет, нет, справедливое замечание. Когда в прошлом месяце ударила жара, я было подумал, что Енох Пауэлл депортировал меня. Не волнуйтесь. Если отключат свет, я закачу глаза и вы сможете пройти за мной к выходу.

Интересно, что коренные чернокожие жители Манчестера имеют гибкие стратегии адаптации. Так, Глен первым смеётся над своими этническими особенностями – самоуничижительный юмор хотя и не является лучшим выходом из положения, всё-таки помогает ему адаптироваться в недружелюбном коллективе. Нельсон, чернокожий владелец паба, который часто посещают полицейские, тоже родом из Манчестера, но специально говорит с сильным ямайским акцентом, потому что знает, что «он... больше понравится посетителям, если они будут думать, что он иностранец, а не чернокожий англичанин» [6]. Интересно и то, что Нельсон, фактически, единственный персонаж, которому сходят с рук иноязычные слова – он постоянно обращается к посетителям паба по-французски: “mon brave” («мой храбрец»). Таким образом, можно предположить, что в данном случае акцент становится средством варьирования национальной идентичности человека. Интересно также и то, что обращаясь к Сэму, Нельсон обычно «отключает ямайский акцент» [примеры: 4]. Вероятно, это обусловлено тем, что его общение с остальными посетителями-полицейскими рекреативно и шутливо по характеру, Сэм же часто обращается к нему за советом в трудные моменты. Таким образом, отказ от акцента обозначает переход от шутки к серьёзности, а также, вероятно, является «кредитом доверия» который Нельсон выдаёт Сэму, намёком на некую общность с ним: ведь Сэм, попавший в 1973-й из 2006-го, сам чувствует себя и воспринимается другими немного как иностранец.

Недавним иммигрантам в Англию приходится труднее, так как у них пока нет подобных стратегий адаптации. У англичан есть стойкие предубеждения против них, и эти стереотипы восприятия могут стоять иммигрантам свободы и даже жизни. Когда в Манчестере начинаются смерти от «нового наркотика» героина, подозрение полиции автоматически падает на выходцев из Индии. Когда же в городе начинают периодически происходить взрывы (серия 2.03.), полицейские обвиняют в терактах Ирландскую республиканскую армию, а соответственно и работавших неподалёку от места взрывов ирландских строителей, у которых был доступ к взрывчатке. Впоследствии выясняется, что их работодатель-англичанин специально звонил в полицию и с ирландским акцентом предупреждал служителей закона о заложенных бомбах, чтобы создать у полиции впечатление, что в городе орудуют ирландские террористы: он использовал стереотип о «воинственных» ирландцах, чтобы с помощью взрывчатки проникнуть в денежное хранилище банка и украсть деньги для расплаты по своим долгам.

Интересно, что чем ближе родина иммигрантов к Англии, тем отрицательнее их отношение к своему новому дому. Так, у ирландцев накопилось много претензий к англичанам:

O'BRIEN: We're all fed up with being paid less than the English for doing exactly the same job... I'll never get a chance to run me own business. Send me kids to the best schools, drive a fancy motor. Do you know why? 'Cause all our kind are good for is shoveling shit and making bombs, isn't that right?

O'БРАЙАН: За ту же самую работу нам платят меньше, чем англичанам... Я никогда не смогу начать свое собственное дело, отправить своих детей в лучшую школу, водить модную машину. Знаешь, почему? Потому что все наши ребята годятся только на то, чтобы разгребать дерьмо и делать бомбы.

Напротив, иммигранты из Азии, постоянно сталкивающиеся с неприязнью со стороны англичан (им, например, даже не разрешали открыть счёт в английском банке), тем не менее, проявляют такой же горячий интерес к культуре этой страны, как молодые жители СССР – к западной культуре. Так, англичанка Лейла в серии 2.06. говорит о своём друге-индийце: «Dipak said it was great to come to a country that had such brilliant music. Made up for the cold

and the rain» («Дипак говорил, что здорово было приехать в страну с такой потрясающей музыкой. Это компенсирует холод и дождь»).

В «Обратной стороне Луны» большую подозрительность люди проявляют именно по отношению к представителям западных стран («Они там негров вешают» – воспроизводит известный стереотип об Америке один из второстепенных персонажей в серии 1.01.), тогда как народы-соседи (кавказцы, цыгане) показаны более мирно сосуществующими с русскими. Вероятно, это объясняется тем, что западная культура была в ту историческую эпоху более притягательна, но более и опасна из-за последствий, которые могли вызвать контакты с ней (так, например, в серии 1.05. Соловьёва предупреждают, что если он и его коллеги не смогут до конца дня раскрыть убийство иностранца, то «дело будет на столе у министра», при этом администратор гостиницы, где произошло это преступление, говорит Михаилу, что не может пустить его в номер иностранного гражданина «без бумаги»).

В заключение необходимо отметить, что все приведённые примеры взяты из художественных аудиовизуальных текстов, в которых эпоха 1970-х представлена не документально точно, а в виде художественной реконструкции, допускающей определённые вольности в обращении с историческим материалом. 1970-е изображены в обоих сериалах как некий «сон»: то, что привиделось полицейским, пока они находились в коме, некий миф о 70-х и их отражение в восприятии наших современников, другими словами, это художественные, условные 70-е в представлении героев художественных медиатекстов. Таким образом, в данной статье представлено исследование не столько реальных исторических фактов, сколько их репрезентаций в медиатекстах.

Литература

1. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. – М.: Флинта, 2008. – 263 с.
2. Елизарова Л. С. Медиа́текст как средство формирования медиакультурной компетенции студентов языковых вузов // Мультикультурный мир: проблема понимания: материалы Республиканской научно-практической конференции. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2012. – С. 18–21.
3. Жанрово-стилистические особенности иноязычного медиатекста (на материале британских электронных СМИ): учеб.-метод. пособие для вузов по курсу «Стилистика». – Ижевск: УдГУ, 2012. – 68 с.
4. Исупова А. С. Особенности языка героев мультсериала «Симпсоны» // Иностранные языки в школе. – 2010. – № 10. – С. 69–74.
5. Като С. О гибридности японской культуры // Иностранная литература. – 2012. – № 2. – С. 232–251.
6. List of *Life on Mars* characters. Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_Life_on_Mars_characters

Источники примеров:

1. «Обратная сторона Луны». URL: <http://lifeonmars.clan.su/forum/20-71-1>
2. “Life on Mars”, версия с русским закадровым переводом. URL: http://lifeonmars.clan.su/index/on_line_prosmotr_uk/0-19
3. “Life on Mars”, русские субтитры. URL: <http://lifeonmars.clan.su/index/0-24> или <http://lifeonmars.clan.su/forum/13-56-1>
4. “Life on Mars”, тексты сценариев (англ.). URL: <http://versaphile.com/lom/> и <http://www.3.telus.net/chamekke/transcripts/>

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ

Обучение иностранному языку официально декларируется в настоящее время в качестве одного из приоритетных направлений образования. Новая социально-экономическая ситуация в России неизбежно сопровождается принципиальными изменениями в методике обучения, которые особенно ярко проявляются в общеобразовательной школе. Переход школы на личностно-ориентированную общеобразовательную модель обусловил нацеленность учебных технологий на развитие интереса, мотивации, активности субъектов учения, интерактивности, на увеличение самостоятельности, достижение функциональной грамотности, в том числе в специализированной сфере применения языка, на развитие креативности, получение реальных продуктов, приращения знаний, умений, навыков, на самореализацию и социализацию учащихся [2].

В этой связи совершенно очевидной и правомерной становится необходимость внесения фундаментальных изменений в вузовское языковое образование. Данная задача успешно решается в рамках культурологического подхода, который активно обсуждается в теории и внедряется в практику школы и вуза. Речь идет здесь фактически о выдвигании новой образовательной парадигмы со своей стратегией и технологией, со своими целями, содержанием, формами, способами, средствами обучения.

На сегодняшний день методика располагает целым набором культурологических моделей, к числу которых можно отнести лингвострановедческую, коммуникативно-образовательную, когнитивно-дискурсивную, креативную, интеркультурную, билингвальную, интегративную, личностно-ориентированную и некоторые другие.

Характерной особенностью концептуальных подходов при их разработке является ориентация на отдельные структурно-функциональные стороны культуры. Подобная односторонность, как правило, оценивается положительно, так как она фактически создает необходимую теоретическую и практическую базу для последующего системно-целостного познания и обучения иностранному языку.

Предлагаемая нами модель направлена на системно-целостное обучение иноязычной культуры. Ее методологическую основу оставляет философская системно-целостная концепция культуры известного отечественного философа М. С. Кагана, в соответствии с которой культура трактуется как форма бытия, образуемая человеческой деятельностью и охватывающая а) качества человека как субъекта деятельности, б) способы опредмечивающей деятельности, в) продукты, результаты опредмечивания, г) способы распредмечивающей деятельности, д) продукты, результаты распредмечивания, е) связь опредмечивания и распредмечивания с общением [4, 41–47].

В разработке системно-целостной концепции лингводидактической модели в первую очередь важно найти ответы на базовые вопросы о культурологических параметрах структурных элементов педагогического процесса. Это будут прежде всего ответы на такие вопросы как — чему и с какой целью учить с культурологической позиций, как организовать культуросообразный образовательный процесс, какие способы, приемы и средства при этом использовать для успешного решения поставленных задач.

Ответ на вопрос «Чему учить?» в общем виде ясен — учить иноязычной культуре. Однако с системно-целостных позиций иноязычная культура как предмет, как содержание обучения детализируется по своим личностным, процессуально-деятельностным и предметно-текстовым модальностям, в состав которых входят: субъектные качества человека; языковой материал в его национально-культурном аспекте языковой картины мира; фактологическая информация о стране изучаемого языка в форме концептуальной картины мира; функциональные формы, способы и средства познавательной (когнитивной), коммуникативной и творческой (креативной) иноязычно-речевой деятельности.

Целевой статус иноязычной культуры в системно-целостной интерпретации обучения выступает в категории иноязычной культурной компетенции как интегративного образования, объединяющего в своей структуре когнитивные, коммуникативные и креативные компетенции.

Иноязычная когнитивная компетенция в функции цели побуждает и направляет субъектов образовательного процесса к овладению познавательной деятельностью по осознанному извлечению, усвоению и использованию языковой и фактологической информации, воспитанию интереса к иноязычному познанию, развитию у обучающихся соответствующих потребностей, способностей, знаний, навыков и умений.

Целевой статус иноязычной коммуникативной компетенции в первую очередь проявляется в социальном межкультурном взаимодействии с другими людьми, в установлении и развитии с ними контактов, персональных межличностных отношений.

Планируемый результат иноязычной креативной компетенции заключается в планомерном воспитании у субъектов обучения способностей к порождению продуктивной творческой текстовой деятельности в условиях решения многообразных креативных задач.

Организационный компонент системно-целостной модели обучения иноязычной культуре реализуется на основе аутентичных текстов путем создания на занятиях иноязычной культурной среды посредством когнитивно-, коммуникативно- и креативно-речевых действий в ситуациях «вхождения в другой мир», «пребывания в этом мире» и «возвращения в свой мир».

«Вхождение в другой мир» означает полное и глубокое, рациональное и эмоциональное восприятие и осмысление социокультурной действительности, представленной в используемых текстах, конструирование этой действительности в собственном иноязычно-речевом опыте. «Пребывание в этом мире» преимущественно увязывается с понятием социального общения. «Возвращение в свой мир» включает творческую речевую деятельность по созданию обучающимися собственных текстовых произведений.

Системно-целостный технологический компонент обучения иноязычной культуре предполагает использование и усвоение способов культуросообразного, комплексного и поэтапного моделирования иноязычной познавательной, коммуникативной и творческой деятельности.

Комплексный способ обучения иноязычному познанию состоит из просмотрового, ознакомительного, изучающего и поискового взаимодействия субъектов с текстами – источниками информации.

Главными поэтапными составляющими просмотрового способа учебного иноязычного познания являются: установка на ориентировку в тексте; чтение для прогнозирования темы; беглый просмотр основных элементов текста; устранение основных языковых и страноведческих трудностей; актуализация знаний по тематике текста; формирование потребности в прочтении; речевая информатизация просмотренного.

Ознакомительный способ иноязычного познания отличается следующими основными функциональными нормами: установка на понимание основного содержания текста; языковой уровень понимания; чтение «для себя», «для удовольствия», «для ознакомления»; чтение быстрое, поступательное; игнорирование трудностей; опора на догадку – языковую, контекстуальную, логическую, межъязыковую; речевая информатизация основного содержания текста.

Изучающий способ иноязычного познания включает следующие основные нормативные требования: установка на полное понимание содержания текста; чтение «для информации»; предметный уровень понимания; чтение медленное, с регрессиями; использование перевода, комментирования для социокультурного понимания; коммуникативно-познавательный анализ языкового оформления текста; речевая информатизация его полного содержания.

Поисковый способ иноязычного познания учитывает такие технологические правила как: установка на осознание идеологии текста; чтение «для творчества»; критический уровень понимания; ценностно-смысловая интерпретация текста; личностно-ориентированная оценка; речевая информатизация смысла текста.

Для обучения культуре иноязычного общения разрабатываемая модель предусматривает четырехзвенный комплекс технологических способов учебной коммуникации в ситуациях «первой встречи», «знакомства», «сотрудничества» «дружбы». В этом ракурсе учебная коммуникация обеспечивает формирование умения вступать в общение, развивать контакты, принимать участие в общем деле, устанавливать межличностные дружеские отношения посредством конвенционального, фактического, информатизационного и личностного взаимодействия [1].

Способ общения на уровне «первой встречи» складывается из конвенциональных коммуникативных актов – первичных контактов с виртуальными и реальными собеседниками в разных сферах их жизнедеятельности.

Способ общения на уровне «знакомства» определяется простым обменом репликами для поддержания разговора, отсутствием глубокого смысла обсуждаемого.

Способ общения на уровне «сотрудничества» предполагает обмен интересной для собеседников новой информацией, являющейся источником мыслительной, эмоциональной, поведенческой активности человека.

Способ общения на уровне «дружбы» предусматривает такое взаимодействие, при котором субъекты способны к глубокому самораскрытию и постижению сущности другого человека, самого себя, окружающего мира.

Для обучения культуре иноязычного творчества системно-целостная модель предлагает выполнять проективную речемыслительную деятельность на этапах «мотивации», «концептуализации», «вербализации» и «социальной апробации». Это будет преимущественно творческая речь, порождаемая продуктивной текстовой деятельностью, отличной от речевого поведения с использованием языковых явлений в строго отобранных ситуациях [3, 61].

Способ иноязычного творчества на уровне «мотивации» предусматривает целенаправленный поиск учащимися замысла своего будущего текстового проекта, пространство которого ограничено содержанием исходного текста. Решая эту задачу, учащиеся анализируют и оценивают свое отношение к актуализируемой проблематике, определяют идею, жанровую специфику своего будущего произведения.

Способ «концептуализации» иноязычного творчества заключается в планировании текстового проекта, в ходе которого устанавливаются содержательные, сюжетные, композиционные линии будущих произведений.

Звено «вербализации» текста-проекта – самое сложное и трудоемкое. Оно предполагает письменное оформление составленных планов, что неизбежно сопровождается многочисленными языковыми трудностями, связано с использованием словарей, грамматических справочников, с повторной корректировкой своего текста.

Заключает творческую фазу «социальная апробация», выполняя которую студенты представляют свои сочинения «на суд общественности». Само занятие в этом случае проводится в нестандартной форме конференции, семинара, диспута, конкурса и т. п.

Необходимым и значимым компонентом системно-целостной культурологической модели являются аутентичные тексты, которые выполняют роль и как единственного источника информации о культуре «чужого мира» [5], и как эффективного средства обучения межкультурной, познавательной, коммуникативной и творческой деятельности.

Ключевые слова: культурологическая ориентация лингводидактики, системно-целостная культурологическая модель.

Литература

1. Андриенко Е. В. Социальная психология. – М.: АCADEMA, 2000.
2. Бим И. Л. Модернизация структуры и содержания школьного языкового образования // Иностранные языки в школе. – 2005. – № 8.
3. Галькова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. – М.: АРКТИ, 2003.
4. Каган М. С. Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996.
5. Neuner J., Hunfeld H. Methoden des fremdsprachlichen Deutschunterricht. – Berlin, 1993.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ВОСПРИЯТИЮ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается проблема психолингвистического подхода к восприятию культуры при изучении иностранных языков. Авторы анализируют три формы окружающего человека мира: реальную картину мира, понятийную (или культурную) картину мира и языковую картину мира. При сближении культур (иноязычной и родной) кругозор обучаемых расширяется и формируется целостный образ мира. «Ключ» к пониманию истории и культуры носителей языка лежит в особенностях функционирования иноязычного слова и языкового сознания, которое сформировалось при «присвоении» определенной национальной культуры. Психологическое отражение не бывает чисто механическим, оно формируется в процессе деятельности субъекта через непрерывное взаимодействие с окружающим миром.

Изучение иностранного языка (ИЯ) является мощным образовательным и воспитательным средством, поскольку именно язык есть концентрированное информационное выражение мировой культуры и культуры носителей языка. Язык любого народа как достояние его культуры есть, прежде всего, социально-поведенческий универсум, все члены которого объединены общими для всех представителей этой системы законами мировосприятия, едиными представлениями о ситуационном взаимодействии, неизбежно проявляющимися при коммуникативном общении. Коммуникативная компетенция включает несколько компонентов: коммуникативные умения в говорении, аудировании, чтении и письме; языковые знания и навыки владения этим «строительным материалом» для порождения и распознавания информации, лингвострановедческие и страноведческие знания для обеспечения вторичной социализации, социокультурного фона, без которых нельзя сформировать коммуникативную компетенцию. Отсюда, включение в целевую установку обучения ИЯ, а, следовательно, и в содержание обучения страноведческих знаний в качестве полноправного компонента обеспечит усвоение обучающимися реалий другой национальной культуры, расширение их общего кругозора. Социокультурный контекст выступает в данном случае как среда функционирования лексикона субъекта, ибо слово как вербальное средство функционирует в текстах, то есть в лингвистическом и социально-общественном контексте.

Логика развития культуры каждой нации (этноса) определяется его врожденными психологическими особенностями, которые воспроизводятся природой его языка. Язык же, в свою очередь, как основной элемент культуры влияет на становление ее форм. Образ реального мира, к которому люди должны адаптироваться, строится именно на основе языковых норм каждого этноса. Мы видим, слышим и воспринимаем действительность так, а не иначе, в значительной мере потому, что структура нашего языка предрасполагает к определенному выбору интерпретаций. В многомерном и многоуровневом процессе психического отражения взаимодействуют разные формы и уровни (представления, речемыслительные процессы, понятийное мышление, интеллект и т. п.). В реальной жизни все уровни психической деятельности взаимосвязаны. В зависимости от цели деятельности и решаемых задач один из уровней может быть ведущим, другие же подчинены главному. Постепенно накапливая опыт, человек получает возможность классифицировать, сопоставлять и интерпретировать. В процессе этой деятельности у него складывается общее представление о действительности, то есть своя картина мира. Человек формирует определенную «картину мира» под влиянием языка, системы его единиц, находящихся в определенных отношениях. Картина мира есть целостный образ действительности, формирующийся в обществе в рамках определенных мировоззренческих установок. Являясь необходимым моментом жизнедеятельности людей, картина мира обеспечивает специфический способ восприятия мира. Познать языковую картину изучаемого языка – значит почувствовать миропонимание народа – его носителя, проникнуть в его языковое сознание, понимаемое как «особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его психологическое своеобразие

в специфических чертах данного языка». Однако, следует заметить, что на уровне языковой картины мира культурные различия не видны и слова разных языков выглядят обманчиво эквивалентными. Это создает большие трудности в практике преподавания ИЯ. Все эти проблемы обнаруживаются только при сопоставительном изучении, по крайней мере, двух языков (и соответственно культур) – иностранного и родного.

Итак, язык для его носителя выступает в качестве средства выхода на образ мира (действительность), особая роль при этом отводится образам – через образы постигаются различные знания, и ожидания, связанные с ситуацией. Наиболее непосредственная ситуация встречи человека с миром – это непрекращающееся движение сознания в актуально воспринимаемом образе мира. Сознание имеет глубину – и образ мира может быть внеситуативным, глобальным (в силу своей многомерности) – тогда это будет образ целостного мира, как бы схема мироздания. Наше знание о мире неразрывно связано с нашей деятельностью в мире – и без нашей мысли, нашего отражения мира, нашего действия в мире мир будет другим миром. Для деятельностного ориентирования в этом социальном мире используется язык, поскольку общение людей есть способ внесения той или иной коррекции в образ мира собеседника. Однако чтобы язык мог служить средством общения, за ним должно стоять сходное понимание реальности (действительности). Отсюда, усвоение нового языка в культурном контексте есть переход на новый образ мира, необходимый для взаимопонимания с носителями языка. Понятие «образа мира» было введено А. Н. Леонтьевым, и сегодня психологи называют это отображением в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии [2].

Таким образом, окружающий человека мир представлен в трех формах:

- реальная картина мира;
- культурная (или понятийная) картина мира;
- языковая картина мира.

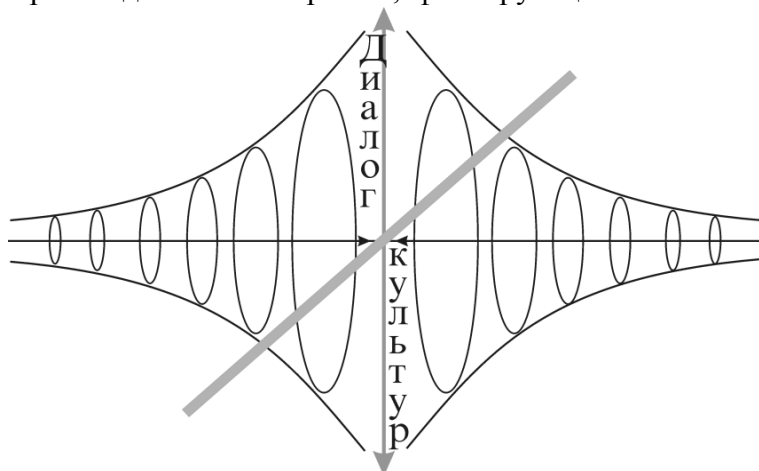
Реальная картина мира – это объективная внечеловеческая данность, это мир, окружающий человека.

Культурная (или понятийная) картина мира – это отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное. Культурная картина мира специфична и различается у разных народов.

Языковая картина мира отражает реальность через культурную картину мира. Культурная и языковая картины мира тесно взаимосвязаны, находятся в состоянии непрерывного взаимодействия и восходят к реальной картине мира, то есть просто к реальному миру, окружающему человека.

«Картина мира» – совокупность мировоззренческих знаний о мире, «совокупность предметного содержания, которым обладает человек» (по Ясперсу). Картина мира рождена потребностью человека в наглядном представлении о мире. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. В картине мира отражаются наивные представления о внутреннем мире человека, в ней конденсируется опыт интроспекции десятков поколений и в силу этого служат надежным проводником в этот мир (по Апресяну). В связи с этим становится понятно, почему человек с детства не рассуждая усваивает названия предметов и одновременно – систему отношений, некоторые акценты, определяющие представления, например, о вежливости, о мужском и женском, о национальных стереотипах, т. е. все исходные постулаты, определяющие картину мира, которые «контрабандным образом» протаскиваются в языковых выражениях (по Вайнштейну). Через языковую картину мира человек связывается с культурой. Схематическое изображение формирования *инофонной картины мира* у студентов в диалоге культур показано на рисунке. Схема показывает, что при сближении культур (иноязычной и родной) кругозор обучаемых расширяется и формируется целостный образ мира. В результате такого

сложного многоступенчатого процесса разворачивается методическое структурирование материала на уроках ИЯ. Преподаватель (учитель, методист, лингвист) вводит в него различные деятельностно-понятийные факты, учебные стратегии, ценностные ориентации, знакомит со стилем мышления носителей изучаемого языка, предъявляет и другие лингвострановедческие материалы, фиксирующиеся в знаниях, символах, правилах языка науки,

содержание которой представлено в конкретном материале. Благодаря их объяснению создаются необходимые условия для восприятия, последовательного изучения и понимания предмета. Культурное наполнение усиливает коммуникативный характер употребления языкового материала в конкретных ситуациях и дает возможность по-новому организовать обучение иностранному языку как средству общения.

При обучении ИЯ через культуру страны изучаемого языка используются современные представления о ходе задействованных при этом психологических процессов; учитываются особенности каждого индивида, обладающего свойственными только ему способностями, знаниями и опытом, а также потребностями, в соответствии с которыми он нуждается в изучении ИЯ (Bialystok and Nakuta 1994; Mclaughlin 1978; Singleton 1989 и др.). «Ключ» к пониманию истории и культуры носителей языка лежит в особенностях функционирования иноязычного слова и языкового сознания, которое сформировалось при «присвоении» определенной национальной культуры (Вержбицкая 1995; Ключанов 1997, Сорокин 1994, Стернин, Тарасов 1996). Так, носитель русской культуры имеет сознание, состоящее из психических образов и представлений, бытующих в русской культуре. Знания в виде образов сознания и представлений, ассоциированные со словами (языковыми знаками), используются человеком для построения мысли при кодировании и декодировании речевых сообщений. По мнению Л. С. Выготского, диалог культур реально протекает только в форме «общения сознаний», тогда как М. М. Бахтин подчеркивает, что общение происходит в образах разных культур в рамках одного сознания. Через образ на разных уровнях осознанности проявляются разнообразные знания и ожидания при знакомстве с иноязычной культурой. Механизмы восприятия чужой культуры могут быть различными. Практический опыт показывает, что чужая культура воспринимается как «отклоняющаяся от нормы» («свои» – «чужие», «мы» – «они»), причем нормой считаются образы своей культуры, а чужая культура постигается путем приведения чужих образов сознания к образам своей культуры. Для этого в своей культуре подыскивается «эквивалентный» образ, и знания, входящие в содержание чувственной и умственной части образа, переносятся на предмет чужой культуры. Еще раз подчеркнем, что именно язык навязывает человеку определенное видение мира. Усваивая родной язык, англоязычный ребенок видит два предмета: «hand» и «arm» там, где русскоязычный видит только один – «руку». Существует и другой способ познания чужой культуры – он заключается в поиске различия в сопоставляемых образах чужой и своей культур, то есть образ своей культуры не должен заслонять образ чужой культуры, а напротив, «обогащать» человека при знакомстве с чужой культурой, побуждать к поиску различий, рефлексии над ними. Такой способ познания чужой культуры позволяет обучающимся выработать новые знания в отношении изучаемой культуры, понять суть различий в сравниваемых культурах, составить представление о содержании образа сознания, функционирующего в конкретной национальной культуре. При этом роль своей культуры в качестве средства познания чужой культуры, а также и чужой для познания своей должны хорошо осознаваться обучающимся. И в ходе этого сложного процесса на

первичную картину мира родного языка и родной культуры накладывается вторичная картина мира изучаемого языка. Взаимодействие первичной и вторичной картин мира сложный психологический процесс, требующий определенного отказа от собственного «я» и приспособления к другому видению мира. Под влиянием вторичной картины мира происходит переформирование личности. Это должны знать, в первую очередь те, кто взял на себя смелость и ответственность обучения ИЯ, то есть преподавателей высших учебных заведений, учителей общеобразовательных школ, обучающихся на разнообразных курсах и т. п. Что я такое в отличие от другого и почему существует это отличие? – эта проблема самоопределения должна постоянно присутствовать на уроках ИЯ. Чтобы назвать русское слово «палец» по-английски, необходимо уточнить, что имеется в виду: палец руки или ноги, и если руки, то какой палец, потому что, как известно, пальцы руки, кроме большого, у англичан называются «fingers», большой палец – «thumb», а пальцы ноги – «toes». Отсюда, русскому словосочетанию «десять пальцев» эквивалентно английское «eight fingers, two thumbs» (восемь пальцев и два больших пальца). Как видим, не все так просто. Поэтому проблемы межъязыковых соответствий требует тонкого и всестороннего анализа. Итак, психическое отражение не бывает чисто механическим, оно формируется в процессе деятельности активного субъекта через непрерывное взаимодействие его с окружающим миром. Именно под воздействием социума, происходит психическая жизнь этого активного субъекта, формируется индивидуальная картина мира с учетом системы норм и оценок, присущих данному социуму.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов, 1966.
2. Леонтьев А. А. Психология общения. – 2- изд., исправ. и доп. – М.: Смысл, 1997. – 365 с.
3. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 7–22.

Шерикова А. С.

Витебский государственный университет, Белоруссия

ОБУЧЕНИЕ АМЕРИКАНСКОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ КАК ЗАЛОГ УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Социально-экономические изменения, произошедшие за последние годы, привели к решительному пересмотру места и роли иностранного языка в жизни общества. В рамках развивающихся взаимосвязей экономик разных стран повышаются требования к профессиональной компетенции делового человека. Профессиональная компетенция предполагает не только владение набором коммуникативных навыков, культурой, нормами, стратегиями общения и комплексом соответствующих умений, но и владение языком международной коммуникации, составляющим основу коммуникативной компетенции. Мы живем в эпоху высокоразвитых межкультурных связей, основу которых составляет, конечно же, межкультурная коммуникация. При этом главенствующая роль в международном общении принадлежит не британскому английскому, как было принято всегда, а американскому варианту английского языка.

Выход США на мировую арену в качестве лидера Западного мира, достижения США в области политики, экономики, индустрии развлечений и современных технологий позволили им оказывать значительное влияние на весь мир, в том числе и на «мировой английский». Со временем американское влияние только усилилось. Глобализация торговли, экономики и распространение американского образа жизни способствовали и глобализации американского английского. На американском варианте английского языка говорят в два раза больше человек, чем на какой-либо иной разновидности английского языка, и в четыре раза больше человек, чем на британском английском. Американизмы распространяются через рекламу

и поп-культуру, телекоммуникацию и кино. Стремительно расширяется информационное пространство и влияние в нем американского английского и американской культуры.

Необходимо отметить, что американский вариант английского языка в значительной степени отличается от национального стандарта. При этом различия касаются всех аспектов языка: орфографии, грамматики, лексики и фонетики. Соприкасаясь с американским английским языком на практике, учащиеся сталкиваются с проблемой непонимания информации в силу существующих отличий от того языка, который они изучают на занятиях. Именно поэтому лингвистами все чаще поднимается вопрос о введении обязательного обучения американскому варианту английского языка в вузах на факультетах иностранных языков [1]. И, поскольку залогом успешного процесса межкультурной коммуникации является корректное восприятие и воспроизведение информации, особое внимание необходимо уделить обучению американскому произношению.

Специфические черты американского варианта английского языка наиболее заметны именно в области фонетики. Характеристику специфических черт на фонетическом уровне можно начать с описания различий в области вокализма, где, как отмечал А. Д. Швейцер, «различительные элементы обоих вариантов выделяются наиболее рельефно» [2, 32]. Среди основных отличительных признаков американского произношения можно выделить следующие:

I. В области вокализма.

1. Гласный [e], в отличие от британского варианта, используется лишь в качестве первого элемента дифтонга [ei]. В качестве чистого монофтонга в американском варианте употребляется [ɛ], т.е. более широкий гласный: red [rɛd].

2. На месте лондонского [ɑ:] в таких словах, как class, fast, grasp, ask, laugh, path, half, can't произносится [æ]: [klæs], [fæst], [græsp], [æsk], [læf], [pæθ], [hæf], [kænt]. Исключения: father, palm, balm.

3. Вместо краткого лабиализованного [o] произносится звук [ɑ]: lot [lɑt], pot [pɑt], dot [dɑt].

4. Начальный элемент дифтонга [ou] в таких словах, как coat, boat может быть охарактеризован как гласный глубокого заднего ряда, тогда как в английском произношении этот звук значительно продвинут вперед. Кроме того, он отличается меньшей степенью дифтонгизации.

5. Наиболее заметной особенностью американского произношения является то, что в нем вместо долгого напряженного гласного среднего подъема используется так называемый «ретрофлексный гласный». В словах типа bird, first произносится гласный среднего ряда среднего подъема со специфическим г-образным оттенком (r-colouring), который получается за счет поднятия кверху переднего края лопасти языка и загибания кончика языка назад. Фактически язык при артикуляции этого звука принимает положение, весьма сходное с тем, которое он занимает при произнесении ретрофлексного сонанта [ɹ] с той существенной разницей, что эта позиция удерживается на протяжении всего артикуляционного процесса.

1. Похожее явление наблюдается при произнесении ретрофлексного звука после гласных [ɑ], [o], [i] в словах типа card, port, here: [ka:rd], [po:rt], [hir]. Однако в отличие от вышеуказанного примера, данный звук будет называться не ретрофлексным гласным, а ретрофлексным сонантом [ɹ] с несколько ослабленной артикуляцией.

6. Существенные различия обнаруживает и гласный [o]. В британском варианте гласный, обозначаемый этим символом, заметно ниже по подъему, чем в американском варианте. По горизонтальной оси нормы как в американском, так и в британском варианте допускают вариативность.

7. Нейтральный гласный в дифтонгах в словах dear, here, fairy и т. д. пропадает и переходит в монофтонг: [dir], [hir], [feri].

8. Американский вариант английского языка также отличается наличием гласного, который характеризуется как краткий нелабиализованный ненапряженный звук среднего ряда широкой разновидности высокого подъема и напоминает по звучанию русский [ы]. Исследователи, которые выделяют его при описании системы гласных американского

варианта английского языка, обнаруживают его, главным образом, в безударных слогах слов типа *believe, candid, Molly*.

9. Одной из заметных черт американского произношения является ассимилятивная назализация гласных, которая наблюдается, главным образом, в позиции перед и после [m], [n], [ŋ].

II. В области консонантизма.

1. Согласный звук [t] в американском варианте имеет слабую артикуляцию в интервокальной позиции в таких словах, как *pity, better, city*, и находясь перед назальным [n] или после сонанта [l]: *twenty, painting, battle*. В последнем случае хлопающий [t] и назальный [n] как бы сливаются в единый хлопающий назальный звук (*nasal flap*). Этот сегмент может быть представлен в виде двух наложенных друг на друга элементов – альвеолярного назального [n] и альвеолярного хлопающего [t].

2. Латеральный сонант [l] в американском английском представлен только «темным» (т. е. относительно более твердым) аллофоном в интервокальной позиции, в то время как в Англии звук [l] – более мягкий.

3. Британский звук [ʃ] в таких словах, как *Asia, version, excursion* вокализуется в американском варианте и переходит в аффрикат [dʒ].

4. В американском английском наблюдается ассимилятивный переход сочетаний [tj] и [dj] в сочетаниях типа “*don’t you*” в аффрикаты [tʃ] и [dʒ].

5. В речи большинства американцев отмечается выпадение [j] в позиции перед [u], за переднеязычными фрикативными, взрывными и латеральными согласными. Слова типа *duty, student, consume* в американском варианте будут произноситься как [du:ti], [ˈstu:dnt], [kənˈsu:m].

6. Необходимо отметить в американском варианте противопоставление [hw] и [w] в парах типа *which [hwi:tʃ]: witch [wi:tʃ]*, которое выполняет смысловоразличительную функцию. [hw] может произноситься либо как последовательность из двух звуков, либо как единый глухой звук – результат коартикуляции [w] и глухого фарингального [h].

7. Фарингальный звук [h] очень часто выпадает в американском английском в тех случаях, когда находится в безударном слоге. Например, предложение *I saw him* будет произноситься как [aiˈso:im].

8. Звук [d] не произносится американцами, если стоит после сонанта [l] и [n] в словах типа *cold, individual, old*.

В рамках звуковой системы, помимо расхождений в фонемном составе, необходимо также указать на различия в акцентной структуре. Данные различия охватывают не отдельные слова, а группу или класс слов, характеризующую определенными структурными (морфофонологическими) признаками. Различия в морфофонологической характеристике слов, входящих в эту группу, сводятся к вариациям, затрагивающим *суперфиксы*, т. е. морфемы, алломорфы которых состоят из фонем ударения. Они заключаются в том, что в американском варианте определенная группа слов имеет суперфикс {ˈ}, а в британском английском суперфикс {ʔ}. Варианты такого рода можно выделить в особую группу как *варианты морфофонологические*.

Характерным расхождением в акцентной структуре является противопоставление варианта с одним ударением в британском английском варианту с двумя ударениями – главным и второстепенным – в американском варианте. Указанное различие охватывает группу двух- и трехсложных слов, образованных путем словосложения. Например, *blackbird, blackboard, footstep, bell-boy, laughing-stock, tomboy, highbrow, step-child, year-book*. Во всех этих словах в американском варианте английского языка главное ударение ставится на первый слог, а второстепенное – на один из последующих, в то время как для британского варианта характерно одно ударение на первом слоге. Однако отмеченное различие не носит универсального характера. Например, у существительных *foreword* и *forefront* в американском варианте имеется два ударения, а у *foreland* и *foreman* – только одно.

Морфофонологические варианты обнаруживаются также у прилагательных и существительных, имеющих в своем составе суффиксы -ory или -ary (-ery). У этих слов в американском английском главное ударение приходится на первый или второй слог, а второстепенное – на один из последующих слогов. В британском варианте они имеют одно ударение – на первом или втором слоге [3]:

АЕ (американский английский) ВЕ (британский английский)

sécretàry secretary

térritòry territory

nécessàry necessary

tértiàry, tértiary tértiary

mércenàry mercenary

Необходимо отметить, что акцентные различия сопровождаются различиями в фонемном составе слов. Сравним произношение следующих пар слов с различным ударением:

mercenary ['mɜrsə'neri] ['mɜsənəri]

territory ['terə'to:ri] ['terətri]

Мы видим, что гласный звук под второстепенным ударением в американском варианте сохраняет свое качество, в то время как в британском варианте из-за отсутствия ударения гласный редуцируется или выпадает вообще.

В некоторых случаях между английским и американским произношением наблюдаются не только расхождения, связанные с второстепенным ударением, но и различия относительно места главного ударения, которые, соответственно порождают расхождения в фонемном составе. Например:

АЕ ВЕ

laboratory ['læbrə'tori] [lə'borətri]

capillary ['kæpə'leri] [kə'piləri]

Существительные, заканчивающиеся на -mony, и прилагательные на -ative также имеют морфофонологические варианты. Однако здесь необходимо указать, что данное различие обнаруживается только у слов, имеющих в своей силлабической структуре интервал в один безударный слог между главноударным слогом и слогом, на который приходится второстепенное ударение: céremòny (АЕ) : céremony (ВЕ), téstimòny : téstimony, signíficàtive : signíficative, commúnicàtive : commúnicative, corróboràtive : corróborative. Данные суффиксы, -mony и -ative, в британском варианте будут произноситься с редуцированным гласным: [məni] и [ətiv].

Говоря о морфофонологических вариантах, к данной категории необходимо отнести также слова, отличающиеся фонематическими коррелятами своих суффиксов и префиксов. Например, это такие противопоставления аналогов, которые отличаются друг от друга фонематическим коррелятом суффикса -ile: [ail] в ВЕ и [il] либо [l] в АЕ:

АЕ ВЕ

hostile [l] [ail]

mercantile [il], [ail] [ail]

tactile [l], [il] [ail]

mobile [l] [ail], [il]

juvenile [l], [ail] [ail]

К морфофонологическим различиям относятся также расхождения, связанные со звуковыми вариантами префикса anti-. В британском английском языке у него только один вариант произношения ['ænti-], а в американском – два ['ænti-] и ['æntai-]. Такое же соотношение наблюдается между различными вариантами префикса semi-: [semi-] в ВЕ и [semai-] в АЕ.

Завершая обзор расхождений в морфофонологической характеристике слов, можно заключить, что указанные выше противопоставления суперфиксов, а также суффиксов и префиксов не носят всеобъемлющего характера и охватывают не все слова, а лишь некоторые группы слов.

Подводя итоги, можно заключить следующее. Для устранения барьеров в процессе коммуникации с носителями языка изучающему английский язык в любом случае приходится постепенно осваивать варианты английского языка, самостоятельно анализируя и синтезируя имеющиеся различия, так как незнание этих различий приводит к недопониманию и затруднению ситуативного общения. Таким образом, чтобы ликвидировать противоречия между настоящей ситуацией межкультурного общения и возможностями изучающих иностранный язык, а также возможностями современной педагогики и методики, большое внимание необходимо уделить определенной коррекции в подходах к изучению английского языка в вузе.

Литература

1. *Шах-Назарова В. С.* Практический курс английского языка. Американский вариант: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1985.
2. *Швейцер А. Д.* Литературный английский язык в США и Англии. – М.: Высш. шк., 1986.
3. *Hornby A. S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English; chief ed. S. Wehmeier. – 7th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2005.

ХІ. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Бордюкова М. М.

Витебский государственный университет, Белоруссия

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на примере творчества Дж. Р. Р. Толкина)

Вопрос о значении имени собственного становится чрезвычайно актуальным при межкультурных и межъязыковых контактах. Казалось бы, имена собственные легко пересекают межъязыковые барьеры, поскольку стремятся сохранить свою внешнюю форму и при использовании вне сферы «родного» языка. Однако иной раз весьма существенным элементом их содержания бывает гораздо труднее преодолеть такие барьеры. А без сохранения своего значения имена собственные не могут функционировать в иной языковой среде. Отсюда – возможные проблемы непонимания и неточного восприятия текстов, содержащих имена.

Творчество Джона Рональда Руэла Толкина снискало ему известность при жизни и великую славу после смерти. По сути, Толкин всю свою жизнь писал одну книгу, действие которой разворачивается примерно на протяжении десяти тысяч лет. Читателю же представляются лишь отрывки из этой огромной и неоконченной работы, однако едва ли будет преувеличением сказать, что за каждым описанным в книге Толкина – особенно во «Властелине Колец» – событием стоит мифология, выходящая за рамки данной книги.

Переводить Толкина на русский язык непросто, поскольку его произведения полны всевозможными языковыми и литературными аллюзиями, причем почерпнутыми в основном не из современных, а из древних европейских языков и культур, полное понимание которых доступно, как правило, лишь хорошо подготовленному филологу и лингвисту. Целью данного исследования является определение приемов перевода имен собственных в произведениях Дж. Р. Р. Толкина на русский язык, а также сравнительный анализ переводов.

Дж. Р. Р. Толкин в «Руководстве по переводу имен собственных из «Властелина Колец» [5] указывал, что все имена собственные, кроме отдельно названных, следует оставить полностью неизменными, вне зависимости от того, на какой язык делается перевод, за исключением того, что флексию –s / -es следует передавать в соответствии с правилами грамматики языка перевода. С точки зрения автора, желательно, чтобы переводчик имел некоторое представление об именах и названиях в языке перевода и знал слова, которые вышли из употребления в современном языке или сохранились только в отдельных местностях.

Будучи профессором лингвистики, Дж. Р. Р. Толкин создал весьма подробное и объективное руководство по переводу имен собственных, встречающихся в книге. Однако в силу тех или иных причин различные переводчики находили весьма разнообразные варианты трактовки и передачи имени собственного на русский язык.

Например, по словам Толкина, фамилия Gamgee встречается в Англии, хотя и редко. Это еще и слово, означающее «вата». Это значение происходит от фамилии известного хирурга С. Гэмджи, который изобрел «gamgee tissue». Варианты перевода у других авторов: Н. В. Григорьева и В. И. Грушецкий [3], И. И. Мансурова [1] – «Гэмджи», Н. Л. Рахманова [2] – «Гэмдги», В. С. Муравьев и А. А. Кистяковский [4] – «Скромби». Принимая во внимание авторский комментарий, наиболее точным нам представляется вариант «Гэмджи». В. С. Муравьев и А. А. Кистяковский решили внести свой вклад в придание фамилии дополнительного смысла – оставив типичный английский суффикс (и) для сохранения национальных особенностей построения структуры фамилий, наделили ее русским корнем, относящимся к слову «скромный», таким образом, наделяя героя незапланированной автором характеристикой.

Итак, перевод имени собственного в художественном тексте имеет ряд особенностей, обусловленных множеством факторов, таких как специфические черты языка-оригинала и языка перевода, их истории. Многое зависит также от субъективных подходов переводчиков. Хорошо зная достоинства и недостатки каждого из возможных способов перевода, переводчик в каждом конкретном случае выбирает тот из них, который лучше всего отвечает условиям контекста.

Литература

1. Властелин Колец. Братство Кольца / пер. с англ. И. И. Мансурова. – М.: Центрполиграф, 2003. – 544 с.
2. Властелин Колец. Хоббит. / Пер. с англ. Н. Л. Рахманова. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 1136 с.
3. Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец / пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. – Л.: Северо-Запад, 1991. – 654 с.
4. Толкин Дж. Р. Р. Хранители: Летопись первая из эпопеи «Властелин Колец» / пер. с англ. В. Муравьева и А. Кистяковского. – М.: Радуга, 1989. – 496 с.
5. Tolkien J. R. R. Guide to the Names in The Lord of the Rings. – London: Ballantine Books, 1980. – 435 p.

Борисенко Ю. А.

Удмуртский государственный университет

ИМПЛИЦИТНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Общеизвестно, что художественная литература является важной составляющей культурного наследия любой страны. По справедливому замечанию В. В. Сдобникова и О. В. Петровой, в отличие от других типов текстов, художественный текст характеризуется высокой степенью национально-культурной и временной обусловленности, т. е. «всегда отражает особенности того народа, представителем которого автор является и на языке которого он пишет, и того времени, в котором он живет» [5, 245]. К сожалению, именно эти качества художественного текста становятся серьезной переводческой проблемой, поскольку несоответствия языковых и концептуальных картин мира контактирующих наций являются причиной лакунизации понимания художественного текста переводчиком, последующей частичной или неадекватной трансляции смыслов, что, как следствие, ведёт к проблемам межкультурной коммуникации между представителями двух наций.

Среди многообразия научных исследований, посвященных анализу межкультурной асимметрии при переводе, особый интерес представляют работы, авторы которых анализируют имплицитивный потенциал художественных текстов, поскольку именно информация, заложенная в тексте имплицитно, зачастую становится фактором, затрудняющим коммуникацию. В случае неверного декодирования имплицитной составляющей текста переводчиком может иметь место искажение авторского замысла, вследствие чего, например, английский читатель может получить неадекватное представление о том или ином аспекте российской культуры. Как отмечает автор одной из последних работ в этом направлении Е. В. Ермакова, «художественный текст является продуктивным материалом для исследования имплицитности, так как осознание имплицитного знания является условием полноценного творческого восприятия художественного текста» [1, 5].

Изучение категории имплицитности в науке имеет долгую историю и осуществлялось с различных позиций. В разное время вопросами имплицитности текста в отечественной лингвистике задавались И. В. Арнольд, О. С. Ахманова, А. В. Бондаренко, И. Р. Гальперин, К. А. Долинин, В. Н. Комиссаров, В. А. Кухаренко и др. Отдельные ученые обращались к проблемам сохранения имплицитной информации оригинального текста при переводе

(Г. В. Чернов, Л. А. Черняховская, А. Д. Швейцер). В последнее время исследования, посвященные анализу категории имплицитности, выполняются в русле современных подходов: психолингвистического (Н. В. Анохина) и лингвокогнитивного (Е. В. Ермакова).

Материалом для исследования послужил роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и четыре его перевода на английский язык, выполненные М. Гленни (1967), М. Гинзбург (1987), Д. Берджин и К. О'Коннор (1993) и Р. Пивером и Л. Волохонской (1997). Роман, без сомнения, культовый, ставящий перед исследователем и интерпретатором титанические задачи, ибо, по наблюдениям Т. А. Казаковой, «многие читатели «Мастера и Маргариты» на русском языке, не говоря уже об иных языковых воплощениях этого произведения, признаются в «непонимании», т.е. в ограниченном объеме получаемой из текста информации» [2, 29].

Учитывая время, в которое был написан роман, а также обстоятельства жизни его автора, очевидно, что категория имплицитности занимает в романе ведущее место. В своей книге «Расшифрованный Булгаков. Тайны «Мастера и Маргариты» Б. В. Соколов приводит весомые аргументы в пользу того, что замысел романа заключался в желании писателя в сатирической форме описать Советскую Россию периода 30-х годов XX в. с ее сталинским режимом, а также людей, которые работали в качестве винтиков этой огромной машины, и тех, кто ей беспрекословно подчинялся. Не отрицая философского, фантастического начала, которые, безусловно, имеют место в романе и играют в нем отнюдь не последнюю роль, Б. В. Соколов, однако, утверждает следующее: «В целом можно с уверенностью заключить, что «Мастер и Маргарита» – это роман не только философский и фантастический, но и остросатирический, причем сатира Булгакова носит политический характер, причем это – «настоящая (проникающая в запретные зоны) сатира», как Булгаков писал в письме Правительству, которая, как он отмечал в том же письме, стала в СССР абсолютно невозможна уже к концу 20-х годов» [6, 175]. Именно поэтому, считает исследователь, Булгакову, в совершенстве освоившему эзопов язык, приходилось тщательно маскировать политические аллюзии, убирать их с поверхности в глубь текста, делать так, что опасные прототипы обнаруживались только при знакомстве с конкретными литературными источниками, известными интеллигентному, образованному читателю, но не известными ни широкой публике, ни цензорам, чью образованность писатель не преувеличивал. К сожалению, опрос англоязычных информантов свидетельствует о том, что в их рецепции романа на первый план выходит именно фантастическая составляющая, при этом основной идеей романа им видится противостояние добра и зла, Бога и Дьявола, тогда как сатирический компонент произведения зачастую остается вне поля их зрения.

Рассмотрим некоторые примеры передачи имплицитной информации в тексте оригинала и переводов. Так, одним из способов создания сатирического эффекта в романе выступают различного рода антитезы, в частности, противоречие между ситуацией и авторским выбором лексики для ее описания. Например:

«Тут Иван Николаевич поднял свечу и вскричал: – Братья во литературе!»

«Then Ivan Nikolayevich raised his candle again and cried: “Brethren in Literature!» (M. Ginsburg).

«Here Ivan Nikolayevich raised the candle and cried out, “Brothers in literature!» (D. Burgin and K. T. O'Connor).

Как видим, убежденный атеист Иван Николаевич Бездомный под влиянием встречи с Воландом и его свитой не только обращается к Богу, но и начинает говорить возвышенным, витиеватым языком, используя устаревшие выражения (здесь применена аллюзия на выражение «Братья во Христе!»). Возвышенный эффект достигается за счет применения архаичной формы предлога *во*, который обычно перед согласными имеет форму *в*. В переводе М. Гинзбург этот эффект передается с помощью книжно-литературной формы множественного числа существительного «*brothers*» – «*brethren*» со значением «соратники, товарищи по какой-либо организации (обычно религиозного плана)» (The Macmillan English Dictionary) и капитализацией существительных. В переводе Д. Берджин и К. О'Коннор возвышенный характер высказывания утрачивается, вследствие использования общеупотребительной нейтральной лексики.

Сатирический эффект в романе часто достигается путем широкого использования диминутивных форм существительных [3]. Как известно, диминутивы отсутствуют в английском языке, что, как следствие, вызывает серьезные трудности у переводчиков. В следующем примере ситуация усугубляется тем, что, наряду с использованием диминутива, в оригинале встречается советская реалия:

«А в чем дело? – тихо спросил Никанор Иванович, – ... А у вас документики... я извиняюсь».

«What's the matter?» Nikanor Ivanovich asked in a low voice... «And what about your documents... if you pardon me...» (M. Glenny).

«What's this all about?» asked Nikanor Ivanovich, trailing behind the men. «And can I see your ID... excuse me...» (D. Burgin and K.T. O'Connor).

Уменьшительная форма существительного «документы» в данном случае имеет не традиционное размерное значение, но выполняет эмоционально-оценочную функцию, характеризуя говорящего – Никанора Ивановича Босого. Интересуясь удостоверением сотрудника правоохранительных органов, Никанор Иванович использует традиционную разговорную клишированную форму, но пытается смягчить всю «наглость» своей просьбы виновато-услужливым «документики». Русскоязычному читателю понятна вся гамма чувств, которые испытывает герой. Обоим переводчикам удалось донести до получателя перевода фактический смысл высказывания, однако, прагматический компонент оказался полностью утерянным. В переводе М. Гленни выражение «*what about your documents*» является стилистически нейтральным, лишенным какой бы то ни было эмоциональной окраски. Вариант «*ID*» в переводе Д. Берджин и К. О'Коннор, помимо неуместной в данном контексте официальности, меняет национальный колорит оригинала. Думается, что в качестве альтернативы можно предложить вариант: «*And may I see your papers, please?*», в котором сохраняется разговорная окраска высказывания, а оценочность передается за счет модального глагола «*may*».

Имплицитная ирония автора романа находит свое выражение в многочисленных тропах и образных средствах. Действенным средством создания иронического эффекта является метафора.

«– Да, мы – атеисты, – улыбаясь, ответил Берлиоз, а Бездомный подумал, рассердившись: «Вот прицепился, заграничный гусь!»

«Yes, we're atheists,» replied Berlioz, smiling, and Bezdomny thought angrily: «Trying to pick an argument, damn foreigner!» (M. Glenny).

«Yes, we're atheists,» Berlioz smilingly replied, and Homeless thought, getting angry: «Latched on to us, the foreign goose!» (R. Pevear and L. Volokhonsky).

«Yes, we are,» answered Berlioz with a smile, while Bezdomny thought in irritation, «He's sticking to us like glue, the foreign pest!» (D. Burgin and K.T. O'Connor).

В характеристике «заграничный гусь», которой Иван «награждает» иностранца, имплицитно содержится негативная коннотация с юмористическим оттенком, отражающая отрицательное отношение советских граждан ко всему иностранному. Разумеется, буквальный перевод Р. Пивера и Л. Волохонской не выдерживает никакой критики и остается непонятным для читателя. Остальные варианты представляются более удачными, особенно перевод, предложенный Д. Берджин и К. О'Коннор: согласно Macmillan English Dictionary, существительное «*pest*» в одном из значений имеет помету «informal» и означает «тот, кто постоянно вам досаждал, особенно ребенок».

Наконец, интересным с точки зрения функционирования категории имплицитности представляется следующий пример использования сравнения.

«Жена вливала эту воду в суп супругу, тот его съедал, благодарил за ласку и чувствовал себя превосходно. Правда, через несколько часов ему начинало очень сильно хотеться пить, затем он ложился в постель, и через день прекрасная неаполитанка, накормившая своего мужа супом, была свободна, как весенний ветер».

«The woman poured the liquid into her husband's soup, who ate it, thanked her for it and felt splendid. However, after a few hours he would begin to feel a terrible thirst, then lay down on his bed and a day later another beautiful Neapolitan lady was as free as air» (M. Glenny)

«The wife poured this water into her spouse's soup, he ate it, thanked her for being so nice, and felt perfectly well. True, a few hours later he would begin to get very thirsty, then go to bed, and a day later the lovely Neapolitan who had fed her husband soup would be free as the spring.» (R. Pevear and L. Volokhonsky)

В переводе М. Гленни часть образности все же сохранена: речь в оригинале действительно идет о ветре. Но не об обычном ветре, а о ветре весеннем. На первый взгляд может показаться, что никакой принципиальной разницы нет. Однако если мы рассмотрим весь контекст, то станет очевидным тот факт, что использование фразы «весенний ветер» выполняет далеко не последнюю функцию. В отрывке представлена история одной гостьи, которая присутствует на балу у Воланда. Эту историю рассказывает Коровьев, в ироническом ключе пытаюсь объяснить, по какой причине эта дама оказалась на стороне темных сил. Фраза «свободна, как весенний ветер» имеет довольно прозрачную эмоциональную нагрузку: иронию. В случае если мы заменим ее на предложенный М. Гленни «воздух, ветер», эффект комичности и иронии значительно потускнеет. Эпитет «весенний» указывает читателю на то, что свобода в данном контексте приравнивается к легкомыслию героини, о которой идет речь.

Следует отметить, что и во втором переводе мы также сталкиваемся с вольностью, которую допускают переводчики: «*be free as the spring*». В данном случае отражена ассоциативная связь свободы с весной, но о ветре речи не идет. Возможно, подобным образом переводчики пытались достичь прагматического эффекта, вызвать у англоязычного читателя ту же реакцию, которая проявляется у носителя русского языка. Однако, в первом, равно как и во втором переводах, теряется то ироническое начало, которое изначально было заложено самим автором романа.

Передача подобных компонентов текста при переводе напрямую зависит, на наш взгляд, от уровня рефлексии переводчика, его уровня мыследеятельности, которые направлены на понимание не только эксплицитно выраженной в тексте информации, но и информации имплицитной, которая не выражена в том или ином фрагменте прямо, но введена автором на уровень подтекста. Мы полностью согласны с утверждением Т. П. Понятиной о том, что переводчик художественного произведения обязан «декодировать в тексте истинное намерение автора, максимально расшифровать информацию, отраженную в тексте», и передать в своем переводе «те имплицитные элементы, которые рискуют быть не поняты читателями на ПЯ» [4, 72]. Проблема, однако, заключается в том, что понять роман «Мастер и Маргарита» в том ключе, в каком задумывал его сам автор, не принимая во внимание контекст эпохи, в которую он был написан, невозможно. В этом отношении невозможно не утверждать, что переводы романа априори не могут быть наделены той экстралингвистической информацией, которая, в конечном счете, является определяющим фактором в понимании и восприятии романа его читателями. Не обладают такой информацией и носители английского языка по той причине, что языковые картины мира русского человека и англичанина являются самостоятельными системами, развивающимися по разным законам и на различных основах. Поскольку многие важные смыслы романа фактически «спрятаны» в подтекстовом пласте, их без труда может уловить носитель русского языка – представитель русской языковой картины мира. В связи с этим возникает закономерный вопрос: что же происходит в переводах романа на английский язык? Каким образом в переводах передается тот самый подтекстовый смысловой уровень романа? К сожалению, передача подтекстовых смыслов романа в системе иной языковой культуры практически невозможна: читатель романа на английском языке, увы, не обладает теми фоновыми знаниями об эпохе, в рамках которой создавался роман. По этой причине смысловая организация переводов романа такова, что на первый план выходят иные, поверхностные, смыслы произведения. Подобное снижение содержательности и художественности произведения, на наш взгляд, ведёт к обеднению русской культуры в глазах англоязычных реципиентов. Следствием последнего может стать узость понимания авторской картины мира в частности и проблемы в межкультурной коммуникации между двумя нациями в целом.

Литература

1. Ермакова Е. В. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма): автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Саратов, 2010.
2. Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. – СПб.: ООО «ИнЪязиздат», 2006.
3. Менькова Н. В. Русские диминутивы в английском переводе романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 4. – С. 174–179.
4. Понятина Т.П. Имплицитная информация и адресованность перевода // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: Сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 14. Том 2. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2011. – С. 71–77.
5. Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2001.
6. Соколов Б. В. Расшифрованный Булгаков. Тайны «Мастера и Маргариты». – М.: Дом, 2006.

Источники иллюстративного материала

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – СПб.: Азбука-классика, 2005.
2. Bulgakov M. The Master and Margarita. Translated from the Russian language by Michael Glenny. – London: Collins and Harvill Press, 1967.
3. Bulgakov M. The Master and Margarita. Translated from the Russian language by Mirra Ginsburg. – London: Picador, 1987.
4. Bulgakov M. The Master and Margarita. Translated from the Russian language by Diana Burgin and Katherine Tiernan O'Connor. – London: Picador, 1993.
5. Bulgakov M. The Master and Margarita. Translated from the Russian language by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. – London: PENGUIN BOOKS, 1997.

Босова Л. М.

Институт туризма, Мск Университет

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА

Проблемы перевода интенсивно исследуются отечественными и зарубежными учеными, так как в современном мире языки все шире используются не только для общения между членами одного языкового сообщества, но и в процессе межъязыкового общения. Возможность и условия осуществления межъязыковой коммуникации раскрывают важнейшие стороны языка, позволяют глубже заглянуть в его внутренний механизм, лучше понять специфику языка как общечеловеческого феномена.

Перевод как сложное и многогранное явление не сводится ни к действиям переводчика, ни к речевому общению между переводчиком и рецептором текста перевода. Перевод представляет собой частный случай человеческого общения, осуществляемого посредством языка, и выступает в качестве особого вида речевой деятельности, в ходе которой коммуниканты пользуются разными языковыми системами. Объектом исследования перевода с лингвистической точки зрения является, в первую очередь, соответствие элементов, единиц двух или нескольких языков в процессе перевода, нахождение лексических эквивалентов. Основное внимание сосредоточивается на поиске объективных переводческих законов, в которых могут быть зафиксированы эквивалентные отношения между оригиналом и переводом.

В процессе обычного речевого общения коммуниканты пользуются единой языковой системой, которая обеспечивает достаточную степень общности передаваемого и принимаемого сообщения, при межъязыковом общении в качестве коммуникативно равноценных выступают сообщения на разных языках, что и определяет лингвистическую специфику перевода. Коммуникация при переводе осуществляется более сложным путем: один из коммуникантов передает информацию, создавая речевое произведение (текст) с помощью языка-

источника (ИЯ). Эта информация поступает к переводчику, который передает ее с помощью речевого произведения на языке перевода (ПЯ). Таким образом, в общении участвуют два языка; процесс коммуникации объединяет в едином акте общения два текста – текст оригинала и текст перевода – адекватные по смыслу. В акте перевода осуществляется своеобразная манифестация двух языковых систем, но функционируют они *не независимо*, а соотносительно, одновременно с параллельным использованием коммуникативно равноценных единиц. Коммуникативное приравнивание речевых единиц ИЯ и ПЯ осуществляется в языковом сознании переводчика, и его результаты обнаруживаются в соотношении текстов оригинала и перевода. Отдельный акт перевода носит *субъективно-индивидуальный характер*, но в то же время он обусловлен *общими и специфическими чертами* ИЯ и ПЯ и может рассматриваться как частный случай реализации объективно существующих отношений между системами и правилами функционирования этих языков.

Переводчик иноязычного текста фактически является толкователем и интерпретатором. Обладая свободой выбора из нескольких возможных вариантов перевода одного иноязычного элемента, он действует по требованиям, предъявляемым ему, с одной стороны, правилами языка (грамматика, словоупотребление, сочетаемость и т. д.), с другой стороны, самим текстом (семантика, стиль, актуальность). Но при этом переводчик обладает структурами своего собственного языкового сознания, являясь одновременно реципиентом и речепорождающим субъектом. При выборе конкретного варианта перевода того или иного языкового элемента переводчик поступает попеременно в соответствии либо с требованиями языка (своего или переводного), либо текста и его структуры, либо привносит в текст элементы своего тезауруса и своего мироощущения.

Переводчик является не только создателем подстрочного перевода, но и организатором языкового материала на родном языке, должен следовать законам родного языка и организации текста на своем языке. С другой стороны, переводчик выступает как речепорождающий субъект со всеми присущими ему особенностями как психологического, так и психофизиологического плана. Системность переводного текста задается также и системностью интеллекта и эмоциональной сферы переводчика. Вербализуя мысль и осмысливая чувство, индивид ограничивает процесс словесной парадигмой как единственно возможным способом материализации внутреннего мира.

При переводе с ИЯ на ПЯ переводчик *создает* речевое произведение на ПЯ, коммуникативно равноценное оригиналу, предназначенное для использования в качестве его репрезентанта. Параллельное участие в процессе межязыковой коммуникации двух языков определяет и отношения между разноразными текстами, выступающими при переводе в качестве коммуникативно равноценных. Тексты ИЯ и ПЯ *не могут быть тождественны как в плане выражения, так и в плане содержания*. Различие между разноразными текстами в плане выражения очевидно: они состоят из единиц, звуковые формы которых совершенно различны.

But Sophia was splendidly beautiful [1, 99]. *София была изумительно красива* [с. 91].

Не менее очевидна и невозможность абсолютного тождества плана содержания текстов оригинала и перевода. Неидентичность их содержания обусловлена принципиальным несовпадением значений языковых знаков, которые составляют эти тексты. Другими словами, тексты оригинала и перевода состоят из единиц с нетождественным планом содержания. Эти единицы организованы в высказывания в соответствии с синтаксическими правилами, специфическими для каждого языка, что не может не приводить к различиям в смысловой структуре высказывания. В разноразных высказываниях расхождения в плане содержания нередко связаны также с различием в норме и узусе соответствующих языков, в следствие чего в переводе нередко используются отнюдь не самые близкие по смыслу соответствия словам оригинала.

A wild, splendid hope shot up in her [1, 388]. *В ней вспыхнула неистовая радостная надежда* [с. 332].

The thought was exquisite full of terror [1, 146]. *Эта мысль была упоительна, но вселяла ужас* [с. 136].

Следовательно, нетождественность содержания разноязыковых текстов, объединенных в акте перевода свидетельствует об условности сохранения или полного воспроизведения плана содержания оригинала. Перевод предполагает лишь *коммуникативную равноценность*, их взаимозаменяемость в контексте конкретного акта общения. Коммуникативная равноценность разноязычных текстов, несомненно, основывается на значительной (но не полной!) общности их содержания. Возможность смысловой общности текстов, созданных на базе разных языков, подразумевает наличие в этих языках общих черт в их информативной содержательной стороне.

Языкознание давно занимается поиском явлений, общих для всех или многих языков, так называемых универсалий. Языковые универсалии подтверждают наличие у всех языков мира ряда общих черт, которые и делают каждый из них особым средством человеческого общения. Сюда прежде всего относится единство основных функций любого языка, непосредственная связь языка с мышлением, одинаковое отношение плана содержания языка к реальной действительности, произвольный характер соотношения плана содержания и плана выражения.

При помощи языка протекает вся мыслительная деятельность человека, в значениях единиц языка фиксируются результаты этой деятельности, закрепляются основные понятия, отражающие многовековой опыт человечества, достижения в научном и практическом познании окружающей действительности. Эта познавательная или *когнитивная* функция языка уже давно является объектом изучения лингвистов. Общеизвестно, что язык может выступать в так называемой *экспрессивной* функции как средство выражения человеческих эмоций. Важнейшей функцией языка является, несомненно, *коммуникативная*, заключающаяся в способности служить средством общения между людьми, средством установления взаимопонимания и обмена мыслями.

В какой бы функции не выступал язык, его единицы всегда отличаются особым свойством – двуплановостью. Каждая единица языка характеризуется обязательным наличием у нее материальной стороны (звуковое или графическое изображение) и идеальной стороны (возбуждение элементов сознания, чувств). Воспроизведение материальной формы языковой единицы вызывает в сознании людей, владеющих этим языком, определенное мыслительное, эмоциональное или образное содержание и таким образом эта форма служит сигналом для обозначаемого содержания. Именно наличие обозначаемого содержания делает звуковой комплекс единицей языка.

Языковой знак напоминает единицу условного кода. Любой текст может рассматриваться как цепочка определенным образом отработанных и расположенных сигналов кода, передающих ряд элементов информации, составляющих необходимое сообщение. Это сообщение может быть «извлечено» путем раскодирования цепочки сигналов (высказывания). С другой стороны, любое сообщение может быть закодировано при помощи данного кода или перекодировано, т.е. передано при помощи другой кодовой системы. Операция перекодирования сильно напоминает процесс перевода. Однако язык можно назвать кодом лишь условно, так как код остается неизменным и может быть модифицирован лишь по договоренности между теми, кто им пользуется. Язык же находится в процессе постоянного развития, не поддающегося полному контролю со стороны говорящего коллектива. Единицы языка, реализуясь в речевых произведениях, могут приобретать дополнительный смысл, который впоследствии закрепляется за ними.

Язык как средство передачи информации отличается от всех иных кодовых систем. Он уникален и в плане выражения, и в плане содержания. В плане выражения сигналы языкового кода представляют собой сложную систему разнородных единиц, связанных между собой разнообразными отношениями и соединяющихся в высказывания по определенным правилам. Эти единицы представляют собой иерархию классов (фонем, морфем, слов и т. д.). Еще более полную картину представляет план содержания языкового кода. Информация, составляющая план содержания языковых единиц, как правило, многогранна и разнородна. Информация высказывания часто не сводится к сумме содержания составляющих его языковых единиц. Содержание информации представляет собой взаимодействие информации, закрепленной за единицами языка (их значениями) и дополнительной информацией, предъявляемой конкретными условиями использования этих единиц.

Поэтому даже самый «адекватный» перевод не обеспечивает исчерпывающую передачу всех мельчайших элементов смысла оригинала. В процессе перевода происходит замена знаков одного языкового кода знаками другого кода. Каждый знак языкового кода имеет свой план содержания. Содержание отдельного знака зависит не только от того, к каким фактам и явлениям действительности относится составляющая это содержание информация, но и от содержания других знаков, передающих аналогичную информацию. Содержание единицы языкового кода зависит от системы единиц того кода, в который она входит. Информация, которая передается при переводе, частично теряется, что связано с расхождением значений параллельных единиц разных языков. Однако, эти потери не должны препятствовать процессу общения.

Таким образом, можно сказать, что проблема перевода сводится к вопросу о степени подобия оригинала и перевода, как максимально возможного, так и реально достижимого в конкретных условиях процесса перевода.

Литература

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода. – М.: МГУ, 2007. – 543 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология. Серия: Высшее профессиональное образование. – М.: Академия, 2007. – 208 с.

Использованная художественная литература

1. Bennet A. The old wives' tale. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1963. – 227 p.

Андрейчик Т. А.

Витебский государственный университет, Белоруссия

ТРУДНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ГЕРУНДИЯ (на материале современных художественных текстов)

При переводе с английского языка происходит множество переводческих преобразований, причина которых, чаще всего кроется в присущем русскому языку видению мира и связанном с этим явлением языковой избирательности. Описывая предметную ситуацию на английском языке, мы выбираем отличную от русской отправную точку в описании. Для английского языка, в частности, характерно преимущественное использование глагольных форм. Русскому языку, наоборот, свойственно более широкое использование опредмеченных действий и признаков, что проявляется в более частом использовании существительных. В английской же языковой системе глагол занимает особое место, не свойственное ни одной другой части речи: все высказывания формируются на базе глагольного члена, который и представляет описываемую ситуацию. Исследования в области художественного перевода герундия и герундиальных оборотов - важная и актуальная задача, направленная на достижение адекватных переводов, способствующая решению многих прикладных задач и ускорению обмена достижениями искусства не только среди специалистов и ученых разных стран, но и простых любителей произведений зарубежной литературы. Главная цель нашего исследования – выделение способов перевода герундия и герундиальных оборотов на базе художественных произведений.

Практически нет каких-то определенных правил перевода герундия на русский язык, есть, скорее, тенденции. Герундий переводится:

1. Существительным, которое передает процесс (reading – чтение, walking – прогулка, painting – рисование).
2. Глаголом, обычно инфинитивом или время от времени деепричастием (Much depends on his leaving the hotel. – Много зависит от того, покинет ли он отель; without saying a word – не сказав ни слова).
3. Сложные формы герундия почти всегда переводят придаточными предложениями.

Качественный перевод текста зависит не столько от точного следования правилам перевода (хотя они, конечно, тоже могут быть важны), сколько от умения как можно точнее формулировать мысли на языке перевода. Мы проанализировали перевод книги Джоан Роулинг «Гарри Поттер и Дары Смерти», выполненный Сергеем Борисовичем Ильиным, Марией Мироновной Сокольской и Майей Делировой Лахути. Герундий был передан следующими способами:

а) личной глагольной формой:

*Making a mental note to ask Hermione how it was done, he used a large wad of toilet paper to mop up as much of the tea as he could **before returning to his bedroom and slamming the door behind him.*** - Мысленно делая заметку, чтобы не забыть спросить Гермиону, как это делается, он вытер большим куском газеты столько чая, сколько смог, **прежде чем вновь пошел в спальню и закрыл за собой дверь.**

б) инфинитивом:

*You've got to go into **hiding** and the Order wants to help. You're being offered serious protection, the best there is.* – Вам необходимо **спрятаться**, и Орден хочет помочь. Вам предлагают лучшую защиту, какая только может быть.

в) деепричастием или деепричастным оборотом:

*He had spoken without **thinking**, and saw Ginny's face whiten.* – Он произнёс это не **подумав** и сразу увидел, как побелела Джинни.

д) причастием или причастным оборотом:

*Ron, **a few seconds late in realizing** what was going on, lunged across the table, pushing Hermione sideways onto her bench.* – Рон, лишь **спустя пару секунд сообразивший**, что происходит, метнулся через стол и толкнул Гермиону, бросив её боком на скамью.

г) существительным:

*Lupin was reminding him of the sneering Hufflepuff Zacharias Smith, who had jeered at Harry for **wanting** to teach Dumbledore's Army how to Disarm.* – Люпин напомнил ему глумливого Захарию Смита из Пуффендюя, который высмеял его за **попытку** обучить Отряд Дамблдора разоружать врагов.

е) использованием приема опущения:

*Though it was often predicted in later years that he was on the point of **taking the job**, however, he never had Ministerial ambitions.* – Хотя это часто предсказывали в последние годы, у него никогда не было задатков и амбиций министра.

ж) с помощью устойчивых словосочетаний:

*«Because you're the one that needs **watching**,» growled Moody, and sure enough, his magical eye did not waver from Mundungus as he continued, «Arthur and Fred» – Потому что за тобой **глаз да глаз** нужен, – прорычал Грюм и, большие уже не сводя, в соответствии со сказанным, волшебного ока с Наземникуса, продолжал: – Артур и Фред...*

Двойственная природа английского герундия, совмещение в нём свойств глагола и существительного, отражается и на переводе герундия и герундиальных конструкций. Почти всегда у переводчика есть возможность выбора, который зависит не только от самого герундиального оборота, но и от контекста. Очень часто при переводе герундия в функции подлежащего приходится вводить дополнительные слова: «*Тот факт, что...*», «*То обстоятельство, что...*» или просто «*То, что...*».

В большинстве случаев, по-видимому, нет оснований ограничивать передачу герундия и герундиальных оборотов в переводе какой-нибудь одной формой. Выбор слова зависит от наличия в русском языке форм, наиболее соответствующих герундиальной конструкции в целом, а в ряде случаев и от контекста всего предложения. Даже функция герундия в предложении имеет второстепенное значение [3, 37].

Качественный перевод текста зависит не столько от точного следования правилам перевода (хотя они, конечно, тоже могут быть важны), сколько от умения как можно точнее формулировать мысли на языке перевода.

Литература

1. Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Дары Смерти. – РОСМЭН, 2009.
2. Пумпянский А. Л. Чтение и перевод английской научной и технической литературы. – Минск, 1997.
3. Рецкер Я. И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский. – М., 1981.

Бурова Е. Г.

Глазовский государственный педагогический институт

ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ИЗ НОВАЛИСА В РОССИИ

На протяжении XIX в. творческое наследие Новалиса осваивалось и усваивалось русской культурой не столь интенсивно, как того заслуживало. Впервые о Новалисе серьезно заговорили в России в эпоху символизма. Понимание его литературного и внелитературного значения наиболее точно определил молодой В. Жирмунский в книге «Немецкий романтизм и современная мистика» [1]. Переводчиками и популяризаторами произведений немецкого романтика в конце XIX – начале XX в. выступили И. Коневской и Вяч. Иванов. Они перевели множество стихотворений и своими переводами заметно обогатили русскую поэтическую культуру.

Первые (менее известные) публикации произведений Новалиса на русском языке появились в 50-е гг. XIX в. – в период, когда романтизм уже полностью сошел с литературной арены. Поэтическое наследие одного Фридриха фон Гарденберга имело сложную судьбу в России. Русские литераторы – современники Новалиса – почти ничего о нем не знали. Первое упоминание о Новалисе содержалось в рассказе русского литератора В. К. Кюхельбекера, опубликованном в 1824 г. в журнале «Мнемозина». В «Отрывках из путешествия» он описал свое посещение «главы германских романтиков» Л. Тика и беседу с ним: «Сначала я упомянул о сочинениях покойного Новалиса, Тиком изданных, и жалел, что Новалис при большом даровании, при необыкновенно пылком воображении не старался быть ясным и совершенно утонул в мистических тонкостях. Тик спокойно и тихо объявил мне, что Новалис ясен, и не счел нужным подтвердить то доказательствами» [2, 60]. Из этой записи следует, что Новалис был известен в это время в России, но чужд русской литературе.

В первой половине XIX в. не было переведено практически ни одного произведения Новалиса. Отдельные стихотворения немецкого поэта в русских переводах стали появляться только начиная со второй половины. В 1853 г. были опубликованы фрагменты стихов в журнале «Пантеон» без указания имени переводчика, а в 1877 г. в антологии Н. В. Гербеля «Немецкие поэты в биографиях и образцах» были представлены два стихотворения «В грустный час» в переводе К. Случевского и пятый «Гимн ночи» А. Соколовского. В конце XIX в. к творчеству Новалиса обратились П. Быков и И. Коневской.

В 1853 г. на страницах театрального журнала «Пантеон» появился первый биографический очерк, посвященный Новалису. В дополнение к нему были приведены отрывки из поэмы «Гимны к ночи» и два лирических стихотворения. После статьи был помещен небольшой обзор современной поэзии в Германии. Основные материалы статьи были заимствованы из иностранных журналов: «Revue des deux mondes», «Novellen-Zeitung», «Moden-Zeitung», «Literarie-Gaxette» и других. Издания типа «Пантеон» были ориентированы на массовую аудиторию и имели, как правило, развлекательный характер, поэтому имя переводчика было незначимой информацией и часто не указывалось.

Статья о Новалисе открывалась следующими словами: «Германский поэт, которому великий Гете предрекал славу законодателя в литературе, и дарования которого, по словам известного критика Л. Тика, имело такое сильное влияние на направление современной ему поэзии Германии» [4, 1]. Далее описывались основные моменты жизни Новалиса: детские игры, занятия науками, литературой, планы на будущее, болезнь и т.п. Из характеристик

можно было встретить такие: «Работал и учился с рвением», «Ничего не касался поверхностно», «Последовательность в идеях, эстетическая тонкость вкуса и фантазий, и наука в ее обширном смысле, – вот что занимало всю жизнь Новалиса», «Природа, здравая философия и в особенности бессмертие души были главными предметами его занятий». Произведения Новалиса в то время имели одностороннюю оценку, которая выражалась в таких суждениях: «Песни новых христиан» составляют одну из блестящих сторон прекрасной поэзии Новалиса», «При всех достоинствах его поэтической идеи, при всех ярких и свежих красках художественной формы, «Генрих фон Офтердинген» останется одним из слабых произведений Новалиса» [4, 4].

Как было сказано выше, журнал поместил фрагменты некоторых его произведений: «несколько строф его «Гимнов к ночи» (1, 2 и 4 гимны) и «перевод двух из лучших мелких стихотворений Новалиса» («Вечерний гимн» и «Крылья»). Этот выбор объяснялся следующим образом: «В них, как и во всем вообще, что написал рано умерший поэт, отразилась светлая душа его и любовь к небесному». «Гимны к ночи», одно из основных произведений Новалиса, были представлены как «художественная песнь души тоскующей, но полной веры в будущее», в которой поэт «незримо для всех, тихомолком выплакал свое земное горе». «Гимны к ночи» написаны мерною прозою и стихами» [4, 8].

Обратимся к переводу второго «Гимна ночи». Из трех гимнов в полном варианте опубликован только второй (наименьший по объему), остальные даны в значительном сокращении. Уже в первых фразах зафиксированы расхождения между оригиналом и переводом: *Muss immer der Morgen wiederkommen? Endet nie des Irdischen Gewalt? (Опять настало утро! Когда ж конец владычеству солнца?)*. От долгого осмысления жизни и смерти, пронизанного нотами тоски и сомнения, в переводе осталось немного. Но это емкое выражение негодования сразу погружает в мир философских мыслей.

Простой и выразительный язык Новалиса в переводе приобретает большую экспрессивность благодаря обилию эпитетов, метафор, метонимий (нередко отсутствующих в оригинале): *des Irdischen Gewalt (владычество солнца), den himmlischen Anflug der Nacht (отблеск пленительной Ночи), der Liebe geheimes Opfer (таинственному светилу любви), heiliger Schlaf (пленительный сон), zu den Wohnungen der Seligen (к обители Эдема)* и др. Объяснением этому служат особенности русской поэзии с её характерной развитой системой изобразительных средств. Простые, естественно выраженные стихи не смогли бы органично войти в мир русской культуры и заинтересовать читателей.

Наряду с удачными местами в переводе есть и предложения, вызвавшие большие затруднения у переводчика. Так, из трех предложений оригинала: *Heiliger Schlaf – beglücke zu selten nicht der Nacht Geweihte in diesem irdischen Tagewerk; Nur die Toren verkennen dich und wissen von keinem Schläfe, als den Schatten, den du in jener Dämmerung der wahrhaften Nacht mitleidig auf uns wirfst; Sie fühlen dich nicht in der golden Flut der Trauben – in des Mandelbaums Wunderöl, und dem braunen Safte des Mohns* – в переводе осталось только одно: *Пленительный сон, прости глупцов, незнающих тебя, незнающих младенческих мечтаний, которые слетают к нам в минуты сладких вечерних сумерек*. От первого предложения остался только *пленительный сон*, от второго *прости глупцов, незнающих тебя*, на третье предложение нет и намека, его заменила авторская фантазия.

В погоне за изящностью и яркими образами смысл произведения если не потерялся, то изменился. Очевидно, переводчик сам до конца не понял идейные искания Новалиса и решил его замысловатые предложения переложить на свой манер. Так, в переводе остаются неясными самые главные строки о том, что Ночь первична, всеобъемлюща и выражается во многих вещах и явлениях: в «сне», «тени», «виноградном соке», «масле миндального дерева», «коричневом соке мака»; она «волнует (обнимает) девичью грудь (душу, сердце)», она «идет наперекор из древних преданий и несет ключ к обителям блаженных (умерших)», она «вне времени и пространства (вечна и безгранична)». Кроме этого, Ночь у Новалиса выступает проявлением Бога, и стихотворение в целом имеет религиозно-церковную окраску.

Таким образом, формально полный перевод второго гимна на деле оказался в заметном сокращении. Помимо этого, переводчик ввел всевозможные и не всегда оправданные замены, приводящие иногда к потере смысла и нарушающие принцип адекватности воспроизведения авторского замысла в переводе. Еще одним камнем преткновения, затрудняющим перевод гимна Новалиса, стал ритмический рисунок произведения.

Тем не менее, в целом можно признать, что для первого знакомства с немецким автором такой перевод был бы вполне уместен, поскольку фактически он был подстроен под русского читателя. Об этом свидетельствует стилистическое видоизменение образов (с усилением сказочных мотивов) и сокращение многосложных (нагроможденных) оборотов. Нельзя не заметить, что при столкновении с таким автором, как Новалис, трудности возникают неизбежно у любого переводчика уже при составлении подстрочного перевода.

В другом стихотворении тональность несколько меняется. «Вечерний гимн» входит в цикл «Духовных песен», используемых, как правило, в церковных службах. Стихотворение обращено к Деве Марии:

Ich sehe dich in tausend Bildern,
Maria, liblich ausgedrückt,
Doch keins von allen kann dich schildern,
Wie meine Seele dich erblickt.
Ich weiss nur, dass der Welt Getümmel
Seitdem mir wie ein Traum verweht,
Und ein unnenbar süsser Himmel
Mir ewig im Gemüte steht.
В тысяче образов я созерцаю тебя,
Дева Пречистая, мать спасения –
Но всех верней Тебя только душа моя
Только она начертит в час моления.
Близится ль час этот, в мирном сиянии,
Звезды, как птички, на небо слетаются;
Вижу ль Тебя тогда – в сладком молчании
Мысли, как звезды, в душе загораются

На первый взгляд кажется, что русское стихотворение близко передает содержание немецкого, особенно в первой строфе. Но далее становится очевидным, что переводчик для своей работы выбрал ключевые слова: *ich sehe dich in tausend Bildern, Maria, meine Seele, süsser Himmel* – и вплет их в совершенно новое произведение, в котором, в свою очередь, появляются: *час моления, мирное сияние, звезды, как птички, сладкое молчание, мысли, как звезды*. Не углубляясь в содержание, сразу же хочется заметить и расхождения в форме: четырехстопный живой ямб оригинала в переводе заменил более тяжелый дактиль. В связи с этим есть основания считать это произведение не переводом, а «стихотворением на мотив», в котором допустимы отклонения от оригинала.

Таким образом, первые переводы из Новалиса стали своеобразным подготовительным этапом, свидетельствующим о зарождении интереса к раннему немецкому романтизму, вершинной точкой которого стал рубеж XIX–XX вв. Необходимо отметить, что вызваны они были, большей частью, не потребностью русской литературы в знакомстве с творчеством немецкого автора, а желанием издателей показать что-либо новое, еще не переведенное. Подобная мотивация сопровождалась, как правило, слабой переводческой техникой и невысоким художественным уровнем. Но тем не менее они имеют определенную ценность, поскольку в данном случае для переводческой рецепции Новалиса в России важным является сам факт появления его произведений на русском языке.

Литература

1. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. – СПб., 1996.
2. Кюхельбекер В. К. Отрывки из путешествия // Мнемозина. – 1824. – Ч. 2. – С. 56–62.
3. Микушевич В. Тайнопись Новалиса // Новалис. Гимны к ночи. – М., 1996. – С. 7–45.
4. Новалис: критико-биографический очерк и фрагменты стихов // Пантеон. – 1853. – Т. VIII. – Кн. 3. – С. 1–8.
5. Эткинд Е. Г. Поэзия Новалиса: «Мифологический перевод» Вячеслава Иванова // Там, внутри: о русской поэзии XX века: очерки. – СПб., 1997. – С. 169–182.
6. Novalis. Werke in einem Band. – Berlin – Weimar, 1984.

Злобина Е. В.

Марийский государственный университет

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭСТРАДНЫХ ПЕСЕН КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА СПЕЦИФИКУ ИХ СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА

С точки зрения передачи смысла стихотворный перевод современных популярных песен легче, чем перевод поэзии классиков, характеризующейся и многообразием тематики, и частым наличием глубокого подтекста, понять и осмыслить который необходимо переводчику. Смысл эстрадных песен чаще всего на поверхности, он очевиден. Они легки как в музыкальном, так и смысловом восприятии. Переводчик должен учитывать эти факторы при выборе эквивалентов того или иного иностранного слова (при выборе лексических единиц). Например, текст перевода популярной танцевальной песни с использованием переводчиком всего богатства изобразительно-выразительных средств русского языка просто не будет восприниматься публикой, ориентированной на специфику данного музыкального жанра и ждущую композицию в лёгком, «попсовом» ключе. Но это не говорит о том, что переводчик данной песни должен минимизировать использование, допустим, эпитетов или звукописи. Любая песня – это, прежде всего, поэтическое произведение (средство образного выражения мысли), в котором особенности музыкального жанра влияют на выбор лексических единиц и концентрацию изобразительно-выразительных средств.

Важно отметить, что переводчику песни предстоит работа по изучению и осмыслению не только текста оригинала, но и специфики музыкального материала того или иного жанра. Он должен обладать достаточными знаниями о культурно-исторических предпосылках возникновения музыкального направления, процессе его становления и развития, помнить о том, что именно влияло раньше и влияет сейчас на смысловую наполняемость текста. Иногда переводчику требуется учитывать исторически сложившиеся особенности манеры исполнения сочинений музыкального направления.

Известно, что тексты многих песен современной поп-музыки не характеризуются глубокой смысловой нагрузкой, наличием философских подтекстов или большой концентрацией изобразительно-выразительных средств. Чаще всего в них воспеваются любовь, потери, одиночество и т. д. Но есть направления, где порой тексты песен имеют глубокий философский смысл, для раскрытия которого возможно широкое использование не только художественных приемов, но и определённой лексики. В частности, это одна из особенностей творчества ритм-энд-блюз-, соул-, рок-исполнителей.

Приведём пример: песня «My love is your love» направления ритм-энд-блюз с элементами соула американской певицы Whitney Houston (Уитни Хьюстон) относится к любовной тематике. Вся песня проникнута философскими рассуждениями о том, что, несмотря на то, что время быстротечно и мир в любую секунду может погрузиться в войны, а жизнь внезапно обернуться крахом или оборваться, героиня готова на все невзгоды, если рядом с ней будет её возлюбленный. Она готова его любить как на земле, так и в будущей

жизни. Итак, на примере стихотворного перевода некоторых строк этой песни расскажем, как жанр композиции напрямую может повлиять на понимание той или иной лексической единицы и помочь в её интерпретации. Припев:

Cause your love is my love
And my love is your love.
It would take an eternity to break us,
And the chains of Amistad couldn't hold us.

В процессе работы над последней строкой у нас возникла трудность с переводом слова «Amistad» и соответственно с раскрытием содержания всей строки. Обратившись к Интернет-источникам, мы нашли два варианта подстрочного перевода:

1. Не удержать нас и узами дружбы [2],
2. И цепи «Амистада» не смогли бы нас удержать [1].

Разберём оба варианта:

1. Первый перевод встречается чаще. Исходя из такой интерпретации строки припева, можно предположить, что автор песни использовал слово «Amistad», испанский эквивалент слова «friendship», чтобы донести мысль о том, что любовь лирических героев сильнее уз дружбы, они обречены быть вместе и никогда не смогут быть просто друзьями. А тому, что слово употреблено на испанском языке, можно было бы найти много объяснений и предположений: например, использование этого варианта для сохранения ритма в строке или наличие того или иного замысла автора и т. д. Ведь встретить иноязычные слова и фразы в текстах песен можно довольно часто.

2. Теперь обратимся ко второму варианту перевода «И цепи «Амистада» не смогли бы нас удержать». Здесь для того, чтобы понять содержание строчки оригинала и результат работы переводчика, нужно обратить внимание на то, что перед нами композиция направления «ритм-энд-блюз». И, исходя из этого, необходимо вспомнить предпосылки возникновения этого жанра и некоторые факты из жизни родоначальников этой музыки, а именно афроамериканцев, которые первоначально наполняли содержание своих песен социальной составляющей. На содержании песен так называемых «расовых» жанров (блюз, ритм-энд-блюз, соул и т. д.) отражалась повседневная жизнь темнокожих, их угнетение и трудности социального положения в США. Поэтому не удивительно обнаружить в современных композициях строчки, характерные тематике самых первых песен; в нашем случае это упоминание рабовладельческого корабля «Амистад», который получил известность тем, что на нём в 1839 г. африканские рабы подняли кровопролитный бунт, а впоследствии после тяжёлых судебных разбирательств получили право быть свободными. Безусловно, эта строка уже не несёт на себе ту социальную функцию, которая могла содержаться в первых сочинениях авторов ритм-энд-блюза, но наличие подобной лексики – это отголоски прошлого в судьбах людей и исторические факты становления песен определённого музыкального жанра.

Итак, в нашей работе мы придерживались второго варианта перевода этой строчки. Но если бы мы переводили максимально близко к оригиналу и в русской версии употребили название корабля «Амистад», то русскоязычному слушателю был бы непонятен смысл данного предложения. Поэтому мы, сохранив основную идею припева, интерпретировали так:

Только в любви мы
С тобою едины.
Наше чувство сильнее забвенья
И сильней любых оков заточенья.

Мы заменили название корабля «Амистад» (символа неволи) на эквивалент «заточенье», сохранив при этом и замысел автора, и доступность для понимания содержания песни русскоговорящими слушателями.

Несомненно, музыкальный жанр песен – важный фактор влияния на специфику их стихотворного перевода. Жанровые особенности находят своё отражение в тематике, влияют на выбор лексики, на манеру исполнения композиции и т. д. Переводчик должен учитывать эти особенности, сохранять их в переведённом тексте, а также использовать их для

понимания содержания; ему необходимо знать жанровую сторону композиции, чтобы видеть смысл всех деталей, использованных автором оригинала, а затем в работе адаптировать текст для реципиента перевода.

В заключение хотелось бы отметить, что учёт жанровых особенностей композиции – это лишь один из принципов, которыми необходимо руководствоваться переводчику песни. Есть и другие закономерности, на основе которых он строит свою работу. К ним можно отнести следующие: сохранение структуры композиции, сохранение ритма и размера стиха, также необходимо обращать внимание на личность исполнителя, на особенности манеры исполнения песни в целом и отдельных её строк, скорость исполнения отдельных отрезков песни в процессе подбора сочетаний согласных звуков, сложных для артикуляции и т. д.

Литература

1. Перевод песни My love is your love (Whitney Houston) // Lyrsense. URL: http://en.lyrsense.com/whitney_houston/my_love_is_your_love (дата обращения: 19.06.2013)
2. Whitney Houston – My Love is Your Love (перевод, lyrics, слова, минусовка) // Тексты и слова песен (lyrics). URL: http://joov.org/text/511192/Whitney_Houston_-_My_Love_is_Your_Love_Album_Version_.html (дата обращения: 19.06.2013)

Калинин К. Е.

Нижегородский государственный лингвистический университет

ЗАЧЕМ НУЖНЫ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА?

Идея стратегии или стратегического планирования применительно к переводческой деятельности прослеживается во многих, в том числе классических, работах по переводоведению. Нередко под переводческой стратегией понимается нечто предельно общее, представленное максимально отстранённой от конкретных переводческих решений установкой. У В. Н. Комиссарова это «своеобразное переводческое мышление, которое лежит в основе действий переводчика» [7, 356]. По А.Д. Швейцеру, стратегия – это программа переводческих действий. При реализации этой программы переводчик может отдать предпочтение, например, переводу, приближающемуся к буквальному либо к вольному, причём в этом выборе решающую роль могут сыграть такие факторы, как жанр текста, цель перевода или социальная норма перевода, характерная для данной эпохи [12, 65]. В учебнике Н. К. Гарбовского стратегия перевода понимается как стратегия преобразования исходного текста, или некая генеральная линия поведения переводчика, что также подразумевает установку на буквальный либо вольный перевод [6]. Что касается выбора той или иной генеральной линии поведения, он осуществляется переводчиком при осознании конечной цели перевода.

Взгляд на категорию стратегии, прежде всего, через оппозицию буквализма и вольности характерен и для западных переводоведов. «The key historical dichotomy which has dominated thinking about global translation strategies ... has been that of «literal» vs. «free» translation ... relating to the degree to which strategies may involve manipulating a source text in its translation to a target text» [2, 284]. При этом присутствуют и более расширительные толкования стратегий, например, как «ways in which translators seek to conform to norms ... not to achieve equivalence, but to arrive at the best version they can think of» [1, 88] или «a potentially conscious procedure for the solution of a problem which an individual is faced with when translating a text segment from one language into another» [3, 76]. В последнем случае обращает на себя внимание факультативность или неполнота осознания переводчиком той программы действий, которую он выполняет для решения переводческой задачи. Впрочем, как пишет Е. Н. Мешалкина, если переводчик осознаёт свои задачи, пусть даже интуитивно, и выбор им вариантов подчинён логической системе, можно говорить о наличии у него стратегии [8, 75]. Характерна также трактовка стратегии как инструмента решения локальной задачи, то есть перевода части текста (a text segment).

В таком значении термин «стратегия» довольно широко используется в англоязычной переводоведческой литературе. Различают даже *локальные* и *глобальные* переводческие стратегии, ср.: «local» strategies relate specifically to the translation of particular language structures and lexical items, while «global» strategies operate at a more general level and pertain to broad questions of textual style and the choice between suppressing or emphasizing specific aspects of the source text» [2, 283]. Судя по всему, к «локальным» можно отнести стратегии перевода названий фильмов, весьма популярный предмет исследований сегодня. Например, Е. Ж. Бальжинимаева в числе таких стратегий рассматривает прямой перевод, трансформацию названия и замену названия фильма [4]. В одной из аналогичных работ выделяются следующие стратегии: жанровая адаптация; смысловая адаптация; возвращение к первоисточнику; перевод имён собственных и прецедентных имён в заголовках кинофильмов; перевод заголовков кинофильмов, содержащих национально-культурный компонент [11]. Показательны следующие выдержки из данной работы, откуда видно, что термины «стратегия» и «приём» для авторов статьи взаимозаменяемы: «Приём жанровой адаптации использовался при переводе названия комедии «Over Her Dead Body» → «Невеста с того света» <...> Приём смысловой адаптации использован в фильме «Brassed Off» → «Дело – труба»; «При переводе фильмов, названия которых включают в себя имена собственные, также используются несколько стратегий, главной из которых является приём расширения» [11].

Из-за широкого разброса мнений, когда один и тот же термин используется в отношении принципиально различных понятий (от общей концепции перевода до отдельного переводческого приёма, от взглядов, присущих эпохе, до вопросов технологии перевода), можно потерять интерес к теме вообще. Так, отсутствие строгой дефиниции в терминосистеме переводоведения приводит А. Г. Витренко к пессимистичному выводу о необходимости отказа от термина «стратегия перевода» ввиду недостаточной определённости его значения [5].

Между тем, вполне логичную трактовку, лишённую внутренних противоречий, можно выработать, если опираться на общеязыковое определение понятия «стратегия». Исходя из имеющихся в словарях толкований, стратегия – это план действий, намеренно организованных субъектом для достижения в итоге главной цели. Таким образом, для того чтобы вести речь о какой-либо стратегии, необходимо наличие цели, продуманного плана её достижения, а также самих действий, системно выстроенных в определённую последовательность согласно этому плану. Ср. у Е. Н. Мешалкиной: «Стратегия ... предполагает целенаправленное, систематическое, ориентированное на адекватность воплощение» [8, 75]. Важно заметить, что для решения специфических проблем, возникающих на пути достижения стратегической цели, требуются *мини-планы*, то есть планы локального характера, которые называют тактиками. Итак, стратегия подразумевает наличие у субъекта некоторой главной цели, для достижения которой он последовательно решает ряд задач. Способы решения данных задач определяются субъектом на уровне тактики.

Определения всех трёх иерархически связанных элементов в структуре стратегического планирования в переводе находим у В. В. Сдобникова. Стратегией перевода он предлагает считать программу осуществления переводческой деятельности, формирующуюся на основе общего подхода переводчика к выполнению перевода в условиях определенной коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации, определяемой специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода и, в свою очередь, определяющей характер профессионального поведения переводчика в рамках данной коммуникативной ситуации [9]. В то же время, тактика перевода по В.В. Сдобникову – это «системно организованная совокупность переводческих операций, используемых с целью достижения поставленной цели перевода с учетом избранной стратегии перевода» [10], а переводческие операции – «действия, связанные с отбором языкового материала ПЯ, с осуществлением необходимых преобразований текста и с использованием переводческих приёмов, необходимых для решения возникающих переводческих проблем» [10].

Таким образом, мы получаем завершённую структуру с логично выстроенной внутренней организацией: стратегия перевода как имеющая понятную цель программа, сформированная в конкретных условиях, реализуется путём решения задач в рамках ряда тактик, каждая из которых предполагает определённую аналитическую деятельность, результатом чего становится принятие комплекса переводческих решений, воплощённых в тексте перевода. При этом переводчик никогда не теряет из вида стратегическую цель, сверяясь с которой он оценивает уместность и правильность каждого такого решения, оценивает качество реализации каждой отдельной тактики.

Проиллюстрировать применение данной модели можно на примере перевода дикторских текстов. Это тексты, сопровождающие такие виды аудиовизуальной продукции, как видеопрезентации, рекламные фильмы или ролики. Перевод текстового материала к ним – достаточно востребованная сегодня услуга. Многие российские звукозаписывающие студии принимают заказы от иностранных компаний, желающих выйти на российский рынок и заинтересованных в размещении в эфирном и интернет-пространстве РФ русскоязычной версии своей уже готовой рекламы. Это называется локализацией бренда или продукта.

Чтобы рассмотреть перевод дикторского текста в стратегическом ключе, обратимся к предложенной В. В. Сдобниковым номенклатуре переводческих стратегий. Она включает: а) стратегию коммуникативно-равноценного перевода, б) терциарного перевода и в) стратегию переадресации. В первом случае переводчик стремится реализовать посредством перевода ту цель, или коммуникативную интенцию, которая задана отправителем исходного сообщения. Терциарный перевод предполагает выполнение перевода в интересах лица, преследующего иные цели, нежели автор оригинала. Наконец, при переадресации текст перевода предназначается для получателя, который отличается от реципиента исходного текста не только своей национально-культурной принадлежностью, но и социальными характеристиками [9].

В нашем случае ставится следующая задача: перевести текст рекламного характера, который впоследствии будет начитан диктором, и данная аудиодорожка будет наложена на исходное видео. Как можно сформулировать стратегическую цель, стоящую перед переводчиком? Перевод заказан фирмой, желающей стимулировать продажу своих товаров в России. Исходный фильм создавался с той же целью, но в расчёте на англоязычную аудиторию. Значит, изначальная целевая установка в переводе сохраняется. Рекламный ролик/фильм (текст, наложенный на видеоряд) – это подлежащее переводу сообщение, отправителем которого выступает фирма-производитель товара, она же заказчик перевода. Перевод выполняется в интересах отправителя исходного сообщения. Таким образом, перед нами типичная ситуация, в которой предполагается выполнение коммуникативно-равноценного перевода.

После того как определена цель, необходимо конкретизировать задачи, которые предстоит решить на тактическом уровне. Данные задачи формулируются исходя из особенностей переводимого текста, а к специфическим особенностям дикторского текста можно отнести следующие.

1. Время звучания (т. наз. тайм-код). Как правило, текст в рекламном фильме идёт с паузами, которые обрамляют законченный в смысловом отношении фрагмент, соответствуют смене кадра. Допустим, в кадре человек, рассказывающий о преимуществах товара. Он говорит 26 секунд, после чего происходит смена кадра, и зритель видит другую картинку и слышит уже закадровый текст. Значит, необходимо сделать так, чтобы русскоговорящий диктор звучал приблизительно те же 26 секунд. Как известно, при обычном письменном переводе с английского языка на русский объём текста увеличивается в среднем на 20–25%. Если перевод будет так значительно превышать объём оригинала, диктору придётся заметно увеличить темп речи, что может создать неудобства для аудитории. При быстром темпе речи слушающий вынужден дополнительно сосредоточиваться на анализе информации, поступающей по аудиальному каналу восприятия. В результате он либо перестаёт следить за «картинкой», либо пропускает часть

информации, воспринимаемой на слух. Ни то, ни другое, разумеется, не в интересах заказчика. Следовательно, чтобы английский и русский текст звучали примерно одинаковое время, переводчик применяет тактику «укладки» в тайм-код, используя приём компрессии (либо декомпрессии, если текст перевода получился заметно короче, и человек в кадре продолжает говорить ещё несколько секунд после того, как закончился перевод).

2. Ещё одна тактическая задача переводчика – обеспечить удобство восприятия информации со стороны целевой аудитории фильма. Эта задача, в частности, решается путём выбора соответствующего синтаксического построения предложений в тексте перевода. Подчеркнём: речь не идёт о синтаксических трансформациях, обусловленных различиями в структуре языков, особенностями тема-рематического членения и т. д. Эти особенности и различия переводчик должен учитывать всегда, при переводе любых текстов в данной языковой паре. Отличие дикторских текстов в том, что переводчик дополнительно заботится и о том, чтобы синтаксис в тексте перевода не создавал трудностей для извлечения информации из этого текста, когда он будет начитан диктором. То есть, выполняя письменный перевод транскрипта к фильму, переводчик всегда держит в голове, что его перевод будет предъявлен получателям в устной форме. Соответственно, если он чувствует, что, например, какое-то сложное предложение в переводе получилось слишком длинным, он может решить разбить его на несколько простых. Следует особо отметить, что такое решение будет обусловлено именно тем, что перевод предназначен для озвучивания: если бы переводчик встретил данное предложение, переводя, скажем, рекламный буклет, он бы мог и не разбивать его, поскольку читающий может вернуться к предложению, если он в нём чего-то не понял из-за сложного синтаксиса. Переводчик также может предпочесть громоздкой конструкции другую, более удобную для восприятия на слух. Можно сказать, что переводчик использует тактику упрощения синтаксиса. Вот пример использования этой тактики в переводе текста к рекламному фильму компании, занимающейся производством лечебной косметики: «To reach our goal of providing customers with best healthcare products available, Thompson Labs is partnering with various marketing and sales companies across the globe» – «Мы хотим, чтобы наши высококачественные препараты были доступны покупателям в разных странах. Для этого мы сотрудничаем с торговыми компаниями по всему миру».

3. Поскольку заказчик заинтересован в формировании положительного образа товара у целевой аудитории, необходимо обеспечить позитивный настрой адресата по отношению к рекламируемому продукту, добиться того, чтобы аудитория, если и не влюбилась в презентуемый товар, то уж, во всяком случае, не испытывала заочно к нему негативных чувств. Для этого звучащий текст должен быть не только удобен, но и приятен для восприятия. Конечно, по большей части, это задача диктора: здесь играет роль тембр его голоса, интонации. Однако и переводчик может внести свой вклад. Он должен следить за тем, чтобы в переводе не возникало больших скоплений согласных, нежелательных аллитераций (скажем, вместо «...от средств для ухода за кожей...» – «...от продуктов для ухода за кожей...»), зияний, неблагозвучных комбинаций. Так в переводе реализуется тактика обеспечения благозвучия текста.

Как представляется, название стратегии, применяемой в каждой отдельной ситуации, должно содержать указание на ту конкретную цель, которая преследуется в рамках данной стратегии. Скажем, в рассмотренном случае с переводом рекламного фильма использованную стратегию можно назвать стратегией локализации продукта / бренда. Что касается коммуникативно-равноценного, терциарного перевода и переадресации, мы склонны считать их *типами* переводческих стратегий, поскольку столь обобщённые названия не дают представления о том, какая именно цель преследуется переводчиком. Структуру рассмотренной стратегии перевода можно представить в виде следующей таблицы:

Задание:	Перевод текста к рекламному фильму
Тип стратегии перевода:	Стратегия коммуникативно-равноценного перевода
Стратегия перевода:	Стратегия локализации продукта / бренда
Реализация стратегии	
<i>Тактики перевода:</i>	<i>Операции:</i>
1.Тактика «укладки» в тайм-код	Компрессия/декомпрессия
2.Тактика упрощения синтаксиса	Разбиение предложения; устранение громоздких конструкций
3.Тактика обеспечения благозвучия текста	Устранение (избегание) больших скоплений согласных, нежелательных аллитераций, зияний, неблагозвучных комбинаций звуков

Посмотрим, что может дать такая модель и есть ли от неё вообще польза. Видятся перспективы в использовании данного подхода: а). в практике перевода, прежде всего письменного; б). в оценке качества и в). в дидактике перевода. Во-первых, представление каждого отдельного переводческого задания в стратегическом ключе способствует системному видению переводчиком ситуации, заставляет его периодически сверяться с главной целью, напоминая ему о том, к достижению какого коммуникативного эффекта он должен стремиться. Во-вторых, мышление в русле стратегического подхода может повысить объективность оценки качества перевода: предметом оценивания может служить степень выполнения возложенной на перевод задачи, а релевантными ошибками будут те, которые препятствуют выполнению этой задачи (реализации требуемого инициатору прагматического потенциала), отдаляя нас от достижения стратегической цели. Наконец, стратегии можно использовать и в обучении переводу, предлагая студентам перевести один и тот же текст для разных коммуникативных ситуаций, в параметры которых входит, в частности, цель перевода и характеристики адресата. Тем самым, можно помочь обучаемым сформировать профессиональное отношение к переводческой деятельности.

Литература:

1. *Chesterman Andrew*. Memes of Translation: The Spread of Ideas in Translation Theory, Amsterdam & Philadelphia: Benjamins, 1997.
2. *Kearns John*. Strategies // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / edited by Mona Baker and Gabriela Saldanha. – 2nd ed. – Abingdon: Routledge, 2009. – P. 282–285.
3. *Loerscher Wolfgang*. Translation Performance, Translation Process and Translation Strategies: A Psycholinguistic Investigation, Tübingen: Gunter Narr, 1991.
4. *Бальжинимаева Е. Ж.* Стратегия перевода названий фильмов. URL: <http://www.labatr.bsu.ru/index.php?mod=pages&page=public>
5. *Витренко А. Г.* О «стратегии перевода» / Электронный ресурс <http://agvitrenko.3dn.ru/4utat/6.doc>
6. *Гарбовский Н. К.* Теория перевода: Учебник. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
7. *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
8. *Мешалкина Е. Н.* Стратегии исторической стилизации в художественном переводе (на материале англоязычной художественной литературы XVIII–XX вв.): дис. ... канд. филол. наук. – М., ГОУ ВПО Московский гос. лингвистический ун-т, 2008. – 206 с.
9. *Сдобников В. В.* Стратегия перевода: общее определение // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. – №1(13). – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – С. 165–172.
10. *Сдобников В. В.* Тактики перевода художественного текста // Проблемы перевода, лингвистики и литературы: Сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». – Вып. 15. – Т. 1. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2012. – С. 180–203.
11. *Черепанова Я. А., Шишкина И. С.* Стратегии перевода названий художественных фильмов // Перевод как фактор развития науки, техники и спорта в современном мире: сборник материалов международной молодёжной конференции. Киров, 5–6 сентября 2012 г. – Киров: Изд-во «Радуга-Пресс», 2012. – С. 280–282.
12. *Швейцер А. Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.

**TRANSLATION AND ENGLISH WRITING:
АВТОРСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ АКАДЕМИЧЕСКОГО
ПИСЬМА У СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ**

Качественная подготовка переводчиков возможна лишь тогда, когда она комплексно строится на сопоставительном исследовании языков и культур. Такой подход подразумевает развитие у студентов-будущих переводчиков умения структурировать и интегрировать знания из различных областей академической и профессиональной деятельности. Ключевым моментом становится практика творческого использования этих знаний и их развития в ходе решения профессиональных задач. Такая направленность полностью отвечает требованиям современной системы образования, в основе которой лежит умение студентов видеть междисциплинарные связи изучаемых дисциплин и понимать их значение для будущей профессиональной деятельности.

В рамках данной работы будет представлен опыт разработки авторского курса «Translation and English Writing» для бакалавров, обучающихся по направлению «лингвистика» (предполагается, что курс будет адресован четверокурсникам и будет предлагаться им в числе прочих предметов вариативной части образовательной программы). В основе курса – идея об интегральной междисциплинарной связи *перевода* как дисциплины и профессиональной деятельности и *письма* как практики создания письменных текстов академического характера, в том числе текстов учебных и исследовательских.

Опыт подготовки переводчиков на кафедре перевода и стилистики английского языка Удмуртского Государственного Университета показывает, что границы профессиональной деятельности выпускников с каждым годом расширяются и уже давно не ограничиваются переводческими отделами и бюро. Посредники межкультурной коммуникации востребованы в таких областях как журналистика, редактирование, реклама, информационные технологии, туризм, образование, связи с общественностью, бизнес, благотворительность и волонтерство. Переводчик, работающий в этих областях, не ограничен в своей деятельности выполнением переводов. Его работа может включать создание иноязычных версий сайтов, сбор и анализ информации "под заказ" из иноязычных источников, реферирование, написание мемурандумов, служебных записок, кейсов, а также непосредственное экспертное лингвистическое консультирование и написание заключения.

Выполнение этих видов деятельности во многом строится на методологии перевода, но при этом имеет целью создание нового лингвистического продукта. С профессиональной точки зрения – это отражение сложнейших процессов межъязыкового посредничества, а с позиции академических институтов и кафедр, обеспечивающих подготовку бакалавров-будущих переводчиков, – это отражение перспективного планирования и развития. Думается, что подготовка бакалавра исключительно для осуществления устного и/или письменного перевода была бы недальновидной стратегией. Академическая общественность, изучая опыт и потребности потенциальных работодателей должна научиться предвидеть возникновение новых компетенций или переакцентирование прежних. В этом контексте диверсификация вариативной части образовательной программы и её выстраивание в соответствии с потребностями и вызовами рынка труда кажется стратегически правильным направлением работы.

Разработка курса «Академическое письмо и перевод» ставит собой задачу научить студентов создавать письменные тексты академического и исследовательского характера на английском языке. Разработка курса началась с анализа смоделированных компетенций профессиональной деятельности переводчика. Полный список компетенций представлен в Федеральном Государственном Образовательном Стандарте Высшего Профессионального Образования по направлению подготовки 035700 лингвистика (квалификация (степень)

«бакалавр»). Исходя из замысла курса, основанного на идее о смежности перевода и академического письма, из изученной модели были выбраны следующие профессиональные компетенции для освоения студентами в рамках курса:

- владеет основными способами выражения семантической, коммуникативной и структурной преемственности между частями высказывания – композиционными элементами текста (введение, основная часть, заключение), сверхфразовыми единствами, предложениями (ПК-4);
- обладает готовностью преодолевать влияние стереотипов и осуществлять межкультурный диалог в общей и профессиональной сферах общения (ПК-7);
- владеет методикой предпереводческого анализа текста, способствующей точному восприятию исходного высказывания (ПК-9);
- владеет методикой подготовки к выполнению перевода, включая поиск информации в справочной, специальной литературе и компьютерных сетях (ПК-10);
- имеет навыки работы с компьютером как средством получения, обработки и управления информацией (ПК-25);
- умеет работать с традиционными носителями информации, распределенными базами данных и знаний (ПК-26);
- умеет использовать понятийный аппарат философии, теоретической и прикладной лингвистики, переводоведения, лингводидактики и теории межкультурной коммуникации для решения профессиональных задач (ПК-36);
- умеет структурировать и интегрировать знания из различных областей профессиональной деятельности и обладает способностью их творческого использования и развития в ходе решения профессиональных задач (ПК-37);
- умеет видеть междисциплинарные связи изучаемых дисциплин и понимает их значение для будущей профессиональной деятельности (ПК-38);
- владеет основами современной информационной и библиографической культуры (ПК-39);
- умеет выдвинуть гипотезы и последовательно развивать аргументацию в их защиту (ПК-40);
- владеет стандартными методиками поиска, анализа и обработки материала исследования (ПК-41);
- обладает способностью оценить качество исследования в данной предметной области, соотнести новую информацию с уже имеющейся, логично и последовательно представить результаты собственного исследования (ПК-42).

Перечисленные компетенции выстраивают контекст для соответствующего содержания представляемого курса. В его основе – два основных модуля, каждый из которых решает отдельную задачу по развитию навыков академического письма в контексте их связи с переводом.

Модуль 1. «Looking at the writing process and reading critically» направлен на раскрытие основополагающих принципов аналитического письма в их практическом употреблении. Модуль (и курс) начинается с рефлексивной практики студентов «Me as a writer». Это упражнение призвано выстроить контекст письма как творческого процесса в ретроспективе имеющегося опыта студентов, а также в перспективе новых академических, профессиональных и личностных открытий. В рамках данного модуля студенты знакомятся с особенностями академического письма, практикуют навыки «активного прочтения» текста, его критического анализа. Особое направление работы – создание условий (через содержание и активные методы обучения) для выявления и анализа уже сложившихся стратегий интерпретации и создания письменного текста.

Практическим выходом данного этапа курса станет написание рецензии на предложенный текст (critical review) в соответствии со всеми требованиями, предъявляемыми к этому виду письменной работы. Собственно написанию рецензии предшествует изучение

образцов с детальным рассмотрением всех языковых средств и коммуникативных стратегий, характерных для рецензий. В ходе работы над созданием рецензии студенты размышляют о переносе практикуемого навыка на другие области академической и профессиональной деятельности. Ярким примером такого переноса можно считать реферативный перевод, а также собственно создание меморандумов на английском языке для рабочей группы (по результатам работы с иностранными источниками), или для конкретного заказчика. Отдельный этап работы внутри этого модуля – освоение норм, правил и стратегий эффективной обратной связи другим участникам академического процесса. В англоязычной академической традиции этот механизм работы известен как *peer review*, или *peer assessment*. Его практическая значимость выходит далеко за пределы академических контекстов, и, в частности, является основой различных видов оценки работы персонала во всех крупных компаниях (*peer review*, *self assessment*, *360 degree assessment*, etc.) Таким образом, в рамках данного курса предлагается решать важную задачу – научить студента давать качественную, продуктивную обратную связь. Опять же, этот навык особенно востребован в работе редакторов, правящих выполненные переводы, или в работе переводчика, работающего над одним проектом в команде с другими переводчиками.

Выполненные в рамках данного модуля проекты проходят через несколько этапов редактирования и проверки. Интеллектуальный и творческий путь, который выстраивает каждый участник курса от первой версии своей рецензии до финального проекта на практике отражает все преимущества полного, доведенного до логического конца редакционного цикла при работе с текстом. Этот навык имеет прямое использование не только при создании собственно текстов на русском или иностранном языке, но и при выполнении письменных переводов. В частности, особую ценность приобретают конкретные стратегии и инструменты исправления, доработки и перепроверки текста. Блестящим примером такого инструмента может стать *reverse outline* (обратный план) – техника пересмотра созданного текста на уровне абзацев и выделение в каждом из них ключевой идеи с последующим анализом того, как каждая из проанализированных частей способствует «движению» текста в его достижении прагматической коммуникативной задачи.

Возвращаясь к процессам рецензирования, отметим, что для максимально эффективной работы преподаватель знакомит студентов с четкими критериями оценки и проводит полный анализ анонимных рецензий в качестве примера. Так реализуется основополагающий принцип рассматриваемого курса, известный в педагогике как *scaffolding* ("поддержка" студентов, ориентация их на задачи, которые они могут выполнить с незначительной помощью преподавателя).

Важно отметить, что при работе над рецензией студенты сталкиваются с необходимостью поддержать свою точку зрения или детализировать её путем привлечения дополнительных источников и, как следствие, их цитирования в своей работе. Необходимость развития навыков и культуры работы с информацией не требует доказательств. В рамках данного модуля студенты знакомятся с особенностями основных англоязычных школ цитирования (MLA, APA, CMS), делают свой выбор и практикуются в грамотном цитировании первоисточников на английском языке. Особое место в рамках данного модуля уделяется проблемам плагиата, в том числе ненамеренного.

На выходе из данного модуля ожидается, что студенты приобретут опыт критического чтения текста, создания классических рецензий, привлечения дополнительных источников и правильного оформления ссылок на них. Думается, что студенты впервые за свою академическую карьеру получают возможность и инструментарий для оценки работ своих коллег, а также для самооценки. Общим продуктивным фоном для формирования новообразований в структуре личности студентов призвана стать рефлексивная практика, в которой каждый студент анализирует свой прошлый и настоящий опыт создания и перевода текстов в контексте сегодняшних академических заданий и возможных будущих профессиональных задач.

Модуль 2. «Writing and research» решает задачу развития навыков поисковой исследовательской деятельности как в традиционной среде, так и с привлечением новейших информационных ресурсов. Студенты ориентированы на контекстуализацию темы своей научно-исследовательской работы в рамках данной дисциплины. Основной вектор работы – расширение научной и практической базы собственного исследования через поиск адекватных материалов на английском языке (ранее непереведенных), составление аннотаций найденных книг и/или статей и написание на основе полученной информации кейса (case study).

Модуль 2 продолжает и развивает темы, заявленные в предыдущем модуле и строится на способности студентов критически анализировать тексты, составлять их аннотации и умении интегрировать полученную информацию в более широкий учебный и исследовательский контекст. Цикл оценивания работ других участников учебной группы полностью повторяет все этапы, представленные в первом модуле: создание первого варианта проекта, изучение 2–3 работ со-группников, формулирование результатов своего анализа согласно данным критериям, получение обратной связи по своему проекту от других студентов, внесение изменений и дальнейшая правка первого варианта, представление окончательной работы (снова система peer review) уже другим участникам группы. В конце модуля студентам предлагается упражнение, направленное на саморефлексию в контексте новых и/или развиваемых компетенций, связанных с навыками академического письма.

Конечным продуктом этого модуля станет кейс, созданный в рамках научно-исследовательской работы каждого студента. Работа начинается с составления аннотационной библиографии нескольких ранее неизвестных источников. Когда преподаватель обозначает рамки этого первого этапа работы над кейсом, нужно обязательно проговорить разницу между популярными и научными источниками, между текстами-первоисточниками и так называемыми «вторичными» текстами, где мнения и выводы приводятся в связи с уже обозначенной другими исследователями позицией. Предполагается, что работа над аннотационной библиографией начнется в аудитории, под контролем преподавателя. В частности, речь идет о практике работы с такими открытыми базами научных статей и книг на английском языке как Google Scholar, Register and Read, DOAJ, SCIRUS.

Отдельное направление работы – это знакомство с разными видами кейсов, с кейс-технологией в общем, в основном через изучение образцов. Каждый студент выбирает удобную для себя модель и начинает выстраивать кейс в формате интерконтекстуального научно-исследовательского сообщения. Особое внимание уделяется композиционным моментам: корректному оформлению вступления, заключения и языковым инструментам обеспечения связности текста. Создаются специальные условия для практики лаконичности академического письма, в частности – избегания избыточности слов и идей.

Практический выход второго модуля для каждого студента можно сформулировать как приобретение практического опыта написания кейса, его позиционирования в общем контексте соответствующей научной и/или профессиональной дискуссии.

Оба модуля, представленные в данной статье, имеют четкую логику и содержание, которое соответствует основополагающей идее о необходимости сопоставительного исследования языков и культур при подготовке переводчиков. Анализируя традиции и особенности английских и русских академических текстов, практикуясь в их создании, студенты развивают свои инструментальные и социально-личностные компетенции. По завершении предлагаемого курса выпускники будут равно готовы качественно осуществлять переводы академических текстов, а также создавать собственные тексты исследовательского характера на языке перевода. Всё это – хороший фундамент для профессиональной деятельности или продолжения академической карьеры бакалавра в рамках магистратуры.

ФЕНОМЕН «СМЕХ» В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ» И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Смех как сложный феномен может изучаться с разных точек зрения в зависимости от контекста исследования. Отмечено, что в силу особенностей российской истории ведущим проводником культурных и философских идей XIX–XX вв. становится художественная литература, сумевшая при помощи феномена «смех» раскрыть самые серьезные социальные вопросы и проблемы времени, воплотившись в художественных произведениях мирового значения. К числу таких произведений, безусловно, относится и поэма Н. В. Гоголя «Мёртвые души».

В. Я. Пропп в своей работе «Проблемы комизма и смеха» отмечает, что «Гоголь предстал перед нами как величайший из всех когда-либо творивших юмористов и сатириков» [3, 7–18].

Личность Н. В. Гоголя, практически все время ассоциировалась с комичностью его произведений, своеобразием юмора и иронии. Так, например, В. В. Розанов, в попытке установления специфики стиля Н. В. Гоголя, замечает, что гоголевский смех и юмор в своём особенном художественном бытовании явился одной из величавших загадок отечественного литературного творчества [4, 34–37].

По нашему мнению, одним из наиболее ярких критериев, отличающих смех Н. В. Гоголя, представляется тесная взаимосвязь этого феномена с русским православием, соответствующими традициями, мировоззрением и ценностными ориентациями. Являясь социокультурным феноменом, смех представляет интерес с точки зрения особенностей отображения менталитета и культурно-бытовых традиций человека.

Проиллюстрируем различные переводы поэмы «Мёртвые души» и сделаем попытку определить особенности и проблемы трансляции феномена «смех» исследуемого произведения на английский язык.

На протяжении всей поэмы встречаются фрагменты, характеризующиеся колоритными интонациями. Смех порождается за счет сопоставления облика человека с окружающими его предметами. При этом следует отметить, что комичность рождается только в тех случаях, когда внешний вид в сравнении с предметами вскрывает отрицательные качества персонажа.

Н. В. Гоголь	Когда Чичиков взглянул искоса на Собакевича, он ему на этот раз показался <i>весьма похожим на средней величины медведя</i> . Для довершения сходства фрак на нем был совершенно <i>медвежьего цвета</i> , рукава длинные, панталоны длинные, <i>ступнями ступал он и вкривь и вкось и наступал беспрестанно на чужие ноги</i> . Цвет лица имел каленый, горячий, какой бывает на медном пятаке.
Перевод Инглиша	К. When Chichikov stole a sidelong glance at Sobakevich he thought him <i>remarkably like a medium-sized bear</i> . To complete the likeness, <i>the suit he was wearing was exactly bear-coloured</i> , with sleeves and trousers too long for him; <i>he walked with a lumbering, awkward gait and constantly trod on other people's toes</i> . His complexion was a deep, burnished red, the colour of a copper coin.
Перевод Маруайра	Р. When Chichikov glanced at Sobakevich out of the corner of his eye, he was struck on this occasion by his <i>strong resemblance to a medium-size bear</i> . To complete the resemblance, his <i>tailcoat</i> was exactly <i>the colour of a bear's coat</i> , the sleeves were long, the pantaloons were long, and <i>when he walked he let his feet fall here, there and everywhere, and was constantly treading on other people's feet</i> . He had a fiery-red complexion, such as you see on a copper five-kopeck piece.
Перевод Хогарта	Д. A covert glance at Sobakevitch showed our hero that his host exactly <i>resembled a moderate-sized bear</i> . To complete the resemblance, Sobakevitch's long frockcoat and baggy trousers were <i>of the precise colour of a bear's hide</i> , while, <i>when shuffling across the floor, he made a criss-cross motion of the legs, and had, in addition, a constant habit of treading upon his companion's toes</i> . As for his face, it was of the warm, ardent tint of a <i>piatok</i> .

В данном отрывке Собакевич ассоциируется у читателя с медведем и красным пятаком. Вместе с тем красный цвет передает характерное ему ощущение стыда и греха. Анализируя перевод данного фрагмента разными авторами, можно отметить, что К. Инглиш в существенной степени упрощает картину описываемого персонажа, используя нейтральную лексику. В этом смысле контрастирует перевод Д. Хогарта: автор воспроизводит оригинал с меньшими потерями, он сумел расшифровать оригинальный подтекст и предтекст, что способствовало удачному, на наш взгляд, подбору вокабуляра (*moderate-sized bear* и *a criss-cross motion of the legs* и т. д.). Перевод же Р. Магуайра можно отнести к английской традиции сатирического писания: очень длинные и подробные объяснения и буквальные трактовки (*when he walked he let his feet fall here, there and everywhere...*). В данном случае прежде всего возникает проблема избыточности речи при описании ситуации. Подобная трансляция негативно сказывается на восприятии мысли, заложенной Н. В. Гоголем: эмоциональная окраска переводного текста утрачена, а, следовательно, его воздействие на читателя ослаблено.

Помимо сравнения персонажей с предметами Н. В. Гоголь дает свою характеристику окружающего мира, сравнивая предметы между собой. В нижеприведённом отрывке автор показывает читателю убогость внешней обстановки, также обращаясь к сатире.

Н. В. Гоголь	В этой <i>конурке</i> он приладил к стене <i>узенькую трехногую кровать</i> , накрыв ее небольшим подобием <i>тюфяка</i> , <i>убитым и плоским, как блин</i> , и, может быть, так же <i>замаслившимся</i> , как блин, который удалось ему вытребовать у хозяина гостиницы.
Перевод К. Инглиша	In this <i>cubby-hole</i> he propped a <i>narrow three-legged bed</i> up against the wall, covering it with a <i>wretched little palliasse</i> , that was <i>flat as a pancake</i> , and perhaps <i>as greasy as the pancake</i> he had wheedled from the inn-keeper.
Перевод Р. Магуайра	In this <i>tiny kennel</i> he set up a <i>narrow little three-legged bed</i> against the wall, and covered it with a <i>small semblance of a mattress</i> , which had been beaten <i>flat as a pancake</i> and was perhaps just as <i>greasy</i> as the pancake he had managed to wheedle out of the innkeeper.
Перевод Д. Хогарта	Pressing the <i>narrow bedstead</i> back against the wall, he covered it with the <i>tiny remnant of mattress</i> – a remnant as <i>thin and flat</i> (perhaps also <i>as greasy</i>) as a pancake – which he had managed to beg of the landlord of the establishment.

Комичность проявляется через вскрытие недостатков внешнего мира, присущих всей ситуации, показанной в произведении Н. В. Гоголя. Данный фрагмент, через языковые средства комизма, отражает черты, свойственные эпохе. Через лексемы *конурка*, *трехногая кровать*, *убитый замаслившийся тюфяк*, которые принадлежат семантическому полю «убогость» автор показывает неустроенность быта. Сопоставительный анализ переводов обнаруживает следующее: так, «конурка» в переводе К. Инглиша предстаёт как «*cubby-hole*», что в наибольшей степени соответствует стилистике самого Н. В. Гоголя, указывая на отрицательную коннотацию, подчеркивающую бедность и способность человека существовать в таких условиях. Этот контекст лишен своей значимости в переводе Р. Магуайра, устами которого сатирическая «конурка» превратилась дословно в «*келью*», несущую в себе совершенно иной информационный посыл, способствующий построению философско-познавательного, нежели сатирического образа. Ассоциация с блином – одна из языковых реалий, призванная подчеркнуть национальную специфику и колорит, присущий русской душе. Проводя аналогии, «блин» для англоговорящего читателя не станет тем архетипом, который бы ассоциировался с «замасленностью», отчего данный феномен «смех» утрачивает своё влияние на построение образа. В этом плане ни одному из трех переводчиков в полной мере не удалось изобразить «комическое на фоне трагического» – излюбленный приём Н. В. Гоголя.

В ряде случаев Н. В. Гоголем люди сравниваются с животными и предметами. При этом автором подчёркивается их сходство. Уподобление персонажей животным – особенность гоголевского стиля. Именно эта черта придает комичность ситуациям,

в которых отражены главные герои. Приведём еще один пример, в котором показано сходство Собакевича и его жены Феодулии Ивановны с мебелью. Как пишет Н. В. Гоголь: *«все было самого тяжёлого и беспокойного свойства»*:

Н. В. Гоголь	... Чичиков еще раз окинул комнату, и все, что в ней ни было, - все было прочно, неуклюже в высочайшей степени и имело какое-то странное сходство с самим хозяином дома; в углу гостиной стояло пузатое ореховое бюро на пренелепых четырех ногах, совершенный медведь. Стол, кресла, стулья – всё было самого тяжёлого и беспокойного свойства, – словом, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: «И я тоже Собакевич!» или: «И я тоже очень похож на Собакевича!»
Перевод К. Инглиша	... Chichikov cast another glance around the room and saw that everything in it was solid and exceedingly awkward in design, bearing an uncanny resemblance to the master of the house himself; in the corner of the room stood a paunchy walnut bureau on four most absurd legs: a perfect bear. The table, chairs, arm-chairs – they all possessed this same <u>cumbrous</u> and uneasy property – in a word, each piece, each chair, seemed to be saying: «I, too, am Sobakevich» or «I, too, am very like Sobakevich!»
Перевод Р. Магуайра	... Once more Chichikov ran his eyes over the room and everything in it. Everything was as solid and clumsy as could be, and bore a certain strange likeness to the master of the house himself. In a corner of the parlour stood a pot-bellied walnut bureau on four ridiculous legs: a perfect bear. The table, the armchairs, the straight-backed chairs – all had a profoundly <u>cumbersome</u> and unsettling quality to them. In a word, each object, each chair seemed to be saying: 'And I'm Sobakevich too!' or 'And I too am very much like Sobakevich!'
Перевод Д. Хогарта	... Meanwhile Chichikov again surveyed the room, and saw that everything in it was massive and clumsy in the highest degree; as also that everything was curiously in keeping with the master of the house. For example, in one corner of the apartment there stood a hazelwood bureau with a bulging body on four grotesque legs – the perfect image of a bear. Also, the tables and the chairs were of the same ponderous, unrestful order, and every single article in the room appeared to be saying either, «I, too, am a Sobakevitch,» or «I am exactly like Sobakevitch.»

Комизм проявляется не в самом человеке или предмете его окружающем, сколько в духовных недостатках персонажей. Чувство смеха увеличивается, когда предмет не просто похож на человека, а на определённого персонажа. В этом случае его сущность, а зачастую и национальный колорит русских людей, выражается через сравнение с предметом: *«всё было прочно, неуклюже в высочайшей степени», «в углу гостиной стояло пузатое ореховое бюро на пренелепых четырех ногах, совершенный медведь», «каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: «И я тоже Собакевич!» или: «И я тоже очень похож на Собакевича!»*.

Следует отметить, что наиболее точно сущность данного фрагмента при переводе передана Р. Магуайром (*«Everything was as solid and clumsy as could be, and bore a certain strange likeness to the master of the house himself»*), вокабуляр и стилистика которого столь же лаконичны и прямолинейны, как у Н. В. Гоголя. При этом указанный переводчик использует общеупотребимую лексику: слово *«cumbersome»* в английской речи встречается гораздо чаще, нежели *«cumbrous»* (несмотря на общий корень). При передаче интонации и сатирических нот подобная практика словоупотребления более характерна оригиналу. Перевод Д. Хогарта, как уже неоднократно упоминалось, носит более резюмирующий характер, что прослеживается в его переводе фразы *«that everything in it was massive and clumsy in the highest degree»*, *«... everything was curiously in keeping with the master of the house»*.

Особый интерес представляют ситуации, в которых отражаются свойства человека. Комичность создаётся за счёт преувеличения свойств персонажа. Так, в одном из отрывков Н. В. Гоголем описывается Настасья Петровна Коробочка. Сама по себе фамилия Коробочки уже передаёт внутреннее содержание: неумное стремление к выгоде, накопительству, её интересы не выходят за пределы привычного круга всего того, что может быть предметом торговли. Чувство смеха возрастает, когда мы сталкиваемся с описанием внешнего вида помещицы:

Н. В. Гоголь	Минуту спустя, вошла хозяйка - женщина пожилых лет, в каком-то <i>спальном чепце, надетом наскоро</i> , с фланелью на шее, одна из тех матушек, небольших помещиц, которые <i>плачутся на неурожаи, убытки</i> и держат голову несколько набок, <i>а между тем набирают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки, размещенные по ящикам комодов.</i>
Перевод К. Инглиша	A minute later the mistress of the house entered, a lady of middle age, <i>wearing some sort of night cap, donned in haste</i> , with a flannel shawl about her neck, one of those smalltime landowners, <i>who are forever whining about poor harvest and losses</i> , who hold their heads somewhat inclined to one side, and <i>in the meanwhile collect a bit of money in small calico bags, distributed in various chests of drawers.</i>
Перевод Р. Магуайра	A moment later the mistress of the house came in, a woman up in years, <i>wearing some sort of hastily donned nightcap</i> , and with a piece of flannel round her neck, one of those nice old ladies, small landowners <i>who bemoan the poor harvests and the losses</i> , and who hold their heads somewhat to one side, and <i>meanwhile, slowly but surely, accumulate a tidy sum in little bags of bright calico that are tucked away in various chests of drawers.</i>
Перевод Д. Хогарта	Presently the lady of the house herself entered—an elderly woman <i>in a sort of nightcap (hastily put on)</i> and a flannel neck wrap. She belonged to that class of lady landowners <i>who are for ever lamenting failures of the harvest and their losses thereby</i> ; to the class who, drooping their heads despondently, <i>are all the while stuffing money into striped purses, which they keep hoarded in the drawers of cupboards.</i>

Важным представляется, то, что Н. В. Гоголь передаёт смех в различных тональностях. Иногда он отражается через улыбку, а в некоторых случаях – через гомерический хохот. Вместе с тем, необходимо отметить, что в данном фрагменте наблюдается сдержанность писателя. Именно наличие чувства меры создаёт у читателя в нужный момент комический эффект.

Характерные черты Коробочки наиболее ярко прослеживаются в переводе Д. Хогарта, резюмирующий стиль которого весьма уместен при живописании «портрета». Ирония и сарказм сквозят в строках Н. В. Гоголя и отражаются в слого Хогарта: *«lady landowners who are for ever lamenting failures of the harvest and their losses thereby; to the class who, drooping their heads despondently, are all the while stuffing money into striped purses, which they keep hoarded in the drawers of cupboards»*, чего явно не удалось достичь К. Инглишу и Р. Магуайру, чьи переводы близки по стилистике и экспрессии: *«In one little bag they put only the one-rouble coins, in another, the nice shiny fifty-kopeck pieces, in a third, the twenty-five kopeck ones»*.

С помощью смеха Н. В. Гоголь отражает менталитет русских людей и их национальные особенности, при этом демонстрируя своё нравственное превосходство и неприятие отрицательных черт их характера. Этот момент был наиболее точно уловлен именно Д. Хогартом при всех обозначенных выше недостатках его подхода к переводу.

Анализируя переводы гоголевского феномена «смех» был сделан вывод о том, что в большинстве случаев англоязычные переводчики упрощают сатирическую картину описываемого литературного произведения, что в свою очередь, негативно отражается на восприятии мысли, заложенной Н. В. Гоголем.

В ходе сопоставительного анализа нами выявлено, что феномен «смех» представляют серьёзную проблему при переводе на английский язык. Асимметрия фоновых знаний, непонимание замысла автора, неумение «читать между строк», что актуально для данного произведения Н.В. Гоголя, а также неточно передаваемый историко-культурный компонент приводит к трудностям перевода. В связи с этим, чаще всего, переводчики ищут собственное решение, обоснованное разнообразными факторами лингвистической и прагматической направленности.

Такая неоднозначность по отношению к исследуемому феномену представляется одним из главных критериев, характеризующим особенности гоголевского творчества в культурно-историческом плане. Юмор писателя выразился со всеми характерными чертами менталитета русских людей того периода, спецификой и национальным колоритом той исторической эпохи. Естественно, что даже современным русскоязычным читателям не

всегда просто удаётся понять юмор и комическое в текстах Н. В. Гоголя. Шутки писателя зачастую воспринимается современной читательской аудиторией как малопонятные, очень специфические, вместе с тем, отражающие исторический и национальный колорит языка автора данных литературных произведений. Нетрудно прийти к выводу, что еще сложнее и неоднозначней гоголевский «смех» понимается англоязычной аудиторией, в том числе, и самими англоязычными переводчиками, делающими попытки перевести гоголевские произведения с русского на английский язык.

Литература

1. Гоголь Н.В. Избранные сочинения. В 2-х томах. – М.: Худож. лит., 1984. – 495 с.
2. Гоголь Н.В. Поэма «Мертвые души». URL: <http://public-library.narod.ru/Gogol.Nikolai>.
3. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. – М.: Лабиринт, 2000. – 212 с.
4. Розанов В.В. Загадки Гоголя. Гений формы. Магическая страница у Гоголя // Собрание сочинений. О писательстве и писателях. – М.: Республика, 1995. – 734 с.
5. Nikolay Gogol. Dead Souls / Translated by Robert A. Maguire. – Penguin Books, 2004. – 465 p.
6. Nikolai Gogol. Dead Souls / Translated by Christopher English. – Raduga Publishers, Moscow, 1987. – 423 p.
7. Nikolai Gogol. Dead Souls / Translated by D. J. Hogarth. – Dover, 2003. – 296 p.

Муромская Э. В.

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

ПЕРЕВОД – ЯЗЫКОВОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО, СПОСОБ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ И МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Понятие перевода как межкультурной коммуникации вытекает из понимания языка как компонента культуры, как единого социально-культурного образования.

В работах отечественных и зарубежных ученых подчеркивается та особая роль, которую играет перевод в развитии культуры, науки, экономики, литературы и самого языка общения.

С того момента, как в истории цивилизации начал происходить процесс разделения людей на группы, пользующиеся разными языками (ввиду географических, исторических и культурных предпосылок), появилась проблема декодирования речи для осуществления коммуникации. А поскольку разные народы вступали и вступают в торговые, военные, политические, экономические, культурные, научные отношения друг с другом на протяжении всей истории человечества, то, несомненно, перевод является одним из древнейших видов разумной человеческой деятельности. И с древнейших времен перевод выполняет функцию межкультурного и межкультурного общения людей, как между государствами, так и на территории многонациональных государств. Примерами могут служить Древний Карфаген, Древний Египет, государства Древней Греции, Римская империя, государства Средней Азии, Индии, Ирана, включавшие в себя разноязычные племена и народности. Чем более многонациональным было государство, тем более почетное место в нем занимали переводчики. Так, в Древнем Карфагене каста переводчиков пользовалась почетом и уважением, а их эмблемой служил яркий и нарядный попугай, разноцветность оперения которого указывала, с какими именно языками работает переводчик.

Одной из важных вех в развитии перевода стало возникновение письменности. Во-первых, это дало мощный толчок для межкультурного обмена ценностями и достижениями в различных сферах деятельности человека, а во-вторых, образовался новый вид переводческой практики, а именно, письменный перевод, функционирующий с этого момента наряду с устным переводом. Переводиться стали не только устные высказывания, но и письменные тексты.

В наши дни мы стали свидетелями переводческого бума в науке и технике. Более 70 % переводчиков трудятся именно в этой области. Самый большой объем переводов приходится на деловую корреспонденцию, потребительские информационные тексты (инструкции, проспекты и т. д.), научно-технические документы, разного рода договоры, технические описания.

Человеческая склонность к обобщению происходящего в мире, накопление огромного опыта в ходе переводческой практики, подтолкнули переводчиков к синтезу имеющегося знания и созданию теории перевода.

Современная теория перевода как научное направление возникло в середине XX в. Толчком к ее возникновению и развитию послужили резкое расширение переводческой практики для удовлетворения насущных потребностей. Вторая мировая война и прямо или косвенно связанные с ней последующие политические события и изменения – Нюрнбергский процесс, распад колониальной системы, возникновение международных организаций ООН, ЮНЕСКО и военных блоков НАТО, Варшавский договор вовлекают в сферу международного общения все новые и новые народы, новые национальные языки. Как следствие растет армия переводчиков, количество языков, с которых переводят и на которые переводят.

Начинается бум сопоставительных, контрастных исследований, осуществляемых методом перевода и для перевода, которые по сути своей представляют частные теории перевода для конкретных пар языков. Теоретические изыскания приводят к формированию понятийного аппарата теории перевода, разработке основных вопросов теории перевода.

Центральным понятием теории перевода является само понятие «перевод». Содержание этого понятия изменялось на протяжении столетий и в наши дни трактуется не однозначно. Прежде всего, следует иметь в виду, что понятие «перевод» многозначно. Во-первых, данное понятие обозначает перевод как некую интеллектуальную деятельность, то есть процесс. Во-вторых, – перевод как результат этого процесса – продукт переводческой деятельности, иначе говоря, речевое произведение (текст перевода), созданное переводчиком.

Служа средством общения людей различных национальностей, перевод является средством межъязыковой и межкультурной коммуникации. Согласно А. Д. Швейцеру «перевод может быть определен как однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде... Процесс, характеризующийся установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемый различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями [1, 75].

Перевод представляет собой один из видов языкового посредничества. К видам языкового посредничества относятся также реферирование, аннотирование, пересказ, резюме. Различаются они объемом и формой передаваемой информации. Перевод отличается от сокращенного изложения, пересказа и других форм воспроизведения текста тем, что он является процессом воссоздания единства содержания и формы подлинника. «Перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка».

Следует различать так называемый учебный перевод и профессиональный перевод. Учебный перевод связан с расшифровкой иноязычного текста с целью его понимания в процессе изучения иностранного языка. Это прием, который дает возможность постичь основы иностранного языка, методы и технику перевода, углубить знания в языке.

Профессиональный перевод – это особая языковая деятельность – переводческая деятельность, направленная на воссоздание подлинника на другом языке. Эта деятельность требует специальной подготовки, навыков и умения. Она предполагает совершенное владение иностранным и родным языком, знание не только своей, но и иноязычной культуры.

Одним из принципиальных моментов при рассмотрении перевода является понимание, что общение есть взаимодействие индивидов, в котором собеседники предстают как субъекты культуры, представители определенной лингвосоциокультурной общности. А перевод, как вид посредничества является не только средством межъязыковой, но и средством межкультурной коммуникации. Рассмотрение перевода как межкультурной коммуникации вытекает из понимания языка как компонента культуры, как единого социально-культурного образования, а культуры как совокупности материальных и духовных достижений общества, включающей всю многогранность исторических, социальных и психологических особенностей этноса, его традиции, взгляды, ценности, институты, поведение, быт, условия жизни – словом, все стороны его бытия и сознания, в том числе и язык. При таком понимании язык трактуется как единое социально-культурное образование, отражающее особенности этноса как носителя определенной культуры, выделяющей и отличающей его среди других культур.

В процессе перевода взаимодействуют не только два языка и более, но две культуры, имеющие как общую, так и национальную специфику. Выявление общего, интернационального, общечеловеческого и частного, особенного, национального является принципиальным при изучении такого явления, как межкультурная коммуникация. Истоки возникновения общечеловеческого и национально-специфического выявляются при изучении таких понятий, как «концептуальная и языковая картина мира социума».

Наличие общечеловеческого начала обусловлено тем, что мышление у людей, говорящих на разных языках, в своих главных очертаниях остается сходным или одинаковым. Объясняется это физической природой человека, функциями его головного мозга, высшей нервной системы. Общности способствует единство и объективность мира, в котором живут все народы. Национальные языки многочисленных народов, существующих в этом мире, – это различные пути, способы духовного освоения действительности. Данное освоение действительности строится на одинаковых принципах человеческого мышления и ведет к адекватному постижению реального мира. Логика человеческого мышления, объективно отражающего внешний мир, едина для всех людей, на каком бы языке они ни говорили. Внешние условия жизни, материальная действительность определяет сознание людей и их поведение, формирует картину мира. Картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Этой материальной формой является язык, языковая картина мира. Именно в таком понимании язык выступает формой овладения единым, объективным миром.

В формировании картины мира язык выступает лишь формой выражения понятийного (мыслительно-абстрактного) содержания, добытого человеком в процессе деятельности (теории и практики). Принципиально язык соотносится с одним и тем же объективным миром, а расхождения в национальных концептуальных и языковых картинах этносов проистекают из различного опыта людей по освоению одного и того же мира. Как бы ни были своеобразны по своей структуре отдельные языковые модели, в конечном итоге они все являются отображением в сознании человека окружающего мира.

В то же время конкретные внешние условия существования отдельного этноса (географические, физиолого-антропологические особенности, культурно-бытовые традиции и др.) формируют специфические качества и совокупности представлений, определяющие основу национальной концептуальной картины мира и национальной языковой картины мира. Сегодня никто не сомневается в том, что языки отражают действительность по-разному, асимметрично. Когда в переводе языки оказываются в контакте, когда при описании какого-либо фрагмента действительности значения одного языка с необходимостью определяются через значения другого, асимметрия проявляется наиболее отчетливо. Мы, обнаруживаем, что языки по-разному членят действительность, различно описывают одни и те же явления и предметы, обращая внимание на разные их признаки. Так, в семантике слова отражено видение мира носителя конкретного языка. В основе номинации (назывании) лежат определенные признаки, которые могут существенно отличаться в различных языках. Рассмотрим, например, слово «очки» (для глаз). В русском языке это слово

произошло от слова «очи» – «глаза», в основу английского слова «glasses» положен материал из которого они сделаны: стекла, стекло. А французское слово «lunettes» происходит от слова «Луна», в его основу положен признак круглой Луны. Приведем еще один пример: слово «радуга» – разноцветная дуга – в русском, в английском – rainbow – дождевая дуга, а во французском – arc-en-ciel – дуга в небе. Во всех трех языках присутствует единый признак – дуга. Однако коннотации, характеристики у этой «дуги» разные, благодаря определениям в русском – «разноцветная» и в английском – дождевая и обстоятельству места «в небе» во французском языке. Таким образом, мы сталкиваемся с тем, что даже та часть языковой картины мира, которая демонстрирует внешнее подобие, т. е. представляется симметричной, является, в самом деле, неэквивалентной. Эта неэквивалентность отражает оппозицию общего и частного в когнитивной (познавательной) деятельности человека, разных уровней абстракции. Она обусловлена тем, что каждый этнос имеет собственное представление о мире, об общих явлениях культуры во всех четырех сферах (материальной, духовной, организационной и поведенческой). Речь здесь идет не только о том, что в одной этнической культуре могут отсутствовать некоторые элементы, имеющиеся в другой культуре, но и о том, что отношение к тем или иным объектам, существующим в общечеловеческой культуре, может быть различным. Эти объекты могут вызывать разные ассоциации, т. е. по-разному сопоставляться с культурным опытом народа. Например, для южан снег – экзотика, редкое явление природы, иногда пугающее и раздражающее, когда снег реально выпадает и на некоторое время останавливает жизнь в городах. В то же время снег – это символ Рождества. Для народов, живущих в средней полосе – снег обычное явление, ожидаемое (психологическая готовность) и достаточно легко переносимое в определенные периоды года. Для народов Крайнего Севера снег представляет собой одно из основных жизненных средств, обычное явление, ожидаемое (психологическая готовность) и достаточно легко переносимое в определенные периоды года. Для народов Крайнего Севера снег представляет собой одно из основных жизненных средств.

Люди разных культур по-разному выражают радость и отчаяние, любовь и ненависть, для них по-разному течет время, по-разному мир звучит и окрашивается в цвета. У одних есть предметы, отсутствующие у других, и наоборот, а кто-то до сих пор активно использует то, что уже давно вышло из употребления.

В своих логических основах мышление представителей разных социумов одинаково, однако в плане эмоционально-образного отображения действительности, на уровне внелогических оценок и переживаний сознание представителей разных этносов и не предполагает какого-либо единства. Представители разных лингвокультурных социумов переживают и оценивают по-разному, что обуславливает неповторимость мироощущения и мироощущения. В языковой картине мира выделяется целый пласт слов, словосочетаний, высказываний эмоционально-образного отображения действительности, имеющий коннотации (эмоциональную, оценочную, стилистическую окраску), мотивированность которых обусловлена национально-культурным контекстом. Например: бить баклуши – twiddle one's thumbs – se tourner les pouces. Передача в переводе эмотивных, стилистических, образных аспектов значения может играть столь же важную роль, как и передача предметно-логического содержания. Слова «солнце, луна» в коннотативном значении являются положительными характеристиками, качествами у различных народов. У северных народов солнце воспринимается как источник жизни, возрождения, радости, что и отражается, например, в обращении к человеку «Солнце мое». У народов жарких стран аналогичная коннотация просматривается скорее не в слове «солнце», а в слове «луна».

Будучи, с одной стороны, объективной системой, а с другой –результатом эмоционально-духовного творчества нации, языки фиксируют особенности мировидения народа. В процессе исторического развития фундаментальные жизненно-важные образы фиксируются в языке и передаются последующими поколениями уже в вербализованном виде. Внешние материальные условия существования этноса могут со временем измениться, однако, передаваемые языковыми средствами особенности национального менталитета продолжают вос-

производиться в последующих поколениях. То есть язык предлагает его носителям уже готовую форму оценки и восприятия и начинает выполнять функцию, которую на первоначальном этапе существования этноса выполняла внешняя среда, моделируя отчасти речевое и неречевое поведение людей как субъектов культур данного социума.

Своеобразие национальных языковых картин мира и множественность культур не является препятствием для взаимопонимания народов и преодолевается при переводе. Одним из важных и решающих практических доказательств совместимости логических и языковых систем в их познавательной сущности является неопровержимый факт взаимопонимания народов на основе перевода с одного языка на другой. Никогда в истории (кроме библейского Вавилона) языковые преграды не были непреодолимой помехой общения народов не только цивилизованных, но и народов, стоящих на разных ступенях социального развития (например, в период великих географических открытий). Однако межкультурное общение адекватно и успешно протекает только тогда, когда коммуниканты, являющиеся носителями разных культур и языков, осознают тот факт, что каждый из них является «другим» и каждый воспринимает попеременно «чужеродность» партнера. Ознакомление с культурой других народов – одна из важнейших социальных функций перевода. Переводчик-билингв является как бы «удвоенной» языковой личностью. Он воспринимает иноязычную текстовую деятельность с позиции лингвокультуры иноязычного социума. А затем переходит на родной языковой и социокультурный коды (в их нерасторжимом единстве).

Особенность переводческого билингвизма состоит, во-первых, в том, что переводческий билингвизм имеет, как правило, асимметричный характер. У большинства переводчиков доминирует один язык, данный ему с молоком матери, и одна культура, впитанная вместе с этим языком. Этот язык и эта культура подчиняют себе другие, с которыми переводчику приходится сталкиваться в переводе. Через призму доминирующего языка и доминирующей культуры понимаются смыслы, заключенные в речевых произведениях на другом языке, воспринимаются факты другой культуры. Во-вторых, в процессе перевода оба языка присутствуют в акте речи и функционируют одновременно. И переводчику постоянно приходится преодолевать интерференцию языков и культур.

Под лингвистической интерференцией следует понимать взаимовлияние двух (и более) контактирующих языков. Это взаимовлияние может быть, как положительным, так и отрицательным, и выражается в отклонении от нормы в одном языке под влиянием другого (при отрицательной интерференции) и в приобретении, закреплении и усилении навыков в одном языке под влиянием другого (при положительной интерференции). Более упрощенно под лингвистической интерференцией следует понимать вмешательство элементов одной языковой системы в другую, которое может быть как конструктивным, так и деструктивным. Выделяют несколько видов интерференции: фонетическую, грамматическую (морфологическую, синтаксическую, пунктуационную, орфографическую), лексическую, семантическую, стилистическую. В работе начинающего переводчика интерференция может проявляться практически на всех уровнях.

При коммуникации разноязычных людей необходим некий общий язык, который помог бы им понимать друг друга. В таких случаях возможным способом осуществления коммуникации является перевод. Процесс перевода подобен управлению автомобилем, которому нужен хороший водитель, чтобы двигаться в правильном направлении. Переводчик, владеющий не только обоими языками, но знающий и обе культуры, не только «двухязычен», но и «двукультурен». Стратегию переводчика можно сравнить со следованием дорожным указателям. Анализ культурных элементов перед выполнением перевода так же важен для переводчика, как для водителя, скажем, проверка уровня масла и незамерзающей жидкости перед поездкой.

Литература

1. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М., 1988.

ПЕРЕДАЧА ТОПОНИМОВ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

Среди лексических трудностей перевода с немецкого языка на русский особое место занимает передача топонимов. Географические названия в абсолютном большинстве единичны: Berlin, Harz, Rhein, Elbe, Bodensee и др. При наличии более одного топографического одноименного объекта название конкретизируется. Например: Weiße Elster – Schwarze Elster, Fränkische Alb – Schwäbische Alb, Frankfurt / Oder – Frankfurt / Main.

Топонимы – названия стран, городов, местностей, гор, рек, лесных массивов передаются, как правило, путем транслитерации и транскрипции. Топонимы связаны с государственными интересами и международной коммуникацией. Если в определенное время среди способов передачи топонимов начинает преобладать та или иная тенденция, нарушать традицию не следует, так как изменения привели бы к другим обозначениям на географических картах не в одной стране, а также в дипломатических и других документах, что могло бы привести к разного рода недоразумениям. Кроме того, некоторые географические имена являются составной частью словосочетаний, выступающих как средство номинации. Например, римское право, «венский карнавал» (Шумана), венские вальсы (Штрауса) и т. д. Если использовать транскрипцию, то мы получим: ромское право, фамилию Ромский-Корсаков, винские вальсы, парисские тайны. В ряде случаев топонимы являются также составной частью названий литературных произведений, которые уже переводились и вошли в культурный обиход носителей русского языка: «Der Kaukasische Kreidekreis» Б. Брехта – «Кавказский меловой круг»; «Römische Elegien» – «Римские элегии», «Iphigenia auf Taunus» – «Ифигения в Тавриде», «Die Braut von Korinth» – «Коринфская невеста» И. В. фон Гете и многие другие.

В зависимости от специфики топонимы могут передаваться на русский язык с использованием всех способов, которые применяются при передаче антропонимов.

Географические названия, имеющие семантику, переводятся, например: das Riesengebirge – Исполинские горы, das Felsengebirge – Скалистые горы, das Erzgebirge – Рудные горы, Kap der guten Hoffnung – мыс Доброй Надежды.

Иногда к имени собственному при переводе прибавляется нарицательное: die Antillen – Антильские острова, die Kaskaden – Каскадные горы, Bodensee – озеро Бодензее, die Adria – Адриатическое море, der Atlantik – Атлантический океан (Атлантика), der Pazifik – Тихий океан, Sankt Helena – остров Святой Елены, Kurilen – Курильские острова. Наричательная часть в географическом названии может опускаться: Saarland – Саар.

В некоторых случаях имена нарицательные в составе географических названий могут вызвать определённые трудности. Так der Böhmerwald – название гор, хотя и передается на русский язык как Богемский лес, так же Teutoburgerwald – Тевтобургский лес, Thüringerwald – Тюрингский лес являются названиями гор; Beringstraße – Берингов пролив; Nördliches Eismeer – Северный Ледовитый океан; Golfstrom – Гольфстрим; Saarbrücken – Саарбрюкен (город). Но нарицательные имена в составе топонимов так же облегчают идентификацию топонимических объектов: Friedrichstraße (улица), Alexanderplatz (площадь), Apenninhalbinsel (полуостров). Важнейшим способом передачи географических названий является транслитерация: Großer Arber – Гроссер Арбер, Jungfrau – Юнгфрау, Nordkap – Нордкап. Если географическое название имеет форму множественного числа, то она передается в соответствии с нормой языка перевода: Vogesen – Вогезы, Alpen – Альпы, Pyrenäen – Пиренеи. Грамматическое число может и не совпадать в отдельных случаях: der Apennin – Апеннины [1, 34].

Транскрипция чаще используется при передаче географических названий не немецкого происхождения, например: Lago Maggiore – Лаго Маджоре, Kilimandjaro – Килиманджаро, Djakarta – Джакарта, Cambridge – Кэмбридж.

Необходимо учитывать тот факт, что ряд городов Европы имеет наряду с национальными названиями немецкие дубликаты. Это связано с историей отношений Германии и некоторых европейских стран. В настоящее время употребление немецких дублетов оправдано лишь в том случае, если в переводимом тексте они служат цели создания определенного историко-временного колорита; во всех других случаях следует использовать национальные топонимы. Например: Breslau (нем.) – Wrocław (чех.) – Вроцлав; Brunn (нем.) – Brno (чех.) – Брно; Karlsbad (нем.) – Karlovy Vary (чех.) – Карловы Вары; Auschwitz (нем.) – Oswięcim (польск.) – Освенцим; Danzig (нем.) – Gdańsk (польск.) – Гданьск.

Для обозначения стран и городов в немецком языке часто употребляются перифразы, которые необходимо знать, чтобы отличать их от свободных словосочетаний: die grüne Insel – Ирландия, das Land der tausend Seen – Финляндия, das Land der Känguruhs – Австралия, die Goethestadt – Веймар, die Blumenstadt – Эрфурт, die Bachstadt – Эйзенах, die Messestadt – Лейпциг, die Lutherstadt – Виттенберг и Эйслебен, die Händelstadt – Галле (Халле), die Elbmetropole, Elbflorenz – Дрезден, Westathen – Мюнхен, die Donaumetropole – Будапешт, die Lagunenstadt – Венеция, die goldene Stadt – Прага, die ewige Stadt – Рим. Перифразы в языковом отношении представляют собой словосочетания или сложные существительные, которые, как правило, поддаются переводу: das Land der tausend Seen – страна тысячи озер; das deutsche Florenz – Немецкая Флоренция. В скобках можно дать общепринятый топоним: Händelstadt – город Генделя (Галле), Bachstadt – город Баха (Эйзенах) [1, 35].

Не должно вводить в заблуждение и то обстоятельство, что в разных языках существует своя традиция звуко-буквенной передачи топонимов, например, названий городов: Roma (итал.) – Rom (нем.) – Рим; Milano (итал.) – Mailand (нем.) – Милан; Vienna (австр.) – Wien (нем.) – Вена.

Названия площадей, улиц, как правило, транскрибируются, иногда транслитерируются: Unter der Linden – Унтерденлинден, Alexanderplatz – Александерплац, Kurfürstendamm – Курфюрстендам, Friedrichstraße – Фридрихштрассе. Возможен и перевод. Так, площадь в Вене Michaelerplatz – Площадь Святого Михаила; французские топонимы Place Vendôme – Вандомская площадь, Champs Elysees – Елисейские поля и др.

При переводе географических имен собственных помощь оказывают двуязычные словари, иногда следует использовать и географические карты. Это поможет избежать ошибок в некоторых сложных случаях. Так, например, город в Голландии Гаага может быть обозначен как Haag, Den Haag и 's Gravenhage; столица Бельгии – Brüssel, Brüssel, Bruxelles; Кавказ как местность обозначается по-немецки Kaukasien, Кавказские горы – der Kaukasus.

Итак, при передаче топонимов в процессе перевода используются транслитерация, транскрипция, перевод; возможно совмещение различных способов. Предпочтение, отдаваемое тому или иному способу передачи, зависит от специфики топонимов.

Литература

1. Гильчёнок Н. Л. Практикум по переводу с немецкого на русский. – 2-е изд., перераб. – М.: Каро, 2008. – С. 33–35.
2. Латышев Л. К. Технология перевода: учеб. пособие по подготовке переводчиков (с нем. яз.). – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. – 278 с.

Орехова Н. Н.

Глазовский государственный педагогический институт

«DER WARJAG» – НЕМЕЦКИЙ ОРИГИНАЛ И РУССКИЙ ПЕРЕВОД

Имя «Варяг» известно в России со времен русско-японской войны 1904–1905 гг. Столь же известна песня «Варяг», посвященная драматическому эпизоду этой войны. Само событие до сих пор вызывает споры и неоднозначные оценки (см. публикации в еженедельнике «Аргументы и факты» [1]). Однако только немногие знают о том, что первым

художественным осмыслением гибели крейсера «Варяг», в то время одного из лучших военных судов в мире, стало стихотворение австрийского литератора Рудольфа Грейнца (1868–1942). Написанное в феврале 1904, вскоре после гибели корабля, и опубликованное в журнале «Jugend», оно вскоре было переведено на русский язык переводчицей и поэтессой Евгенией Студенской (1874–1906). В статье рассматриваются лингвистические особенности оригинала и перевода в ключе адекватности/эквивалентности и комплементарно-компенсаторных стратегий и тактик как теоретической основы поэтического перевода, о чем мы неоднократно писали ранее [3, 8].

Литературный опыт Р. Грейнца связан, прежде всего, с фольклористикой: он изучал и обрабатывал легенды, сказки, баллады родного Тироля, писал этнографические заметки, выступал и с политической сатирой [4]. Профессиональное погружение автора в стихию народного творчества и определило выбор жанра: «Der Warjag» следует канону народной героической баллады [2, 3–16].

R. Grainz

Е. Студенская

Der Warjag

Памяти «Варяга»

Auf Deck, Kameraden, all' auf Deck!
Heraus zur letzten Parade!
Der stolze „Warjag“ ergibt sich nicht,
Wir brauchen keine Gnade!
An den Masten die bunten Wimpel empor,
Die klirrenden Anker gelichtet,
In sturmisch Geschütze zum Gefechte klar
Die blanken Geschütze gerichtet.
Aus dem sichern Hafen hinaus in die See,
Fürs Vaterland zu sterben,
Dort lauern die gelben Teufel auf uns
Und speien Tod und Verderben!
Es dröhnt und kracht und donnert und zischt,
Da trifft es uns zur Stelle;
Es ward der Warjag, das treue Schiff,
Zu einer brennenden Holle!
Rings zuckende Leiber und grauser Tod,
Ein Achzen, Röcheln und Stöhnen —
Die Flammen um unsers Schiff
Wie feuriger Rosse Mähnen!
Lebt wohl, Kameraden, lebt wohl, hurra!
Hinab in die gurgelnde Tiefe!
Wer hätte es gestern noch gedacht,
Dass er Zeichen, kein Kreuz wird,
wo wir ruh'n.

Fern von der Heimat, melden —
Doch das Meer das rauschet
Auf ewig von uns,
Von Warjag und seinen Helden!

Februar, 1904 [6,18].

Наверх, товарищи, все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает.
Все вымпелы выются, и цепи гремят,
Наверх якоря подымая,
Готовятся к бою, орудия в ряд
На солнце зловеще сверкая.
Из пристани нашей мы в битву идем,
Навстречу грозящей нам смерти,
За Родину в море открытом умрём,
Где ждут желтолицые черти.
Свистит, и гремит, и грохочет кругом.
Гром пушек, шипение снаряда,
И стал наш бесстрашный, и гордый «Варяг»
Подобьем кромешного ада!
В предсмертных мученьях трепещут тела,
Вкруг грохот, и дым, и стenanья,
И судно охвачено морем огня, —
Настала минута прощанья.
Прощайте, товарищи! С богом, ура!
Кипящее море под нами!
Не думали мы еще с вами вчера,
Что нынче умрем под волнами!
Не скажут ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские прославят вовек
Геройскую гибель «Варяга»!

Между февралем и апрелем 1904 г. [5, 332–333].

Метр оригинала достаточно свободен (ямб-амфибрахий), количество слогов в куплетах (катренах) варьируется (от 26 до 38), преобладает рифмовка авсв. В финальной части («сдвоенный» катрен / октава) содержатся только две концевые рифмы. Высокий эмоциональный накал поддерживается риторическими восклицаниями, лексикой (zur letzten Parade, der stolze „Warjag“, keine Gnade, fürs Vaterland zu sterben и др.), фоносемантикой

(*dröht*, *kracht*, *donnert*, *zicht* и др.). Автор удачно передает эмоциональную доминанту: готовность русских моряков выполнить свой воинский долг, погибнуть, но не сдаться противнику. При этом обобщенно (несколько отступая от свойственного балладе нарратива) изображается сам бой: готовность к нему вооружения, осознанная жертвенность русских моряков, кульминация этого «пылающего ада» (*brennende Holle*), финальная сцена с погружением в пучину моря (*hinab in die gurgelnde Tiefe*) и даже готовность к забвению (*kein Kreuz, wir ruhen, fern von der Heimat*). Если не концентрироваться на собственно версификационной технике, то «*Der Warjag*» Р. Грейнца, вне сомнения, свидетельствует об высокой эмпатии автора в изображении стойкости и верности присяге русских моряков, без страха и сожаления погибших в неравном бою (заметим, что фактический расстрел русского корабля численно превосходящей японской эскадрой вызвал отрицательную реакцию во всем мире). В этой связи хотелось бы процитировать журналиста Н. Чебак, очень тонко подметившего что «*Der Warjag*» Р. Грейнца – это «гимн героизму русских моряков, исторгнутый из глубин немецкой души» [6, 20].

В переводческом тексте, созданном Е. Студенской [7], сохранена трагико-героическая компонента, компенсированы версификационные шероховатости оригинала и очень значительно усилена эвфоническая составляющая.

Выпускница историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, Евгения Михайловна Студенская до знакомства с текстом австрийского автора уже имела немалый опыт переводов поэзии с английского, немецкого, французского, шведского, датского, итальянского и испанского языков. В числе первых она перевела баллады Р. Киплинга (1900–1901), опубликовала сборники собственных стихотворений. «*Der Warjag*» попал в руки опытного и талантливого поэта-переводчика.

В переводческом тексте несколько снижен градус эмоционального накала в описаниях страданий и гибели при сохранении общей картины неравного боя (катрены 3, 4, 5). Исчезает поэтическая, но, на наш взгляд, не очень удачная, метафора *feuriger Rosse Mähnen* «огненная грива», в переводе это – «крошечный ад». Номинации *Tod* «смерть», «умирать» сокращаются с 6 в оригинале до 4 в переводе. Вместе с тем в переводе сохраняется траурно-торжественная тональность – риторические восклицания и обращения, экспрессивная лексика, однако в меньшем объеме. Особое внимание уделяется ритмомелодической составляющей. Переводчица упорядочила строфику и метр, последний за счет увеличения амфибрахических и анапестических стоп в общем ямбическом движении стиха. Число гласных во всех строфах увеличивается до 38–40 (в оригинале 33–38). Октава 6 оригинала разделена на два катрена с более точными концевыми рифмами; рифмовка в катренах *abcb*, в 3-х катренах схема *abab*. При этом сохраняются энергичные мужские (концевые) клаузулы оригинала, что в соединении с более точной рифмовкой придает тексту отчетливо маршевое звучание. Компенсаторно-комплементарная тактика перевода значительно изменила текст. Оригинал вряд ли мог быть озвучен в вокальном исполнении, переводной же текст (с незначительными изменениями) практически сразу после опубликования был положен на музыку военным музыкантом 12-го Астраханского гренадерского полка А. С. Турищевым [7]. Впоследствии песня-марш «Варяг» стала своего рода визитной карточкой русского (и советского) военно-морского флота, звучит она и сегодня в оркестровом и хоровом исполнении.

Казалось бы, не так много сделала переводчица Е. М. Студенская: всего лишь профессионально подошла к актуальному в тот момент стихотворению австрийского литератора. Но, тем не менее, мы и сегодня с благодарностью вспоминаем «чуткую немецкую душу» автора «Варяга» Р. Грейнца и переводчицу Е. Студенскую, давшую оригиналу судьбу и жизнь, неотрывную от истории России и ее военно-морского флота.

Литература

1. Аргументы и факты. – 2004. – № 8.
2. Гусев В. Поэты и их песни // Вступ. статья. Русские песни и романсы. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 3–16.
3. Орехова Н. Н. Читая Бродского // Язык в синхронии и диахронии: коллективная монография. – Глазов: Глазов. гос. пед. ин-т, 2011 – Вып. 3. – С.173–193.
4. Студенская Е. Памяти «Варяга» // Русские песни и романсы. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 332–333.
5. Чебак Н. Автор русской народной песни о «Варяге» Рудольф Грейнци // Культура немцев России, 2008. – С. 18–20.
6. Orechova N., Cunanova S. Politische Lyrik von Heine und Ihre Übersetzungen: Probleme und Lösungen.-/Ein Man wie Heine täte uns Not. Lecturas de Heine – Barcelona. – 2007. – S. 357–370.

Электронные ресурсы

7. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki.grainz](http://ru.wikipedia.org/wiki/grainz)
8. URL: <http://www.vekperevoda.com/1855/studenskaya.htm>.

Орлова А. И., Булычева Е. А.

Удмуртский государственный университет

СОПРИКОСНОВЕНИЕ КУЛЬТУР

(А. В. Кольцов в переводе на удмуртский язык)

Отрадно отметить то обстоятельство, что творчество Алексея Васильевича Кольцова, великого русского самобытного поэта нашло благодарный отклик в душах удмуртских поэтов, писателей, философов. Доказательством тому служит второе издание его произведений в переводах на удмуртский язык, посвящённое его 200-летию со дня рождения (Ижевск: «Удмуртия» 2010).

Сборник включает 96 произведений А. В. Кольцова в переложении 9 переводчиков, из которых Мих. Горбушину и С. Перевощикову принадлежат по два перевода произведений русского поэта, а Д. Майорову, Е. Самсонову, Мих. Прокопьеву и А. Лужанину – по одному. Весь остальной корпус стихов (89 произведений) стал объектом интересов, анализа и попыток адекватной передачи на удмуртский язык трёх переводчиков: Р. Яшиной, В. Ившина, и С. Матвеева, освоивших многогранную тематику дум и песен поэта. Краткий очерк жизни и творчества А. В. Кольцова прекрасно изложен в предисловии Н. В. Витрука, при финансовой поддержке которого осуществлено издание.

Былинно-песенный характер произведений А. В. Кольцова обуславливается, с одной стороны, продолжением античной стихотворной традиции (carmen, carminis –лат. – песнь, tragedia – греч. песнь козла). Недаром А. С. Пушкин отдаёт дань этой традиции в произведении «Песнь о вещем Олеге», обратите внимание, не песня, но песнь (возвышенно). С другой стороны, А. В. Кольцов является не «наднародным» поэтом, он – само сердце народа, а потому народные былины, песни и думы – его неотъемлемая суть. Былины протяжны, их можно петь, народные думы-думушки тоже поются. Издревле и по настоящее время поются и напевно читаются церковные тексты.

Именно поэтому А. В. Кольцов создаёт не песнопения, а песни. Талант его безграничен, он мог легко писать а'la Пушкин, и это ему блестяще удавалось («Ровеснику», «Красавице», «Путник», «Осень», «Послание молодой деве», прекрасное подражание «Соловей»). Но он остаётся верен родной теме (Жизнь, думы, надежды, былины – песни народа) и манере писать песни и думы, в основном, нерифмованные в духе народных былин. Из 96 произведений 29 названы песнями, многие другие думы-былины, которые можно петь или читать нараспев: Не шуми ты рожь (С.143)

Загрустила, запечалилась
Моя буйная головушка;
Ясны очи – соколиные –
Не хотят смотреть на белый свет (Тоска по неволе. С. 274).

В качестве сравнительной характеристики плана содержания и плана выражения языка оригинала и языка перевода было выбрано стихотворение А. В. Кольцова «Раздумье селянина».

Раздумье селянина (А. В. Кольцов)

Сяду я за стол –
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?
Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга верного.
Золотой казны,
Угла тёплого
Бороны-сохи,
Коня-пахаря;
Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талант –
Силу крепкую;
Да и ту как раз
Нужда горькая
По чужим людям
Всю истратила.
Сяду я за стол –
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Произведение посвящено раздумьям одинокого молодого человека, не имеющего молодой жены, угла тихого, крестьянского хозяйства, не получившего от отца большого наследства, кроме молодецкой силушки, которая «истрачена» была по чужим людям в результате горькой нужды. Молодой человек анализирует свою жизнь, в которой он остался один с неразрешённой проблемой – как жить дальше одинокому.

В «Думах селянина» есть некоторые автобиографические реминисценции собственной судьбы Кольцова, которому всю жизнь довелось страдать от одиночества. Даже тогда, когда он был признан столичными поэтами-аристократами, он чувствовал своё единение с безысходной судьбой Российского крестьянина.

Безысходность выражена в рамочной конструкции «Раздумий». Вся жизнь селянина проходит в труде («Первая строчка»), не позволяющем даже сесть и подумать о своей судьбе: «Сяду я за стол...».

«Раздумье» нашло благодарный отклик в переводах трёх удмуртских поэтов: В. И. Ившина, Е. Самсонова и Мих. Прокопьева. Два первых переводчика являются нашими современниками. Перевод, сделанный Михаилом Прокопьевым, был напечатан в «Удмурт кылын календарьын» в 1906 году.

Представляется предпочтительным начать анализ адекватности перевода с ранней попытки переложения стихотворения на удмуртский язык Михаилом Прокопьевым.

Вуэм пилэн эсэбез
 Жок куспе пуксьыса,
 Мон эсеб карисько:
 Кызьыулом, ма каром
 Огнам йырам шуыса.
 Овол мынам зеч эше,
 Кезьыт толэсь возьманы
 Овол шунат коркае
 Тулыс но вуоз тани,
 Мон но гырыны потысал,
 Калык гырыны потоз
 Мон но гырыны потысал
 Герыен валэ ке луысал.
 Мыным атай кулыкуз
 Куанерлык гинэ кельтиз.
 Со сяна нош, оглюкет
 Кужмо мугорме кельтиз.
(Берыктиз Мих. Прокопьев).

Заголовок и первая строчка достаточно правдивы, соответствуют плану выражения кольцовских мыслей свидетельство раздумий о будущем. Следует заметить, что Михаил Прокопьев ради передачи основной идеи думы поступается кольцовой формой произведения. Если у А. В. Кольцова в «Раздумье» шесть былинных строф, то перевод М. Прокопьева представляет собой неразграниченный на строфы текст.

Перевод не обнаруживает также рамочной конструкции оригинала, свидетельствующей о безысходности положения крестьянина. Кроме всего прочего, переводчик опускает содержание пятой кольцовой строфы, где говорится о том, что силушку, наследованную от отца, отобрала судьба горькая (скитание по чужим людям). Что касается передачи содержания, то оно передано почти безупречно. Вряд ли можно упрекнуть М. Прокопьева в передаче развёрнутой картины основного занятия крестьянина: нет земли, коня-пахаря, бороны-сохи. Вместо этого у удмуртского поэта М. Прокопьева:

Калык гырыны потоз.
 Мон но гырыны потысал,
 Герыен валэ ке луысал. (С. 189)

М. Прокопьев не придаёт особого значения передаче в качестве наследия «золотой казны» как основного богатства крестьянина, в котором первое место принадлежит земле, коню, сохе-бороне, тёплому углу.

Кольцовское «Раздумье селянина» передано на удмуртский язык как «Вуэм пилэн эсебез», что в буквальном переводе на русский означает «Думы зрелого юноши». Без соотносимых стихотворению А.В. Кольцова, это могут быть думы любого молодого человека. Но Михаила Прокопьева можно понять, поскольку в удмуртском языке нет слова селянин, оно передаётся на удмуртском языке сочетанием гурт адыми, гуртысь пи. Заголовок М. Прокопьева отражает, тем не менее, само содержание произведения из которого становится ясным, чьи это раздумья. В интерпретации авторов статьи, текст принадлежит молодому человеку, который русским поэтом дважды назван молодцем. Но это молодец, уже имеющий некоторый жизненный опыт, желающий иметь семью, хозяйство, тёплый дом.

В целом, перевод М. Прокопьева можно считать достаточно адекватным, если принять во внимание, что он большее значение уделил передаче плана содержания.

Два других варианта перевода этого же стихотворения принадлежат более поздним современникам: В. Ившину и Е. Самсонову.

Гуртысь пилэн малпаськонэз (В. Ившин)	Гурт адямилэн малпанэз (Е. Самсонов)
Жок съоры пуксе но– Малпасько ай мон: Кызы тып оген Дуннеын улуд?	Жок съорам пуксё– Малпасько поннам: Дуннеын кызы Улыны оген?
Сэзъпилэн овол ук Егит кышноез, Овол ук пилэн Оскымон эшез,	Егитлэн овол Пинал кышноез, Егитлэн овол Оскымон эшез,
Зарни бур-ванез но Шуныт сэрегез, Усы-герыез, Валэз-гырисез;	Зарни казнаез, Шуныт сэрегез, Геры-усыез, Гырыны валэз;
Начар улонэн чош Атае мыным Сётиз ог зечсэ– Юн, таза кужым;	Куанерен валче Атае сётиз Одиг шуд гинэ – Сильви́ро кужым.
Ай сое но чапак Лул пыжись ёрмон Мурт калыкети Пазяса быдтиз.	Бен сое но ук Курыт кайгырон Мурт вылын дыръям Толзытиз ваньзэ.
Жок съоры пуксе но– Малпасько ай мон: Кызы тып оген Дуннеын улуд?	Жок съорам пуксё– Малпасько поннам: Дуннеын кызы Улыны оген?

Сопоставление труда переводчиков позволяет сделать вывод о том, что оба автора произвели тщательный анализ кольцовских «дум», анализ, результаты которого вылились в передаче содержания стихотворения правдивыми средствами удмуртского языка. Общий содержательный план произведения на удмуртском языке почти идентичен. Построфный же анализ переводов языка (ЯП – здесь и далее язык перевода) обнаруживает различные, но в то же время, синонимичные отдельные лексемы и словосочетания ЯП.

Кольцовское «Раздумье» (заголовок) передаётся в варианте В. Ившина как «Гуртысь пилэн малпаськонэз», т. е. «Раздумье деревенского молодого человека». Е. Самсонов передаёт заголовок как «Гурт адямилэн малпанэз» – «Дума деревенского человека» (букв. перевод), что в конечном счёте означает «дума селянина», иначе говоря, дума любого деревенского жителя без указания на его возраст. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что ЯП Е. Самсонова адекватен заголовку оригинала текста. Однако данное обстоятельство не даёт нам повода говорить о некоей неточности перевода В. Ившина и Е. Самсонова, поскольку в них дано указание возраста селянина («Молодец» – у Кольцова, молодой человек, возможно, тридцатилетнего возраста «Гуртысь пилэн малпаськонэз» – у В. Ившина; «Гурт адямилэн малпанэз» у Е. Самсонова; «Вуэм пилэн эсебез» (Думы зрелого молодого человека). Заголовки первых двух вариантов вполне оправданы, поскольку они передают внутреннюю сущность содержания, которая не была отражена в оригинале и в ЯП Е. Самсонова.

В плане выражения поздние переводчики правдиво передают композицию «Раздумья», в форме рамочной конструкции, композицию, начало и конец которой свидетельствуют о безысходном положении крестьянина в до-, так и послереволюционной России.

Первая строфа ЯП авторов различается порядком слов (прямой ПС и инверсия – обратный ПС), что не влияет на передачу сути содержания: 1 строфа, 3–4 строчки.

Ившинское «Сэзь пилэн...» наиболее точно соответствует русскому слову «молодец» по сравнению с Самсоновским «егит» просто молодой человек с указанием возраста, но с отсутствием качества.

Третья строфа оригинала передана в обоих вариантах почти адекватно, так что «конь пахарь» оригинала дан у В. Ившина сочетанием двух существительных «валэз-гырисез», у Самсонова же – глагола и существительного «гырыны валэз». Четвёртая и пятая строфы переданы идентично содержанию оригинала.

Кольцовское «Раздумье селянина» представляет собою думы былинного характера, не имеющие рифмы. Переводы же на удмуртский язык рифмованы либо полностью (Мих. Прокопьев), либо частично (В. Ившин – 2, 3, 4 строфы; Е. Самсонов – 2, 3 строфы).

В переводе Михаила Прокопьева использован разноразмерный стих минорной окраски, не разграниченный на строфы.

Анализ переводов заставляет непроизвольно задуматься о том, почему среди множества стихотворений А. В. Кольцова три известных удмуртских писателя выбрали именно «Раздумье селянина». Найти ответ не представляется сложным: все три писателя являются выходцами из крестьянской среды, все трое заинтересованы, как и А. В. Кольцов, судьбами российского крестьянства.

В заключение можно сказать, что взаимодействие культурных связей между нашими народами имеет глубокие корни, они не прекращаются и в настоящее время.

Панина А. Н.

Удмуртский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ БАРЬЕРОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале переводческой деятельности)

Проблемы межкультурной коммуникации привлекают внимание все большего числа исследователей, что связано со всеобщей глобализацией и постепенным размыванием границ между государствами и народами. Существуют различные линии исследований в этой области.

В отечественной науке просматривается изначальная лингвистическая направленность исследований по межкультурной коммуникации. Ряд исследователей сосредоточивает внимание на лингвострановедении (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Г. Д. Томахин), других интересует этнолингвистика, которая изучает вопросы взаимодействия языка с различными аспектами жизни этносов, роли языка в формировании и функционировании народной культуры, национальной психологии и искусства (А. С. Герд, М. М. Копыленко). Многие ученые концентрируют внимание на лингвокультурологии; представители этого направления (В. В. Воробьев, М. А. Кулинич, В. А. Маслова) занимаются изучением обрядов, поверий, ритуалов и обычаев, закреплённых в языке, их интересуют стереотипы, символы и образы языка, языковой этикет [2, 17–19].

Однако в последнее время наблюдается повышенное внимание к вопросам межкультурной коммуникации со стороны исследователей, чьи интересы лежат за пределами лингвистики. Представители таких гуманитарных наук как психология, педагогика, культурология, социология, теория коммуникации, этнология, семиотика постоянно обогащают теорию межкультурной коммуникации новыми подходами и исследованиями. К новым тенденциям в изучении межкультурной коммуникации можно отнести культурно-антропологический подход, для которого характерно внимание не только к непосредственному процессу коммуникации, но и к обусловленности этого процесса социокультурным опытом, знаниями, ценностями и представлениями, исторически сложившимися в каждой культуре и усвоенной ее носителями [2, 3–7].

Проблемы межкультурной коммуникации очень актуальны для переводческой деятельности, потому что для ее успешного осуществления, как показывает практика, не достаточно одного знания двух задействованных языков. Работа переводчика подразумевает умение преодолевать многие барьеры, специалисты в области теории перевода и методики его преподавания в своих работах неоднократно затрагивали проблемы существующих барьеров. В частности, Л. К. Латышев и А. Л. Семенов предлагают выделять в качестве детерминанта переводческих действий лингвоэтнический барьер. Под лингвоэтническим барьером они понимают, прежде всего, расхождение в языковых системах двух языков, но в это понятие также входят языковая и речевая норма, выступающие неким фильтром, через который отсеивается все ненужное, что в языке не существует и в речи не употребляется. Кроме того, в понятие лингвоэтнического барьера входят запасы экстралингвистических знаний, сформированные у представителей различных культур [1, 104–108].

Анализ имеющейся литературы по теории и практике перевода, а также методике его преподавания позволяет выделить четыре группы барьеров:

1) лингвистические барьеры; 2) культурологические барьеры; 3) коммуникативные барьеры; 4) личностные барьеры. Лингвистические барьеры включают в себя многие факторы: семантические (разница в значениях слов, «ложные друзья переводчика», разница в формах обращения и т. д.); фонетические (недоступность произнесения определенных звуков для различных языков); грамматические (отсутствие в некоторых языках определенных грамматических категорий или разное их выражение). К лингвистическим барьерам относятся также особенности речи, связанные с типом дискурса, которые вынуждают переводчика использовать соответствующие языковые средства. Коммуникативные барьеры предполагают необходимость учета типа коммуникативной ситуации, характера взаимоотношений и статуса коммуникантов. К культурологическим барьерам относится непонимание и / или неприятие культурных традиций участников коммуникации); наконец, к личностным барьерам можно отнести личное неприятие, симпатию / антипатию, вызванную принадлежностью к разным психотипам и т. д.

Для успешного преодоления всех перечисленных барьеров необходимо специально готовить будущих переводчиков. На переводческих факультетах и отделениях перевода филологических вузов основное внимание традиционно уделяется лингвистической подготовке. В рабочих программах учебных заведений, обучающих переводчиков, обычно выделяют два основных вида перевода, обусловленных формой речи – устный перевод и письменный перевод (Нижегородский лингвистический университет). В зарубежных вузах принято разграничивать преподавание перевода по сферам его применения – юридический перевод, экономический перевод (Барселонский университет).

Проблемы межкультурной коммуникации обычно преподаются и изучаются отдельно, изолированно от теории и практики перевода, хотя, на наш взгляд, они должны рассматриваться в тесной связи, так как именно в процессе перевода наиболее ярко проявляются различия в картинах мира, свойственных носителям разных языков и культур и их коммуникативных практиках. В свете всего вышесказанного, на кафедре перевода и стилистики английского языка Института иностранных языков и литературы УдГУ предпринимаются попытки преподавания перевода в тесной связи с проблемами межкультурной коммуникации. Студенты изучают, например, такие курсы как: «Перевод и публичное выступление», «Язык Интернет как отражение межкультурного взаимодействия», «Отражение ценностных ориентаций американской культуры в литературе США и проблемы ее перевода», «Перевод в рекламной коммуникации», «Коммуникативные аспекты перевода аудио-визуальных текстов» и др. Тем не менее, назрела необходимость разработки курса, или даже тренинга по проблемам коммуникативного характера, с которыми обычно сталкиваются устные переводчики в реальной переводческой практике, прежде всего, в сфере бизнеса. Такой курс должен интегрировать формирование поведенческих навыков и переводческих компетенций.

Литература

1. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 192 с.
2. Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Высш. школа, 2005. – 310 с.

Пиврик Д. Ю.

Витебский государственный университет, Белоруссия

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПРИЧАСТИЯ И ПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Причастие – класс слов, уникальных по своим морфологическим свойствам. В науке о языке нет единой точки зрения на принадлежность его к определённой категории. Отношение причастия к глаголу и прилагательному вызвало то, что отдельные учёные по-разному определяли его место среди частей речи. Таким образом, по своим морфологическим и функциональным признакам причастие как часть речи интересно для изучения. Не менее интересным является функционирование причастия в произведениях художественной литературы, так как его употребление свойственно в большей степени книжному стилю.

В английском языке существуют три основные формы причастия.

Причастие I (неопределённое), имеющее от переходных глаголов и глаголов, принимающих предложное дополнение, формы действительного и страдательного залога, а от непереходных глаголов – только форму действительного залога.

Причастие II (неопределённое), имеющее от переходных и принимающих предложное дополнение глаголов лишь форму страдательного залога, а от непереходных глаголов – неперебиваемую форму, употребляемую только в сложных временах.

Перфектное причастие, имеющее от переходных глаголов формы действительного и страдательного залога, а от непереходных глаголов только – форму действительного залога [2, 164].

Причастие, употребляемое в функции определения, переводится на русский язык соответствующим причастием:

Latin was the ancestor of all the languages mentioned. Латынь была предком всех упомянутых языков.

Причастный оборот в функции определения переводится причастным оборотом с соответствующей формой причастия или определительным придаточным предложением [2, 191]:

The study was dimly lit by a candle burning in the adjoining room. Кабинет был слабо освещен свечой, горевшей (которая горела) в соседней комнате.

Английские обстоятельственные причастные обороты переводятся на русский язык:

- 1) деепричастным оборотом, 2) группой отглагольного существительного с предлогом *при*, 3) обстоятельственным придаточным предложением:

Reading this book the student found out many interesting things. Читая эту книгу, студент обнаружил много интересного. Когда студент читал эту книгу, он обнаружил...

Перфектное причастие подчеркивает последовательность событий, действий [3, 81]:

Having thus finished his talk the speaker smiled and waited for comments. Закончив таким образом свое сообщение, докладчик улыбнулся и стал ждать выступлений.

Причастный оборот с причастием I действительного залога переводится на русский язык: деепричастным оборотом с соответствующей формой причастия (без союза); отглагольным существительным с предлогом «при»; придаточным обстоятельственным

предложением, подлежащее которого совпадает с подлежащим главного предложения (оно повторяется или вместо него ставится местоимение), а сказуемое (личная форма глагола) образуется из английского причастия; союз в этом случае сохраняется:

When showing his finds the archaeologist gave a detailed description of the site. Показывая свои находки, археолог давал подробное описание места раскопок. При показе (демонстрации)... *Когда археолог показывал свои находки, он давал подробное описание места раскопок.*

При переводе оборотов с причастием II страдательного залога необходимо помнить, что причастие II – это причастие страдательного залога и что подлежащее главного предложения (также совпадающее с субъектом действия оборота) не действует, а подвергается действию, выраженному причастием:

If taken separately these words mean the following. Если их взять отдельно, эти слова означают следующее.

Причастие — как первое, так и второе — может быть вторым элементом особого комплекса — «абсолютной номинативной конструкции» (Nominative Absolute Construction):

Первый элемент — существительное, субстантивное словосочетание, личное местоимение, (редко) местоимение *it* или *this*;

Второй элемент — причастие I (в любой из своих форм), одно или с зависимыми словами; причастие I в роли связки + предикатив; причастие II, одно или с зависимыми словами [1, 226]:

George yawning, the conversation dropped (Galsworthy).

Причастный оборот в качестве вводного члена предложения обычно выражает собственное мнение или высказывание автора. Такой оборот переводится соответствующим русским вводным предложением с союзом «если» или деепричастием. Оборот всегда выделяется запятыми:

Put another way, the conclusion is quite obvious. Говоря иначе, вывод совершенно очевиден.

Оборот "объектный падеж с причастием" представляет собой сложное дополнение, которое состоит из существительного в общем падеже или местоимения в объектном падеже и причастия. В том случае, если оборот образован с причастием I, сказуемое дополнительного придаточного предложения следует переводить глаголом несовершенного вида:

She never saw him striking or heard him abusing me. Она никогда не замечала, что он бьет и обижает меня.

Оборот «именительный падеж с причастием» образуется из подлежащего (существительного или местоимения) и сложного сказуемого, состоящего из глагола типа *to consider* – считать, *to find* – находить, *to show* – показывать в страдательном залоге и причастия I или II. При переводе глагол в форме страдательного залога выносится вперед в виде неопределенно-личного предложения. За ним следует дополнительное придаточное предложение с союзом «что» (или «как»), сказуемое которого соответствует английскому причастию, а подлежащее – английскому подлежащему [2, 181–184]:

He was seen descending the staircase. Видели, как он спускался с лестницы.

Выводы:

1. В английском языке три основные формы причастия.
2. В предложении причастие может употребляться в функции определения, обстоятельства, вводного члена. В этих функциях может выступать как одиночное причастие, так и его обороты.
3. Причастие часто используется в следующих конструкциях: абсолютная номинативная конструкция, объектный падеж с причастием, именительный падеж с причастием.
4. Перевод причастия напрямую зависит от его функции в предложении.

Литература

1. Бархударов Л. С., Штелинг Д. А. Грамматика английского языка. – М.: Высш. шк., 1969. – 422 с.
2. Мальчевская Т. Н. Сборник упражнений по переводу гуманитарных текстов с английского на русский. – Л.: АН СССР, 1970. – 214 с.
3. Михельсон Т. Н., Успенская Н. В. Практический курс грамматики английского языка. – СПб.: Специальная литература, 1995. – 255 с.

Сдобников В. В.

Нижегородский государственный лингвистический университет

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА В РАЗНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЯХ: ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА

Недавно на одной из конференций переводоведов речь зашла о проблеме оценки качества перевода. В ходе оживленной дискуссии я задал вопрос: «А кто, собственно, оценивает перевод?». Председательствующий на секционном заседании не задумываясь ответил: «Мы!». Мы – это переводоведы, критики перевода. Мои попытки объяснить, что в реальной ситуации переводоведов просто нет, что они никак не задействованы в акте межкультурной и межкузыковой коммуникации, оказались безрезультатными.

Я привел этот пример, чтобы показать, насколько стереотипным – и оторванным от реальной действительности – является представление переводоведов о задачах науки о переводе и насколько ущербным является сам подход к изучению перевода, сводящийся лишь к установлению определенных отношений между текстом перевода (ПТ) и исходным текстом (ИТ). Этот подход иначе как текстоцентрическим я назвать не могу. Когда речь заходит об оценке качества перевода, все сводится к рассуждениям о том, насколько полно и точно информация, в том числе стилистическая, была передана в тексте перевода. В лучшем случае к критериям оценки относят и требование естественности языка ПТ, то есть отсутствие нарушений нормы и узуса ПЯ, что, если вдуматься, уже несколько расходится с постулатами текстоцентрического подхода, поскольку предполагает учет реакции на ПТ со стороны его получателя, то есть некоторый антропоцентризм.

С точки зрения текстоцентрического подхода к переводу вполне достаточно сопоставить ПТ с ИТ и оценить степень естественности языка ПТ, чтобы дать заключение о качестве перевода. Получается, что тексты существуют как бы сами по себе, безотносительно к тем, кто их создает и кто ими пользуется, и функции текстов во внимание не принимаются. Исследователи не учитывают, что *в реальной жизни* эта процедура осуществляется далеко не всегда, что оценка качества перевода производится не только, а часто и не столько с учетом близости перевода к оригиналу, но и с учетом степени полезности ПТ для его получателя или того, кто инициирует переводческий акт (инициатора перевода).

С точки зрения *коммуникативно-функционального подхода* к переводу всякий текст есть инструмент коммуникации: он не существует сам по себе, а призван обеспечить взаимодействие субъектов и помочь им в осуществлении их предметной (производственной или познавательной) деятельности. Сам перевод как деятельность включен в контекст более широкой деятельности разноязычных коммуникантов. Поэтому мы определяем **перевод** как **речевую деятельность переводчика по созданию текста на ПЯ с опорой на текст на ИЯ, результат которой призван обеспечить успешную предметную деятельность инициатора перевода и коммуникантов в соответствии с целью перевода в данной коммуникативной ситуации.** Из этого определения следует, что, оценивая качество перевода, следует принимать во внимание особенности коммуникативной ситуации, в которой осуществляется перевод (КСП), включая цель перевода. Если переводной текст

соответствует потребностям получателя и/или инициатора перевода, если он может быть успешно использован ими в интересах их предметной деятельности, то его вполне можно признать адекватным переводом. Таким образом, **адекватность** определяется нами как **такое качество перевода, которое позволяет использовать ПТ с той целью, с которой он был создан, в рамках определенной предметной деятельности участников акта межъязыковой коммуникации и/или инициатора перевода, осуществляемой в соответствующей коммуникативной ситуации.** Адекватность – наивысший критерий оценки качества перевода и цель перевода.

Может, однако, возникнуть ощущение, что мы полностью игнорируем связь между переводом и оригиналом, что любой текст, безотносительно к тому, насколько точно он воспроизводит оригинал, может удовлетворять потребности получателя. Это утверждение в корне не соответствовало бы нашей концепции. Во-первых, уже в предложенном нами определении перевода содержится указание на то, что ПТ создается «с опорой на текст ИЯ». Во-вторых, эквивалентность – второй критерий оценки качества перевода – признается нами в качестве одного из условий обеспечения адекватности: установление отношений эквивалентности на оптимальном уровне есть условие адекватности перевода. Отношения между двумя категориями – это отношения иерархии и взаимозависимости: выбор между уровнями эквивалентности влияет на степень адекватности перевода, а задача достижения адекватности перевода определяет установление отношений эквивалентности на оптимальном для данной коммуникативной ситуации уровне.

Мы разделили все КСП на ситуации двух типов: КСП, в которых перевод предполагался изначально – КСП-1 (все ситуации устного перевода плюс ситуация перевода дипломатических, некоторых юридических и коммерческих материалов), и ситуации, в которых перевод изначально не предполагался – КСП-2. КСП-2 подразделяются на виды в зависимости от личности инициатора перевода. В качестве инициатора могут выступать автор ИТ, получатель ПТ, заказчик ПТ или переводчик. Соответственно, выделяются четыре вида КСП-2: КСП-2_{автор}, КСП-2_{recipient}, КСП-2_{buyer}, КСП-2_{trans}.

В начале статьи мы привели пример расхожего заблуждения относительно субъекта оценки качества перевода. Представляется, что в разных коммуникативных ситуациях в качестве субъекта оценки могут выступать разные люди, так или иначе причастные к акту переводной коммуникации или задействованные в нем.

В КСП-1 присутствуют более одного субъекта оценки качества перевода: получатель ПТ, и отправитель ИТ и, в конечном итоге, инициатор перевода (заказчик). Главным субъектом конечной оценки качества перевода является получатель ПТ. Именно он определяет степень адекватности перевода как соответствие/несоответствие ПТ его собственным ожиданиям. При этом у получателя ПТ есть определенное представление о параметрах данной коммуникативной ситуации как прототипических характеристиках, обеспечивающих единство данной ситуации. «Соответственно, качество перевода удовлетворяет адресата в той мере, в которой для него сохраняется это впечатление единства коммуникативной ситуации» [1, 85]. Когда ощущение целостности ситуации нарушается, получатель ПТ испытывает «коммуникативный дискомфорт».

Критерии оценки качества перевода в КСП-1, вслед за С.Калина, можно объединить в три категории: содержательные (точность и полнота передачи содержания, связность текста), языковые (соблюдение грамматических норм, акцент, корректное употребление терминологии), презентационные (уверенная манера держаться, голос, интонация, дисциплина) (излагается по [2, 62]). Заметим, что все перечисленные параметры качества перевода действительно могут восприниматься получателем ПТ за исключением одного – точности и полноты передачи содержания: носитель ПЯ, не знающий ИЯ, не может судить о полноте передачи информации. Для него более важным индикатором является наличие в ПТ логических сбоев, то есть нарушений логической структуры текста, которые он не объясняет наличием аналогичных сбоев в оригинале, а склонен винить в них переводчика, подозревая, что тот что-то опустил или исказил.

Признается, что для устного перевода важны критерии презентационного характера, обычно не принимаемые во внимание при текстоцентрическом подходе к переводу. Важность этих критериев определяется неразрывность связи двух компонентов сообщения – содержания и формы. Каждый из них может по-своему влиять на другой компонент, усиливая или ослабляя его и – одновременно – воздействуя на характер восприятия сообщения в целом. Известно, что получатели перевода могут весьма негативно оценить вполне точный с точки зрения содержания перевод, если он произносится тихим голосом, невнятно, неразборчиво. И наоборот, несовершенный в содержательном отношении перевод, произнесенный уверенно, представляется получателям ПТ вполне качественным²⁴. О презентационных критериях оценки устного перевода пишет и К. Е. Калинин, включая в перечень требований к переводу умение переводчика контролировать фонетическую сторону произносимого им текста, отсутствие лишних движений, а также требование начинать перевод (речь идет о последовательном переводе) не позднее двух секунд после окончания произнесения оригинала [3, 97].

Таким образом, в ситуации КСП-1 с точки зрения получателя переводной текст должен удовлетворять следующему набору требований:

- содержащаяся в нем информация должна соответствовать параметрам данной коммуникативной ситуации и сам ПТ должен нести ожидаемый смысл;
- построение текста должно быть логичным;
- стилистика ПТ должна воспроизводить стилистику ИТ настолько, насколько это допускается жанровыми конвенциями в ПЯ и факторами социокультурного порядка;
- презентация текста должна соответствовать требованиям, определяемым данной коммуникативной ситуацией.

Эти общие требования применимы во всех видах КСП-1, однако в структуре оценки качества перевода их значимость неодинакова. Большее значения для получателя ПТ имеет фактор наличия в тексте смысла, доступного для понимания, и логичность изложения информации, нежели языковые критерии.

Вторым субъектом оценки качества перевода в коммуникативной ситуации КСП-1 является автор ИТ. На первый взгляд, это утверждение спорно: текст перевода обращен не к нему и автор ИТ, не зная языка перевода, вроде бы не может оценить качество работы переводчика. Однако и получатель перевода, и автор оригинала связаны друг с другом отношениями взаимодействия, успех их совместной деятельности (конференция, интервью, экскурсия, шеф-монтаж и т. п.), равно как и успех предметной деятельности каждого из них определяется качеством перевода, которое оценивается как получателем ПТ, так и автором ИТ. Однако автор ИТ делает выводы о качестве деятельности переводчика не на основе анализа текста перевода, который он не способен воспринять и понять, а на основе анализа реакции со стороны получателя ПТ (feedback). В таком виде КСП-1, как шеф-монтаж, о точности перевода свидетельствуют правильные операции, технология которых была разъяснена в оригинале. При экскурсионном обслуживании соответствие перевода ожиданиям гида может подтверждать уместными вопросами экскурсантов. По сути, для автора ИТ единственным критерием оценки качества перевода является соответствие реакций получателя ПТ его ожиданиям. Критерии лингвистического характера при этом не задействуются. Последнее утверждение справедливо лишь в том случае, если автор ИТ не знает языка перевода.

Третьим субъектом оценки качества перевода в коммуникативной ситуации КСП-1 является инициатор перевода (заказчик). К заказчикам-инициаторам перевода в ситуациях КСП-1 относятся представители департаментов лингвистического обеспечения, протокольных отделов, руководители компаний и организаций разного рода, туристических агентств, средств массовой информации и т.п., выступающие в качестве организаторов различных мероприятий (конференций, круглых столов), производственных операций (шеф-монтаж)

²⁴ Анн Шёлдагер, ссылаясь на материалы АПС, пишет: «Предпочтение было отдано менее способным переводчикам, допускавшим большее количество неточностей, поскольку у них был приятный голос и уверенная подача сообщения (перевод мой. – В. С.)» [4, 190].

и прочих событий, предполагающих межъязыковую и межкультурную коммуникацию. Для инициатора перевода единственным способом оценить перевод является получение отзывов от непосредственных участников межъязыковой коммуникации о качестве перевода. Не случайно в последнее время организаторы многих международных конференций по завершении мероприятия проводят анкетирование участников-делегатов с целью узнать, насколько те удовлетворены качеством предоставленного им устного перевода.

Однако следует признать, что в ситуациях КСП-1 оценки качества перевода, сделанные разными субъектами, – это оценки разного уровня. Инициатор перевода оценивает перевод, исходя из того, насколько он оказался удачным для обеспечения успеха мероприятия. Автор ИТ оценивает перевод с точки зрения соответствия его, автора, коммуникативной интенции и ценности для осуществления его предметной деятельности. Получатель ПТ, помимо этого, оценивает также и качество самого текста перевода, и форму представления этого текста (презентацию, англ. *delivery*).

В ситуации КСП-2_{автор} в качестве объекта перевода выступает, как правило, художественный текст, хотя можно допустить ситуации, когда автор переводит свою научную статью, чтобы затем предложить ее для публикации в зарубежном журнале. Фактически, мы имеем дело с двумя ситуациями в рамках КСП-2_{автор}. Ситуация, в которой переводу подвергается специальный текст (научная статья) представляется более простой с точки зрения выделения субъекта оценки. Таковым, несомненно, является представитель того печатного издания, в котором должен быть опубликован материал. Именно он отвечает за соответствие публикуемых статей тем требованиям, которые предъявляются к научным статьям с точки зрения не только содержания, но и, прежде всего, языковой формы. Роль читателя в оценивании качества перевода оказывается вторичной. Не имея возможности сравнить перевод с оригиналом, он может лишь сформулировать свои замечания к тексту, если они у него действительно возникают. Но последнее маловероятно, при условии, что текст прошел серьезную предварительную правку.

В ситуации КСП-2_{автор}, когда переводу подвергается художественный текст по инициативе самого автора, определяющей, по нашему мнению, является оценка критика перевода. Критик перевода – лицо, не входящее в структуру межъязыковой коммуникации, это своего рода «стороннее лицо», не причастное к общению между автором оригинала и читателем перевода. Именно он устанавливает, насколько успешной является интеракция между автором и читателем ПТ, реализована ли коммуникативная интенция автора в тексте перевода и если нет, то по каким причинам. Но не следует преуменьшать и роль получателя ПТ – читателя как одного из субъектов оценки. Воспринимая текст художественного произведения, он не может не выносить собственного суждения об этом тексте. Другое дело, что в структуре его оценки аспекты, относящиеся собственно к произведению как таковому, преобладают над аспектами, относящимися к переводу этого произведения. Последние возникают тогда, когда ощущение испытываемого им дискомфорта читатель объясняет не особенностями произведения (позиция автора, характер высказанных идей, определенные образы и т.п.), а недостаточно высоким качеством перевода (наличие алогизмов или серьезные нарушения нормы и узуса ПЯ, а также несовершенство стиля, делающее чтение книги просто неинтересным). Таким образом, в этой ситуации, по сравнению с предыдущей, роль получателя ПТ уже не столь второстепенна.

В коммуникативной ситуации КСП-2_{recipient}, в которой инициатором перевода является получатель ПТ, он же выступает и в роли субъекта оценки качества перевода. В данном случае речь идет о переводе специального текста, и этот текст в переводе предназначен для использования самим реципиентом в рамках его предметной деятельности (например, инструкция по эксплуатации бытового прибора, инструкция по применению лекарственного препарата и т. п.). В обиходном сознании оценка реципиента сводится к категории «понятно / непонятно». Учитывая цель перевода – донести необходимую получателю информацию до его сознания, – переводчик может существенно преобразовывать текст, уменьшая тем самым степень эквивалентности перевода по сравнению с той, что могла бы быть установлена, если бы перевод выполнялся для специалистов. Например, термины могут заменяться обиходными словами

(«инъекция» – «укол», «препарат» – «лекарство»)), стиль, характерный для технического документа, может упрощаться до стиля обиходного дискурса. Кроме того, может осуществляться сокращенный, выборочный перевод тех фрагментов текста, в которых содержится необходимая получателю информация (об установке и подключении прибора, о противопоказаниях к применению препарата и т. п.). При этом перевод может осуществляться как в письменной, так и в устной форме (например, в режиме перевода с листа). Таким образом, при переводе устанавливаются такие отношения эквивалентности между ИТ и ПТ, которые соответствуют условиям данной коммуникативной ситуации и цели перевода и обеспечивают адекватность перевода, то есть возможность практического использования ПТ в предметной деятельности получателя.

В коммуникативной ситуации КСП-2_{buyer}, в которой в качестве инициатора перевода выступает заказчик перевода, вопрос с субъектом оценки качества решается не столь однозначно: в данной переводческой конstellляции задействовано довольно большое количество субъектов, каждый из которых может стать оценщиком качества перевода в зависимости от типа переведенного текста и того, чьи потребности этот текст должен удовлетворять.

В качестве объекта перевода может выступать и художественный текст, и специальный. Заказчиком перевода художественного текста может быть, например, издательство или компания, занимающаяся кинопрокатом. Поскольку речь идет о художественном тексте, то так же как в ситуации КСП-2_{автор} субъектами оценки качества перевода являются, прежде всего, критики перевода, а во-вторых, – получатели ПТ (читатели, зрители).

Размещая заказ на перевод специального текста, заказчик предполагает, что будет использовать его в своей предметной деятельности в качестве инструмента этой деятельности. Здесь можно рассмотреть в качестве примеров следующие ситуации. Во-первых, перевод технической документации, необходимой для установки и эксплуатации оборудования. В качестве субъекта оценки качества перевода в данном случае выступают специалисты, непосредственно пользующиеся этой документацией, то есть конечные пользователи ПТ. Роль заказчика перевода как субъекта его оценки вторична: он обращается к этому вопросу, только если качество недостаточно высокое и специалисты говорят руководителю, что им затруднительно использовать данный текст.

Другая ситуация как разновидность КСП-2_{buyer} – перевод материалов специального характера, которыми ни сам заказчик, ни его представители непосредственно пользоваться не будут. Это может быть, например, перевод доверенности для совершения сделок купли-продажи имущества в другой стране либо перевод документов об образовании для продолжения обучения за рубежом. Очевидно, что лично заказчику перевод этих материалов не нужен, но ему нужно, чтобы они были переведены и представлены в соответствующие органы, и только тогда его предметная деятельность (приобретение имущества, обучение в зарубежном вузе) будет осуществлена. Основным субъектом оценки является, несомненно, конечный получатель ПТ. Если текст перевода его по каким-то причинам не удовлетворяет, он сообщает об этом заказчику перевода и тот также формулирует свое мнение о переводе (и переводчике), выступая уже в роли вторичного субъекта оценки качества перевода.

В коммуникативной ситуации КСП-2_{trans} в качестве инициатора перевода выступает сам переводчик. Объектами перевода могут быть художественные или публицистические тексты, имеющие, по мнению переводчика, особую значимость и обладающие особыми достоинствами.

При переводе художественного текста распределение обязанностей между задействованными в процесс субъектами общее для художественного перевода: роль субъекта оценки качества играет, прежде всего, критик перевода, а затем – читатели перевода.

При переводе публицистических материалов (например, выступлений) основным субъектом оценки качества является читатель ПТ. Как это бывает в некоторых других ситуациях, получатель ПТ задумывается о качестве перевода лишь в том случае, если текст грешит определенными недостатками, вызывающими дискомфорт получателя.

Однако важным представляется и тот факт, что переводчик, предлагая перевод читательской аудитории, может решать и собственную переводческую задачу. Это означает, что

роль переводчика как субъекта оценки (точнее – самооценки или автооценки) качества перевода повышается: предполагая возможную реакцию на перевод со стороны его получателей, то есть прогнозируя степень адекватности перевода, переводчик одновременно оценивает и то, насколько успешно он решил поставленную перед собой особую задачу. Для переводчика решение подобной задачи также есть одно из условий достижения адекватности перевода.

Мы считаем возможным представить распределение субъектов оценки качества перевода в зависимости от коммуникативных ситуаций (КСП) в виде следующей таблицы:

КСП	Инициатор	Тип текста	Субъект оценки
КСП-1 _{formal}	Заказчик (стороннее лицо)	Специальный	1- получатель ПТ 2- автор ИТ 3- заказчик
КСП-1 _{informal}	Заказчик (стороннее лицо)	Разговорный (обиходный дискурс)	1- получатель ПТ 2- автор ИТ 3- заказчик
КСП-2 _{автор}	Автор ИТ	Специальный	1- редактор (заказчик) 2- получатель ПТ
		Художественный	1- критик (стороннее лицо) 2- получатель ПТ
КСП-2 _{recipient}	Получатель ПТ	Специальный	1- получатель ПТ
КСП-2 _{buyer}	Заказчик	Художественный	1- критик 2- получатель ПТ 3- заказчик
		Специальный	1- получатель ПТ 2- заказчик
КСП-2 _{trans}	Переводчик	Художественный	1- критик 2- получатель ПТ 3- переводчик
		Публицистический*	1- получатель ПТ 2- переводчик

Из таблицы видно, что во всех коммуникативных ситуациях одним из субъектов оценки качества перевода является получатель перевода, причем в большинстве случаев он – главный субъект оценки. Это говорит о важной роли получателя переводного текста в формировании общего представления о качестве перевода в конкретных переводческих ситуациях и задает общую установку на учет ожиданий получателя ПТ в процессе осуществления перевода и при оценке результата перевода. Данная установка полностью согласуется с коммуникативно-функциональным подходом к переводу, согласно которому перевод – это деятельность, осуществляемая в интересах других лиц и обеспечивающая успех их предметной деятельности.

Литература

1. *Иванова Т. В.* Оценка качества устного перевода: коммуникативный подход // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Вып. 14. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2011. – С. 79–87.
2. *Иванова Т. В.* Критерии оценки качества устного перевода с точки зрения получателя // Проблемы перевода, лингвистики и литературы: сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». – Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2012. – Вып. 15. – Т. 1. – С. 61–67.
3. *Калинин К. Е.* К вопросу о критериях оценки учебного устного перевода // Проблемы изучения языка и перевода: сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». – Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009. – Вып. 12. – С. 95–98.
4. *Schjoldager A.* Assessment of Simultaneous Interpreting // Teaching Translation and Interpreting-3. New Horizons. Papers from the Third Language International Conference. Elsinore, Denmark 9-11 June, 1995 / Ed. By Gay Dollerup, Vibeke Appel. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995. – P. 187–195.

**АНАЛИЗ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ
ПРИ ОТОБРАЖЕНИИ ЗНАКОВ С СЕМАНТИКОЙ ОТРИЦАНИЯ
(на материале метафизической поэзии П. Целана)**

Многие исследователи подчеркивали интертекстуальность и потенциальное многоязычие философской речи, отличающее ее от текстов иной направленности. Особенно велик интерес к «философии, замешанной на литературе, чувствительной к художественным экспериментам и стилевым новшествам» [1, 355–356]. Тем не менее, так как современное переводоведение главным образом концентрировалось на выработке новых творческих приемов и выразительных средств для национальных литератур, особую актуальность имеет не до конца решенный вопрос о характере научно-философского и философско-художественного перевода с точки зрения создания особого концептуального языка.

По словам В. В. Бибихина, при переложении философской и философско-художественной литературы существует *три возможных стратегии переводчика*: придерживаться принципа дословности, с целью точной передачи духа и языковой ткани оригинала (что отнюдь не всегда плохо); заново воссоздать на родном языке художественные черты оригинала, когда текст рвет взаимоотношения с породившей его языковой средой; избрать ознакомительный перевод, когда читатель сам «творит истину» [3, 39–44].

Перевод собственно-философских текстов может считаться *«уподобляющим»*, т. е. таким, когда семантические, синтаксические, морфологические, и даже фонематические структуры языка перевода насильственно уподобляются структурам исходного языка. В. В. Бибихин пишет: «При уподобляющем переводе создается такое речевое произведение, которое, пока еще, в значительной мере, лишено смысла на языке цели (таковы возможные заимствования и кальки), еще ничему в действительности не соответствует и лишь в потенции адекватно тексту на языке источнике, т. е. еще нуждается во всякого рода осмыслении с привлечением более или менее широкого контекста» [2, 6]. Переводчик должен осознавать вторичность, историческую обусловленность внешних языковых форм по сравнению с универсальной понятийной подосновой всякого наречия; осознавать бесконечные возможности смыслового материала и воспринимать оригинал как один из вариантов языковой игры. Задача переводчика, таким образом, извлечь исходное произведение из «заточения» конкретной формы, дав ему новую жизнь на родном языке.

Следует отметить, что в ситуации современной философской полифонии у неподготовленного читателя, имеющего дело с уподобляющим переводом, велика вероятность воспринять словесные «слепки» оригинала как лишенные смысла, слишком усложненные лексические нагромождения. Перед переводчиком, вынужденным оперировать устоявшимися структурами языка-цели, стоит проблема определить его возможности для выражения философских концепций. Мысль требует своего оптимального воплощения в языковой форме, с тем, чтобы она не только способствовала максимально точному замыслу автора, но и смогла органично вписаться в языковой контекст потенциального читателя, так как успех рецепции не менее важен, чем успех перевода. И при решении данной задачи приходится прибегать к переводческим трансформациям. Помимо этого, даже при уподобляющем переводе, калькированное иностранное слово, попав в другой язык, неизбежно преобразуется, при этом может изменяться референциальная соотнесенность слова, происходить расширение или сужение объема значения, изменение характера парадигматических и синтагматических знаковых связей.

Переводчики часто убеждены, что имеют дело лишь с двумя языками, но в случае с философскими произведениями, это не совсем так. Как отмечает философ и историк Дж. Ре (Jonathan Réе), философские тексты всегда создаются «на нескольких языках»; и их следует читать и переводить, «имея в виду несколько наречий» [9]. По-видимому, основанием для

таких утверждений является то, что в явный двусторонний диалог оригинала и перевода всегда вмешиваются скрытые участники: это и наречия классической философии (латынь, греческий, древнеарабский), и современные европейские языки, на которых были написаны знаковые философские произведения, повлиявшие на развитие направления. Данные идеи перекликаются с понятием прецедентного текста, который может быть определен как значимый для автора в познавательном или эмоциональном отношении, имеющий сверхличностный характер, т.е. хорошо известный широкому окружению данного человека, включая его предшественников и современников, и наконец, обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [5].

По мнению Дж. Ре, философия особенно пристрастна к словам, однако более всего ее занимают не высокопарные красивые наименования, и не специализированные научные термины, а масса самых обыденных универсалий которым, относятся и **философские объекты с семантикой отрицания**. Именно эти заурядные обозначения, обладая мнимой ускользающей определенностью, представляют для переводчиков наибольшую трудность [9].

Наиболее полно разнообразие авторских решений, нацеленных на отображение отрицательных абстракций, представлено в переложениях поэзии одного из самых трудно переводимых авторов, писавших по-немецки, **Пауля Целана**. Его стихи характеризуются семантической и синтаксической недоговоренностью, что заставляет переводчика заполнять пробелы по собственному разумению. В стихотворении **Псалом**, использованы три знака с семантикой отрицания, выражающие важные смыслопорождающие константы творчества П. Целана – *никто* (*Niemand*), *роза никому* (*Niemand'srose*) и *ничто* (*Nichts*), каждый из которых по-своему актуализирован переводчиком во вторичном текстовом пространстве.

Б. Т. Ганеев указывает на три типа бытования ничто в языке: онтологическое ничто (небытие, несуществование материального объекта, пустота), семантическое ничто (отсутствие понятия, соответствующего какому-либо объекту), формальное ничто (отсутствие знака, показателя какого-либо объекта). Лингвистическая триада *ничто* не предполагает наличие всех трех членов одновременно [4, 12–19]. Таким образом, в качестве элемента языковой системы отрицательные местоимения, как способ выразить онтологическое ничто, нацелены на указание *отсутствия* лица, предмета или их признака; отрицание существования реалии, но не на ее называние. Однако в философском и философско-художественном дискурсе данные абстракции снабжены в процессе отображения характеризующими их и сообщающими о них информацию свойствами (предикатами), и поэтому предстают как *сущности*, т.е. парадоксальным образом *ничто* указывает на *нечто*, а *никто* это *кто-то*.

В стихотворении **Псалом** Никто выступает как субъект, выполняющий действия, что заложено и в самой структуре немецкого предложения, подразумевающей единичное отрицание, и в ситуативном метатропе иудаизма, в рамках которого следует анализировать стихотворение. Отсюда можно вывести двойственный смысл: одновременно и отрицание, и утверждение вероятности, для которой достаточно лишь обнаружить этого Никого, и тогда он станет полноправным деятелем.

При переводе первых строк стихотворения *Niemand knetet uns wieder aus Erde und Lehm, niemand bespricht unsern Staub*- переводчики придерживались следующих способов:

1. Двойное отрицание, предписываемое нормами русского языка (доместификация), которое звучит органично, однако придает однозначность, отсутствующую в языке оригинала: *Никто не лепит нас больше из земли и из глины, никто не говорит о нашем прахе* (А. Грицман); *Никто нас не лепит вновь из глины. Никто наш прах не осудит* (В. Леванский); *Никто не замесит нас вновь из земли и глины, никто не прославит наш прах* (Г. Ратгауз); *Никто не замесит нас вновь из глины и праха, никто не заговорит сосуд* (С. Морейно); *Никто не вылепит нас вновь из земли и глины, никто наш прах не заговорит* (Б. Мирская); *Никто не вылепит нас больше из земли и глины, никто не скажет о нас, пыли* (М. Белорусец); *Никто нас не вылепит больше из глины, никто. Никто не хранит наш прах*

(В. Топоров); *Нас вновь из глины и из праха не вылепит Никто, и не благословит земную персть – Никто!* (Н. Мавлевич).

2. Безличная форма, не подразумевающая двойного отрицания: *Некому замесить нас опять из земли и глины, некому зажать наш прах* (О. Седакова)

3. Вопросно-ответный перевод, позволяющий избегать двойного отрицания, но наиболее трансформирующий тип высказывания: *Кто лепит нас вновь из земли и глины? Никто. Кто ёслово свое произносит над нашей перстью? Никто.* (М. Гринберг); *Кто нас вылепит снова из земли и из глины – никто, отпоёт наш прах. Никто.* (А. Глазова)

Что касается предикатов, приписываемых абстрактному объекту, то и здесь не наблюдается единообразия переводческой нормы. По-видимому, эти строки содержат отсылку и к сотворению Адама-человека, и к персонажу еврейской мифологии Голему, существу из глины, оживленному при помощи тайных заклинаний, который, выполнив возложенную миссию, превращается в прах. Проанализировав данный ситуативный метатроп, вероятно выбрать соответствующий семиотический регистр и в его рамках оперировать знаками. В частности, в качестве эквивалента глагола *besprechen* наиболее удачным кажется вариант *заклинать, заговаривать*, а слова *Staub* – персть, прах.

В строке *Gelobt seist du, Niemand. Dir zulieb wollen wir bluhn. Dir entgegen* содержится переведенная на немецкий язык латинская католическая формула приветствия *Laudetur Jesus Christus!* (Слава Иисусу!). Переводчиками были предприняты попытки как сохранить дословную формулировку с незначительными синонимическими заменами: *Благословен будь, никто; Славься, Никто; Восславлен будь, Никто; Хвала тебе, ты, Никто; Хвала Тебе, Никто!; Так слава тебе, Никто!*, так и произвести лексико-грамматические трансформации: в частности добавление: *Благословенно имя твое, никто. Мы будем цвести во имя твое: тянутся к тебе* (А. Грицман). В оригинале отсутствует слово *имя*, однако в целом перевод остается в рамках заданного семиотического регистра, подчеркивая субъектность и одновременно намекая на действующий в иудаизме запрет на произнесение имени творца.

Наибольший интерес представляет перевод содержащегося в стихотворении *Psalms* метафизического неологизма *Niemandrose*, встречающегося в вариациях *die Nichts-*, *die Niemandrose*. В зависимости от целей создания и назначения в речи авторские неологизмы обычно подразделяют на номинативные и стилистические. Вышеозначенный знак выполняет в поэзии П. Целана номинативную функцию, а не дает образную характеристику уже имеющему название абстрактному объекту. Данная единица образована путем словосложения, что является одним из наиболее универсальных способов словообразования в немецком языке. Процесс словосложения представляет собой соположение двух основ, чаще всего, омонимичных словоформам. Анализ элементов, входящих в состав неологизма, дает переводчику возможность выяснить значение всего комплекса. При передаче на язык перевода целесообразно обратиться как к микроконтексту (непосредственное лексико-синтаксическое окружение), так и к макроконтексту, что наиболее актуально в случае передачи подобных референциально непрозрачных единиц.

При переводе данного знака с семантикой отрицания авторы прибегали к элементам калькирования (сохранение неизменной внутренней формы слова, что предполагает существование межъязыковых эквивалентов между элементарными компонентами, которые используются в качестве основы для воссоздания внутренней формы переводимого знака) и применению описательных эквивалентов. Описание относится к некалькирующим способам передачи неологизмов и в нем инвариантом перевода является значение знака оригинала безотносительно к характеру его связей с внешней структурой слова. При калькировании инвариантом перевода является лексическая или лексико-морфологическая форма, а не содержательная сторона, в то время как при описательном переводе значение передается при помощи более или менее распространенного объяснения.

Калькирование схоже с уподобляющим переводом. Однако учитывая словообразовательную специфику русского языка, многие переводчики предпочли не чистое калькирование, а декомпрессию. Такой способ вполне оправдан, так как по мнению исследователей

(В. Г. Гак, О. Д. Мешков), подобные неологизмы можно рассматривать не только как многоосновную единицу, но и как словосочетание, причем границы, разделяющие эти типы языковых образований, не всегда ясны. Их характеризует некоторая степень идиоматизированности значения в результате семантической спаянности компонентов, хотя структурно и функционально они проявляют себя как монолитные единицы. При попытке разложить *die Nichts-*, *die Niemandrose* на составные части можно предположить: форма *Nichts-*, *Niemand* – родительный падеж существительного, *Rose-* именительный падеж существительного, т.е. последний элемент является опорой, на которой построено сложное слово, а первый – компонентом-определителем, своеобразным лексическим разветвлением смыслового ядра. В немецком языке родительный падеж отвечает на вопрос «чей?» и чаще всего обозначает принадлежность чего-либо (кого-либо) к чему-либо (кому-либо). В следующих вариантах было сохранено вышеупомянутое определительное значение: *ничто*, *ничья роза* (А. Грицман); *розой небытия*, *ничейною розой* (Г. Ратгауз). В данном случае было добавлено притяжательное местоимение, что подчеркнуло субъектность обращения к Создателю, характерную для молитвы: *роза ничто*, *роза твоя*, *Никто* (М. Гринберг);

В некоторых переводах наблюдается замена формы родительного падежа формой дательного со значением адресата: *ничем*; *розой никому*, *розой никому* (В.Топоров); *цветок небытия*. *Вот – роза Никому* (Н. Мавлевич); *розой-Ничто*, *розой-Никому* (М. Белорусец); *Из Ничего – Никому – роза* (О.Седакова); *ничему*, *никому роза* (А. Глазова). Вероятно, как пишет переводчик и литературовед А. Нестеров, «Филологическое» мышление, привязанное к сюжету «Целан, переводящий Мандельштама», склонно видеть в названии сборника *Die Niemandrose* (буквально «Роза ничья») парафразу на мандельштамовские строки: «Веневитинову – розу / Ну, а перстень – никому». Причина такой «абerrации зрения» – посвящение Целана к книге – *Dem Andenken Ossip Mandelstamms*» [8]. Существуют также варианты, где отсутствует выраженное смысловое ядро и компоненты сложного неологизма являются равнозначными: *Роза – Никто*, *Роза – Ничто* (И. Большев); *Роза-Никто*, *Роза-Ничто* (Б. Мирская).

Описательный эквивалент включает лексическую замену: *Мы Ничто*, *дикая роза* (В. Леванский); *как дикая роза* (С. Морейно). В данном случае, по всей видимости, происходит отклонение от семиотического регистра оригинала.

Другим многоосновным неологизмом с семантикой отрицания является знак *Für-niemand-und-nichts-Stehn*, встречающийся в стихотворении *Stehen im Schatten*. Он имеет варианты *Ни - для - кого - ничего - не - ради – стоять* (О. Седакова), *За Никого, за Ничто стоять* (В. Леванский), *Ни-за-кого-стоять*, *ни-за-что* (М. Белорусец), *Никому-и-ничему-сторожем* (И. Булкина). Предлог *für*, использующийся с винительным падежом существительных, имеет значение- для; за, ради, в пользу, на стороне. В последнем варианте фигурирует беспредложная форма дательного падежа, а основной компонент образован от основы, отличающейся от прямого эквивалента *стоять*. Во втором примере знак больше не образует многоосновный неологизм-термин, он распадается на элементы словосочетания. Представляется, что для обеспечения наибольшей репрезентативности переводящего текста, неологизмы целесообразнее формировать по той же модели, что и в языке оригинала.

Отдельным примером перевода знаков с семантикой отрицания можно считать последнюю строфу стихотворения *Земля была в них (Es war Erde in ihnen)*:

O einer, o keiner, o niemand, o du:

Wohin gings, da's nirgendhin ging?

Здесь интересна прежде всего передача конвергенции различных видов отрицания. В нижеследующем примере отрицательное наречие *nirgendhin* (никуда) передано неологизмом *нигдеиность*. Суффикс *-ость* традиционно образует существительные со значением отвлеченного признака или состояния (например, свежесть, бледность). По-видимому, истоки такого переводческого решения лежат во взглядах О. Седаковой на язык поэзии П. Целана. Она полагала, что главными координатами его стихотворной грамматики являются «Имя и Глагол, иначе - мысль о вещи и мысль о действии» [6]. В оригинальном

произведении наблюдаются две дихотомии: *einer – keiner, niemand – du* (кто-то – ни один (никто), никто – ты), противостояние которых не вполне улавливается в переводных вариантах текста: *О некий, о всякий, о ты, никакой! Где теперь то, что шло на нигдежность?* (О. Седакова). В переводе А. Глазовой те же строки: *О, кто, о некто, никто, ты – куда же, если некуда было податься?*

Таким образом, в ситуации, когда в одной культурно-языковой среде имеются несколько более или менее репрезентативных переводов одного и того же метафизического стихотворения, сравнительный анализ способен пролить свет как на концептуальные возможности сопоставляемых языков как знаковых систем, так и на авторские установки переводчика и само содержание оригинала. Придерживаясь структурально-семиотического подхода к изучению переводов, исследователь анализирует философский текст как к отражение чего-то более значительного, чем сама языковая ткань произведения. При таком подходе интересны не столько сами парадигматические и синтагматические связи между знаками текста, сколько текст как материал для дальнейшего построения различных семиотических моделей более абстрактного уровня, в частности, поиск путей репрезентации абстрактных универсалий в знаках с семантикой отрицания, являющихся элементами конкретного языка.

Литература

1. Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка / Н. С. Автономова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2008. – 704 с.
2. Биbihин В. В. К проблеме определения сущности перевода // Тетради переводчика / под ред. проф. Л. С. Бархударова. – М.: Международные отношения, 1973. – Вып. 10. – С. 3–14.
3. Биbihин В. В. Опыт сравнения разных переводов одного текста // Тетради переводчика / под ред. проф. Л. С. Бархударова. – М.: Международные отношения, 1976. – Вып. 13. – С. 37–43.
4. Ганеев Б. Т. Пустые имена и нулевые референты // Вестник ВЭГУ: Научный журнал. – Уфа: Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Уфа), 2010. – № 3. – С. 12–19.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. / отв. ред. член-кор. Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
6. Седакова О. Пауль Целан. Заметки переводчика: // Иностранная литература. – 2005. – № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2005/4/se.html> / (Дата обращения: 14.03.2013).
7. Нестеров А. Псалом Пауля Целана: // Лехаим. 2007. №2 (178). URL: <http://www.lechaim.ru/ARCHIV/178/nesterov.htm/> (Дата обращения: 30.04.2013).
8. Ree J. Being foreign is different // Times Literary Supplement. – 1996. – 6 September.

Шайхамарданова М. Ю., Федорова Д. В.

МОУ СОШ № 34, г. Ижевск

ПЕРЕВОД КАК МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Перевод играет большую роль в развитии культуры, науки, экономики, литературы и, несомненно, самого языка общения. Благодаря переводу люди, говорившие на разных языках, могли общаться в многонациональных государствах, перевод обеспечивал межъязыковую и межкультурную коммуникацию. Для обеспечения межкультурной коммуникации, переводчик в наше время должен быть не только билингом, но и «бикультурным». Смысл языкового элемента становится понятным лишь тогда, когда он согласуется с культурным контекстом, в котором употребляется. Языки отражают действительность по-разному, асимметрично [2, 241]. В процессе перевода взаимодействуют не только два языка и более, но две культуры, имеющие как общую, так и национальную специфику.

Основным препятствием в процессе межкультурного общения являются национально-специфические особенности контактирующих культур. При переводе необходимо знать, что культуры различны, одно и то же понятие в них может существенно различаться. Люди разных культур по-разному выражают радость и отчаяние, любовь и ненависть, для них по-

разному течет время, по-разному мир звучит и окрашивается в цвета. У одних есть предметы, отсутствующие у других, и наоборот, а кто-то до сих пор активно используют то, что уже давно вышло из употребления. Особенности другой культуры могут неправильно интерпретироваться, вследствие чего возникает непонимание.

Одной из важных проблем межкультурных отношений – это сопоставленное изучение языков. Особый интерес в этом плане вызывает сопоставительное изучение языков. В данной работе мы сопоставим четыре языка: английский, французский, русский и удмуртский языков на основе идиом.

Идиома (от греч. *idioma* – особенность, своеобразие) сочетание языковых единиц, значение которого не совпадает со значением составляющих его элементов. Это несоответствие может быть следствием изменения значения элементов в составе целого.

Различают внутриязыковые и межкультурные идиомы. Последние характеризуются невозможностью «буквального», перевода [1, 481]

Русский язык	Удмуртский язык	Английский язык	Французский язык
Волосы становятся дыбом	Йырси́пежырсу́лтэ (Волосы становятся дыбом)	One's hair stands like a mountain. (Волосы становятся как гора)	Une histoire a faire dresser les cheveux. (История, от которой волосы поднимаются)
Жить как кошка с собакой	Пуны́енписэ́й кадь улыны. (Жить как кошка с собакой)	To live a cat and dog life. (Жить как кошка с собакой)	S'entendre comme chien et chat. (Уживаться друг с другом как кошка с собакой)
Вертеться как белка в колесе	Муш пи кадь ужа (Быть занятым как пчела)	To be busy as a bee (Быть занятым как пчёлка)	Faire feu des quatre fers. (Стрелять из четырёх ружей)
Водой не разольёшь	Люгы кадь мертчи́ськемын (Пристать друг к другу как репей)	Astheekasthieves (быть такими близкими друг другу как воры)	Ils sont (comme) les deux doigts de la main (Они как два пальца руки)

Давайте сравним первую идиому в разных языках. В русском и удмуртском языках «волосы дыбом» сравнивают с взъерошенными волосами. В английском языке волосы сравнивают с горой. Во французском языке волосы просто поднимаются. Во всех четырех языках данная идиома лексически сохраняет переносное значение (состояние сильного испуга, ужаса).

Вторая идиома звучит одинаково на всех четырёх языках. Мы видим глагол «жить, уживаться» и тех же животных «кошку и собаку». Таким образом, при переводе и первой, и второй идиомы происходит образное метафорическое переосмысление опорного компонента.

Третья идиома достаточно интересна. В удмуртском и английском языках занятого человека сравнивают с «пчелой», идиомы в переводе на русский язык звучат одинаково. Во французском языке занятого человека сравнивают с тем, кто может стрелять одновременно аж из «четырёх ружей».

Значение четвертой идиомы «тесная дружба» абсолютно по-разному переводится на каждый из этих языков. В удмуртском языке дружба сравнивается с прицепившимися репьями, в английском языке с близкими друг другу воронами, во французском языке с двумя пальцами руки. Происходит полное переосмысление, которое понимается через значение слова в целом, и мы можем говорить о том виде сравнения, объект которого находится за рамками самого слова.

Исходя из данных примеров, особые требования должны предъявляться к профессиональной компетентности переводчика.

Под переводческой компетентностью понимается совокупность языковых и других профессиональных знаний, умений и навыков, позволяющих переводчику эквивалентно и адекватно передавать содержание исходного текста средствами языка перевода с учетом межъязыковых и межкультурных различий [5, 60]. При переводе коммуникативного текста необходимо сохранять его культурные особенности. Чтобы достичь адекватности перевода, лингвист должен быть знаком с культурой как исходного языка, так и языка перевода. Необходимо помнить, что из-за разницы в культуре и языке точного перевода и быть не может.

Языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках [4, 27].

Литература

1. Большая советская энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 481 с.
2. Валеева Н. Г. Введение в переводоведение. – М.: РУДН, 2006. – 241 с.
3. Дубровин М. И. Идиомы на пяти языках. – М: АрсисЛингва, 1993.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. URL: http://www.lechaim.ru/ARNIV/178/nesterov.htm/gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_Index.php – 27 с.
5. Шевнин А. Б. Категория качества перевода и эрратология // Проблемы перевода и межкультурной коммуникации: науч.-метод.вестник. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2006. – Вып. 2. – 60 с.

Шелудько С. С.

Удмуртский государственный университет

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ КОМИЧЕСКОГО (на материале произведений Вудхауза)

Феномен комического — один из древнейших в истории культуры. Категория комического является объектом изучения многих наук: эстетики, литературоведения, лингвистики, поэтики, стилистики, философии, психологии и других. Так, в эстетике под комическим понимается категория, выражающая в форме осмеяния некое несоответствие определенного явления, поведения людей, хода событий объективной реальности, существующим общественным идеалам. Под комическим также может пониматься определенный вид творчества, суть которого сводится к сознательному конструированию некой системы явлений или понятий, а также системы слов с целью вызывать эффект комического [6, 15].

Несмотря на долгую историю изучения, категория комического до сих пор остается мало разработанной сферой. Чёткой теории комического до сих пор не существует в силу размытости границ и значительного числа близких понятий. Будучи сложным социокультурным явлением, комическое требует разностороннего подхода.

Произведения англо-американского писателя и драматурга Пэлама Грэнвила Вудхауза (1881–1975) являются ярким примером художественного воплощения комического. На протяжении всего творческого пути работы «короля комедии», как его называли современники, пользовались огромным успехом, им восхищались писатели от Киплинга до Оруэлла. Наиболее известен его цикл романов о молодом британском аристократе Берти Вустере и его находчивом камердинере Дживсе. Вероятно, это одна из причин, по которой произведения автора не переводились и не издавались в Советском Союзе, поскольку рассматривались как некая пропаганда роскоши.

В предисловии к роману “Spring Fever” (1948) автор изложил своё писательское кредо: “I believe there are two ways of writing novels. One is mine, making a sort of musical comedy without music and ignoring real live altogether; the other is going right deep down into life and not caring a damn” [3, 4]. Очевидно, более точного определения смысла творчества, чем дал он сам, подыскать трудно.

Главнейшей и определяющей характеристикой комического пространства, создаваемого автором в своих произведениях, является своеобразный тотальный эскапизм, уход от проблем реальной жизни в мир художественного вымысла. Большинство героев представлены в карикатурном виде, однако автора нельзя считать сатириком, критики общественных нравов и человеческих пороков практически нет.

Многолетнее сотрудничество с театром заметно сказалось на творческом методе Вудхауза. К ведущим особенностям его произведений следует отнести отдельные драматургические приемы: обилие деталей, портретные характеристики, похожие на ремарки, близкая к сценической подача прямой речи, гротеск и контраст.

Важно также обратить внимание на выбор автором лингвистических средств, создающих иронический и юмористический эффект.

Анализ фактического материала демонстрирует, что ведущими средствами создания комического в произведениях автора являются комические метафоры, перифразы, деформация идиом, вводные конструкции, ирония, аллюзия, смешение стилей и регистров речи, окказионализмы, сокращения. Все эти тропы, слова и выражения, реализующие свою многозначность, и неузусальные лексические средства создают образные представления о предметах и явлениях, описываемых автором, в них находится источник яркой эмоциональности, живости речи. В комических произведениях они несут дополнительную задачу – создание комического эффекта и иронической модальности.

Для передачи комического в коротких рассказах Вудхауза наибольшее применение получили приемы целостного преобразования, смыслового развития, смены или снятия образности и компенсации.

Ярким примером целостного преобразования комической метафоры может служить описание тети Вустера в рассказе «Дживс и незванный гость»:

“She fitted into my biggest arm-chair as if it had been built round her by someone who knew they were wearing arm-chairs tight about the hips that season” [2].

«Она вошла в самое большое мое кресло так, словно оно было построено кем-то вокруг нее, кто знал, что кресла носят тесно на бедрах в этом сезоне» [4].

Как известно, глагол “to fit” полисемантичен и имеет несколько значений, в том числе значение «умещаться», «помещаться» и значение «быть впору», «подходить». В данном примере реализуются оба эти значения, вначале «умещаться», но с развитием метафоры приращивается его второе значение, «быть впору», используемое обычно по отношению к предметам гардероба. Автор описывает размеры своей гостьи через описание своего самого большого кресла, которое «село» на нее, как облегающий костюм.

Представляется, что перевод фразы “who knew they were wearing arm-chairs tight about the hips that season” в данном примере осложнен тем, что слово “tight” на русском языке в качестве наречия звучит нескладно, буквально это «плотно облегающе». Дословный перевод А. Балясникова «кто знал, что кресла носят тесно на бедрах в этом сезоне» в данном случае неадекватен, что подтверждается исследованием частотности использования словосочетания «тесно на бедрах» в русских источниках в интернете. Для перевода данной фразы, полагаем, необходимо прибегнуть к средствам переводческой трансформации, целостного преобразования, и перевести ее следующим образом: «кто знал, что в этом сезоне носят облегающие кресла».

Более сложным представляется передача окказионализмов, сокращений, комических метафор и деформированных идиом. Это связано с разницей в семантической структуре слова в английском и русском языках, разницей в лексико-семантических вариантах и различиями в узусе языков оригинала и перевода.

Здесь уместно обратиться к примеру компенсаторной передачи деформированных идиом. В следующем отрывке из рассказа «Дживс и жмот» комическое создается за счет замены компонента:

“I’ve used to Jeeves now, but often in the days when he first came to me I’ve bitten my tongue freely on finding him unexpectedly in my midst” [1].

«Теперь-то я привык к Дживсу, но часто в те дни, когда он только у меня появился, мне случалось как следует прикусить язык, неожиданно обнаружив его рядом со мной» [5].

Юмор в данном случае строится на неузואальном употреблении словосочетания “in our midst” – “among us”, которое обычно относится к группе людей. Фактически это очередной малапропизм Вустера, создающий комический эффект и подчеркивающий умственные способности говорящего. К сожалению, при переводе полностью передать его или воссоздать на русском языке не представляется возможным. Однако обратившись к словосочетанию «в своих кругах», удастся сохранить идею скопления людей.

Прекрасным примером авторских новообразований Вудхауза является следующая цитата:

“Lady Malvern tried to freeze him with a look, but you can't do that sort of thing to Jeeves. He is look-proof” [2].

«Леди Малверн попыталась остановить его, но вы не можете совершать такого рода вещи с Дживсом. Он взглядонепробиваемый» [4].

В данном случае комический эффект достигается за счет использования в рассказе военной лексики: леди Малверн попыталась поразить Дживса взглядом, но он оказался взглядонепробиваемым. Чтобы дополнить многозначное слово “freeze” и прирастить комическую модальность, Вудхауз создает слово “look-proof” по аналогии с существующими в английском языке словами “water-proof”, “leak-proof”, “fire-proof”. К сожалению, переводчик А. Балясников опускает часть оригинального высказывания “with a look”, и перевод теряет военную направленность и логичность. Целесообразно восстановить словосочетание при переводе и сохранить военную тематику целостным преобразованием: «попыталась поразить его взглядом». При переводе удастся воссоздать новообразование в русском языке калькированием и сохранить комический эффект.

Таким образом, передача метафоричности и многоплановости, комической модальности художественного текста требует тщательного анализа авторских языковых средств, точного подбора приемов перевода для передачи не только смысла произведения, но и своеобразия стилистических особенностей оригинала.

Литература

1. Wodehouse P. G. Jeeves and the hard-boiled egg / URL: <http://www.classicreader.com/book/3450/1/>
2. Wodehouse P. G. Jeeves and the Unbidden Guest / URL: <http://www.gutenberg.org/files/8164/8164-h/8164-h.htm>
3. Wodehouse P. G. Spring fever [Электронный ресурс] / URL: http://www.booksbooksbooks.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=771:-20-&catid=1:english&Itemid=3
4. Вудхауз П. Г. Дживс и незванный гость (пер. А. Балясникова) / URL: <http://wodehouse.ru/texts/jtch.htm>
5. Вудхауз П. Г. Дживс и жмот (пер. И. Шевченко) / URL: <http://wodehouse.ru/texts/jtch.htm>
6. Дземидок Б. О комическом / пер. с польск. – М.: Прогресс, 1974. – 224 с.

Шутова Н. М.

Удмуртский государственный университет

КОММУНИКАТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

(на материале рекламных текстов, ориентированных на мужскую аудиторию)

Е. В. Ромат считает, что реклама может рассматриваться как специфическая область социальных массовых коммуникаций между рекламодателями и различными аудиториями рекламных обращений с целью активного воздействия на эти аудитории, которое должно способствовать решению определенных маркетинговых задач рекламодателя [6, 84]. Рассматривая

фактор адресата в речевом акте, Н. Д. Арутюнова также подчеркивает, что прагматическое значение речевого акта зависит не только от говорящего субъекта, но и от речевой ситуации, а также в существенной мере от получателя [2, 356–357]. По мнению В. Г. Колшанского, совокупность условий, определяющих формирование того или иного речевого произведения субъектом и соответствующее восприятие его адресатом, включающее условие адекватности речевого воздействия на коммуниканта, составляет неразрывную целостность и сущность самой коммуникации» [4, 139].

Потенциальные потребители какого-либо товара различаются по таким критериям, как возраст, пол, доход, уровень потребления, географическое место проживания, уклад жизни, культура, субкультура и др. По этим критериям все потребители делятся на сегменты, называемые целевыми группами. Для каждой из целевых групп разрабатываются различные маркетинговые и рекламные программы [1, 155–157]. Одним из наиболее эксплуатируемых при сегментировании рекламных аудиторий критериев является возраст. А. Н. Мудров определяет возраст как априорную переменную, характеризующую людей в разных возрастных группах, отличающихся предпочтениями торговых марок определенной категории продукта [5, 85]. Потребители разного возраста предъявляют различные, порой диаметрально противоположные требования к одному и тому же товару.

Традиционным критерием сегментирования является семейное состояние. О. О. Савельева отмечает, что большинство покупок носят семейный характер (т.е. предназначены для семейного потребления: мебель, продукты питания, предметы гигиены и пр.), соответственно и перечень самих товаров, и их качественные характеристики, и количество покупаемого товара определяется типом и размером семьи [7, 104]. Американский исследователь Д. Д. Дэвис делит потребителей (в зависимости от их семейного положения) на несколько групп. К первой группе он относит молодого неженатого человека (молодую незамужнюю женщину). Ко второй группе – молодого женатого человека (молодую замужнюю женщину) без детей. В третью группу вошли другие молодежные сегменты, такие как молодой (ая), разведен(а), детей нет; молодой, женат (молодая, замужем), есть дети до 3-х лет; 4–12 лет; подростки [3, 518].

Потребители классифицируются и по жизненному укладу: преуспевающие; приспособленцы; экспериментаторы и т. д. С точки зрения характера потребители представляются как: общительные; независимые; апатично-индифферентные; самодовольные; беспокоящиеся; модники и т. д. Эти особенности также можно использовать при разработке рекламы. Так, например, «независимые» менее чем «общительные», подвержены эмоциональному воздействию [1, 157].

Таким образом, существует очень много различных критериев деления адресата рекламы и разграничения рекламных текстов по их коммуникативной направленности. В зависимости от характеристик целевой группы существенно различаются содержательные, формообразующие, стилевые составляющие рекламы. Учет целевой аудитории рекламы имеет определяющее значение при переводе.

В настоящем исследовании рассматривается такой важный фактор сегментирования целевой аудитории как пол. Как отмечает К. В. Антипов, множество продуктов имеют «пол», т. е. стараются ориентироваться либо только на мужчин, либо только на женщин [1, 155–156]. Однако очень часто товары, предназначенные для женщин, рекламируются с прагматической ориентацией на мужчин. Обратимся к проблемам перевода рекламных текстов, ориентированных на мужскую аудиторию.

Реклама автомобилей, как известно, рассчитана преимущественно на мужчин. В ней очень часто используется прямая апелляция к потребителю, примерами могут послужить рекламные слоганы автомобильных марок Honda, Mercedes, Mazda, Lexus: «*Less gas. More comfort. And you have the Civic Hybrid to thank,*» «*Engineered around you,*» «*Designed with you in mind,*» «*The world's first car to watch the road and you.*» Личное местоимение *you* может переводиться на русский язык как «ты» и «вы». Вежливая форма обращения на «вы» представляется более уместной в вышеперечисленных слоганах, потому что возраст

представителей целевой аудитории, как правило, больше 30 лет. Более того, такие дорогие автомобили покупают люди с определенным социальным статусом. Однако, неоспорим тот факт, что обращение на «ты» несет в себе большую степень доверительности и имеет больше шансов на удержание внимания. Примером может послужить рекламный слоган автомобиля марки Toyota и его официальный перевод на русский язык, представленный на сайте компании: «*Your new experience of motoring.*» – «*Твой новый опыт вождения*».

Авторы рекламных слоганов, ориентированных на мужскую аудиторию, довольно часто используют глаголы в повелительном наклонении, такие как: *discover, enjoy, put, raise* и многие другие. Выбор именно повелительного наклонения глагола легко объясняется тем, что фраза с его участием приобретает побуждающий характер, стимулирует активность более свойственную мужчинам, чем женщинам. Использование повелительного наклонения характерно для рекламы таких автомобильных компаний, как: BMW, Alfa Romeo, Mercedes: «*Raise your expectations.*», «*Get to the new level.*» Перевод подобных слоганов вызывает определенные затруднения, поскольку глаголы в повелительном наклонении в русском языке имеют некоторый оттенок принуждения. В восприятии русского человека они скорее предъявляют требования, нежели приглашают к действию. У представителей русской целевой аудитории может возникнуть ответная реакция противоположная ожидаемой. Иногда использование повелительного наклонения в русском языке недопустимо по нормам лексической или грамматической сочетаемости. Ярким примером может служить перевод слогана компании Mercedes, представленный на официальном сайте компании в России: «*Make space for elegance.*» – «*Торжество элегантности*». В других случаях сохранение побуждающего характера обращения допустимо, как, например, в случае со слоганом компании Opel: «*Explore the city limits.*» – «*Откройте для себя городские джунгли*». Такой слоган приглашает к увлекательному действию.

Реклама, ориентированная на мужчин, часто эксплуатирует фактор уникальности товара. В качестве наиболее оригинального приема, использованного для подчеркивания уникальности товара, приведем пример создания неологизма на основе прилагательного *unique* – «уникальный», «особенный» и местоимения *you* в рекламе часов фирмы Police: «*BE YOUNIQUE*» (<http://www.businesswatch.ru/Sales/Police/>). Неологизмы обычно представляют большую трудность для перевода, т. к. внутрилингвистические связи, средства и способы словообразования в английском и русском языках различны. Неологизмы обычно возникают на базе уже имеющегося в языке материала, по установившимся словообразовательным моделям, т.е. применительно к уже существующей в языке системе средств и способов словообразования. Новыми в неологизме оказываются: соединение в нем словообразовательных средств, значение и внутренняя форма. При переводе рассматриваемой рекламы, однако, можно использовать одно из русских соответствий для английского прилагательного *unique* – «выдающийся», в составе которого вычленяется русский эквивалент для местоимения *you*: «*БУДЬТЕ ВЫДАЮЩИМСЯ*». Представляется также возможным сохранить местоимение на английском языке в качестве замены для русской буквы «у»: «*БУДЬТЕ УОУНИКАЛЬНЫМ*». Можно также попытаться подыскать другое выразительное средство, например, параллелизм: «*БУДЬТЕ УНИКАЛЬНЫМ. БУДЬТЕ САМИМ СОБОЙ*».

Действенным средством эмоционального воздействия на мужскую аудиторию является использование сексуальных мотивов и посылов. Данный прием эмоционального воздействия включает в себя использование слов определенной семантики для создания необходимого образа вокруг рекламируемого товара. Приведем несколько примеров: 1) «*The technology of seduction*» (Mercedes). – «*Технология соблазна*». 2) «*Driven by passion*» (FIAT). – «*Управляемый страстью*».

В основном на мужчин ориентирована реклама ювелирных изделий, так как именно они покупают их в качестве подарков для женщин. Прагматическая ориентация таких текстов проявляется в используемых языковых средствах и образности. Ярким примером может послужить образец рекламы бриллиантов южноафриканской алмазной компании DeBeers: «*Remember when you got that variable speed hammer drill? It'll make her feel kind of*

like that» (<http://www.adme.ru/debeers/brilliantovyj-kreativ-de-beers-21289/>). Можно предложить следующий вариант перевода: «Помнишь как тебе подарили перфоратор с регулировкой скоростей? Это заставит её почувствовать нечто подобное».

Фирма DeBeers доказала, что можно продавать роскошь женщинам через их мужчин. Девиз рекламной кампании DeBeers “A Diamond is forever” был признан лучшим рекламных слоганом столетия по версии AdAge [68]. Для российского рынка компания выбрала вариант «Бриллиант – вечный дар любви». В De Beers придумали совершенно новую концепцию рекламирования, компания DeBeers вот уже много лет продает не бриллианты, а мечту о вечной любви и гармонии отношений: 1) «*In your eyes there is only one woman in the world. This Christmas celebrate her. A diamond is forever*» (<http://www.adme.ru/debeers/brilliantovyj-kreativ-de-beers-21289/>). – «Для Вас существует только одна женщина на земле. Посвятите это Рождество ей. Бриллиант – вечный дар любви». 2) «*There are two things in the world that last longer than time. Love is one of them. A diamond is forever*» (<http://www.adme.ru/debeers/brilliantovyj-kreativ-de-beers-21289/>). – «Только две вещи в мире длятся вечно. Любовь – одна из них. Бриллиант – вечный дар любви».

В качестве средства эмоционального воздействия на мужчин компания DeBeers часто используется юмор: 1) «*Think about it. The divorce costs more*» (<http://www.adme.ru/creativity/diamond-is-forever-1212/>). – «Обдумайте эту покупку. Развод стоит дороже». 2) «*Since the beginning of the time man has used two stones to start fire*» (<http://www.adme.ru/creativity/diamond-is-forever-1212/>). – «С древнейших времен для того, чтобы разжечь огонь, мужчины использовали два камня». 3) «*No, your wife didn't pay for this ad (but she did tell us what paper you read)*» (<http://www.adme.ru/creativity/diamond-is-forever-1212/>). – «Нет, Ваша жена не платила за эту рекламу (но это она сказала нам, какую газету Вы читаете)».

Ориентация на мужскую аудиторию проявляется в аллюзиях и метафорах спортивной тематики. Интересна в данной связи реклама ювелирных украшений фирмы Russell Brothers Jewelers с изображением коробки конфет и пары бриллиантовых сережек: «*Minor league. The majors.*»

(RSVP MAGAZINE, FEBRUARY 2010). Данная метафора из мира спорта дает мужчине понять, что только новички дарят женщине конфеты, истинные чемпионы дарят бриллианты. Думается, что вполне уместным будет следующий вариант перевода: «Низшая лига. Чемпионы».

Итак, рекламный текст является тщательно продуманной последовательностью вербальных и визуальных знаков, имеющих конкретную коммуникативную направленность. Рекламное сообщение должно, в первую очередь, привлечь внимание определенного адресата. В нем заложена не только информация о рекламируемом товаре и его преимуществах, но и эмоциональный посыл к представителям целевой аудитории, направленный на то, чтобы вызвать необходимую ответную реакцию. В противном случае, если рекламный текст останется незамеченным, коммуникация будет неэффективна, и конечная цель по изменению поведения адресата не будет достигнута. Внимание переводчика рекламы должно быть направлено, прежде всего, на оптимизацию рекламного воздействия.

Литература

1. Антипов К. В. Основы Рекламы. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2009. – 328 с.
2. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. 40. – М.: Наука, 1981. – № 4. – С. 356–357.
3. Джозел Джей Дэвис. Исследования в рекламной деятельности: теория и практика [пер. с англ. Е. В. Кушнеренко, О. А. Полишук и др.]. – М.; СПб.; К.: Вильямс, 2003. – 858 с.
4. Колианский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Наука, 1984. – 176 с.
5. Мудров А. Н. Основы рекламы. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Магистр, 2008. – 397 с.
6. Ромат Е. В. Реклама. – СПб.: Питер, 2004. – 176 с.
7. Савельева О. О. Социология рекламного воздействия. – М.: «РИП-холдинг», 2006. – 284 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Акборисова Елена Васильевна*, аспирант, Национальный институт восточных языков и цивилизаций (INALCO), г. Париж, Франция
- Андрейчик Татьяна Александровна*, студент, Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, г. Витебск, Белоруссия
- Анохина Юлия Михайловна*, канд. филол. наук, доц., Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск
- Аулина Марина Владимировна*, преподаватель, средняя школа № 4 им. М. М. Мехтизаде, г. Гянджа, Азербайджанская Республика; аспирант, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск
- Аухадиева Фания Сабировна*, канд. филол. наук, ст. преподаватель, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск
- Бакловская Ольга Константиновна*, канд. пед. наук, ст. преподаватель, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск
- Балицкая Ирина Валериановна*, д-р пед. наук, доц., Сахалинский государственный университет, г. Южно-Сахалинск
- Баранов Александр Аркадьевич*, д-р психол. наук, проф., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск
- Баталов Владимир Владимирович*, соискатель, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск
- Белая Елена Николаевна*, канд. филол. наук, доц., Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск
- Белова Екатерина Евгеньевна*, канд. филол. наук, доц., Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, г. Нижний Новгород
- Белоусова Оксана Борисовна*, преподаватель, Можгинский педагогический колледж им. Т. К. Борисова, г. Можга
- Бобылева Лиана Ивановна*, канд. пед. наук, доц., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, г. Витебск, Белоруссия
- Бойко Галина Игоревна*, канд. филол. наук, доц., Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, г. Рязань
- Большакова Вероника Николаевна*, ст. преподаватель, Волжская государственная академия водного транспорта, г. Нижний Новгород
- Бордюкова Мария Михайловна*, студент, Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, г. Витебск, Белоруссия
- Борисенко Юлия Александровна*, канд. филол. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск
- Босова Людмила Михайловна*, д-р филол. наук, проф., Институт туризма, Мск Университет, г. Москва
- Боченкова Евгения Вячеславовна*, магистрант, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск
- Бочкова Гульчехра Шарофовна*, ст. преподаватель, Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, г. Витебск, Белоруссия
- Брагова Арина Михайловна*, канд. ист. наук, доц., Нижегородский государственный лингвистический университет, г. Нижний Новгород
- Брегер Галина Романовна*, заведующая, МАДОУ № 280, г. Ижевск
- Брим Наталья Евгеньевна*, канд. пед. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Буйнова Ольга Юрьевна, канд. филол. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Булычева Елена Александровна, канд. филол. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Бурганова Наталия Сергеевна, ст. преподаватель, филиал Удмуртского государственного университета, г. Воткинск

Бурова Елена Григорьевна, канд. филол. наук, доц., Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко, г. Глазов

Буторина Надежда Викторовна, канд. филол. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Бушев Александр Борисович, д-р филол. наук, проф., Тверской филиал Санкт-Петербургского государственного экономического университета, г. Тверь

Вартанова Владлена Владимировна, канд. пед. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Вахрушева Вероника Сергеевна, студент, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Веретенникова Людмила Кузьминична, д-р пед. наук, проф., Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, г. Москва

Веретенникова Светлана Николаевна, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, ОАУ С(К)О школа-интернат III–IV вида, г. Липецк

Войтович Ирина Карловна, канд. филол. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Волошина Карина Сергеевна, канд. филол. наук, ст. преподаватель, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Волынкина Наталия Валериевна, д-р пед. наук, проф., Военный университет, г. Москва

Ворожцова Ирина Борисовна, д-р пед. наук, проф., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Галимова Зульфия Фирдавиевна, канд. филол. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Гальчук Ольга Викторовна, преподаватель, Смоленский колледж легкой промышленности и индустрии моды, г. Смоленск

Гарифьянова Гузалия Мансуровна, преподаватель, МБОУ «Гимназия № 6», г. Ижевск

Гецкина Инна Борисовна, канд. филол. наук, доц., Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Головко Мария Николаевна, студент, Белгородский государственный университет, г. Белгород

Голубкова Ольга Николаевна, канд. пед. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Горбунов Анатолий Геннадьевич, ст. преподаватель, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Гринберг Марина Геннадьевна, преподаватель, МАДОУ № 280, г. Ижевск

Громова Венера Мирзануровна, канд. филол. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Данилова Екатерина Андреевна, ст. преподаватель, Сыктывкарский государственный университет, г. Сыктывкар

Дзенс Надежда Ивановна, канд. филол. наук, проф., Белгородский государственный университет, г. Белгород

Дронова Наталья Александровна, ст. преподаватель, Московский государственный университет путей сообщения, г. Москва

Емельянова Ольга Ивановна, ст. преподаватель, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак

Есенова Тамара Саранговна, д-р филол. наук, проф., Калмыцкий государственный университет, г. Элиста

Есенова Галина Борисовна, студент, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста

Жукова Анастасия Викторовна, канд. психол. наук, доц., Ижевский государственный технический университет, г. Ижевск

Забалуева Елена Анатольевна, преподаватель, ГКСКОУ школа-интернат III–IV вида, г. Саратов

Захарова Марина Анатольевна, преподаватель, МБОУ СОШ № 48, г. Новоуральск; аспирант, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург

Збар Надежда Афанасьевна, директор, МБОУ СОШ № 53, г. Ижевск

Зворыгина Татьяна Николаевна, педагог, МАДОУ № 280, г. Ижевск

Зданович Елена Вячеславовна, ст. преподаватель, Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, г. Витебск, Белоруссия

Зеленина Тамара Ивановна, д-р филол. наук, проф., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Зелинская Наталья Александровна, магистр искусств, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Землянская Елена Николаевна, д-р пед. наук, проф., Московский педагогический государственный университет, г. Москва

Земченко Анна Петровна, студент, Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, г. Витебск, Белоруссия

Зенкевич Ирина Валерьевна, канд. пед. наук, доц., Московский городской психолого-педагогический университет, г. Москва

Злобина Елена Владимировна, ст. преподаватель, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Иванов Андрей Валерьевич, канд. пед. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Ионова Екатерина Николаевна, ст. преподаватель, Владимирский государственный университет им. Столетовых, г. Владимир

Исмагилова Гульнара Романовна, ст. преподаватель, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Кабирова Елена Анатольевна, заместитель директора по воспитательной работе, преподаватель, Бугульминский машиностроительный техникум, г. Бугульма

Казимирова Ольга Николаевна, ст. преподаватель, Омская государственная медицинская академия, г. Омск

Кайшева Раиса Павловна, канд. пед. наук, проф., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Калинин Кирилл Евгеньевич, канд. филол. наук, доц., Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород

Калинина Екатерина Эдуардовна, канд. филол. наук, доц., Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко, г. Глазов

Каримова Римма Хатиповна, канд. филол. наук, доц., Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак

Карташова Валентина Николаевна, д-р пед. наук, проф., Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, г. Елец

Касаткина Татьяна Юрьевна, канд. филол. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Катермина Вероника Викторовна, д-р филол. наук, проф., Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Кацап Ольга Юрьевна, преподаватель, ГБС(К)ОУ школа-интернат № 1 им. К. К. Грота для слепых и слабовидящих, г. Санкт-Петербург

Кириллова Татьяна Львовна, ст. преподаватель, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Климова Лариса Юрьевна, канд. пед. наук, доц., Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, г. Санкт-Петербург

Кнежевич Диана Игоревна, канд. филол. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Коваленко Евгений Игоревич, ст. преподаватель, Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, г. Витебск, Белоруссия

Кожевникова Оксана Вячеславовна, канд. психол. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Козилова Лидия Васильевна, канд. пед. наук, доц., Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, г. Москва

Колдунова Татьяна Федоровна, студент, Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, г. Витебск, Белоруссия

Колодкина Любовь Сергеевна, канд. пед. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Коняева Людмила Александровна, канд. пед. наук, доц., Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Коротун Виктория Юрьевна, студент, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Кочурова Юлия Николаевна, канд. филол. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Кропачева Ксения Игоревна, ст. преподаватель, Вятский государственный университет, г. Киров; аспирант, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород

Кручинина Галина Александровна, ст. преподаватель, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, г. Нижний Новгород

Крючкова Екатерина Игоревна, магистрант, Харбинский педагогический университет, г. Харбин, КНР; соискатель, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Кудрявцева Екатерина Львовна, канд. пед. наук, доц., Институт иностранных языков и медиа-технологий Университета Грайфсвальда, г. Грайфсвальд, Германия

Кудряшова Анна Павловна, канд. филол. наук, доц., Саратовский государственный социально-экономический университет, г. Саратов

Кузнецова Ирина Александровна, канд. пед. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Кузнецова Роза Аркадьевна, канд. пед. наук, доц., филиал Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко, г. Ижевск

Кузьмина Ирина Александровна, ст. преподаватель, Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, г. Витебск, Белоруссия

Лаврентьев Александр Иванович, канд. филол. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Лепишева Елена Михайловна, аспирант, Белорусский государственный университет, г. Минск, Белоруссия

Ли Яцзюнь, д-р пед. наук, проф., Харбинский педагогический университет, г. Харбин, КНР

Лопарева Татьяна Анатольевна, канд. пед. наук, доц., Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров

Мазунова Лидия Константиновна, д-р пед. наук, проф., Башкирский государственный университет, г. Уфа

Максютова Галина Юрьевна, преподаватель, аспирант, МОУ ДОД Центр эстетического воспитания детей «Орнамент», г. Чита

Маратканова Людмила Ивановна, специалист по УМР, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Маханькова Наталья Владимировна, канд. пед. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Медведева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, проф., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Мжельская Ольга Кировна, канд. филол. наук, доц., Омская государственная медицинская академия, г. Омск

Милютинская Наталия Юрьевна, канд. пед. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Минин Игорь Владимирович, канд. ист. наук, доц., Гуманитарно-педагогический колледж им. Куратова, г. Сыктывкар

Минина Ольга Георгиевна, канд. филол. наук, доц., Сыктывкарский государственный университет, г. Сыктывкар

Мифтахутдинова Анастасия Николаевна, канд. пед. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Мороз Наркиза Абриковна, канд. филол. наук, доц., Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, г. Тюмень

Морозова Ольга Владимировна, аспирант, Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, г. Москва

Муромская Эльвира Викторовна, ассистент, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», г. Москва

Мышкина Татьяна Аркадьевна, преподаватель, МБОУ «Гимназия № 6», г. Ижевск

Набиева Альфия Рашитовна, преподаватель, МБОУ «Гимназия № 6», г. Ижевск

Николаева Людмила Михайловна, канд. филол. наук, доц., Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород

Никольская Глафира Николаевна, д-р пед. наук, проф., Институт содержания и методов обучения РАО, г. Москва

Новикова Светлана Юрьевна, канд. филол. наук, доц., Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Нурғалина Халида Бариевна, канд. филол. наук, проф., Сибайский филиал Башкирского государственного университета, г. Сибай

Обухова Ольга Николаевна, ст. преподаватель, Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко, г. Глазов

Орехова Наталья Николаевна, д-р филол. наук, проф., Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко, г. Глазов

Орлова Александра Ивановна, канд. филол. наук, проф., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Осиянова Ольга Михайловна, д-р пед. наук, проф., Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Панина Алёна Николаевна, ст. преподаватель, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Параховская Светлана Владимировна, канд. филол. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Пермякова Наталья Николаевна, преподаватель, МКСКОУ III-IV вида «Якшур-Бодья, Удмуртская Республика

Петров Леонид Игоревич, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Пиврик Диана Юрьевна, студент, Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, г. Витебск, Белоруссия

Плоцкая Юлия Валериевна, ст. преподаватель, Омская государственная медицинская академия, г. Омск

Поторочина Галина Евгеньевна, канд. пед. наук, доц., Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко, г. Глазов

Прима Анастасия Михайловна, канд. филол. наук, ст. преподаватель, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Пронина Наталья Александровна, канд. пед. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Пузатых Александр Николаевич, канд. пед. наук, доц., Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, г. Елец

Пушина Наталья Иосифовна, д-р филол. наук, проф., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Рабенко Софья Дмитриевна, студент, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Ризаева Лалэ Мамедгасановна, аспирант, Башкирский государственный университет, г. Уфа

Родионова Мария Николаевна, преподаватель, Ижевский промышленно-экономический колледж, г. Ижевск, магистрант, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Рупышева Людмила Эрдэмовна, ст. преподаватель, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, г. Улан-Удэ

Сафонов Кирилл Борисович, канд. филос. наук, ст. преподаватель, Новомосковский филиал Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева, г. Новомосковск

Сбитнева Наталья Николаевна, преподаватель, Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, г. Рязань

Свицова Анна Альбертовна, канд. филол. наук, доц., Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров

Сдобников Вадим Витальевич, канд. филол. наук, доц., Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород

Семенова Анна Андреевна, студент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск

Сидорова Елена Владимировна, канд. филол. наук, доц., Воронежский государственный университет, г. Воронеж

Стрелкова Ирина Витальевна, канд. пед. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Сулейманова Альмира Камиловна, д-р филол. наук, проф., Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа

Суслова Юлия Викторовна, ст. преподаватель, Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, г. Сызрань

Сушкова Дарья Андреевна, студент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск

Тартынских Вера Васильевна, канд. пед. наук, доц., Государственный университет управления, г. Москва

Темникова Мариана Гаджиевна, преподаватель, МБОУ «Лингвистический лицей № 25», г. Ижевск

Тимофеев Анатолий Михайлович, канд. пед. наук, доц., Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород

Тойкина Ольга Владимировна, специалист по УМР, соискатель, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Толстоуцкий Владимир Юрьевич, д-р мед. наук, проф., Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

Торопчин Глеб Вячеславович, студент, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Третьякова Мария Владимировна, канд. пед. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Трифоновна Ирина Станиславовна, канд. пед. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Тройникова Екатерина Валентиновна, канд. пед. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Тюкина Анна Игоревна, соискатель, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Утехина Альбина Николаевна, д-р пед. наук, проф., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Фаткулина Римма Фаридовна, канд. пед. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Фатуева Светлана Анатольевна, ассистент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород

Федорова Ирина Александровна, канд. филол. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Федорова Диана Викторовна, преподаватель, МОУ СОШ № 34, г. Ижевск

Филиппова Любовь Васильевна, канд. пед. наук, доц., Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак

Хайруллина Резеда Талгатовна, преподаватель, МБОУ «Гимназия № 6», г. Ижевск

Халиуллина Диля Альфредовна, ст. преподаватель, соискатель, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Хасанова Лилия Ильдусовна, канд. пед. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Хемсакун Чанунпорн, аспирант, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Хенчель Томас, методист, Международный методический совет по вопросам многоязычия и межкультурной коммуникации, г. Грайфсвальд, Германия

Ходырева Татьяна Сергеевна, канд. пед. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Холманских Юлия Сергеевна, ст. преподаватель, аспирант, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь

Хусяинова Юлия Наилевна, ст. преподаватель, Нижегородский филиал Сочинского государственного университета, г. Нижний Новгород

Черных Ольга Юрьевна, магистрант, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Черняк Надежда Валерьевна, ст. преподаватель, Высшая школа экономики, г. Москва

Чесноков Александр Николаевич, канд. тех. наук, доц., Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

Шайхамарданова Марина Юрьевна, преподаватель, МОУ СОШ № 34, г. Ижевск

Шевцова Валерия Владимировна, аспирант, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Шелудько Софья, студент, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Шерикова Алёна Сергеевна, преподаватель, Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, г. Витебск, Белоруссия

Широбокова Валентина Григорьевна, канд. пед. наук, преподаватель, БОУ УР «Удмуртская государственная национальная гимназия», г. Ижевск

Широких Вера Максимовна, канд. филол. наук, доц., Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко, г. Глазов

Широких Елена Александровна, канд. филол. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Штоколова Екатерина Геннадьевна, ст. преподаватель, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Шутова Нелла Максимовна, канд. филол. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Юй Вэй, магистрант, Институт славянских языков Харбинского педагогического университета, г. Харбин (КНР)

Якупова Марина Мансуровна, студент, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

Ярославова Лариса Алексеевна, канд. пед. наук, доц., Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак

Petrova Marinela, Prof., Dr., Université de Vélíko Tarnovo « Sts Cyrille et Méthode », Bulgarie

Pez Peter, Prof. (apl.), Dr., Universität Leuphana, Lüneburg, Deutschland

Reuther Hanna, Dipl.-Psych., M. A., Universität Leuphana, Lüneburg, Deutschland

Ribarova Pavlina, Prof., Dr., Université de Vélíko Tarnovo « Sts Cyrille et Méthode », Bulgarie

Содержание

VII. СОВРЕМЕННОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ В ПОЗНАНИИ КАРТИНЫ МИРА	3
Баталов В. В. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ТВОРЧЕСТВА ИОСИФА БРОДСКОГО	3
Зенкевич И. В. САТИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА В ТВОРЧЕСТВЕ СЕРБСКОГО ПОЭТА-РОМАНТИКА БРАНКО РАДИЧЕВИЧА	7
Лаврентьев А. И. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ СЛОВЕСНОГО ЮМОРА (GENERAL THEORY OF VERBAL HUMOR) НА ПРИМЕРЕ ЛИТЕРАТУР ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ	9
Лепишева Е. М. ЧЕЛОВЕК И СОЦИУМ В ПЬЕСАХ Е. ПОПОВОЙ И РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.	16
Прима А. М. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПЕРСОНАЖЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ (на материале произведений Норы Робертс)	21
Рабенко С. Д. ИРОНИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ПАРОДИИ (на материале романа Дж. Остин «Нортенгерское аббатство»).....	25
VIII. ЛИНГВИСТИКА.....	30
Анохина Ю. М., Семенова А. А. ВЕРЛАН – КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА	30
Аухадиева Ф. С., Третьякова М. В. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДИКАТНЫХ ИМЕН.....	34
Белая Е. Н., Сушкова Д. А. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СЕМАНТИКОЙ «ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА».....	37
Белова Е. Е. К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ТЕКСТА	40
Белова Е. Е. О СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ	43
Большакова В. Н. ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕПРЕТАЦИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ПРИЗНАКОВ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ДОКУМЕНТАХ ПЕРВИЧНОЙ ОТЧЕТНОСТИ УГОЛОВНОЙ СТАТИСТИКИ	45
Буйнова О. Ю. GENERAL TENDENCIES IN THE DEVELOPMENT OF MODERN ENGLISH WORD STOCK. IDIOMS	47

Головко М. Н., Дзенс Н. И. РОЛЬ САНСКРИТА И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ РЕКОНСТРУКЦИИ АРХЕТИПОВ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ	50
Громова В. М. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ОПИСАНИЮ	53
Зданович Е. В. ВИДЫ ТЕСТОВ. КЛАССИФИКАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕСТОВ	54
Калинина Е. Э. ОНИМЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	56
Касаткина Т. Ю. О ЗНАЧЕНИИ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	59
Коваленко Е. И. МАСКИРОВОЧНАЯ И ПАРОЛЬНАЯ ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (на материале белорусских и британских СМИ)	62
Коротун В. Ю. ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕТАФОРЫ В ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ	64
Кочурова Ю. Н. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (английский язык)	67
Кропачева К. И. АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ	70
Кузьмина И. А., Смирнова Д. В. К ВОПРОСУ О СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	74
Нурғалина Х. Б. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПАРНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РЕЧИ (на материале английского, немецкого языков)	76
Параховская С. В. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВФЕМИЗАЦИИ МЕЖДОМЕТИЙ РЕЛИГИОЗНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	78
Плоцкая Ю. В., Казимирова О. Н. ЯЗЫК РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ ГЕРМАНИИ: ХАРАКТЕРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	81
Прима А. М. ГЕНДЕРНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «MOTHERHOOD» – «МАТЕРИНСТВО»: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	83
Сафонов К. Б. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА РЕКЛАМЫ: ОСОБЕННОСТИ ДЕКОДИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ	87
Сидорова Е. В. КОНСТРУКЦИИ С РЕДУЦИРОВАННЫМИ КОМПОНЕНТАМИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	89
Торопчин Г. В. REPLACEMENT OF THE CYRILLIC ALPHABET WITH THE LATIN SCRIPT IN THE FORMER SOVIET REPUBLICS IN THE 1990s-2000s	91

Тюкина А. И. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА СЛОВ, НАЗЫВАЮЩИХ ЭМОЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (в дневнике Ф. Г. Раневской)	93
Федорова И. А. ГРАФИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (на примере итальянского и испанского языков).....	96
Хемсакун Чанунпорн ПРЕФИКСАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ГЛАГОЛА <i>ГОВОРИТЬ</i> КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕГО СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ	100
Petrova Marinela LES EXPRESSIONS COMPARATIVES DE COULEUR EN FRANÇAIS ET LEURS ÉQUIVALENTS EN BULGARE	104
Ribarova Pavlina	111
APERÇU CRITIQUE SUR L'ÂGE DE L'ADOLESCENCE DANS QUELQUES ROMANS D'AMÉLIE NOTHOMB.....	111
IX. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ	116
Аулина М. В. ЭВОЛЮЦИЯ НАМЕНОВАНИЙ В ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЭРГОНИМИИ (XIX–XXI вв.)	116
Бойко Г. И. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА (на материале немецкоязычной литературы).....	118
Боченкова Е. В. ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭРГОНИМЫ г. МАДРИДА (на материале наименований предприятий общественного питания).....	122
Волошина К. С. ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ.....	125
Галимова З. Ф. КОСВЕННЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОМПЛИМЕНТА (на материале «The Oprah Winfrey Show»).....	127
Иванов А. В. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЛУБИННОЙ СТРУКТУРЫ КУЛЬТУРЫ, ОТРАЖЕННОЙ В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ	129
Исмагилова Г. Р. КОДИФИЦИРОВАННЫЕ И ВАРИАНТНОСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМЫ <i>ВЛАСТЬ</i> В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	133
Кнежевич Д. И. К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ <i>ДОМ</i> И <i>КУХА</i> В РУССКОЙ И СЕРБСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ.....	136
Кожевникова О. В. КОННОТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦ (приметы и суеверия о днях недели)	140

Крючкова Е. И. ОБ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.....	144
Медведева Т. С. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.....	149
Мжельская О. К. ПОЗНАНИЕ МИРА ЧЕЛОВЕКОМ, ОТРАЖЕННОЕ В АПЕЛЛЯТИВАХ.....	151
Обухова О. Н. ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ «ЛЕС» (на материале немецких куртуазных романов XII–XIII вв.)	155
Пронина Н. А. ЯЗЫКОВАЯ ИГРА ВО ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ МЕДИАТЕКСТАХ.....	159
Свицова А. А. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КОНЦЕПТА	164
Тойкина О. В. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ РЕЗЮМЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ (на материале европейских лингвокультур)	168
Чесноков А. Н., Якупова М. М. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИТ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ГЕОГЛИФОВ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ.....	172
Шевцова В. В. К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕРМИНА «КОНЦЕПТ»	177
Широких Е. А. О ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ- НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (КОН)	179
IX. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	184
Балицкая И. В. МУЖКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СЕРВИСА И ТУРИЗМА	184
Ворожцова И. Б., Климова Л. Ю. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ УВИДЕННОМ В ОДНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ШКОЛЕ	188
Гальчук О. В. МЕТОД ПРОЕКТОВ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	191
Есенова Т. С., Горяева В. В., Есенова Г. Б., Ностаева Б. А. ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ДЕЙСТВИЙ, РЕЧЕВЫЕ АКТЫ, ЖЕСТЫ И ТАКТИКИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЭТИКЕТНОЙ СИТУАЦИИ «ГОСТЬ В ДОМЕ»	194
Катермина В. В. ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале русского и английского языков).....	199
Орлова А. И., Петров Л. И. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР УДМУРТСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ	203

Пушина Н. И.	
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	205
Родионова М. Н.	
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ (на примере телевизионных сериалов «Жизнь на марсе» и «Обратная сторона луны»)	210
Тимофеев А. М.	
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ	215
Филиппова Л. В., Ярославова Л. А.	
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ВОСПРИЯТИЮ КУЛЬТУРЫ	218
Шерикова А. С.	
ОБУЧЕНИЕ АМЕРИКАНСКОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ КАК ЗАЛОГ УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	221
XI. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	226
Бордюкова М. М.	
СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на примере творчества Дж. Р. Р. Толкина)	226
Борисенко Ю. А.	
ИМПЛИЦИТНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	227
Босова Л. М.	
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА	231
Андрейчик Т. А.	
ТРУДНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ГЕРУНДИЯ (на материале современных художественных текстов)	234
Бурова Е. Г.	
ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ИЗ НОВАЛИСА В РОССИИ	236
Злобина Е. В.	
ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭСТРАДНЫХ ПЕСЕН КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА СПЕЦИФИКУ ИХ СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА	239
Калинин К. Е.	
ЗАЧЕМ НУЖНЫ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА?	241
Кузнецова И. А.	
TRANSLATION AND ENGLISH WRITING: АВТОРСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПИСЬМА У СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ	246
Мороз Н. А.	
ФЕНОМЕН «СМЕХ» В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ» И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	250
Муромская Э. В.	
ПЕРЕВОД – ЯЗЫКОВОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО, СПОСОБ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ И МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	254

Ильина Л. В., Новикова С. Ю.	
ПЕРЕДАЧА ТОПОНИМОВ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА	259
Орехова Н. Н.	
«DER WARJAG» – НЕМЕЦКИЙ ОРИГИНАЛ И РУССКИЙ ПЕРЕВОД	260
Орлова А. И., Булычева Е. А.	
СОПРИКОСНОВЕНИЕ КУЛЬТУР (А. В. Кольцов в переводе на удмуртский язык)	263
Панина А. Н.	
ПРОБЛЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ БАРЬЕРОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале переводческой деятельности)	267
Пиврик Д. Ю.	
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПРИЧАСТИЯ И ПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ.....	269
Сдобников В. В.	
ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА В РАЗНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЯХ: ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА	271
Холманских Ю. С.	
АНАЛИЗ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ПРИ ОТОБРАЖЕНИИ ЗНАКОВ С СЕМАНТИКОЙ ОТРИЦАНИЯ (на материале метафизической поэзии П. Целана).....	277
Шайхамарданова М. Ю., Федорова Д. В.	
ПЕРЕВОД КАК МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ	281
Шелудько С. С.	
ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ КОМИЧЕСКОГО (на материале произведений Вудхауза).....	283
Шутова Н. М.	
КОММУНИКАТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ЗАДАЧА (на материале рекламных текстов, ориентированных на мужскую аудиторию)	285
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	289

Научное издание

**ДИДАКТИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

В двух частях

Часть 2

Филология. Лингвистика

*Материалы всероссийской конференции
с международным участием,
посвященной 75-летию проф. А. Н. Утехиной*

Ответственный за выпуск *А. Н. Мифтахутдинова*
Оригинал-макет: *А. О. Талашев*

Подписано в печать 17.12.2013. Формат 60х84/8.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,1. Уч.-изд. л. 33,8.
Тираж 200 экз. Заказ

Издательство «Удмуртский университет»,
426034, Ижевск, Университетская, 1, корп. 4, ком.
Тел./факс: +7(3412) 500-295 E-mail: editorial@udsu.ru